БЛОК В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ И ДНЕВНИКАХ СОВРЕМЕННИКОВ (1898—1921)

С. М. Алянский, Л. Н. Андреев, В. М. Андрушевич, С. А. Аскольдов, Анна Ахматова, В. Ф. Ахрамович, К. Д. Бальмонт, Ф. Д. Батюшков, Е. П. Безобразова, И. А. Белоусов, Андрей Белый, Н. А. Бердяев, Г. П. Блок, Л. Д. Блок, С. П. Бобров, К. А. Большаков, А. П. Боткина, К. В. Бравич, В. Я. Брюсов, И. М. Брюсова, А. А. Бурнакин, В. П. Веригина, А. Н. Верховская, М. А. Волошин, М. В. Гартевельд, Е. И. Ге, В. М. Гейштор, Е. К. Герцык, М. О. Гершензон, Вл. В. Гиппиус, З. Н. Гиппиус, Т. Н. Гиппиус, Я. В. Годин, Н. Горелов, А. Г. Горнфельд, С. М. Городецкий, В. В. Гофман, З. И. Гржебин, Н. С. Гумилев, М. В. Добужинский, С. Н. Дурылин, Г. Дьяконова, И. В. Евдокимов, А. С. Емельянов, В. М. Жирмунский, М. М. Замятнина, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, В. А. Зоргенфрей, А. П. Иванов, Вяч. И. Иванов, Г. В. Иванов, Е. П. Иванов, Р. В. Иванов-Разумник, В. Н. Ивановский, А. И. Имнайшвили, В. Я. Ирецкий, С. Н. Иридина, С. П. Каблуков, А. С. Каун, Н. П. Киселев, С. В. Киссин, В. Н. Княжнин, Ф. И. Коган, А. М. Кожебаткин, В. Ф. Комиссаржевская, А. А. Кондратьев, Р. И. Котович-Борисяк, А. И. Котылев, Д. А. Крючков, А. А. Кублицкая-Пиоттух, М. П. Кудашева, М. А. Кузмин, А. А. Курсинский, Б. А. Лазаревский, Г. А. Ландау, М. Ф. Ликиардопуло, В. В. Лужский, А. А. Лукьянов, Е. Г. Лундберг, В. С. Люблинская, К. Ю. Ляндау, И. Р. Малкина, С. К. Маковский, Э. К. Метнер, Н. М. Минский, А. Р. Минцлова, С. М. Михайлова, Д. С. Навашин, Т. Налепиньский, Н. В. Недоброво, Ю. А. Никольский, Ф. Ф. Нотгафт, В. Ф. Нувель, Ю. Л. Оболенская, Н. А. Павлович, Б. Перс, П. П. Перцов, А. С. Петровский, Б. А. Пильняк, Ю. Е. Писарева, Н. Г. Полетаев, А. А. Попов, Н. Е. Поярков, Вл. Пяст, И. Я. Рабинович, С. Э. Радлов, А. Д. Радлова, Ю. Л. Ракитин, Т. А. Рачинская, А. М. Ремизов, В. А. Рождественский, А. В. Руманов, Н. Н. Русов, М. В. Сабашникова, Б. А. Садовской, Л. Д. Семенов, С. Н. Сергеев-Ценский, М. И. Сизов, О. В. Синакевич, А. Д. Скалдин, С. А. Соколов, О. К. Соколова, М. С. Соловьев, С. М. Соловьев, О. М. Соловьева, П. С. Соловьева (Allegro), Федор Сологуб, С. Ю. Судейкин, Конст. Эрберг (К. А. Сюннерберг), Г. Э. Тастевен, В. А. Теляковский, А. И. Тиняков, А. Н. Тихонов, Б. В. Томашевский, Т. А. Тургенева, Ф. Ф. Фидлер, Д. В. Философов, В. Ф. Ходасевич, Ал. Н. Чеботаревская, Ан. Н. Чеботаревская, Н. А. Чернявский, Г. И. Чулков, Н. Г. Чулкова, М. Я. Шик, А. В. Ширяевец, Эллис (Л. Л. Кобылинский), В. Ф. Эрн, Ю. И. Юркун, Н. Н. Ястребов

Вступительная статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц

Публикация Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика

Подготовка текстов Ю. П. Благоволиной, Ю. Е. Галаниной, С. С. Гречишкина, Н. М. Иванниковой, Е. В. Ивановой, В. И. Кейдана, А. М. Конечного, В. П. Коршуновой, Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Е. Ю. Литвин, Н. В. Лощинской, В. М. Паперного, А. Е. Парниса, Л. М. Розенблюм, В. Н. Сажина, Р. Д. Тименчика, А. Л. Толмачева, И. А. Фащевской, Т. М. Хромовой, А. П. Юловой, И. П. Якир

Комментарии Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Н. В. Лощинской, Р. Д. Тименчика, при участии М. Л. Гаспарова, В. П. Коршуновой, А. Л. Осповата, А. Е. Парниса и М. А. Рашковской

Редакция «Литературного наследства» уже с первых лет своего существования начала планомерно выявлять и вводить в научный оборот многочисленные свидетельства современников о великих русских писателях, причем не единичные отклики, а обширные комплексы такого рода материалов, извлеченных из неопубликованных писем и дневников. Начало традиции положил пушкинский том, вышедший в свет в 1934 г., затем в томе 58 — «Пушкин. Лермонтов. Гоголь» — появились две обширные публикации «Пушкин в неизданной переписке современников» и «Гоголь в неизданной переписке современников». Сложился и самый тип такой публикации, снабженной исследовательской статьей и комментариями к каждому документу, которые в свою очередь, дополнительно включали малоизвестные или новонайденные архивные материалы. Позднее появились представительные выборки из эпистолярного и дневникового наследия Достоевского и Островского. Теперь уже трудно представить себе сколько-нибудь серьезное исследование о Пушкине, Гоголе или Достоевском, в котором бы не были учтены эти материалы.

Публикуемые ниже фрагменты из писем и дневников современников Блока отражают жизнь, духовное развитие и творческую деятельность поэта от ранних шагов на литературном поприще в начале XX в. до последних дней [1]. Публикация завершается откликами на смерть Блока, первыми словами современников над свежей могилой того, кто был для них средоточием их собственной жизни, собственных чаяний, другом, учителем, символом целой эпохи. Это время коренных сдвигов в истории России и мира, трех войн и трех революций, эпоха «неслыханных перемен, невиданных мятежей» (III, 306). Конечно, не все стороны жизни и деятельности Блока отражены в приводимой переписке современников с одинаковой полнотой. Однако общая линия его становления, тот «путь среди революций — верный путь», о котором писал сам поэт, подчеркивается с большой яркостью. Очевидно также, что путь этот — не только характерная черта блоковского творчества [2], но и черта, понятая современниками, ставшая фактом русской культуры начала нашего столетия и, в свою очередь, многое в этой культуре определившая.

Переписка современников интересна во многих отношениях. Прежде всего, она вносит — порой весьма существенные — уточнения в наши знания о биографии и литературной работе поэта. Теперь становится все сложнее обнаружить какие-то совсем неизвестные эпизоды жизни Блока или, тем более, новые строки его произведений, сведения об их творческой истории, найти какие-то новые фигуры в блоковском окружении и т. д., однако в предлагаемой публикации — множество фактов, впервые вводимых в научный оборот. Всякий раз значение новых сведений раскрывается вполне лишь в самом широком контексте нашего освоения блоковского наследия.

Отметим свидетельства этой публикации об утраченных или разысканных текстах Блока: письма к Ю. Н. Верховскому, письмо к С. М. Соловьеву, фрагменты которого сохранились в составе письма последнего к Андрею Белому и др. Не менее важны и материалы, которые позволяют более обоснованно судить о творческой истории тех или иных блоковских произведений — например, статьи о Стриндберге, о внутренних мотивах некоторых публичных выступлений и т. д. По сравнению с этим второстепенными оказываются немногочисленные варианты блоковских поэтических текстов в переписке Андрея Белого с Э. К. Метнером, второстепенными — поскольку эти варианты восходят к цельному и самостоятельно-значимому корпусу произведений раннего Блока (см. наст. том, кн. 1). Однако с точки зрения текстологии и эти и все другие многочисленные свидетельства данного раздела по истории публикации отдельных произведений и книг поэта представляются необходимыми и ценными.

Более многочисленны в публикуемых материалах свидетельства о развитии в современной Блоку литературе представлений о значении его творчества, от короткого брюсовского «Блока — знаю: он — не поэт» [3] до той поры, когда имя Блока на обложке могло превратиться в условиях утверждения «массовой культуры», девальвировавшей в первую очередь «аристократический» модернизм,— в «фирму» (ср. письмо Навашина к Брюсову, многие письма Тастевена и т. п.). Здесь речь идет об истории публикации во времени всего, что создано Блоком. Потому-то столь интересны ранее не известные факты, связанные с приглашением Блока к участию в различных периодических изданиях и сборниках. Существенны также данные о несостоявшихся литературных предприятиях, которые расширяют представление о диапазоне литературных связей поэта (ср. столь разные издания, как «Перевал» и «Скэтинг-ринк»).

Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Но, конечно, публикуемые материалы интересны более всего тем, что позволяют существенно уточнить многие уже известные эпизоды творческой эволюции, творческих и личных отношений Блока с современниками. С одной стороны, тут обнаруживается особенно наглядно, что всякая биография есть на деле сложнейшее переплетение многих и многих жизненных судеб в их взаимных влияниях, притяжениях и отталкиваниях. Не только понять, но и просто описать, изобразить жизненную драму Блока невозможно, не зная так же детально ролей других участников этой драмы. А. А. Кублицкая-Пиоттух, Л. Д. Блок, Андрей Белый, Е. П. Иванов, Вяч. Иванов и множество других людей, в разные времена близких или, наоборот, враждебных Блоку, проходит перед нами на страницах переписки. Из исторической дали они не равноценны, многие авторы и получатели публикуемых писем, упоминаемые в них лица для ученого важны именно только как современники Блока. Но в своем времени они, как правило, не были связаны пиететом перед Блоком, и потому важно учитывать — для понимания жизни Блока — обстоятельства, логику поведения, нравственные критерии и т. д. десятков его современников.

Зачастую мы сталкиваемся с различными, порой друг другу противопоставленными мнениями, которые, с одной стороны, характеризуют идеологические, литературно-групповые и т. д. позиции пишущих, с другой, проясняют — часто неожиданно — многое и в Блоке, и в его отношениях с окружающими. Вот, например, раздраженная реплика «эстета» Кузмина (в письме к В. Ф. Нувелю 31 июля 1907 г.) по поводу важнейших статей Блока о народе и интеллигенции: «Блок, попав в «Знание», прямо с ума сошел, и читая его статьи в том же «Руне», то слышишь Аничкова, то Чулкова, то, помилуй бог, Луначарского». Эта краткая оценка интересна во многих отношениях. Она не только — очередное свидетельство того, как «эстетическое» крыло русского символизма воспринимало и попытки «Золотого руна» и, в первую очередь, самого Блока, преодолеть эстетизм, индивидуализм и групповую замкнутость, выйти к постановке больших социальных проблем в традициях великой русской литературы. Здесь и отражение взволновавшей модернистов «встречи» символистов с реалистами, и слухи о, казалось, уже совершившемся переходе Блока в «Знание» (из писем Блока к жене выясняется, что и он, и Л. Д. Блок действительно были радостно взволнованы этой нереализовавшейся перспективой сотрудничества с Горьким и Л. Андреевым) [4]. Завершение фразы наводит на мысль об известной правоте наблюдательного Кузмина: действительно, в позиции Блока в 1907—1908 гг. было много объективно общего со статьями А. В. Луначарского этого периода — вопрос, не только не исследованный, но всерьез никогда еще не ставившийся.

Все эти материалы неизмеримо расширяют источниковедческую базу будущих исследований жизни и творчества поэта.

Но не только в сумме отдельных значительных свидетельств современников должно видеть интерес этой и подобных публикаций. Нам хочется подчеркнуть, что в таких работах есть собственный предмет исследования, весьма важный с литературно-исторической и культурно-исторической точек зрения. Мы имеем в виду целостный и особенный, исторически конкретный и неповторимый образ Блока, каким его видела его эпоха. Это — культурно-историческая реальность, неисчерпаемая в богатстве частностей. Из сотен отправителей писем и их получателей, из огромного числа упоминаемых в письмах лиц и состояла жизненная и литературная среда Блока.

Среди русских литераторов блоковского круга были высокие мастера эпистолярного жанра, как Брюсов, или Вяч. Иванов, или Ремизов, были люди, оставившие огромную переписку, как Андрей Белый. Однако описательные письма, а тем более приверженность к подробному изложению в письмах фактов внешней жизни уже тогда становятся редкостью. Счастливые исключения — повествовательные послания, подобные некоторым письмам матери поэта или его жены, Т. Н. Гиппиус, Е. П. и А. П. Ивановых, М. И. Сизова. В тех случаях, когда автор письма ставил себе прямую задачу — описать свое окружение (ср. например, письма Брюсова к жене из Петербурга) Блок почти всегда оказывался фигурой, равноправной со многими другими; характерно, что гораздо внимательнее к Блоку представители младшего поколения его современников, для которых поэт уже неровня, предмет поклонения, особого интереса.

Важнее, однако, иное. Вся мозаика отзывов и свидетельств современников о Блоке состоит из ряда органически развивавшихся «сюжетов», отражавших не только отноше-

ния говорящего и слушающего с Блоком и к Блоку, но и их отношения между собой.

Разумеется, следовало ожидать, что наиболее часто имя Блока будет встречаться в переписке людей из его ближайшего жизненного окружения. Это предусматривала редакция, когда задумывалась и готовилась настоящая публикация. Была насквозь прочитана эпистолярная часть архивов Андрея Белого, Вяч. Иванова, В. Я. Брюсова, Федора Сологуба, Г. И. Чулкова, письма матери поэта и его жены, а также некоторых других лиц, близких Блоку в жизни и литературе. Как раз оттуда и была извлечена бо́льшая часть печатаемых ниже фрагментов. К сожалению, многие и многие архивы людей из ближайшего блоковского круга (С. М. Городецкого, Мережковских, Вл. Пяста, В. А. Зоргенфрея, С. М. Соловьева и т. д.) исчезли, понесли невосполнимые утраты, безнадежно рассеялись или недоступны ныне исследователям. С учетом этого обстоятельства можно заключить, вероятно, что «под знаком Блока» архивы тех людей, с кем поэт прожил свою жизнь, теперь освоены достаточно полно (что, разумеется, не умалит ценности любой новой находки). Важно также осознать, что архивы родственников, друзей и соратников поэта доставляют исследователю всякий раз специфическую, разнохарактерную информацию о нем, в том числе и о его отношениях с каждым из этих лиц.

Собранный материал публикуется в хронологическом порядке, но в нем можно выделить несколько групп — в зависимости от принадлежности отдельных свидетельств и высказываний то истинным спутникам жизни Блока, то в какую-то пору случайным, пусть временно близким, попутчикам и т. д., вплоть до читательских отзывов, которые, по существу дела,— уже просто — ненапечатанные рецензии. Это естественное распределение материала по-своему знаменательно и важно для изучения Блока в его связях с эпохой.

Ряд человеческих связей проходит сквозь всю или почти всю жизнь поэта. В распоряжении составителей публикации были многочисленные фрагменты из переписки родных Блока, Андрея Белого, Е. П. Иванова и др., и только соображения органичности, своего рода «чистоты жанра», требующей документальной привязанности ко времени, заставили отказаться от эпистолярных свидетельств более позднего времени (частично этот материал использован в комментариях).

Среди людей, свидетельства которых о Блоке особенно важны, одно из первых мест принадлежит матери поэта, единственному, по его словам, человеку, с которым он «сходился» во всем» (VIII, 43). Многолетняя переписка А. А. Кублицкой-Пиоттух с М. П. Ивановой, сестрой близкого друга Блока, Евг. Иванова (ей, как известно, Блок посвятил стихотворение «На железной дороге»),—одна из тех, где о Блоке говорится особенно много и ответственно. В этом смысле она может быть сопоставлена лишь с письмами той же А. А. Кублицкой-Пиоттух к родным в конце 1890 — начале 1900-х годов и с ее же письмами к сестре, М. А. Бекетовой, в 1916 и 1918—1921 гг.[5] Однако переписка с родными носит несколько более «заземленный», бытовой характер (хотя отнюдь к быту не сводится). С М. П. Ивановой А. А. Кублицкая-Пиоттух делится своими общими мыслями о жизни, о близких людях; эти письма искренни, «исповедальны», тонко психологичны, а потому особенно интересны. Человек безусловно художественно одаренный, но литературно реализовавший свои способности только в переводах, мать Блока вкладывает в письма глубокий психологизм, ярко своеобразное отношение к миру и людям, оригинальность стиля (и даже особого жанра интеллектуальной дружеской «женской» переписки).

А. А. Кублицкая-Пиоттух не была ни простым, ни «легким» человеком[6]. Исключительно нервная и впечатлительная, она была не меньше Блока подвержена приступам отчаяния, душевного мрака, мучениям совести, жестокому ощущению непоправимости жизни, невозможности ничего изменить в себе и в окружающих. Ее «мрак» нередко ощущался поэтом даже на расстоянии и углублял его собственное ощущение жизни как «страшного мира». Отношения Кублицкой-Пиоттух не только с невесткой, но и с Блоком — а в нем был единственный смысл ее существования — в 1910-е годы далеки от идеальных, а ее страстное вмешательство в семейную жизнь сына зачастую лишь усугубляло трагизм этой разрушающейся жизни, усиливало, а не ослабляло блоковское «taedium vitae».

Но мать Блока — незаурядная личность. Ее суждения о Блоке, об Л. Д. Блок, Л. А. Дельмас и других людях из ближайшего окружения Блока необыкновенно глубоки и многое объясняют в блоковском характере, его человеческих связях и творчестве. Конечно, ее оценки обычно субъективны и порой не столько проясняют что-то в объектах

высказывания, сколько свидетельствуют о ее собственных реакциях на ту или иную жизненную или психологическую ситуацию. Поэтому они сами зачастую нуждаются в «дешифровке», в тонком истолковании и не буквальном прочтении.

Две главных особенности присущи высказываниям матери поэта. Первая — их поразительная близость к мироощущению Блока, близость, которая отнюдь не всегда объяснима его влиянием, а проистекает из духовной и психологической общности. Таковы, к примеру, ощущения А. А. Кублицкой-Пиоттух Петербурга как страшного и гиблого места («Тьма до того нависла над Петербургом, что уж не знаешь, где сны, а где действительность. И кажется, что мерзость запустения уже воцарилась. И хочется, чтобы грянул гром»), ее особое, совершенно лишенное сентиментальности, преклонение перед человеком из народа (ср. ее характеристику образа сиделки Маши в драме Л. Андреева «Мысль») и др. Особенно изумляет глубоко прочувствованная «антигуманистическая» филиппика в письме к М. П. Ивановой от 18 июня 1914 г. Конечно, в ней легко выделить прямые реминисценции из вступления в I главу поэмы «Возмездие»; однако она отнюдь к таким реминисценциям не сводится («Евангелие мне очень далеко, скучно и непонятно 〈...〉 Гуманность опротивела. Вредная она слякоть стала. Нездоровым туманом от нее пахнет»). Ср. у Блока о «гуманистическом тумане», «сером и гнилом тумане», в котором «увяла плоть, и дух погас» — III, 305). Такое совпадение оценок, заметное и в более частных высказываниях (ср., например, защиту футуристов), заставляет придавать особое значение мыслям и чувствам матери поэта. Порой мы видим в них не только отражение, но и генезис каких-то блоковских убеждений или вкусов. Например, 24 апреля 1914 г. А. А. Кублицкая-Пиоттух пишет М. П. Ивановой: «В «Спящей красавице» побывали, это очень хорошо 〈...〉 И я люблю ее, эту вещь, ужасно». Но «Спящая красавица» — сюжет, вошедший с детства в один из самых существенных поэтических «мифов» творчества Блока. Современная жизнь, современная Россия — «спящая красавица» (ср. вступление во II гл. «Возмездия»), и необходим героический «рыцарский» подвиг ее пробуждения (стих. «Сны»). В других случаях мысли Кублицкой-Пиоттух явно помогают нам многое понять в блоковском творчестве, дополняя суждения поэта о нем. В этом смысле интересно ее восприятие драмы «Роза и Крест»: «У него этим кончается драма: Изора соединилась с пажом. У него дело не в женщине, а в Бертране, который и есть центр его драмы». Совпадая с рядом блоковских высказываний об этой драме (ср. VII, 186 и др.), они кое в чем их уточняют.

Любопытна и неожиданна мысль о человеческом (и творческом?) родстве Блока и Флобера в письме от 15 марта 1915 г. (в период работы А. А. Кублицкой-Пиоттух над переводами писем Флобера): «Уж очень он живой, высокий, грешный и несчастный в своей переписке. И уж какая огромная общность с моим сыном!». Чувство такой близости, по-видимому, было свойственно и Блоку и сыграло роль в его совершенно особом «отношении к роману „Сентиментальное воспитание“» (см. III, 298, 323, 337, 437). Тема «Блок и Флобер» еще ждет исследователя.

Вторая особенность мнений А. А. Кублицкой-Пиоттух — их родственная Блоку высокая правдивость и какая-то особая объективность, способность «вознестись» над будничными представлениями и «обычными» страстями, в том числе и собственными. Конечно, в письмах (особенно ранних), мы слышим и «обыкновенный» голос свекрови, то ревнующей невестку к сыну, то боящейся близкой семейной катастрофы и принимающей в критических ситуациях сторону жены сына. Но уже и здесь отношения двух ярких и своеобычных женщин: матери и жены Блока — совершенно лишены тривиальности. Не случайно в сложной для нее личной ситуации Л. Д. Блок хочет посоветоваться со свекровью «не как с матерью Блока, а как с Александрой Андреевной». В конце 1900 — 1910-х годов Александра Андреевна особенно необычно оценивает поведение Л. Д. Блок, вставая на точку зрения Блока. Она полностью поддерживает его решение усыновить ребенка Л. Д. Блок. В письме к Е. П. Иванову от 28 ноября 1908 г. она обвиняет сына, а не невестку в прошлых разладах («Да, это дитя Сашиной несемейственности целого периода жизни»), беспокоится о будущем — и надеется на него («Как-то потом будет. Только бы он его (ребенка) полюбил»). Так же неординарно и ее сопоставление Л. Д. Блок и Л. А. Дельмас и, особенно, оценка невестки в один из труднейших периодов жизни Блока. Старая и больная женщина, живущая в тяжелых условиях голодного и холодного Петрограда, переживающая полосу острых конфликтов с невесткой, А. А. Кублицкая-

Пиоттух равно далека и от настроений прощения, христианского «смирения», и от ненависти к Л. Д. Блок (хотя, конечно, совсем не исключено, что такие вспышки у нее бывали). Совершенно неожиданно жалоба завершается словами: «Любу нельзя не любить. Несмотря на все это, я ее люблю самой настоящей любовью — уж очень много в ней милого, симпатичного и, главное, детского». Семейные отношения Блоков могли быть непереносимо тяжелыми, могли быть «адом», но это были отношения значительных людей, лишенные мелочности и ординарности.

Совсем иные по характеру отзывы о Блоке другой женщины — З. Н. Гиппиус, безусловно сыгравшей известную роль в его жизни. Иногда ее вмешательство в интимные обстоятельства Блоков, как это видно наглядно по публикуемым письмам и самой Гиппиус, и ее сестры, и Белого, доходило до последних границ бесцеремонности (необходимо учитывать, однако, и то, что эти границы в той среде были более чем нестеснительными, и то, что семейная драма Блоков в это время и для них самих имела многих посвященных — Е. П. Иванов, Т. Н. Гиппиус, в какой-то степени — и З. Н. Гиппиус). И все же в продолжении почти двух десятилетий Гиппиус была Блоку неизбежной «совопросницей» — то союзницей, то антагонисткой, вплоть до того времени, когда окончательно развела их Октябрьская революция.

В настоящей публикации более полно представлен ранний этап отношений Блока с Мережковскими — пора утверждения Блока в литературе, поэтому мы остановимся на ней подробнее.

Письма З. Н. Гиппиус к Белому содержательно дополняют ее «мистическую» переписку с Блоком летом 1902 г. (ср. упоминание о ней в письме от 17 сентября 1902 г.) Двойственное отношение к Блоку (как человек — «понравился», но мнение о его стихах — «твердое»: «У него именно нет силы, и когда выражается его собственная сущность — он декадент») одновременно характеризует позицию Гиппиус и как последовательную, и как слегка уклончивую. Последовательную — ибо мнение свое о Блоке как «эстете» и «декаденте» З. Гиппиус, с присущей ей прямолинейной учительностью, не раз высказывала и в письмах Блоку (а, вероятно, и в разговорах с ним) 1902—1905 гг. Так, 9 июля 1902 г. она просит у Блока стихов для подготавливаемого первого номера журнала «Новый путь», но сразу же уточняет свою просьбу: «Не декадентских, а мистических» [7]; в письме от 6 августа Гиппиус пишет, «что вреднее всего для писателя и поэта быть главным образом поэтом (...) Отвлеченные письма и разговоры окончательно убивают человека для человека, делают из него призрак» [8]; в письме от 10 сентября З. Гиппиус критикует стихотворение Блока «Инок шел и нес святые знаки...» (I, 513) за «декадентский туман» и за то, что мистические «маки не победили снега» [9] и т. д. Высказывания З. Гиппиус не следует оценивать прямолинейно. Ее мысли о «декадентстве» Блока самому поэту не представлялись в те годы ни выдумкой, ни тем более клеветой: он и сам этим словом обозначал (с нашей точки зрения, быть может, неточно) собственные поиски эпохи «Распутий» и «Города» (1903—1905), периода разочарования в «соловьевской» мистике и поисков путей к реальности (см. письма к Гиппиус от 14 сентября 1902 г.—VIII, 46 и мн. др.). Тем более любопытно, что Блок шел к преодолению «нового искусства» настолько своими, своеобычными путями, что в его критике символизма (особенно в 1907 — начале 1908 г.) Мережковские совсем не увидели ничего «своего» и подвергли Блока грубой травле.

Но, конечно, оценки Блока в письмах З. Гиппиус к Белому не отражали и всей правды ее весьма сложного отношения к «лунному другу»: в них не видны ни те попытки «тайных влияний» на поэта, о которых Блок помнил и в 1911 г. (см. сон о Гиппиус — З ', 183), ни оттенки ее психологической «демонической» игры с поэтом. Полная картина взаимоотношений Блока и Гиппиус раскрывается лишь при сопоставлении всех известных нам эпистолярных (переписка Блока и Гиппиус, Белого и Гиппиус, Блока с Белым, а также с женой, отцом, матерью, А. В. Гиппиусом, С. М. и М. С. Соловьевыми) и не эпистолярных (дневники Блока и Гиппиус, записные книжки Блока, мемуары Гиппиус, Белого и др.) материалов.

При изучении писем одних и тех же корреспондентов на протяжении десятилетий нужно учитывать закономерность перемен в развитии блоковской темы. Эти изменения сами по себе очень важная характеристика связи того или другого человека с Блоком, они могут отражать как перемены в мировосприятии адресата, так и эволюцию самого

Блока. Один из самых важных источников и для настоящей подборки, и, вероятно, для всякого мыслимого свода свидетельств о поэте — входящая и исходящая корреспонденция Андрея Белого. Здесь последовательно отражаются: пора начальной духовной близости Белого и Блока, их взаимного восхищения; личные драматические отношения — в переписке интимной, литературная вражда — в переписке деловой; новый замысел символистского «братства» в период вынашивания «Трудов и дней»; чисто технические литературные дела после крушения этого замысла и т. д. Не менее характерно и почти полное исчезновение имени Блока из переписки (по крайней мере, нам известной) той же З. Гиппиус 1910-х годов и т. д.

Конечно, у нас нет возможности — да это и не требуется при наличии комментария при каждом письме — характеризовать особо эпистолярные материалы, привадлежащие к другому типу — те, где имя Блока встречается эпизодически. Важно лишь подчеркнуть, что эти упоминания всякий раз так же закономерны, как развитие блоковской темы в перепиcках «сквозных».

И наконец,— последнее замечание: дополнительная трудность многих писем в особой сложности их языка в собственном смысле слова. «Эзотеричность» языка символистов и людей, втянутых в орбиту символистской культуры (таких, к примеру, как мать Блока), не допускающая буквального истолкования многих высказываний, требует внимательного чтения, а в ряде случаев — и прямых разысканий в области языка пишущих, ярких и самобытных художников слова.

В конечном счете, только всесторонний анализ писем современников о Блоке позволит увидеть образ поэта в живой связи с его эпохой. Тут важны и частота упоминаний и самые сочетания в тот или другой период имен корреспондентов, и эмоциональный тонус, и стилистика, и связи с микро- и макроконтекстами (жизненного и творческого пути отправителя или получателя письма, истории их взаимоотношений и т. д.), вплоть до контекста важнейших исторических событий и общественных движений. В отдельности иные из публикуемых свидетельств могли бы показаться случайными, но в своих пересечениях, перекличках, в совокупности они дают единственную цельную и естественную историческую картину. Публикация позволяет. в частности, проследить в самом общем виде историю узнавания Блока современниками, историю признания ими Блока поэтом и выразителем своей эпохи; то, что собранный материал предоставляет такую возможность — вероятно, одна из существенно важных особенностей этой документальной подборки.

Первые фрагменты дают много новых конкретных деталей для знакомства с периодом «долитературной» известности Блока. Наряду со свидетельствами переписки З. Гиппиус с Белым, тут, безусловно, важнейшие материалы извлечены из корреспонденции Белый — Метнер. Она носит не только дружеский и порой деловой характер, но и философско-эстетический. Язык ее несколько напоминает «эзотеризм» переписки Белого с Блоком [10]. И смысл упоминаний Блока здесь тоже тесно связан с письмами Блока Белому и Белого Блоку: таковы и раскрытие идей своеобразного мистического «москвоцентризма» (VIII, 54), определившего противопоставление Москвы и Петербурга в блоковской лирике («Петербургская поэма» и др.), и любопытный рассказ о ближайшем источнике стихотворения Блока «Сижу за ширмой...», соответствующее место в переписке Блока и Белого [11] и др. В отличие от писем З. Гиппиус и от позднейшей переписки Белого, письма Белого этих лет отражают прямое и искреннее восхищение его Блоком и не контрастируют с его же письмами Блоку, а дополняют их. В них нет еще того духа мгновенных изменений и измен, без знания которого нельзя понять письма Белого после 1905 г. Отметим три наиболее значительных момента, касающихся Блока. Первый — описание «сна» в письме Белого от середины декабря 1903 г. Вся образная система сна, его символика и мифология чрезвычайно, до буквальных совпадений родственны и близки Блоку. «Вечное, сонное место ⟨...⟩ как будто усадьба, как будто имение» — тот самый уединенный рай «первой любви», который сыграет столь важную роль в творчестве Блока, от «Песни Судьбы» до цикла «Родина»; «душистая, густая трава», «райской» усадьбы (ср. у Блока: «В густой траве пропадешь с головой...»—III, 247), «мировое шоссе, опоясывающее весь мир» (ср. мотивы пути, ухода из родного дома у Блока); дома остается отец (ср. образы Матери и Елены, остающихся дома ожидать Германа в «Песне Судьбы»): «Но сам этот дом у самого мирового шоссе, и я, странствуя по всему миру, не за-

буду, что не схожу с того самого шоссе, которое пересекает родные места» (ср. мотив возврата в «Песне Судьбы», в стих. «Ветер стих, и слава заревая...», «Последнее напутствие» и др.). Разумеется, здесь не следует искать прямых влияний (текст письма Белого Метнеру, конечно, был Блоку неизвестен, но сходные образы есть и в письмах Белого к Блоку, и в лирике и симфониях Белого). Значительно важнее увидеть тот общий образно-символический мир начала XX в., из которого впоследствии уйдут «по мировому шоссе» два столь разных художника. По-иному интересна переписка Белого и Метнера осенью 1904 г.: она уточняет детали и датировку истории цензурования «Стихов о Прекрасной Даме» в Нижнем Новгороде. Наконец, любопытна подспудно прошедшая в двух переписках (Белый — Блок, Белый — Метнер) полемика о Канте. Антикантианские (антиагностические) настроения характерны, в целом, почти для всех «младших символистов». Отражены они и в «симфониях» Белого (сводку материала см. в комментариях к стихотворению Блока «Сижу за ширмой...»—I, 294), и в его позднейшем творчестве, и в ряде произведений Блока (статья «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», 1906, и др.). Э. К. Метнер, взгляды которого лишь частично пересекались с символизмом (пантеизм мироощущения, многие литературные пристрастия), но в целом символистскими не были, дает 21 декабря 1903 г. суровую отповедь этому «антикантианству». Полемика затухает с тем, чтобы продолжиться в 1907 г. озлобленными нападками Белого на скептицизм уходящего от «соловьевства» Блока.

Хорошо известно, что Блок в первые годы XX в., прежде еще чем его имя появляется в печати, обретает внимательную и признательную аудиторию. Но недостаточно оценен тот факт, что именно тут, в среде московских «соловьевцев» и «аргонавтов» складывается первая по-своему цельная и последовательная концепция блоковского творчества. Расхожее представление о Блоке — певце «Прекрасной Дамы» только в этом кругу лишено всякого налета пошлости, пережито всерьез. Чаяния и обетования ранней лирики Блока для С. М. Соловьева, А. С. Петровского, Эллиса, М. И. Сизова и др. оказываются положительным полюсом и безусловным императивом, с которым оценочно соотносятся все повороты блоковского духовного и литературного пути. Только при учете этой точки отсчета можно понять значимость позднейших инвектив Эллиса, письмо М. И. Сизова к Блоку от 12 июня 1911 г. и др. Истолкование блоковского творчества в религиозно-мистическом ключе отражается впоследствии и в «Воспоминаниях об Александре Блоке» С. М. Соловьева («Письма Александра Блока», с. 9—45).

С 1904 г. имя Блока все чаще встречается в переписке московских и петербургских литераторов-модернистов, и только в эту раннюю пору возможны были такие слова о Блоке, которые теперь могут произвести лишь комический эффект: «Вы, я,— пишет В. В. Гофман А. С. Рославлеву в декабре 1904 г.,— да еще, пожалуй, Ал. Блок — новое поколение в поэзии, молодое трио — в противоположность старому — Бальмонту, Брюсову, Белому, которые представляют собою ценности уже достаточно установившиеся». Блок самое короткое время пребывает в качестве дебютанта, через год подобный отзыв был уже невозможен. Разумеется, и позже можно встретить брань людей бездарных и завистливых: «Вот А. А. Блок говорил мне, что он в 2 недели написал «Снежную Маску», а что в ней путного? Скороспелки не долговечны»,— может написать А. А. Бурнакин И. Ф. Анненскому [12], но всерьез подобные суждения (в отличие от наивного самообмана Виктора Гофмана) принимать уже не приходится. Разумеется, поэзия Блока (а тем более его критика и публицистика) не обязательно принимались с единодушным сочувствием — было бы немыслимо ожидать подобного однообразия в ширящейся неудержимо читательской аудитории. Но независимо от конкретных оценок, симпатий или антипатий значение Блока для внимательных читателей становилось все более очевидным.

1905 год дал громадный толчок творчеству, мировоззрению и духовному росту Блока. Дневник М. А. Бекетовой пестрит записями мыслей Блока о социализме, социал-демократах, о крахе декадентства и т. д. (см. наст. кн.). Вместе с тем хорошо известно, что опыт революции медленно зрел в Блоке, и апогея его рост достиг в 1907—1908 гг., в период создания статей о народе и интеллигенции, драмы «Песня Судьбы» и др. Бурные события революционных лет отразились в оценках Блока современниками в 1906 — 1908 гг. Для понимания этих материалов следует подчеркнуть, что пресловутая «диф-

ференциация» русских символистов в 1907 г., при всей сложности и культурной неоднозначности этого явления, не была ни данью реакционной эпохе, ни, как это порой считают исследователи вслед за известным письмом В. Я. Брюсова к отцу летом 1907 г., простой борьбой символистов за «место под солнцем» [13]. При всей политической наивности, аморфности взглядов большинства русских символистов, при всей богемности и салонности художников «нового искусства», с их культом «я», склонностью к подмене принципиальных разногласий личными амбициями, а принципиальных объединений — тактическими соображениями, при всей безудержной и далеко не всегда принципиальной ярости их взаимных нападок и оскорблений,— журнальные дискуссии 1906—1907 гг. отразили борьбу двух различных тенденций этого течения, определившихся в годы революции и ею определенных. «Петербуржцы» (как их называли в журнальных полемиках и переписке), в первую очередь Ал. Блок и близкие к нему в это время Вяч. Иванов, Чулков и др., были полны пафоса революции, революционной жертвы, «„самосожжения" личности во имя мира и Родины», неославянофильского патриотизма и неонароднического воодушевления. Пафос этот, правда, приобретал у символистов специфический эстетизированный облик. Воспевалась красота разрушения, поэзия гибели, хаоса, говорилось о неизбежности исчезновения культуры, личности — всех высших духовных ценностей современного мира. Многое и многое можно возразить против этой поэтизации разрушения в свете позднейшего исторического и культурного опыта России, но совершенно очевидно, что именно эта среда первоначально была наиболее близкой стихийническому пафосу статей Блока о народе и интеллигенции и революционного цикла «Ямбы» — пафосу, перелившемуся в поэму «Двенадцать». При всей эфемерности «мистического анархизма» Г. Чулкова и Вяч. Иванова, сочувствие Чулкова идеям социализма (хотя порой и весьма наивно истолкованным) очевидно. «Бунтарские» тенденции зачастую соединялись с пафосом национальным, столь близким Блоку 1907 — 1908 гг., и со стремлением к «синтезу», к освоению реалистического наследия. Вершинным выражением всех этих устремлений была попытка ряда символистов и, прежде всего Блока, сблизиться с Горьким и Андреевым, участвовать в сборниках «Знание». Следует еще раз подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о единстве последователей эфемерного «мистического анархизма». Блок уже летом 1907 г. полностью отошел от него, и даже Вяч. Иванов отказался считать изложение своих позитивных идеалов реальной программой какой-то отдельной группировки; Г. Чулков совершенно явно организационно оказался в одиночестве. Речь идет об ином — о внутреннем единстве устремлений ряда наиболее радикально настроенных символистов.

Их антагонисты из журнала «Весы», в сущности, были еще менее едины в своих устремлениях. «Весы» объединяли такого принципиального в те годы эстета, как Брюсов, «догматического» символиста, мистика Эллиса, либерально настроенных «парижан» Мережковских и Философова, восставших против «безответственной болтовни» Г. Чулкова во имя идеалов «религиозной общественности» [14], и Андрея Белого, в сумбурной позиции которого настроения, навеянные революцией 1905 г., перемежались с критикой радикализма (действительно, весьма «туманного») «петербуржцев», а ярость нападок, особенно на Блока, зачастую определялась личными мотивами. И все же несмотря на это, можно говорить о некоей попытке создания единой программы. Глубокая противоречивость символизма как литературного течения проявилась и здесь. Защищая лозунги «чистого» эстетизма, чуждого политическим целям и духу революции (ср. в особенности статьи Эллиса), «весовцы» вместе с тем тонко нащупывают самое уязвимое место своих противников — пафос разрушения культуры — и неутомимо по нему бьют. «Основным оружием, которое применяли сотрудники «Весов» в этой упорной и затяжной войне, было понятие «культуры», пишут современные исследователи символистской журналистики» [15], замечая одновременно, «что подход весовцев к культуре отличался крайней субъективностью и модернистской специфичностью, «аристократическим эстетизмом», ориентацией на элитарные слои индивидуалистической интеллигенции, резким разрывом с демократическими традициями» [16]. Итак, важнейшей линией размежевания была ориентация на общественные интересы и задачи (преодоление индивидуализма), дух все «ломающей» эпохи, соединенный с утопиями «новой культуры» «соборного индивидуализма» и «нигилизма», с одной стороны, и эстетизм, сочетающийся с культурным пафосом, с апологией культурной традиции — с другой. Не менее существенны и другие

линии полемики: растущая ориентация части «петербуржцев» (особенно Блока и С. Городецкого) на искусство национально окрашенное, а «Весов» — на европейский модерн, стремление «Факелов», «Перевала» и отчасти «Золотого руна» к сближению с реалистами-современниками и отчасти (более всего — у Блока) с реалистической традицией искусства XIX в., идеи «реалистического символизма» Вяч. Иванова — и «весовские» идеалы эзотерической символистской культуры.

Но, как уже говорилось, специфические навыки социального мышления, наивная «комнатность» символистского радикализма, годами сознательно культивируемый индивидуализм, порой выражавший действительные трагедии человеческой разобщенности,— все это мешало полемике представителей двух тенденций определиться как принципиальной. Не менее важна и вторая причина: обе тенденции возникали внутри символизма, обеим был в высшей степени присущ типично символистский панэстетизм, выйти из рамок которого не смогли ни «петербуржцы», ни «весовцы». Поэтому полемика, при всей ее ожесточенности не могла выйти из круга эстетических проблем разрушения и созидания культуры. Это резко ограничивало позицию каждой из сторон. Поэтому когда память о бурях 1905—1906 гг. ослабела, символисты вновь поставили свои личные отношения художников выше «внеэстетических» разногласий, и полемика «Весов» и «Золотого руна» утратила актуальность. Но это примирение означало и исчерпанность внутренних живых потенций символизма. Оно совпало с «кризисом» и концом течения.

Блок, в 1906—1908 гг. уже зрелый и самобытный художник, постоянно стремится к выработке собственной линии поведения. Увлеченный в 1905—1906 гг. пафосом разрушения старого мира (ср. в особенности образы анархистов и финал драмы «Король на площади», 1906), Блок испытывает известные влияния и Вяч. Иванова, и даже Г. Чулкова, однако испытывает их до попыток оформления «мистического анархизма» в «теорию» или в «направление общественной мысли». В этом последнем качестве «мистический анархизм» сразу же оттолкнул Блока — и как мертвая догма, и по существу своей «доктрины». Преодоление влияний «мистического анархизма» помогло Блоку сформулировать ряд важнейших положений периода статей о народе и интеллигенции. Это — мысль о бесплодности «чисто» интуитивного импрессионистически субъективного взгляда на мир («При всей неточности своего мировоззрения я сознаю, что теория из настроения создана быть не может и не должна»). Поэтому Блок стремится к «окончательному разрыву с теми тенденциями, которые желают поставить на *первый план* его *«зыблемость* (мистический анархизм и, значит адогматизм, иррационализм и т. д.)» (письмо Андрею Белому 15—17 августа 1907 г.—VIII, 203). Преодолевая настроения, связанные с воззрениями Чулкова и Вяч. Иванова и с изумительной объективностью выделяя важные для себя мысли в истерических нападках Белого, Блок все больше ощущает наивность и вредность культурного нигилизма: «Мое несогласие с Вяч. Ивановым (варварство)» (ЗК, 96); «с мистическими анархистами в литературу проникла какая-то негодная струя. Отношение к культуре не бережно» (ЗК, 97) и т. д. Летом — осенью 1907 г. Блок и публично, и в письмах (см.: VIII, 200, 202—203), и в дневниковых записях полностью порывает с «мистическим анархизмом» и зачастую ощущает большую связь с «Весами» («„Весы“ в настоящий момент — самый боевой журнал в России»— ЗК, 97). Однако бурный рост демократических настроений отводит Блока от «Золотого руна», в котором он продолжает интенсивно выступать как критик, хотя, разумеется, не может не знать о «мистико-анархических» симпатиях Г. Э. Тастевена, секретаря журнала, во многом определявшего его направленность. Летом — осенью 1908 г. он уже решительно отвергает программу «Весов»: «Распроститься с «Весами». Бойкот новой западной литературы» (ЗК, 113),— так завершает Блок свою известную запись от 12 сентября о необходимости возродить традиции революционно-демократического добролюбовского «Современника». И, наконец, зимой 1908 —начала 1909 г. Блок действительно становится вне любых внутрисимволистских полемик, объявляя все течение исчерпавшим себя и иронически говоря о «дифференциации» как слове, лишенном внутреннего смысла» (V, 340—343).

Все эти сложные поиски Блока, да и вся ситуация, связанная с внутрисимволистской «дифференциацией», существенно уточняются публикуемыми материалами переписки. Так, выясняется резко отрицательное отношение к Блоку 1907—1908 гг. символистов «старого», декадентского, закала. Н. М. Минский убежден, что «пьеса идиота Блока»

«убьет» театр Коммиссаржевской (см. с. 260). З. Гиппиус с присущей ей «теоретичностью» и неумением увидеть сквозь сложившееся заранее мнение живой путь живого человека все еще видит в Блоке «эстета» и призывает уйти от изысканной «пищи» его творчества к демократической «капусте» (письмо В. Я. Брюсову от 16(29) июня 1907 г. см. с. 287). Смысл этой неприязни обнажает письмо Д. В. Философова Андрею Белому от 9(22) августа 1907 г. Присоединяясь, вместе с Мережковским, к «Весам», он пишет: «А поход против Петербурга начать следует. Явно, что Блок и Чулков соединились с Андреевым против нас. Моя роль окончена. Явно никогда не простится мне хула на Горького и Андреева!» (см. с. 292). Позиция Мережковских, истоки которой ведут к декадентству 1890-х годов, вполне идентична в 1907 г. и взглядам «эстета» 1900-х годов М.А. Кузмина: его отзыв о Блоке — не только «знаньевце», но и «ученике» марксиста Луначарского приводился выше.

Существенные особенности тех устремлений русского символизма, которые, определившись в «Вопросах жизни», затем перешли — через «Перевал» — в «Золотое руно», проясняются из переписки Г. Э. Тастевена с Чулковым. Так, 30 августа 1907 г. Тастевен пишет, что если обновленная редакция «Золотого руна» сможет вернуть таких сотрудников, как реалисты Л. Андреев и Б. Зайцев (возможно, речь идет и об И. Бунине), то «Руно» явилось бы выразителем самого молодого и жизненного из современных течений» (см. с. 298). В следующем письме Тастевена, написанном между 30 августа и 2 сентября 1907 г., содержатся уже прямые идеологические характеристики противников («„Весы" в сущности прекрасно сознают реакционность своей идеологической платформы») и формулировки собственной программы («преодоление индивидуализма» и «переоценка эстетического индивидуализма»). Крайне интересно сообщение о том, что какие-то шаги к привлечению в «Золотое руно» Андреева и Зайцева «собирался предпринять» сам Блок. Любопытное дополнение и уточнение к вопросу о линиях размежевания «петербуржцев» и «весовцев» вносит письмо А. Вира (А. А. Попова) к будущему известному советскому ученому Б. В. Томашевскому: «Интересное явление, довольно знаменательное: Бальмонт пишет прозу, С. Городецкий — тоже. М. Волошин написал рассказ ⟨...⟩ Это очень и очень хорошо». Хотя названные имена и общий смысл высказывания говорят — и не без оснований — о повороте к прозе всего русского символизма конца 1900-х годов (ср. прозу В. Брюсова, начало поворота к прозе в творчестве Белого и т. д.), однако «петербуржцы» с их ориентацией на национальную прозаическую традицию (Гоголь, Достоевский, отчасти — особенно у Блока — Л. Толстой) и на творчество современных прозаиков-реалистов (Горький, Андреев) внесли в этот поворот особый вклад.

Вместе с тем письма С. А. Соколова и Г. Э. Тастевена совершенно очевидно свидетельствуют, что позиция «ортодоксов» «мистического анархизма» была весьма далекой от блоковской и во многом ей чуждой (то же, хотя и в меньшей мере, характерно для отношения названных литераторов к Вяч. Иванову). Для С. А. Соколова упрощенная публицистика Г. Чулкова настолько понятней высокой поэзии блоковских статей, что он решается даже на малоблаговидный поступок: получив от Блока статью о театре В. Ф. Коммиссаржевской, он сообщает ему, что, якобы, статья на эту тему ранее уже была им заказана Чулкову. Но и более принципиальный Тастевен тоже предпочитает чулковскую публицистику блоковской (см. его письмо Чулкову от 15 августа 1908 г.). Из переписки видно и несколько опасливое отношение людей типа Соколова, Тастевена и Чулкова — символистских публицистов, пламенных поборников «направленчества» — к тем большим художникам, чей путь на каких-то его отрезках совпал с программой «Факелов», «Перевала» или «Золотого руна», но внутренне был свободным и вел от символизма. Речь идет, конечно, в первую очередь, о Блоке.

Так, С. А. Соколов 5 февраля 1907 г. пишет Г. Чулкову: «Ваша рецензия о Брюсове — весьма остроумна и дьявольски ядовита. Меня только вводит в сомнение то место ее ⟨...⟩, где трактуется о «потомст⟨венном⟩ почетн⟨ом⟩ гражданине» и о «наполеоновской» позе ⟨...⟩ Как думаете Вы, не начнет ли тот же Иванов или Блок вопиять, что это не истинный критический прием, а выпад личного характера? Что это место в высшей степени метко бьет в цель, в этом для меня нет сомнения». Почти дословное повторение тех же опасений — в письме Тастевена Чулкову от конца января — начала февраля 1908 г. и др.

Внутренняя далекость как будто бы идейно близких Г. Чулкова или Г. Тастевена, с одной стороны, и Блока и Вяч. Иванова — с другой,— любопытный факт истории русского символизма. Блок все дальше уходит от всяких групповых программ, неумолимо приближаясь к своей известной формулировке 1910-х годов: «Никаких символизмов больше». Вяч. Иванов идет совершенно иными путями, все последовательнее выявляя основные предпосылки своей религиозной постславянофильской публицистики; но и он не считает для себя групповые требования сколь-либо обязательными. Для обоих художников представления о личной или профессиональной (литературной) этике оказываются бесконечно выше этики групповой. Безусловный «индивидуализм» такого поведения (Блок не раз именно так характеризовал его), вместе с тем был единственно возможным для этих писателей путем разрыва с символизмом как частным явлением модернизма, с литературно-кружковыми догмами. Очевидно, что конфронтация «петербуржцев» и «весовцев» имела смысл в годы, овеянные революцией, и потеряла его во времена столыпинской реакции, когда символизм в целом исчерпал потенции своего творческого развития. Пламенный, но поверхностный «групповой» энтузиазм Чулкова или Тастевена этим настроениям не подвластен именно потому, что носители его находятся внутри переживающего агонию направления. Именно поэтому они спокойно применяют в критике те же грубые приемы, что и «весовцы», бесконечно повторяют утрачивающие смысл в новых исторических ситуациях лозунги, а для поддержания группового престижа не гнушаются, например, приглашением в журнал Ан. Каменского, чьи порнографические и пошлые произведения Блок уничтожающе критиковал еще в 1907 г. (ср. V, 123, 229).

Тастевен пытается сохранить «групповую» программу и тактику в 1909 г., когда она потеряла практический смысл и даже... в 1910 г., когда «Золотое руно» прекратило свое существование. Но это была гальванизация трупа: не только журнал, но и символизм в целом завершали круг своего существования.

К концу 1900-х годов литературная репутация Блока становится определенной и прочной: Блок — «имя» первой величины. И если в 1905—1906 гг. заинтересованы в появлении этого имени на афише литературного собрания или в списке сотрудников журнала были прежде всего модернисты, стремившиеся сделать как можно более представительными новые групповые выступления, то уже в 1907 г., а чем далее — тем более имя Блока привлекает все более широкий круг организаторов литературного дела. Именно количественный рост подобных приглашений сам по себе красноречиво свидетельствует о росте славы Блока. Отсюда — распадение на две группы многочисленных в настоящей подборке документов о связи поэта с самыми различными издательствами, журналами, газетами, театрами, устроителями литературных вечеров, лекций, концертов. Конечно, между серьезными «Трудами и днями», хотя и не принятыми в конце концов Блоком, между любимым им «Алконостом» и каким-либо «Скэтинг-ринком» множество переходных звеньев. В каждом отдельном случае необходимо пристальное рассмотрение всех характеристик литературного предприятия, чтобы понять причины отказа или согласия Блока участвовать в нем. Только так можно должным образом понять изменчивую во времени линию отношений Блока с различными изданиями. Публикуемые материалы помогают выявить этот аспект литературной и общественной деятельности Блока. С другой стороны, каждое упоминание о поэте в связи с тем или иным литературным предприятием — вплоть до заказа рецензии — уже самим тоном своим (безоглядного причисления к «своим», рассчетом на известное имя, боязнью получить отказ и т. д.)— есть немаловажная черта к портрету Блока в глазах его современников.

С этой точки зрения публикуемые документы дают много нового. Среди этого пестрого материала следует отметить многочисленные свидетельства неучастия Блока в тех или иных литературных — символистских или околосимволистских — начинаниях (чествование Бальмонта в марте 1912 г., заседания «Академии стиха» и т. п.). Так же, внешне не мотивированно, отказывается он от визитов к недавним друзьям, от приема их и т. д. Современников, и близких Блоку и далеких от него, такие факты удивляют, огорчают (иногда они, совсем несправедливо, истолковываются как «декадентская» надменность или барство, как это было с непринятым поэтом Ал. Ширяевцем). Обратившись к дневникам, письмам и записным книжкам поэта, в большинстве случаев мы узнаем, что такое «замыкание в себе» — неслучайно, что объясняется оно все чаще настроениями «последнего отчаяния», ужаса жизни в «страшном мире». Однако этот процесс имел и другое

объяснение. Блок все резче отходит от «своего» мира и все чаще стремится найти свое место в мире, далеком от символизма, «интеллигенции», даже от искусства. И он, не пошедший на юбилей Бальмонта, в дни самой черной меланхолии, читает дневник никому не ведомой О. К. Соколовой (Мартино), тратит 4 часа на разговор с ней, пытается через А. В. Руманова организовать публикацию этого дневника (см. письмо О. К. Соколовой А. В. Руманову от 4 февраля 1912 г. и комментарий к нему). Блок не случайно возвращается к идее опубликовать «Дневник женщины, которую никто не любил», и дописывает предисловие к нему в дни апогея своих революционных настроений в начале 1918 г. В дневнике Соколовой он слышит голос «некультурной Руси», к которому прислушивается все предреволюционное десятилетие, уходя от шума юбилеев и утомительных «интеллигентских» разговоров.

Один из интересных углов зрения, под которым можно рассматривать историю взаимоотношений Блока с современниками — изучение ее в связи с той или иной конкретной читательской аудиторией. Среди публикуемых откликов читателей можно выделить две наиболее интересные группы: высказывания литераторов младшего поколения и свидетельства признаний Блока у массовой аудитории.

В первых хорошо просматриваются характернейшие черты литературного процесса в русском модернизме — лихорадочная смена «школ», громогласные литературные раздоры и т. п. Одно из самых ранних заявлений в этом роде принадлежало С. Городецкому, под разными флагами и позже повторявшему его многократно. Любопытно следить за нарастанием «антиблоковских» и «пробрюсовских», предакмеистических настроений в письмах Гумилева; с другой стороны — переход от Блока к Белому С. Боброва, как известно, в молодости поэта футуристской ориентации. Подобные высказывания поэтов позволят, по-видимому, исследователям рассмотреть какие-то черты литературных исканий, в манифестах, рецензиях и статьях выявляющиеся осложненно или приглушенно.

Не менее интересны размышления о Блоке его молодых читателей — будущих литературоведов. Отметим прежде всего новаторскую для своего времени мысль Б. В. Томашевского о том, что творчество Блока — не только «лирика», но и «попытка разобраться в «хаотическом беспорядке» лирических переживаний ⟨...⟩ И ему многое удается — мы понимаем, объединяем его переживания, и нам уже представляется он не в виде обрывочных стихов (разве можно у Блока выделить хоть одно стихотворение), а в виде цельного мира». Представление о блоковской лирике как «цельном мире» удивительно предваряет современные концепции творчества поэта.

Свидетельства об интересе к Блоку в русской читательской массе тем более важны, что они сравнительно редки. Редки, правда, только относительно, поскольку представляют огромные человеческие контингенты малым числом фиксированных высказываний (косвенные свидетельства — в тиражах блоковских книг, в широком спросе на блоковские произведения). Редкость читательских отзывов обусловлена еще и трудностью их выявления — легко программировать поиски документов в архивах людей из ближайшего жизненного и литературного окружения Блока, и практически невозможно наперед предположить, где обнаружится документ интересующего нас сейчас содержания.

Конечно, некоторые формулировки из писем «далеких» читателей показывают, что Блок приходит к ним в «обойме» модернистской литературы. Но и тут необходимо выделить одну многозначительную деталь: литературное предложение часто встречает определенно выраженный литературный спрос — в традициях высокого интереса и уважения к печатному слову, характерных для русской демократической культуры. Так, 7 февраля 1912 г. политический ссыльно-поселенец из села Манзурка Иркутской губернии А. С. Емельянов пишет В. Я. Брюсову о кружке ссыльных, «поставившем своей целью более или менее серьезное и глубокое ознакомление с новейшей российской художественной литературой». Среди наиболее интересных для членов кружка поэтов, чьи произведения они хотели бы получить, назван и Блок. Интересуются творчеством Блока и эмигранты в Чикаго.

Но, конечно, наиболее часты отзывы о Блоке студенческой молодежи, издавна в России жившей литературными и театральными увлечениями. И тут характерно постепенное постижение и блоковского новаторства по отношению к традициям, и развития блоковских тем и поэтики. Достаточно сравнить то, что пишет о «Балаганчике» и его премьере Е. Андрушевич в конце 1906 г. с изложением вполне «квалифицированных» «московских

разговоров» о Блоке в письме А. И. Тинякова, отправленном шесть лет спустя: «Там теперь нередко можно слышать, что Блока противопоставляют Брюсову и склонны считать его верховным вождем русской поэзии». Указание на кружок Л. Н. Столицы (ср. также комментарий) свидетельствует, что долго господствовавшее в читательских кругах и поддержанное критикой представление о Блоке как поэте-мистике или позже — «декаденте», сменяется восприятием его творчества как ярко национальной лирики. На первое место в читательском сознании выступает Блок — певец России. Это восприятие свойственно не только религиозно и национально настроенной молодежи из кружка Л. Столицы, но и совсем иному читателю, например, социал-демократически настроенной юной Л. Рейснер: недавние разыскания С. Б. Шоломовой показали, что для Рейснер Блок — прежде всего автор стихов о России, мучительно ищущий пути к Родине [17]. (См. также сообщение «Л. Рейснер о Блоке» в кн. 4 наст. тома).

Читательскому восприятию Блока 1910-х годов присуща характерная черта — постоянное противопоставление Блока Брюсову. И «блоковцы» и «брюсовцы» равно восторженно принимая одного из корифеев русского символизма, энергично отвергают другого. Это видно не только из процитированного письма, но и из многих других. Так, А. Кондратьев с огорчением пишет 19 марта 1912 г. о том, что сидевшие неподалеку от него на чествовании 25-летия литературной деятельности Бальмонта курсистки равно *сожалели об отсутствии Брюсова и Блока (а также «тяготели и к Вячеславу Иванову»)*. Такое восприятие символизма теперь кажется, конечно, устаревшим, «курсистки» провинциальными. Возникло оно в значительной мере под влиянием резкой полемики В. Брюсова (в статье «О „речи рабской“», в защиту поэзии, 1910) с Блоком и Вяч. Ивановым по вопросу о «кризисе символизма», его исторических задачах и роли (ср. письма Д. С. Навашина Брюсову от 9 июля и 15 августа 1910 г. и др. материалы раздела). Однако истоки его коренятся, без сомнения, в самом творчестве сопоставляемых поэтов. В 1910-х годах (возможно, под влиянием критики символизма акмеистами и полемики символистов с акмеизмом и «адамизмом») читатель начинает отделять «эстетические» установки поэзии Брюсова от «внелитературных» устремлений такого органического лирика, как Блок, к народу, Родине, действительности и современности. Творчество «защищающего поэзию» Брюсова ассоциируется с интересом к форме, экспериментальностью и «конструктивностью», с «классицистической» верностью правилам,— лирика Блока воспринимается как идейная, романтически-«музыкальная», иррационально-страстная, живая. Такое восприятие, при некотором схематизме и упрощенной антитетичности, было в значительной мере адекватным и, кроме того, вполне соответствовало автохарактеристикам своих позиций как Брюсовым, так и Блоком (это же противопоставление позже отразится в такой итоговой статье Блока, как «Без божества, без вдохновенья», 1921). Не удивительно, что молодежь, которую волнуют вопросы смысла жизни, идейного самоопределения, тянется именно к Блоку. Именно в этой среде зарождается и вызревает восприятие Блока как голоса и души эпохи.

Образ Блока приобретает в сознании современников законченность, становится почти символическим в годы революции. В этом смысле показательны суждения — Ю. А. Никольского как свидетельство человека, чья любовь к Блоку была трагически «обманута». Юноша, в 1910-х годах «влюбленный» в Блока, писавший о нем восторженные статьи, он и после Октября не расстается с творчеством Блока. После первых попыток истолковать «Двенадцать» как произведение антиреволюционное Ю. Никольский приходит к мысли о Блоке как пророке и чуть ли не... виновнике революции. Это, сделанное со столь далеких Блоку позиций признание, так же симптоматично, как и замечательные слова нелюбимого поэтом Гумилева: «Это прекраснейший образчик человека. Если бы прилетели к нам марсиане и нужно было бы показать им человека, я бы только его и показал — вот, мол, что такое человек» (с. 529).

Частота упоминаний о Блоке в письмах его современников — в сочетании с характером этих упоминаний — может быть интересна и под другим углом зрения. Если присмотреться к хронологии и частоте появления тех или иных фамилий, можно заметить, что одни из них (немногие) встречаются на всем протяжении публикации, другие появляются в определенные периоды, потом — реже или совсем исчезают, смененные новыми; и очень важны сочетания имен между собой в каждый отдельный период. В письмах ранней поры перемешиваются биографические факты, отзывы о блоковских стихах, о его лите-

ратурных делах. Здесь, кроме родных, постоянно встречаются имена А. Белого, С. М. Соловьева и др. Плотность упоминаний достигает максимума в 1907—1908 гг. Позже все резче разделяются письма близких к Блоку и от него далеких, круг первых становится все уже, вторых — все шире, и многие из первого переходят во второй. Только после революции подле Блока оказываются новые близкие, люди совсем нового поколения — С. М. Алянский, Е. Ф. Книпович, Н. А. Павлович. За этими особенностями данной публикации — не одна только история жизни Блока в литературе (от безвестности начинающего к всероссийской славе), не только истории его личных отношений с тем или другим современником, другом, попутчиком. Тут перед нами — коренное направление всей его жизни. Блок уводил себя из мира людей, дорогих ему в юности и молодости (и мало кто из них сумел или захотел — и был допущен — пройти с ним все этапы его жизни). Блок вырывался, чем дальше, тем с более горьким, подчас озлобленным упорством, подчас с гордой уверенностью за будущее — из своей литературной и общественной среды. Это хорошо известно по его стихам, статьям, письмам, дневникам. Новый поворот жизни и творчества Блока, связанный с революцией, отчетливо отразился и в публикуемых письмах современников.

Из всех послеоктябрьских материалов выделяется по значению (что не умаляет, однако, ценности любого другого из печатаемых фрагментов) цельный комплекс писем А. А. Кублицкой-Пиоттух к разным лицам. Каждой своей строкой они подтверждают сказанное когда-то матерью поэта в письме к М. П. Ивановой: «Грех мой в том, что весь мир мой в нем». Переписка матери превратилась в эти годы в своеобразный «дневник о сыне». Через тяготы семейных отношений и переживаемых этой семьей — вместе с Родиной — лишений перед читателем встает мужественный работник, человек, поэт.

Смерть Блока ощущалась современниками как личная трагедия, трагедия русской культуры. Но с мыслями о Блоке-художнике, путь которого, по словам С. Городецкого, «был далеко впереди», связываются у современников и представления о будущем. В записке А. Белому неподписавшийся слушатель его лекции о Блоке (на воскреснике Вольфилы 9 октября 1921 г.) оценивает эпоху с помощью символов великой поэмы: «А. Блок и т. Бугаев живут во время Мировой Революции, и мы с т. Бугаевым двигаемся к тому времени, когда двенадцать красногвардейцев пройдут с окраин европейских городов по их площадям, и вместо прекрасного далека вся земля станет мировой близью». По-особому звучали в 1921 г. слова А. С. Петровского, одного из самых ранних в России почитателей блоковского дара, назвавшего поэта «наследником Лермонтова, отчасти Гоголя, Толстого, у которого правда жизни была высшим критерием надо всем».

Основная работа по сбору материала для настоящего раздела велась в крупнейших архивохранилищах Москвы и Ленинграда, преимущественно в ЦГАЛИ, ГБЛ, ИМЛИ, ИРЛИ, ГПБ; единичные фрагменты были разысканы в архивах других городов: Вильнюса, Куйбышева, Тбилиси, а также в частных собраниях. Просмотрены письма около 5000 корреспондентов. В публикацию включено 918 фрагментов из писем и дневников современников Блока.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В распоряжении составителей этого раздела тома оказалось несколько отрывков из писем ближайших родственников поэта, содержащих упоминания о нем в годы детства, отрочества, юности. Их включение в подборку представлялось неорганичным, настолько фрагментарно эти материалы отражают ранние этапы жизни Блока, сравнительно с полнотою ряда свидетельств более поздних. Поэтому решено было начать раздел первыми отзывами и упоминаниями о Блоке-поэте.

[2] См. об этом: Д. Е. Максимов. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока — В его кн.: «Поэзия и проза Александра Блока». Л., 1975.

[3] Петр Перцов. Ранний Блок. М., 1922, с. 24.

[4] ЛН, т. 89.

[5] См.: «Из писем А. А. Кублицкой-Пиоттух к Бекетовым». Вступ. ст. и публ. З. Г. Минц, прим. М. Э. Коор.— «Блоковский сб.» 2.

[6] См.: М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л., 1925.

[7] ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26, л. 2 об.

[8] Там же, л. 4.

[9] Там же, л. 8.
[10] См. об этом: Вл. Орлов. История одной «дружбы — вражды». — В его кн.: «Пути и судьбы». Л., 1971.
[11] «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 60, 63.
[12] Письмо от 4 апреля 1908 г.— ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 303, л. 4 об. (сообщено Р. Д. Тименчиком)
[13] И. Ямпольский. Валерий Брюсов и первая русская революция.— ЛН, т. 15.
[14] «Брюсов и „Весы"» — ЛН, т. 85, с. 289.
[15] Там же, с. 295.
[16] Там же, с. 296.
[17] С. Б. Шоломова. Ал. Блок и Лариса Рейснер.— «Блоковский сб.», 4.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Дедово, 1 июня 1898 г.〉

〈...〉 К вам непременно хочет приехать, и скоро, Сережа один. Есть ли где ему спать и можете ли вы за ним выслать? Мне кажется, он, как маленький, не то что большие; да и он такой особенный. Если неловко за ним выслать или холод будет продолжаться, то, конечно, я его не пущу. Но ты напиши об этом (и есть ли где спать) [1]. Письмо мое о стихах пропало, верно я оставила его в Москве [2].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 37 и об.

Об О. М. Соловьевой см. в кн.1 наст. тома, с. 222—227, 233, 308. Ее письма к матери Блока (ответные, видимо, не сохранились) представляют собой важнейший источник для биографии поэта. Они частично цитировались исследователями, но в полном объеме «блоковские» фрагменты публикуются впервые здесь.

[1] Предполагавшаяся поездка Сергея Соловьева в Шахматово не состоялась.
[2] Ср. ниже письмо от 19 октября 1898 г. Речь идет о не дошедшем до нас первом отзыве Соловьевой на присланные ей матерью поэта стихотворения Блока.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Дедово, август, не позднее 9, 1898 г.〉

〈...〉 Я была сначала очень разочарована, что ты не приехала с Сашей, но потом — нет, это лучше, пожалуй [1]. 〈...〉 Тут же приготовления к спектаклю, что, когда в дело замешаны девочки [2], страстно желающие быть во всей красе,— всегда сопровождается осложнениями. Ах, что ни говори, мальчики тысячу раз лучше девочек. Тут же готовится и фейерверк, 〈...〉 Да, Наташа [3] говорила сегодня, что ты непременно покажешь ей мое письмо, если она попросит. Неужели? Саша говорит, что нет, и я уверена, что нет. Если ты будешь обнародовать,— скажи заранее и увидишь, какие я тогда буду писать [4]. 〈...〉

Ты, верно, удивляешься, что я ничего не пишу о Саше. Я мало его узнала внутри, а снаружи — нахожу, что он очень красив. Ужасно люблю этот тип, совершенно Ван-Диковский портрет. Боюсь сказать тебе, что сначала он показался мне похож на Филипа IV в молодости, портрет Веласкеза. Филип IV очень не красив, но что ж мне делать? Саша очень красив, но напомнил мне его сразу. А костюм Ван-Диковский ужасно бы к нему шел. Я не могла с ним познакомиться, потому что он очень занят и на разрыв, да и скучно ему было бы. Сережа от него в восторге и Саша сделался для него авторитетом решительно во всех вопросах.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп 1, ед. хр. 551, л. 24—27 об. Датируется по дню приезда Соловьевых (см. прим. 1) и упоминанию спектакля в Дедове (см. прим. 2).

Блок первый раз побывал в Дедове тем летом, в начале июля, когда Соловьевы были на курорте в Аренсбурге; тогда же был намечен дедовский спектакль с участием Блока (см.: «Письма к родным», I, с. 41; С. Лесневский. Путь, открытый взорам. Московская земля в жизни Александра Блока. Биографическая хроника. М., 1980, с. 71).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ И М. А. БЕКЕТОВА В ШАХМАТОВЕ
Фотография, 1894
Институт русской литературы АН СССР, Москва

Во второй приезд, о котором и идет речь в письме Соловьевой, Блок привозил с собою беловую тетрадь своих стихотворений, куда С. Соловьев вписал свое «Море жизни» («Было тихо море жизни...»). При нем помета Блока: «Написано в Дедове 8 августа» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29 об.).

[1] Далее Соловьева описывает «ужасный какой-то сумбур» бытовых неурядиц; ср. в письме Блока к матери от 7 августа 1898 г.: «Сережа — мальчик очень симпатичный и славный. Соловьевы приехали 1 августа и очень милы. Все жалеют, что ни тебя, ни тети Мани нет, почему-то думали, что вы непременно приедете, врут вообще достаточно, кроме Соловьевых, которые сдержанны и сидя в своем флигеле. Тетя Оля собирается написать тебе письмо, чтобы я привез его с собой. 10-го непременно приеду, к несчастию, не раньше» («Письма к родным», I, с. 42).

[2] Речь идет о М. В. Коваленской (ср. письмо С. М. Соловьева к Блоку от 31 октября 1904 г. — наст. т., кн. 1, с. 384). С нею Блок встретился по дороге в Дедово (С. Л е с н е в с к и й. Указ соч. с. 78). В состоявшемся 9 августа спектакле М. В. Коваленская играла Марину Мнишек в сцене у фонтана из пушкинского «Бориса Годунова», Блок был Самозванцем. Кроме того исполнялся отрывок из «Орлеанской Девы» Шиллера (Блок — граф Дюнуа, С. Соловьев — король Карл) — см. VII, 341; «Письма к родным», I, с. 42; «Письма», 1925, с. 12; С. Л е с н е в с к и й, Указ. соч., с. 78—79. Возможно, играл и отрывок из гоголевской «Женитьбы», во всяком случае, шли ее репетиции, чем объясня-

ется описание позднейшего дедовского спектакля в письме С. Соловьева Блоку от 6 августа 1911 г. (наст. т., кн. 1, с. 403).

[3] Н. М. Дементьева (см. прим. 1 к письму С. М. Соловьева Блоку от 2 августа 1899 г.— наст. т., кн. 1, с. 324), жившая в Петербурге и, по-видимому, поддерживавшая достаточно близкие отношения с А. А. Кублицкой-Пиоттух. По всей вероятности, на выносе тела Н. М. Дементьевой во время проводов гроба на вокзал (тело было доставлено в Москву) 10 февраля 1900 г. Блок единственный раз в жизни видел Владимира Соловьева — «Новое время», 1900, № 8604, 9 февр.; печатно были объявлены также панихиды, на которых мог присутствовать Блок,— 8 февраля в час дня и восемь часов вечера. О встрече с Вл. Соловьевым см. V, 446; VIII, 128. Блок говорит о поразившем его неожиданном исчезновении Соловьева — оно объясняется, скорее всего тем, что философ должен был торопиться на чествование А. М. Жемчужникова — см. «Новое время», 1900, № 8606, 11 февр.; «Россия», 1900, № 287, 11 февр.

[4] Соловьева в своих письмах к Кублицкой-Пиоттух неоднократно подчеркивала таким образом исключительную доверительность их переписки.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Дедово, 27 августа 1898 г.〉

Скажи Саше, что я очень благодарю его за стихи [1] и очень бы желала продолжения, мне очень интересно, как это пойдет дальше, и я бы желала быть au courant *. Пусть не забывает, что в Москве в доме Рахманова [2] есть тетя Оля, которая принимает в нем большое участие. Ты спрашиваешь, что я думаю о его театральных планах [3]. Это вопрос очень сложный и если бы я думала, что могу повлиять в какую-нибудь сторону, то, конечно, ничего бы не стала говорить, а теперь скажу. Не понимаю, отчего все матери пугаются, когда их дети хотят поступать на сцену (т. е., главное, сыновья). Что же тут ужасного? Говорят обыкновенно, что можно, пожалуй, быть актером, если быть не менее Сальвини [4]; но и этого я не понимаю; во всякой деятельности, конечно, ужасно хорошо быть самым лучшим, но хуже ли занимать второе место **, занимаясь искусством, чем чем-нибудь другим — это я не знаю. Конечно, нужно иметь талант, и есть ли он у Саши, я тоже не знаю, так как видела его в самых неподходящих обстоятельствах [5]. Но все это очень сложно, и если бы дело шло о Сереже, я очень боялась бы ошибиться. Я, впрочем, никогда не решаю никаких важных вопросов и полагаюсь во всем на Мишу [6].

Крепко целую тебя и кланяюсь Францу [7] и Саше.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 28—28 об.

[1] Скорее всего Блок по отъезде из Дедова прислал Соловьевой свои стихи, какие именно — неизвестно.

[2] Дом в Москве, на углу Арбата и Денежного переулка, где жили Соловьевы.

[3] Блок, как известно, в это время мечтал о сценической карьере.

[4] Томазо *Сальвини* (1829—1914) — знаменитый итальянский трагик.

[5] Т. е. на любительском спектакле в Дедове — см. письмо 2; ср. также в воспоминаниях С. М. Соловьева о встрече с Блоком в 1898 г. в Дедове: «В то время он увлекался декламацией Шекспировских монологов. Декламировал на лужайках сада монологи Гамлета и Отелло, громко крича, отчаянно жестикулируя» («Письма Александра Блока», с. 12).

[6] М. С. Соловьев, муж Ольги Михайловны.

[7] Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

19 окт〈ября 1898 г.〉

〈...〉 Стихи Саши «Непонятною тоскою» мне нравятся [1],— хотя не так, как тебе, и меньше, чем другие: «Я шел к блаженству», по-моему лучше и оригинальнее [2]. «Волшебный круг» мне кажется как-то искусственно, хотя это выражение есть у Фета, но там оно иначе употреблено [3]. Мне кажется,

* в курсе (*франц.*).

** Рассчитывать на первое в чем бы то ни было никогда нельзя наверное (Прим. автора).

нельзя нарочно войти в волшебный круг: в нем то и волшебно, что в него попадают, совсем этого не сознавая и не понимая. Вообще в стихах есть неровности и есть корявости, которые, по-моему, не выкупаются остальным, «Ночь темна и непонятна» очень хорошо, но «*все — где*» мне кажется коряво [4]. Первые две с половиной строчки очень хороши, и для них он как будто написал все остальное. Нет, «Я шел к блаженству» гораздо лучше и сильнее и оригинальнее, он мне этим особенно угодил. Переехав в Москву, я перерыла все, отыскивая те трое стихов, что ты прислала мне перед весною и на которые я написала длинную критику тебе; и ни критики, ни стихов не нашла [5]. Значит, я запрятала все это так, что оно лежит где-нибудь с вещами, которые никак не надо терять, а потому почти нельзя найти. Где? в каком-нибудь из моих многочисленных закоулков среди книг, рисунков, этюдов, папок и писем. Все равно, что на дне моря. Ты, впрочем, совсем не знаешь нашей квартиры и не знаешь, как мы живем. Я сниму нашу большую комнату (это гостиная, столовая, мастерская и место, где я всегда сижу). По-моему у нас очень красиво, хотя другим, должно быть, покажется, что очень бедно и что нельзя покрывать столы коричневым коленкором и старыми пледами. А мне кажется хорошо. Но дело не в том; очень мне жаль, что я не нахожу этих стихов; особенно последних, третьих (на последней странице). Эти стихи — к верующему другу, то есть таков их общий смысл. Если ты очень добрая, то пришли мне их опять. Ты ведь не рассердилась, что я так раскритиковала «*Непонятною тоскою*», которое тебе нравится. Я знаю, что это бывает очень неприятно, и сама не сержусь почти никогда, когда другим не нравится то, что мне нравится, только потому, что как-то вообще чувствую, что никто ничего не понимает и что этого нечего и требовать. А иначе сержусь; а ты? Впрочем, конечно, ты сердишься.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 30—31 об.

[1] Речь идет о стихотворении «Отрывок» («Непонятною тоскою...»), присланном Соловьевой самим Блоком (см. выше, письмо от 27 августа 1898 г.) или его матерью.

[2] Речь идет о присланном Соловьевой (см. прим. 1) стихотворении «Я шел к блаженству. Путь блестел...»

[3] Соловьева говорит, вероятно, о стихотворении Фета «Прости! во мгле воспоминанья...» Ср. в стихотворении Блока «Отрывок», отдельные выражения которого Соловьева разбирает ниже:

Непонятною тоскою
Дышит ночь. Приди, мой друг!
Вот стезя: ночной порою
Мы войдем в волшебный круг!
Ночь темна и непонятна,
Все от нас сокрыто мглой,
Где чиста и благодатна
Говорит звезда с звездой... (I, 142).

Нужно отметить, что Фет, Жуковский (эпиграф из которого стоит перед стихотворением «Я стремлюсь к роскошной воле...», написанным 7 августа 1898 г. в Дедове) были любимыми поэтами О. М. и М. С. Соловьевых, и юношеские поэтические привязанности Блока должны были только укрепиться под их влиянием; С. М. Соловьев посылал Блоку стихи Фета, которых тот еще не знал (см. его письмо к поэту от 22 августа 1899 г.— наст. т., кн. 1), он же двадцать лет спустя писал о первых опытах Блока, вспоминая встречу 1898 г.: «Во всем подражал Фету, идей еще не было, но пел» («Письма Александра Блока» с. 12).

[4] О «корявости» раннего Блока говорил и воспитанный на общении с Соловьевой Андрей Белый — см. ниже его письмо к Э. К. Метнеру от 7 августа 1902 г.

[5] Ср. выше письмо Соловьевой от 1 июня 1898 г.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

Дедово, 12 июля 1899 г.

Во-первых, тетя Соня [1] говорит, что Саша собирался к ней. Пожалуйста, напиши, когда он думает к ней ехать, чтобы Сергей мог выехать в Крюково и ехать вместе с ним. Тете Соне будет приятно, если Сережа приедет, но с Са-

шей мы бы его отпустили гораздо охотнее. Если Саша отложит до августа, то Сергею было бы лучше ⟨...⟩ Но если Саше лучше ехать теперь, то ты этим не затрудняйся, мы еще с весны обещали Сереже отпустить его одного к товарищу в Пушкино, а от Пушкина проехать до Трубицына на тети-Сониных лошадях уж не страшно. Если бы он поехал с Сашей, то все равно приехал бы от Пушкина сюда один, потому что там надо немножко остаться у товарища; но с Сашей ему было бы очень весело.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 38.

[1] С. Г. Карелина.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

Дедово, 28 июля ⟨18⟩99 г.

Милая Аля, если Саша еще не раздумал ехать к тете Соне [1], то пускай он назначит Сереже день и час, списавшись предварительно с тетей Соней, чтобы она выслала лошадей. Сергей не хочет сам назначать, потому что, может быть, и не поедет, и мы не хотим стеснять Сашу, пускай едет, когда ему удобно. Я уже не раз говорила, что положительно отказываюсь быть посредницей в этом сложном деле, обратившемся в совершенную путаницу благодаря разным обстоятельствам. Коля Марков [2], к которому Сергей *должен* ехать в Пушкино, сам теперь здесь, уедет в субботу и хочет увезти Сережу. Наташа [3] собирается в начале августа к Троице и предлагает довести Сергея до Пушкина. Сергей *хочет ехать с Сашей в Трубицыно*, а в горле у него белые бугорки не проходят уже месяц, погода очень гадкая, горло надо полоскать ⟨...⟩ Мне ужасно совестно, если мы задержим Сашу и стесним его. Словом, вот что: пускай Саша спишется с т⟨етей⟩ Соней, напишет Сергею, в какой день и час будет в Крюкове, и выйдет на платформу в Крюкове, иначе Сергей его ни за что не найдет и сейчас уже волнуется об этом [4].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 40.

[1] С. Г. Карелина.

[2] См. прим. 1 к письму С. М. Соловьева к Блоку от 2 августа 1899 г.— наст. т., кн. 1, с. 324.

[3] Н. М. Дементьева.

[4] За этим письмом О. М. Соловьевой последовало упомянутое в прим. 2 письмо С. М. Соловьева к Блоку, решившее совместную поездку в Трубицино. Блок брал с собою беловую тетрадь стихотворений, куда Сергей Соловьев вписал тогда же свои,— «7 августа 1899 года в Трубицине»—пометил Блок (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 1, л. 80 об.— 83 об., 97 об.— 99). Как у самого Блока в поздних дневниковых записях (VII, 341—342), в воспоминаниях Соловьева поездки 1898 г. в Трубицино и Дедово и 1899 г. в Трубицино путаются. В самом деле, Соловьев относит их к 1898 г., заявляя, что «несколько лет потом мы не виделись»: он пропускает и поездки 1899 г. в Трубицино, и посещение летом 1901 г. Блоком Дедова (см. ниже). Свои впечатления от ранних стихов Блока Соловьев передает так: «Писал стереотипные стихи о соловьях и розах, воспевал Офелию, но уже что-то мощное и чарующее подымалось в его напевах. Помню, как совсем околдовали меня его стихи «Из потухавшего камина неясный сумрак ночи плыл», и «Полный месяц встал над лугом» («Письма Александра Блока», с. 12). Но если «стихи о соловьях и розах» (см. I, 374—375, 377—381) Соловьев действительно мог уже слышать в августе 1898 г., то стихи, подсказанные шекспировскими образами, относятся к концу 1898 г. (I, 11, 390, и др.), а «Одиночество» («Река несла по ветру льдины...»), где в каноническом тексте стоит: «Из отпылавшего камина//Неясный мрак вечерний плыл» (I, 335) — помечены 25 января 1899 г., их Блок мог читать Соловьеву только летом этого года.

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Дедово, 11 августа 1901 г.

⟨...⟩ А я все делаю из симметрии. Теперь, 15 августа, буду говеть, читать апостола Павла и стихотворения В. С. Соловьева. Так было в прошлом году. ⟨...⟩ Начал печататься третий том сочинений В. С. Соловьева [1]. В этот том войдут: «Чтения о Богочеловечестве», «На пути к истинной философии», «Три

речи в память Достоевского» и «Религиозные основы жизни». Одним словом, то самое, что Лев Мих⟨айлович⟩ [2] назвал «богословские сочинения Вл. Соловьева» (при этом держал папиросу между указательным и средним пальцем). Относительно статьи Введенского о двух Владимирах Соловьевых — вздор [3]. Оба В. Соловьева совместимы. Один дополняет другого, и каждый в своей исключительности уродлив. Поэтому Новгородцев [4] и Введенский — два урода. Теперь у меня гостит мой родственник, студент Петербургского университета — Блок, стихи которого я вам читал. Он теперь весь ушел в стихотворения моего дяди и пишет сам религиозно-мистические стихотворенья, которые мне очень нравятся. Мы с ним ведем такого рода разговоры: «имеет ли стихотворение В. С. Соловьева «Вся в лазури сегодня явилась» непосредственную связь с «Тремя свиданиями»? — «Имеет» и т. д. Я нахожусь, следовательно, в своей природной стихии. Величко напечатал в «Новом времени» три стихотворения памяти В. Соловьева. Весьма недурны [5].

ГБЛ, ф. 25, к. 25, ед. хр. 1, л. 33—36. Автограф. К письму приложены стихотворения С. М. Соловьева, посвященные памяти Вл. Соловьева,— «Среди мирских пустых тревог...» и «Памяти Владимира Соловьева» («С силой мрака вступивши в борьбу.. »).

Письмо помогает воссоздать атмосферу лета 1901 г., когда Блок осознал себя «соловьевцем». За встречей в Дедове (ср. VIII, 22—23) последовала непродолжительная, но самая насыщенная его переписка с М. С. Соловьевым (см. наст. т., кн. 1, с. 407—413). Поэт привозил в Дедово вторую беловую тетрадь своих стихотворений, куда Сергей Соловьев занес собственные стихи — ИРЛИ, ф. 654, ед. хр. 2, л. 83 об.— 95, с позднейшей пометой владельца: «Переписано в Дедове в соловьевском флигеле (сгорел в 1906 году)»; стихи Соловьева расположились между блоковскими, датированными 6 и 11 августа 1901 г.

[1] Речь идет о первом посмертном издании собрания сочинений Вл. Соловьева; его только что вышедший из печати первый том М. С. Соловьев подарил Блоку в Дедове (VII, 344); последующие тома по выходе также посылались Блоку — см. наст. т., кн. 1, с. 395, 409, 412.

[2] Лев Михайлович *Лопатин* (1855—1920) — философ, ближайший друг Вл. Соловьева.

[3] Имеется в виду речь А. И. Введенского «О мистицизме и критицизме в теории познания В. С. Соловьева», произнесенная 3 декабря 1900 г. в посвященном памяти философа публичном заседании Санкт-Петербургского философского общества (опубликована: «Вопросы философии и психологии», 1901, № 1, янв.— февр., а также в кн.: Александр Введенский. Философские очерки. Вып. 1. О философии в России, о мистицизме и критицизме В. С. Соловьева, о свободе воли, о смысле жизни, об отношениях веры к знанию. СПб., 1901, с. 39—68). В этой речи Введенский утверждал, что к концу жизни Вл. Соловьев в корне изменил свое начальное учение о мистицизме (как способности непосредственного постижения мира духовного); в первую пору он, по Введенскому, находил, что этой способностью наделены все люди, чем и обеспечивается возможность «веры, воображения и творчества»; в последние годы Соловьев находил эту способность принципиально не всеобщей, но свойственной только «пророкам» (это учение Соловьева оказало большое влияние на эстетические взгляды русских символистов, в частности, Блока и Сергея Соловьева). Блок высоко ценил А. И. Введенского, у которого занимался в университете (VIII, 26, 28, 40), и был знаком с «Философскими очерками» (ЗК, 32, 34).

[4] По-видимому, речь идет о статье П. Новгородцева «Идея права в философии В. С. Соловьева» («Вопросы философии и психологии», 1901, № 1, янв.— февр.). Новгородцев односторонне представил Вл. Соловьева защитником либерально-демократической идеи права, открыто или между строк отрицая при этом некоторые центральные пункты его проповеди, в частности, столь дорогую для «соловьевцев» веру в пророческое служение (там же, с. 128).

[5] Речь идет о цикле стихотворений Василия Величко: «Памяти Вл. С. Соловьева. (К годовому дню его кончины). I. Над могилою твоей... II. Как мрачно и холодно, холодно стало... III. Тебе легко! Ты отлетел туда...» — «Новое время», 1901, № 9123, 29 июля.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

22 августа ⟨1901 г.⟩ Дедово

Милая Аля, спасибо тебе за письмо и за то, что ты пишешь мне о Сереже [1]. Я давно тебе не писала, а главное — ты мне не писала, и потому я как-то потеряла связь с тобой, не вижу тебя и не знаю, что теперь ты любишь, что думаешь и что тебе кажется интересно [2].

Сережа говорит, что тебе интересно все, что и нам, и утверждает сверх того, что ты «идеальная женщина». Видишь, что твоя симпатия к нему чуть ли не более, чем обоюдная.

Саша приехала от вас очень довольная и как-будто совершенно здоровая [3]. <...> То, что она всех вас видела и вы были с ней так ласковы и она увидела, что ее любят, и очутилась в другом месте, принесло ей большую пользу, успокоило и поддержало ее. Я горжусь, что это я выдумала всю эту поездку и с необыкновенной быстротой послала в Крюково за лошадьми и уложила мешок. <...>

Ты спрашиваешь меня о моей дружбе с Гиппиус, но Саша (твой) наверно все тебе об этом рассказал [4]. Гиппиус пишет мне очень интересные письма, не знаю только, надолго ли этого хватит. Многое из того, что она пишет (печатает), мне очень нравится, и во всем, что она пишет даже очень хорошего, есть какое-то для меня обещание, что это она так пока, а что она может написать гораздо лучше. Все, что мне об ней рассказывали люди, ее видевшие (кроме Миши [5]), мне не нравится совсем, но, во-первых, Миша говорит другое, а во-вторых, если и то — правда отчасти, то все-таки мне кажется, в ней есть способность быть совсем хорошей. Она очень меня интересует и я буду жалеть, когда наша переписка умрет естественною смертью.

Крепко целую тебя и всех твоих. Нам очень хорошо было с твоим Сашей, мы, Соловьевы, считаем, что он не только твой, но отчасти и наш, и относимся к нему соответственно.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 46 и об.

[1] Около 20 августа Сергей Соловьев и А. М. Марконет посетили Шахматово; между стихотворениями Блока, датированными 18 и 21 августа 1901 г. в его тетради беловых автографов Соловьев вписал свои стихотворения, под пометой Блока — «Переписано в Шахматове во флигеле» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 2, л. 97—101; ср. письмо Соловьева к Блоку от 16 августа 1901 г. — наст. т. кн. 1, с. 325).

[2] По-видимому, в переписке кузин был перерыв с лета 1899 г. по лето 1901 г.

[3] Речь идет об А. М. Марконет, страдавшей душевным расстройством.

[4] Имена З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского впервые возникают в переписке О. М. Соловьевой с матерью поэта еще в 1896—1897 гг.; из писем Соловьевой явствует, что их творчеством живо интересовалась и Кублицкая-Пиоттух (иногда даже высылавшая произведения Гиппиус в Москву). Факт этот значителен для реконструкции литературных впечатлений блоковской юности, поскольку трудно допустить, чтобы Блок не был знаком с писателями, привлекавшими мать и, в какой-то степени, с отзывами на них Соловьевой (ср., между прочим, упоминание Блока о его «просматриванье» «Северного вестника» с произведениями Гиппиус в 1900 г.— VII, 342). В частности, 29 июня 1896 г. Соловьева писала: «Прочла я недавно «Вечные спутники» Мережковского. Читала ли ты это? Все что об Русских — по-моему неинтересно, все остальное — и ужасно интересно, и красиво, особенно понравились мне «Акрополь» и «Кальдерон» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 4 об.). Затем — 25 марта 1897 г.: «Я еще не читала рассказа Гиппиус, не могла достать, но очень хочу прочесть и достану непременно. Я очень люблю Гиппиус, хотя нахожу у нее огромные недостатки, и главное, мне мешает, что у нее воображение какое-то болезненное, искривленное. Ужасно люблю здоровую, гармоническую, светлую поэзию. По-моему она могла бы писать великолепно, если бы кто-нибудь из нее вытряс всю эту дурь. Впрочем, я не читала последнего рассказа» (там же, л. 13 об.). И все же в это время отношение Соловьевой к Гиппиус было скорее отрицательным; так 18 мая 1897 г. она писала матери поэта о ней: «Прочла я вчера «Среди мертвых» и сама не могла сначала понять, отчего это мне стало тошно от такой поэтической вещи. Теперь поняла — все это «нарочно». Слишком сладко, не могу. Это не поэзия, а поэтичничанье: знаешь, некоторые люди кажутся слишком чистоплотными, и всегда производит впечатление, что человек должно быть сам по себе ужасно был бы грязен, если ему понадобилось так себя устроить для чистоты. Такие бывают мужчины-франты. То же самое мне показалось и в Гиппиус. Парка в своем виде ей мало — нужно смотреть на него, для поэзии, через голубое стекло. Шарлотта, простая девушка, тысячу раз бывавшая в кухне и, вероятно, покупавшая говядину, чуть не падает в обморок при виде мясной лавки. Нет, это все нарочно. Не сердись, если я тебя обижаю, что же мне делать — не нравится» (там же, л. 14 об. — 15; ср. там же, л. 48 об.) Но к 1901 г. отношение Соловьевой к Гиппиус существенно изменилось, и как видно из комментируемого письма, между ними шла интенсивная переписка, нам не известная.

[5] М. С. Соловьев.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

3 сент<ября 1901 г.> Москва.

Милая Аля, я только что хотела писать тебе, когда получила Твое письмо. Мне хотелось поскорее сообщить тебе одну приятную вещь. Сашины стихи произвели необыкновенное, трудно-описуемое, удивительное, громадное

ДОМ В ШАХМАТОВЕ. БЛОК — В ОКНЕ МЕЗОНИНА. НА КРЫЛЬЦЕ СТОИТ А. Ф. КУБЛИЦКИЙ-ПИОТТУХ, СПРАВА НА ТЕРРАСЕ — М. А. БЕКЕТОВА

Фотография, 1894

Литературный музей, Москва

впечатление на Борю Бугаева, мнением которого все мы очень дорожим и которого я считаю самым понимающим из всех, кого мы знаем [1]. Боря показал стихи своему другу Петровскому, очень странному, мистическому и фантастическому молодому человеку, которого мы не знаем, и на Петровского впечатление было такое же [2]. Что говорил по поводу стихов Боря — лучше не передавать, потому что звучит слишком преувеличенно, но мне это приятно и тебе я думаю будет тоже. Я еще более, чем прежде, советую Саше непременно послать их в «Мир искусства» или Брюсову [3]. Это непременно и нужно сделать. Мише [4] нравится и Боре нравится, не говоря обо мне и Сереже. И Петровскому нравится, который уж совсем в стороне. Боря сейчас же написал, по поводу Сашиных стихов, стихи, которые посвятил Сергею.— Вот они.

Пусть на рассвете туманно,
Знаю — желанное близко!
Видишь как тает нежданно
Образ вдали василиска!

Пусть все тревожно и странно!..

Пусть на рассвете туманно,
— Знаю, желанное близко!..

* * *

Нежен восток побледневший,
Знаешь ли — ночь на исходе?
Слышишь ли вздох о свободе,
Вздох ветерка улетевший, —
Весть о грядущем восходе?..

Белые к сердцу цветы я
Вновь прижимаю невольно...
Эти мечты золотыя.
Эти улыбки святыя
В сердце вонзаются больно.

Спит кипарис онемевший,
Знаешь ли, ночь на исходе?

Белые к сердцу цветы я
Вновь прижимаю невольно [5].

Я совсем не знаю «Молитву» Гиппиус, пришли мне, если можешь вспомнить [6].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 47—48 об.

[1] Б. Н. Бугаев (будущий Андрей Белый) не раз упоминался в письмах Соловьевой и прежде. Так, еще в 1897 г. она писала: «Наше подрастающее поколение — Сергей и его друг Боря Бугаев, которому, впрочем, уже 17 лет, с головою погружены в поэтов. Сергею это немножко рано, но что же делать, он очень любит Борю, а Боря на этом замешан. Как жаль, что Саши нет здесь! Вот бы актер. Вопреки всему у нас беспрестанные репетиции» (там же, л. 17 об.). 9 февраля 1898 г., рассказывая о сыне, она сообщала: «Он-то редко сидит ⟨дома⟩ как бы то ни было, или у него Боря или он у Бори ⟨...⟩. Беда в том, что все его товарищи не особенно мне нравятся, т. е. главное не нравятся их родители. Один Боря, хотя и не блистает родителями, но сам хорош, кроме чрезмерного пристрастия к самым туманным и сложным вещам, совершенно неподходящим к его и тем более Сережиному возрасту. Мы уже немало принуждены были останавливать Сергея, который вздумал тоже говорить, что что-то «эстетично», и все на свете называть декадентством, начиная от куриных котлет и до псалмов Давида» (там же, л. 23 и об.). Однако эти отзывы, вероятно, прошли для Блока незамеченными.

[2] Об А. С. Петровском см. наст. т., кн.1, с. 329.

[3] См. дальше письма Соловьевой к матери поэта.

[4] М. С. Соловьев.

[5] В позднейшей редакции стихотворение вошло в сборник Андрея Белого «Золото в лазури» (М., 1904).

[6] Речь идет о стихотворении З. Гиппиус «Молитва» («Тени луны неподвижные. . .»), впервые опубликованном в № 10 «Северного Вестника» 1897 г. (вошло в книгу Гиппиус «Собрание стихов. 1889—1903 г.». М., 1904).

По всей вероятности, в неизвестном нам письме Кублицкой-Пиоттух содержалось одобрительное упоминание этого стихотворения — см. ниже, письмо Соловьевой от 19 сентября 1901 г.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

19 сентября ⟨1901⟩ г.

⟨...⟩ Надеюсь, что ты пришлешь нам себя и Сашу, единственный твой портрет, какой у нас есть — восьмилетний (в капоре), а Саши нет совсем. Это можно принять за обиду! Надеюсь, в тебе проснется совесть, и ты пришлешь [1].

Теперь буду писать тебе об одной вещи, о которой мне не хочется писать, но я чувствую, что не успокоюсь, пока не скажу. Мне кажется, я виновата перед тобой и Сашей. Меня колет это сознание, и хочется вынуть занозу и бросить. Да, я виновата; я послала Гиппиус Сашины стихи, на что не получала от него никакого разрешения и не знаю, позволил ли бы он. Двое стихов: «Предчувствую тебя» и «Ищу спасенья». Я не скрыла имени автора, но ни о каком «Мире иск⟨усства⟩», или чем-либо подобном, не упоминала. Это было бы похоже на исканье протекции. Просто послала с прибавлением всех наших мнений. Гиппиус разбранила стихи, написала о них резко, длинно, даже как будто со страстью [2]. Я почувствовала себя предательницей и мне стало не хорошо.

Теперь я в первый раз за всю нашу переписку — сердита на Гиппиус. Можешь себе представить Борю и Сережу! [3] Сережа говорит, что «вся эта компания и Гиппиус и все они» принадлежат к партии Антихриста, и что в случае с Сашей видны рожки [4]. Боря, прочитав письмо Гиппиус, сказал: «Вот что значит крестное знаменье!». Гиппиус (без всякого на то позволения с моей стороны) показала стихи Мережковскому и говорит, что он с ней согласен.

Как все это не хорошо. Пожалуйста, простите меня оба, что я это сделала, но ведь я была уверена, что будет все совсем не так, как оно вышло. Письмо Гиппиус произвело на меня очень тягостное впечатление. Спасибо тебе, что списала мне ее «Молитву», но теперь и «Молитва» мне не понравилась; может быть, понравилась бы в другое время, но не очень [5]. Посмотрим, что скажет «Скорпион»! Все мы очень рады, что Саша уже послал туда [6]. Брюсов, несмотря на некоторое кривлянье и в стихах, и в жизни, кажется, человек благонадежный. Он нравится Мише, а Миша в этом единственном смысле всегда знает, где раки зимуют [7].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 49—50 об.

[1] Фотографии Блока и его матери из архива Соловьевых нам не известны.
[2] Переписка Соловьевой и Гиппиус неизвестна.
[3] Речь идет о Б. Н. Бугаеве (Андрее Белом) и С. М. Соловьеве.
[4] По преимуществу отрицательное отношение Сергея Соловьева к Мережковским и представляемому ими «новому христианству» хорошо видно из его переписки с Блоком — см. наст. т., кн. 1. В частности, 14 февраля 1902 г. он писал: «Все современное мистическое движение — *антихрист*» (там же, с. 327). Следует оговориться однако, что в его переменчивом мировоззрении доходившее до фанатизма отрицание Мережковских иногда сменялось и одобрением их взглядов.
[5] См. прим. 5 к письму Соловьевой от 3 сентября 1901 г.
[6] Как видно из письма Соловьевой от 22 октября 1901 г. (см. ниже), в Дедове обсуждалась возможность печатания Блока в «Скорпионе». 10 сентября 1901 г. Блок послал В. Я. Брюсову, фактически руководившему издательством «Скорпион», четыре стихотворения. Брюсов либо не обратил внимания на стихи безвестного поэта, либо сделал вид, что не получил их. Об этом см. подробнее во вступительной статье к переписке Блока с Брюсовым (наст. т., кн.1) и в следующих письмах Соловьевой к Кублицкой-Пиоттух.
[7] У М. С. Соловьева сложились в целом приязненные отношения с Брюсовым, о чем свидетельствуют два письма Соловьева к Брюсову (отрывок одного из них мы публикуем ниже), дневниковые записи Брюсова (см.: Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, по указателю).

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Москва,〉 22 окт〈ября 1901 г.〉

〈...〉 Как хорошо, что Саша перешел на филологический факультет! [1] Я этому ужасно рада. Об «Скорпионе» вот что: хоть мы и говорили с Сашей, что лучше без всякой протекции (для себя и для своих очень близких «протекция» мне кажется вещью несносной), но все-таки не спросить ли при случае Брюсова, прочел ли он, не сказать ли, чтобы прочел, и не прочесть ли ему хотя «Предчувствую тебя». Брюсов был у нас, и думаю, что будет опять. Он очень приятный, порядочный и образованный человек, но не очень умный и не очень много понимающий, кажется [2]. Заранее боюсь. Впрочем, «Скорпион» — не один Брюсов, и я не знаю, к кому попали стихи Саши [3]. Напиши, пожалуйста, сейчас же, если получится ответ. Так или иначе ответ нужно получить непременно. А если ответ отрицательный, то не послать ли все-таки в «Мир искусства»? Что же, что там Мережковские, ведь не одни они. Отчего не попробовать? Я бы попробовала. А знаешь, я совсем перестала писать Гиппиус. Бог с ней; не хочу больше. 〈...〉

Крепко целую тебя и кланяюсь Саше и Францу [4].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 51 об.— 52.

[1] Ср. письмо Блока отцу от 29 сентября 1901 (VIII, 24—25) с объяснением причин его перехода с юридического на филологический факультет. Ср. письмо М. С. Соловьева к Блоку от 15 октября 1901 г. — наст. т., кн. 1, с. 407.
[2] Вероятно, речь идет о посещении В. Я. Брюсовым Соловьевых, описанном в его дневнике (см.: Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 106).
[3] Учредителями издательства «Скорпион» были помимо Брюсова, С. А. Поляков (финансировавший предприятие), К. Д. Бальмонт, Ю. К. Балтрушайтис и М. Н. Семенов. Стихотворения Блока попали, однако, именно к Брюсову — см. прим. 6 к письму Соловьевой от 19 сентября 1901 г.
[4] Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

20 дек〈абря 1901 г.〉

Милая Аля, прости, что до сих пор не написала тебе о Брюсове, мне хотелось узнать что-нибудь определенное [1]. Как нарочно, после твоего письма Брюсов был и не застал нас дома. Потом однако пришел и застал, и оказалось, что никаких стихов Блока они не получали! Хорошо, что я спросила. Я сейчас же дала ему — увы, уже без разбора — несколько листов, переписанных Борей и отчасти Сашей (твоим) и лежавших поблизости. Брюсов

взял, начал читать, но ему все мешали, он попросил стихи с собой [2]. На следующий день пришел опять с Мережковскими [3], но тут мне не хотелось говорить о стихах, зная отношение к ним Гиппиус [4], впрочем я все-таки спросила, прочел ли он, он отвечал мельком что-то неопределенное (сказал, что пока нам их не отдаст). Что из этого выйдет и выйдет ли что — не знаю. Брюсов человек совсем диковинный, и даже приблизительно предполагать, что и о чем он скажет и подумает,— совсем нельзя. Миша говорит, что он (Бр⟨юсов⟩) живет теперь во второй раз: первый раз он был Гадаринским бесноватым, тем, который «жил в гробах» и которого исцелил Христос [5]. Бесноватость прошла, но все-таки что-то заметно: выздоровел с дефектом и у ног Христа не сел.

Впрочем, он имеет в себе что-то удивительно привлекательное, немножко детское и внушающее нежность. Познакомилась я, наконец, с Мережковскими, он мне нравится больше, чем она. Она очень миленькая, очень хорошенькая, особенно фигура — чудо из чудес, очень интересная, но столько же похожа на то, что пишет, и на ту Гиппиус, которую я воображала,— как всякая другая белокурая пишущая дама [6]. Мне, впрочем, начало это казаться еще раньше, чем я ее увидела, и я перестала ей писать. Впрочем, она очень мила, и если бы я не ожидала большего, то была бы от нея в восхищении. Одна фигура — чего стоит.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 94—95 об. На письме помета (вероятно, С. М. Соловьева), неверно датирующая его 1902 г. — ср. ниже, прим. 1 и 6.

[1] Речь идет о судьбе стихотворений Блока, посланных Брюсову — см. прим. 6 к письму Соловьевой от 19 сентября 1901 г. Поскольку тема предполагала продолжение, как видно, в частности, из этого письма, отсутствующее в наличных письмах Соловьевой к Кублицкой-Пиоттух, следует предположить, что часть из них до нас не дошла.

[2] О копиях Б. Н. Бугаева (Андрея Белого) со стихотворений Блока см. в статье Н. В. Котрелева (наст. т., кн. 1, с. 225, 241, 246). Среди бумаг из архива Брюсова (см. в предисловии Ю. П. Благоволиной к публикации переписки Блока с Брюсовым, наст. т., кн. 1) копий Белого нет. Следует полагать, что Брюсов возвратил их, равно как и упоминаемые Соловьевой автографы Блока (кроме двух?), владельцам.

[3] Брюсов посетил Соловьевых вместе с Мережковскими вечером 6 декабря 1901 г.— см.: Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 108—109.

[4] См. выше письмо Соловьевой от 19 сентября 1901 г.

[5] См. Евангелие от Матфея, 8.28—34; от Марка, 5.1—20; от Луки, 8.26—39.

[6] Вечер знакомства Соловьевой с Мережковскими описан Брюсовым (см. Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 109—110) и Белым (см.: Андрей Белый. Начало века. М.—Л., 1933, с. 172—176).

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

3.3⟨19⟩02. С⟨анкт⟩-П⟨етер⟩б⟨ург⟩

⟨...⟩ Вы любите музыку; теперешняя музыка — бездумна, а для будущей — времена и сроки еще не исполнились. Ее предчувствие — столько же в теперешней музыке, сколько в теперешних стихах; равное, хотя различное, несовершенство по отношению к последней музыке [1]. Меня огорчает, что Вы не любите стихов, или любите их эстетично. (По-своему, ибо вам нравится Блок [2]). Но все равно.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 2 об.
Ответ на неизвестное письмо Белого.

[1] В письме З. Гиппиус к тому же адресату от 25 марта 1902 г. есть приписка: «Знаете? Недавно я слышала «музыку будущего», нездешнюю; теперь нет места; напомните мне, я расскажу вам в следующем письме» (там же, л. 3). Подробно описывает Гиппиус этот «простой и странный, короткий факт, которого, возможно, и не было даже» (как дважды оговаривается она) в недатированном письме: «Было так: точно пролетало бесчисленное небесное воинство со стеклянными крыльями, и пролетало близко над землей, но выше домов, м. б. на высоте церковного креста», и т. д. (там же, л. 88—91). «Музыкальный» подход к эсхатологическим темам, как и некоторые формулировки этого письма (и, несомненно, соответствующего письма Белого), предупреждали статью Белого «Формы искусства» («Мир искусства», 1902, № 12). Блок ею «был внезапно потрясен» («А. Блок и А. Белый.

Переписка». с. 12), и с ее обсуждения началась переписка Блока с Белым (ср. там же, с. 3 и сл.).

[2] Гиппиус в это время знала Блока только заочно, после того как О. М. Соловьева прислала ей два его стихотворения (см.: ЛН, т. 89, с. 90; VII, 499, ср. наст. кн., с. 176).

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

25 〈—26〉. 3.〈19〉02. Благовещенье.
Баскова 14 С〈анкт-〉П〈етер〉б〈ург〉

〈...〉Прибавлю два слова. Видела Блока, говорила с ним часа три. Он мне понравился. Очень схож с вами по «настроению», кажется, гораздо слабее вас, но умом понимает всю опасность «жданья» в одиночестве [1]. Читал мне свои стихи. Мнение о них у меня твердое. Вас подкупает сходность «настроений». Стряхните с себя, если сможете, этот туман.

Оказывается, что и вы пишете стихи. Мы не знали. Очень просим вас, с настоятельностью, прислать что-ниб〈удь〉 [2]

З. Г.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 21.

Блок отметил знакомство с Гиппиус в дневнике (VII, 42).

[1] В понятия «сила» и «преодоление одиночества» Гиппиус вкладывает особый смысл, как видно из специальных ее разъяснений своему корреспонденту. Так, 3 марта 1902 г. она писала: «У вас много сил, но последнюю силу — силу для воплощения сил, вы найдете не один (нельзя одному), а только с другими. А если не найдете, или не захотите (вернее, ибо если захотите, то и найдете) — тогда ваши силы вас и задавят. У меня тоже есть «они»,— но я знаю, что это мои праздные силы, бесплотные мысли, превратившиеся в злобных червей. Чем их больше, тем легче они подводят к безумию. Сам в себе человек разлагается. Какая дурная, несчастная смерть. Именно несчастная, по отношению к главному» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 1). А в том же письме от 25—26 марта 1902 г. Гиппиус говорит: «Желая доказать нам (и себе, может быть, и оправдать ваше безволие и бездействие, страшную далекость от всякого «воплощения») — вы описываете нам ваш внутренний процесс, лестницу вашей мысли, и говорите: «Я не могу и не должен думать о воплощении, пока лестница не пройдена. А должен ждать». Ждать! Увы! Здесь нельзя ждать. 〈...〉 Я думаю, мы уже любим вас, иначе не было бы у нас такого ужаса, когда вы говорите: «я должен ждать»,— ужаса предчувствия вашего греха, самого тяжелого и страшного,— погубить в себе данное вам, истребить себя» (там же, л. 5). С ответами Белого на свои письма того времени Гиппиус ознакомила Блока (VII, 44). Тема «ожидания» обсуждалась у Блока с Гиппиус и позже. 14 июня 1902 г. Блок писал ей (и его позиция при этом близка именно той позиции Белого, о которой говорит Гиппиус): «Мы видим только образ грядущего 〈...〉; а потому — не заключены ли мы по самой природе своей в рамки одного ожидания и *относительного* (по отношению к последнему) бездействия? Ваш ответ на последний вопрос был бы для меня ощутительно важен даже по практическим причинам (ведь этот вопрос граничит уже с образом жизни)» — VIII, 30.

[2] В ответ Белый выслал Мережковским свои стихи, и в недатированном письме Гиппиус дала свой первый отзыв о поэзии Андрея Белого: «Стихи ваши, по-моему, слабее вашей прозы (хотя безмерно лучше Блоковских), но в них есть подражательность (не подражание) Вл. Соловьеву. От этого ведь придется же вам освобождаться» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 87 об.).

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Москва.〉 29 марта 〈1902 г.〉

〈...〉 Хорошо было бы, если бы Саша приехал в Москву; насчет остановки тут не может быть сомнения; конечно, в гостинице ему останавливаться было бы неразумно, а у Саши [1] нужно. Ему это было бы и удобнее и дешевле. Саша и тетя Соня [2] ухаживали бы за ним из всех сил, и были бы очень счастливы. Места достаточно. Я уже говорила об этом Саше, и она ответила, как и следовало ожидать. Саша (сестра) теперь вовсе не производит прежнего болезненного впечатления. Быть с ней совсем не тяжело, ведь ты видела ее летом [3] — такая она и теперь, а часто даже лучше.

Пускай Саша твой имеет в виду, что ему хорошо, дешево и удобно съездить в Москву. Здесь он увидел бы некоторых интересных для него людей, кроме нас, которые уж наверное милы его сердцу. Во-первых, Бугаева [4],

во-вторых Петровского, его и нашего друга [5]. Этот Петровский студент естественник 3-го курса, замечательный химик и вместе человек XIII века; еще неизвестно, будет ли он замечательным ученым — или уйдет в монастырь, или будет странником. Он очень восхищается Сашиными стихами, впрочем, мало говорит и к тому же заикается. Профессора о нем говорят неодобрительно, что он «зелье», но очень его превозносят за химию. Да и еще тут есть разныя интересныя «зелья».

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 58 и об.

Поездка в Москву, предлагаемая в этом письме, не состоялась.

[1] Речь идет об А. М. Марконет, страдавшей душевными расстройствами, в доме которой Блок и останавливался, когда приезжал в Москву с женой в январе 1904 г.
[2] С. Г. Карелина, жившая с А. М. Марконет.
[3] См. письмо Соловьевой от 22 августа 1901 г.
[4] Речь идет о Б. Н. Бугаеве (Андрее Белом).
[5] Об А. С. Петровском см. наст. т., кн. 1, с. 329.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

5.4.⟨19⟩02. С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ург⟩, Баскова 14.[1]

⟨...⟩ Наступают дни... Что вы о них думаете? С чем они для вас связаны? Или — чего вы от них ждете? Чувствуете ли (и если да, то как) вы себя в них участником? [1] Отозвалось ли бы в вас сердце и разум, если бы кто-нибудь пришел к вам и, с глубокой серьезностью и мукой, с почти уверенностью, сказал вам так:

Ты думаешь, Голгофа миновала,
При Понтии Пилате пробил час,
И жизнь с тех пор уже не повторяла
Того, что быть могло — единый раз?

Иль ты забыл? Недавно мы с тобою
По площади бежали второпях,
К судилищу, где двое пред толпою
Стояли на высоких ступенях.

И спрашивал один, и сомневался,
Другой — молчал, как и в былые дни.
Ты все вперед, к ступеням, порывался...
Кричали мы: распни Его, распни!

Шел на гору Он — помнишь? — без сандалий...
И ждал Его народ из ближних мест.
С Молчавшего мы там одежды сняли
И на веревках подняли на крест.

Ты, помню, был на лестнице, направо;
К ладони узкой я приставил гвоздь,
Ты стукнул молотком по шляпке ржавой —
И вникло острие,— не тронув кость.

Мы о хитоне спорили с тобою,
В сторонке сидя, у костра, вдвоем.
Не на тебя ль попала кровь с водою,
Когда ударил я Его копьем?

И не с тобою ли у двери гроба
Мы тело сторожили по ночам?
Вчера, и завтра, и до века, оба —
Мы повторяем казнь, Ему — и нам [2].

⟨...⟩ Нарочно написала вам эти «фактические» стихи. К моему удивлению — они очень нравятся Блоку, хотя он во всем бесфактичен [3]. В последний раз он даже заболел у нас от фактичности. Жар сделался,— и он быстро ушел. Еще нам страшно и неприятно, что столько вдруг встречается людей, похожих на вас, как чудесно сделанная карикатура. Является «тип»,— это нехорошо, т. е. безнадежно. Вот здесь уже трое, с Блоком считая.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 8—10.

[1] Т. е. Страстная неделя, неделя церковного поминовения суда над Христом, его распятия в смерти: на евангельском рассказе о них основано приводимое далее стихотворение Гиппиус.
[2] С пунктуационными уточнениями и посвящением В. Я. Брюсову вошло в книгу Гиппиус «Собрание стихов. 1889—1903 г.» (М., 1904).
[3] Противопоставление «фактичности», «объективности» — декадентской «смутности» отразилось и в переписке Блока с Гиппиус (ср. в письме Блока к ней от июля 1902 г.:

«Если все это декадентничанье будет Вам неприятно, пожалуйста напишите мне только на предыдущие «объективные» вопросы» — VIII, 35). Развернутое требование «фактичности» в эстетическом плане и в плане реального жизненного поведения находим в письме Гиппиус к Блоку от 6 августа 1902 г. (упомянутое в нем «прошлое» письмо, на которое Блок отвечал 2 августа, до нас не дошло): «Я не всегда даю себе позволение, дорогой Александр Александрович, писать такие отвлеченные, образно отвлеченные, письма, как мое прошлое. Я слишком склонна к отвлеченности, игра с этим огнем — для меня опасна. Приходится тогда уже полунасильно возвращать себя от разных «белых лестниц» к самым обыкновенным, ведущим из моей «светлицы» в столовую, от воображаемых «притихших» детей — к шумным и грязноватым деревенским ребятам, с которых сестры мои делают этюды ⟨...⟩ Уверяю вас, что вреднее всего для писателя и поэта быть — главным образом поэтом. Сначала как будто ничего, но скоро чувствуешь непобедимое внутреннее обмеление. И вот мне хочется, чтоб вы написали мне какое-нибудь реальное письмо, о том, что вы делаете, с кем и как живете, что видно из вашего окна, и есть ли около вас (или где-нибудь) люди, с которыми вы ни в чем не одиноки. Это, я понимаю, гораздо труднее написать, нежели самое стройное рассуждение о «синтезе», но мы оба знаем, что «рассуждение о синтезе», самая его стройность, зависит от жизни и от воли в жизни (так же, впрочем, как жизнь и воля — от этого «рассуждения»). Одни отвлеченные письма и разговоры окончательно убивают человека для человека, делают из него призрак, и укрепляют ту стену, которая и так стоит между людьми, созданная всем фальшивым, что было в истории и культуре» (ЦГАЛИ, ф. 55, 2. 26, л. 4—5).

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

⟨Москва,⟩ 11 апреля ⟨1902 г.⟩

⟨...⟩ Сейчас я перечла его [1] и ⟨...⟩ меня уколола прежняя боль — Мережковские. Ты ничего обо мне не знаешь и едва ли поймешь, что это значит. Мережковские привили моей душе сифилис, может быть, потому что она была к нему восприимчива. Теперь я от него выздоровела, но как-то не по своей воле, каким-то чудом. Когда ты пишешь *«Саша скажет про рожки* [2] *и сейчас оговаривается»*, я так ясно вижу и себя в прошлом, и Борю Бугаева в настоящем. Гиппиус, по-моему, не имеет никакого значения (она ведь не верит ни в Бога, ни в черта, и совершенно не умеет подделаться под тон своей роли), но Мережковский — он дело другое. От него трудно освободиться, и в моем случае для этого понадобилось экстренное и *не мое* усилие. Миша говорил с самого начала, что Мережковские — прохвосты и аферисты, и мне очень тяжело было продолжать с ними отношения без его одобрения. Сережа относится к ним брезгливо и с юмором [3]; я сознавала, что оба правы, но все-таки не могла бросить — все мне казалось, а ну как он скажет что-нибудь, из чего я пойму то, чего нельзя понять, и что надо понять. И вдруг я все это кончила, кончилось оно, я уверена, не мною.

Уверяю тебя, что вокруг нас больше «странного» и так называемого «сверхъестественнаго», чем мы думаем. Поверь мне на слово. В конце концов, я вдруг чуть не исколотила Мережковских. Это было ужасно. Я уж сама хорошенько не понимала, что я говорю, и что «так нельзя». Я чувствовала, что я дерусь за Христа (все равно, если бы он был человеком, за него все-таки надо драться).

Не думай, что я остервенилась сразу и наговорила сразу. Это повторялось опять и опять. В первый раз — при народе, который даже оказывал мне слабую и робкую, недоумевающую поддержку (тут был Брюсов и еще какие-то чужие господа). Гиппиус сделалась красно-багровая и смотрела на меня с рассеянным видом, как будто ничего не случилось, но я сейчас же поняла, что она возненавидела меня на всю жизнь. (Я, между прочим, очень издевалась над ее позами и пыталась представить ее тон, когда она говорит о боге). Вообще, я говорила и писала изо всех сил, хуже чего нельзя.

То *другое*, что двигало меня, наверное, не рассчитывало на все женские иголки, которыя я воткну от себя; потом мне было стыдно, и я просила прощенья. Но это все равно; я *должна* была просить прощенья, хоть и знала, что простить нельзя: Гиппиус уже отомстила мне чисто по-бабьи; притаившись, укусила меня в пятку — пребольно, она совершенно рассорила меня с Сеной [4], очень хитро и ловко.

Удивишься ты или не удивишься, что я пишу обо всем этом так стремительно и отношусь к Мережк⟨овским⟩ так страстно? Может быть, не удивишься; ведь ты сама говоришь, что живешь *«этим»* не только через Сашу, но и сама. Если бы был жив Володя [5], он ничего бы этого *не позволил*. Он ушел с своего места, и вот из темных щелей полезли гадины. Володя был большой «воин» и истреблял очень охотно [6].

Миша относится к Мережковским в высшей степени пренебрежительно и находит, что я «на муху с обухом». Но мне кажется, что это, может быть, и муха, но какая-то особенная; я говорила с Трубецким (это Володин ученик), профессор философии, написавший огромную и непонятную для меня книгу о Логосе [7]. Трубецкой уж совсем хохочет во все горло, когда слышит, что Мережковские могут иметь какое-нибудь значение [8]. Письмо мое к Мережковскому, которое я ему (Трубецкому) прочла, он, впрочем, очень одобрил [9]. Миша был совсем против этого письма, но я его все-таки послала. Сознаю, что женщине все это некрасиво, и что Миша был прав, приходя в негодование; но я все-таки не жалею, что сделала. Жалею только тогда, когда подумаю о Сене: ведь это Мише пришлось платиться за оплеухи, нанесенными мною [10].

Ну вот как я много тебе написала: и все-таки ты, может быть, ничего не поймешь; все это ведь самая «узенькая пятка». Пожалуйста, не говори никому (кроме Саши) обо всем этом. Я положительно буду страдать, если со мной кто-нибудь заговорит об этом из родных и знакомых. Все это никого не касается. Если при мне иные люди бранят Мережковс⟨ких⟩, я всегда *искренно за них вступаюсь из всех сил*. Такая уж супротивность во мне. Что с Сашей? Гиппиус писала Боре, что он болен *от них* [11]. Что это значит?

Твоя О л я.

Спасибо за стихи Саши; они опять мне понравились. Другим я их еще не читала. Надо выбрать подходящее время [12].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 59—62.

[1] Речь идет о полученном за неделю перед тем и цитируемом Соловьевой письме Кублицкой-Пиоттух, где, несомненно, передавались какие-то высказывания Блока о Мережковском и Гиппиус. В феврале 1902 г. произошло резкое столкновение Соловьевой с Мережковскими, описанное Брюсовым (Валерий Б р ю с о в. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 118; ср.: Андрей Б е л ы й. Начало века. М.— Л., 1933, с. 183—185, 191—194). Некоторое время спустя страстное неприятие Мережковских у Соловьевой сменилось иронией к собственной пылкости, и она писала матери поэта: «Мне так нелепо теперь вспомнить, что я волновалась о Мережковс⟨ких⟩ и раздула их в такую гору. Вся эта полоса моей жизни была, в сущности, такой комической; начиная с того, что я воображала, что Гиппиус святая и будет «со временем» воскрешать мертвых, продолжая тем, что я и его и ее чуть не отдула за то, что они не святые, и кончая тем что я сочла их «опасными» и во всяком случае предвестниками Антихриста. Вспоминая все это, я с удивлением спрашиваю себя: Оля, сколько тебе лет? Не одиннадцать ли?» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, лл. 64 об.— 64).

[2] Ср. высказывание о Мережковских С. М. Соловьева (из письма Соловьевой от 19 сентября 1901 г.).

[3] С. М. Соловьев временами готов был, как и его мать, признать значительность Мережковского — см. его письмо к Блоку от 1 июля 1902 г., наст. т., кн. 1, с. 329; но ср. его же письмо от второй половины апреля 1902 г., там же, с. 328.

[4] П. С. Соловьева (Allegro). О вызванной Гиппиус ссоре ее с Соловьевой см. ниже письмо последней к Кублицкой-Пиоттух от 17 ноября 1902 г.

[5] Вл. С. Соловьев. В известных нам письмах Соловьевой к матери поэта (если рассматривать их как один из источников знакомства Блока с Вл. Соловьевым) имя философа впервые появляется еще в 1896 г.—ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 6 об. Неоднократно Соловьева писала кузине о предпринятом Соловьевым вместе с братом, Михаилом Сергеевичем, переводе Платона (см. ниже ее письмо от 5 декабря 1902 г.). Однажды она процитировала шуточное послание Вл. Соловьева к брату: «У Миши пропасть „дел", связанных с отношениями с людьми, которые все более или менее свиньи. Это, впрочем, плагиат. Это Володя писал Мише в одном письме „все свиньи, кроме тебя, Архангел Михаил"» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 48 об.). Одно из самых важных упоминаний о Вл. Соловьеве в письмах Ольги Михайловны — от 1 ноября 1897 г., в связи с публикацией статьи философа «Судьба Пушкина»: «Читала ли ты статью Володи о Пушкине? Если нет — прочти и напиши мне, как она тебе покажется, а мне кажется противной, даже более,

чем я могу объяснить почему. Если это и верно, как говорит Миша, то ужасно мне не хочется, чтобы это было верно и то, что Володе кажется гадким, например, что Пушкин, когда упал раненый на дуэли, все же выстрелил в противника, и перед этим сказал: «Attendez, j'ai encore assez de force pour tirer mon coup» — мне это страшно нравится и, по-моему, нисколько не доказывает гадости Пушкина, а совершенно наоборот» (см. там же, л. 33—34). В марте 1902 г. Соловьева писала Кублицкой-Пиоттух, теперь уже вслед за сыном читавшей Вл. Соловьева: «Я рада и Миша рад, что на тебя производят хорошее впечатление Володины книги. А я,— знаешь, какая гадость! — что ни возьму его,— все мне кажется, что-то не то, не то, не о том; все кроме его стихов» (там же, л. 58 об.) Это признание Соловьевой предвосхищает и неоднократно делавшееся Блоком противопоставление поэзии Соловьева его публицистике и философии.

[6] Ср. повторение этих утверждений Соловьевой в письме ее сына к Блоку — наст. т., кн. 1, с. 382.

[7] Сергей Николаевич *Трубецкой* (1862—1905), философ и общественный деятель, ближайший друг Вл. Соловьева, был не его учеником, но во многом — единомышленником, испытывавшим известное влияние друга.

[8] Встречу Мережковского с Трубецким в Москве в декабре 1901 г. описывает Белый — см.: Андрей Белый. Начало века. М.— Л., 1933, с. 172, 177—181.

[9] Это письмо нам не известно.

[10] См. прим. 4.

[11] По всей вероятности, речь идет о письме Гиппиус к Андрею Белому от 5 апреля 1902 г. — см. выше.

[12] О каких стихах Блока идет речь, неизвестно.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург,〉 3 мая 〈19〉02

〈...〉 Очень хочется видеть вас, поговорить не на бумаге, а глаза в глаза. Тогда скажу вам и о длинном письме вашем и о стихах [1]. (Кстати: у Блока есть два недурных стихотворения, а одно так прямо хорошее — «Белая купина» [2].)

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 11.

[1] Письмо Бугаева и его стихотворения, посланные, по-видимому, в ответ на просьбу Гиппиус в ее письме от 25—26 марта 1902 г. (см. выше), нам не известны.

[2] «Белой купиной» Гиппиус называет, вероятно, стихотворение «Странных и новых ищу на страницах...» (I, 185), позже вошедшее в первую подборку стихов Блока в журнале «Новый путь» (1903, № 3), в публикации которой ближайшее участие принимала Гиппиус (см. наст. кн., с. 185—186).

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

6 июля 〈1902 г.〉 Гапсаль

〈...〉 А Блок Вас обвиняет в другом [1]. Недавно получил от него письмо [2], где он, между прочим, пишет: «„Симфония“, разумеется, поразила нас, как и до сих пор поражает. По-моему, это вещь громадная, но боюсь высказать мое крайнее, на днях только определившееся воззрение на нее *вообще*, не говоря об „эволюции“ частей: есть ли *и это полное* очищение? Не затерялось ли и здесь, в страницах, порой «шумящих» откровением [3], „злое пламя земного огня“? [4] Мне думается, что автор и еще стряхнет последний обветшалый убор, если правда, что в симфонии звучит какой-то „рай вчерашний“ (а не завтрашний) и „соучастница греха“. Я бы еще сказал, что не покинуты какие-то „родимые пределы“ [5]. Ведь ни *седины* ума не должны привязывать к родному Харрану, ни юность сердца — к родному Уру» [6]. Вообще письмо Блока очень интересно. Он пишет, что и это лето для него не «обойдется без ворожбы и гаданий особого рода» и что он, чувствуя свою отдаленность от Жены, облеченной в солнце, боится Астарты [7]. Еще сообщает (NB, NB, NB), что крестьяне в соседних ему деревнях говорят: «*она несется по ржи*» и больше ничего не прибавляют [8]. Затем прикладывает новое свое стихотворение, на котором видно влияние Мережковских 〈...〉 [9].

По-моему это стихотворение пронзительно, коряво и страшновато.

С. Соловьев

ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 2, л. 26. Датируется по содержанию.— См. также переписку Блока с С. М. Соловьевым в кн. 1 наст. тома, с. 331.

[1] С. М. Соловьев выше писал: «Я вас обвиню не в дерзостном отношении к авторитетам, не в лени логически мыслить, а в *непростительной* субъективности некоторых мест, как например: две женщины, указывающие на Поповского, и хождение последнего по Зачатьевским переулкам» и т. д. — Соловьев отсылает к эпизодам из первой книги Белого: А. Белый. Симфония (2-я, драматическая). М., 1902, с. 12—14, ср. с. 58—59.

[2] Далее Соловьев цитирует и пересказывает не дошедшее до нас письмо Блока, которое можно датировать первыми числами июля 1902 г., так как это, по-видимому, был ответ на письмо Соловьева к Блоку от 1 июля 1901 г. (см. наст. т., кн. 1), полученный адресатом не позже, чем в день написания цитируемого письма к Белому.

[3] Ср. более позднее использование этого образа в стихах Соловьева на бракосочетание Блоков — наст. т., кн. 1, с. 338.

[4] Последняя строка из стихотворения Вл. Соловьева «Вся в лазури сегодня явилась...» (В. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 61).

[5] Цитата из первой строки стихотворения Вл. Соловьева «В землю обетованную» («Покинь скорей родимые приделы...») — см.: В. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 75—77.

[6] Блок имеет в виду указанное в прим. 5 стихотворение Вл. Соловьева (там же, с. 76):

От родных многоводных Халдейских равнин,
От нагорных лугов Арамейской земли,
От Харрана, где дожил до поздних седин,
И от Ура, где юные годы текли,—
Не на год лишь один,
Не на много годин,
А на вечные веки уйди.

[7] *Астарта* — древне-семитическая богиня любви, материнства, земного плодородия. В обиходе Блока, С. Соловьева, Белого и др. Астарта знаменовала темный полюс мирового бытия, наводила самые страшные искушения на жизненном и духовном пути. См., например, письма Белого к Блоку от 6 января 1903 г. и Блока к Белому от 18 июня (1 июля) 1903 г. и др. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 9—10, 35—36). См. также публикуемую в кн. 1 наст. тома переписку Блока с С. Соловьевым.

[8] Этот мифологический образ произвел сильное впечатление на Блока еще в 1901 г., затем он снова упомянул о нем в дневниковой записи 26 июня 1902 г. (VII, 38, 48). Ср. более позднее упоминание о том же в статье Блока «Стихия и культура» (V, 357).

[9] Следует копия стихотворения Блока «Брожу в стенах монастыря...», идентичная двум копиям Андрея Белого, описанным нами (кн. 1, с. 245).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

Серебряный Колодезь. 7 августа 1902 г.

〈...〉 P. S. Пользуюсь оставшимся местом для переписки стихотворений А. Блока — самого талантливого поэта «из молодых» (это мое убеждение) [1]. 〈...〉

Не правда ли, какое проникновение куда-то скрывается под этой слегка корявой, неряшливой рифмой? И до чего современны, до чего страшны такие стихи?

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 1, л. 2 об.

Эмилий Карлович *Метнер* (1872—1936) — музыкальный критик (псевд. Вольфинг), один из учредителей издательства «Мусагет» и при нем журнала «Труды и дни»; ближайший друг Белого, один из членов московского кружка «аргонавтов».

Получив впервые стихи Блока, Метнер не высказался о них в ответных письмах; однако он несомненно обратил на них внимание, так как уже в письме от 26—29 декабря 1902 г. писал Белому: «Давно я собирался Вас спросить: какое слово следует в стихотворении Блока за словами: меня пугает сонный (?). Тут у Вас нечто крайне неразборчивое. Я как-нибудь перечитаю Ваши письма сначала, а то я их только пробегал, а не прочитывал за недосугом. Тогда я кое о чем Вас переспрошу» (ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 8, л. 5 об.).

[1] Следует пять стихотворений Блока (см. об этом в сообщении Н. В. Котрелева — наст. т., кн. 1): «Брожу в стенах монастыря...»; «Предчувствую тебя. Года проходят мимо...»; «Ищу спасенья...»; «Одинокий, к тебе прихожу...»; «В полночь глухую рожденная...»

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

18 августа 〈1902 г.〉 Дедово.

〈...〉 Да вообще — сложно все [1], и хорошо, что Саша не приехал. А ведь как я об этом мечтала! Что̀ с ним? Напиши, если можно и если ты знаешь.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 70 об.

[1] Соловьева описывает выше различного рода жизненные трудности, в том числе постоянное недомогание М. С. Соловьева. Он скончался 16 января 1903 г.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

17.9. 〈19〉02. Луга. Заклинье

〈...〉 Относительно Блока я с вами продолжаю быть глубоко несогласной. У него именно нет силы, и когда выражается его собственная сущность — он декадент [1]. Я переписывалась с ним целое лето [2]. У него положительная способность писать стихи, несомненная. Я знаю три — четыре его стихотворения (предпоследних) очень хороших, чуть не прекрасных, без декадентской грубости и соединенной с нею банальности. А потом вдруг... [3] Бог его знает, что с ним делается. Ну, посмотрим дальше.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 16 об.— 17.
Ответ на неизвестное письмо Белого.

[1] Подобным образом Гиппиус отзывалась и о самом Бугаеве-Белом — см. в письме к нему от 25—26 марта 1902 г.: «...Несмотря на пророческую〈...〉 почти гениальность ваших мыслей, я вижу в вас истинного декадента, человека падения, человека-раба. Нужно уравнять волю вашу с высотой и длиной ваших мыслей, иначе вы станете их игрушкой. Данное вам вы употребите во зло себе и другим, вы, лукавый раб!» (там же, л. 4).

[2] Гиппиус имеет в виду свои письма к Блоку от 9 июля, 6 августа, 1, 10 и 15 сентября и соответствующие письма Блока (VIII, 29—31, 34—35, 38—39, 42—46).

[3] Ср. в письме Гиппиус к Блоку от 9 июля 1902 г.: «Нам, наконец, разрешили журнал «Новый путь». Надеюсь, дадите мне стихов (не декадентских, а мистических, какие у вас — есть).— ЛН, т. 89, с. 72.

П. П. ПЕРЦОВ — В. Я. БРЮСОВУ

С〈анкт〉-П〈етер〉б〈ург〉 1902 12/X

〈...〉 Относительно манеры печатания стихов в «Н〈овом〉 П〈ути〉» — мы остановились на следующем: *по правилу* в каждой отдельной книжке будет печататься только *один* поэт и, выступая сразу с группой стихов, он может таким образом «зарекомендовать себя». Впрочем, мы, кажется, с Вами уже говорили об этом. В этом году намечены книжки Сологуба, Гиппиус, Ваша, Блока, м〈ожет〉 б〈ыть〉 Минского, Случевского; хорошо бы залучить в целой пачке Бальмонта [1].

ГБЛ, ф. 386, к. 98, ед. хр. 9.

Петр Петрович *Перцов* (см. о нем наст. т., кн. 2) — литературный критик, публицист, издатель, много способствовавший завоеванию русским символизмом независимого положения в литературе. В частности, финансировал журнал «Новый путь» (СПб., 1903—1904), которого был официально редактором-издателем (неофициально соредакторами были также Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус) (см.: А. В. Лавров. Архив П. П. Перцова.— В кн.: «Ежегодник РО Пушкинского Дома на 1973 г.» Л., 1976, с. 39 сл.). Это было первое периодическое издание, которое напечатало произведения Блока, в дальнейшем ставшего постоянным его автором. Перцов писал, что услышал о Блоке от З. Гиппиус в сентябре 1902 г. Судя по его мемуарам, Гиппиус, уже давно знавшая стихи Блока и знакомая с ним лично, разыграла при этом Перцова: «Помню как сейчас 〈...〉 Зинаиду Николаевну Гиппиус с пачкой чьих-то стихов в руках. «Прислали (не помню от кого)... какой-то петербургский студент. . . Александр Блок. . . посмотрите. . . Дмитрий Сергеевич 〈Мережковский〉 забраковал, а по-моему как будто недурно» (Петр Перцов. Ранний Блок. М., 1922, с. 8). С первого чтения стихи Блока поразили Перцова (в июле 1902 г.), и уже 15 сентября 1902 г. Гиппиус писала поэту: «Перцов в вас просто влюблен,— вроде Бугаева» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26, л. 10). Личная встреча Блока с Перцовым могла состояться 9 октября 1902 г. («Хочется познакомить вас с П. П. Перцовым,—

писала 7 октября т. г. Блоку Гиппиус.— Поэтому приходите в среду обедать, к 7 часам».— Там же, л. 11), но сам Перцов говорит о знакомстве в редакции журнала (П е р ц о в. Указ. соч., с. 11).

[1] 15 сентября 1902 г. Гиппиус в письме обещала Блоку, что его стихи будут опубликованы «Новым путем» уже в первой книге (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26, л. 10); этот план не осуществился (см.: ЛН, т. 89, с. 70). Редакционное решение, о котором Перцов уведомляет Брюсова, в первом номере журнала выполнено не было (ср.: П е р ц о в. Указ. соч. с. 15): в этом номере были напечатаны по два стихотворения К. Случевского, З. Гиппиус, Ф. Сологуба, К. Бальмонта. Стихотворный материал при этом был собран одним «кустом», образуя своего рода поэтическую «рубрику» книги; второй номер был отдан Сологубу, а третий предполагалось предоставить Гиппиус. «Но она сама пожелала уступить этот месяц Блоку: март казался самым естественным месяцем для его дебюта: март — месяц Благовещенья. Со стороны молодого журнала была некоторая отвага в таком решении: выдвигать уже в третьей книжке дебютанта, о котором заранее можно было сказать, что «широкая публика» (публика 1903 года!) не примет его как своего певца ⟨...⟩ Но хотелось «пустить» Блока — и именно в марте» (там же, с. 15—16). 10 февраля 1903 г. Перцов сообщал Брюсову, что стихотворения Блока уже набраны (ГБЛ, ф. 386, к. 98, ед. хр. л. 22 об.). Сопровождали блоковские стихи нарочито подобранные репродукции, созвучные образу певца Прекрасной Дамы (П е р ц о в. Указ. соч., с. 22—23). Другие поэты, упомянутые Перцовым, в 1903 г. напечатали свои циклы в следующих номерах журнала («правило» не исполнялось неукоснительно, и иногда — см. № 7, 11, 12 — помещались и отдельные стихотворения): Гиппиус № 9; Случевский — № 5, Бальмонт — № 6, 7, 10. Циклов Брюсова и Минского журнал не дал, но в № 4 была помещена подборка стихов еще одного поэта «с именем» — К. Фофанова. Интересно отметить и появление подборок начинающих поэтов в «Новом пути», вслед за блоковской: М. Волошин — № 8, Л. Семенов — № 10.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

⟨Москва,⟩ 17 окт⟨ября 1902 г.⟩

⟨...⟩ Пришли мне, пожалуйста, «страшные» стихи Саши. Ты помнишь, о каких я говорю. Уезжая из Дедова, я была в очень раздерганном виде и сожгла их, чтобы они не попадались мне на глаза [1]. С тех пор я много раз об этом жалела; надо прочесть их нескольким людям. Не знаю, знает ли их Брюсов (может быть, знает через Мережковских?). Мережковские-то, кажется, перешли в нашу веру относительно Саши, т. е. судя по тому, что хотят, как ты пишешь, печатать его стихи в своем журнале [2]. Брюсов тоже в письме к Мише справляется о «Блоке» [3]. Я не теряю надежды на «Север⟨ные⟩ Цветы» для Саши [4]. Но для этого нужно бы иметь все лучшие новейшие стихи Саши. Сдается мне, что в конце концов мы одолеем. С «Скорпионом» вести дело легче и проще, чем с «Нов⟨ым⟩ Путем». Брюсов в деловом отношении человек в высшей степени порядочный, хотя в разговорах довольно извилистый и колючий; а второй скорпион, Поляков, существо уже совершенно ручное и не кусающееся. Впрочем, насчет «Сев⟨ерных⟩ Цв⟨етов⟩» это ведь до сих пор только мои мечты.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 75 и об.

[1] О каких стихах Блока идет речь, неизвестно.
[2] О первой публикации стихов Блока в журнале «Новый путь» см. выше, в примечаниях к письму П. П. Перцова к В. Я. Брюсову от 12 октября 1902 г.
[3] Письма Брюсова к М. С. Соловьеву нам не известны.
[4] О публикации блоковского цикла «Стихи о Прекрасной Даме» в составлявшемся Брюсовым третьем альманахе издательства «Скорпион», «Северные цветы» (М., 1903), см. во вступительной статье к переписке Блока с Брюсовым — наст. т., кн. 1, а также в нижеследующих письмах Соловьевой.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

⟨Москва,⟩ 19 окт⟨ября 1902 г.⟩

Милая Аля, пишу тебе всего несколько слов, потому что у меня очень трещит голова сегодня. Пожалуйста, пришли стихи Саши скорее, четко переписанные, побольше. У меня есть несколько, но они все в твоих письмах, которыя я не могу дать никому. Вчера был Брюсов, наконец, застал нас дома:

он *очень охотно напечатает* стихи Саши в «Сев〈ерных〉 Цветах», для кот〈орых〉 теперь набирает матерьялы [1]. Я торжествую насколько могу с такой голо-зной болью.

Думаю, что, кроме всего прочего, Саше не лишне будет получить несколько денег, что, имея дело со «Скорпионом», не подлежит сомнению [2]. Только бы Саша уже не пристроил все лучшие!

Твоя О л я

Лучше бы побольше стихов, чтобы можно было выбрать, и выбрать *много*.

Я прочла вчера вслух «шорохи и стуки»: (Брюсов почти не разбирает твоей руки) и они очень понравились [3]. Еще два Сашин〈ых〉 стих〈отворения〉 (из последнего времени) он знает от Перцова и говорит, что они великолепны [4]. Ура. Что ж это все значило, прошлого года?

Я уже попрекала Брюсова, хотя, может быть, лучше было пройти это молчанием. Впрочем, стихи, посланные самим Сашей, Скорпион так и не получил, а я потом дала без разбора, что у меня было, переписанное Сашей для Сережи [5].

Послать я думаю лучше к нам, т. е. через нас, чтобы не было никаких недоразумений.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 76—77.

[1] Этот поворот в отношении Брюсова к стихам Блока зафиксирован его дневниковой записью за октябрь 1902 г. о знакомстве с рядом молодых литераторов (братьями Койранскими, Пантюховым, Ремизовым, Бородаевским, Ященко): «Всех этих мелких интереснее, конечно, А. Блок, которого я лично не знаю, а еще интереснее вовсе не мелкий, а очень крупный Б. Н. Бугаев — интереснейший человек в России» (Валерий Б р ю с о в. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 129).

[2] Издательство «Скорпион» выплачивало печатаемым у него авторам гонорар, в отличие от журнала «Новый путь».

[3] Речь идет о стихотворении «Я просыпался и всходил...» Его копия рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух сохранилась среди бумаг, полученных В. В. Гольцевым из архива Брюсова. См. вступ. статью к переписке Блока с Брюсовым (наст. т., кн. 2, с. 479—480). С этим исследованием мы получили возможность познакомиться, когда специальное сообщение о «соловьевских» автографах Блока (см. наст. т., кн. 1) было уже сверстано. В результате разысканий Ю. П. Благоволиной можно бесспорно отнести к «соловьевскому» собранию блоковских стихотворений следующие копии, присланные матерью поэта Соловьевой и попавшие затем к Брюсову: 1) «Верю в Солнце Завета...»; 2) «Я просыпался и всходил...»; 3) «Свет в окошке шатался...» (ГБЛ, ф. 423, к. 1, ед. хр. 3, л. 13, 14, 15); из наборной рукописи «Стихов о Прекрасной Даме» для альманаха «Северные цветы» (М., 1903): 4) «Я вышел в ночь — узнать, понять...» (ГБЛ, ф. 423, к. 1, ед. хр. 4, л. 9; в названном выше сообщении не мог быть указан протограф копии Белого). Кроме того, по внешним признакам именно к «соловьевскому» собранию, вероятно, относятся и два блоковских автографа из этой наборной рукописи: 1) «Вхожу я в темные храмы...» и 2) «Ты свята, но я Тебе не верю...» (там же, л. 1 и 2).

[4] Речь идет о стихотворениях «Я, отрок, зажигаю свечи» и «Когда святого забвения...», полученных Брюсовым после 29 июля (см. наст. т., кн. 1, с. 480).

[5] См. выше, письмо Соловьевой от 20 декабря 1901 г.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Москва,〉 20 окт〈ября 1902 г.〉

〈...〉 Я перечла Сашины страшные стихи, и опять они показались мне ужасны [1].

Жду с нетерпением, когда ты пришлешь мне пачку для Брюсова. Только лучше бы Саша переписал сам, он пишет гораздо разборчивее тебя и меня, а стихи очень теряют, когда их разбираешь с трудом. Брюсов два раза не заставал нас дома, в третий застал, и мы были ему очень рады. Он как всегда очень интересен, хотя и чудён (этим нас не удивишь) и читал много своих новых стихов. По-моему он делает огромные шаги вперед. На этот раз Бог знает почему, он к тому же и не был колюч. Единственный человек, с которым он всегда сейчас же сам делается очень привлекателен — это Миша [2]. Мне кажется, он к Мише относится совсем особенно, и даже, может быть, это отчасти бессознательно. Что хотят Мережк〈овские〉 от Саши? [3] Воля твоя,

это не спроста. Но что бы ни было, я все-таки рада, что в нашей прошлогодней распре относительно Саши они признали себя разбитыми на голову! Так их и нужно. А Гиппиус все еще в фероньерке? Ах, как обидна была мне эта фероньерка и все прочее прошлаго года! Как это все не в стиле! Какая художественная бестактность! Это был мой первый ушат холодной воды [4].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 79 об.— 80.

[1] По-видимому, мать поэта исполнила просьбу Соловьевой — см. выше ее письмо от 17 октября 1902 г.
[2] М. С. Соловьев.
[3] Речь идет, вероятно, о сближении Блока с Мережковскими и их предложении поэту печататься в «Новом пути».
[4] См. выше, письмо Соловьевой от 20 декабря 1901 г. и 11 апреля 1902 г. — О «фероньерке» Гиппиус пишет Брюсов: «6 декабря 1901 г. вечером мы были у Соловьевых... Зиночка была опять в белом и с диадемой на голове, причем на лоб приходился бриллиант» (Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910, с. 113; ср.: Андрей Белый. Начало века, с. 173, ср. там же, с. 182).

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Москва, 26 октября 1902 г.〉

〈...〉 Стихи еще не развертывала [1]: как хорошо что их много и что они четко написаны,— (я видела Сашину руку). Только нет ли там чего уже отданного в «Нов〈ый〉 Путь»? Если есть, напиши, которые, чтобы не вышло недоразумения с Брюсовым.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, лл. 83 об.— 84.

[1] Соловьева этим письмом торопилась поблагодарить адресата за скорое выполнение ее просьбы — разыскать в петербургских магазинах английский роман, который собиралась переводить (в частности, Соловьева писала 24 октября: «Если тебе не время с этим возиться 〈...〉, то может быть, Саша может?— там же, л. 82).
Рукописи стихотворений, доставленные Брюсову через Соловьевых, сохранились; однако, по-видимому, крайне затруднительно отделить их от присланных 1 февраля 1903 г. Блоком самому Брюсову — см. подробнее во вступительной статье к переписке Блока с Брюсовым (наст. т., кн. 1).

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург,〉 Баскова ул. 14. 29.10.〈19〉02

〈...〉 «Арлекин» Блока я знаю, он мне совсем не нравится [1]. Боюсь мы разное любим в Блоке. «Силы» в нем пока не вижу, а талант есть несомненно [2],— очень еще юноша он, посмотрим.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 19—20.
Ответ на неизвестное письмо Бугаева.

[1] Речь идет, по-видимому, о стихотворении Блока «Свет в окошке шатался...» (I, 210), посланном Блоком при его письме к Гиппиус от 14 сентября 1902 г., где было сказано: «Пока что разрежаю мою сгущенную молниеносную атмосферу жестокой арлекинадой, которой стихотворное выражение и посылаю Вам» (VIII, 46).— Белый познакомился со стихотворением Блока у Соловьевых; сохранилась его копия этого стихотворения — см. наст. т., кн. 1, с. 246.
[2] Ср. письмо Гиппиус к Бугаеву от 17 сентября 1902 г.

М. С. СОЛОВЬЕВ — В. Я. БРЮСОВУ

〈Москва, 30 октября 1902 г.〉

Дорогой Валерий Яковлевич.

Думал быть у Вас сегодня вечером, но простудился и должен посидеть дома. Надеюсь, что удастся побывать в следующую среду, а теперь посылаю Вам: 1) V том брата [1], 2) стихотворения Блока [2], 3) стихотворения и отрывок из

ДОМ В УСАДЬБЕ ДЕДОВО. НА САДОВОЙ ДОРОЖКЕ — О. М. СОЛОВЬЕВА
Фотография, 1890-е гг.
Собрание Н. С. Соловьевой, Москва

мистерии Бугаева «Антихрист», который, как сам увидите, лучше бы назвать «Пришедший» [3].

Большое спасибо за «Tertia Vigilia» [4].

Ваш М. Соловьев

30 окт⟨ября⟩ 1902 г.

ГБЛ, ф. 386, к. 103, ед. хр. 22, л. 3—4.

[1] Речь идет о первом посмертном собрании сочинений Вл. Соловьева.
[2] Стихотворения Блока для «Северных цветов» были получены Соловьевыми 26 ноября.
[3] Помимо юношеской мистерии Андрея Белого (см. ниже письмо О. М. Соловьевой от 30 октября 1902 г.), напечатанной в «Северных цветах» под предложенным или одобренным Соловьевым заглавием, в альманахе был опубликован цикл из 12 стихотворений Белого «Призывы»; о стихотворениях для альманаха, видимо, и идет речь.
[4] Т. е. за присылку вышедшей в 1900 г. книги Брюсова «Tertia Vigilia».

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

⟨Москва,⟩ 30 октября ⟨1902 г.⟩

Милая Аля, сегодня вечером Миша должен был быть у Брюсова (у него собираются по средам [1]), но простудился и не выезжает. Поэтому мы послали Сашины стихи с Грушей, которая понесла уж зараз и Володин только что вышедший пятый том [2]. Конечно, жаль, что Сашины стихи мы не передали из рук в руки и не читали вместе с Брюсовым, но хотелось это поскорее, не откладывать, чтобы он не успел набрать все «Сев⟨ерные⟩ Цветы». Посмотрим, что теперь будет. Я очень рада что ты мне написала, что Саша получает 500 руб. в год [3]. Это гораздо лучше, чем я думала. Значит ты все-таки можешь быть более или менее спокойна в этом отношении. Пожалуйста, не забывай это ценить! И вообще ценить все, что возможно! Ведь у тебя — обрати внимание — очень этого много,— уж какие тут 500 рублей! [4].

Сегодня у нас выдался день, который я называю «леченье от тучности». С самого утра, когда Миша еще не встал, пришел Боря и с нетерпением ждал, чтобы Миша встал, чтобы читать нам, как он переделал своего «Антихриста» [5]; нужно было употребить положительное насилие, чтобы Миша выпил первую чашку и выкурил первую папиросу без «Антихриста». «Антихрист», по-моему, вещь превосходная — (ты только не говори никому, что это Боря написал, он очень стоит за это). Но все-таки с самого утра,— в утреннем настроении здравого смысла, хозяйственности и простоты! Какой огромный скачок! Впрочем, мы оба его сделали с большим успехом и оба взвинтились; я, может быть, меньше, чем Миша, потому что все время чувствовала, что для него оно, мож⟨ет⟩ быть, и лишнее (у него вчера вечером был маленький жар). Чуть только ушел Боря, пришел Рачинский в настроении вне пространства и времени, спешащий сказать все как можно скорее. Ты, впрочем, не знаешь, что такое Рачинский? Это чудо что такое, «Вихрь, видений полный». Только очень утомительно иногда: хорошо для меня всегда, но даже и мои нервы часа через два падают при нем, а Миша худеет через пол-часа, а Сергей тихонько уходит, если уж очень накопляется электричество. Вначале с Рачинским сидела я одна — Мише нужно было написать письмо к Брюсову — о Сашиных стихах [6] — и все время смутно чувствовала скрозь Христа, Нитше, крест и меч, Осанну, Осанну и Осанну — что я в полунеприличном белом балахончике, ужасно узеньком и страшно меня облепляющем, в котором положительно нельзя показываться на людях, а я в нем просидела всего «Антихриста» и все Осанны! Одно утешение что и Боря, и Рачинский, вероятно, ничего бы не заметили, даже если бы я была совсем голая. Вот какой у нас нынче выдался день; впрочем, это бывает довольно часто, бывает и гораздо сложнее. Все это очень интересно, но иногда хочется, как говорит Сережа, уйти в какой-нибудь «эмпирический» дом. Впрочем, это только кажется, что хочется.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед хр. 551, л. 85 и об.

[1] С сентября 1902 г. Брюсов завел у себя журфиксы — см.: Валерий Брюсов. Дневники, 1891—1910, с. 122.

[2] См. выше письмо М. С. Соловьева к Брюсову от 30 октября 1902 г.

[3] Речь идет о суммах, получавшихся Блоком от отца — см. публикацию их переписки, наст. т., кн. 1.

[4] Довольство необходимым — отличительная черта О. М. Соловьевой. Об этом она писала кузине еще в 1897 г.: «Милая ты моя, если Франц и Саша здоровы—вот тебе и вечный праздник. Как много хорошего на свете, как можно наслаждаться ужасно, ужасно наслаждаться, если тебя не схватит за горло какая-нибудь болезнь, не твоя, а другого» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 16).

[5] См. выше прим. 3 к письму М. С. Соловьева от 30 октября 1902 г.

[6] Нам известна, однако, только, по сути дела, записка, сопровождавшая пересланные Брюсову стихи Блока — см. выше.

З. Н. ГИППИУС — П. П. ПЕРЦОВУ

⟨Петербург, 16 ноября 1902 г.⟩

⟨...⟩ Приходите обедать, позовите и Брюсова [1], если он свободен. Вечером у меня будет Блок [2].

ИРЛИ. р. III, оп. 2, ед. хр. 1247. Датируется по помете Перцова на письме.

[1] В. Я. Брюсов (бывший секретарем журнала «Новый путь» на стадии подготовки его к изданию — до конца 1902 г.) приехал в Петербург 12 ноября, где постоянно встречался с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус (см.: Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910, с. 123—124, 127—128).

[2] З. Н. Гиппиус приглашала Блока приехать к ней в письме от 15 ноября (недатированном, с пометой: «Пятница»), отмечая в нем: «Ваши стихи очень хороши, и те, которые вы не успели мне прочитать» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26).

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Москва, 17 ноября 1902 г.〉

Милая Аля, что же ты мне ничего не пишешь? Наверное Саша видел Брюсова, и что ему сказал Брюсов? Он писал нам после получения стихов, но что-то не очень определенное. Теперь вот уже больше недели, как он в Петербурге и вы наверное с ним уже виделись [1]. А между тем, меня все это крайне интересует, и мне кажется, ведь стихи-то отчасти мои.

Я давно тебе не писала и что-то не пишется. Очень уж всего много.

У меня была между прочим очень длинная инфлюэнца, и я долго никуда не выходила кроме концертов д'Альгейм [2]. Слышали ли вы ее? Она теперь едет скоро в Петербург. Непременно поезжайте ее слушать и напиши мне после этого [3]. Ничего равного этому впечатлению я никогда не испытывала, и ничего такого не было ни в каком искусстве никогда. Поезжай, послушай, Миша говорит, что ему в ней не нравится то, что она немножко «одержима» и в ней есть что-то двусмысленное, Боря бы сказал «подмигивающее» [4]. Но мне кажется, что если и есть немножко нечистой силы, то чистой гораздо, о, гораздо больше. Конечно, ты не перестанешь двоиться, когда ее услышишь, но все-таки поезжай. Вся зала сидит, точно пьяная, и самые почтенные, порядочные люди начинают делать и говорить лишнее. Постарайся услыхать, когда она будет петь «Doppelgänger» Schubert'a * и «Пляски смерти» Мусоргского. Завтра мы едем слушать ее опять. Боря говорит «Откуда она?» и больше почти нечего и сказать. 〈...〉

А все-таки надо упомянуть еще об одной гадости [5]. Гиппиус поссорила меня с Сеной [6] после того, как я сама поссорилась с Гиппиус. Она сказала Сене, что я говорю ужасные гадости про Манасеину. Этого никогда не было и не было ничего подобного. Все это необыкновенно гнусно и прискорбно и имеет, я боюсь, еще более гнусную подкладку.

Что там делается — уму непостижимо, и я не хочу об этом говорить, и думать не хочу.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 53—54. Датируется по упоминаемому последнему концерту М. А. Олениной-д'Альгейм — см. ниже, прим. 2.

[1] Упоминаемое письмо Брюсова к М. С. Соловьеву в ответ на получение стихов Блока для «Северных цветов» неизвестно. 12 ноября 1902 г. (Соловьева, видимо, не знала точной даты отъезда Брюсова и поэтому несколько преувеличивает длительность его отсутствия из Москвы) Брюсов приехал в Петербург по делам журнала «Новый путь» (Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 123). Блок в какой-то степени ожидал встречи с Брюсовым в Петербурге (ср. его письмо к Л. Д. Менделеевой от 23 ноября 1902 г.— ЛН, т. 89, с. 70), однако, она не состоялась.

[2] М. А. Оленина-д'Альгейм дала в Москве в Малой зале Благородного собрания четыре концерта: 5, 8, 15 и 18 ноября 1902 г — см. восторженные отзывы Н. К. Кашкина (за подписью Н. К., ему же принадлежат, по всей вероятности, и неподписанные заметки): «Московские ведомости», 1902, № 305, 308, 309, 315, 318, 320 (5, 8, 9, 15, 18, 20 ноября). Соловьева ниже говорит о намерении посетить, несомненно, последний концерт, так как посещение других не могло более чем на неделю отстоять от предполагавшейся даты (за несколько дней до действительной) отъезда Брюсова в Петербург (см. прим. 1).

[3] Блок был на концертах М. А. Олениной-д'Альгейм 6 и 11 декабря 1902 г.— см. его письмо к А. В. Гиппиусу, наст т., кн. 1, с. 438, а также VII, 425; более поздний отзыв поэта о певице, явно перекликающейся с публикуемым московским — в его письме С. М. Соловьеву от 1—6 декабря 1903 г.— наст. т., кн. 1, с. 352.

[4] Слово характерно для Андрея Белого; можно сопоставить с комментируемой фразой фразу из письма Блока к Л. Д. Менделеевой от 13 декабря 1902 г.: «...меблированные комнаты, какое-то подозрительное и подмигивающее слово» (ЛН, т. 89, с. 76).

[5] Выше Соловьева говорила, видимо, отвечая кузине, что неназванная ею статья В. В. Розанова произвела на нее «впечатление дурное. Розанов ужасный нахал; он очень талантлив, но он вонючий и липкий. После того, как его почитаешь, хочется пойти в баню и вымыться с ног до головы дегтярным мылом. Нет, мне в эту минуту не хочется об этом писать».

[6] П. С. Соловьева, ближайший друг упоминаемой ниже Н. И. Манасеиной. Ср. выше письмо Соловьевой от 11 апреля 1902 г.

---

* «Двойник» Шуберта (*нем.*)

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Москва, 21 ноября 1902 г.〉

Милая Аля, посылаю тебе маленькую заметку, написанную Борей о д'Альгейм [1]. Мне кажется, он очень хорошо сказал это все и хорошо сосредоточил разговоры, происходившие вокруг нашего круглого стола. Впрочем, все-таки сказано не все и, пожалуй, немного холодно. Прочти (там упоминается, между прочим, о Саше), прочти сама и прочти Саше и непременно поезжайте слушать ее [2]. Она давала здесь 4 концерта и мы были на всех четырех, хотя оба не совсем здоровы (я даже раз в сильном жару) и хотя денег у нас в нынешнем году необыкновенно мало.

О «Скорпионе»: Брюсов ничего такого не писал, из чего можно было бы заключить, что он не хочет печатать Сашины стихи в «Сев〈ерных〉 Цветах»: напротив мне казалось, что они непременно будут напечатаны, хотя мнение Брюсова было выражено именно «неопределенно» [3]. Теперь можно опасаться, как бы не вышло какой-нибудь гадости от Мережковского. Брюсов две недели назад относился к ним с большим омерзением, а потом вдруг „уехал в „Новый Путь" (так он сам написал) и пошел ко дну. У нас он выражал твердое намеренье оттягать у „Нов〈ого〉 Пути" Блока и Бугаева, и З. Гип〈пиус〉, вероятно, захочет оттягать их у „Скорпиона". Чувствую, что в моем изложении эти придворные интриги выходят не ясно; ну да все равно.

Мне в эту минуту не хочется писать и всего менее — о желто-зеленых испарениях. А в Сашиных последних стихах опять что-то жуткое, я надеюсь, что это пройдет от д'Альгейм; стихи очень сильные и очень хорошие — и тем это хуже. (Я говорю о стихе № 1 „Мне страшно с тобою встречаться") [4]. Пусть слушает д'Альгейм, и ты слушай, нам с тобою она нужнее, чем кому-нибудь. Она *все это знает* и все прогонит — хоть на время.

Твоя Оля

21 ноября

Когда прочтешь заметку о Д'Альгейм (ты и Саша), *пожалуйста*, верни мне ее назад! Боря согласился, чтобы я вам ее послала с этим условием, да и мне хочется ее иметь.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 88 и об.

[1] Речь идет о статье Андрея Белого «Певица» («Мир искусства», 1902, № 11). Судя по окончанию приводимого письма, в Петербург была послана рукопись, а не печатный текст (который могла бы просить вернуть владелица единственного экземпляра журнала, но не автор опубликованной заметки). В своей статье, как известно, Белый упоминал Блока, что и объясняет фразу из письма поэта к отцу от 29 ноября 1902 г.: «Из Москвы меня цитируют рядом с Вл. Соловьевым» (VIII, 47, ср. там же прим. 3 к этому письму — с. 562). Ср. прим. 2 к письму Соловьевой от 22 декабря 1902.

[2] См. выше прим. 3 к письму Соловьевой 17 ноября 1902 г.

[3] По всей вероятности, мать поэта просила кузину подробнее рассказать о письме Брюсова в связи со стихами Блока — см. прим. 1 к письму Соловьевой от 17 ноября 1902 г.

[4] Когда книга первая настоящего тома с нашим сообщением о «соловьевском» собрании автографов и копий ранних стихотворений Блока была уже сверстана, в поле нашего зрения попали копии четырех стихотворений, выполненные рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух и хранящиеся среди ее писем к Андрею Белому. Несомненно, все они были в свое время приложением к ее письмам Соловьевой. К данному письму следует отнести одинарный лист, на одной стороне которого текст упоминаемого Соловьевой стихотворения «Мне страшно с Тобой встречаться...», на другой — «Осанна!, Ты входишь в терем!...» (ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, л., соответственно, 41 об. и 41; оба стихотворения помечены: «ноябрь»; на листе приписки Кублицкой-Пиоттух: «Из последних стихов Саши»). Оба стихотворения были переписаны Белым в его письме к Э. К. Метнеру от 4 января 1903 г. (см. ниже); см. также ниже прим. 2 к письму Соловьевой от 22 декабря 1902 г. и прим. 3 к ее письму от 31 декабря 1902 г.

Подробнее об истории распространения в Москве автографов и рукописных копий ранних стихотворений Блока в 1898—1903 гг. см. в статье Н. В. Котрелева — наст. т., кн. 1, с. 222—248.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

11 дек⟨абря 1902 г.⟩ Москва

⟨...⟩ Напиши мне о Сашином вечере у Мережковск⟨их⟩. Такие вечера мы называем «козловак» [1].

Прошлаго года как раз в это время у нас должен был быть козловак. Мережковские спросили меня, можно ли, и я, растерявшись, сказала можно, но когда Миша об этом узнал, сейчас же все рушилось, и я собственноручно должна была написать записку: что нельзя и все тут. Впрочем у нас и без Мережк⟨овских⟩-таки бывают изрядные козловачки. Брюсов приехал [2], но у нас пока еще не был. Он окончательно пошел ко дну, потому, я думаю, и не идет. Выздоровев от Мережк⟨овских⟩, он теперь опять заболел тем же самым в острейшей форме. Сидит и читает Евангелие! Думаю, что Зина [3] сделала это ногой, а Миша [4] думает, что коленкой. Но хуже всего то, что ни о стихах Саши, ни о Борином «Антихристе» при таких обстоятельствах уж ничего нельзя добиться [5]. Вероятно, это скоро пройдет.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 92—93.

[1] См. прим. 34 к письму С. М. Соловьева к Блоку от 18 февраля 1904 г.— наст. т., кн. 1, с. 367. Однако, судя по реакции М. С. Соловьева на предложение Мережковских, и в декабре 1901 г. речь шла о каком-то неигровом радении, ср. в письме Блока к М. С. Соловьеву от 23 декабря 1902 г.: «Я слышал, что в прошлом году вместо религиозного общества Мережковские думали (действительно!) устроить настоящий «козловак» — там же, с. 412. Блок несколько раз бывал у Мережковских в конце ноября — начале декабря 1902 г., и что имеется в виду в данном случае — установить не удалось.

[2] Из Петербурга — см. выше письмо Соловьевой от 17 ноября 1902 г.

[3] З. Н. Гиппиус.

[4] М. С. Соловьев.

[5] См выше письмо М. С. Соловьева к В. Я. Брюсову от 30 октября 1902 г.

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

22 дек⟨абря 1902 г.⟩

Милая Аля, теперь уже вы наверное получили письмо от Миши и знаете про Брюсова. Надеюсь, ты рада так же, как я [1]. Я хотела много тебе написать в ответ на твое последнее письмо и стихи [2], но на меня напал молчаливый стих. Лучше потом.

Теперь пишу главное, потому что вот что: Боря очень хочет написать Саше, но не решается и просил, чтобы я спросила, не сочтете ли вы это странным или неловким. Я его уверяла, что не сочтете, но он все-таки просит меня написать.[3]

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 96.

[1] 21 декабря 1902 г. М. С. Соловьев сообщил Блоку о твердом намерении Брюсова печатать стихи Блока в «Северных цветах» — см. наст. т., кн. 1, с. 411.

[2] Несомненно, к неизвестному нам письму матери поэта Соловьевой прилагался двойной лист, сохранившийся в архиве Андрея Белого (ср. письма Соловьевой от 21 ноября, прим. 4 и от 31 декабря, прим. 3), на котором ее рукой скопированы стихотворения Блока «Царица смотрела заставки...» (датируемое, как известно, 14 декабря 1902 г.) и «Утро» («Я смотрел на слепое людское строение...», датируемое 5 декабря 1902 г.— ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, лл. 42—43). Второе стихотворение в этой копии имеет посвящение Б. Н. Бугаеву, что вызвано, по всей видимости, знакомством Блока с заметкой Белого «Певица» (см. выше, письмо Соловьевой от 21 ноября 1902 г.).

[3] Судя по первой фразе первого письма Андрея Белого к Блоку («Пользуясь данным разрешением, я пишу Вам эти несколько слов»—«А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 1), в позднейшем (от 1 или 2 января 1903 г.) письме матери Блока к Соловьевой мог быть положительный ответ на вопрос Белого; ср. ниже письмо Соловьевой от 31 декабря 1902 г. Со своей стороны, Блок еще весной 1902 г. писал в «Дневнике»: «А не будет ли знаменьем некоего «конца», если начну переписку с Бугаевым? Об этом очень нужно подумать» (VII, 44).

О. М. СОЛОВЬЕВА — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Москва,〉 31 декабря 1902 г.

〈...〉 Мне ужасно понравилось Сашино письмо к Мише [1]. Все мои страхи, что он духовно зачахнет в желто-зеленых испарениях, оказываются, повидимому, совсем не основательными. 〈...〉

Пришел «Новый Путь», я еще почти ничего не прочла в нем, но проглядывала немного, и мне что-то показался он скучен и бесцветен. И обложка такая некрасивая. Как это никто не мог выдумать получше. Ведь у них там «Мир искусства» кум и приятель [2]. Напиши мне, пожалуйста, скорее, да пришли, если есть, Сашины стихи: вчера я перечитывала некоторые и пришла в большой восторг. А последние все у меня зажилил Боря, обещал впрочем переписать и возвратить [3].

Что же ты не пишешь, можно ли ему написать Саше? Какой, по-моему, глупый вопрос. Конечно, пусть пишет, по-моему [4].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551, л. 97.

[1] См. письмо Блока к М. С. Соловьеву от 23 декабря 1902 г.— наст. т., кн. 1, с. 412.

[2] «Новый путь» по замыслу его издателей должен был стать органом преодоления декадентства во имя новой «религиозной общественности». Его полиграфическое оформление, в отличие от оформления модернистских изданий, было приближено к традиционному. Ср. дневниковую запись Брюсова от 20 ноября 1902 г.: «Бакст нарисовал прекрасную «марку» для журнала. Мережковским она очень понравилась. Но Перцов отверг ее решительно за декадентство. «Это будет не „Новый путь", а „Мир Искусства" или „Северные Цветы"»— Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 125.

[3] См. выше прим. 4 к письму Соловьевой от 21 ноября 1902 г. и прим. 2 к ее письму от 22 декабря 1902 г.

[4] См. выше прим. 3 к письму Соловьевой от 22 декабря 1902 г.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

Москва, 4-го января 1903 года

〈...〉 P. P. S. Позволяю себе привести некоторые стихотворения А. Блока (из новых).

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 6, л. 3 об.— 4 об.

Впечатление Метнера от сообщенных с этим письмом стихотворений Блока см. в его письме к Белому от 〈31 января — 2 февраля 1903 г.〉 наст. кн., с. 195.

В письме содержатся копии четырех стихотворений; описание их см. в кн. 1 наст. тома: «Мне страшно с Тобой встречаться...», «7—8 ноября 1902 года» („Осанна! Ты входишь в терем!"), „Я, отрок, зажигаю свечи...", «Сбежал с горы и замер в чаще...».

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

〈Москва, 1903 г., январь〉

〈...〉 Знаете ли, в чем я убедился? Москва — своего рода центр — верую, верую. Мы еще увидим кое-что. Еще будем удивляться — радоваться или ужасаться, судя по тому, с Ним или не с Ним будем [1]. События не оставят нас в стороне, дорогой Эмилий Карлович. Все же мы званы поддержать Славу Имени Его. Будем же проводниками света и свет в нас засветится, и тьма не наполнит нас [2]. И теперь, на расстоянии, мне приятно подать голос, окликнуть Вас и Анну Михайловну...[3] Напомнить. Пространства не властны. Людям «знающим» нужно особенно быть вместе..., один не спасешься [4]. «Где двое или трое во Имя Мое, там Я посреди их» [5].

В Москве уже потому центр, что уж очень просится в сердце то, чему настанет когда-либо время осуществиться. Открывается с поразительной ясностью, легко дается. 〈...〉

Получил от Блока письмо. Он тоже полагает, что центр в Москве [6].

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 7, л. 1 об.— 2. Датируется по упоминаемому письму Блока (см. прим. 6); Метнер отвечал на это письмо Белого 31 января — 2 февраля 1903 г.— см. ниже.

[1] Основная тема письма Белого — его внецерковный христоцентризм, пронесенный им от раннего соловьевства до штейнерьянства зрелых лет, в том числе, объясняющий его поэму «Христос воскрес» (П., 1918), связанную с «Двенадцатью» Блока, которой поэт приветствовал революцию, как возрождение мира.

[2] Парафраза Евангелия от Иоанна, 1,5—8.

[3] А. М. Метнер, жена адресата.

[4] Ср. наст. кн. с. 179, а также прим. 6.

[5] Евангелие от Матфея, 18,20 (с пропуском одного слова).

[6] По-видимому, Белый имеет в виду письмо Блока от 3 января 1903 г., которым открывается многолетняя переписка двух писателей (VIII, 51—54). При этом Белый умалчивает, что средоточием обетований будущего Блок в какой-то момент готов был признать самого А. Белого; в самом деле, поэт писал: «От моего «греха» задаю я Вам вопросы и потому, что совсем понял, что центр может оказаться в Вас» (VIII, 54). В ответ Белый 6 января 1903 г. убеждал Блока: «Боже мой, что Вы говорите! Центр может оказаться во мне? Убедительно прошу Вас оставить эту мысль: не во мне, а в нас вообще, недалеко, быть может, от нас. Мы должны прислушиваться друг к другу, к тишине, возмущаемой ныне, молиться и верить, верить без конца. Не начинать. *Терпеливо ждать*» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 11).

А. В. ГИППИУС
Фотография, 1900(?)
Музей истории Ленинграда

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

31.I 〈19〉03. С〈анкт-〉 П〈етер〉б〈ург〉
Литейный 24

〈...〉 Я слышала от Блока, что вы с ним в деятельной переписке [1]. Стихи Б〈лока〉 будут в третьей книжке «Нов〈ого〉 п〈ути〉» [2].— Отчего не был Б〈лок〉 в Москве? [3]

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 23, об.
Ответное письмо Бугаева неизвестно.

[1] Переписка Блока с Белым началась со встречных писем от 3 января 1903 г.; январем 1903 г. датировано восемь писем этой корреспонденции: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 3—17.

[2] См. наст. кн., с. 185—186.

[3] Т. е. на похоронах или, быть может, в девятый день по кончине М. С. и О. М. Соловьевых. Ср. в письме З. Н. Гиппиус к Блоку от 16 января 1903 г.: «Александр Александрович, очень просим вас, если знаете что-нибудь об этом ужасном несчастии — смерти Мих〈аила〉 Серг〈еевича〉 и Ольги Мих〈айловны〉 Соловьевых в ночь на 16-ое,— сообщите нам. Мы прямо отказываемся верить несмотря на то, что это так. Напишите две—три строки, или зайдите сами, если тоже не уехали в Москву, как все Соловьевы и Манасеина. Я узнала об этом сегодня вечером из краткого письма Манасеиной, которая и сама, очевидно, ничего не знает (как и другие) кроме телеграфного извещения. ... Как мир делается страшен, когда с ним соприкасается другой!» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26, л. 16). Поездка Блока в Москву в эти дни, по-видимому, не предполагалась — ср.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 15; Андрей Белый. Начало века. М—Л., 1933, с. 199—203.

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Нижний-Новгород, 31 января — 2 февраля 1903 г.〉

〈...〉 Из стихотворений Блока особенно сильное впечатление произвело на меня последнее: Сбежал с горы etc [1]. Это такой тонкий змеиный упоительный ужас, какой я не раз ощущал... И опрокинувшись заглянет мой белый призрак им в лицо... [2] Кириллов за шкафом [3], сон мой о двух змеях... Ужасный сон... Но я спокойнее, вспоминая его теперь [4].

ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 10, л. 2. об.

[1] См. прим. к письму Андрея Белого от 4 января 1903 г. (наст. кн., с. 194).
[2] Две последние строки из выделенного выше стихотворения Блока.
[3] Метнер имеет в виду эпизод из романа Достоевского «Бесы»: Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 10, Л., 1974, с. 475—476.
[4] Сон, вероятно, был известен Белому из устного рассказа Метнера, в их переписке он более не упоминается.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

Москва 1903 года февраля 14-го

〈...〉 Простите мое долгое молчание. Оно вызвано не от меня зависящими причинами. 〈...〉 3) Еще с незапамятных времен залежались у меня письма З. Н. Гиппиус и Блока, пока что нужно было сперва им ответить [1]. Все это отсрочило мой ответ. Но лучше поздно, чем никогда [2]. 〈...〉

Да, кстати. Я еще ничего не писал Вам о забавной для меня истории с моим рефератом в филологическом кружке. Тут вышла целая история. Я рассматривал формы *как таковые*, т〈о〉 е〈сть〉 на первой стадии, иногда выкрикивая в виде реторических отступлений из области символизма (третьей стадии). Я обошел вторую стадию, т〈о〉 е〈сть〉 *гносеологический аллегоризм Канта*. В некоторых местах при выкрикивании из области 3-ей стадии я упомянул о «нуменальном поле», причем поставил этот термин в кавычках, ибо пользовался им условно; повторяю, центр реферата был на *первой стадии*. Я забыл при этом поставить всего две частицы: «*как бы*» *нуменальное* и поставил просто «*нуменальное*». Дурачки-кантята во главе с Фохтом [3] уличили меня в незнании термина, употребленного Кантом!! Ах?! Тщетно я объяснял *переосмысленность* этого не существенного для целого места — они ничего не поняли, и свели мой реферат к второй, аллегорической, т〈о〉 е〈сть〉 *гносеологической* стадии, рассматривая ее именно только с этой, единственно им доступной стадии. Теперь там вышел из-за реферата какой-то скандал по поводу протокола Фохта, составленного о прениях, по поводу его. Впрочем я ничего не знаю верного. Мне что-то передавали. Характерно, что Блок упрекает меня за другое (реферат с выбросом некоторых мыслей напечатан в № 12 «Мира искусства»): он пишет, что я недосказал многое, т〈о〉 е〈сть〉 не свел всецело к Апокалипсису, т〈о〉 е〈сть〉 он видит центр в этих *несущественных* отступлениях полу-мистического оттенка [4]. Вот что происходит, когда мистик и декадент вступает в сношения со студентами!!! 〈...〉

Мне очень приятно, что стихотворения Блока Вам нравятся. В 3-ей книге «Нового пути» они будут [5]. 〈...〉

P. S. Посылаю несколько стихотворений [6].

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 9, л. 1,3.

[1] О письмах Белого к Блоку между 27 января и 〈24 или 25〉 февраля 1903 г. сведений не имеется.
[2] Ниже Белый говорит о своем столкновении с кантианцами в открывшемся осенью 1902 г. «Студенческом историко-филологическом обществе», которым руководил С. Н. Трубецкой (см.: Б. Фохт. Памяти князя С. Н. Трубецкого. Речь, произнесенная в заседании Московского Психологического Общества 7 октября 1905 г. М., 1906, с. 8—9). В центре полемики оказался реферат Белого «Формы искусства» (опубликован: «Мир искусства», 1902, № 12), в котором сформулирована теория «четырех кругов понимания», первая по времени экспозиция эстетической теории Белого. Ср. в заметках Белого «Себе на память»: «1902 〈...〉 17) Ноябрь. «О формах искусства», реферат в студенческом общ〈естве〉 имени Трубецкого (участвуют в прениях прив〈ат-〉 доцент Викторов, Фохт, Койранский, Топорков). 〈...〉 18) Ноябрь. «О формах искусства» (продолженье реф〈ерата〉 〈...〉 участвуют в прениях Кубицкий, Эрн, Фохт, Койранский)» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96).
[3] Борис Александрович *Фохт* (1875—1946) — философ.
[4] Белый резюмирует упреки, сделанные ему Блоком по поводу названной статьи в письме от 3 января 1903 г., с которого началась их переписка («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 3—5; ср. Андрей Белый. Начало века. М.—Л., 1933, с. 259).

[5] Речь идет о первой публикации Блока в журнале «Новый путь».

[6] Приложены копии стихотворений Блока «Здесь ночь мертва. Слова мои дики...» и «Запевающий сон, зацветающий цвет...». Описание копий см. в статье Н. В. Котрелева «Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока» в кн. 1 наст. т. Следом за стихами Блока Белый переписал для Метнера и два своих, вошедших в его книгу «Золото в лазури» (М., 1904): «Возврат» («Я вознесен, судьбе своей покорный...») и «Пир» («Поставил вина изумрудного кубки...»). Впечатление Метнера от этих четырех стихотворений — в его письме от 27 февраля — 4 марта 1903 г. (см. ниже).

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Нижний Новгород, 27 февраля — 4 марта 1903 г.⟩

2 марта 1903 года ⟨...⟩ Из приведенных Вами стихотворений Блок мне на этот раз меньше нравится. Ваш «Возврат» — очень хорош: Вы отлично понимаете гнома, старинное — земное, зеленое, из которого (зеленого) однако удалено все змеиное... оттого и уютность: где змея, там уже не может быть уюта...

ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 11, л. 5 об.

Метнер имеет в виду стихотворения Блока и Белого, доставленные ему последним с письмом от 14 февраля 1903 г. (см. выше).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

Москва 26 марта ⟨19⟩03 года

⟨...⟩ Я возвратился. Как описать все недоумение и ... смех, когда я почувствовал, что описал духовное путешествие сквозь мир к довременному (старинному) хаосу (1—8), и *пойдя дальше*, я вновь родился (9—1), нашел самого себя. Круг был замкнут, цикл жизни совершен; я уходил за смерть — я вернулся [1]. ⟨...⟩

С сериозным хохотом [2] пишу Вам, дорогой Эмилий Карлович, об этом, как о *приключении для меня странном*, важном и необычайном. Не знаю, чревато ли оно следствиями, или это отрывок из *«наваждения»*, но знаю, что кроме Вас, да, пожалуй, Алексея Сергеевича [3] меня никто не поймет (меня уж и так отказываются понимать во многом даже Блок [4], Сережа Соловьев, Мережковские [5]).

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 12, л. 1.

[1] В предыдущих письмах Белый развивал Метнеру свою теорию об этапах духовного пути, знаменуемых числоцветовыми символами. Эта теория была изложена им в статье «О религиозных переживаниях», отвергнутой редакцией «Нового пути» (см. наст. кн., с. 200).

[2] Ср. важную для Блока тему о «„созидающем“ хохоте Вл. Соловьева», затронутую уже в первом его письме к Белому (VIII, 52).

[3] А. С. Петровский.

[4] Свое письмо к Белому от 3 февраля 1903 г. Блок начинал словами: «Ваши письма и слова ясны для меня, вероятно, более, чем для многих других. Это происходит, преимущественно, оттого, что наши углы зрения очень часто совершенно одинаковы» («А. Блок и А. Белый, Переписка», с. 17). Но Белый уже в своем комментарии к первому в их переписке письму Блока указывает на сразу установившуюся в ней недоговоренность, прежде всего со стороны Белого: именно Белый «затаил этот налет чуждости в тактике Блока, растерялся, не зная, как в дальнейшей переписке согласовать свой *тон* с *тоном* Блока; смерть Соловьевых (см. наст. кн., с. 195 — *Н. К.*), экзамены (Белого — в университете — *Н. К.*) отсрочили выявление этой затаенности, но она сказалась в попытке полемизировать с Блоком в более поздних письмах». Подобными отметками недопонимания, недоговоренности, скрытых несогласий пестрят пояснения Белого к переписке двух друзей в 1903 г.: «⟨...⟩ уже в первых письмах — постоянное столкновение разных ритмов; и качка, и пена,— и — *„туман“* над волнением». Тем не менее, это не помешало пылкому сближению; по-видимому, расхождения во взглядах и духовных установках, фиксируемые не только поздними комментариями и воспоминаниями, но и публикуемыми нами фрагментами писем к Метнеру, были не столь безнадежны, как они вырисовывались Белому позже. По связи с тем, о чем Белый говорит в приведенном выше отрывке, знаменательно его примечание к письму Блока от 20 марта 1903 г.: «Рассуждения Блока о моей статье по сигнализации *цветами* этапов пути вводят *in medias res* той же неразбе-

рихи между нами, о которой я выше сказал» («Cahiers du monde russe et soviétique», p. 84—88, но ср. там же, с. 104: «Факт нашей дружбы перевесил и все «разности» подходов к общим темам, и все личные тяжбы ⟨...⟩. Поэтому и в комментариях я сознательно подчеркиваю наши несогласия, полагая, что они лучше вычертят рельеф наших согласий, вне несогласий не ясных»).

[5] Ср. письмо Белого к Метнеру от 25 июля 1903 г.— наст. кн., с. 200.

А. С. ПЕТРОВСКИЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

Москва, 9 апреля 1903 г.

⟨...⟩ Вышли «Северные цветы». Отвратительный, утонченно скабрезный рассказ Гиппиус. Прекрасны стихи Бугаева и Блока [1].

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 26, л. 37.

[1] В третьем альманахе издательства «Скорпион» «Северные цветы» (М., 1903) были помещены рассказ З. Н. Гиппиус «Месса. (Переводная картинка)» (с. 65—73) — о любовном приключении неопытной юной итальянки, стихотворные циклы «Призывы» Андрея Белого (с. 26—38) и «Стихи о Прекрасной Даме» Блока (с. 93—99; 10 стихотворений).

Э. К. МЕТНЕР — А. С. ПЕТРОВСКОМУ

Нижний Новгород, 26 апреля 1903

⟨...⟩ Гиппиус необходимо высечь. Какая мерзость. И какая поверхностность. Дробненькое трепетание, не идущее вглубь, до крайности форсированное, обоих чувств еще не дает права видеть в них тождественность [1]. Тут умышленно грубая, логически нахальная подтасовка. Хороши тоже ее молитва за диавола [2], молитва Ф. Сологуба диаволу [3]; низкое опозорение ангельской чистоты, сочинение Аврелия [4], бездарно-грязная мазня *Habet illa in alvo* Брюсова [5] и т. п.; нет, я не поздравляю Бугаева и Блока с таким обществом. ⟨...⟩ В стихах Блока кое-что меня не радует. Есть опасные перегибы к зеленому [6], компромиссы, оргиастические выходки; не надо «смешивать два ремесла».

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 7, л. 23 об.— 24.
Ответ на письмо Петровского от 9 апреля 1903 г.

[1] В рассказе З. Н. Гиппиус «Месса» проводятся аналогии между эротическими и религиозными переживаниями; юная католичка после случайной любовной встречи в поезде с незнакомцем, неизлечимо больным чахоткой, собирается заказать мессу о блаженстве его души: «И я дам себе волю, сама буду петь и плакать, и вспоминать,— все, одно за другим, что было в мои сорок минут, когда мчался, дрожа, поезд ... Когда нам было так тесно, так страшно, так жарко, так едино.... Когда вихрь шумел вокруг нас... И я узнаю орган. Это будут те же золотые волны.. Будет то же самое... Это ведь почти то же самое» («Северные цветы». Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903, с. 73). Об обстоятельствах возникновения рассказа З. Н. Гиппиус писала С. П. Каблукову 22 июня 1909 г.: «Пожалуйста, не напоминайте мне о «Мессе». Это была скверная шутка. Мы как-то спорили, что я не сумею написать рассказа в мопассановском духе. Я шутя написала, да еще по-французски, целых два. Один так и остался непереведенным, а этот выпросил Брюсов, да и то я не давала,— виноват Дм⟨итрий⟩ Серг⟨еевич⟩. Я даже не перепечатала «Мессу» в книжке, а вы ее все еще помните!» (ГПБ, ф. 322, ед. хр. 4, л. 270, 268).

[2] Имеется в виду стихотворение З. Н. Гиппиус «Божья тварь» (там же, с. 150), начинающееся строками:

За дьявола Тебя молю,
Господь! И он — Твое созданье.
Я дьявола за то люблю,
Что вижу в нем — мое страданье.

[3] Стихотворение Ф. Сологуба «Когда я в бурном море плавал...» (там же, с. 160—161), в котором неоднократно повторяется обращение «отец мой, дьявол».

[4] Стихотворение В. Я. Брюсова «Яростные птицы, с огненными перьями...», опубликованное в «Северных цветах» под псевдонимом «Аврелий» (с. 161); под заглавием «Яростные птицы» вошло в книгу Брюсова «Urbi et Orbi».

[5] «Habet illa in alvo» («Ее движенья непроворны...») — второе из цикла стихотворений Брюсова «Мысли», напечатанного в «Северных цветах» (с. 76—79); вошло в «Urbi et Orbi».

[6] Согласно мистической семантике цветов, которую разрабатывали Андрей Белый и его духовные сподвижники, «перегибы к зеленому» должны были подразумевать избыточное тяготение к «феноменальному» миру в ущерб миру вечных духовных ценностей, воплощенных в цветах белом и голубом.

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Нижний-Новгород, 28 апреля — 1 мая 1903 г.⟩

⟨...⟩ Кстати скажу: что бы Гете ни сказал [1], у меня никогда не бывает мутного осадка от его слов; того осадка, от которого я до сих пор не могу отделаться после прочтения «Северных цветов», разумеется Ваши [2] и отчасти вещи Блока [3] — тут не в счет. Подробнее о «Северных цветах» — в последнем моем письме Алексею Сергеевичу [4].

ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 15, л. 1.

[1] Публикуемому фрагменту предшествует вызванная общим контекстом письма цитата из Гете, наследие которого Метнер неизменно противопоставлял расхожему декадентству.

[2] В альманахе «Северные цветы» (М., 1903) напечатаны юношеский «отрывок из ненаписанной мистерии» Белого «Пришедший» и 12 его стихотворений, объединенных в цикл «Призывы». Ср. в письме Метнера Белому от 13 апреля 1903 г.: «⟨...⟩ «Северные цветы» я купил и вашу мистерию прочел захлебываясь; помещение оной рукописи в печати — не одобряю; пощадите себя; неужели Вам не будет больно от камней, хотя бы их бросали в Вас презираемые Вами «неповоротливые мужики с низин»; нет, Вы напрасно не считаете себя и писателем также: в Вас трепещет задорная, задирающая жилка писателя — «преторианца»; Вы ждете с тайным удовольствием ударов, чтобы отражать их; отлично: я очень доволен; ноуменальное само по себе, а... фехтовальное — само по себе» (ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 14).

[3] Блок поместил в этом выпуске «Северных цветов» 10 стихотворений из цикла «Стихов о Прекрасной Даме».

[4] См. выше письмо Метнера к А. С. Петровскому от 26 апреля.

А. С. ПЕТРОВСКИЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

Москва, 18 мая 1903

⟨...⟩ Блок женится на «прекрасной даме» [1].

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 26, л. 58 об.

[1] Видимо, Петровский узнал об этом от Андрея Белого, которого Блок (в письме от 28 апреля 1903 г.) просил быть шафером на предстоящей свадьбе (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 30).

Э. К. МЕТНЕР — А. С. ПЕТРОВСКОМУ

Нижний Новгород, 26 мая 1903

⟨...⟩ Знаете что? Мне кажется, что Гиппиус — обезьяна; она только притворяется умной и видящей. Ну разве можно предостерегать Бугаева от срыва в вопросе о поле [1], хотя бы после письма его, напечатанного в *Новом пути*? [2]. Скорее Блока, который женился на Прекрасной Даме [3].

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 7, л. 27 об.
Ответ на письмо Петровского от 18 мая 1903 г.

[1] 18 мая 1903 г. Петровский сообщал Метнеру: «Были в Москве Мережковские ⟨...⟩ Сильно изменились с прошлого года, стали, кажется, мягче. Любопытно, что Гиппиус предостерегала Буг⟨аева⟩не смешивать вопросов пола и религиозных. «Здесь, говорит, бездна, срыв». Это очень мило после ее рассказа в «Сев⟨ерных⟩ цветах» (ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 26; имеется в виду рассказ З. Н. Гиппиус «Месса» — см. прим. 1 к отрывку из письма Метнера к Петровскому от 26 апреля 1903 г.).

[2] В письме Андрея Белого к Д. С. Мережковскому, напечатанном в извлечениях, за подписью «Студент-естественник» и под заглавием «По поводу книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». Отрывок из письма», велась полемика с высказанной в исследовании о Толстом и Достоевском негативной точкой зрения на аскетизм: «Аскетизм аскетизму рознь. Истинный аскетизм — легок, весел, благ, победителен. Истин-

ный аскетизм — это своего рода духовное эпикурейство. 〈...〉 Любовь (всякая) не исчезает в аскетизме. Она превращается, разливается до самого неба, горит вечерним закатом и звездным светом» («Новый путь», 1903, № 1, с. 158).

[3] Метнер не знал точной даты свадьбы Блока (17 августа 1903 г.).

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

20 июля 〈1903 г.〉 Трубицино

〈...〉 Я ездил на два дня к Марковым. 〈...〉 Коля Марков усиленно занимается ботаникой, не забывает и философии, так, что мы с ним, лежа в гамаке, вели строго философские разговоры, преимущественно об отношении Я к окружающему миру, при чем я уличал Колю в фихтеизме. Будучи необыкновенно смышлен и остроумен в вопросах гносеологических, Коля дальше все-таки не проникает и стукается головой об идеологию, как об стену. Возмущается заметкой Блока о тебе, но это не удивительно. Блок хватает через край, так нельзя.

ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 3, л. 12 об.— 13 об.

Упоминаемый в письме Н. В. Марков — друг детства С. М. Соловьева (см. Андрей Белый. Начало века. М.—Л., 1933, с. 32, 35; ср. наст. т., кн. 1, с. 324). Отзывы Маркова и Соловьева о «заметке» Блока относятся к рецензии на 2-ю (драматическую) «Симфонию» Андрея Белого, появившейся в № 4 на 1903 г. журнала «Новый путь» (V, 525). Она была «настолько лирически-субъективна», что редакция поместила ее «даже не в отделе «Литературной хроники», а в отделе «Из частной переписки» (П. Перцов. Ранний Блок. М., 1922, с. 32).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

〈Серебряный Колодезь,〉 1903 года, 25 июля

〈...〉 Уведомляю Вас, что отправил в «*Новый Путь*» статью, в которой одна часть посвящена произведениям Николая Карловича (альбому) 〈...〉 Не знаю: 1) пропустит ли духовная цензура (там много есть к чему можно придраться). 2) Не обезобразит ли чего-нибудь редакция. 3) Поместят ли вообще *мое*, ибо у нас с «*Новым путем*» глухие и продолжительные нелады и даже «*старые счеты*» [1]... Вот почему уже месяцев «5» я принципиально не печатаюсь в «*Новом пути*», несмотря на просьбы Мережковского и Перцова, которые, выказав много пристрастностей и тенденциозности, оттолкнули меня от себя (не как люди, а как деятели). Может статься, что они [будучи *памятными* (не *зло-* а просто памятными)] * припомнят мне некоторые мои вызывающие поступки и *не* напечатают.

Прежде всего Перцов обиделся, что я его отчитал за помещение моего письма в «Новом Пути» без моего ведома [2], потом обиделся вдвойне за то, что я отказал им в просьбе напечатать мое письмо к Блоку (слишком интимного характера) [3], затем обиделся Мережковский за присылку рассказа, в котором Вл. Соловьев выставляется перлом создания (он терпеть не может В. Соловьева) и который они не поместили [4]. Наконец обиделся *я* за непомещение одной заметки, которую они (в Редакции) не поняли [5]. Кроме того: у нас с Мережковскими свои личные, усложненные до *nec plus ultra*, отношения... Все это делает мое участие в «Новом пути» нежелательным для меня, тем более что и Мережковские понимают меня совсем превратно. Вообще я чувствую ужасное одиночество среди лиц, которые меня окружают и с которыми volens nolens приходится иметь дело: все эти Брюсовы, Бальмонты, Соколовы, Мережковские и т. д. все это, что вовсе *не то, что нужно*...

Нет среди них *пророков*, ни на кого не глядишь с искренним доверием и дружбой (разве вот Бальмонт, который честен, прям, детски доброжелателен и капризен — он самый мне симпатичный, да и то...)

* Прямые скобки подлинника.— *Ред.*

Вы все еще вспоминаете мне, что я назвал «магом» Валерия Брюсова [6], но ведь «*магизм*» я понимаю в широком смысле, и как чудодейственность силы, употребленной не во Славу Божию (как напр⟨имер⟩ у Лермонтова), так и отблеск того отношения к действительности, которое родит *магов* в тесном смысле. А если бы Вы ближе узнали Брюсова, то Вы согласились бы, что он истинный маг в потенции — маг, как тип человека, стоящего ступенью ниже теурга, ибо теург — *белый* маг. Вот Блок тоже больший маг и уже почти в настоящем смысле, почти равный в своем магизме Лермонтову [7]. Маг — заклинатель, манипулирующий до зоны хаоса, перед ней, наконец в самом хаосе, а *теург* — это маг, уже увидевший *просветы* или ушедший по ту сторону хаоса, во всяком случае хотя бы созерцанием *победивший* хаос. Отсюда: плоскости магизма и теургизма суть совершенно розничествующие во Славе плоскости, *со своими ступенями*, своей логикой, своим путем, своим величием и т. д. Лица-маски, столь обильно показывающиеся на улицах, в театрах и общественных местах за последнее время и принадлежащие *почти всегда* молодым людям и девицам, *понимающим* новое искусство [8]— эти *маски* — только магичны самой элементарной долей магизма, но уже... магизма. Следовательно, и они до некоторой степени маги. Конечно, Брюсов среди магов выдающийся, умный, знающий *маг*, к которому термин «*пророк безвременной весны*» подходит, ибо над-временность очень характерна в Брюсове. Может быть, это у него *только* поза, но он великолепный в таком случае актер, когда в обществе «застывше» и «*надвременно*» относится к окружающему [9]. Кроме того, он донельзя гиератичен в манерах — опять-таки черта магическая...

Среди официальных выразителей магизма, с сознательным актерством ретуширующих себя перед обществом, пальма первенства принадлежит, конечно, Брюсову, который «*играет роль*» с чувством, с пафосом, исполняя свою миссию (миссию показного мага) перед целой Россией, и, конечно, заслуживает уважения и признания за это, ибо он же громоотвод — принимающий львиную долю грязи, оскорблений на себя, приучающий нашу мужиковато удивляющуюся толпу *не удивляться*. Не знаю, понятно ли характеризую его, но для меня понятен и по-своему близок an sich Брюсов. Вот почему в своем стихотворении я и постарался дать изображение *идеи* и *прототипа* Брюсова.

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 19.

Письмо Белого дает многочисленные параллели к темам, обсуждавшимся в его переписке с Блоком.

[1] Еще в письме к Метнеру от 9 апреля 1903 г. Белый сообщал о том, что написал статью о музыке Н. К. Метнера но предназначает ее в «Мир искусства», а не в «Новый путь», и при этом пояснял: «⟨...⟩ не хочу пока иметь никакого дела с «Новым путем». Причины на это следующие: 1) я не совсем в хороших отношениях с Мережковским (не формально, а нуменально), 2) Перцов не захотел поместить одно мое письмо, ссылаясь на непонятность его для публики. И хотя он меня просил присылать каждый месяц что-нибудь даже по нескольку строк, хотя мы с ним и в прекрасных отношениях, но я решил твердо не давать им ничего, по крайней мере, несколько месяцев» (ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 13, л. 2 об.): о письме Белого в «Новом пути» см. ниже прим. 5.

Об альбоме произведений Н. К. Метнера «Stimmungsbilder» Белый говорит в своей статье «О Теургии» («Новый путь», 1903, № 9).

[2] Речь идет о письме Белого к З. Н. Гиппиус, помещенном с существенными купюрами за подписью «Студент-естественник» в разделе «Из частной переписки „Нового пути“» (1903, № 1). Блок читал его еще 26 марта 1902 г., получив от З. Н. Гиппиус, и сделал для себя подробный конспект. См.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 6, 18—19, 20—21.

[3] 18 февраля 1903 г. П. П. Перцов писал Блоку: «Вы говорили как-то, что у Вас есть какое-то письмо Бугаева, которое еще можно понять. Если это точно так — то пришлите его, пожалуйста; может быть, оно пригодится для мартовской «частной переписки», которую хотелось бы скрасить» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 361, л. 2). На следующий день Блок запросил разрешение на этот шаг у Белого, однако тот отверг предложение «Нового пути» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 19—21).

[4] Ср. неприязненные отзывы Блока о Гиппиус и Мережковском именно в связи с их отношением к Вл. Соловьеву в его письмах к М. С. и С. М. Соловьевым от 23 декабря 1902 г. и 8 марта 1904 г.— наст.т., кн. 1, с. 370 и 412. Указанного в комментируемом письме рассказа Белого мы не знаем.

[5] Речь идет, вероятно, о статье Белого «О религиозных переживаниях» (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 21). Блок высоко оценил ее как «необходимое дополнение» к одному из самых важных по смыслу писем к нему Белого — от 〈24 или 25 февраля 1903 г.〉 (там же, с. 27—28). В ответ на это Белый написал Блоку письмо, однако оставшееся неотправленным:

〈Москва 25 марта 1903 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Александр Александрович!

Несколько слов о моем письме в «*Новый путь*» и о «Цветах» в частности. В корне допускаю субъективизм его и невозможность напечатания в «*Новом пути*». Что же касается Ваших слов о *тени* последовательности духовных видений, то заменяю слово «*тень*» словом «прообраз», но от цветов никогда не откажусь, ибо в цвете для меня заключено все то, что создает эзотеризм и цену религиозных образов. Тут для меня нечто до такой степени важное, необъятное, что может идти лишь речь о моем неумении говорить, а не о *том*, *о чем* я хочу намекнуть цветом. Но невозможно все говорить и *только*. Поэтому пора начать молчание. Затихнуть и уйти. Нельзя и *делать дело*, потому что для меня ясно, что прежде нежели говорить о *начале*, нужно углубленностью сравняться с высокими образцами православного и вселенского христианства, уйти в пустыню, или пройти сквозь ряд духовных *ворот и арок*, воздвигнутых Ницше, чего никто, *решительно никто* исполнить не хочет. Обыкновенно происходит следующее: человек почитает Ницше, потом Ницше ему надоедает и он с пафосом объясняет: «Нас Ницше уже не интересует! Мы преодолели Ницше!»

Так ли это? Знают ли те люди истинного Ницше? Для меня ясно, что нет. Они побывали лишь в передней у Ницше и потом с видом знатоков поясняют о тайнах ницшеанства... А у св. Отцов Пустынников они и никогда не бывали... Между тем в монашестве, как и в ницшеанстве, прямолинейная глубина, отсутствие смешанности, серединности — смехотворного ужаса.

Я в последнее время многое узнал, во многом разочаровался — заработал себе право *молчания*. Я умолкаю. Выбрасываю всякий эзотеризм из своих слов. Перестаю говорить о том, во что я верю и во что нет. Становлюсь строго формальным, логическим. Мне надоел пестрый базар, который устраивают теперь из эзотерических открытий. Я не люблю маскарад. С меня довольно паясничества. Страшна мне порнография, вносимая в христианство. Тошнит от нее.

Пора открыть глаза на то, куда мы идем. Прежде нежели плевать на красоту, следует дать взамен ее эквивалентное. Оно и дается в Православной Церкви. Вот — единственно правильный путь, углубленность которого часто не ведают его стражи, но у них все же достаточно чутья, чтобы вопиять на те провалы, куда тащат нас иной раз христианетеурги, хотя во многом другом они и достаточно углубленны. Теурги мнят о себе слишком много. Они — лишь ветвь вселенского христианства, ветвь, могущая расти правильно лишь тогда, когда параллельно будет развиваться теософское и церковное понимания христианства.

Но я молчу.

Остаюсь готовым к услугам и любящий Борис Бугаев

P. S. Письма моего в «*Новый путь*» мне совсем не нужно.

Москва. 25 марта

P. P. S. «*Метемпсихоз*» мне чрезвычайно нравится, как по форме, так и по содержанию.

P. P. P. S. Так как я раз навсегда отказываюсь говорить в неопределенно-как-угоднопонимаемом тоне с мистическим налетом, то имеет ли «raison d'être» наша дальнейшая переписка? Предлагаю ее прикончить» (ГБЛ, ф. 25.30.1, л. 1—2; на обороте л. 2— черновик стихотворения Белого «Вот серебряный путь...» Упоминаемое в P. P. S. под его первоначальным названием стихотворение Блока «Никто не умирал. Никто не кончил жить...» было прислано Белому с письмом поэта от 20 марта 1903 г.).

[6] Даваемая ниже характеристика Брюсова — следствие крайне сложных и мифологизированных отношений в это время между ним и Белым (поддержанным С. М. Соловьевым) — см. ЛН, т. 85, с. 332—339. Весьма сдержанно к выставлению Брюсова темным «магом» отнесся Блок — см. его переписку с Соловьевым в наст. томе, кн. 1, с. 378, 382; ср. также воспоминания Белого — «Вопр. лит.», 1974, № 6, с. 230—231. Со своей стороны и Метнер пытался пригасить порывы Белого, так, 16 мая 1903 г. он писал ему: «〈...〉 Не «ужасы», а ужас, который я встретил в «Грифе», я предчувствовал, впрочем, получив письмо Петровского, который что-то писал мне о маге. Предчувствовал даже еще раньше, когда писал Вам то, на что Вы отказались отвечать в своем последнем лаконичном XVI письме... Иначе как опечаткой я назвать Ваше обращение к Брюсову не могу. Впрочем, есть люди, которые при непосредственно личном общении с ними оказываются неизмеримо высшими сравнительно с тем, что и как они делают. Я лично Брюсова не знаю. Как *писатель* он не заслуживает таких обращений. Раньше всего он немузыкален до мозга костей, а затем он весьма далек от castitas *. Он наивно грязен» и т. д.— ГБЛ, ф. 167,

* чистота (*лат.*).

4,16, л. 2 и об.; ср. там же, ед. хр. 19, л. 1 об.; ед. хр. 22, л. 5 и об.; ед. хр. 26, л. 1 об. и др.).

[7] См. в его письме от 1 августа 1903 г. высказывание Блока, сравнивающего, со своей стороны, Белого с Лермонтовым («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 45).

[8] Ср. в почти одновременном с комментируемым письмом Белого к Блоку от 19 августа 1903 г.: «Что может быть ужаснее проснувшегося трупа? ⟨...⟩ У нас несносен этот многочисленный тип подмигивающих «не *о том*»... Неврастенические барышни, «*несносные декадентские дамы*», и всесторонние вьюноши, помешанные на эрудиции... Бывали случаи пробуждения старцев — это ужасно... Утешаюсь, что это только в Москве, а уж давно решено, что Москва — декадентский городок» (там же, с. 47). Ранее о том же рыночном распространении декадентства Белый писал и Метнеру, например, 9 апреля 1903 г.: «У нас в Москве страшное брожение: «новое искусство» разливается вширь, стучит в двери; «скорпионовская кучка» интересует всех: ее ругают, хвалят — но все интересуются. Словом, начался процесс ассимиляции. Образовалась целая порода молодых людей и девиц, которых газетные репортеры уже окрестили позорным, по их мнению, прозвищем «подбрюсков», «брюссенят», «брюссиков». ⟨...⟩ Если Москва будет прогрессировать в том же направлении, то, по словам Бальмонта, она превратится в декадентский городок менее чем через два года» (ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 13, л. 3 и 3 об.).

[9] Белый цитирует собственное стихотворение, посвященное Брюсову — «Маг» («Я в свисте временных потоков...», 1903).— О восприятии Блоком образа Брюсова в стихах Белого см. в письме поэта к С. М. Соловьеву от 21 октября 1904 г.: наст. т., кн. 1.

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

1 августа ⟨1903⟩. Трубицино

⟨...⟩ Совершенно понимаю, что ты не хочешь никуда ехать. Я тоже хочу безвыездно прожить в Трубицине до конца августа и на свадьбу Блока не ехать. Мне необходимо отдохнуть от всяких впечатлений, плыть по волне однообразной жизни, не думая о завтрашнем дне и не волнуясь ничем.

ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 3, л. 17.

Ответ на неизвестное письмо Белого, в котором он, видимо, сообщил Соловьеву о нежелании ехать на свадьбу Блока. В письме Блоку от 14 июля 1903 г. Бугаев писал о невозможности для него этой поездки: «Дорогой Александр Александрович, к моему прискорбию, некоторые обстоятельства не позволяют мне покинуть мою маму, которая после кончины отца очень скучает, и не могу быть у Вас на свадьбе» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 39). Среди петербургских и московских мистиков, воспринявших раннюю лирику Блока как пророческое служение неземному идеалу, известие о женитьбе Блока вызвало недоумение, растерянность, зафиксированные письмом З. Н. Гиппиус к Блоку от 17 июня 1903 г. (ЛН, т. 89, с. 172; реакция Блока и его невесты — там же, с. 171—172). Отказ Бугаева-Белого от шаферства на свадьбе Блока (по его мемуарам объясняющийся просто усталостью после смерти отца — см.: Андрей Белый. Начало века. М.—Л., 1933, с. 259) был несомненно связан с сознаваемым им разноречием в истолковании основных тем собственной и блоковской мистики (см.: там же, с. 260—261). С. Соловьев отказался от участия в венчании Блока под сходным предлогом: в январе 1903 г. он потерял родителей (ср. нижеследующий фрагмент из его письма к Г. А. Рачинскому). Первая реакция Соловьева на сообщение Блока о предстоящей женитьбе (письмо от 20 марта 1903 г.— VIII, 55—56) была восторженной (см. наст. т. кн. 1, с. 332), однако впоследствии, по-видимому, и на нем сказались общие для московского кружка почитателей Блока недоумения. Как бы там ни было, в последнюю минуту он приехал в Шахматово и был шафером.

Блок различно отнесся к отказам друзей от шаферства; он писал Соловьеву 9 августа 1903 г. в ответ на письмо от 3 августа: «Скажу тебе откровенно: когда отказался быть Андрей Белый, я не почувствовал такого огорчения, как теперь. Потому что его лицо еще в тени для меня, твое же — в самой неподдельности дня ⟨...⟩ Таким образом, помни твердо, что я тебя люблю и постоянно вспоминаю...» (см. наст. том, кн. 1, с. 335—336).

М. Я. ШИК — В. Я. БРЮСОВУ

1 августа 1903 г.

⟨...⟩ Особенно благодарен я Вам за Ваши советы относительно моей книжки. Я решил написать ее по следующему плану:

I. Русская лирика от Пушкина до появления Фофанова и т. д. (всего несколько страниц; ссылка на Волынского).

II. Мережковский, Минский («Северный вестник»), Гиппиус, Сологуб («Мир искусства»); одним словом, Петербург.

III. Петербург: Появление новых личностей (Добролюбов и Коневской).

IV. Петербург: Религиозное течение: «Новый Путь»; А. Блок.

V. Константин Бальмонт.

VI. Москва: Русские символисты [1]. Первые попытки. Московский кружок.

VII. Валерий Брюсов.

VIII. Балтрушайтис, Миропольский, Дурнов, Курсинский, Мирович etc.

IX. Скорпион и Гриф (их сотрудники: Гофман, Койранский, Пантюхов, Рославлев.

X. Андрей Белый.

Интересно будет показать, как Петербург и Москва, сперва два отдельных лагеря, позднее сливаются в одно целое. Последние звенья, соединившие их, это

Белый — Блок.

Сопоставлением этих имен я не хочу сказать, что их таланты равноценны: Белый неизмеримо выше Блока, но оба так близко соприкасаются своею психической жизнью, что не знаешь: где Москва, где Петербург. Это уже одно цельное, неразделимое! Это уже *национально-русская* символическая поэзия!

ГБЛ, ф. 386, к. 108, ед. хр. 33, л. 22 и об.

Максимилиан Яковлевич *Шик* (1884—1968) — поэт, переводчик. Задуманная им книга о новейшей русской литературе не была написана.

[1] Речь идет о выпущенных Брюсовым трех сборниках «Русские символисты» (М., 1894—1895).

С. М. СОЛОВЬЕВ — Г. А. РАЧИНСКОМУ

8 августа 〈1903 г.〉 Трубицино

〈...〉 Как видите, нахожусь в Трубицине, и до конца не хочу никуда уезжать, ибо, чем дольше я здесь живу, тем больше мне нравится и тем больше приучаюсь я вести полезную для нервов жизнь. Чувствую, что здешняя жизнь — самое лучшее лекарство и душевное, и нервное, и потому, после долгих колебаний, решил даже не ехать на свадьбу Блока, которая будет 17-го, и куда меня тянет, как пьяницу к бутылке.

ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903, л. 40.

Григорий Алексеевич *Рачинский* (1853—1939) — литератор; опекун С. М. Соловьева после смерти его родителей.

Комментарий к этому фрагменту см. выше, при письме Соловьева Андрею Белому от 1 августа 1903 г.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. С. ПЕТРОВСКОМУ

Серебряный Колодезь 18 августа 1903 г.

〈...〉 Мне ясно, что Саровские торжества [1] выяснили одно: конец *все-таки* близок относительно — ближе, чем думают. 〈...〉 и опять *та же мысль*: «Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. *А я хочу, чтобы вы были без забот*» (Павел I к Кор. VII, 29—32). Беззаботным относительно мира сего странникам следует идти в пустыню, если в мире «*крупной росой упадая, слезы обиды легли*» (Вл〈адимир〉 Сол〈овьев〉) [2].

Я пустынею робко бреду
И несу ей *свечу восковую...*
Ничего от пустыни не жду
Ни на что не ропщу, не тоскую [3].

А в городах, где скопились люди века сего, там нехорошо, душно, *сонно*. Лучший провидец ужасов людей века сего — Блок — начинает писать нижеследующую нелепицу про города:

По городу бегал черный человек
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.
Медленный, белый подходил рассвет.
Вместе с человеком взбирался на лестницу.
Там где были тихие, мягкие тени,
Желтые полоски вечерних фонарей —
Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались за занавески, в щели дверей.
Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.... [4]

Сами видите; что уж хорошего! ... И вот еще (Блок)

Небо тихо вспыхнуло заревом стыда...
Может быть, скатилась красная звезда [5].

И скатилась... Пронеслась, как метеор, по мутному небу, рассыпая искры. Это был, конечно, Ницше — : «Пятый Ангел вострубил, и я увидел *звезду, падшую с неба на землю*, и *дан был ей ключ от кладезя бездны*» (Откр. 9.1). «*Прогресс, цивилизация — кожура, стягивающая безбрежность хаоса*» (приблиз⟨ительно⟩ слова Ницше). Поневоле запоешь слова Вяльцевой [6], обращаясь к людям века сего: «*Я уезжаю*, друг мой милый... Ах, да пускай» и т. д.

ГЛМ, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 33, л. 8—9 об.

[1] Речь идет об открытии в Сарове мощей преподобного Серафима — см. наст. т., кн. 1, с. 335—339.

[2] Из стихотворения Вл. Соловьева «Две сестры. Из исландской саги» («Плещет Обида крылами...») — см.: Владимир С о л о в ь е в. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 133—134.

[3] Первая строфа из стихотворения Л. Д. Семенова «Свеча», впервые обнародованного в журнале «Новый путь» (1903, ноябрь). Белый знал его от поэта, с которым сблизился летом 1903 г.— см. «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 35.

[4] Стихотворение «По городу бегал черный человек» было, как и другое, цитируемое у Белого ниже, прислано ему Блоком с письмом от 1 августа 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 46). На следующий день после письма к Петровскому Белый в письме к Блоку дал им высокую оценку — там же, с. 47—48, ср. с. 52).— Разночтение к окончательному тексту в восьмой строке может восходить к утраченному автографу из письма к Белому.

[5] Последние две строки из стихотворения «День был нежно-серый, серый, как тоска...» — см. прим. 4. В указанном выше письме к Блоку от 19 августа 1903 г. Белый связывает стихотворение с тем же отрывком из Апокалипсиса, что и в письме к Петровскому.

[6] Анастасия Дмитриевна *Вяльцева* (1871—1913) — опереточная певица, исполнительница романсов.

А. С. ПЕТРОВСКИЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

Москва, 27 авг⟨уста⟩ 1903 г.

⟨...⟩ Блок женился на «Прекрасной Даме», дочери сибирского хаоса, Д. И. Менделеева [1], златокудрой, синеокой царевне, с голосом Софии, Премудрости Божией. Сережа Соловьев, бывший на свадьбе, говорит, что она действительно то, за что выдает ее нам ее рыцарь [2] (написавший, кстати, несколько новых, превосходных стихотворений).

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 26, л. 80—80 об.

[1] Д. И. Менделеев был уроженцем Тобольска. Шутливое выражение «дочь сибирского хаоса» восходит к строке «Темного хаоса светлая дочь» из стихотворения Вл. Соловьева «На Сайме» («Вся ты закуталась шубой пушистой...», 1894).— см.: Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 107.

[2] О восприятии С. Соловьевым свадьбы Блока см. наст. т., кн. 1, с. 311.

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

2 сентября 〈1903 г.〉 Москва

Дорогой Боря,

приехал я в Москву 30 августа. 〈...〉 Казимир Клементьевич болеет и лицо его приняло темно-бронзовый оттенок. Он производит такое впечатление, как будто он совершенно подавлен Блоковской свадьбой и чувствует, что его царствию приходит конец. Ходит к Девичьему монастырю, помахивая палочкой, и, при виде меня, едущего наверху конки, остановился с угрюмо вызывающим видом. При всем том он *просто* преподаватель латинского языка. 〈...〉 Мистичу я здорово, хотя не так, как на свадьбе Блока, где дело близилось к *реальному откровению*.

ГБЛ, ф. 25, кн. 26, ед. хр. 3, л. 18 и об.

Казимир Клементьевич *Павликовский* — преподаватель латинского и немецкого языков в гимназии Л. И. Поливанова, у которого учились А. Белый и С. Соловьев. Белому, а вслед за ним и Соловьеву он представлялся одним из посланцев, упреждающих появление апокалиптического «Зверя» — см. его письмо к Блоку (от 18 или 19 декабря 1904 г.) («А. Блок и Белый. Переписка», с. 115). Потому явление Л. Д. Менделеевой и ее бракосочетание с Блоком как «триумф света» должно было, по их представлениям, пагубным образом отразиться на этом «исчадии мрака». Подробнее о Павликовском (на деле, что признавали годы спустя оба мемуариста, загнанном, безвольном и несчастном гимназическом учителе) см. в кн.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М.—Л., 1930, с. 298—306 и др., а также в неизданных «Воспоминаниях» Соловьева (см. наст. т., кн. 1, с. 321).

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Н.-Новгород, 20 октября 1903 г.

〈...〉 До свидания! Будьте жизнерадостны! Возьмите пример с Блока и влюбитесь!..

ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 23, л. 3 об.

Белый ответил Метнеру серьезным письмом о своем отношении к любви (впрочем, не упоминая о Блоке) — там же, к. 1, ед. хр. 26. Тогда Метнер пояснил свой полушуточный совет в письме от 12 ноября 1903 г., где проглядывает, вероятно, понимание Метнером образа Прекрасной Дамы из стихов Блока: «Когда я советовал Вам влюбиться, я не думал об «одной, только одной», займите свое воображение, как Ницше в 1876 г., когда он болел кризисом вагнеризма и платонически ухаживал за парижанкой» (там же, к. 4, ед. хр. 26, л. 3 об.).

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Н.-Новгород 21 ноября 1903

〈...〉 Вторая Ваша Симфония [1] заставила меня разыскать среди Ваших писем пять вещиц (Opuscula), озаглавленных «Старинный друг», которые Вы посвятили мне [2]. Сопоставляя их с второй Симфонией и перечитывая то и другое, я погружался в атмосферу, лишенную всех тех раздражающих элементов, которые приводят меня (и Колю [3]) в неистовство и которые в таком огромном количестве присутствуют в большинстве «новых» произведений. Вы — исключение. Исключение и Блок, но уже в меньшей степени.

ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 28, л. 2 и об.

[1] Речь идет о первом печатном произведении А. Белого: «Симфония (2-ая, драматическая)» (М., 1902), более всего любимом Метнером, который перечитывал ее в связи

с работой над очерком «Симфонии Андрея Белого» («Приднепровский край», 1903, № 2023 и 2024, 15 и 16 декабря; подписано: Э.).

[2] При письме от 25 июля 1903 г. Белый прислал Метнеру цикл своих стихотворений «Старинный друг» (в составе: 1. «Старинный друг, к тебе я возвращался...»; 2. «Янтарный луч озолотил пещеры...»; 3. «Над гробом стоя, тосковал бездонно...»; 4. «Старела Вечность. Исполнялись сроки...»; 5. «Лежал в гробу, одетый в саван белый...»— ГБЛ, ф. 161, к. 1, ед. хр. 19.; цикл вошел в книгу Белого «Золото в лазури» (М., 1904).

[3] Н. К. Метнер.

С. А. СОКОЛОВ — А. М. РЕМИЗОВУ

Москва, 23 ноября 1903 г.

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Прочел Ваше письмо с чувством глубокого внутреннего удовлетворения. «Свободный» человек иначе поступить не мог. Могу сообщить Вам, что так же поступили: Бальмонт, Белый, Миропольский и Александр Блок.

С совершенным почтением. С. Соколов

ГПБ, ф. 634.245, л. 30.

Среди писателей, близких Блоку, у Соколова сложилась нелестная репутация эпигона — поклонника рыночного модерна, литературного интригана и неудачливого редактора, обрекающего на провал все начинания, к которым он имел отношение. В этих тонах выдержаны зарисовки в воспоминаниях А. Белого, Нины Петровской (ЛН, т. 85, с. 775—779). По сути верные, эти характеристики, особенно у Белого, в известном смысле односторонни, поскольку для их авторов один Соколов оказывается ответственным за декадентскую пошлость значительной части русской интеллигенции. Блок, рецензировавший две первые книги Соколова-Кречетова, оценил их весьма низко (V, 158, 653). Но несправедливость общего отношения к Соколову была для Блока очевидна: «...и Соколов не воплощение благородства, хотя его иногда и жаль за то, что слоны «Руна» и «Скорпиона» образовали самостоятельный орган «Самоцветы» (1 — «Хризопрас»), чтобы ругать его» (ЗК, 86); Блок в этом случае готов был протестовать публично — см.: С. Гречишкин, А. Лавров. Блок и «Перевал» (Эпизод из литературной жизни 900-х гг.— в кн.: «Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика». Тарту, 1972, с. 61 и сл.

Обстоятельства конфликта, в результате которого появилось публикуемое письмо Соколова к А. М. Ремизову, достаточно проясняет его же письмо к Блоку от 3 ноября 1903 г. (см. наст. т., кн. 1, с. 529). В результате споров, в которые оказались втянуты все символисты, в новом выпуске альманаха «Гриф» (М., 1904) приняли участие все названные в письме Соколова Блоку писатели, в том числе А. А. Кондратьев, а также Вяч. Иванов, Эллис и др. (см. также: ЛН, т. 85, с. 371—374).

Н. Е. ПОЯРКОВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

14 д<екабря 1>903. Москва

<...> Каждый раз, встречаясь с Бор<исом> Никол<аевичем> (Белым), мы подолгу говорим о Вас, о Лидии Дмитр<иевне>, о будущем и ждем вашего приезда [1]. Знаменательные дни начинаются и все полно возможностей. Мистическая струя все растет и растет среди молодой русск<ой> поэзии, и в новом альм<анахе> Грифа [2] будет ряд стихотворений Блока — в этом отношении поразительно интересных [3]. Для критика — живого, полного любви к новому пути в русской действительности, жить в Москве *теперь*,— необходимо, и я решил провести здесь полтора года.

ГБЛ, ф. 109.

Николай Ефимович *Поярков* (1877—1918) — поэт и литературный критик. Письма Блока к нему утрачены, сохранилось 15 его писем к Блоку (подготовлены к печати Т. М. Хромовой). С Ивановым Поярков сдружился в Париже, когда Иванов читал цикл лекций о религии Диониса в Высшей русской школе общественных наук (см.: ЛН, т. 85, с. 428, 435—436).

[1] Еще в письме к Иванову от 25 ноября 1903 г. (см. прим. 2) Поярков сообщал: «Ан. Белый очень интересен и вам стоит с ним познакомиться» (ГБЛ, ф. 109). С осени 1903 г. и до весны следующего Вяч. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал многократно откладывали время своего приезда в Москву (см.: ЛН, т. 85, с. 437, 443—448).

[2] Оказавшись в Москве в начале ноября 1903 г., Поярков быстро сблизился с кружками «Скорпиона» и «Грифа». 25 ноября он писал Иванову: «Здесь вами многие очень интересуются, между прочим Андр. Белый и С. Соколов, редактор «Грифа». В Грифе принимаю участие и я <...>. Сборник Грифа выйдет в половине января и будет сильно отличаться (к лучшему) от прошлогоднего. К. Д. Бальмонт и Белый принимают очень близкое участие и дают туда целый ряд новых произведений. На днях я имел возможность слушать вас, прочитав присланные вами стихотворения для Грифа, и лишний раз жалел, что вас нет в Москве, здесь есть многое, очень многое интересное. <...> Видел В. Я. Брюсова <...>. Он ведет себя как-то странно, возмущаясь скорым выходом альманаха «Грифа»» (ГБЛ, ф. 109).

[3] Поярков прочел стихотворения, присланные Блоком С. А. Соколову — см. наст. т., кн. 1, с. 528—529.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

<Москва, 1903 г., середина декабря>

<...> А. Блок, которому я послал карточку Огыги [1], прислал мне в ответ стихотворение, полное ужаса. Он за Огыгу принимает ... Иммануила Канта — он, а не я, Эмилий Карлович!.. [2] <...> Недавно видел сон.

Знакомое, вечное, сонное место: оно — как будто усадьба, как будто — имение. Одна часть дома как будто выходит в угрюмо-запущенный сад. Другая часть дома — разделена от мирового шоссе несколькими саженями душистой, густой травы. У стола стоит покойный отец, как бы провожающий меня в путь. Он остается дома, а я из окна выпрыгиваю в густую траву, чтобы перейти на шоссе, опоясывающее весь мир. Чувство знакомой, когда-то испытанной грусти, чувство расставания с отцом, который не умер и никогда не умрет. Он останется дома, но сам этот дом у самого мирового шоссе и я, странствуя по всему миру не забуду, что не схожу с того самого шоссе, которое пересекает родные места. Весь я силюсь и тону в траве, подхожу к шоссе; ветер свистит в уши: «Началось — вернулось» [3]. На горизонте сладкий бархат небесных персиков, а выше — бледные пятна душистых лимонов.

Возвратилось. <...>

Дорогой Эмилий Карлович — будет ли тот день, когда все мы вместе с котомками за плечами потянемся вдоль мирового шоссе, убегающего к горизонту, откуда ветер принесет аромат оранжевых закатных персиков и бледных лимонов. Или это будет «там»? Но это будет.

Привожу стихотворение Блока, где выражено настроение моего сна: <...> [4].

Вот еще из Блока: <...> [5].

Вот еще: <...> [6]

Как Вам нравится? По-моему ужасно сильно. И это я Вам посылаю без выбора. Есть гораздо лучше, и меня подмывает переписать еще что-нибудь из Блока. Но теряюсь в выборе. Лучше уж если я буду в Нижнем, привезу Вам стихов Блока [7].

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 29, л. 1—4. Датируется по содержанию, в связи с письмами Метнера к Белому от 13 (там же, к. 4, ед. хр. 29) и 21 декабря (см. ниже — наст. кн., с. 209) 1903 г.

[1] Б. Н. Бугаев и А. С. Петровский незадолго перед тем послали знакомым и в редакции журналов «Новый путь» и «Мир искусства» шуточные визитные карточки неких «единорогов» «Виндалая Левуловича Белорога» и «Огыги Пеллевича Кохтик-Ррогикова». Получил их и Блок («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 60, 63). В московском литературно-университетском кругу мистификация наделала много шуму, вплоть до прямых сомнений в душевном здоровье Бугаева (ср. наст. т., кн. 1, с. 347). «Единороги» Андрея Белого, — напоминает современный исследователь, — с их «адресами», пародировавшими московскую топографию, были, однако, не только розыгрышем знакомых, но и указанием, облеченным в шутку, на прячущиеся от обыденного взгляда и открытые его внутреннему взору явления, на их живое, каждодневное соприсутствие» (А. В. Лавров. Мифотворчество «аргонавтов» — в кн.: «Миф — фольклор — литература». Л., 1978, с. 163—164). Двуплановость игры, в которую был вовлечен и Блок, хорошо видна из писем Белого к Метнеру. С одной стороны, 22 октября 1903 г. он сводит все к неожиданно-неудачному

розыгрышу: «Должен просить прощения у Вас за неостроумную шутку, в которой не последнее место занимал и Ал〈ексей〉 Сергеевич 〈Петровский〉, так как собственно он заказал карточки. Карточки эти были разосланы мною добрым знакомым (между прочим, я послал в «Н〈овый〉П〈уть〉» и «М〈ир〉 и〈скусства〉» и т. д.), вследствие чего один почтенный господин объявил меня сошедшим с ума, так что мне стоило больших хлопот доказать, что я 1) здрав, 2) что не желал обидеть почтенного и уважаемого мною лица... Принимайте карточки, как озорство (придумано — заказано, заказано — принято, принято — надо посылать, посылать — кому же посылать, как не Вам, Бальмонту, т. е. тем, кто может скользнуть взором, улыбнуться и забыть, не обижаясь), не имеющее ничего серьезного по существу, как «странные» сочетания букв. И еще раз простите, если что-либо в этих карточках Вас шокирует в глубине души. Теперь мне неприятно взглянуть на них» (ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 26). Но в комментируемом письме Белый дает такие пояснения к шутке, которые связывают ее с основными темами его мировоззрения (что подчеркивает «серьезный» аспект ее восприятия и у Блока — см. ниже, прим. 2):

«Мне это дело представляется так: едва я забываю, что Христос — Бог мой, едва я переношу религиозное чувство свое вообще на Бога (конечно, Отца) — как из соседней двери выскакивает бородатый, лохматый старик в охрянице с двумя небольшими рожками из-под волос и насаживается на меня. Бог без «Б», т〈о〉 е〈сть〉 искаженное, благодаря моей незоркости относительно пурпурного (ибо его нет в спектре) и алого (которое налицо), имя Бога. Некоторое лингвистическое соображение: «Ог» для силы удвояется: «огого» или Огыга. Бог Отец вне Христа может в конце концов подмениться Огыгой Пелевичем Кохтик-Рогиковым из Вечных Болезней. Пролагаю на цвета: пурпурное я незаметно подменяю алым и затем вместо того чтобы из алого выбраться к розовому (Душа мира; карамель, пахнущая розовым маслом и т. д.) я удаляюсь прочь от света. Слой серой пыли между мной и источником света увеличивается, и то, что казалось красным, теперь кажется желто-шафранно-бурым. Несомненно, что Огыга из желто-шафранных болот ужаса» (см. прим. 1 к его письму от 26 марта 1903 г.— наст. кн., с. 197). Не вполне прав А. В. Лавров, считая, что Брюсов — «единственный, кто принял „правила игры“», затеянной Белым и Петровским (указ. соч., с. 164); как писал Белому Блок, просил «карточек с Огыгами» секретарь «Нового пути» Е. А. Егоров («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 60), с пониманием, без всякой обиды воспринял их Э. К. Метнер, а сам Блок соединил «пространство» некоторых своих стихотворений с «пространством», в котором обитал «Випдалий Левулович» (там же, с. 67—68).

[2] Речь идет о стихотворении Блока «Сижу за ширмой. У меня...», присланном Белому при письме от 8 или 9 ноября 1903 г. В письме к Белому от 20 ноября т. г. поэт сообщал, что «как оказалось впоследствии из анализа стихотворения», оно имеет в виду И. Канта; а далее давал ряд игровых вариаций о Канте в связи с «единорогами» Белого и Петровского. По-видимому, Белого, в это время — «соловьевца», ориентированного на кантианский критицизм, это ироническое отношение к немецкому философу должно было задеть, как задело оно Метнера, реплику которого на комментируемое письмо см. ниже.

[3] Ср. письмо Белого от 26 марта 1903 г.— наст. т., с. 197.

[4] Следует (с описками) стихотворение «Погружался я в море клевера...», известное Белому по автографу, полученному С. М. Соловьевым с письмом Блока от 8 октября 1903 г. (см. наст. т., кн. 1). Стр. 2: Окруженный ласками пчелы: стр. 1: «Указал мне дорогу пустынную»; стр. 9 (видимо, явная описка): «Я иду по ней косорогами». С этим стихотворением Блока Бугаев познакомил и К. Д. Бальмонта («Здесь в Москве есть люди,— писал он (24 октября 1903 г.)— которые ставят Вас во главе русской поэзии, как-то раз Бальмонт нескаванно радовался, что появились Вы, когда я читал Ваши стихотворения. Особенно ему понравилось то, где «о клевере» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 58; ср. наст. т., кн. 1, с. 347).

[5] Следует стихотворение «Мой месяц в царственном зените...». В тексте воспроизведены все особенности того варианта, который был прислан поэтом Белому 13 октября 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 53).

[6] Следует стихотворение «Все кричали у круглых столов...» (См. об этом в кн. 1 наст. тома, с. 239—240).

[7] Поездка Бугаева к Метнеру состоялась только весной 1904 г.— см. наст. кн., с. 213.

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Н. Новгород 21 декабря 1903

〈...〉 Кант не Огыга, как думает Александр Блок; Кант не «сухой теоретик», как думает некто Вершинский (см. Литературную хронику. Декабрь. Новый путь) [1]. Кант — единственный философ чистой воды, без примесей пророческих, поэтических, публицистических и т. д. Как философ Кант отнюдь не законодатель для жизни... Впрочем, осталось мало места и времени. Скажу только, что никакого «ужаса» и никакой «сухости» я в Канте не вижу.

Ужаса гораздо больше у Шопенгауэра и Ницше, сухости у Влад. Соловьева и в патристике. Кроме того, не надо забывать, что Кант совершил только первую половину своего труда, критическую.

ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 31, л. 3 об.

Ответ на письмо Белого от середины декабря 1903 г. (см. выше).

[1] Метнер имеет в виду заметку В. Вершинского, появившуюся в разделе «Литературная хроника» — «Еще раз об идеализме» («Новый путь», 1903, декабрь), где, в частности, говорилось: «Содержание человеческой жизни не обязательно понимать так, как понимал его сухой теоретик Кант» (там же, с. 198). Вершинский противопоставлял Канту Вл. Соловьева, оговариваясь при этом, однако, что, по его мнению, «мистицизм Вл. Соловьева находится в органической связи с критицизмом», как связаны с ним преемственно и Ницше, и Шопенгауэр (там же). В заслугу Канту автор заметки ставил то, что «в критической философии на самой вершинной точке человеческой мысли, разума, обнажается его нищета... в этом — величие критической философии»; далее Вершинский писал об «ужасе молчания», который «должен был пережить Кант, когда он пришел к своему гносеологическому открытию» (там же, с. 196).

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Н. Новгород, 6 января 1904 года

<...> Спасибо <...> за объяснение Огыга [1]. <...> Спасибо за великолепные стихотворения Блока и Ваши. Мне особенно нравятся: «Все кричали у круглых столов» [2] и «Поединок» [3] (последний очень понравился и Коле [4])

ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 33, л. 2 об. При первоначальной дате помета автора: «(поправлено мною 25 марта 1906 г.)», но поправки не затрагивают приводимого фрагмента.

[1] См. письма Белого от середины декабря и Метнера от 21 декабря 1903 г.
[2] Доставлено Метнеру с указанным в прим. 1 письмом Белого (см. прим. 6 к нему).
[3] Стихотворение А. Белого.
[4] Композитору Н. К. Метнеру, брату адресанта.

С. М. СОЛОВЬЕВ — Г. А. РАЧИНСКОМУ

<Москва, 19 января 1904 г.>

Дорогой Григорий Алексеевич,
Сегодня в 8 ч. веч<ера> Батюшков будет читать свой реферат относительно Христа [1]. Ждем Вас с Татьяной Анатолиевной [2]. Вчера мы с Блоками были у Коваленских, на Пречистенке, и родственники повели себя со мной так, что я принужден был уйти и отомстил тем, что... Впрочем, это лучше сообщить при свидании [3].

Сергей С о л о в ь е в

ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903, л. 68.

[1] Павел Николаевич *Батюшков* — литератор, друг Андрея Белого и С. Соловьева; Блоки лично познакомились с ним в свой приезд в Москву в январе 1904 г., к которому и относится публикуемое письмо (ср. наст. т., кн. 1, с. 358). Чтение состоялось у Соловьева. Блок упомянул о нем в письме к матери от 19 января 1904 г. (VIII, 87).
[2] Т. А. Рачинская — жена Г. А. Рачинского.
[3] Вечер 18 января у московских родственников Коваленских, описанный им в упомянутом письме к матери, вызвал у Блока «впечатление ужасное» (VIII, 86—87).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

<Москва, 1904 г., не позже 25 января>

<...> P. S. Были Блоки 2 недели. Происходило Бог знает что: хорошее, больше хорошее (кое-что было из области ужасов) [1]. Язык не передаст всех тех нюансов, которые меня совершенно вывели из колеи, так что вот сейчас я даже как будто болен.

Время приблизилось. Обозначился центр в Москве [2]. Э〈милий〉 К〈арлович〉, со временем нужно, чтобы Вы жили в Москве. Блок по окончании курса переезжает в Москву [3].

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 31, л. 5 об. Датируется на основании пометы Метнера на данном письме: «Это письмо написано накануне разрыва (неожиданного) диплом〈атических〉 сношений〉 с Японией. Получено мною, когда разрыв произошел» (там же, л. 1). Япония порвала дипломатические отношения с Россией 24 января. 24 января Блоки еще только уезжали из Москвы, из письма же Белого формально следует, что они уже уехали; таким образом, можно предположить, что это письмо написано в промежутке между прощанием Блоков с Белым и газетными извещениями о японском дипломатическом действии.

Первая встреча Блоков с московскими «аргонавтами» (см. наст. т., кн. 1, с. 225) хорошо освещена у мемуаристов: С. М. Соловьева («Письма Александра Блока», с. 22—24), А. Белого («Начало века». М.— Л., 1933, с. 287—305); сам Блок сделал для себя поденную запись пребывания в Москве (ЗК, 58—60) и подробно описывал происходившее в письмах к матери.

[1] Ср., напр., наст. т., кн. 1, с. 361—362.

[2] Ср. наст. кн., с. 194.

[3] Уже 14—15 января 1904 г. Блок писал матери из Москвы: «Очень полна жизнь. Москва поражает богатством всего. Вспомнить, например, Кублицких и Петербург, не готовый к нашему приезду из Москвы с требованиями *действительной* жизни — страшновато» (VIII, 84). И несколько дней спустя: «Хочу к книгам, от людей в Петербурге ничего не жду, кроме «литературных» разговоров в лучшем случае и пошлых издевательств или «подмигиваний о другом» — в худшем. Но будет так много хорошего в воспоминании о Москве, что я долго этим проживу. 〈...〉 Но я твердо знаю, что мы тысячу раз правы, не видя в Петербурге людей, ибо они есть в Москве. Нельзя упускать из виду никогда существования Москвы, всего, что здесь лучшее и самое чистое» (VIII, 88). Описывая позже возвращение домой, он т писал С. М. Соловьеву 8 марта 1904 г.: «〈...〉 приехав из Москвы, мы с Любой совершенно пришли в отчаяние от Петербурга»,— при этом он говорил не только уже о людях, но и о городском пейзаже» (VIII, 93). Однако первостепенной для Блока была потребность в иной человеческой среде, полноценно и напряженно сопереживающей ему и единомысленной, свое противопоставление Москвы и Петербурга он резюмировал в письме к А. В. Гиппиусу от 23 февраля, через месяц по возвращении: «Московские люди более разымчивы, чем петербургские. Они умеют смеяться, умеют не пугаться. Они добрые, милые, толстые, не требовательные. Не скучают. 〈...〉 Я жил среди «петербургских мистиков», не слыхал о счастье в теории, все они кричали (и кричат) о мрачном, огненном «синтезе». Но пока я был с ними, весны веяли на меня, а не они. Веяла «Лучезарная подруга», и стихи я посвящал Ей, а не Зинаиде 〈Гиппиус〉. В Москве смело говорят и спорят о счастье. Там оно за облачком, здесь — за черной тучей. И мне смело хочется счастья» (VIII, 91—92). В этой атмосфере, в разговорах о самом заветном с Белым и Сергеем Соловьевым явилось предположение о переезде в Москву, и Соловьев с полным основанием писал впоследствии: «В январе Блок вернулся в Петербург завзятым москвичом. Петербург и Москва стали для него символами двух непримиримых начал» («Письма Александра Блока», с. 24).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. С. ПЕТРОВСКОМУ

〈Москва, 26 января 1904 г.〉

〈...〉 У нас 〈...〉 произошел ряд событий и внутренних, и внешних. Обнаружилось непрерывное схождение *чего-то* третьего, но потом все вдруг оборвалось: стало душно и грозно. 〈...〉 Затем к воскресению прошлому (8 дней тому назад) все просветлело. И опять началось что[-то] исступленно-рвущееся навстречу, но и оно стало омрачаться [1] 1) Сережей Соловьевым, который меня едва не склонил изорвать карточку З. Н. 〈Гиппиус〉 [1], 2) Л. Д. Блок едва не оказалась тем, что на теософском плане София т. е. (на теургическом) *Любовью*. Вокруг этого началось что-то твориться. Раз мы пришли к Блокам вечером со свечами, с розами и с флер-д'оранжем; сидя за самоваром все стали что-то замечать — скорее радостное, но я, почти совершенно затуманенный, вдруг увидел злую телеграмму (спешную и весьма нужную), посланную неизвестно куда и откуда. Так и не удалось прочесть ее содержание, но увидел — оно оказалось бы аналогичным Вашему сну.

Наконец, в день отъезда Блоков мы все сидели у больного Сережи, которого схватила скарлатина: этим закончился период с 1-го января (я ясно почувствовал это). Скажу Вам на ухо: не было ли тут какого-то наказания за 1) фанатизм, 2) за внутреннее желание объявить Л. Д. Блок... [2] (Я боюсь за Сережу: оказывается он такой фанатик...)

ГЛМ, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 33, л. 14—15 об. Датируется по почт. шт.

В письме излагаются некоторые подробности событий и переживаний Белого, связанные с пребыванием Блока с женою в Москве в январе 1904 г.

[1] Ср. прим. 2 к письму Блока от 29 января 1904 г. к С. М. Соловьеву — наст. т., кн. 1.

[2] Ср. высказывания С. М. Соловьева о Л. Д. Блок в его письмах к Блоку от 26 февраля 1904 и 22 января 1905 г.: «Ты верил сам (по твоим письмам) во вселенское значение Блочихи, веришь ли теперь, я точно не знаю. Тебе, как мистику и человеку с Кантовскими мозгами, я не боюсь говорить прямо, но для людей неопытных тут соблазн, и надо молчать. Перед всеми я могу без колебаний заявить только одно: «Любовь Дмитриевна есть божье знамение», и больше ничего» (наст. т., кн. 1, с. 368); «Хочу <...> грянуть напролом о Любе в Астровском кружке» (там же, с. 384).

М. А. ВОЛОШИН — В. Я. БРЮСОВУ

<Париж, апрель, после 21 1904 г.>

<...> Книги Белого и Иванова [1] жажду иметь. «Гриф» наконец видел. Стихотворение Дурнова великолепно. Удивителен Блок [2].

Его статья о выставке в «Весах» хороша там, где он не говорит об художниках. Там же, где он касается непосредственно живописи, он пишет мучительно смешные вещи [3].

ГБЛ, ф. 386, к. 80, ед. хр. 33, л. 34 об. Датируется по цензурному разрешению упомянутого в письме № 3 «Весов» — 21 апреля 1904 г.

[1] Волошин говорит о новых изданиях «Скорпиона»: «Золото в лазури» Андрея Белого и «Прозрачность» Вяч. Иванова.

[2] Речь идет об «Альманахе „Гриф"» на 1904 г., где помещено стихотворение художника М. А. Дурнова «Слезы» («Крупный ливень! — Соленая влага...») и 15 стихотворений Блока (см. наст. кн., с. 207).

[3] Отзыв о заметке Блока «Новое общество художников» (V, 673—674; впервые — «Весы», 1904, № 3).

Э. К. МЕТНЕР — А. С. ПЕТРОВСКОМУ

Нижний Новгород, 24 апр<еля> 1904.

<...> «Золото в лазури». Тяжелая книга! Добрую половину надо было выбросить. Мистической «мути» (употребляя Ваше выражение) — нет, тут А. Белый — белый, прозрачный, ясный, кристальный, легкий, милый, безупречный [1], безупречнее Блока с его опасною смесью беловато-зеленою («мутным кольцом», «опрокинувшимся призраком»)[2]. — Но до эстетической «чистоты» Бугаеву пока далеко; в этом смысле в книге «Золото в лазури», взятой в целом, очень много «мути», гораздо больше, нежели во второй симфонии.

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 8, л. 17 об.

[1] 4 апреля 1904 г. Петровский писал Метнеру о только что вышедшей в свет книге Андрея Белого «Золото в лазури» (М., «Скорпион», 1904) — первом сборнике его стихов и лирических отрывков в прозе: «Упиваюсь «Золотом в лазури». Какая чистота! Ни малейшей мути. У Б. Н. два совершенно своих мотива: восторга и грусти, золотой, осенней; я перебирал: их нет ни у одного поэта» (ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 27).

[2] Образы из стихотворения Блока «Сбежал с горы и замер в чаще...» (1, 206), опубликованного в альманахе «Гриф» (М., 1904):

Мое болото их затянет,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянет
Мой белый призрак им в лицо.

См. также отрывок из письма Метнера к А. Белому от ‹31 января — 2 февраля 1903 г.›

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

‹Москва, 1904 г., первая половина мая›

‹...› Когда я был у Вас в Нижнем ‹Новгороде›, дорогой Эмилий Карлович, ах, как я отдохнул! [1] Точно я попал в уютный зимний сад, ароматный и занавешенный от зимних вьюг, ревущих за стенами. Едва я ушел из сада, как был охвачен страшным порывом бури, которому противился, изогнувшись всем корпусом, а впоследствии, и сам увлеченный бурей, стал как бы камнем, летящим по ветру. Был один момент, когда я чувствовал себя совершенно погибшим. Я боялся, не задавил ли я — камень — насмерть кого-нибудь? [2] Тогда меня обуяла страшная и странная веселость; тогда же пришлись концерты Никиша. Слушая 5-ую и 6-ую Симфонию, где фигурирует рок и смерть, я в самом деле полагал, что *фактически я убийца* [3]. И вдруг, когда мне казалось, что черта перейдена, все как-то сразу улыбнулось — мягко, дружески, любовно. И нежное Христово дуновение, точно осветило меня белым, чуть-чуть розовым цветом. И вот что выяснилось за это время. Почти у *всех членов нашего кружка с аргонавтическим налетом* [4] *были ужасы — сначала мистические, потом психические и наконец реальные.* Точно над лесом деревья, немного выше стоящие остальных; вот теперь стоят деревья, поломанные, ожидая новых порывов бури. Потом я уже узнал, что 1) Блок тоже *погибал* внутренне за эти дни (началом ужаса у него были стихотворения о *карлике с девушкой* и тому подобные) [5]. 2) Что были в Москве магнитные бури (это факт). 3) Что около Москвы в марте был барометрический минимум всей зоны. Таким образом, *психические колебания, мистические, барометрические* и магнитные шли рука об руку. В результате ряд воплощений на физическом плане — люди сшибались, обстоятельства развивались и т. д. ‹...›

Дорогой Эмилий Карлович: тот лейт-мотив, который Вы с Анной Михайловной усмотрели в моем чтении, и который появился у меня только месяца два и есть *лейт-мотив* мистических ужасов, которыми насыщена атмосфера, когда враждебные заряды вибраций разрываются здесь и там [6]. (Кстати: в это же время погиб и Макаров. Гибель «Петропавловска», кроме нас с Ал‹ексеем› Сергеевичем, еще отметило несколько новых и между ними Блок [7]).

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 35. Датируется по связи с ответным п. Метнера от 24 мая 1904 г. (ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 39).

[1] Белый гостил у Метнера в марте 1904 г.— см.: А. Б е л ы й. Начало века. М.— Л., 1933, с. 305—308.

[2] Описываемые переживания Белого связаны ближайшим образом с отношениями между ним и Н. И. Петровской — См.: там же, с. 276—287; ЛН, т. 85, с. 334. Ср. в его письме к Блоку, датируемом около 28 марта 1904 г.: «Я ужасно одинок. Я ушел туда, откуда мой голос, и прежде глухой, совершенно неслышен. Вот почему я молчу и не пишу Тебе» и т. д. («А. Блок и А. Белый, Переписка», с. 75).

[3] Немецкий дирижер Артур Никиш, чье искусство глубоко воспринималось А. Белым, 14, 15, 16 апреля 1904 г. дал три концерта в Москве с берлинским оркестром филармонического общества; в программу концертов входили только произведения П. И. Чайковского.

[4] Кружок «аргонавтов» — интимный и не имевший формальной организации кружок москвичей, спаянный главным образом созвучием эсхатологических чаяний, выше искусства ставивший задачи жизнестроительства; в него входили А. Белый, Эллис, А. С. Петровский, С. М. Соловьев и др. Вершина самосознания этого кружка как не-

коего особого целого — в попытке Белого и Эллиса дать ему в какой-то степени внешнюю определенность; с нею связано и появление самого названия (от корабля «Арго», на котором греческие герои ходили за солнечным «Золотым Руном»),— об этом Белый сообщал Метнеру в письме от 26 марта 1903 г., фрагмент из которого приведен в наст. публикации. «Аргонавты» были первой (после родственников — матери и Соловьевых) «группой читателей», восторженно принявших поэзию Блока; в январе 1904 г. поэт был их гостем в Москве.

[5] Белый имеет в виду стихотворение Блока «Обман» (В пустом переулке стояли дома...) и четыре других, присланных поэтом С. М. Соловьеву с письмом от 8 марта 1904 г. (см. наст. т., кн. 1). В связи с этим около 28 марта 1904 г. Белый писал Блоку, цитируя «Обман»: «Молюсь о том, чтобы Ты спокойно и счастливо *существовал* среди весенних «*струек*», «*брызг*», «*опрокинутых кадок*». Чувствую я, что Ты находишься на каком-то «*междудорожьи*» и молю Господа о ниспослании Тебе сил. Помолись и Ты обо мне: мне трудно, очень трудно» и т. д. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 75).

[6] Что читал Белый Метнерам в Нижнем Новгороде, неизвестно.

[7] Русский адмирал, командующий Тихоокеанским флотом С. О. Макаров (1848—1904), погиб на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на мине 31 марта.— ср. письмо Блока от 7 апреля 1904 г.— «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 80.

А. С. ПЕТРОВСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва, 2 июня 1904

〈...〉 Шмидт была у Блоков и потом жаловалась Рачинскому: «Какой Блок нервный!»

ГБЛ, ф. 25, к. 21, ед. хр. 16, л. 26.

О встрече А. Н. Шмидт с Блоком 12—13 мая 1904 г. см. наст. т., кн. 1, с. 375. Это свидание — одна из настойчивых, хотя и безуспешных попыток Шмидт добиться понимания и признания среди «московских» и «петербургских» мистиков. Об этих попытках можно судить, в частности, по переписке А. Белого с Э. К. Метнером, с осени 1902 г. исправлявшего должность цензора в Нижнем Новгороде, где жила Шмидт. Еще в письме от 31 декабря 1902 г.— 3 января 1903 г. Метнер говорил Белому: «Я забыл спросить у Вас, дорогой Борис Николаевич, переписывается ли Мих. Серг. Соловьев со здешнею сивиллою Шмидт, дело в том, что Мельников сообщил мне, что Шмидт собирается ко мне ввиду того, что ей из Москвы сообщено, будто я мистик» (ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 9, л. 3 об.; упомянут А. П. Мельников, сын писателя П. И. Мельникова-Печерского). Встреча Метнера со Шмидт состоялась только 3 ноября 1903 г., издевательское описание ее Метнер дал в письме к Белому на следующий день (там же, ед. хр. 25, л. 1 об.). Поздней весною 1904 г. Шмидт предприняла поездку к мистикам в Москву, одним из этапов которой и было посещение Шахматова. В связи с этим Метнер спрашивал Белого 24 апреля 1904 г.: «Как вы справились с надоедливым нижегородским антихристом в юбке» (там же, ед. хр. 38). Белый отвечал другу в начале мая: «Была Шмидтиха, приставала, но я был с ней мундирно-вежлив и только» (там же, к. 1, ед. хр. 35, л. 4 об.). Иначе отнесся к посетительнице Блок: «К нам приезжала А. Н. Шмидт. Впечатление оставила смутное, во всяком случае, хорошее — крайней искренности и *ясности ума*, лишенного всякой „инфернальности“ — дурной и хорошей. Говорила много тонких вещей, которые мне только понятны»,— писал Блок Белому 16 мая 1904 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 92). Ср. также воспоминания Белого о восприятии Шмидт в семье Соловьевых и среди «соловьевцев» — Андрей Белый. Начало века. М.— Л., 1933, с. 121 и сл.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

〈Москва, 10 июля 1904 г.〉

〈...〉 Сейчас приехал Алексей Сергеевич, хочет со мной ехать к Блоку. Еду на два дня. 〈...〉 Выезжаю 12 в понедельник, буду 17 в субботу. Милая мама, Блок в отчаянии, что я не буду у него: у них нет своих лошадей. Теперь приехал Петровский, и мы едем.

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 33. Датируется по почт. шт.: Москва. 10.7.04.

Посещение Белым и С. М. Соловьевым Шахматова летом 1904 г. было задумано еще зимою. Обстоятельства задерживали Соловьева в Лаптеве — см. его письмо к Блоку от 10 июля 1904 г. в кн. 1 наст. тома. Соловьев еще 23 июня уведомлял Г. А. Рачинского: «Я собираюсь прожить в Лаптеве числа до 5-го июля, а после ехать в Шахматово, к Блоку» (ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903, л. 58). Белый, оказавшись в Москве, писал матери: «〈...〉 узнал Сережин адрес и отправил письмо с указанием, что я без Сережи не могу ехать к Блоку. 〈...〉 К Блокам думаю поехать не раньше 5/10 июля, если Сережа получит

мое письмо или если Петровский согласится меня сопровождать» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 28 об. и 29 об.). Упомянутое письмо Белого к Соловьему от последних чисел июня нам неизвестно, но несомненно, что в нем Белый говорит о своем намерении пригласить в Шахматово А. С. Петровского — ср. его письмо к Белому, от 19 июня 1904 г.: «Дорогой Борис Николаевич, переехав на дачу ⟨...⟩ не могу решиться даже на поездку в Москву. Известите открыткой, когда будете в Москве на обратном пути от Блока. Кланяйтесь Сереже ⟨Соловьеву⟩, Блоку и др.» (ГБЛ, ф. 25, к. 21, ед. хр. 16, л. 27). Белый пригласил Петровского письмом от 1 июля 1904 г.: «Я — в Москве до 4—5-го июля. Поедемте к Блоку или, быть может, Вы заедете ко мне? (ГЛМ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 33; датируется по почт. шт.). Соловьев счел участие Петровского в поездке делом решенным и писал 1 июля Белому: «Выехать из Лаптева теперь не могу, но рассчитываю быть в Шахматове между 10-м и 15-м. Надеюсь, еще застану тебя там с Алексеем Сергеевичем ⟨Петровским⟩» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 4, л. 1 об.). Еще 4 июля Белый был в полной неизвестности, состоится ли поездка в Шахматово: «От Петровского никаких известий, от Сережи — тоже,— сообщал он матери.— Помня обещание, не поеду к Блокам без них, хотя повидаться бы очень хотелось с Блоком» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 31). А Блок уже писал ему: «Что же ты не едешь? Мы прождали тебя 1-го, 2-го и 3-го, все надеялись и много раз слышали звонки. Я продолжаю ждать ежедневно и прислушиваться. Приезжай, милый» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 102; письмо от 4 июля 1904 г.).— Ср. несколько иную версию событий в воспоминаниях Белого: «В начале июля я трогаюсь в Шахматово; неожиданно вовсе со мною поехал Петровский; в вагоне мы перепугались: я — осознавая, что еду впервые в семью, неизвестную мне, без Сережи, с неприглашенным Петровским; он — ежился, что напросился» (Андрей Белый. Начало века. М.—Л., 1933, с. 331).

С. М. СОЛОВЬЕВ — Г. А. РАЧИНСКОМУ

26 июля ⟨1904 г.⟩ Москва

⟨...⟩ Завтра мы со Щукиным едем на день в Дедово [1], а потом я на первую половину августа удаляюсь в Шахматово, адрес мой отныне: Николаевская ж. д. станция Подсолнечная, сельцо Шахматово, Блоку [2]. ⟨...⟩ Несколько дней я провел с Бугаевым и Петровским у Блока, и мы много намистичили. [3] ⟨...⟩ Блок еще написал много интересного.

ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903, л. 29—30 об.

[1] О И. С. Щукине см. наст. т., кн. 1, с. 375.

[2] Соловьев, однако, провел у Блоков всего несколько дней, т. к. уже до 7 августа был снова в Дедове — см. там же, с. 378.— Ср.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 103.

[3] Об июльской поездке Соловьева, Белого и Петровского в Шахматово см. выше, письмо Белого к матери от 10 июля 1904 г., а также в его же письме к А. С. Петровскому от 10 августа 1904 г. (ниже).

А. С. ПЕТРОВСКИЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

Быково М⟨осковско⟩-Каз⟨анской⟩ ж⟨елезной⟩ д⟨ороги,⟩ 29 июля 1904.

⟨...⟩ Летом прогостил две недели у Бор⟨иса⟩ Ник⟨олаевича⟩ [1], затем ездил с ним же к Блоку (под Клином ⟨...⟩). Эта поездка оказалась страшно значительна для обоих, хотя по-разному [2]. Жена Блока действительно то, что мы знаем о ней из стихов А. А. Блока: «Темного хаоса светлая дочь» — Вл. Соловьев [3] (кстати, она дочь Д. Менделеева — несомненного сибирского хаоса). ⟨...⟩ Каковы в июне Нов⟨ого⟩ Пути стихи Блока! [4] Какое богатство, сжатость, значительность. Рядом с Брюсовым — Блок крупнейший теперешний поэт. Стихи же А. Белого мне теперь до такой степени стали чужды, что (странно) больно слышать.

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 27, л. 24 об., 25 об.— 26.

[1] Петровский ездил к Белому в июне 1904 г. в имение Серебряный Колодезь Тульской губернии. «Покамест еду отдыхать ⟨...⟩ к Бор⟨ису⟩ Ник⟨олаевичу⟩ недели на 2»,— сообщил он Метнеру 3 июня 1904 г. (ГБЛ, ф. 167, карт. 16, ед. хр. 27).

[2] 1 июля 1904 г. Белый отправил Петровскому письмо, текст которого см. в примеч. к письму Белого к А. Д. Бугаевой от 10 июля 1904 г.; см. также письмо Блока к Белому от 4 июля с повторным приглашением приехать в Шахматово («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 102). Пребывание Белого и Петровского летом 1904 г. в Шахматове (не

ранее 5 июля — 15 июля) подробно описано в «Воспоминаниях о Блоке» Белого («Эпопея», № 1. М.— Берлин, «Геликон», 1922, с. 236—273; см. также: «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1980, с. 270—291).

[3] Цитата из стихотворения Вл. Соловьева «На Сайме» («Вся ты закуталась шубой пушистой...»). См. также отрывок из письма Петровского к Метнеру от 27 августа 1903 г.

[4] В шестом номере «Нового пути» за 1904 г. были напечатаны стихотворения Блока: «Целый год не дрожало окно...», «Погружался я в море клевера...», «Мы встречались с тобой на закате...», «Я вырезал посох из дуба...», «У забытых могил пробивалась трава...», «И снова подхожу к окну...», «Ты у камина, склонив седины...», «Потемнели, поблекли залы...», «Я, изнуренный и премудрый...» (с. 26—34).

Э. К. МЕТНЕР — А. С. ПЕТРОВСКОМУ

〈Нижний Новгород,〉 3 августа 1904.

〈...〉 Стихи Блока, помещенные в предпоследней книжке «Нового Пути» [1], мне нравятся менее, нежели прежние его произведения. Они, пожалуй, законченнее в формальном отношении, но менее вдохновенны и более .. манерны. Или, быть может, такое впечатление есть результат однообразия музы Блока; если бы я познакомился с ним по последним его произведениям, то мне менее понравились бы первые. Надо подождать, пока выйдет книга стихов, тогда виднее. Мне Блок представляется более талантливым, нежели Брюсов, а Бугаев гораздо талантливее, нежели оба, нежели, разумеется, Бальмонт.

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 8, л. 33—34.
Ответ на письмо Петровского от 29 июля 1904 г.

[1] См. прим. 4 к отрывку из письма Петровского к Метнеру от 29 июля 1904 г.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. С. ПЕТРОВСКОМУ

Серебряный Колодезь 10-го августа 〈1904 г.〉

〈...〉 Всякий раз, когда созревают колосья, мне хочется думать, что «*золотое время закатывается*», а к августу вспоминается Владимир Соловьев [1]. Вот о Владимире Соловьеве мы, пожалуй, разойдемся, потому что он мне начинает казаться прозорливцем. И знаете ли: теперь я вдумался в то, что Вы называете *темой Врубеля*, и мне кажется, что Соловьев весь пропитан врубелизмом. Нужно только, вспоминая о теме Врубеля, отвлечься от самого Врубеля, ибо «*тема его*» в нем не *всесторонне* проявилась: тут мы имеем производное выражение той же темы, которая была в *Шахматове*, когда мы гуляли вчетвером и ловили кувшинки: теперь я согласен с Вами [2]. Но тогда, когда еще не вдумался в *то*, что Вы называете врубелизмом (я думал, только картины Врубеля), мне не хотелось соглашаться, потому что я очень реально и сильно пережил *другое* выражение ее, которое оканчивается завитком, нахальным росчерком, портящим первоначально величественную подпись — спиритическим насморком. Но вникните: Вл. Соловьев, поэзия Блока, сам Блок (ужаснувшийся: я получил от него отчаянное письмо, доказывающее, что он-таки временно (?) «*провалился*» — письмо, на которое я постарался ему ответить со всей энергией, на какую способен) [3] — все это опять-таки связалось темой Врубеля:

«Вновь Хаос к нам пришел и воцарился в мире:
Сорвался разум мировой
И миллионы лет в эфире
Окутались туманной мглой» [4]

— когда все это происходит, во внешнем *густая* тишина:

«Как-будто душа о желанном просила
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно» [5].

Это в час, когда:

«Сероватые ели
Застыли в дали без движенья,
Пустыня без цели
И путь без служенья».[6]

Но ветер: «дерева пробужденные

Вдруг прошумят и застынут опять...»[7]

И вот тогда-то встанет согбенная фигура и морщинистое лицо Вл. Соловьева, собирающего грибы, между *«елей»*. И бежать, бежать прямо к нему, а он, обивая платком пыль с неуклюжих и довольно грязных сапог: «Хе-хе!.. Историческая драма сыграна...» «Кто в самом деле уразумел, что старого нет больше и не помянется, что прежняя история взаправду кончилась, хотя и продолжается в силу косности какая-то игра марионеток на исторической сцене...» (почти предсмертные слова его)[8]. А на другой день — жара, дымка, гарь, тягота, врубелизм во всем, а в открытом окне согбенный лик Вл. Соловьева, нагнувшегося над рукописью «Теоретической философии». Сидит, скрипит пером, сомневается даже и там, где Спиноза и Кант не усумнились. Право же, я понимаю культ Соловьева.

То, что было у Блоков, я тоже никогда не забуду — *принимаю, и решаюсь понимать.* 〈...〉

P. S. Блок не был у меня[9].

ГЛМ, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 33, оф. 4889, л. 22—23. Год проставлен по приложенному конверту.

[1] Вл. Соловьев скончался вечером 31 июля 1900 г.

[2] Белый подхватывает высказывание Петровского, вспоминавшего в письме к нему от 1 августа 1904 г. разговоры, которые в начале июля велись в Шахматове: «Вот уже несколько дней, как я почувствовал какую-то связь с Вами, дорогой Борис Николаевич, и захотелось написать Вам, чтобы поделиться кое-какими, может быть, и общими переживаниями. Прежде всего замечание общего характера: мне кажется (и притом упорно), что лозунг современности (т. е. настоящего лета, осени и думается зимы) — Врубель, и тема современности — тема врубелизма. Это мне показалось еще, помните, во время прогулки у Блока, и не оставляет до сих пор» (ГБЛ, ф. 25, карт. 21, ед. хр. 16, л. 28).

[3] Белый имеет в виду письмо Блока от 25 июля («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 103) и свой ответ на него (не опубликован — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 148, л. 80—83). Печатаемое письмо Белого к Петровскому позволяет немного уточнить крайнюю дату этого письма к Блоку — ср.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог» Вып. 2, М., 1979, с. 35).

[4] Неточно цитируется стихотворение К. Д. Бальмонта «Злая ночь»; в оригинале:

Вновь Хаос к нам пришел и воцарился в мире,
Сорвался разум мировой,
И миллионы лет в Эфире,
Окутанном угрюмой мглой,
Должны мы подчиняться гнету
Какой-то власти неземной 〈...〉

(К. Д. Бальмонт. Только любовь. Стихи. Изд. 2. М., «Гриф», 1908, с. 69). В статье «Бальмонт» Белый обыгрывает эту цитату, отмечая: «Да, но вместе с мировым разумом сорвался разум Бальмонта, и нет уже мудрости в нем осязать действительность» (Андрей Белый. Луг зеленый. Книга статей. М., «Альциона», 1910, с. 214).

[5] Из стихотворения К. Д. Бальмонта «Безглагольность» («Есть в русской природе усталая нежность...»), опубликованного впервые, без заглавия, в «Журнале для всех» (1900, № 12, вошло в книгу Бальмонта «Только любовь». М., «Гриф», 1903).

[6] Неточная цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Сон наяву» («Лазурное око...») — см.: Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 110.

[7] Неточная цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Что этой ночью с тобой совершилося...» — там же, с. 105.

[8] Две цитаты (с наращением междометия) из последней, предсмертной статьи Вл. Соловьева «По поводу последних событий» — см.: Вл. С. Соловьев. Собр. соч., т. 10, Изд. 2. СПБ., б. г., с. 224, 226. Ср. запись предсмертного разговора Вл. Соловьева — в кн.: С. Н. Трубецкой. Собр. соч., т. 1. М., 1907, с. 346.

[9] При отъезде Белого в июле из Шахматова Блок обещал приехать вскоре к нему в деревню. Однако уже в упомянутом в прим. 3 письме Блок говорил другу: «Знаешь, я может быть не приеду к Тебе в «Серебряный Колодезь», а приеду в Москве». («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 103). Не исполнилось и последнее.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

〈Москва,〉 1904 г., сентябрь, до 9.

Дорогой Эмилий Карлович, на этот раз письмо мое только деловое. 1) Простите, если я являюсь снова и снова орудием в руках других,— когда пересылаю Вам эту рукопись стихотворений Блока. С. А. Соколов просит очень Вас разрешить сборник к печатанью, сделав, конечно, соответствующие изменения. Мотивы его таковы: Вы — культурный цензор и, стало быть, не остановитесь перед некоторыми стихами рукописи — стихами, которые могут вызвать сомнения и недоумения, хотя по существу невинны, разве только окрашены «декадентским» налетом, под которым в сознании многих может «Бог весть что прятаться». Я просматривал сборник, и думается мне,— в нем почти нечего вычеркнуть. Еще раз простите, дорогой Эмилий Карлович. Я было думал отбояриться, но С. А. Соколов очень просит меня переслать Вам оный сборник.

P. P. S. Нельзя ли поскорее ответить о рукописи Блока?

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 40. Датируется в связи с ответом Метнера от 9 сентября 1904 г.— см. ниже.

Речь идет о проведении первой книги Блока — «Стихи о Прекрасной Даме» — через цензуру. В результате обращения к Метнеру, служившему цензором в Нижнем Новгороде, книга избежала какого бы то ни было цензурного вмешательства. Можно предположить, что непосредственно предшествует комментируемому письму письмо С. А. Соколова, владельца издательства «Гриф», выпустившего сборник Блока, к А. Белому: «Только что призвали на войну моего брата, и семейная сумятица, вероятно, не даст мне возможности сегодня быть у Вас. Необходимо объясниться о Метнере и о стихах Блока» (ГБЛ, ф. 25, к. 23, ед. хр. 2, л. 51).

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

9 сентября 1904 г. г. Н.-Новгород

В ту же минуту, как получил чарующие стихи о Прекрасной Даме, я начал их читать. В один вечер дочитал до конца. Я их разрешу [1], но, дорогой Борис Николаевич, имейте в виду следующее. Меня начинают забрасывать работой из разных концов России и все на том же основании, что я мол, «культурный» цензор и т. д. Даже из Казани присылают, где есть отдельный, но весьма свирепый цензор, которому вовсе немного работы. Отказываться я не имею (по закону) права, но я могу (по закону же) держать рукопись 3 месяца. Конечно для Вашей рукописи и для рукописи Блока я всегда сделаю исключение, но Кайранские [2], Подшибышевские [3] et tutti quanti * будут ждать полных 3 месяца, иначе мне придется отказываться от досуга.

1) Необходимо наклеивать шестидесятикопеечную марку на рукопись. Попросите Соколова выслать мне таковую.

2) Скажите Соколову, что выпускной билет он может получить или до двадцатых чисел октября (не позже, так как в конце октября я уезжаю в двухмесячный отпуск, а заменяющее меня лицо будет цензуровать только газеты), или, следовательно, только в январе [4].

ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 43, л. 1 и об. Автограф на именной почтовой бумаге Э. К. Метнера.

Ответ на письмо Белого от начала сентября 1903 г. В недатированном письме Белый через несколько дней благодарил друга за живое участие в судьбе первой книги Блока:

* и все прочие (*итал.*)

«Спасибо, спасибо за Блока. О Подпшибышевских не беспокойтесь» (ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 41, л. 1).

[1] Цензурное разрешение блоковскому сборнику помечено тем же числом — 9 сентября 1904 г., что и письмо Метнера, откуда публикуется выдержка.

[2] Нарицательным именем для обозначения декадентствующей литературной молодежи выбрана фамилия братьев Койранских, из которых в литературных кругах был более известен поэт и журналист Александр (о знакомстве с ним Блока см. VIII, 83). Белый в воспоминаниях дал им самую уничижительную характеристику: «Три брата Койранских: Борис, Александр, Генрих юркали всюду с несносным софизмом под Брюсова, с примесью фраз из Оскара Уайльда ⟨...⟩ и выявляли искусство — действительное — вылезать из щелей: изо всех сразу: «три» становились они «трижды три», даже трижды три на три умноженным; так что, казалось: ввалилась толпа декадентов; а это три брата Койранских» (Андрей Белый. Начало века, с. 207). Мемуарист свидетельствует, что Б. Койранский был автором первого эскиза обложки к блоковским «Стихам о Прекрасной Даме»: «Вспоминаю кстати отрывок из беседы между Брюсовым и Белым.— Валерий Яковлевич, знаете, Койранский нарисовал обложку к «Стихам о Прекрасной Даме» и к удивлению хорошо. Однако Блок «хорошую» обложку забраковал и в «Грифе» заменил Койранского другим художником» (Б. А. Садовской. «Весы». Воспоминания сотрудника.— ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 3, л. 13; сборник вышел с обложкой В. Владимирова — ср. наст. т., кн. 1, с. 537).

[3] По всем ранним письмам Метнера к Белому проходит резкое неприятие становящегося расхожим пошлого модернизма, предельным выразителем которого для Метнера был С. Пшибышевский (отношение к нему усугублялось у первого принципиальным антиполонизмом).

[4] Соколов медлил с выполнением необходимой формальности, и 16 сентября цензор писал Белому: «Почему Соколов не посылает мне 60 копеечной гербовой марки? Я не могу без нее возвратить рукописи, между тем следовало бы поторопиться ввиду моего отъезда в конце октября. Иначе он нескоро получит выпускной билет. Ведь я уезжаю на два месяца. А без меня никто не сможет выдать этого билета. ⟨...⟩ P. S. NB. Кому я должен возвратить рукопись? Если не Вам, то напишите» (ГБЛ, ф. 167, к. 4, ед. хр. 44, л. 2 и об.).

В. В. ГОФМАН — А. С. РОСЛАВЛЕВУ

6 декабря 1904 г.

⟨...⟩ Написал несколько рецензий (между прочим, тоже о Блоке; интересно бы сопоставить с Вашей) [1].

Как Ваш сборник? Выйдет ли? Пора и необходимо Вам выпустить книгу — устройте это каким-либо образом. Ведь Вы, я да еще, пожалуй, Ал. Блок — новое поколение в поэзии, молодое трио — в противоположность старому — Бальмонту, Брюсову, Белому, которые представляют собою ценности уже достаточно установившиеся. Не отставайте же от нас...

Рецензий пока у нас ужасно мало (правда, все очень интересные): есть пока лишь (подходящие) о Блоке.

ГПБ, ф. 124, ед. хр. 1311, л. 2—3 об.

Виктор Викторович *Гофман* (1882—1911) — поэт; в 1905 г. с группой молодых модернистов издавал журнал «Искусство» (см. подробнее ниже, в комментариях к письму С. А. Соколова к Андрею Белому от 20 июня 1905 г.); письмо, отрывок из которого мы приводим, вызвано хлопотами по составлению авторского коллектива этого журнала.

Александр Степанович *Рославлев* (1879—1920) — поэт, журналист.

[1] Рецензию Гофмана на «Стихи о «Прекрасной Даме»» см. в журн. «Искусство», 1905, № 1, с. 39—40. Рецензию Рославлева обнаружить не удалось.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Петербург, 1905 г., 13, 20 или 27 января?⟩

⟨...⟩ А к Блокам вы *сегодня* пойдите, Боря, вечером, *после* обеда, и уж мы так решили, чтоб вы ими сегодня всласть упились, я вам дам заранее свой ключ; потому что вечером мы с Д⟨митрием⟩ С⟨ергеевичем⟩ все равно заняты и не увидимся, с пятницы же надо нам будет всем хоть дня два поутихомириться, чтоб *приготовиться* к... [1] ⟨...⟩

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 84. Автограф. Не датировано, относится, по-видимому, к январскому пребыванию 1905 г. Белого в Петербурге; в таком случае четверги (письмо написано «в четверг») приходятся на 13, 20 и 27 января; в пользу первой даты может свидетельствовать запись в дневнике Е. П. Иванова о знакомстве его с Белым у Блока 13 января 1905 г. («Блоковский сб.», 1, с. 389). Белый, вспоминая о своей жизни у Мережковских в этот приезд в Петербург, говорил, что для них «мои постоянные «убегания» к Блокам и просиживания там целыми днями есть болезнь, декадентство, мистика, ибо к линии А⟨лександра⟩ А⟨лександровича⟩ — Мережковский в ту эпоху относился с резким недоброжелательством: сколько раз он указывал мне на опасность для меня отдаваться беспочвенной «блоковской мистике». ⟨...⟩ Мои сидения с А⟨лександром⟩ А⟨лександровичем⟩ и Л⟨юбовью⟩ Д⟨митриевной⟩ в уютном кабинете А⟨лександра⟩ А⟨лександровича⟩ на Петербургской стороне и наши беседы З⟨инаида⟩ Н⟨иколаевна Гиппиус⟩ называла тогда «завиваться в пустоту», т. е. разговоры о «несказанном», «неуплотняемом» никаким решением, формулой, общественным или религиозным поступком» (Андрей Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке — «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 101, ср. с. 102, 104; ср. также в другом варианте воспоминаний: Андрей Белый. Начало века, с. 423, 433, 454—455.

[1] Что имеет в виду автор письма — неясно.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

⟨Петербург. Январь, 1905 г.⟩

⟨...⟩ Если я так долго остался в Петербурге, то только потому, что ужасно мне было хорошо — жить у Мережковских и видеть Блоков. Я ужасно как привязался к Дм⟨итрию⟩ Серг⟨еевичу⟩ и Зинаиде Ник⟨олаевне⟩, а также к Блокам, у которых много общего с Соловьевыми [1].

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 38—39. Датируется по содержанию: с 9 января по 4 февраля 1905 г. Белый жил в Петербурге у Мережковских.

[1] Слова Белого «а также к Блокам» — вставка над строкой, по-видимому, позднейшая по отношению ко всей строке, таким образом сравнение с М. С. и О. С. Соловьевыми имеет в виду Мережковских, а не Блоков.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

1905 года. Февраль ⟨между 5 и 16⟩

⟨...⟩ Теперь вернулся из Петербурга. Прожил месяц. Остановился у Мережковских; приехал в роковой день 9 ⟨января⟩ [1]. Был всюду, чуть ли не на баррикадах. Впечатление — оглушающее... Видел Гапона [2] и т. д. Сначала события поглотили все. Потом начались бесконечные знакомства писателей [3]. Промелькнула вереница лиц. Розанов, Сологуб, Минский, Петров [4], идеалисты [5] и т. д. вплоть до студентиков и петербургских «пшиков». Меня рвали знакомства 2 недели. Тут у нас возникло одно важное дело: были хлопоты и по его поводу [6]. Наконец под этими двумя слоями суеты была уже не суета, а «несказанная» радость. Сонатная тема, «милое, вечное, грустное» приблизилось ко мне почти вплотную. Такая радость, такая радость, наконец окончательно утешили Блоки (Алекс. Алекс. и Любовь Дмитриевна). Когда я приходил к ним, вырастали такие махровые шапки левкоя, каких я нигде не видел. Цветочность, присоединяясь к «несказанно-милому», переполняла чашу радости, которую я нашел в Петербурге, до краев. Итак, подумайте: во вне политика и знакомства без числа, внутри — радость, приехав в Москву, я просто оцепенел. Но я знаю путь, мне ясно впереди. Вы почти единственный человек, знающий о радости — Вы, Сережа Соловьев, Блоки, Мережковские.

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 42, л. 1—2 об. Датируется на основании времени возвращения Белого из Петербурга — 5 февраля — и ответного письма Метнера — 16 февраля 1905 г. (там же, к. 4, ед. хр. 49). О пребывании Белого в Петербурге см. письмо к нему З. Н. Гиппиус и его письмо к матери (выше).

[1] В подлиннике описка: 9 февраля.

[2] Георгий Аполлонович *Гапон* (1870—1906) — священник, организатор «Союза русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга»; инициатор петиции и шествия

к царю рабочих 9 января 1905 г., которое закончилось массовым расстрелом. Позже — провокатор в партии эсеров.

[3] См. воспоминания об этом: Андрей Белый. Начало века. М.— Л., 1933, с. 417 и т. д.

[4] Григорий Спиридонович *Петров* (1868—1925) — священник, либеральный публицист; впоследствии лишен сана.

[5] Имеются в виду участники сборника «Проблемы идеализма» (М., 1902); Белый в первую очередь имеет в виду С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева, которые возглавили журнал «Вопросы жизни», в 1905 г. сменивший «Новый путь».

[6] Возможно, речь идет об организации В. П. Свенцицким и В. Ф. Эрном «Христианского братства борьбы», с которым Белый временно сблизился — см.: Андрей Белый. Начало века, с. 452—454.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

С.-Петерб〈ург,〉 Литейный 24. 8 〈-20〉 февр〈аля〉 〈19〉05

Милый Боря!

Я вам не писала потому, что с самого вашего отъезда у меня явилось какое-то неопределимое ощущение, что что-то как будто случилось — *не* важное, но однако неизвестное и не совсем то. 〈...〉 Когда приехал Волжский [1] и сказал, что вы «опоздали на все поезда», а потому вернулись с вокзала и поехали к Блокам, откуда уже уехали на другой день,— я и поняла, что именно это-то мне неуловимо все время и не нравилось [2]. Именно не важное, которое не нравится! Можно бы без конца определять, почему именно оно не важное и почему не нравится, но не стоит. Я думаю, и так понятно. И вы сам еще лучше меня и нас определили бы,— если б понадобилось,— что в этом неважном факте ненравящегося. 〈...〉

20 февраля

Видите все пишу-пишу это письмо — и дописать не могу. Какая-то туманная косность в этом направлении. У нас был вечер, были все «тапиры», был, между прочим, и Блок, но Тата увела его в свою «пещеру», и там они все рассматривали ее альбомы, а на другой день Блок принес Тате стихи, написанные на эти альбомы [3]. Там все «цариц-у-у» и мне не весьма нравится [4]. Блок говорил, между прочим, что вы ему пишете каждый день. Это сначала как бы озадачило наши ревнивые сердца, но потом все пришло в тишину.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 26—29.

[1] Александр Сергеевич *Глинка* (псевд. Волжский, Глинка-Волжский, 1878—1940) — историк литературы, критик и публицист.

[2] В одном из вариантов своих мемуарных записок Белый излагает историю иначе: «Повез на вокзал свои вещи, решив напоследок поехать проститься в Казармы (на пять лишь минут); вместо ж этого — засиделся: — Оставайся,— сказал А〈лександр〉 А〈лександрович〉. 〈...〉 Я остался. А Мережковские думали — что уехал. 〈...〉 (З〈инаида〉 Н〈иколаевна〉 очень скоро узнала об этом поступке моем: и поступок воспринят был, явное дело, коварным обманом; ведь вот: распростился, уехал, и к — Блокам: влетело за это — в письме)» — «Вопросы литературы», 1964, № 6, с. 245; Белый упоминает приводимое нами письмо Гиппиус. Ср. и иную версию: «За день до отъезда я простился с Мережковскими и перебрался в гостиницу, чтобы провести мой последний день нераздельно с Блоками».— «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 103. Об этой встрече с Блоками Белый вспоминал: «В последний раз между нами была тишина и гармония, никогда уже больше не появлявшаяся до периода наших встреч после 1910 г.» (там же, с. 108).

[3] Вечер у Мережковских, когда Блок смотрел альбомы Т. Н. Гиппиус («Таты»), под впечатлением от которых родилось стихотворение «Твари весенние», сам поэт описал Белому в письме от 19 февраля 1905 г.— «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 124.

[4] Ср. в воспоминаниях Белого: «Я помню, с каким торжеством Мережковский однажды (то было позднее уже) — развернул передо мною какую-то книгу и с наслаждением прочел четверостишие напечатанного стихотворения А〈лександра〉 А〈лександровича〉, где рифмуются странно «границ» и «цариц-у». 〈...〉 Видите, видите,— я говорил: посмотрите «границ» и потом «цариц»,— Д〈митрий〉 С〈ергеевич〉 сделал огромную паузу и протянул «ууу цариц-ууу» неспроста: у рифмы есть хвостик: -ууу-"ууу-; в этом «ууу» ведь все дело; «ууу» — блоковский хаос, радение, отвратительное хлыстовство» («Вопросы лите-

ратуры», 1964, № 6, с. 222; ср. там же, с. 225—226). Речь идет о стихотворении «Я живу в отдаленном скиту...», опубликованном в № 6 журнала «Вопросы жизни» 1905 г., оно написано в январе 1905 г. и, судя по письму Гиппиус, приводимый разговор Белого с Мережковским должно отнести к концу января — первым дням февраля этого года, когда стихи могли быть известны по рукописи.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Петербург,› 27 февраля 1905 г.

‹...› Ужасно бы хотелось, чтобы и Сережа приехал с Вами, но он уже написал, что едет в Трубицино [1].

В Петербурге слухи о каких-то демонстрациях крестьян против помещиков в Орловской губернии. Говорим о том, что, м‹ожет› б‹ыть›, не удастся в нынешнем году жить в Шахматове. Это уже было бы совсем Бог знает что, но понять что-нибудь в теперешней действительности совсем невозможно. Остается ждать.

ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, л. 5 и об.

Ответ на неизвестное письмо Белого, в котором содержалось, вероятно, обещание приехать в Петербург (ср.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 126).

[1] В недатированном письме к Блоку, которое имеет в виду мать поэта, Соловьев сообщал, что уедет в Трубицыно «на первой неделе поста», т. е. после 27 февраля (см. наст. т., кн. 1, с. 392).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Петербург, 1905 г., середина марта›

Милый Боря, я Вас ужасно люблю, часто думаю о Вас со слезами и очень хочу что-нибудь сделать. Но нечего... Впрочем, вот что: все больше люблю Любу, все больше ей удивляюсь, а она с Вашего пребывания у нас [1] тоже стала и любить меня больше и вообще милостивее стала. Согласитесь, что это с Вашей стороны уже прямо поступок и притом очень важный и очень великолепный. Мы втроем много о Вас говорим и постоянно очень Вас любим. Люба всегда называет Вас Борей, т. е. *Боря*. По Вашим письмам Вы все радостны, но мне кажется, что есть уже опять и грусть. Панченко [2] спросил у Саши, кто Вы — поэт, писатель, музыкант или кто — Саша сказал, что Вы — Боря.

ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, л. 1—2. Датируется по связи с письмом Кублицкой-Пиоттух к Белому от 26 марта 1905 г., которому настоящее предшествует.

[1] Речь идет о пребывании Белого в Петербурге в январе 1905 г.
[2] О С. В. Панченко см. ниже, в дневниковых записях М. А. Бекетовой.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹26 марта 1905 г.›

Милый Боря, вчера я получила Ваше письмо и стихи с поповной и семинаристом [1]. И то и другое было кстати более, чем когда-нибудь, обвеяно сладчайшей нежностью Вашей, Боря, легкой и освежающей.

Я ужасно люблю Вас, просто трудно поверить, какая важная Вы спица в моей колеснице, т. е. совсем не спица, потому что я смотрю на Вас снизу вверх, но Вы понимаете. ‹...›

Возвращаюсь вчера от нее [2],— и мои дети дают Ваше письмо, мои дети, Саша и Люба.

Как Вы можете думать, что Люба на Вас сердита! Она так любит Вас всегда и всегда довольна Вами. Думаю, скоро она сама Вам напишет. Она так сказала вчера, когда прочла Ваше письмо ко мне [3]. ‹...›

Очень ли Вам важен Леонид Андреев? Прочли ли Вы «Вора» [4]. Это чудо. Я бы хотела, чтобы Вы теперь очень любили Леонида Андреева, потому что мы все трое его теперь очень и особенно любим.

ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, л. 7—8. Дата — в конце письма.

[1] Об этом стихотворении Белого см. прим. 8 к письму С. М. Соловьева к Блоку от 24 февраля 1905 г.— наст. т., кн. 1, письмо Белого к матери поэта нам не известно.
[2] В опущенной части письма Кублицкая-Пиоттух рассказывает о пребывании М. А. Бекетовой в больнице.
[3] Подобного письма Л. Д. Блок к Белому мы не знаем.
[4] Рассказ Л. Андреева «Вор» был напечатан в «Сборнике товарищества «Знание» за 1904 г.» (кн. 5, СПб., 1905). Высокие отзывы Блока о появившихся почти одновременно «Воре» и «Красном смехе» см. V, 227, 553—559.

П. С. СОЛОВЬЕВА (ALLEGRO) — С. М. СОЛОВЬЕВУ

〈Петербург〉, 6 апреля 〈1905 г.〉

〈...〉 Вчера в частном доме был устроен вечер, на котором Блок отказался читать, но читали: Мережк〈овский〉, Гип〈пиус〉, Сологуб, Семенов [1] и *я*.

ГЛМ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 73, л. 2 об. Датируется по содержанию. Здесь П. С. Соловьева сообщает о выходе своей первой книги стихов — «Иней» (СПб., 1905): «Сегодня должно родиться мое дитя — моя книжка. Знаю, что в общем ходе истории событие это не важно, но, по слабости человеческой, не могу им не волноваться» (л. 1). Рецензию Блока на книгу «Иней» см. V, 564—567.
Где проходил упомянутый Соловьевой вечер — не установлено.

[1] Л. Д. Семенов.

Л. Д. СЕМЕНОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

26.IV. 〈19〉05

Дорогой Борис Николаевич.

Я в Москве. Страшно жалею, что Вас не застал. Но, может быть, еще скоро увидимся. Гостил два дня у Блока. Много говорили о Вас.

ГБЛ, ф. 25, к. 22, ед. хр. 23, л. 10.

Э. К. МЕТНЕР — А. С. ПЕТРОВСКОМУ

Нижний Новгород, 15—18 мая 1905 г.
〈...〉 18 мая.

Ich sehe dich in tausend Bildern,
Maria, lieblich ausgedrückt,
Doch keins von allen kann dich schildern,
Wie meine Seele dich erblickt.
Ich weiss nur, dass der Welt Getümmel
Seitdem mir wie ein Traum verweht,
Und ein unnennbar süsser Himmel
Mir ewig im Gemüthe steht.

Novalis. Geistlich〈e〉 Lieder. XV.*[1]

Чем не Бугаев или Блок. Все, что есть хорошего в России, есть и в Германии, но пока наоборот сказать этого нельзя [2]. Невозможное вечное нежное милое старое новое во все времена...— Немецкие романтики конца XVIII и начала XIX века (Шлегели, Тик, Вакенродер (монах), Новалис и т. д. и т. д.) [3] страшно напоминают «новых»; среди них есть и Бальмонт и

* Я вижу тысячи твоих изображений, Мария, созданные с любовью, но ни одно из них не в силах явить тебя в том виде, как тебя видит моя душа. Я ведаю только, что суета мира с той поры исчезла для меня, как пелена сна и бесконечно сладостное небо навеки взошли в моей душе (*нем.*)

Брюсов; и Бугаев и Блок: все типы. Stephan George (современный немецкий декадент или романтик) [4], который по отделке стиха не уступает Бальмонту, а по мистической глубине Бугаеву, недаром считает Новалиса предком новейших поэтов [5].

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 9, л. 8 об.— 9.

[1] Приводится заключительное стихотворение из цикла «Духовные песни» («Geistliche Lieder», 1799) Новалиса (псевдоним Фридриха фон Гарденберга; 1772—1801) — немецкого писателя и философа, видного представителя иенского романтизма.

[2] В других фрагментах своего письма Метнер подвергает сокрушительной критике государственно-политический строй России, а также недостаточность и слабость, с его точки зрения, революционного протеста: «Внизу варварская земляная неповоротливость, растительная пассивность, а наверху космополитическая дряблая нервная сутолока беспомощной и лишенной творческих сил интеллигенции. Где же Россия? Где??»

[3] Фридрих *Шлегель* (1772—1829), Август Вильгельм *Шлегель* (1767—1845), Людвиг *Тик* (1773—1853), Вильгельм Генрих *Вакенродер* (1773—1798) — представители иенского романтического кружка, немецкие писатели и мыслители. Называя Вакенродера «монахом», Метнер, видимо, основывается на заглавии его книги «Сердечные излияния монаха, любителя искусств» («Herzenergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders», 1797).

[4] Стефан *Георге* (1868—1933) — немецкий поэт, признанный вождь немецкого символизма.

[5] Проводимая Метнером параллель между иенским романтизмом и русским символизмом впоследствии станет общепризнанной. В частности, в книге В. М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (СПб., 1914) рассмотрение философии и эстетики иенских романтиков завершается указанием на то, что в немецком романтизме «русский символизм имеет за собой богатое и великое мистическое предание» (с. 198); Жирмунский называет в связи с этим Блока и Белого.

С. М. СОЛОВЬЕВ — В. Я. БРЮСОВУ

26 мая 〈1905 г.〉, Дедово

〈...〉 Мне нравится статья Чулкова о стихах В. Соловьева [1]. Книжка стихов Семенова [2] производит хорошее впечатление. Номера на три ниже Блока и номеров на пять выше Маковского [3].

ГБЛ, ф. 386, к. 103, ед. хр. 23, л. 10 и об. Год проставлен по содержанию.

[1] См. ниже, комментарий к письму Г. И. Чулкова Андрею Белому от 8 июня 1905 г.

[2] Речь идет о книге Леонида Семенова «Собрание стихотворений» (СПб., 1905), которую позже рецензировал Блок (V, 589—592).

[3] Речь идет о книге Сергея Маковского «Собрание стихов. Кн. I». (СПб., 1905).

Э. К. МЕТНЕР — А. С. ПЕТРОВСКОМУ

Нижний Новгород, 27 мая 1905 г.

〈...〉 Невозможно не бунтовать, даже не чувствуя себя, подобно мне, вполне русским. В настоящий момент прав безмерно не молчаливый, как Вы, по-видимому, думаете, а прав Каляев и ему подобные [1]. Кстати, читали ли Вы его прощальное письмо. Натура — очень тонкая, блоковская. С большим неудовольствием в силу циркуляра я вынужден был не дозволить его [2].

ГБЛ, ф. 167, к. 16, ед. хр. 9, л. 12.

[1] Иван Платонович *Каляев* (1877—1905) — член партии социалистов-революционеров, один из руководителей «боевой организации эсеров»; пробовал свои силы и в литературе (переводил Пшибышевского, писал стихи). 4 февраля 1905 г. убил бомбой великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора. Был повешен в Шлиссельбургской крепости 10 мая 1905 г. См.: «Дело И. Каляева». СПб., 1906.

[2] Метнер приложил к письму газетную верстку под заглавием «Письмо Коляева» (sic!), которую он, как нижегородский цензор, не допустил к опубликованию. В заметке приводится письмо Каляева к родным, написанное перед казнью: «Я вас всех очень любил и люблю, я очень рад был вас всех видеть, но ни вы, ни я — я думаю, никто уже — не в силах изгладить то, что случилось. Поэтому предоставьте это мудрому течению времени и суду неумирающей вечности. О, моя дорогая мать, незабвенная сладость моих послед-

них дней! Ты одна понимаешь сердце своего сына, ты одна согреваешь его своим всепобеждающим мужеством. Если любовь человеческая есть, то ты — эта жертвенная любовь,— ты, красота и радость моя. Я не знал, что женская любовь, которой я не испытал в жизни, улыбнется мне такой нечеловеческой лаской перед смертью. Всем сердцем благодарю за эту радость».

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

〈Дедово? 1905 г., конец мая〉

〈...〉 До начала июля (до 1, 2-го) мы с Сережей в Дедове, а потом, вероятно, у Блоков (станция Подсолнечная. Имение Шахматово. Ал. Ал. Блоку с пер〈едачей〉 мне). О дне выезда к Блокам сообщу непременно. 〈...〉 У Блоков не знаю, сколько мы останемся. Затем меня ужасно приглашают к Морозовым [1], куда вероятно заеду после Блоков.

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 42 об.— 43. Датируется по содержанию.

Речь идет о поездке Белого и С. М. Соловьева («Сережи»), проведшей резкую грань в их отношениях с Блоками. Идентичное сообщение о своих планах на лето Белый дал в недатированном письме к Э. К. Метнеру: «Я думаю пробыть у Сережи в Дедове до 10. 〈...〉 После десятого у меня пять приглашений — все по Николаевской ж〈елезной〉 д〈ороге〉. Буду у Блока на Подсолнечной, у Танеева в Клину, у Морозовой в Твери, у Мережковских под Петербургом. В это время адрес мой московский» (ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 45, л. 3 об.).

[1] В имении М. К. Морозовой Белый гостил в 20-х числах июня 1905 г.— Ср. письмо к нему С. М. Соловьева от 27 июля 1905 г. (ниже).

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Мал〈ое〉 Кобрино. 13 июня 〈19〉05

〈...〉 Не очень там увлекайтесь блочьей женой, не упускайте во времени главного,— важен, очень важен ваш приезд сюда теперь! [1] А про Софию-премудрость я вам расскажу настоящее, реальное, прекрасное.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 33 и об.

В Малом Кобрине (у станции Суйда по Петербургско-Варшавской ж. д.) Мережковские проводили лето.

Гиппиус знала о поездке Белого с С. Соловьевым в Шахматово и, вероятно, при свойственной ей психологической наблюдательности, могла предугадывать тот переворот в отношениях Белого с Блоками, который совершился в Шахматове. В то же время в ее противопоставлении собственного «реального» знания Софии явно химерическому отождествлению Белым, Соловьевым, в какой-то мере — самим Блоком Л. Д. Блок с «Женой, облеченной в солнце» нельзя не видеть значительной доли ревнивой борьбы за полновластие над Белым, очевидно утрачивавшим безраздельную — временами в прошлом — преданность Гиппиус с Мережковским (ср. на с. 221 письмо Гиппиус к Белому от 8—20 февраля 1905 г.). Отметим, по связи с этим, напряженность в отношениях с Мережковскими Блока, выяснившуюся весной 1905 г.; в частности, он писал Белому 19 мая, что при отъезде из Петербурга в Шахматово «не простился с Мережковскими и, вообще, кончилось с ними как-то глупо и досадно, из-за З〈инаиды〉 Н〈иколаевны〉» (VIII, 124).

[1] Ср. выше, в прим. к письму Белого к матери от конца мая 1905 г.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Шахматово. Июнь, после 15, 1905 г.〉

Милый Борис Николаевич.

Я рада, что Вы меня любите; когда читала Ваше письмо, было так тепло и серьезно. Любите меня — это хорошо; это одно я могу Вам сказать теперь, это я знаю. А помочь Вам жить, помочь уйти от мучения — я не могу. Я не могу этого сделать даже для Саши. Когда захотите меня видеть — приезжайте, нам видеться можно и нужно; я всегда буду Вам рада, это не будет ни трудно, ни тяжело, ни Вам, ни мне. Я не покину Вас, часто буду думать о Вас и призывать для Вас всей моей силой тихие закаты.

Любящая Вас Л. Блок

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 4—5. Датируется по содержанию, а также и по положению письма среди других писем Л. Д. Блок к Белому, подобранных и помеченных самим получателем в хронологическом порядке, с ошибками в единичных случаях. Настоящее письмо, вероятно — ответ на признание Белого в любви, переданное им Л. Д. Блок перед отъездом из Шахматова (см. наст. кн., с. 610).

С. М. СОЛОВЬЕВ — Г. А. РАЧИНСКОМУ

23 июня ⟨1905 г.⟩ Дедово

⟨...⟩ вчера вернулся из Шахматова, имения Блоков. Там много радостного, но очень много нестерпимо трудного, так что и я и Боря порядком извелись.

ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903, л. 24.

Речь идет о критической встрече С. Соловьева и Б. Н. Бугаева (Андрея Белого, «Бори» публикуемого фрагмента) с Блоками в Шахматове в середине июня 1905 г., когда предопределились многолетний разрыв Блока с Соловьевым (ср. наст. т., кн. 1) и болезненно сложные отношения Блоков с Бугаевым. Следует отметить, что Блок в сходных выражениях высказал свое двойственное впечатление от июньского свидания с ближайшими друзьями: «Ваш приезд с Сережей — последний — был, пожалуй, для меня важнее всех остальных — очень окрылил меня. Я чувствую в нем много Нечаянной Радости. Но теперь я беспокоюсь внутренне о Сереже (Соловьеве — *Н. К.*)» и т. д. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 136).

Г. И. ЧУЛКОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Петербург⟩. 8 июля 1905 г.

⟨...⟩ Я принимаю Ваши сопоставления и понимаю мистические возможности, которые чрез них открываются,— но, ведь,— я в своей статье не разбирался в этом *по существу* (не имел права — внутреннего в них разбираться).— я только хотел сказать, что *Вл. Соловьев не решился сделать этих сопоставлений* [1].

По поводу моей статьи писал мне Блок [2], С. Соловьев [3], Карташев [4] и др. Я прошу всех высказаться в отделе «Из частной переписки». Ведь право же *тема* достойна того, чтобы явились в печати мысли-искания и образы-надежды новых людей [5]. А я — равно всем чужой — смотрю *со стороны* и, быть может, волнуюсь, но *один и по-своему*.

ГБЛ, ф. 27, ед. хр. 25.12, л. 1—2. Автограф на почт. бумаге журн. «Вопросы жизни».

[1] Статья Чулкова «Поэзия Владимира Соловьева» («Вопросы жизни», 1905, № 4—5) вызвала ряд откликов, как со стороны московских «соловьевцев» — Белого, С. Соловьева и еще близкого к ним в эту пору Блока, так и со стороны участников петербургских религиозно-философских собраний.

[2] Письмо Блока — VIII, 126—129. Однако поэт уже в самом письме предупреждал адресата, что оно не может быть опубликовано в журнале. Чулков писал в ответ 11 июля 1905 г.: «Ваше письмо доставило мне огромное наслаждение. Одна из многих «правд», заключенных в Соловьеве, выявлена Вами прекрасно. Очень жалко, что Вы не позволяете напечатать этого письма. Отбросив вступление и конец, можно было бы печатать его, ничего не изменяя. Я и сам чувствую всю значительность того Соловьева, о котором говорите Вы, и моя статейка не имела другой цели, как только поставить *вопрос*, ибо я вообще считаю себя правым только *в вопросе*; я ведь — человек и, как человек, гневаюсь. когда *торопливо отвечают обыденными словами*. Но Ваши слова не обыденные слова, а символы. Их я с радостью принимаю, как живую воду, и люблю Блока — поэта и Соловьева — пророка» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455).

[3] Отклик С. М. Соловьева, датированный 1 июля, был опубликован: «Ответ Г. Чулкову по поводу его статьи «Поэзия Владимира Соловьева» — «Вопросы жизни», 1905, № 8.

[4] Письмо А. В. Карташева не напечатано (хранится в ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 3, ед. хр. 3).

[5] Помимо письма Соловьева (см. прим. 3) в журнале была напечатана заметка С. Н. Булгакова «Несколько замечаний по поводу статьи Г. И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьева» («Вопросы жизни», 1905, № 6).

С. А. СОКОЛОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

20 июля 1905

〈...〉 Я писал Мережковским и получил ласковый ответ и обещание деятельного участия[1]. Чувствую, что тут дело не обошлось без Вас. Спасибо! 〈...〉 Не забудьте Ваше обещание прислать Вашу одну статью к августовскому №. Надеюсь, что к сентябрьскому поспеет и статья о трилогии[2]. Адрес «Искусства»: Тверской бульв. д. Кириковой .〈...〉 Минский, Блок и Вилькина тоже вступили в «Искусство»[3].

ГБЛ, ф. 25, к. 23, ед. хр. 2, л. 22.

Летом 1905 г. С. А. Соколов стал редактором литературного отдела журнала «Искусство» (М., 1905, вышло 8 №№); за прежним единоличным редактором издания Н. Я. Тароватым остался художественный отдел. «Искусство», богато иллюстрированный журнал, представлявший новые направления в живописи и эстетике, поначалу в своей литературной части выступил противником «Весов» (см. ЛН, т. 85, с. 483). С принятием Соколовым (печатавшимся там с № 4) редакторских обязанностей ориентация журнала изменилась, через А. Белого были приглашены к участию виднейшие представители символизма, в том числе Блок («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 135). Примером хлопот Белого по журналу может служить его письмо к Э. К. Метнеру, отосланное 16 августа 1905 г. (написано раньше, но вовремя неотправлено), в котором он одновременно приглашает друга участвовать и в «Искусстве», и в «Вопросах жизни»: «Есть некоторая новость, дорогой Эмилий Карлович, и даже имею поручение просить Вас в сотрудники одного журнала. Этот журнал — «*Искусство*», журнал, до сих пор выходивший под редакцией мальчишек, а теперь перешедший к целому ... «малому». Журнал возник с января, функция его — заменять покойный «Мир искусства». До сих пор он относился к «Миру искусства», как Пшибышевский к Ницше. Теперь же издатель Тароватый обратился к С. А. Соколову (малому доброму, но вздорному) с просьбой редактировать. Соколов просил меня о сотрудниках. 〈...〉 да и в отношении денежного вознаграждения этот журнал очень слаб, как и все декадентские, за исключением «*Вопросов жизни*», где хорошо платят» (ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 47). См. выше письмо В. В. Гофмана от 6 декабря 1904 г.

«Искусство» вскоре закрылось и большинство приглашенных так и не успело выступить на его страницах. По составу авторов «Искусство» оказалось журналом начинающих литераторов символистского круга: В. Гофман, М. Пантюхов, В. Ходасевич, А. Минцлова, С. Маковский, А. Курсинский, из них А. Кондратьев и К. Сюннерберг уже в ту пору были близко связаны с Блоком. Сам Блок напечатал там одну большую рецензию (см. ниже, прим. 3). Значение этого эфемерного символистского издания в том, что оно было прообразом «Золотого руна», как во внешнем оформлении, так по самому характеру издания. Соколов, вскоре вошедший в редакцию «Золотого руна», использовал при подготовке его первых номеров портфель «Искусства», в частности, напечатал там статью Блока «Краски и слова», написанную для «Искусства» (V, 19—24, 713).

[1] Мережковские в «Искусстве» не печатались; переписка их с Соколовым по этому поводу неизвестна.

[2] Андрей Белый в «Искусстве» не печатался. Выступив ходатаем за журнал, Белый, после выхода его № 5-6-7, где ему показался оскорбительным отзыв рецензента о произведениях Вяч. Иванова, поссорился с Соколовым (см. ЛН, т. 85, с. 389, 480, 484), что объясняет резкую перемену его позиции по отношению к «Искусству» (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 135, 136, 139, 142). Статью о трилогии Д. С. Мережковского Белый напечатал в «Золотом руне» (1906, № 3).

[3] Н. М. Минский и Л. Н. Вилькина в «Искусстве» не печатались; в № 8 (с. 74—76) журнала Соколов поместил рецензию Блока на книгу Н. М. Минского «Религия будущего» (СПб., 1905 — V, 593—598). Блок, по-видимому не мог не обратить внимания на опубликованное в том же номере, на с. 73, заявление «Редакции к-ва „Гриф"», несомненно составленное С. А. Соколовым. Этот документ хорошо очерчивает общественную и литературную позицию Соколова в то время, что важно учитывать в связи с участием Блока в журнале «Перевал» (см. наст. кн., с. 260). Заявление написано в связи с тем, что по поводу участия Бальмонта и Минского в социал-демократической газете «Новая жизнь» «одна московская вечерняя газета» «не постеснялась сказать, что наличность в социал-демократическом органе людей, ранее заявивших себя в литературе в качестве «эстетов» и «мистиков»,— так же странно, как помещение генерала Трепова в число деятелей освободительного движения». В ответ издательство «Гриф» утверждало единство, в конечном счете, задач революционной борьбы и модернистских устремлений в эстетике: «Те, кто идя на аванпостах искусства, своим лозунгом поставили «искание», быть может, всего ближе к пролагателям новых путей в социальной жизни, ибо «левых» Искусства и «левых» Политики роднит одно общее им — дерзновение» («Искусство», № 8, с. 73).

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

1905 г. 27 июля. Трубицино

Милый Боря!

Я написал тебе большое и основательное письмо, но изодрал его в клочья, получив этот листок, который тебе и пересылаю [1]. Можешь себе представить, какое он на меня произвел впечатление! Несколько часов я находился в состоянии полубезумия. Ведь опять и опять! Чуешь ты, какое чудище выглядывает из-за этого письма? Это Бог знает, что такое! Что же наконец *в* Блоках, *у* Блоков, *под* Блоками, *с* Блоками? Таких неслыханных ужасов нигде больше не водится. Замолчу об этом, ибо в письме ничего не передашь, а ты из Блоковских слов все поймешь. Пребывание у Безобразовых [2] произвело на меня очень благотворное действие, вроде того, какое на тебя — пребывание у Маргариты Кирилловны [3]. Там было тихое и милое дуновение, прохладное, целящее язвы раскаленного вихря, пролетевшего в Шахматове. И вот я успокоенный начал работать в Трубицине, как вдруг эта писулька *оттуда*. Все разорвалось на миг, как в ту грозную ночь на крюковской дороге [4]. И в серых тучах пригрозила молния — старик, колдун, гоголевщина, и опять нахлынули гоголевские ужасы! [5] Нежность к Саше вдруг неистово забила во мне, и как ни страшно, промелькнуло что-то из «Петра и Алексея». И вечера рыбной ловли, русские песни, «угрюмость», запах табака. Я почуял в себе начало Петра, а в нем — Алексея [6]. Но это уже так неуловимо и тонко. Но все это длилось несколько часов. Потом все пришло в порядок. О, милая феноменальность!

ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 5, л. 1.

[1] Приложено письмо Блока к Соловьеву от 19 июля 1905 г.— см. наст. т., кн. 1.

[2] Т. е. в семье тетки, М. С. Безобразовой (урожд. Соловьевой), с дочерью которой, Е. П. Безобразовой, Соловьев был особенно близок (ср. ниже в этом же письме: «Ах! что такое для меня Лиза Безобразова! Какое верное пристанище, неизменное, мирное», л. 2 об.).

[3] Белый после рокового посещения Шахматова гостил у М. К. Морозовой (см. с. 225).

[4] Соловьев имеет в виду эпизод из своего ночного блуждания в окрестностях Шахматова — см. прим. 1 к письму Блока к Соловьеву от 19 июля 1905 г. (наст. т., кн. 1) и дневниковую запись М. А. Бекетовой от 27 июня того же года (ниже в наст. кн.).

[5] В «Воспоминаниях о Блоке» Белый также свидетельствует, что вторая половина лета 1905 г. прошла для него и С. Соловьева под знаком гоголевской фантастики: «...Жуковского — не читали; но — упивались мы Гоголем: «*Страшною местью*» и «*Вием*»; то именно, чего Блок не любил, чего прежде боялись; казалось, весь дедовский воздух напитан был Гоголем» («Эпопея», № 2, с. 263).

[6] Соловьев говорит об образах романа Д. С. Мережковского «Петр и Алексей».

К. Д. БАЛЬМОНТ — В. Я. БРЮСОВУ

Силламяги, Эст〈ляндской〉 г〈убернии〉, 5 сентября 1905.

〈...〉 Что до Белого и Блока, они меня мало трогают в каком-либо смысле [1]. Я искренно думаю, что за все эти последние десятилетия в России было лишь два человека, достойные имени Поэта, священнее которого для меня нет ничего. Это ты, и это я. Хорош многим Вячеслав, но, к сожалению, он более чем кто-либо — ученый провизор. Медоточивый дистиллятор [2]. Балтрушайтис — какой-то после дождичка в четверг. Лохвицкая — красивый романс. Гиппиус уж очень Зиночка. Тонкий стебелек, красивый, но кто его не сломит? Блок не более как маленький чиновник от просвещенной лирики. Полунемецкий столоначальник, уж какой чистенький да аккуратненький. «Дело о Прекрасной Даме» все правильно расследовано. Еще таких «Дел» будет сколько-то, все с тем же результатом, близким к элегантному овальному нулю. Единственно кто мог бы носить с честью звание Поэта, это Андрей Белый. Но он изолгался перед самим собой. Говоря грубо, он какой-то проститут Поэзии. Он сдал ее в наймы, а сам

сделался стряпчим. Он дохленький профессор, он маленький поп-расстрига. Он еще может воспрянуть. Но трудно.

Когда я думаю, каким путем, как твердо и красиво ты идешь уже столько дней, мне делается радостно. Как хорошо, что ты есть на Земле.

ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6, л. 110. Машинопись, подпись — автограф.

О личных и литературных отношениях Блока и Бальмонта см.: Р. Б. Донгаров. Блок — редактор Бальмонта.— «Блоковский сб.», 2, с. 416—423; мемуарный очерк К. Бальмонта «Три встречи с Блоком» и его стихотворный цикл «Памяти Блока», а также статью А. Е. Парниса «Рыцарь грезы заповедной» — «Лит. обозрение», 1980, № 11, с. 107—111.

[1] Бальмонт, по-видимому, отвечает на неизвестное нам письмо Брюсова, а также — на его рецензию на сб. «Литургия красоты» («Весы», 1905, № 4, с. 50—52).

Отклик Бальмонта расходится с его восторженным отзывом 1903 г. о первых стихах Блока, с которыми он был знаком еще до появления их в печати (см. «Лит. обозрение», указ. ст.).

[2] Непостоянство в отношениях, полярные критические оценки, быстрый и зачастую немотивированный переход от восторгов к враждебности — характерные черты Бальмонта. Несколько дней спустя после написания этого письма он приехал в Петербург, посетил Вяч. Иванова, признавался в любви к нему и его стихам и каялся, что недавно в письме к Брюсову назвал его «медоточивым дистиллятором» (об этой исповеди Бальмонта см. в письме Вяч. Иванова Брюсову от 20 сентября 1905 г.— ЛН, т. 85, с. 485—486). Однако через два года (в ноябре 1907 г.) Бальмонт почти дословно повторяет эту характеристику Вяч. Иванова («Наше литературное сегодня».— «Золотое руно», 1907, № 11-12, с. 62). Здесь же дается сдержанный отзыв о Блоке (в это время Бальмонт был уже знаком со сб. «Нечаянная радость» и «Снежная маска»): «Блок неясен, как падающий снег, и, как падающий снег, уводит мечту. Приведет ли куда, не знаю, хорошо, что порою уводит ее» (с. 63). В этом же номере «Золотого руна» Блок в статье «Литературные итоги 1907 года» упоминает Бальмонта, «рассыпающего за последнее время повсюду длинные и скучные стихи» (V, 223). В статье о Бальмонте (1909) Блок писал: «Нельзя сердиться за его критическое ребячество и наивное самохвальство, надо поблагодарить его за то, каков он есть: без этого не было бы у нас его прежних стихов» (V, 373).

Л. Д. БЛОК — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

〈Петербург. 17 сентября 1905 г.〉

〈...〉 Благодарю Вас за поздравление. Поздравляю и Вас и очень, очень желаю Вам всего хорошего. Александра Андреевна [1] и Саша тоже поздравляют и приветствуют Вас.

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 447, л. 1.

Поздравления в день именин Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, 17 сентября ст. ст.

[1] А. А. Кублицкая-Пиоттух.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

27 сентября 1905 г.

Милый Боря, Люба мне передала, что Вы никогда не простите мне за мои слова о Сереже [1]. Но сию минуту пришел последний № «Весов» и там Ваша статья о Зеленом Луге [2]. Очень хочется написать Вам несколько хоть слов, сказать Вам свою радость обо всем, что Вы написали. Все эти дни мы с Сашей предаемся бурным гражданским чувствам, радуемся московскому беспокойству и за это встречаем глубокое порицание домочадцев [3]. Мне давно совершенно необходимо, чтобы Вы сказали обо всем этом по-своему. И вот Вы это сделали в «Весах» с пышностью и новизной, на которые только Вы способны. Как нарочно в том же № Бальмонт и Рерих тоже говорят об этом и так прекрасно [4].

А все-таки Вы громче всех будите Красавицу [5]. Люблю Вас твердо и счастлива бесконечно, что нет ничего надежнее Вас.

ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, л. 13—14.

Письмо, отрывок из которого мы печатаем, позволяет уточнить датировку письма Андрея Белого к Блоку (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 140—141), поскольку в нем упоминается письмо Кублицкой-Пиоттух: «Спасибо Александре Андреевне за письмо. Передай ей, что я на днях ей напишу» (там же, с. 141).

[1] См. ниже (с. 609) дневниковую запись М. А. Бекетовой от 27 июня 1905 г. Слова Белого, переданные Л. Д. Блок свекрови, содержались, по-видимому, в неизвестном нам письме Белого.

[2] См.: Андрей Белый. Луг зеленый.— «Весы», 1905, № 8, с. 5—16. В этой статье Белый сформулировал свои социально-утопические чаяния, спроецировав их на русскую революционную ситуацию.

[3] Ср. в письме Блока к Белому от 22 сентября 1905 г.: «В Петербурге очень много бодрости. Меня очень интересуют события. Университет преобразился — все оживлено. Слежу за газетами».

[4] Речь идет о статьях К. Д. Бальмонта «В странах Солнца. Из писем к частному лицу» и Н. К. Рериха «Девассари Абунту».

[5] «Красавица» в статье Белого (см. прим. 2) — символ России и будущего общества: «... общество — живое, цельное, нераскрытое, как бы вуалью от нас занавешенное Существо, спящая Красавица, которую некогда разбудят от сна» («Весы», 1905, № 8, с. 7).

Г. И. ЧУЛКОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург〉, 4 октября 1905 г.

〈...〉 мне Ваши стихи нравятся, особенно — «Беглый» [1]. Это последнее стихотворение я прошу у Вас для сборника «Огни», в редактировании которого я принимаю участие [2]. Сообщите, пожалуйста, согласны ли Вы напечатать это стихотворение [3] в сборнике: о нем Вы, вероятно, слышали от Валерия Яковлевича [4]. Дали свое согласие на участие в «Огнях» Брюсов, Вяч. Иванов [5], Ф. Сологуб [6], Блок [7] и мн〈огие〉 др〈угие〉 [8]. Если Вы согласны, я предложу Ваше стихотворение моему соредактору г. Новикову [9].

ГБЛ, ф. 25, к. 25, ед. хр. 12, л. 5—6. Автограф на почтовой бумаге журнала «Вопросы жизни».

В письме речь идет о составлении первого выпуска альманаха «Факелы» (СПб., 1906), редактором-издателем которого был Чулков. По замыслу редактора, сборник, предполагавшийся регулярным, должен был объединить тех писателей, которых сближало «непримиримое отношение к власти над человеком внешних обязательных норм», кто мог присоединиться к заявлению редактора от лица всех авторов альманаха: «Мы полагаем смысл жизни в искании человечеством последней свободы» («Факелы», с. 3). Однако общий облик сборника с его расплывчатым, но максималистски-напряженным «неприятием мира» оказался неприемлем для Брюсова, Белого, З. Гиппиус и других символистов «московского», «весовского» направления; первый выпуск «Факелов» сразу по выходе в свет вызвал резкие разногласия между «москвичами» и «петербуржцами» (см. ЛН, т. 85, с. 391, 490 и далее).

[1] По-видимому, стихотворение Белого «Каторжник» («Бежал. Распростился с конвоем...»), под заглавием «Беглый» впервые опубликованное в «Золотом руне» (1906, № 1).

[2] «Огни» — первоначальное название альманаха «Факелы» — см.: А. Блок. Письма, 1925, с. 129, 157.

[3] В «Факелах» Белый напечатал «Опять он здесь, в рядах борцов...» и «Толпы рабочих в волнах золотого заката...» (в последней переработке озаглавлено — «Манифестация»).

[4] Об истории отношения В. Я. Брюсова к альманаху см.: Георгий Чулков. Годы странствий. М., 1930, с. 342—344. В первой книге «Факелов» Брюсов напечатал два стихотворения под общим названием «Близким» («Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши...» и «Нам руки свободные свяжут...»).

[5] Вяч. Иванов поместил в сборнике дифирамб «Факелы» и шесть стихотворений.

[6] Сологуб напечатал в «Факелах» четыре стихотворения и «сказочку» «Нетопленные печи».

[7] Блок дал в «Факелы» драму «Балаганчик» и стихотворение «Осенняя воля» («Выхожу я в путь, открытый взорам...»)

[8] Среди более видных участников альманаха — Бунин, С. Городецкий, Л. Андреев, Ремизов, кроме них в сборнике участвовал ряд второстепенных литераторов.

[9] И. А. Новиков позже ни как редактор, ни как автор в «Факелах» не участвовал.

С. М. СОЛОВЬЕВ — Г. А. РАЧИНСКОМУ

〈Москва. 6 октября 1905 г.〉

〈...〉 Блок прислал кучу новых стихов: все сплошь билиберда, а местами и пакостная [1]. Брюсов опротивел своими купеческими замашками. Евгений Трубецкой [2] не понимает мистики. И все в этом роде.

ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903, л. 61. Датируется по содержанию опущенной части письма.

Письмо отражает отношение Соловьева к Блоку после шахматовского столкновения в июне 1905 г.

[1] Речь идет о двадцати стихотворениях, присланных Блоком Белому с письмом от 2 октября 1905 г.— см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 142—154. Белый в ответном письме говорил Блоку, что эти стихи ему нравятся. Но тут же выражал сомнение, не означает ли появление новых тем в лирике Блока измены прежним верованиям, сплотившим в 1901—1904 гг. воедино Блока, Белого, Соловьева: «Как совместится Твой призыв к «*Прекрасной Даме*» с этими новыми для тебя темами, как совместится «*долг*» рыцаря с «*просто*» бытием хотя бы сил даймонических, как совместится долг творчества жизни (теургизм) с параличом долга жизни (шаманизмом) — я не знаю. 〈...〉 я скажу о Твоих стихах. Над ними стоит туман несказанного, но они полны «скобок» и двусмысленных умалчиваний, выдаваемых порой за тайны» (там же, с. 155, 157).

[2] Евгений Николаевич *Трубецкой* (1863—1920) — философ, публицист, общественный деятель; Соловьев сблизился с ним в 1903 г., когда гостил у него в Киеве после смерти своих родителей.

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — М. М. ЗАМЯТНИНОЙ

〈Петербург〉, 12 октября. Среда. 〈19〉05

〈...〉 Ночь у Сологуба снова. Были все наши и Ал. Блок, очень симпатичный и красивый. Много стихов читалось им, Солог〈убом〉, Вяч〈еславом Ивановым〉, были еще несколько мол〈одых〉 поэтов (Пяст, Кондратьев, Чулков и еще не знаю имен).

ГБЛ, ф. 109.

Описана встреча с Блоком в воскресенье, 9 октября 1905 г.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург, 27 октября 1905 г.〉

Борис Николаевич,

Я не хочу получать Ваших писем [1], до тех пор, пока Вы не искупите своей лжи Вашего письма к Саше [2]. Вы забыли, что я — с ним; погибнет он — погибну и я; а если спасусь, то — им, и только им. Поймите, что тон превосходства, с которым Вы к нему обращаетесь, для меня невыносим. Пока Вы его не искупите, я не верну Вам моего расположения. Меня признаете, его вычеркиваете — в этом нет правды. И в правду Вашего отношения ко мне я не верю. Вы очень чужды мне теперь.

Л. Блок

27-го октября

ГБЛ. ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 12—13. Год проставлен по содержанию. Письмо написано в ответ на неизвестное нам письмо Белого — см. в наст. кн. дневник М. А. Бекетовой от 28 октября 1905 г.

[1] Белый, объяснившись Л. Д. Блок в любви, по-видимому, постоянно писал ей (все его письма к Л. Д. Блок неизвестны); об отношении Л. Д. Блок к Белому в это время можно судить по единственному имеющемуся в нашем распоряжении ответному письму от 12 августа 1905 г.: «Мне очень приятно получать Ваши письма. Они очень хорошие. 〈...〉 Я Вас не забываю и очень хочу, как и все мы, чтобы Вы приехали этой осенью в Петербург. Вам будет можно?» (ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, лл. 10—11).

[2] Речь идет о резком письме Белого к Блоку от 13 октября 1905 г., на которое Блок отвечал 14 или 15 октября. Дружеские отношения восстановились только при личной встрече Белого с Блоками в декабре — см. ниже его письмо к матери от 6—9 декабря 1905 г.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

9 ноября 1905 г.

Милый Боря, ведь Вы любили меня. А я никогда не переставала любить Вас и чтить. Моя верность к Вам прошла испытания. Мне кажется, что Вам теперь никого не надо, что ли? А мне по-прежнему надо читать то, что Вы пишете, слушать то, что Вы говорите и испытывать к Вам чистое радостное, светлое и твердое чувство любви и доверия.

Поэтому, если не трудно и сколько-нибудь хочется, напишите мне по-прежнему [1]. ⟨...⟩

Сережа тоже молчит. Про него рассказал Саше Вяч. Иванов, что он в Риме. Это он прямо утверждал, но так, что мы поверили и только на днях, получив письмо от А. М. Марконет, узнали, что Сережа в Москве [2]. Саша месяц назад послал ему деньги и не знал, получены ли они [3].

Сережа еще в Шахматове простил мне мою безобразную выходку, и я, узнав, что он в Москве, ему тотчас написала, но не послала письма, ⟨нрзбр⟩ [4]. Молчанье Сережи кажется холодным и темным судом, и не знаешь, что ему написать теперь.

Будете ли Вы что-нибудь печатать скоро? Неужели я потеряла Вас и Сережу?

Ваша А. Кублицкая-Пиоттух

ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, л. 15—16.

Содержание и тон письма объясняются столкновением Блоков и Кублицкой-Пиоттух с Белым и С. Соловьевым летом 1905 г.

[1] Ответ Белого нам не известен. Об отношении А. А. Кублицкой-Пиоттух к Белому свидетельствует и недатированное письмо от конца 1905 г., в котором она писала: «В вас мое спасение; Вы моя Надежда и Неизреченная Радость. Люблю Вас сколько могу, как Сашу (может быть, и не так)» (ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, л. 20 об.).

[2] Письма А. М. Марконет мы не знаем.

[3] См. прим. 1 к письму С. Соловьева Блоку от 25 января 1905 г. наст. т., кн. 1, с. 388.

[4] Письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух к С. Соловьеву нам неизвестно.

ИЗ ДНЕВНИКА Н. В. НЕДОБРОВО

Петербург, 29 ноября 1905 г.

⟨...⟩ на Пантелеймоновской встретил Е. П. Иванова [1]. Постоял и походил с ним, и он проводил меня. Говорил, что Блок переводит Байрона. Вряд ли это выйдет хорошо [2].

ИРЛИ, ф. 201, ед. хр. 39, с. 142.

О взаимоотношениях Николая Владимировича Недоброво с Блоком см. в наст. т. кн. 2, с. 292—296. В дневнике Недоброво отмечены некоторые встречи поэтов, например, 22 апреля 1905 г.: «Видел, между прочим, Блока и разговаривал с ним четверть часа. Кажется, обоим было интересно» (ИРЛИ, ф. 201, ед. хр. 39, с. 14).

[1] С Е. П. Ивановым Недоброво познакомился в доме у Н. П. Ге в апреле 1904 г. См. характеристику Е. П. Иванова в дневнике Недоброво (16 апреля 1904 г.): «...студент, полагающий, что кошки ближе к Христу, чем человек. Вчера он испытующе спрашивал меня, полагаю ли я, что в статуе есть жизнь. Я ответил, что это трансцендентно» (ИРЛИ, ф. 201, ед. хр. 38, с. 76).

[2] Блок переводил по заказу С. А. Венгерова стихотворения Байрона для полного собрания сочинений в издательстве Брокгауза и Ефрона (II, 346—358).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

⟨Петербург.⟩ 6⟨—9⟩ декабря ⟨1905 г.⟩

⟨...⟩ Мне удивительно хорошо живется в Петербурге. Пока здесь все очень спокойно. Спокойней, чем в Москве. Порядок на улицах — совсем забываешь о происходящем в России. Здесь мне все очень рады. Вижу часто

Блоков. Вижу разных писателей. Все ко мне очень расположены. Милая мама, думаю приехать через недельку.

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 45. Автограф. Письмо писалось несколько дней.

Белый приехал в Петербург 1 декабря и уехал в Москву не ранее 20 декабря 1905 г. Сложность его отношений с Блоками временно оказалась приглушенной — описывая их первую встречу, Белый говорит: «...в протянутой руке Саши прочел: «Объяснение — факт приезда! <...> Блок сумел, точно тряпкой, снимающей мел, в этот вечер стереть все сомнения» (Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 57; в целом эта поездка Белого в Петербург описана там же, с. 57—71).

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — М. М. ЗАМЯТНИНОЙ

Петербург, 11 декабря 1905 г.

<...>Теперь о среде. Она была в некотором роде замечательной. Были: Розанов с падчерицей [1], М-me Бердяева <...>, Ремизов, Габрилович, Чулковы, Кондратьев, Пяст, мол<оды>е поэты (Мережковские не приехали, <...> в последнюю минуту), Блок, Белый, Яша [2], еще какая-то София Юльевна [3] <...>, писат<ель> Лундберг, Нина [4] и Борис [5] <...>. Поздно часов в 12, Вяч<еслав> предложил устроить по примеру Пира — собеседование о Любви [6]. Ах, да, самое неожиданное, был Павел Влад<имиров>ич Безобразов и председательствовал [7], скажи Мар<ии> Серг<евне> [8]. Блок первый прочитал прекрасные стихи о «Влюбленности» [9]. Говорил Белый о мировой душе, отблеск которой мужчина ищет в любимой женщине, из этого как-то рождается лик Христа, потом все обращается в церковь и в жену, облеченную солнцем, по апокалипсису.

Все это в смутных, цветистых, облачных образах и *длинно*. Общее мнение, что очень красиво. По-моему, нет. Вячеслав говорил раньше, и все сказанное Белым, языком арбатского апокалипсиса (мое мнение), было (по словам Блока) продолжением, добавлением к словам Вяч<есла>ва [10]. Вяч<еслав> напишет статью о любви. Здесь его теория матери — дочери — сестры, отца — брата — сына, соединенных <1 нрзбр.> в любви между мужчиной и женщиной, и дальше о бросании колец совершенной любви двух в пурпуровые моря божественной соборности [11]. Роз<ано>ву и Блоку не понравилось.

ГБЛ, ф. 109. Автограф.

Описана ивановская «среда» 7 декабря 1905 г.

[1] Александра Михайловна *Бутягина* — дочь В. Д. Розановой от первого брака.
[2] Возможно, Я. В. Годин.
[3] Лицо, нам не известное.
[4] Неустановленное лицо.
[5] Неустановленное лицо.
[6] Имеется в виду знаменитый диалог Платона «Пир».
[7] П. В. Безобразова к Иванову привел Белый — см. описание этой «первой» среды «нового стиля» в кн.: Андрей Белый. Начало века, М.— Л., 1933, с. 316 (отметим неточность мемуариста, называющего среди присутствующих «Д. Мережковского с женою», что не подтверждается приведенным письмом).
[8] М. С. Безобразова.
[9] Речь идет о стихотворении «Влюбленность» («Королевна жила на высокой горе...»), написанном 3 июня 1905 г. (II, 61—62)
[10] Ср., например, более позднее определение Блоком его собственного выступления «О современном состоянии русского символизма» только как «Бедекера», путеводителя по положениям, высказанным Ивановым (V, 426; VIII, 308).
[11] Специальной статьи «о любви» Иванов не написал, но «теория», о которой говорит Л. Д. Зиновьева-Аннибал, многообразно запечатлелась в его лирике и статьях, будучи одной из образующих тем его творчества.

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — М. М. ЗАМЯТНИНОЙ

Петербург. 14 декабря 1905 г.

〈...〉 Пришел Чулков говорить о «Факелах» [1]. Сели обедать с Белым. После обеда и чая они втроем ушли. Вяч〈еслав〉 [2] и Бел〈ый〉 к Блоку.

ГБЛ, ф. 109.

[1] «Факелы» — по замыслу Г. И. Чулкова, поддержанному Вяч. Ивановым и Блоком — ряд альманахов, театр и т. п., т. е. культурная и общественная организация, в деятельности которой должно было быть преодолено индивидуалистическое декадентство — в слиянии искусства и общественности. Театр «Факелов», для которого Блок написал по заказу Чулкова «Балаганчик», не осуществился (ср. наст. кн., с. 237). Вышло три книги альманаха «Факелы» (СПб., 1906—1908), в первой и третьей участвовал Блок. Вскоре после описываемой встречи организаторов «Факелов» Вяч. Иванов писал Брюсову: «„Факелы“ становятся реальностью. Начинается работа» (ЛН, т. 85, с. 488, ср. там же, с. 391).

[2] Вяч. Иванов.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

16-го января 〈1906 г.〉

〈...〉 Ваша поездка заграницу — я думаю, будет для Вас очень хороша, важна, даст Вам бесконечно много. Если все устраивается и мама с Вами едет, поезжайте. Расстаться так надолго — Бог знает, как жалко. Хотя и Вам, может быть, удастся приезжать, и мы (но это очень не наверно, не решенное дело и секрет) должны будем ехать через некоторое время заграницу, если Саша будет служить в одной библиотеке, куда его хочет поместить папа. Но это очень сомнительно еще. Во всяком случае — Вам великолепно вырваться из Москвы, из Скорпиона и т. д. и быть совершенно на свободе. Напишите скорее, когда решите окончательно, и приезжайте к нам. Мне не думается, чтобы мы так долго не виделись.

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 25—26. Год проставлен по содержанию.

В декабре 1905 г., когда Белый был в Петербурге, Л. Д. Блок примирилась с ним — после разрыва отношений в конце октября: см. выше ее письмо от 27 октября 1905 г. Белый часто пишет ей; в одном из ответных писем (29 декабря 1905 г.) Л. Д. Блок говорит: «Все, что Вы пишете, мне близко, близко. И я на все радуюсь и улыбаюсь. Очень хочу, чтобы Вы опять были в Петербурге, опять приходили бы к нам; тогда Вы видели бы мое к Вам отношение, даже если бы я и не говорила ничего. Ведь Вы будете так устраивать свои дела, чтобы приехать в конце января? Вы знаете, как мы все этого хотим. Любящая Вас Л. Блок» (там же, л. 19). Как и Блок (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 162, и далее) Л. Д. Блок называет Белого «братцем» (ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 14, 16).

В Петербурге в декабре 1905 г. и позже в письмах обсуждалась возможность переезда Белого в Петербург (см.: Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 60) и его отъезда за границу («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 172).

В. Я. БРЮСОВ — С. А. ПОЛЯКОВУ

〈Петербург〉 19 января 1906 г.

〈...〉 Участвовать в «Весах» он 〈Вяч. Иванов〉, конечно, согласен, будет, и дает для февраля стихи и статью [1]. Подробнее о нем расскажу лично. Мережковские очень набросились на «Весы», отрекаются от «Руна» и готовы завалить нас стихами, статьями и рассказами. Я всячески удерживаю их рвение. Впрочем один № Зин〈аиде〉 Ник〈олаевне〉 обещал (для стихов) [2], так же как Ф. Сологубу [3] и Блоку [4]. Сам Мережковский Дм. дает стихотворение и новую статью [5].

ИМЛИ, ф. 13, оп. 3., ед. хр. 33, черновик ГБЛ, ф. 386, к. 72, ед. хр. 16, л. 4.

Январская поездка 1906 г. Брюсова в Петербург позволила ему понять ситуацию внутри литературной школы, главою которой он сознавал себя. В результате Брюсов делает ряд выводов и предпринимает практические шаги, во многом определившие расстановку сил во внутрисимволистских полемиках 1906—1908 гг. Поиски авторов, как среди молодежи, так и среди маститых литераторов ближайшим образом для Брюсова

были определены введением в «Весах» беллетристического отдела, а также резко враждебным отношением Брюсова к «Золотому руну», где первую роль в это время играл С. А. Соколов (ср.: Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 137); но встреча с Мережковскими оказалась в известном смысле решающей для облика брюсовских «Весов» на ближайшие годы: З. Н. Гиппиус стала ведущим публицистом журнала, третирующим в своих писаниях «петербуржцев» (подробнее см.: ЛН, т. 85, с. 289—293).

[1] См. цикл стихотворений Вяч. Иванова «Северное солнце».— «Весы», 1906, № 2 (февр.). В ближайших номерах журнала статьи Иванова не печатались.— См. прим. к письму Л. Д. Зиновьевой-Аннибал В. Я. Брюсову от 1 апреля 1906 г. (ниже в наст. публикации).

[2] См. цикл стихотворений З. Н. Гиппиус «Водоскат» — там же, № 3-4 (март-апрель).

[3] Стихотворений Сологуба в 1906 г. «Весы» не печатали.

[4] См. цикл стихотворений Блока «Тишина цветет».— «Весы», 1906, № 5 (май). Брюсов и Блок встретились накануне, 18 января, у Вяч. Иванова — см. ЗК, 74 и письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 19 января 1906 г. (ниже в наст. публикации).

[5] Д. С. Мережковский поместил в первых номерах «Весов» на 1906 г. стихотворение «Л. Н. В⟨ильки⟩ной» («Ослепительная снежность...») (№ 3-4) и статьи «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского» (№ 2, 3-4) и «Декадентство и общественность» (№ 5).

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — М. М. ЗАМЯТНИНОЙ

Петербург, 19 января 1906 г., четверг

⟨...⟩ Вчера была среда — страда. *40 чел⟨овек⟩*, кроме нас и Анюты. Список прилагаю [1]. Вышло разнообразие невольное. Поговорив группами часов до 11 1/2, принялись по предложению В⟨ячесла⟩ва за «тему». Поставлена, нако⟨нец⟩ прерванная еще тогда полицией тема Религия и Мистика! [2] В⟨ячесла⟩в [3] сказал вступление по моему совету, тут же высказанному о том, насколько эта тема соприкасается непосредственно с конкретными опытами художественными, с литературными и философскими интересами. (Но я плохо слушала, так что не могу точно передать).

Потом, увы! стал говорить и *читать* реферат Габрилович, этот «утонченный эстет социал-демократии!» (См. письмо к Витте Мер⟨ежковского⟩) [3]. От Адама философия и религия и что-то еще и т. д. Бунт! бунт! Выхожу в переднюю: взбунтовавшиеся художники: Сомов, Добужинский, еще кто-то. «Что это, Л⟨идия⟩ Д⟨митриевна⟩, так нельзя. Нужно живой обмен мнений, а не лекция». «Отвратительно. Как же быть?»— «Да прекратить».— «Но — как?» «Давайте сорвем ⟨нрзб.⟩!» Выходит Бердяев. (Аничков председательствовал фельетонно хлестко и фельетонно элегантно). Я: «Ник⟨олай⟩ Алекс⟨андрович⟩, давайте сменим председателя и референта и водворим вас!» «Нет, нет, я боюсь!» «Ну давайте же бунтовать». «Пойдем снимать слушателей». Я иду к двери, вызываю шепотом, машу красными рукавами. Выходят один за другим. Передняя наполняется. Выскакивает Вячеслав, бранит нас, но мы непоколебимо бунтуем. Брюсов с нами. Наконец я предлагаю устроить параллельное, но поэтическое заседание. Закрываемся в спальню Вяч⟨есла⟩ва, где висит тусклый желтый фонарь и стоит кровать его, покрытая персидской шалью. Сначала мы — женщины забираемся на кровать, потом я видя человек 15 бунтарей мужского пола без седалищ, ибо стульев *давно* уже не хватало и вся мебель стульей породы была стащена давно в столовую — соскочила и села на пол по-турецки. Образовался кружок на полу, и началось заседание. Но все «не так, как *у них*!», без председателя, т. е. Ремизов самозванно сделал себя председателем, но за ним было признано лишь право кричать «Тише!». Постановлено было, что ни одно слово не допустимо, кроме бунта или ритма! Начали читать поэты. Их было много, и они все прибывали, ибо делегаты от *нас* несколько раз ходили к *ним* «снимать». Читали из бо́льших: Сологуб, Блок, Брюсов и молодые. Тем временем там ораторы мистики и метафизики остались без слушателей и, возразив каждый самому себе, освободили председателя и себя и с восторгом присоединились к нам в наше полусветлое убежище с аркой-окном

ГБЛ, ф. 109.

На следующий день после этой «среды» Брюсов писал С. А. Полякову: «„Среды" Вяч. Иванова — это ноевы ковчеги, где бывает до 50—60 человек» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 33, л. 1; черновик того же письма — ГБЛ, ф. 386, к. 72, ед. хр. 16, л. 6) — И. М. Брюсова сообщала вскоре Н. Я. Брюсовой: «Нас пригласили на среду. Вы, наверное, слыхали — у них собираются разные люди. Я почему-то спросила о m-me Блок. Лидия заявила, что она у них не бывает, что вообще она причисляет ее к категории злюк, к которой причисляет еще Вас, Зиночку и меня, после этого я решила, что г-жа Блок — хороший человек» (ГБЛ, ф. 386, к. 145, ед. хр. 34). Зиночка — З. Н. Гиппиус; в скором времени Л. Д. Блок и Л. Д. Зиновьева-Аннибал близко подружились, как видно из их переписки и из переписки Зиновьевой-Аннибал с Н. Г. Чулковой, ср. наст. кн., с. 287, а также мемуарную запись Н. Г. Чулковой, где говорится о том, что у Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «бывали особые собрания, которые посещали только женщины: жена Блока, Любовь Дмитриевна, Сабашникова («Примавера») и я» (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 457).

[1] При письме — список бывших на собрании, рукой Вяч. Иванова (пунктуация моя.— *Н. К.*, в подлиннике — колонка имен): «Среда, 18 янв⟨аря⟩. Молодые поэты: ⟨Л. И.⟩ Андрусон; ⟨В. В.⟩ Башкин; ⟨С. М.⟩ Городецкий (талантлив!); ⟨В. А.⟩ Пяст; ⟨М. А.⟩ Кузмин; ⟨А. А.⟩ Кондратьев; ⟨А. С.⟩ Рославлев; Д. ⟨М.⟩ Цензор.

Композиторы (молодые из Общ⟨ества⟩ Нов⟨ой⟩ музыки, Невский 16): ⟨В.А.⟩ Сенилов; ⟨В. Г.⟩ Каратыгин. Художники: ⟨К. А.⟩ Сомов; ⟨М. В.⟩ Добужинский; Давиденко, Актеры (Мейерхольда): ⟨Б. К.⟩ Пронин; ⟨Е. М.⟩ Мунт; ⟨В. М.⟩ Уварова; ⟨Ю. Л.⟩ Ракитин. Литераторы и ученые: ⟨Е. В.⟩ Аничков; ⟨Н. А.⟩ Бердяев; ⟨Л. Е.⟩ Габрилович; ⟨В. Н.⟩ Ивановский; ⟨Д. В.⟩ Философов; ⟨В. Ф.⟩ Нувель; ⟨К. А.⟩ Сюннерберг; Осип ⟨И.⟩ Дымов; Вал⟨ерий⟩ Я. Брюсов; Тэффи; проф. ⟨И. Э.⟩ Грабарь; В. В. Успенский; П. С. Соловьева-Allegro; Н. И. Манасеина; А. ⟨А.⟩ Блок; Ф. Сологуб; А. ⟨М.⟩ Ремизов; ⟨А. И.⟩ Косоротов. Знакомые (просто): Ю. М. Корш; ⟨И. М.⟩ Брюсова; ⟨Л. Ю.⟩ Бердяева; Орлова; О. А. Беляевская, О. М. Григорьева. 41 + 1 кума».

[2] В ночь с 28 на 29 декабря 1905 г. во время одной из «сред» на «башню» (как называли квартиру Вяч. Иванова) явилась с обыском полиция. Этот инцидент наделал много шуму. (Ср. прим. 3); вскоре после него В. А. Пестовский (В. Пяст) сообщал А. Белому в своей приписке к письму А. М. Ремизова: «Здесь произошел, как Вам, вероятно, уже известно, полутрагический полукомический обыск у Вячеслава Иваныча в присутствии 27 гостей и в их числе Мережковских, Татьяны Николаевны, Сологуба с сестрой, Бердяевых, Чулковых, Allegro, Философова. Это случилось через неделю после той среды, когда мы возвращались вместе. Ни у кого из гостей не нашли даже пистолета. До 4-х часов продержали нас, осматривая всех поочередно и не пропуская осмотренных к тем, кто еще обыску не подвергался. (Исключение почему-то сделали для Успенского). Самую почтенную даму, мать Волошина, отвезли в охранное отделение (выпустили, насколько мне известно, скоро). Блока, Ремизовых — в числе гостей не было. Я был» (ГБЛ, ф. 25, к. 21, ед. хр. 36, л. 5 об.; Татьяна Николаевна — Т. Н. Гиппиус, Allegro — П. С. Соловьева). Пяст описал это событие и в своих воспоминаниях: В П я с т. Встречи. М., 1929, с. 96—102; ср. В. Э. М е й е р х о л ь д. Статьи. Письма. Речи. Беседы. М., 1968, ч. I, с. 313, 328, 346, ч. II., с. 233, а также в современной хронике — «Золотое руно», 1906, № 1, с. 133).

[3] После обыска на «башне» запропастилась шапка Д. С. Мережковского, и писатель обратился к С. Ю. Витте с открытым письмом: «Куда девалась моя шапка? (Новогоднее письмо к Витте)» («Народное хозяйство», 1906, № 15, 1 января). Перечисляя гостей ивановской «среды» и описывая их времяпрепровождение перед вторжением полиции, Мережковский говорил в этом письме-памфлете: «О. Фейербахе и Штирнере или об Аримане и Ормудзе — толковал философ из „Вопросов жизни" Н. А. Бердяев с утонченным эстетом социал-демократии, Л. Габриловичем из „Новой жизни"».

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Петербург. 20 января 1906 г.⟩

Милый Борис Николаевич,

была сегодня Тата; она мне очень нравится, разговаривать с ней легко и просто, будто давно знакомы [1]. Она очень, очень славная, и я понимаю, что она Ваш друг. И я хочу быть с ней близкой. Она будет теперь ходить к нам часто — рисовать Сашу. [2] ⟨...⟩

Очень любящая Вас Л. Б л о к

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 22. Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о Т. Н. Гиппиус. 16 января 1906 г. Л. Д. Блок писала Белому: «Тата не была еще у нас, но я к ней снова очень расположилась и готова ее полюбить» (там же, л. 19 об.; по-видимому, Л. Д. Блок отвечает на вопрос Белого, не начала ли Гиппиус работать над портретом Блока,— Белый знал об этом намерении из письма Блока к нему от 8 января 1906 г.— см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 169). Белый вспоминал

о своем пребывании в Петербурге в декабре 1905 г.: «Я ждал окончания ежедневного галдежа, чтобы после него при камине всю ночь напролет посвящать сестер Гиппиус (З. Н. и Т. Н.) во всю сложность создавшегося положения между Щ. (т. е. Л. Д. Блок.— *Н. К.*), Блоком, мною; сочувствие, пусть показное, меня бодрило» (Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 62). Блок знал об откровенности Белого с Т. Н. Гиппиус, отсюда его слова в письме к Белому от 28 января 1906 г.: «Тата приходит и рисует. Я думаю, при этом со стороны есть что-то смешное и недоговоренное — в общении всех нас с Татой и Таты с нами. Но до сих пор не знаю, что из этого выйдет. А я все на *бдльшее* готов, чем дольше живу. Будет всем нам ь будущем хорошо» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 173).

[2] Уже 21 января мать поэта рассказывала Белому в письме, как Т. Н. Гиппиус за работой над портретом Блока пела про Недотыкомку (образ из романа Федора Сологуба «Мелкий бес»): «Мне было очень невыносимо. А Саша и Люба смеялись — их мудрости никогда не перестану удивляться. На каждом шагу ее ощущаю и преклоняюсь». Тут же Кублицкая-Пиоттух рассказывает, что под впечатлением неизвестного нам письма Белого (на которое она отвечала) ее тягостное ощущение семейного нестроения рассеялось: «Теперь верю — дома не будет Недотыкомки» (ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, л. 26).

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург. 26 января 1906 г.〉

〈...〉 К Блокам я хожу почти через день, его рисую. Писал он Вам? Л〈юбовь〉 Д〈митриевна〉 сидит и вышивает. Мы разговариваем. Будто и о пустяках. Мне жаль, что как-то одну ее, отдельно, я не могу увидать. Положим времени прошло еще не много. Они были у меня на именинах [1]. Они оба очень хорошие, по-моему, но *какие* именно в отдельности — еще не поняла. Чувствуется, что в *чем-то* она *над* ним. Вот в чем? Портрет Ваш им очень не понравился [2]. А Иванову Рыжему [3] да. 〈...〉 Брюсов (был у нас. Я его застала уже уходящим) видел Ваш портрет, и очень ему техника понравилась. А сам портрет, как «Боря», нет. Он сказал (скромно и мягко), что кто видел хоть один момент Вас *настоящего*, тот не может удовлетвориться этим портретом. Значит, он видел Вас в *настоящем* виде?

У Блоков особенная тишина, мир. И кругом хорошо. Писали они Вам что-нибудь обо мне, или нет? [4]

В Петербурге тишина, точно никогда революции и не было, впечатление такое. 〈...〉

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 45—46.

[1] 12 января.
[2] Речь идет о портрете Белого работы Т. Н. Гиппиус.
[3] Е. П. Иванов.
[4] Ср. письмо Блока к Белому от 28 января 1906 г.— «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 173.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург. Январь, до 28, 1906 г.〉

Милый Борис Николаевич,

приезжайте скорей к нам — очень обо многом нужно теперь поговорить; кроме того, мне очень хочется, чтобы Вы присутствовали на представлении Сашиного балаганчика — он очень, очень хороший, и первое его представление для меня будет очень важно. Но, главное, чтобы Вы были с нами, и нам, и Вам это нужно и очень хорошо. Дай Вам бог всего хорошего!

Любящая Вас Л. Блок.

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 14. Датируется по содержанию: в данном письме идет речь о неосуществившейся постановке «Балаганчика», которая наметилась не ранее последней декады января 1906 г. 20 января Г. И. Чулков (составляя репертуар для задуманного театра «Факелов») писал Блоку о его пьесе: «Если Вы успеете доставить рукопись арлекинады дней через пять — шесть, Вс. Эм. Мейерхольд сумеет поставить эти сцены одновременно с музыкальным вечером числа 8—10 февраля. Даже эти три сцены, о которых Вы мечтали, дадут драгоценный материал для «Факелов» — театра и сборника. Пишите,

не стараясь развивать действие и строить «настоящую» пьесу» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 6). Сам поэт уведомлял Белого о возможной постановке 24 января 1906 г.: «Я написал балаган для «Факелов», кажется, его будут играть на масляницe» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 171), но уже 28 января, в ответ на вопрос Белого о сроке спектакля (там же, с. 172), писал: «Ты спрашиваешь о представлении «Балаганчика». Его теперь не будет. Чулков, по обыкновению, все это рассказывал преждевременно, а теперь оказывается, что и «Факелы» осуществятся не раньше осени (почти наверно)» (VIII, 148).

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург. Между 20 и 25 февраля 1906 г.〉

Когда же мы поговорим с Вами? Завтра не удастся, должно быть. Может быть, в воскресенье Вы приедете к нам после Парсифаля? Не забудьте о нем!

〈*Приписка Блока*〉: Милый Боря, приходи, очень тебя люблю. Твой брат С а ш а.

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 29 об.— 30. Датируется по упоминанию спектакля «Парсифаль» Р. Вагнера. См. прим. 2 к письму А. Белого матери от 4 марта 1906 г.

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — М. М. ЗАМЯТНИНОЙ

Петербург, 25 февраля 1906 г.

〈...〉 Габрил〈ович〉 дал нам № газеты театральной «Театр и искусство», где он по поводу кружка Факелов пишет много о В〈ячесла〉ве (1-я часть статьи еще) [1], рассказывает свой «роман с музой Вяч. Иванова» и уверяет (нелепо забывая Вл. Солов〈ьева〉), что В〈ячесла〉в первый теоретик искусства и эстетики в России [2]. Пишет, что в К〈ормчих〉 зв〈ездах〉 больше Вагнер〈овской〉 гармонии, а в Прозр〈ачности〉 — пластики [3]. Меня он выдвинул сильно, уморительно поставив в ряду хотя и «менее знаменитых» Скорпионов, но перед Белым и Блоком, и совсем отдельно от беллетристов, почему-то в поэтах [4].

ГБЛ, ф. 109.

[1] Речь идет о статье Л. Галича (настоящая фамилия Габрилович) «Дионисово соборное действо и мистический театр «Факелы» («Театр и искусство», 1906, № 8, 19 февраля; № 9, 26 февраля), в которой замысел театра и, шире, общества художников «Факелы», представлен как реализация эстетических устремлений прежде всего Вяч. Иванова; Г. И. Чулков, обычно называемый инициатором этого предприятия, редактор трех выпусков альманаха «Факелы» (СПб., 1906—1908), предложивший Блоку развить свое стихотворение «Балаганчик» в пьесу,— едва упомянут, наряду с Блоком, Брюсовым и многими другими литераторами, вошедшими в кружок.

[2] См. в статье Галича: «в лице Вячеслава Ив. Иванова — выступил в русской литературе едва ли не первый теоретик искусства с законченным художественным мировоззрением» («Театр и искусство», 1906, № 8, 19 февраля, с. 127—128).

[3] Ср. там же, с. 128.

[4] Ср. там же, с. 127: «Наших культурных художников можно перечислить по пальцам. Это те, немногие, литераторы, что группируются около «Скорпиона»: Минский, Мережковский, Гиппиус, Сологуб, Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов. 〈...〉 Вокруг этих имен расположились менее знаменитые: Л. Д. Зиновьева-Аннибал, А. А. Блок, Андрей Белый» (далее перечисляются критики и беллетристы).

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — М. М. ЗАМЯТНИНОЙ

Петербург, 27 февраля 1906 г.

〈...〉 в прошлую *среду* Мер〈ежковск〉ие нарочно устраивали вечер у себя! Зазывают Блока, Рем〈из〉ов〈а〉, Карташева, удерживают Арбатского святошу Белого — это все их fidèles *. Разве так поступают «друзья»? А В〈ячесла〉в все еще нежные струны не может оборвать. Но я прозрела, хоть поздно, но уже раз навсегда и без жалости.

* верные (*франц.*)

ГБЛ. ф. 109.

Среда приходилась на 22 февраля. Между Ивановыми и Мережковскими в это время отношения были достаточно неприязненные, что вылилось и в соперничество двух литературных салонов; однако резкость Зиновьевой-Аннибал даже в этих обстоятельствах выглядит чрезмерною, так как 25 февраля 1906 г. Мережковские уехали за границу на два с половиной года, и вечер в среду у них был практически прощанием с друзьями.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

‹Петербург. 4 марта 1906 г.›

‹...› Мне в Петербурге очень сложно: многие есть дела. ‹...› Во всяком случае еще необходимо пробыть недели $2^1/_2$. ‹...› Мне никак нельзя приехать в Москву ранее 20-го марта. По приезде в Москву очень надо много обсудить [1]. ‹...›

P. S. Слышал весь первый акт Парсифаля. 12 и 19 марта услышу оба следующие акта [2].

4 марта ‹19›06 года

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 56—57.

[1] Речь идет о намерении Белого уехать с Л. Д. Блок в Италию — см. наст. кн. Ср. в его мемуарах: «...я снова в Москве: для разговора с матерью и хлопот, как мне достать денег на отъезд с Щ. (Л. Д. Блок — *Н. К.*)» (Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 79).

[2] Первая часть мистерии Р. Вагнера «Парсифаль» была исполнена в 104-м общедоступном симфоническом концерте оркестра графа А. Д. Шереметьева 26 февраля 1906 г. (см. рецензию А. ‹И.› Щ‹ингарева› — «Речь», 1906, № 8, 2 марта). К этому дню Л. Д. Блок в своих мемуарных записках относила важнейший поворот в развитии ее отношений с Белым: «Помню, с каким ужасом я увидела впервые: то единственное, казавшееся неповторимым моему детскому незнанию жизни, то, что было между мной и Сашей, что было для меня моим «изобретением», неведомым, неповторимым, эта «отрава сладкая» взглядов, это проникновение в душу без взгляда, даже без прикосновения руки, одним присутствием — это может быть еще раз и с другим? Это — «бывает»? Это я смотрю вот так на «Борю»? И тот же туман, тот же хмель несут мне эти чужие, эти не Сашины глаза? Мы возвращались с дневного концерта оркестра графа Шереметьева, с «Парсифаля», где были всей семьей и с Борей. Саша ехал на санях с матерью, а я с Борей. Давно я знала любовь его, давно кокетливо ее принимала и поддерживала, не разбираясь в своих чувствах, легко укладывая свою заинтересованность им в рамки «братских» (модное было у Белого слово) отношений. Но тут (помню даже где — на набережной, за домиком Петра Великого) на какую-то фразу я повернулась к нему лицом и остолбенела. Наши близко встретившиеся взгляды... но ведь это то же, то же! «Отрава сладкая...» Мой мир, моя стихия, куда Саша не хотел возвращаться — о как уже давно и как недолго им отдавшись! Все время ощущая нелепость, немыслимость, невозможность, я взгляда отвести уже не могла. И с этих пор пошел кавардак». Вопреки тому, что он пишет матери в печатаемом письме, Белый 5 или 6 марта (см. ниже прим. к письму Л. Д. Блок к нему от 11 марта 1906 г.) выехал в Москву (ср. прим. 1) и на втором и третьем вагнеровских концертах не был (ср. ниже прим. 4 к письму Л. Д. Блок от 19 марта 1906 г.).

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Петербург›. 11-го марта ‹1906 г.›

Милый Боря, со мной странное: я совершенно спокойна. Люблю Сашу. Знаю, что то, что было у нас с тобой — не даром. Но не знаю, люблю ли тебя; не мучаюсь этим. Ничем не мучаюсь; спокойно люблю Сашу, спокойно живу. Милый, что это? Знаешь ли ты, что я тебя люблю и буду любить? Сейчас я была дома одна, приходил Евг. Пав. Иванов. Я говорила с ним обо всем, мне было нужно все высказать, я ему доверяю, он очень честный. Он понял, конечно, все; говорит, что пока мне надо быть с Сашей; Саше это нужно, он знает [1]. Да и я по своему чувству должна, хочу теперь быть с Сашей. Милый, а ты как же? Помню ли я только, что люблю тебя, или люблю? Не знаю, но ты верь. Не затрудняй мне мое искание твоим отчаяньем. Люби, верь и зови. Странно, что прошли мученья, странно спокойно. Не пустота. Сейчас отдаленная музыкальная тема о любви к тебе, вдруг... Не знаю, реально ли. Прости, что мучаю; но я мучаю не во имя пустоты.

и жалеть тебя не хочу, да ты и не позволяешь. Я ведь *думаю*, что люблю тебя и *буду* любить, что теперь спокойствие далеко не окончательное. Так и говорила с Евг. Пав. Он думает, что выход — быть втроем. Милый, милый, ничего не знаю! и уж опять чуть-чуть колеблется почва под ногами... Пиши много и часто. Люби и не бойся. Не знала я, что твой отъезд будет так важен. Милый, ты только не бойся, не бойся! Будь сильным! Я буду тебе писать часто. Опять предчувствую много, много муки. Люби меня, люби!

Целую тебя. Твоя Л. Б.

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, лл. 34—35. Автограф.

После отъезда Белого из Петербурга, начиная с 6 марта 1906 г. Л. Д. Блок почти ежедневно писала ему; эти письма раскрывают историю ее мучительных колебаний между Блоком и Белым. Так, вслед за приводимым письмом она пишет 13 марта: «Несомненно, что я люблю и тебя, нетленно, вечно; но я люблю и Сашу, сегодня я влюблена в него, я его на тебя не променяю, я должна принять трагедию любви к обоим вам» (там же, л. 36). 14 марта: «Саша теперь бесконечно любезен и ласков со мной; мне с ним хорошо, хорошо» (там же, л. 38 об.). 16 марта: «...теперь люблю тебя, как светлого брата с зелеными глазами» (там же, л. 42). 17 марта она переходит на вы: «Боря, я поняла все. Истинной любовью я люблю Сашу. Вы мне — брат, но теперь у меня, относительно Вас, слишком много трудностей и соблазнов — нам надо разойтись — до времени»; и просит Белого не писать и не приезжать в Петербург (там же, л. 44; об этом письме см. дневниковую запись Е. П. Иванова — «Блоковский сб.», 2, с. 401).

[1] Ср. подробную запись этого разговора в дневнике Е. П. Иванова — там же, с. 400.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

19-го марта 〈1906 г.〉

Милый Боря, знаю теперь сама, что не «благополучно» еще я кончила все затруднения. Мне трудно, трудно писать! Я расскажу Вам все. 16-го вечером я осталась одна дома. Было грустно, грустно, но не бесцельно. Мне захотелось стихов, взяла Вл. Соловьева и поняла и пережила, как никогда. Поняла, что не могу этому изменить, что это мое. Не изменю первой любви своей [1]. Чувствовала тогда, что только Саша моя любовь; все его прежние стихи перечитала. Знала тогда твердо, что не изменять ему — в этом правда, в этом должна быть моя воля, так я должна поступать. Написала письмо Вам, но решила опустить 17-го, подождать еще одного Вашего письма [2]. Письма не получила, ждала и мучилась. Потом пошла в город, опустила письмо там же, где прежде проспала Сашу. Не ужасалась, мне казалось, что это еще не последний, не смертельный удар. С тех пор были Ваши письма, была грусть, и чувствовала, что ничего, ничего я еще не порвала. Тайну не порвала. Но как быть? Как же не изменить моей Тайне с Сашей? Она жива, я жила ею весь вечер, когда читала Вл. Соловьева [3]. Боря, у Вас одна Тайна, Вам все ясно. Поймите мою безвыходность — у меня две тайны, где же Третья, которая их примирит? Теперь мне неизмеримо важно, что я тем моим письмом к Вам утвердила и присягнула моей Тайне с Сашей. Ей не изменю, и знаю, как не изменить. Но с Вами я не порвала и с Вами бесконечно неясно, как я буду. Знаю связь с Вами — но как ее воплотить? Вы ведь знаете весь мой демонизм и все мои соблазны. Увижу Вас, и опять меня потянет к Вам ближе, ближе, ближе... а я не хочу, не надо, не надо! Если знаете, как мне не изменить Саше, как быть с Вами — скажите! Видите, Боря, что мне выхода теперь не найти другого, как не видеть Вас? Но я же знаю, что так служу одной только Тайне, а другая жива же, жива! Но не знаю, как ей служить. Если возьмете *все* на себя, приезжайте. Все — все вопросы, все муки. И меня — не соблазняйте, будьте сильны решать самостоятельно. Приезжайте, я ведь хочу Вас видеть. Сегодня был Парсифаль, и у меня все время была безумная мысль, что увижу Вас там, что Вы приедете после моего письма [4]. Теперь у меня нет влюбленности к Вам, а любовь моя к Вам — в муке. Это тоже меня пугает ужасно. Ничего не понимаю! Знаю одно: *нельзя* изменить Саше.

Милый Боря, начинаю ужасно хотеть Вас видеть, приезжайте, приезжайте, ничего не порвано, даже не надорвано у меня с Вами, все живо. Одно сделано мое решение, и письмо к Вам скрепило меня с Сашей; но Вас, но тебя, тебя, милый, не отняло у меня, а меня у тебя. Я и твоя, да, да, и твоя. Хочу, хочу тебя видеть, приезжай, а теперь пиши скорее, радуйся, жди! Милый, я так рада, что опять нашла тебя, теперь, пока писала это письмо! Милый, милый! Не забыть тебя, не уйти от тебя! Милый! Напиши скорей и приезжай! Помни, что меня мучает теперь, *как жить*, а Тайну, мои Тайны знаю и помню всегда.

Милый, милый, милый, целую тебя. Твоя Л. Б.

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 46—49. Год проставлен по содержанию.

[1] Еще в 1902 г. Любовь Дмитриевна говорила, что «чистая, бесконечно прекрасная любовь», связавшая ее и Блока,— это «свет, Христос, Соловьев» (ЛН, т. 89, с. 75). Осложненность самоанализа Л. Д. Блок культурным контекстом (применяемым к собственной жизни именно так, как это было воспитано в ней общением с Блоком) видно и из такого признания в ее письме к Белому от 23 марта 1906 г.: «Благодаря переполненности моей души, мне очень нужны теперь стихи, я их чувствую и переживаю, как никогда. Но Боже мой, отовсюду я слышу в них укор; поверить им — и надо целиком вернуться к Саше и не любить тебя. Сегодня читала З. Гиппиус и тебя — все то же, то же!» (ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 56 об.).

[2] Ср. выдержки из писем Л. Д. Блок от 16 и 17 марта 1906 г., приведенные выше, в прим. к ее письму от 11 марта 1906 г.

[3] Ср. слова Л. Д. Блок на «Парсифале» 19 марта 1906 г. в дневниковой записи Е. П. Иванова: «Я знаете, послала 17-го письмо, где твердо говорю, что все кончено между нами. Это я ставлю точку над «и». Не знаю, что с ним (т. е. с Андреем Белым.— *Н. К.*) теперь, мне казалось почему-то, что он в концерт этот придет. И его нет; почему-то не оказалось. Я оттого написала, что чрезвычайно ясно почувствовала, что вы сказали тогда, я почувствовала потому, что В. Соловьева прочла» («Блоковский сб.», 2, с. 401).

[4] «Парсифаль» Р. Вагнера в концертном исполнении давался в зале Кононова — см. там же. См. выше — письмо Белого к матери от 4 марта 1906 г.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург.〉 20-го марта 〈1906 г.〉

Милый, бесценный мой Боря, опять мне очень тяжело. Саша почувствовал мое возвращение к тебе [1] и очень страдает. Он думает, что это усталость от экзаменов, а я знаю, что это оттого, что я опять принадлежу поровну и ему, и тебе, милый, милый! Как ужасно, что не могу выбрать, не могу разлюбить ни его, ни тебя, тебя не могу, не могу разлюбить! Саша не хочет, чтобы ты приезжал в Петербург на Пасху, ни после — из-за экзаменов [2]. А я не могу себе представить, что не увижу тебя скоро, я хочу, чтобы ты приехал. Но не хочу мучить Сашу — экзамены такой ужас, ведь правда, жестоко еще терзать Сашу во время них. Как быть? Ты постарайся придумать, а я пока придумала одно — не хорошо, не удобно: что ты приедешь в Петербург и я буду к тебе приходить, а ты к нам нет. Но это слишком трудно. Придумай, милый, и непременно приезжай, хочу тебя видеть! Люблю тебя по-прежнему, знаю твою близость, твою необходимость для меня. Но разлука — мучительна, усложняет, путает, запутывает. Мне надо, чтобы ты был со мной, мы так непременно устроим, хотя бы и с мученьями. Господи, думала ли я месяц тому назад, что столько, столько переживу муки, признаю и полюблю ее! Не могу писать о моей любви к тебе, как хочу. Мне надо тебя видеть! Приезжай! [3] Целую тебя долго, долго, милый.

Твоя Л. Б.

Получила сегодня твои все письма, мучилась ими, тобой; но ведь теперь все прошло, я твоя, твоя! [4]

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 50—51. Год проставлен по содержанию.

[1] Ср. выше письмо Л. Д. Блок от 19 марта.

[2] Пасха в 1906 г. приходилась на 2 апреля. Блок, заканчивавший университетский курс, писал 18 марта Белому: «Экзамены будут еще и в апреле, ни о чем не в состоянии

думать, кроме них, ужасно устаю» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 175). Ср. ниже письмо Л. Д. Блок от 6 апреля.

[3] В ближайших по датам — 21 и 22 марта — письмах Л. Д. Блок к Белому мы находим настоятельные призывы приехать в Петербург; однако, уже 22 марта она отодвигает дату приезда Белого (на послепасхальные дни и с условием — как в публикуемом письме от 20 марта — не появляться у Блоков) в связи с экзаменом у Блока 8 или 9 апреля (ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, лл. 52—55).

[4] Речь идет, по всей вероятности, о неизвестных нам ответах Белого на письма Л. Д. Блок от 11—17 марта (см. выше).

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Петербург.› 29 марта ‹1906 г.›

‹...› Виделась два раза с Татой — очень с ней близка и много говорю с ней [1]. Отчего ты не написал ей, что не приедешь; она этим огорчена [2]. Я-то знаю отчего, а она думает, что от легкомысленного отношения к Главному [3]. Зина писала мне, а я ей — очень ее люблю [4]. В Петербурге теперь Ганс Гюнтер, оказался не таким, как думали, и очень хороший, 19 лет ему, умный. Я пококетничала с ним; он, кажется, уже влюбился в меня; по крайней мере, написал два сонета обо мне. Саша его очень полюбил [5].

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 62 об.— 63. Автограф. Год проставлен по содержанию.

Публикуемый фрагмент затрагивает один из важных с культурно-исторической точки зрения аспектов драмы, связавшей Блоков и Андрея Белого: их отношения в известной степени сделались достоянием публичной осведомленности. Во все перипетии были посвящены и даже втянуты как действующие лица не только родственники Блока (мать, отчим, тетка — см. ниже публикацию дневника М. А. Бекетовой), но и ряд людей, оказавшихся одновременно конфидентами порою всех трех героев драмы: Е. П. Иванов, З. Н. и Т. Н. Гиппиус, С. М. Соловьев, в какой-то степени — Д. С. Мережковский (со стороны Белого следует предположить откровенность и с другими — ср. ниже упоминание о разговорах о Л. Д. Блок между ним и М. И. Сизовым в письме последнего от 29 сентября 1907 г.). От доверительных отношений с людьми, иногда чисто случайно (как в случае, например, с Т. Н. Гиппиус и Л. Д. Блок) оказавшимися вблизи, не удерживала и обычная житейская осторожность: «Значит, я стала притчею во языцех,— говорила Л. Д. Блок Е. П. Иванову 10 апреля 1906 г.— Раз Тата знает, значит и все» («Блоковский сб.», 1, с. 403, но ср. с. 404). Нельзя во всем этом видеть только огласку, неизбежную в достаточно замкнутом бытовом слое московских и петербургских интеллигентов, или тривиальное пренебрежение «богемы» к моральной норме, или, наконец, известную «экстровертность» художников. По-видимому, подобная «выставленность» глубоко-интимных переживаний и отношений объясняется рядом причин, соответствуя в целом тому типу объективации личности в коллективе, который был свойствен жизненному окружению Блока. С одной стороны, для Андрея Белого границы выявления интимного вовне были достаточно неопределенны и несущественны (как можно судить по хорошо известным из его собственных мемуаров и переписки, из воспоминаний современников обстоятельствам его отношений с Н. И. Петровской, с А. А. Тургеневой). С другой стороны, мифологизация образа Л. Д. Блок в отношении к ней и самого Блока, и Андрея Белого, и С. М. Соловьева еще в 1903—1904 гг. предполагала и в ней, и в этих отношениях несомненную не только личную, но и общественную (даже мировую, космическую) ценность, что делало необходимым то или иное выявление связей между ними (и не только в сублимированной и прикровенной — произведений искусства — форме, но и в конкретности личных отношений). В конечном счете, сама коренная установка символистов на «теургию», «жизнестроительство» (в частности — на «слом» и «преодоление» быта) способствовала, а иногда и прямо вынуждала к размыванию границ интимного.

После письма от 23 марта (цитируется в прим. 1 к ее письму от 19 марта) до 25 марта Л. Д. Блок не писала Белому, поскольку — как она объясняла в письмах от 25 и 27 марта — ее чувство к нему снова представилось ей сомнительным и несомненной — любовь к Блоку; эта неопределенность описывается и в ее письме от 28 марта, и в опускаемой части письма от 29 марта (ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 57—62 об.).

[1] Одна из встреч с Т. Н. Гиппиус состоялась вечером 28 марта у Блоков — см. «Блоковский сб.», 1, с. 402; перед тем Л. Д. Блок побывала у Гиппиус, как видно из письма последней к Белому, приводимого в прим. 2.

[2] Речь идет о переносе срока приезда Белого в Петербург — см. прим. 2 к письму Л. Д. Блок от 20 марта 1906 г. По-видимому, именно к концу марта нужно отнести недатированное письмо Т. Н. Гиппиус к Белому, где говорится: «Люба мне сказала, что вы не приедете. Я *знаю*, что вы *очень* хотите приехать. Но — как сами решите, так и сделаете. ‹...› Люба была у меня, светлая. ‹...› Она помимо вас к нам идет. ‹...› Зина и Дм‹ит-

рий〉 писали, что важно, если бы *вы сами* приехали» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 40; упомянуты З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский, находившиеся заграницею).

[3] Ср. письмо Белого к Блоку, датируемое А. В. Лавровым между 11 и 14 апреля 1906 г. (но ср. ниже нашу датировку — прим. 1 к письму Л. Д. Блок от 10 апреля 1906 г.) — «Лит. обозрение», 1980, № 10, с. 105).

[4] Упоминаемые письма Л. Д. Блок и З. Н. Гиппиус нам неизвестны; по-видимому именно в этом письме З. Н. Гиппиус Блок заметил «фальшивую ноту», с чем не соглашалась Любовь Дмитриевна (см. «Блоковский сб.», 1, с. 403). Та роль, которую сыграли Мережковские в отношениях Белого и Л. Д. Блок в дальнейшем, хорошо вырисовывается уже из их мартовских писем 1906 г. к нему, в связи с получением писем от Л. Д. Блок и Т. Н. Гиппиус. 21 марта/3 апреля З. Н. Гиппиус писала: «Боря милый, знаю все о вас от Таты.* И Любовь Дмитриевна мне написала сюда письмецо. И ваше получила. 〈...〉 Я знала, Боря, что вам очень трудно было. И будет еще. Не прошло. Всегда трудно, но если дается, значит *не сверх* сил. Вот это надо помнить. У вас сплелись в тугие узлы нити и внутренние, нити и внешние. Узлы везде. Нельзя никакой, *человеческой только*, силой их распутать. И надеяться нечего. Откровенно *как чудо* примите то, что они должны быть распутаны и будут. Не вашей, но *не* помимо вашей воли, вот это тоже помните. Тут нужна вся воля человеческая, целиком, и тогда к ней приложится и Другая, и все будет. Потому я и знаю, что вы должны быть *человеком* во всей полноте, со всей волей, крепостью и трезвостью, во всю меру данного вам. И тогда имеющему много дастся и еще приложится» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 42, об. 43). В одновременном (от 20 марта ст. ст.) письме Д. С. Мережковского мы находим и характеристику Л. Д. Блок как человека еще не нашедшего себя, «не самовластного», и надежды, что в неизбежном самораскрытии, имеющем совершиться при поддержке Белого, она придет в «общину» исповедников «нового христианства», которую пытались сплотить вокруг себя Мережковские: «От Любовь Дмитриевны мы получили прекрасное письмо,— писал Мережковский.— Я знаю, несомненно, что она будет с нами — и скоро. 〈...〉 Она может внести в наш круг огромную силу» (ГБЛ, ф. 25, к. 19, ед. хр. 9, л. 37, об.— 38).

[5] Об отношениях между И. фон Гюнтером и Блоком см. наст. кн., с. 59—62.

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — В. Я. БРЮСОВУ

1 апреля 1906 г.

〈...〉 Но в третье и окончательное изумление повергло меня соображение, что на Весах Скорпиона имя поэта Кузмина оказалось более выдающимся нежели имя Александра Блока [1], поэта, подающего, уверяю Вас, большие и блестящие надежды, и здесь, у нас в Петербурге, пользующегося изрядной литературной известностью. Простите мне это отступление о Блоке, как бы неуместное с моей стороны, но ведь сами вы объяснили мне, что если у вас сотрудники не упоминаются, то причиною тому недостаточно выдающееся их имя.

ГБЛ, ф. 386, к. 88, ед. хр. 58, л. 19. Черновик письма — там же, ф. 109.

Зиновьева-Аннибал, как видно из опущенной части письма, а так же из ее письма к М. М. Замятниной от 3 апреля 1906 г. (там же) была задета отсутствием ее имени среди имен других сотрудников в рекламных объявлениях «Весов». Брюсов уверил писательницу, что редакция внесла в объявления поправку. Однако сделано это не было, и кроме того, Зиновьева-Аннибал была оскорблена попутным пояснением Брюсова, которое так пересказывала в письме Замятниной: «Неупоминовение имени моего ничего не предрешало, т. е. мое имя недостаточно «выдающееся» и подразумевается под и *др.*» В ответ писательница, прежде неоднократно печатавшаяся в «Весах», выпустившая в «Скорпионе» свою первую книгу и объявившая там к изданию следующую, отказалась настоящим письмом от сотрудничества с журналом и издательством. Подоплека конфликта, по всей вероятности, в решении Брюсова «держать» Иванова и Зиновьеву-Аннибал «в черном теле» при введении в «Весах» беллетристического отдела — см. ЛН, т. 85, с. 320. Имя Блока, неназванного в рекламных объявлениях № 1, 2, 3-4 «Весов» на 1906 г., появилось там с № 5, одновременно с первой публикацией стихов поэта в журнале. Следует отметить, что имена Блока и Зиновьевой-Аннибал оказались прочно связанными между собой в редакционных маневрах Брюсова — ср. его письма к Вяч. Иванову и З. И. Гиппиус лета 1907 г.; ЛН, т. 85, с. 500—501, 696—697.

[1] Ср. в упомянутом выше письме к М. М. Замятниной: «Также имя Александра Блока (разделяющее мою участь), оценено ниже какого-то черносотенного поэтишки Кузмина».

---

* И многое, о внутри, сама (*прим. З. Н. Гиппиус*)

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

6-го апреля ⟨1906 г.⟩

Милый, бесценный Боря, письмо Саша написал, ничего не сказав мне, я узнала потом [1]. Хотела требовать, чтобы ты приехал, но Саша не *позволяет* [2]. Я так и радовалась, думая о воскресенье, когда ты приедешь. Я не влюблена в тебя, но тебе нет цены для меня, мой милый! Но я люблю Сашу и должна ему покориться. Все же увижу тебя этой весной. Ты для меня что-то большое, радостное, радостное и светлое. У меня все еще жар, но я уже поправляюсь, зато очень слаба теперь [3]. Пиши мне. Я тебе буду тоже писать, но редко. Этой просьбой к тебе — не приезжать (придумана она Ал⟨ександ-рой⟩ Андр⟨еевной⟩, она давно меня ею пугает, но я-то умела бороться, а Саша послушал [4]), меня так и бросит к тебе. Но не надо забегать вперед — пусть все идет своим чередом.

Твоя Л.

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 75—76.

[1] Возможно, не все письма Л. Д. Блок нам известны: 4 апреля 1906 г. Блок уведомлял Белого, что накануне Любовь Дмитриевна писала ему, прося не приезжать («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 175); среди писем Л. Д. Блок, хранящихся в ГБЛ, такого нет. Но его могло и не быть — оно могло остаться неотосланным, либо вообще только намерением на словах. Слова Л. Д. Блок о том, что она ждала Белого в воскресенье (9 апреля, ср.: «Блоковский сб.», 1, с. 402) делают второе предположение более достоверным. В данном случае Любовь Дмитриевна имеет в виду письмо Блока Белому от того же 6 апреля (тем самым следует, что, отправив письмо, Блок сообщил жене его содержание), где говорилось: «Не приезжай пока ни в коем случае. Я тебе напишу, когда» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 175).

[2] Ср. ниже дневниковую запись М. А. Бекетовой от 9 апреля 1906 г.

[3] С 31 марта Л. Д. Блок болела бронхитом (см.: «Блоковский сб.», 1, с. 402; «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 175); она сообщала Белому об этом в письмах от 1 и 9 апреля (не в том, которое цитируется в прим. 4—9 апреля ею были написаны два письма).

[4] Весной 1906 г. обостряются отношения между женой и матерью поэта. 30 марта Л. Д. Блок сообщает впервые Белому, что с будущей осени Блоки, до той поры жившие на квартире отчима поэта, поселятся отдельно (ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 64). По всей вероятности, именно комментируемые слова из письма Л. Д. Блок побудили Белого очередное (нам неизвестное) письмо к ней адресовать А. А. Кублицкой-Пиоттух. «Сплошное отчаяние бесноватого» (по выражению Е. П. Иванова, читавшего это письмо — «Блоковский сб.», 1, с. 403), оно было воспринято в Петербурге как оскорбление Александре Андреевне. Блок резко выговорил другу его бестактность («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 175—176). То же сделала и Л. Д. Блок, однако, в ее письме к Белому от 9 апреля важно отметить именно отзвуки трудных отношений со свекровью, осложненных, по-видимому, прямым участием Александры Андреевны в семейной драме Блоков. Любовь Дмитриевна писала: «Боря, у нас сегодня Бог знает, что было, так мы поссорились с ней. Не надо больше ставить меня в трудное положение, Боря, веди себя прилично. Мучительно и относительно Саши — он верит, что Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩ хорошая, а я не могу же против этого идти. ⟨...⟩ Твой приезд осложнился невероятно — благодаря твоим выходкам» (ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 73 и об.). Белый двумя письмами к Блоку пытался объяснить свое поведение, однако, не желая, по-видимому называть Л. Д. Блок он говорит, что только из факта, что Блок не называет причины, по которой его приезд нежелателен, он сделал предположение — это Александра Андреевна хочет его, Белого, «отдалить от Любы» («Лит. обозрение», 1980, № 10, с. 106; второе письмо — «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 176). Ср. ниже письмо Л. Д. Блок от 10 апреля 1906 г.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

10-го апреля ⟨1906 г.⟩

Милый Боря, ты решил приехать раньше моей просьбы в Петербург [1]. Делай, как хочешь, милый, но к нам не приходи, пока я не попрошу тебя. Умоляю тебя, послушай меня! Я не хочу опутывать наших с тобой отношений ложью. А пока не пройдет Сашин последний трудный экзамен, до воскресенья, мне невозможно без натяжек, без трудности тебя позвать [2]. ⟨...⟩ Верь мне — *я з н а ю* меру твоей измученности. Знай и ты обо мне, щади меня. Как рада была бы я тебя видеть — если бы не вся трудность. Трудность в том, что тебя не любят у нас, как прежде [3]. Саша боится меня

потерять. Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩ все чует — и тоже боится. Они правы! Как всем нам трудно, Боже!

Господь с тобой! Твоя Л.

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 77—78. Год проставлен по содержанию.

[1] Намерение приехать немедленно в Петербург могло быть высказано либо в письме Белого, адресованном А. А. Кублицкой-Пиоттух (см. прим. 4 к письму Л. Д. Блок к Белому от 6 апреля), либо в неизвестном письме его к самой Любови Дмитриевне. Приехал Белый в Петербург — см. ниже письмо Л. Д. Блок от этого числа — 15 апреля (а не в воскресенье 16-го, как говорилось в неизвестной нам телеграмме, разрешавшей ему появиться у Блоков и отправленной поэтом вечером 10 апреля — см. «Блоковский сб.», 1, с. 403; но ср. телеграмму от 11 апреля 1906 г., где, в частности, говорится: «Приезжайте Воскресенье. Люба» — ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 103). Судя по фразе из письма Белого к Блоку, опубликованного А. В. Лавровым («Лит. обозрение», 1980, с. 105—106): «Буду ждать от Любы срока приезда пока терпеливо»— оно было написано до получения этой телеграммы и комментируемого письма Л. Д. Блок, т. е. 10 апреля, сразу по получении письма Блока, посланного накануне (а не ⟨между 11 и 14 апреля 1906 г.⟩, как датирует письмо Белого А. В. Лавров),— см. прим. 4 к письму Л. Д. Блок от 6 апреля 1906 г.

[2] Ср. ниже письмо Л. Д. Блок к Белому от 15 апреля.

[3] Ср. запись от 9 апреля 1906 г. в публикуемом ниже дневнике М. А. Бекетовой.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Петербург. 15 апреля 1906 г.⟩

Милый Боря,

Приходи к нам сегодня же в 2 часа. Не бойся, ты не помешаешь. Сашины главные экзаменационные ужасы прошли благополучно. Хочу тебя видеть и говорить.

Твоя Люба

⟨*Приписка Блока*⟩: Милый Боря, приходи.

Твой Саша

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 83. Автограф. Датируется по содержанию — ср. запись в дневнике Е. П. Иванова под 16 апреля 1906 г.: «Встретил В. А. Пяста; первое известие: «Белый приехал», и что Блок вчера с ним в Лесной ездил» («Блоковский сб.», 1, с. 404) и дневник М. А. Бекетовой под 15 апреля (см. ниже).

З. И. ГРЖЕБИН — В. Я. БРЮСОВУ

16 апреля 1906 г.

⟨...⟩ Мы не знаем пока, что именно будет господствовать в «Адской почте», т. к. оставляя всем сотрудникам возможность выражаться в какой им угодно форме, нельзя теперь предвидеть, какой основной тон будет в журнале. Может быть, и сатира, но это еще не факт — у нас уже имеются работы противоположного характера: Сомова [1], Анисфельда [2], А. Блока [3], В. Иванова [4] и др.

Во всяком случае, журнал наш не сатирический, а «журнал художников и писателей» — так и называется. ⟨...⟩ В настоящее время в редакционный комитет вступают Вяч. Иванов и Г. Чулков [5].

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 3. При этом письме (л. 2) — печатная листовка — реклама журнала «Адская почта». О журнале см. наст. т., кн. 2, с. 151. 165.

[1] Произведения К. А. Сомова в журнале не появлялись.

[2] Б. И. Анисфельд принимал участие в оформлении № 1 журнала.

[3] Блок в «Адской почте» не печатался.

[4] Вяч. Иванов поместил в «Адской почте» стихотворения «Сивилла» (В этой призрачной Пальмире...) и «Стены Каиновы» («Вас Каин основал, общественные стены...»), связанные тематически с событиями первой русской революции.

[5] С появлением Иванова и Чулкова в числе ближайших сотрудников журнал приобрел ясно выраженные черты близости к кружку «башни» Вяч. Иванова (кроме его стихов, в № 1 был напечатан и рассказ Л. Д. Зиновьевой-Аннибал).

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Г. И. ЧУЛКОВУ

23 апреля 〈1906 г.〉 Алушта.

〈...〉 Получил я второй экземпляр «Факелов» на лучшей бумаге. Спасибо. Кажется, сборник составлен удачно, хотя для начала дела он мог бы быть толще.

Хорошо общее у Андреева [1], хороши нюансы у Дымова [2]. Интересно, как отзовутся о сборнике «Весы» и «Золотое Руно». 〈...〉 Всевозможные «Миры Божии», «Современности», «Образования» и провинциальная пресса несомненно разругает сборник за «Балаганчик» Блока и стихотворения, но, конечно, будет долго распутывать клубок «Так было» [3].

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 57, л. 6. Датируется по содержанию.

Сергей Николаевич *Сергеев-Ценский* (1875—1958). См. о нем в статье 1907 г. «О реалистах»— V, 119, 121—124. В 900-е годы он испытал известное тематическое и стилистическое влияние модернизма, участвовал в ряде «промежуточных» изданий, в том числе в первом выпуске альманаха «Факелы» (СПб., 1906), где был напечатан его рассказ «Протолина».

[1] Л. Андреев поместил в «Факелах» рассказ «Так было».
[2] О. Дымов напечатал в альманахе рассказ «Бунтовщики».
[3] Сергеев-Ценский противопоставлял символистские журналы изданиям, ориентированным на реалистическую традицию. О расколе в среде символистов в результате появления «Факелов» см. во вступ. статье к наст. публикации.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ — ВЛ. ПЯСТУ

Петербург, 11 мая 1906 г.

〈...〉 О Вяч. Иванове и Сологубе мало знаю. Бывал на последних средах, но приходил поздно. Ото всего этого как-то отхожу. Темные места сред и тому подобного особенно выделяются. Совершенно определенно думаю о создании круга, прочного и самодовлеющего, без печальной участи нашей затеи [1]. В искусстве несомненно нарастает совсем другое, чем говорится, думается и пишется. Такие факты, как Ремизов, новый фазис Бальмонта, пропускаются без внимания...

Из новостей: появление нового поэта: Леман [2]. Специализируется на посвящениях Мусатову [3], Блоку [4], Иванову, Белому и т. д. Как-то собрались у меня на даче [5] Ремизовы, Блоки, Сюннерберг, Зор [6], Леман с кузиной [7] — немного. Ничего не вышло. Немного гуляли, немного стихи читали, потом разъехались.

〈...〉 Нужно отметить опять из литературы:

1. Стих〈отворение〉 В. Иванова «Сомову». Чудесные терцины, дающие полную характеристику до самых подробностей, почти со зрительными впечатлениями [8].

2. Стих〈отворение〉 Блока «Незнакомка» [9]. Тема: in vino veritas. Фон — дачи. Примыкает к лучшим реалистическим его вещам.

3. Сборник Сологуба: «Родине» [10]. Не читал, но на обложке красные флаги...

ГПБ, ф. 248, ед. хр. 109, л. 2 об.— 3.

[1] Речь идет о «Кружке молодых» (см. прим. к письму Городецкого Блоку от 6—7 февраля 1906 г. в наст. издании).
[2] Борис Алексеевич *Леман* (псевдоним — Дикс) (1880—1945) — поэт, автор сборника «Стихотворения» (М.— П., 1909), впоследствии видный антропософ.
[3] Виктор Эльпидифорович *Борисов-Мусатов* (1870—1905) — художник. Стихотворение Б. А. Лемана-Дикса, посвященное ему, см: «Золотое руно», 1906, № 7-9, с. 115—116.
[4] 12 марта 1906 г. Б. А. Леман писал Блоку: «Я никогда не писал стихов, но недавно под впечатлением Вашей книги написал стихотворение, которое позволил себе посвятить Вам. Вячеслав Иванович 〈Иванов〉, которому я читал его, советует мне поместить его где-нибудь, и я надеюсь, что Вы позволите сделать мне это, если найдете его стоящим чести носить Ваше имя» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 309, л. 1—2). Речь идет о стихотворении «Пастель»:

По старинным залам, угрюмым и пустынным,
Под шелестящий шопот неясных видений,
Тащился паяц в одеянии длинном
И зеркала дробили лживость отражений.

Сквозь тусклые окна луна глядела,
И ложились блики на стертые плиты,
И лицо кривилось под слоем мела,
И паяц тащился, жалкий и забитый.

Вспоминал о счастье, ломая руки,
И тень, насмехаясь, повторяла жесты,
А он с глазами, безумными от муки,
Вспоминал прошлый ужас и белый гроб невесты.

Так жизнь была прекрасна в опьяненьи страстью.
И вдруг все оборвалось в бездну преступлений...
И по угрюмым залам, навстречу несчастью,
Паяц тащился... и шептались тени...

Среди неясных шорохов и сдавленных рыданий
Воскресали ужасы, возникали лица
Смутные и бледные в бреду воспоминаний,
И тени шептали: — Убийца, убийца...

И лицо исказилось под слоем мела,
Вдруг, вскрикнув, упал на стертые плиты...
А луна по-прежнему сквозь окно глядела,
И паяц лежал, жалкий и забитый.

(«Золотое руно». 1906, № 7—9, с. 115)

[6] 30 апреля 1906 г. (см. письмо С. Городецкого Блоку от 28 апреля 1906 г.—наст. т., кн. 2).

В. А. Зоргенфрей. Это была первая встреча В. А. Зоргенфрея с Блоком. О дне, проведенном у Городецкого 30 апреля 1906 г. В. А. Зоргенфрей подробно рассказал в воспоминаниях о Блоке («Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 125—128). Из присутствовавших он называет также П. П. Потемкина. Возможно, что об этой встрече с Блоком в Лесном у Городецкого К. Эрберг (Сюннерберг) писал в позднейших воспоминаниях («Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год», Л., 1979, с. 116—117). Возможно, об этом же дне А. М. Ремизов писал В. А. Пясту 20 мая 1906 г.: «Был как-то в Лесном у Городецкого, просидел в комнатах, продрог, наелся, погулял по мостовой и домой уехал, не уехал, а уехали, ругался дорогой страсть» (ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 16, л. 1). В том же письме Ремизов сообщал: «Ал⟨ексанр⟩ Ал⟨ександрович⟩ Блок выдержал все экзамены благополучно. Говорят, пьет теперь, как кондуктор или какой другой человек нетрезвый» (л. 2).

[7] Ольга Николаевна *Анненкова* (ум. 1949), антропософка. По-видимому, в гостях у Городецкого 30 апреля 1906 г. она попросила Блока подарить ей публикацию пьесы «Балаганчик» в альманахе «Факелы». На следующий день, 1 мая 1906 г., она писала Блоку: «Большое спасибо за «Балаганчик». Не ожидала так скоро. Желаю успеха на экзамене. Надеюсь еще увидеться с Вами у Городецкого. О. Анненкова» («Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2. М., 1979, с. 16).

[8] «Терцины к Сомову» («О Сомов-чародей! Зачем с таким злорадством...») (Вячеслав Иванов. Cor. Ardens, ч. 1. М., 1911, с. 139—140).

[9] «Незнакомка» написана 24 апреля 1906 г.

[10] Ф. Сологуб. Родине. Стихи. Кн. 5. СПб., 1906. Обложка работы Э. В. Детерс.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Шахматово,⟩ 30го июня ⟨1906 г.⟩

⟨...⟩ Мы, должно быть, не поедем в Италию; теперь так выходит. Может быть, конечно, и еще раз передумаем [1]. ⟨...⟩

Если можно, расскажи о Сереже, конечно, мне одной; мне важно о нем знать, я люблю его очень и сама, и через тебя [2].

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 106, об.— 107 об. Год проставлен по содержанию.

В феврале и апреле 1906 г., при свиданиях в Петербурге, когда внутренние колебания Л. Д. Блок решались в пользу Белого, предполагался их совместный отъезд в Ита-

лию (Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 79—80, 93). Однако уже из майских писем 1906 г. видно, что окончательный выбор Л. Д. Блок уже сделан, и с ее стороны речь может идти лишь об участии к влюбленному в нее человеку. 14 мая она говорит ему: «Боря, милый, не писала Вам, потому что мне надо было от Вас отдалиться, изглаживать все, что было. Вы ведь знаете, что то, что я так поддаюсь Вашему влиянию, Вашей страсти, для меня провал, всегда» (ГБЛ, ф. 25, к. 9. ед. хр. 18, л. 88; ср. в воспоминаниях Л. Д. Блок, возможно, еще о марте 1906 г.: «Я его лишала единственного реального способа борьбы в таких случаях — присутствия. ⟨...⟩

Как только он уехал, я начала приходить от ужаса в себя: что же это? ведь я ничего уже к нему и не чувствую, а что я выделывала! Мне было и стыдно за себя, и жаль его, но выбора уже не было»). Еще определеннее признание Л. Д. Блок в письме от 8 июня о том, что она «*мучительно* вырвала безумные мечты из сердца и стала лечить рану; а она долго не закрывалась. Теперь остался красный шрам, но и он пройдет с годами» (ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 97). Были возможны еще рецидивы — так, 19 июня Л. Д. Блок снова переходит на «ты» и называет свои прежние письма «ложью» (там же, л. 98—102), но уже 23 июня возвращается «Вы» — См. далее письмо Л. Д. Блок от 22 июля 1906 г.

[1] В упомянутом выше письме от 19 июня Л. Д. Блок писала: «По привычке лгать, я от тебя скрывала еще и то, что мы с Сашей собираемся осенью месяца на 2—3 за границу, в Италию».

[2] Общение Блока и С. М. Соловьева уже год как прервалось — см. наст. т., кн. 1. Ср. запись в публикуемом ниже дневнике М. А. Бекетовой под 24 августа 1906 г. и воспоминания Белого, проведшего лето с Соловьевым: Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 83—91.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово.⟩ 12 июля 1906 г.

⟨...⟩ Бог знает, что будет теперь, после закрытия Государственной Думы [1], не забастует ли все, что может бастовать, и железные дороги в том числе?

А Франц-то ведь в Оренбурге, письма оттуда идут 6 дней... ⟨...⟩ Саша говорит о том, что надо в Петербург. А как отнесутся окрестные крестьяне? Все это вопросы и вопросы. Вокруг нас все тихо пока, но что будет завтра или через несколько дней? ⟨...⟩

Маня сестра, Саша и Люба горячо вас приветствуют.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

[1] Первая законодательная Государственная дума была закрыта 9 июля 1906 г. царским манифестом. М. А. Бекетова записала в связи с этим в дневнике (13 июля): «К счастью, Аля и Сашура наконец заинтересованы» (ИРЛИ, ф. 462, ед. хр. 3, л. 123 об.).

ВЯЧ. ИВАНОВ — Л. Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ

Петербург, 20 июля 1906 г.

⟨...⟩ По Городецкому, Коневской (он пишет о нем статью) погиб потому, что родился в такую полосу (род⟨ился⟩ он в 1877 г.) и что все это осуждено на гибель. Погибшим считает он и Андрея Белого, и Блока. Валерий [1] в его глазах «кончает», хотя он и не того поколения, а более раннего, живучего. — Я для него, конечно, любимый maestro — и только.

ГБЛ. ф. 109.

Замысел С. М. Городецкого, о котором идет речь, остался, сколько мы знаем, неосуществленным.

[1] В. Я. Брюсов.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Шахматово,⟩ 22-го июля ⟨1906 г.⟩

Боря, Вы порываетесь узнать, Вы просите чего-нибудь определенного обо мне, хотя и было решено в письмах стараться умалчивать об этом до поры. Я ждала, когда совсем овладею всем тем, что созрело во мне теперь,

чтобы написать Вам. Но теперь вижу, что Вы сами предчувствуете что-то, и Вам нетерпится, хотите все знать, хотя бы и ужасное для Вас. Знаю, что высказывая все теперь, я отнимаю часть властности и непреложности у моих слов, которые были бы у них, если бы я написала, строго дождавшись минуты.

Боря, то, что было между нами, сыграло громадную роль в моей жизни; никогда, быть может, не узнавала я столько о себе, не видела так далеко вперед, как теперь. Вам я обязана тем, что жизнь моя перестала быть просто проживанием; теперь мне виден и ясен мой *путь* в ней. (Я и слова буду употреблять Ваши, хотя, может б⟨ыть⟩, не так, как Вы.) Я тонула в хаосе моих мыслей и чувств; но вот Вы заговорили о ценности. Я стала искать (о, я все понимаю и узнаю, что Вы говорите, точно это мое, жило во мне, но слоя я не знала) ценность моей жизни. Помните, я рассказывала Вам, как развивалась моя любовь к Саше, как непроизвольны были все мои поступки, как я считала нас «марионетками»? [1] Разве есть возможность сомневаться, что любовь эта не в моей воле, а волей Пославшего меня [2], что она вручена мне, что она ценная, что в ней мой путь. Для меня незыблемо — она мой путь. А если так — во имя его все возьму на себя, нарушу все, не относящееся к нему, все вынесет моя совесть. ⟨...⟩ «Иметь настоящую, свежую, пышущую здоровьем совесть, чтобы смело идти к желанной цели» (Сольнес) [3].

Боря, знаю, *что* между нами, знаю Вашу любовь, но твердо знаю, что взять это или не взять в *моей* воле. Вот разница. И не беру во имя ценного, во имя пути мне *данного*. Путь мой требует этого, требует моего вольного невольничьего служения. И я должна нарушить с Вами все. Теперь это так. Пройдет время, и я надеюсь на это, Вы можете себе представить, как нам можно будет встретиться друзьями. Теперь — нет. А вот и обетование мне, что дано и суждено мне пройти мой путь. 17-го июля (как раз в тот день, когда Вы мне писали последнее письмо) мы пошли с Сашей на самую высокую у нас гору. Подходя к ней, я вдруг решила *взойти* на нее (Вы видите, я читаю теперь Ибсена) [4]. И сердце захолонуло, как перед важным и ценным. И я взошла на гору, прошла весь путь, не отставая от Саши, крутой, пустыми полями путь, в конце которого было одно бесконечное нежно-голубое небо. Мы шли быстро-быстро, сердце у меня билось и болело, дыханье захватывало, но я ни разу ни остановилась, ни споткнулась, ни взмолилась о пощаде, и все росла моя радость и благодарность за мой трудный, горный путь. Мы сидели на высоте; было громадное голубое небо, нежные голубые дали, вдали был виден дом отца (Боблово), а в солнечных лучах плавали и кричали журавли.

Вот, Боря, вся моя правда обо мне. Я говорю Вам прямо от моей души к Вашей душе, помимо всяких истерик (они есть и у Вас, и у меня). Примите и поймите мою правду, как я понимаю ценность Вашу. Господь с с Вами!

Ваша Л. Блок

Когда я написала письмо, открыла Евангелие (Луки, гл. 22, 51):

Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И коснувшись уха его, исцелил его.

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 110—112. Год проставлен по содержанию.

[1] Ср., например, в воспоминаниях Л. Д. Блок рассказ о ее встрече с Блоком 7 ноября 1902 г., решившей их отношения: «И вдруг мне стало ясно — объяснение будет в этот вечер. ⟨...⟩ Дальше все было очень странно, если не допускать какого-то предопределения и моей абсолютной несвободы в поступках. Я действовала совершенно точно и знала, что и как будет» и т. п. (ЛН, т. 89, с. 54).

[2] Евангельская реминисценция — ср., например, слова Иисуса Христа: «Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Евангелие от Матфея, 10.40).

[3] Слова Хильды из драмы Ибсена «Строитель Сольнес» (см.: Генрик Ибсен. Собр. соч. в 4 томах, т. 4, М., 1958, с. 245; ср. там же, с. 246, 261).

[4] Л. Д. Блок вживается в мифологему цитированной выше драмы Ибсена «Строитель Сольнес»; ср.: «Х и л ь д а (*напряженно смотрит на него*). Так это или нет? — С о л ь н е с. Что? Что у меня кружится голова? — Х и л ь д а. Что мой строитель н е с м е е т... н е м о ж е т подняться на ту высоту, которую сам же воздвиг? 〈...〉 Итак, туда, наверх, на самый верх...» (там же, с. 252, а также с. 198, 222, 273, особенно же в связи с описанием Л. Д. Блок ее прогулки с мужем, слова Хильды — с. 262: «Мой замок должен стоять на высоте. Страшно высоко. И на полном просторе. Чтобы можно было видеть далеко-далеко вокруг... во все стороны. 〈...〉 Именно там, на этой высоте, хочу стоять и смотреть вниз на тех... кто строит церкви... и дома... семейные очаги для папаши с мамашей и деток»). Андрей Белый с болезненной издевкой вспоминал «литературность» поведения Л. Д. Блок летом 1906 г.: «...извещала она, что любовь наша — вздор, что меня никогда не любила; и нет, не допустит она моего появления осенью в Питере; Гильда, ее героиня, имеет «здоровую» совесть, которой она и последует» (Андрей Б е л ы й. Между двух революций. Л., 1934, с. 83, ср. там же с. 93). Однако образ Гильды оказался, по-видимому, важнейшим ориентиром в жизненном самоопределении Л. Д. Блок; как известно, «Строитель Сольнес» самым глубоким образом повлиял и на мысль и творчество Блока.

ВЯЧ. ИВАНОВ — Л. Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ

Петербург, 27 июля 1906 г.

〈...〉 Гюнтер дает весточку из Митавы [1]. Ein Dämon und ein Abenteuer * принуждали его молчать. Извинения и пророчество, что *только* мы с тобой и Блок in ihm aufgeblüht ** 〈...〉 При Чулкове является Рябушинский en personne *** и остается довольно долго. Пел, конечно, все о Зол〈отом〉 Руне 〈...〉 Зовет в жюри. Проезд и содержание в Москве будет на счет редакции. Состав жюри: от редакции Рябушинский и Курсинский (секретарь редакции) и приглашенные члены: Брюсов, А. Белый и я. Даю условное согласие, но если вся группа поэтов (т. е. Брюсов и Белый) будет участвовать. Сологуба и Блока он не хочет [2].

ГБЛ, ф. 109.

[1] Пересказываемое Ивановым письмо И. фон Гюнтера нам не известно.

[2] Блок, однако, был позже приглашен в жюри (о его совместной с Ивановым поездке в Москву см. ниже, с. 262). Первоначальное намерение Н. П. Рябушинского подтверждается следующим письмом секретаря редакции «Золотого руна» А. А. Курсинского к Андрею Белому, написанным в конце июля — начале августа 1906 г.: «Вместе с тем, по поручению Н. П. Рябушинского, обращаюсь к Вам с просьбой сообщить, согласны ли Вы принять участие в составе жюри по конкурсу литературных произведений на тему «дьявол» — в ноябре. Состав жюри: *Редакция*, *В. Я. Брюсов*, *В. И. Иванов* и *Вы*. Будьте добры принципиально ответить немедля. Условия будут выработаны по усмотрению живущего в Петербурге Вяч. Ив. Иванова» (ГБЛ, ф. 25, к 28 ед. хр. 6, л. 4).

Е. П. ИВАНОВ — А. П. ИВАНОВУ

〈Петербург〉 29 июля 〈1〉 906.

〈...〉 А в «Шахматове» хорошо было [1]. Характер места истинно солнечногорский [2]. Все холмы, холмы, перерезанные долинами, напоминают по духу места близ Изборска. И здесь, как там, вспоминается «нагорная радость». Гуляли мы, Блоки и я очень много раз, кажется, чуть не 16 верст прошли. Все холмы, холмами. Я как приехал, сразу сладость мест вкусил, по дороге со станции в Шахматово. Надо тебе сказать, что всю эту дорогу я прошел пешком. Было дивное утро, холодное, 5 тепла, потому я дорогу и совершил довольно легко. Дорога же 17 верст считается, деревенских, а так как я, не зная дороги, сделал крюк, то в общем, должно быть, верст 20 отмахал. Причем на спине тащил мой сак, довольно тяжелый, ночь же и вечер почти всю простоял у окна на жел〈езной〉 дор〈оге〉. Ехал в третьем классе не спальном. Очень интересные соседи.

---

* Некий демон и некое приключение (*нем.*)

** в нем процвели (*нем.*)

*** собственной персоной (*франц.*)

Ты спросишь, отчего же не выслали лошадей? Очень просто отчего. Я ничего не написал им. Хотя я тебе и нашим говорил, что написал, однако ничего не написал, потому что был уверен, что приеду в этот именно день. И потом мне хотелось испытать свои силы. Испытание выдержал очень хорошо и не приписываю это своим только силам. Врал же, чтоб не увеличивать беспокойства. А тебе врал, чтоб не затруднять тебя участием во вранье, к тому же могло выйти у тебя не так естественно.

Ну и встреча же зато была в Шахматове! Явление совершенно неожиданное после моих категорических отказов. Было почти 11 часов, когда я подходил к имению проплутавший и измученный, в пальто, согнутый под тяжестью сака на спине. Вышел на опушку леса, парня встретил, он говорит, вот, тут сейчас Шахматово будет. Вижу, поднимается на пригорок дорога, а на пригорке стоит фигура в зипуне и белой рубахе. Я стал догадываться, что это А. Блок. Фигура постояла, посмотрела на меня, потом стала нерешительно удаляться. Потом опять приближаться. Появился Крабб [3]. Наконец стал узнавать нерешительно. Так минуты полторы мы сходились, не вполне узнавая друг друга. Потом побежали... У ворот Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩ стояла, тоже не узнала издали. Потом Люб⟨овь⟩ Дм⟨итриевна⟩, потом Мар⟨ия⟩ Андр⟨еевна⟩. Какое радушие, какая искренняя радость! право, ужасно хорошо было.

Я прежде всего попросил кофе и спать. Напился кофе, лег спать в комнате, отведенной мне, в которой некогда А. Блок ребенком спал,— пристройка к флигелю главному. Встал через полтора часа, позавтракал и пошли гулять, я был как ни в чем не бывало, бодр и не уставший нисколько. Способный! Да, первый день был изумительно хорош, потом стали набегать тучки, впрочем разъяснивало так, как даже в первый день не разъяснивало, а отъезжал я с дождем: говорят, к богатству.

На третий день был я у Менделеевых в гостях с А. и Л. [4] Старик Мендел⟨еев⟩ там, случайно приехал. Я познакомился. Он очень стар ⟨...⟩ Признает только «Нов⟨ое⟩ время» и т. д. Дума дурачье и т. д. Вообще что-то есть Витберговское [5]. Но изумительная личность старик, он не химией только занимался, а и сектантством при этом, к мистикам симпатия и даже к хлыстам. И вдруг второе пришествие и конец мира понимает духовно. Странная смесь позитивизма и мистики. А. Блок костит его на все корки дома. «Самый опасный вид ученого», говорит.

Дом их в семи верстах от Шахматова. Каменный весь, построен по плану самого Менделеева. Стены толщины крепостных стен. Выкрашены клеевой краской. Столовая странная. Оказывается, комната предназначалась к лаборатории и переделана в столовую. Комнаты, как сараи, неуютные. Вообще всюду личность видна огромная. В саду растет огромный дуб на самого Менделеева похожий. Менделеев первый, лет 50 тому назад, основался в Боблове, а потом уже по его настоянию Бекетов Шахматово купил [6]. И так началась история Боблова и Шахматова, которая стоит теперь на А. Блоке и Л. Блок. Приехал домой 27-го утром. ⟨...⟩

Из Шахматова тебе и жене все очень кланяются [7].

ИРЛИ. ф. 662, ед. хр. 77.

[1] Запись Блока: «Женя Иванов был в Шахматове 18—26 июля» (ЗК, 75). Ср. характеристику этой поездки в «Записях об Александре Блоке» Е. П. Иванова («Блоковский сб.» с. 407—409). М. А. Бекетова записала в дневнике 20 июля: «Приехал Женя Иванов, дня три тому назад ⟨...⟩ Жене я рада: добрый и милый, но очень уж утомительна его развинченность и нервность, юродство и гримасы, а также бессвязная мистика» (ИРЛИ, ф. 462, ед. хр. 3 л. 124).

[2] Солнечногорское — крупное селение поблизости от Шахматова (ныне — город Солнечногорск).

[3] Такса А. А. Кублицкой-Пиоттух.

[4] Ср. запись Е. П. Иванова от 20 июля: «Ездили к Менделеевым в Боблово. Саша чем-то был недоволен, возвращаясь оттуда: «Родственники!» Люба огорчалась» («Блоковский сб.» с. 408).

[5] Видимо, имеется в виду Федор Александрович Витберг (1846—1919) — литературовед, библиограф, педагог, председатель Общества ревнителей русского слова.

[6] Шахматово куплено моим отцом А. Н. Бекетовым в 1875-ом году,— сообщает М. А. Бекетова. В Клинском уезде в 70-е годы уже находилось три имения профессоров Петербургского университета, в том числе и в Боблове, где с 1865 года было имение Д. И. Менделеева, с которым дружил А. Бекетов. Выбирать имение Бекетов ездил с Менделеевым. Остановились на Шахматове, в нескольких верстах от Боблова, в том же уезде». Полный текст воспоминаний М. А. Бекетовой «Шахматово. Семейная хроника». см. в наст. книге, с. 635—787.

[7] Вернувшись в Петербург, Иванов писал Блоку (30 июля 1906 г.): «Мама благодарит вас за сердечный, радушный прием, оказанный мне: от всех нас привет вам шлем ⟨...⟩ Право, из того, что я оказываюсь все не тем, чем хотелось бы казаться, чем отчасти мог казаться, ведь еще что же унывать. Ведь и вы оказались не такими, какими прежде казались, однако любовь к вам еще глубже стала. Видит Бог, что люблю я вас, побыв у вас, еще больше, чем прежде, и уважаю еще больше» (ИРЛИ. ф. 662, ед. хр. 42).

Ю. Л. РАКИТИН — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Полтава, конец июля 1906 г.

⟨...⟩ У меня к Вам просьба. Я по приезде в Питер представлю Вам свой план постановки «Балаганчика» Блока [1] — мы с Вами поговорим об этом — и тогда, если из этого что-нибудь выйдет, Вы напишите барону [2], чтобы он разрешил мне поставить его [3].

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2293, л. 1 об.

Юрий Львович *Ракитин* (*Ионин*) (1882—1952) — актер, участник мейерхольдовской труппы «Товарищество новой драмы», затем — актер МХТ и ассистент К. С. Станиславского, в 1910-е годы — режиссер Александринского театра, в 1920—1930-е — режиссер Народного театра в Белграде. Осенью 1930 г. на вечере памяти Блока в Белграде он поделился воспоминаниями о встречах с поэтом, в том числе о совместной «работе в театре в первые дни революции» («Россия и славянство», Париж, 1930, № 106, 6 декабря). Ракитин был вхож в дом Блока (см. письмо Блока к матери от 24 апреля 1910 г.— «Письма к родным», II, с. 75).

[1] 30 апреля 1906 г. Ракитин писал Блоку: «Пишет Вам тот самый Юрий Ракитин, который встречался с Вами на одном из вечеров у Вяч. Иванова, выражал Вам свои восторги по поводу Ваших стихов и обменялся с Вами карточками. Мы хотели повидаться с Вами, но я скоро уехал в Тифлис играть с Мейерхольдом и только теперь вернулся из турне. Прошу назначить аудиенцию где-нибудь в кафе или у Вас. Хочу рассказать Вам о чтении Ваших стихов у нас в спектакле в Тифлисе» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 378, лл. 1—2).

[2] Рудольф Альфредович Унгерн фон *Штернберг* (ум. после 1940 г.) — режиссер, в 1920—1930-е г. работал в Рижском театре русской драмы. В сезон 1906—1907 гг. после ухода Мейерхольда в Театр В. Ф. Комиссаржевской оставался руководителем Товарищества новой драмы.

[3] Этот спектакль, по-видимому, не был осуществлен, хотя Ракитин еще 19 октября 1906 г. писал Блоку из Тифлиса: «В начале декабря у нас в Тифлисском театре идет «Балаганчик» с музыкой Брюнелли (узнайте о ней у Вс. Эм. Мейерхольда). Пьеса пойдет наверно. ⟨...⟩ Вечера у Вас не забуду никогда» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 378, л. 3).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово,⟩ 6 августа 1906 г.

⟨...⟩ Если б Вы знали, с каким удовольствием я вспоминаю дни, которые Вы провели с нами в Шахматове [1], как эти дни для всех для нас были освежительны и хороши. Спасибо Вам за них, милый. Маня уезжает в четверг [2], ведь и все мы скоро за ней [3]. Милый Женя, представьте себе, что Вы единственный человек, не исключая и большинства наших родных, при котором мы, Саша и я, можем быть и чувствовать себя самими собою. ⟨...⟩ Саша скоро будет писать Вам [4].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

[1] См. наст. кн., с. 250—251.

[2] 9 августа М. А. Бекетова записала в дневнике: «Завтра еду в Петербург» (ИРЛИ, ф. 462, ед. хр. 3, л. 131).

[3] Блок вернулся в Петербург 24 августа.

[4] См. письмо Блока к Е. П. Иганову от 6 августа 1906 г. (VIII, 159—160).

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

<Шахматово> 12 августа <1906 г.>

Милый Боря, Вы, должно быть, и не знаете, какой большой шаг Вы сделали для возобновления дружбы со всеми нами Вашими тремя письмами к нам. И не в словах дело (такие слова зачем?), а в том направлении, которое приняли теперь Вы. После поездки в Москву я думала, что все кончено навсегда, и была очень близка к ненависти к Вам и презрению, так Вы унизили себя требованьем своих прав и совершенным игнорированием других [1]. Теперь я возвращаю с радостью Вам все мое уважение и вижу, что могу говорить с Вами опять и надеяться, что Вы меня выслушаете. Я предлагаю Вам, Боря, вернуть себе нашу общую и мою дружбу. Я говорила Вам, что нам и мне, после всего, что было, теперь, сейчас *невозможно* быть с Вами дружными, даже видеться трудно, даже присутствие Ваше в Петербурге беспокойно и внушало бы вражду. Если же Вы переждете должное время — *я уверена*, мы все встретимся с Вами друзьями. Я это вижу по той горячей нежности, с которой Саша встретил Ваше письмо.

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 116. Датируется по содержанию.

Ответ Л. Д. Блок на одновременные тождественные письма Белого Блокам и А. А. Кублицкой-Пиоттух (датируется по почтовому штемпелю; известен только экземпляр, присланный Блоку; на конверте надпись Белого: «*Спешное и нужное*»):

«<Дедово, 11 августа 1906 г.>

Милый Саша,

Клянусь, что клятва моя не внушена этим голубым ясным днем наступающей осени, а что я воспользовался им для того, чтобы в форму ее не вкралось ничто истеричное, а только одна светлая правда. Клянусь, что Люба — это я, но только лучший. Клянусь, что Она — святыня моей души; клянусь, что нет у меня ничего, кроме святыни моей души. Клянусь, что только через Нее я могу вернуть себе себя и Бога. Клянусь, что я гибну без Любы; клянусь, что моя истерика и мой мрак — это не видеть Ее, клянусь, что сила моей светлой любви «*о свете, всегда о свете*», потому что, клянусь, я ищу Бога. Клянусь, что в искании этом для меня один, один, один путь: это Люба. Клянусь, что тучи, висевшие надо мной от решения Любы, чтобы остался вдали, истаяли безвозвратно и что покорность моя без границ и терпение мое нечеловеческое, кроме одного: отдаления от Любы. *Клянусь Тебе, Любе и Александре Андреевне, что я буду всю жизнь там, где Люба*, и что это не страшно Любе, а необходимо и нужно. Клянусь, что если бы я согласился быть вдали от Любы, я был бы ни я, ни Андрей Белый, а никто, и что душа моя вся ушла в то, чтобы близость наша оставалась. Ведь нельзя же человеку дышать без воздуха, а Любе — необходимый воздух моей души. Клянусь, что если я останусь в Москве, я погиб для этого и будущего мира: *и это* не просто переезд, а паломничество. Я могу видать хоть изредка Любу, но я *должен, должен, должен* ее видать.

К встрече с Любой в Петербурге (или где бы то ни было) готовлюсь как к таинству.

Любящий Тебя

Твой Боря

P. S. Письмо писал в трех экземплярах (Тебе, Любе, Ал<ександре> Андреевне). До 22-го я в Дедове, а потом в Москве». (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 150, л. 37—38 об.).

Ответ А. А. Кублицкой-Пиоттух на это письмо Белого печатается ниже. Ответ Блока — VIII, 160—161. В опускаемой части письма Л. Д. Блок, как и в письмах мужа и свекрови,— настоятельные просьбы к Белому уехать заграницу, ввести переписку в спокойное русло — одно-два письма в месяц.— Ср. письмо Л. Д. Блок к Белому от 18 августа 1906 г.

[1] 8 августа Блоки приезжали в Москву для объяснения с Белым. Белый дважды описывал эту встречу («Эпопея», 1923, № 3, с. 185—186; «Между двух революций», Л., 1934, с. 89—90, 97).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

<12 августа 1906 г.>

Милый Боря, никогда я не переставала любить Вас и помню все драгоценные моменты, когда начала сознавать Вас. Глубоко чту Вас за все, что переживала от Вас. Потому и потерять Вас для меня горько, и я не верю, что потеряю, потому что верю в бога. И чтобы Вы, Боря — Андрей Белый,

могли вернуться ко мне и ко всем нам, любящим Вас так, как быть может никто Вас не любит, надо нам не видеться некоторое время, надо Вам не видеть Любу.

На днях я, думая о Вас, в первый раз со времени любви моей к Вам, назвала Вас в уме Бугаевым и Борисом Николаевичем. Твердо знаю, что это не Вы. И пока будет Бор. Ник. Буг⟨аев⟩, нельзя его пускать в Петербург.

Моя любовь к Вам выдержала жесточайшее испытание: Вы два раза угрожали смертью Саше, и я не перестала любить Вас [1].

Боря, такая любовь не часто встречается. Ведь я мать Саши. Умоляю Вас ради всех четырех, *тайно связанных, не нарушайте, не разрывайте связь, не приезжайте теперь.*

Целую Вас. Глубоко Вас любящая А л е к с а н д р а А н д р е е в н а

12 августа 1906

ГБЛ, ф. 25, 18.5, л. 35—36.

См. прим. к предыд. письму.

[1] См. апрельское письмо Белого к Блоку («Лит. обозрение», 1980, № 10, с. 106) и прим. 7 к письму Л. Д. Блок от 20 августа 1906 г.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Шахматово,⟩ 18 августа ⟨1906 г.⟩

Милый Боря, это ужасно, что Вы не получили писем от нас всех,— 14-го авг⟨уста⟩ мы отправили Вам три письма в Крюково [1]. Эти письма чрезвычайно важны для Вас, непременно достаньте их как можно скорей. Я придаю своему письму огромное значение, потому что оно написано под влиянием очень большого и хорошего чувства к Вам, после трех Ваших первых писем к нам. Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩ и Саша писали тоже с большой любовью. Такие письма нельзя повторить точно, и потому сделайте все, чтобы их достать. В Вашем ответе, Боря, я не сомневаюсь; для Вас он может быть только один, после *такого* и *так* написанного мною письма. Еще раз подчеркиваю Вам значение и важность этого письма и Вашего ответа для *всей* Вашей жизни. Веря в Ваш ответ, продолжаю не обращать внимания на Ваши обиды, милый Боря, потому что знаю их происхождение — от неизвестности, неполучения писем и т. д.

Мы пробудем в Шахматове до 23-го августа, затем в Петербурге.

От души, от всей души говорю Вам опять: Господь с Вами, Господь с Вами!

Ваша Л. Б л о к

ГБЛ, ф. 25, 9.18, л. 117—118.

[1] См. прим. к письму Л. Д. Блок от 12 августа 1906 г. Белый продолжал настаивать на необходимости его встречи с Л. Д. Блок, как это видно из его письма к Блоку:

«13-го августа ⟨19⟩06 года. Москва.

Милый Саша!

Право, я удивляюсь, что Ты меня не понимаешь. Ведь понять меня вовсе не трудно: для этого нужно только *быть человеком* и действительно знать, а не на словах только и не в литературе, *что такое Любовь*. Если я Тебе не понятен, объясни мне фактически, что Тебе во мне не понятно, и я с восторгом готов написать Тебе хоть диссертацию, объясняющую по пунктам то, что было бы во мне понятно всякому *живому* человеку, раз в жизни испытавшему *настоящую* любовь.

Ты прекрасно знаешь, что я не могу не видать Любы и что меня хотят этого лишить. Я считаю последнее бессмыслицею, варварской, *ненужной* жестокостью, потому что весною (в апреле) я уже решился на самоубийство, и меня Вы все (Ты, Люба, Ал⟨ександра⟩ Андреевна) предательски спасли моим переездом в Петербург — но только для того, чтобы через 2—3 недели *опять* предъявить мне смертный приговор и заставить протомиться 3 месяца. Этой неизвестности не выдержит никакая душа, и я удивляюсь, что есть люди, при всей своей утонченности не могущие понять того, что понятно всякому *человеку*, имеющему хоть каплю сочувствия к ближнему. Если Ты мне возразишь, что именно *Ты*

по самому ходу вещей нормально должен быть лишен этого сочувствия ко мне, то все Твое 7-месячное поведение до сих пор противоречило бы такому возражению мне; я с своей стороны говорю и *подчеркиваю*, что не видать Любы не могу, и что я свят и праведен в своем заявлении и что, пока я жив, я буду стремиться к тому, чтобы видать Любу.

Твой Борис Бугаев

P. S. Действительно, лучше, чтобы Ты отменил посвящение мне твоей книги.

Выбрав путь унижения, я готов целовать у тебя руки, потому что Люба Тебя любит. Но готов и *жизнью своей поддержать свое святое право видеть Любу*». (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 150, л. 40—41 об.)

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Шахматово,〉 20 августа 〈1906 г.〉

Вы нас совершенно не услыхали, Боря, и приезжаете в Петербург [1]. Нам остается, значит (потому что это *мы*, не кто-то такой, воображаемый Вами), сделать все, чтобы позволить звучать в столь фальшивом положении только всем тем человеческим нотам, которые еще можно из него извлечь. Мы это сделаем. Вы тоже исполните свое обещание [2] — не употреблять насилия: будете приходить к нам, как писали, часа на два раз в неделю, не будете *присылать посыльных*, цветов, хулиганов, швейцаров и т. п., а так же и потоков писем [3]. Когда приедете, сообщите нам по почте Ваш адрес, и я напишу Вам день, когда Вы можете застать нас дома [4]. — Ал〈ександра〉 Андр〈еевна〉 и Саша просят меня написать Вам, что хотя их письма и написаны *до* получения клятвы Вашей, но они от своих слов не отказываются. Когда они писали свои письма — желали Вам только добра. Мое письмо могло бы пояснить Вам смысл и их писем, если бы Вы захотели вникнуть [5].

Теперь я хочу Вам сказать несколько слов обо всем, что Вы уже давно пишете о Саше [6]. Или все это внушено ослеплением, понятным мне отчасти, или же Вы никогда не видели и кончика Сашиного мизинца, до такой степени все Ваши стрелы пролетают мимо и попадают в какого-то, совершенно не относящегося к делу «господина» Сашу, или, вернее, Сашку, и, может быть, даже и Саньку. Таким незнанием положения может только объясняться Ваша идея дуэли [7]. Что Вы хотели ей сказать? Ведь Вы же дали клятву не убивать и очень на всей этой клятве настаиваете, значит, Вы желаете, чтобы Вас убил Саша: но неужели Вы искренно не знаете, что Саша *не* стал бы в Вас стрелять [8], если бы *Вам* и удалось всякими ухищрениями довести дело до дуэли? Что же это за нелепость?

Помните же, Боря, пожалуйста, все обязанности, которые Вы на себя клятвенно возложили, и сообразуйтесь с тем, что я уже Вам написала о Вашем будущем поведении.

Л. Блок

ГБЛ, ф. 25, 9.18, л. 119—120. Датируется по содержанию.

[1] Получив от Л. Д. Блок письмо от 12 августа 1906 г. (см. выше), в котором сообщалась дата отъезда Блоков из Шахматова, Бугаев писал Блоку: «Буду в Петербурге утром 23-го. Безумно хочу серьезно с Тобой говорить» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 179). Цитированное письмо Белого В. Н. Орлов датировал в указанном издании 21 (?) августа 1906 г.; судя по этому письму, его можно отнести только к 19 августа.

[2] См. наст. кн., с. 253.

[3] Имеется в виду поведение Белого в Петербурге в начале 1906 г. В своих воспоминаниях Л. Д. Блок писала об этом: «Боря же кружил мне голову, как самый опытный Дон Жуан, хотя таким никогда и не был. Долгие, иногда четырех- или шестичасовые его монологи, отвлеченные, научные, очень интересные нам, заканчивались неизбежно каким-нибудь сведением ко мне; или прямо, или косвенно выходило так, что смысл всего — в моем существовании и в том, какая я. Не корзины, а целые «бугайные леса» появлялись иногда в гостиной — это Наливайко или Владислав (денщики Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттуха — *Н. К.*), смеясь втихомолку, вносили присланные «молодой барыне» цветы. Мне — привыкшей к более скромной жизни и обстановке!» (Л. Д. Блок. Были и небылицы о Блоке и о себе» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1).

[4] Ср. в мемуарах А. Белого («Между двух революций». Л., 1934, с. 93): «Приезжаю побитой собакой, не смея без зова явиться».

[5] О письмах Блоков и А. А. Кублицкой-Пиоттух, упоминаемых здесь, см. прим. к письму Л. Д. Блок от 12 августа 1906 г. Клятва Белого — его письмо от 11 августа — см. наст. кн., с. 253.

Речь идет, видимо, об отзывах Бугаева о Блоке в письмах его к Л. Д. Блок.

[7] Л. Д. Блок говорит о вызове, посланном Блоку с Эллисом 10 августа 1906 г.— см.: А. Белый. Между двух революций, с. 93; Л. Д. Блок. Были и небылицы.

[8] А. Белый писал Блоку 28 августа 1906 г.: «Я, конечно, не стал бы в тебя стрелять».— «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 180.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург,〉 26 августа 〈1906 г.〉

Боря, простите, что не отвечала до сих пор [1]. Вся поглощена нашим уходом на самостоятельную квартиру [2]. Вы знаете и понимаете, как это для меня важно. Она уже нанята и мы переедем числа 1-го — 2-го сентября. Я хотела бы увидеть Вас в первый раз там — мехи новые. 〈...〉 — Саша очень издерган эти дни всякими практическими хлопотами — писать не может, как надо; но Вы знаете, как он относится к Вам; это так.

Когда приедете, напишите свой адрес к нам на старую квартиру (помните — посыльные строго воспрещаются!) [3]

До свиданья! Л. Блок

ГБЛ, ф. 25, 9. 18, л. 121—122. Датируется по содержанию.

[1] Судя по этой фразе и фразе в конце письма: «Когда приедете, напишите свой адрес» и т. д. (конверт не сохранился и точно адрес установить нельзя), это письмо направлено Бугаеву не в Петербург, т. е. Л. Д. Блок не знала о его письмах к Блоку от 23 августа 1906 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 179 — № 138 и 139). С другой стороны, по-видимому, именно это письмо можно счесть «отпиской», про которую говорит в воспоминаниях Белый: «Приезжаю 〈...〉; сажусь на Караванной, поджав псиный хвост: им бить в пол и вымаливать милостей; так просидел в тусклом номере день: нет ответа; другой — нет ответа; на третий — отписка: от Щ. 〈так зашифровано имя Л. Д. Блок в мемуарах Белого — *Н. К.*〉: принять — некогда; ждать извещения» («Между двух революций». Л., 1934, с. 93). В этом случае необъяснимым фактом остается последний абзац данного письма, который не может быть опиской, так как отправление этого письма подразумевает знание адреса.

[2] Блоки, до той поры жившие с Кублицкими-Пиоттух, наняли первую свою квартиру на Лахтинской ул.

[3] См. выше письмо Л. Д. Блок от 20 августа 1906 г. прим. 3.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург〉, 29 августа 〈1906 г.〉

〈...〉 Мы теперь в разгаре переезда на свою квартиру, и потому я могу пригласить Вас завтра, 30-го, только на часок среди дня, часа в 4.

Л. Блок

〈*Приписка Блока*:〉 Милый Боря, я на тебя совсем не сержусь, приходи завтра.

Твой Саша

ГБЛ, ф. 25.9.18, л. 123—124. Датируется по содержанию.

Письмо, по воспоминаниям Белого, получено им на восьмой день его ожидания в Петербурге встречи с Блоками («Между двух революций». Л., 1934, с. 95—96). Это короткое мучительное свидание описано там же, с. 96—99; за ним последовала не сохранившаяся записка, полученная Бугаевым на утро с просьбою «быть: и сию же минуту» (там же, с. 99). Кроме того, среди писем Л. Д. Блок к Бугаеву сохранилось еще одно, от 6 сентября 1906 г., приглашающее его на Лахтинскую «на завтра вечером» (ГБЛ, ф. 25.9.18, л. 125); возможно, именно об этом письме (если только речь не идет о не дошедшем до нас письме Блока) упоминает Е. П. Иванов в своем дневнике 6 сентября 1906 г.: «Борис Николаевич 〈...〉 говорит: «погода дивная», а на самом деле скверно внутри у него. И это в связи с письмом, которое получил он от лучшего друга» («Блоковский сб.», 1, с. 410).

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург〉, 26 сентября 〈1906 г.〉

〈...〉 Знайте, что я очень ценю все, что было с Вашей стороны за последние месяцы — и довольно об этом [1].— Жизнь на новой квартире нашей — для меня совсем новая. Нет дня, чтобы я не поняла и не узнала чего-нибудь нового, но пока все еще идет и проходит, ни на чем еще не останавливаюсь подолгу ни в чувствах, ни в мыслях. Только все куда-то ведет. Вот у нас окна на двор, глубокий и узкий. Каждый день приходят раза по три, по четыре разные люди «увеселять». Женщина с шарманкой и двумя изуродованными детьми, кот〈орые〉 на своих изломанных ногах пляшут неприличный кэк-уок, а потом звонким, недетским голосом один из них поет какой-то вальс и «Последний нынешний денечек...»— знаете? Солдаты это поют, когда их расстреливают [2]. Потом двое слепцов поют дуэтом «Только станет смеркаться немножко...» [3] — один басом выводит, стоя в фуражке с большим козырьком и протянув руку: «...буду слушать веселые речи, без которых я жить не могу...». Вот все они куда-то толкают и не дают забыться. Все они для меня ужасно новы; Вы, может быть, уже знали все это.— Начала я читать социалистов и анархистов; пока только еще начала, но думаю, что тут ничего не встречу, что было бы опорой хоть в политических и общественных «убеждениях». Как Вы можете себя считать социал-демократом? [4] Не понимаю. Я наверно не смогу. Их конечная цель, не говоря уже о ненужности для нас с Вами ее, и научно не обоснована убедительно, а ближайшая программа и буржуазна, и не умна, с требованьем единой республики для России. Единственное, что в них для меня может стать близко, это то, что они на деле, в восстании, с рабочими, вот это музыка. 〈...〉 Теперь я могу разговаривать только или с революционером, или с эстетом; поэтому Евг〈ений〉 Павлов〈ич〉 для меня совсем, совсем пропал, ни то, ни это [5].

ГБЛ, ф. 25.9.18, л. 129—130. Датируется по содержанию.

Частично опубликовано в кн.: А. Турков. Александр Блок. М., 1969, с. 103. Турков справедливо отмечал при этом: «Письмо это замечательно, с бесспорно присущей Любови Дмитриевне чуткостью и способностью к «сопереживанию» многого из того, что происходило с мужем, передает атмосферу, в которой зарождался «городской» цикл стихов поэта, написанных той осенью» (там же, с. 103; далее — с. 103—107 — Турков разбирает названный цикл в связи с реалиями, окружавшими Блока на Лахтинской). Но о той же общности жизненных интересов говорит и вторая, опущенная у исследователя часть письма. Читать «социалистов и анархистов» Л. Д. Блок начала, несомненно, вслед за мужем. С лета 1906 г. (V, 714) Блок работал над статьей «Михаил Александрович Бакунин» (V, 31—35) и как раз 24 сентября писал С. А. Соколову: «Статью о Бакунине также скоро кончу, хочу сделать ее заметкой по поводу всех (4-х) книжек, вышедших до сих пор на русском языке» (см. наст. т., кн. 1). Статья Блока о Бакунине была впервые опубликована в журнале Соколова «Перевал» (1907, № 4), получившем репутацию «красного» среди символистских изданий неслучайно: на его страницах сочувственно и постоянно рецензировалась социал-демократическая и анархистская литература (о журнале см. также наст. кн., с. 260). При всей наивности слов Л. Д. Блок о социал-демократах, необходимо отметить специфически блоковское «вот это музыка» применительно к «делу», «восстанию», «рабочим». Об увлечении Блока революционной литературой см. также: Ю. К. Герасимов. Об окружении Александра Блока во время первой русской революции.— «Блоковский сб.», 1, с. 540.

[1] Написано в ответ на письмо Бугаева из Мюнхена: в начале сентября 1906 г. в Петербурге Блоки и Бугаев решили, что он уедет на год «в Италию» (ср. наст. кн., с. 239, 247). Сложность взаимоотношений между Блоками и Бугаевым была далека от разрешения: после «бурного обмена объяснений (в августе и сентябре 1906 г. в Москве и Петербурге),— писал Белый,— я уехал заграницу, не понимая многого в А〈лександре〉 А〈лександровиче〉» («Воспоминания об Александре Александровиче Блоке». Варшава, 1964, с. 184). В сентябре — ноябре 1906 г. Белый жил в Мюнхене.

[2] О расстрелах участников революции много говорилось в ближайшем окружении Блоков: см., напр., запись Е. П. Иванова в дневнике под 24 сентября 1906 г.— в кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 411; ср. в цитированной выше статье Ю. К. Герасимова — там же, с. 540—541.

[3] Романс на слова А. Фета, в бытовании (ср. цитату из него далее в письме) исказивший авторский текст.

[4] В связи с интересом в это время Белого к социал-демократии следует отметить, что в октябре 1906 г. он писал матери из Мюнхена: из всей русской колонии «один только русский (еврей)〈...〉пришелся мне очень по душе. Это социал-демократ, человек благородный и неподкупно честный» (ЦГАЛИ, ф. 53, 1. 358, л. 76; ср. там же, л. 79 об.); речь идет, видимо, о Е. А. Вулихе, упоминаемом в мемуарах Белого («Между двух революций». Л., 1934, с. 117, 140).

[5] Е. П. Иванов, ближайший друг Блоков, посвященный во все обстоятельства их отношений с Бугаевым.

Л. Д. БЛОК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург〉, 2-го октября 〈1906 г.〉

Вы должны помнить, что я Вас посылала на смерть; мне легче это делать, чем давать свое согласие, явно или тайно, на поступки непорядочные. Помните, я всегда готова повторить, что уже сказала раз: или изменитесь, или умрите (если жизнь для Вас связана с общением со мной). Все это говорю, получив «Золотое Руно» и прочитав Вашу повесть [1].

Ее напечатание — поступок глубоко непорядочный: нельзя так фотографически описывать какую бы то ни было женщину в рассказе такого содержания; это общее и первое замечание; второе — лично мое: Ваше издевательство над Сашей. Написать в припадке отчаяния Вы могли все; но отдать печатать — поступок вполне сознательный, и Вы за него вполне ответственны. Вы знали, *что* делаете, и решились на это. Даже не потребовали, какой бы то ни было ценой, Вашей повести обратно, вернувшись из Петербурга, с надеждой на будущее, зная, какое оно должно быть. Это непорядочно. Чем Вы искупите этот поступок? На основании чего Вы хотите заставить меня верить в *новое* будущее, в Вас обновленного? Зачем с первого шага такой провал в ненавистное мне время моей распущенности [2] и Ваших безумий? [3]

Оправдайте себя — не словами, а делом, заставьте поверить словам о новом.

Л. Блок

ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 131—132. Год проставлен по содержанию.

Письмо вызвано появлением в «Золотом Руне» (1906, № 7-9) рассказа Андрея Белого «Куст». Л. Д. Блок и А. А. Кублицкая-Пиоттух восприняли его как очередную оскорбительную выходку Белого (ср. ниже в дневнике М. А. Бекетовой запись под 21 октября 1906 г.). Блок, по-видимому, не придал ни рассказу, ни факту его публикации особого значения; помимо только что указанного свидетельства в дневнике тетки, можно сослаться и на то, что в ответ на заявление Белого — «то, что мне писала Л〈юба〉 о «*Кусте*» — ложь» — Блок писал: «...о «Кусте» я совсем не думал и не думаю и не могу обижаться» (« А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 181—182). В мемуарах Белый утверждал, что в его рассказе — «ни намеков, ни иоты «памфлета»; сплошная депрессия» (Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 138); следует отметить, что фабула «Куста» лишь со значительными натяжками может быть прочтена как проекция отношений между Белым и Блоками.

[1] Приведем отзыв о рассказе Белого С. М. Соловьева: «Тройной номер «Руна» — превосходен. Твой «Куст» — безупречно совершенен, и в печати выигрывает. Это хороший знак» (письмо от 7 октября 1906 г.— ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 6, л. 5). Соловьев не имел в это время никаких сношений с Блоком.

[2] 16 октября 1906 г. Л. Д. Блок, подводя черту наиболее мучительному этапу своих отношений с Белым: писала: «Я знаю, что во всем том ужасном, что происходило и еще происходит, виноваты мы *все*. Я больше всех, потому что мне было дано больше всего устоев и твердости, и я больше всех предала себя черту (или злу, все равно). Этим я страшно подорвала свое уважение к себе (безмерное прежде) и потому так мелка бываю теперь в моих стремлениях уничтожить все остатки наделанного зла. Еще раз хочу повторить Вам, в чем зло: я всегда *знала*, что любовь одна, и если для выяснения отношений моих с Вами дала волю влюбленности, это был разврат, и я это *знала*. Этим я загубила, может быть, даже навек, Вас и то настоящее, что было у нас родственного. Теперь я всеми силами хочу вернуть себе свое уважение и не пойду ни на один компромисс. Не Вы один виной в том, виноваты *все* окружавшие Вас, но вышло так, что жизнь опустошила Вас совсем, и Вы легко теперь бросаетесь, куда бросает Вас среда, а среда Ваша — кошмар для меня — все это скорпионство, незаметно для Вас, ставшее Вам уже присущим» (ГБЛ, ф. 25, к. 9, ед. хр. 18, л. 135—136).

[3] Ср., помимо приведенного в прим. 2 письма Л. Д. Блок, и другое, от 9 октября, где она, заявив: «Скажу Вам прямо — не вижу больше ничего общего у меня с Вами», обвиняя Белого в публикации не только «Куста», но стихотворений, в которых ею угадывалась все та же биографическая основа, единственным условием восстановления дружбы между нею и Белым полагала «и чтобы теперешний, распущенный, «скорпионовский» до хулиганства, Андрей Белый совершенно исчез, и пришел кто-то новый» (там же, л. 133—134 об.).

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКАЯ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

〈Петербург. Октябрь, до 14, 1906 г.〉

В. Ф. Коммиссаржевская просит Вас и Лидию Дмитриевну почтить своим присутствием первую Субботу «Драматического театра», имеющую быть 14 октября во временном помещении театра (Английский пр. 30, кв. 34). А. А. Блок прочтет свою пьесу «Король на площади».

ГБЛ. ф. 109. Писарское, без подписи, на бумаге «Драматического театра» В. Ф. Коммиссаржевской». Тот же текст, адресованный К. А. Сомову, в кн.: «О Коммиссаржевской. Забытое и новое. Воспоминания. Статьи. Письма». М., 1965, с. 170.

Поскольку помещение театра на Офицерской улице было еще не готово, до открытия сезона 1906—1907 гг. Коммиссаржевская в своем репетиционном зале устроила три субботы, на которых труппа театра принимала литераторов и художников, близких по духу. «При театре В. Ф. Комиссаржевской учреждается нечто вроде артистического клуба. Распорядительницей-хозяйкой избрана М. В. Кондратьева»,— сообщала хроника журнала «Театр и искусство» (1906, № 42, 15 октября, с. 638). Эти яркие творческие вечера, открывшие для Блока и других участников зиму «Снежной маски», описаны — с некоторыми хронологическими неточностями — в исследовательской и мемуарной литературе (например: Н. В о л к о в, Мейерхольд. Т. 1. 1874—1908. М.—Л., 1929, с. 262; В. П. Веригина. Воспоминания. Л., 1974, с. 87—90). Точный перечень «суббот» дает А. Дьяконов (Ставрогин): «14 октября А. Блок читал «Короля на площади». 21 октября «кружок молодых» на маленькой импровизированной сцене при свете факелов читал «Дифирамб» Вячеслава Иванова (опубликован: «Факелы», кн. первая, СПб., 1906, с. 5—9 — *Н. К.*). В третью «субботу», 28 октября, Федор Сологуб читал «Дар мудрых пчел». После Сологуба читали свои новые стихи Вячеслав Иванов и приехавший из Москвы Валерий Брюсов» («О Комиссаржевской», с. 82—83). На этом «субботы» прекратились.

Чтение «Короля на площади»,— пишет А. Дьяконов,— прошло с большим успехом. Блок был героем вечера. Он читал свою пьесу высоким, чуть-чуть глуховатым голосом, легко и красиво, с глубоким внутренним волнением, которое он сумел передать всем» (там же, с. 83). Было принято решение ставить пьесу Блока в тот же сезон в Театре В. Ф. Коммиссаржевской (см. ниже письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух Е. П. Иванову от 27 октября 1906 г.), но драматическая цензура ее не пропустила).

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — М. М. ЗАМЯТНИНОЙ

Петербург, 17 октября 1906 г.

〈...〉 Интересные собрания затеяла Коммиссаржевская в своем театре по субботам: новое искусство и актеры. Каждый раз чтения драматических новых произведений и стихов. Было первое собрание. Читал Блок драму. Мейерхольд — режиссер ее — умоляет и торопит нас с Вячеславом с нашими драмами [1].

ГБЛ, ф. 109.

О субботах в Театре В. Ф. Коммиссаржевской и чтения Блока см. прим. к предыдущему письму.

[1] Речь идет, по всей видимости, об одной из двух трагедий Вяч. Иванова — «Ниобее» либо «Прометее», над которым работал поэт, и о пьесе Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел», входивших в репертуарные планы Театра Коммиссаржевской.

С. А. СОКОЛОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

25 окт〈ября〉 1906 г.

〈...〉 Все Ваши стихи пойдут во II №. Делаем это потому, что иначе все крупные поэты окажутся представленными в I №, а II окажется более бледным. В I № из больших поэтов будет Бальмонт и Сологуб, во II — Вы и Блок [1].

〈...〉 «Перевальские» дела идут отлично. Подписка ширится, как мы даже не ждали.

ГБЛ, ф. 25, к. 23, ед. хр. 2, л. 33. Автограф на почтовой бумаге журнала «Перевал».

После выхода из «Золотого руна» Соколов задумал серию сборников (см. наст. т. кн. 2, с. 542—543); в августе 1906 г. некий Линденбаум обещал «дать деньги на 3 сборника в течение зимнего сезона 〈...〉, а будущей осенью он предлагает,— писал Соколов В. Ф. Ходасевичу,— мне сделаться полноличным редактором журнала» (ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 78, л. 18. Письмо послано 5 августа, в тот же день, что и цитированное выше письмо Блоку). Но уже 22 августа Соколов сообщал тому же адресату, что «с Линденбаумом налаживается журнал», который «начнем с ноября» (там же, л. 19). «Перевал» стал третьим — рядом с «Весами» и «Золотым руном» — модернистским изданием; от двух других он отличался определенно выраженным политическим радикализмом. Позиция «Перевала» в бесконечных раздорах внутри символистского лагеря определилась застарелой враждой Соколова с «Скорпионом» и его «Весами» (Брюсов сразу отказался сотрудничать в новом журнале — ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 78, л. 19) и недавним столкновением Соколова с Н. П. Рябушинским — издателем «Золотого руна» (ср. ЛН, т. 85, с. 496—497).

[1] В первом номере «Перевала» были напечатаны два стихотворения Сологуба, три — Бальмонта, два — самого Сергея Кречетова (С. А. Соколова), а также стихотворение В. Зоргенфрея; Блок поместил в нем заметки о книге А. Горнфельда (V 636) и переводах И. Тхоржевского (V, 625). Во второй номер вошли четыре стихотворения Белого, два — Бунина, два — Блока («Корабли идут» и «Рабочие на рейде») и по одному — Г. Чулкова и И. Новикова.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Петербург.〉 27 октября 1906 г.

〈...〉 Переписываю «Короля» и прихожу в отчаяние от незрелости этого произведения и от несостоятельности третьего акта [1].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

[1] Драма Блока «Король на площади» во второй редакции, законченной 10 октября 1906 г. (IV, 573). Быть может переписывать драму нужно было для драматической цензуры, в связи с ее предполагавшейся постановкой в Театре В. Ф. Коммиссаржевской. 18 октября Блок сообщал матери: «Вчера получил письмо от Мейерхольда, пишет, что решили поставить «Короля на площади» в этом же сезоне. Тороплюсь переписывать для драмат〈ической〉 цензуры, так что палец болит» («Письма к родным», I, с. 157—158).

Н. М. МИНСКИЙ — Л. Н. ВИЛЬКИНОЙ

〈Париж〉 28 ноября н. ст. 〈1906 г.〉

〈...〉 Какая обида, что у Ком〈миссаржевской〉 будут играть пьесу идиота Блока! Они убьют свой театр! [1]

ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, ед. хр. 884(1).

Николай Максимович *Минский* (наст. фам. Виленкин, 1855—1937) — поэт, философ, публицист, один из первых русских символистов. Людмила Николаевна *Вилькина* (Виленкина, 1873—1920) — жена Минского, писательница символистского круга.

[1] Имеется в виду постановка В. Э. Мейерхольдом «Балаганчика» в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

К. А. СЮННЕРБЕРГ — ФЕДОРУ СОЛОГУБУ

С〈анкт〉 П〈етер〉б〈ург〉, 16 ноября 1906 г.

〈...〉 Если хотите видеть тех, кто очень хочет видеть Вас, то приходите в субботу, в 10 ч. вечера пить вино в ресторан Кина на Фонарном переулке (Honni soit gui mal y pense). Спросите большой кабинет наверху. Увидите там Чулкова, Блока, Мейерхольда, кое-кого из актеров, Кузмина, меня. 〈...〉

ЦГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 428.

Приглашение Блоку на эту встречу актеров и литераторов было отправлено Г. И. Чулковым в тот же вечер:

«Дорогой Александр Александрович!

Приходите в субботу, в 10 ч. вечера, 18 ноября в ресторан «Кин» в Фонарном переулке. Там будет, быть может, что-нибудь смешное. Пишу Вам по просьбе П. М. Ярцева. Будет, вероятно, Ф. Сологуб. Денег много ненужно, да и без денег можно.

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш Георгий Ч у л к о в

P. S. Кабинет — наверху!»

(ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 9; на фирменной почтовой открытке журнала «Вопросы жизни»; датируется по почт. шт.). Скорее всего, Блок в ресторане не был: в письме к матери от 19 ноября 1906 г. он говорит только о посещении накануне Пяста, где «было скучно» («Письма к родным», I, с. 159); другой предполагавшийся участник встречи, М. А. Кузмин, также в своем дневнике упоминает Блока лишь среди гостей Пяста (см. наст. т., кн. 2, с. 153).

Е. П. ИВАНОВ
Фотография, 1900 (?)
Музей истории Ленинграда

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Петербург. 17 ноября 1906 г.〉

Милый Женя, я прочла Ваше письмо к Саше о бездне [1]. Мне вот как кажется: «мы не кокетничаем с бездной, не сочиняем ее литературно, поэтически»... а мы *привыкли к ней*. Потому и перестали ее видеть. Человек может акклиматизироваться на столбе, пожалуй, и на коле.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60. Датируется по почт. шт.

[1] Отрывки из письма Иванова к Блоку от 14 ноября 1906 г., в котором развивается тема «бездны» и отношения к ней поэта, приводятся в комментариях А. Косман в кн.: «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову». М.— Л., 1936, с. 116. Ответное письмо Блока от 15 ноября 1906 г. см. там же, с. 54—56.

С. А. СОКОЛОВ — Г. И. ЧУЛКОВУ

18 ноября 1906 г.

...Письма Ваши оба получил [1] и написал Блоку о рецензии относительно книги Зайцева [2].

А. А. Блок изъявил желание написать «Письмо из СПБ» о нескольких новых постановках Коммиссаржевской [3], но мне очень хочется предложить это Вам. (В «Перевале» есть достаточно материала от А〈лександра〉 А〈лександровича〉 и, в частности, для 2 №) [4], и я пустился на некую невинную хитрость: написал А〈лександру〉 А〈лександровичу〉, что его письмо задержалось на почте и я тем временем уже направил предложение Вам. Сохраните маленькую тайну.

Хотелось бы, чтобы Вы дали письмо о театре Коммиссарж〈евской〉 ко 2 №. (Прислать придется самое позднее к 28 числу.) Если за это время пройдут не все новые постановки, напишите мне для 2 № об уже состоявшихся. Хорошо бы строк 150 [5]. 〈...〉 «Перевал» выходит 20-го [6].

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 2. Автограф на почт. бумаге журн. «Перевал».

[1] Эти письма неизвестны.
[2] См. наст. т., кн. 2, с. 547.
[3] Это письмо Блока до нас не дошло.
[4] Во втором номере «Перевала» кроме все же появившейся статьи Блока «Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской. (Письмо из Петербурга)» (V, 95—98), были напечатаны только два его стихотворения.
[5] Чулков отказался от предложения Соколова. Во втором номере появилось «Письмо» Блока, а Чулков дал статью о «Балаганчике» в четвертый номер «Перевала».
[6] Т. е. № 1 журнала, в котором Блок напечатал рецензии на книгу переводов И. Тхоржевского «Tristia» (СПб., 1906) и книгу А. Г. Горнфельда «Муки слова» (СПб., 1906) — см., соответственно, V, 625 (ср. V, 782) и V, 636.

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва, 25 ноября ‹1906 г.›

Я еще в августе обещал «Руну» рецензию на книгу Блока. Теперь Курсинский [1] говорит, что ты хочешь о ней писать. Не уступишь ли мне? А то для меня очень важно написать эту рецензию. Если ты непременно хочешь написать о Блоке в «Руно», я предложу рецензию в «Перевал».

ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 6, л. 13.

Белый вел переговоры с редакцией «Золотого руна» о рецензии на «Нечаянную радость» с сентября 1906 г. «Книгу Блока Вам вышлю, когда получим ее,— обещал ему А. А. Курсинский в недатированном письме,— а пока ничего интересного нет, чтобы послать Вам для рецензии» (ГБЛ, ф. 25, к. 28, ед. хр. 6, л. 64 об.). Позже, по-видимому, в начале октября (письмо также недатировано), тогдашний секретарь редакции Г. Э. Тастевен уверял Белого: «Что же касается рецензии о Блоке, то она будет принята с большим удовольствием, о чем уже писал Александр Антонович, как он мне сообщил» (там же, л. 16). Однако Белый уступил просьбе Соловьева, чья рецензия на «Нечаянную радость» и появилась в № 1 «Золотого руна» на 1907 г. (с. 88—89) — см. о ней в предисловии к изданию переписки Блока с Соловьевым, наст. т., кн. 1. Белый писал о книге в журнале «Перевал» — см. письмо С. А. Соколова к нему от 24 декабря 1906 г., ниже.

[1] А. А. Курсинский в это время был членом редакции в «Золотом руне».

А. А. КУРСИНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

‹Москва, 1906 г., ноябрь.›

‹...› редакционные дела складывались так, что ничем порадовать Вас было нечем. Установленный объем номера «Руна» в 96 страниц так стеснил меня в верстке материала, что мне не только не удалось поместить Ваших вещей [1] в 10 №, но еще пришлось снять с программы давно набранную вещь Блока [2] и ряд библиографий.

ГБЛ, ф. 22, к. 28, ед. хр. 6, л. 3. Автограф. Датируется по содержанию.

Александр Антонович *Курсинский* (1873—1919) — литератор, член редакции журнала «Золотое руно».

[1] Речь идет, по-видимому, о цикле из двух стихотворений Андрея Белого «Обыденность» и его статьях «Принцип формы в эстетике» и «Письмо из Мюнхена», помещенных в следующем, сдвоенном (№ 11-12) выпуске «Золотого руна».
[2] Курсинский имеет в виду, по всей вероятности, статью Блока «Безвременье», также опубликованную в № 11-12 «Золотого руна», непосредственно перед «Письмом из Мюнхена» Андрея Белого (соответственно с. 107—114 и 115—118).

С. А. СОКОЛОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

2 дек‹абря 1›906

‹...› На днях состоится заседание жюри «З‹олотого› Руна», где под председательством Шинского [1], г.г. Брюсов, Курсинский, В. Иванов и Блок будут присуждать патенты от имени русской литературы.

ГБЛ, ф. 25, к. 23, ед. хр. 2, л. 36 об.

В майском номере «Золотого руна» редакция журнала объявила литературно-художественный конкурс на тему «Дьявол». Подробное описание работы жюри (членов которого по литературному отделу перечисляет Соколов) — в письме В. Я. Брюсова к З. Н. Гиппиус от 27 декабря 1906 г. (ЛН, т. 85, с. 687—688). Первые премии среди прозаических произведений получили рассказы М. А. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютельмайер» и А. М. Ремизова «Чертик» (ср. ЗК, 85); среди стихотворений только одно было удостоено — второй премии: сонет А. А. Кондратьева «Пусть Михаилом горд в веках Иегова...». Произведения, премированные и отмеченные поощрительными отзывами жюри, опубликованы в «Золотом руне» (1907, № 1). Блок выехал в Москву 1 декабря; жюри заседало 2, 3 и 4 декабря (см.: «Отчет жюри по конкурсу „Золотого руна“ на тему „Дьявол“» — «Золотое руно», 1907, № 1, с. 74); 2 декабря Блок встретился в редакции журнала с Б. К. Зайцевым и передал ему какое-то поручение от Г. И. Чулкова (как это следует из письма Зайцева к последнему от 3 декабря 1906 г.: «Вчера видел на минутку в „Зол〈отом〉 руне“ Блока,— все Вам сделаю сейчас же и аккуратнейшим образом» (ГБЛ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 40, л. 25 об.). 7 декабря Блок писал Е. П. Иванову из Петербурга: «Москва обошлась для меня скорее хорошо. Много дикого, смешного и грустного〈...〉 С Вячеславом 〈Ивановым〉 очень сблизился, и многое мы поняли друг в друге» (VIII, 168).

[1] *Н. Шинский* — псевдоним Н. П. Рябушинского, редактора-издателя «Золотого руна». Литературные притязания мецената были осмеяны в журнале Соколова («Перевал», 1906, № 1), что привело его к конфликту с Вяч. Ивановым (ЛН, т. 85, с. 497).

С. Ю. СУДЕЙКИН — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

〈Петербург. Первая половина декабря 1906 г.〉

〈...〉 Я знаю от М. А. Кузмина, что уже начались считки «Балаганчика» Блока [1] и что музыку поручено писать Кузмину. Желание Кузмина и мое было совпасть в какой-нибудь постановке, что не раз высказывал Вам. Михаил Алексеевич высказывал мне прямо, что желал бы писать музыку к моим декорациям [2]. По сообщению Кузмина знаю, что и А. Блок этого желает...

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2405, л. 1. Автограф.

[1] Работа над «Балаганчиком» в театре В. Ф. Комиссаржевской началась 10 декабря — «О Коммиссаржевской. Забытое и новое. Воспоминания. Статьи. Письма». М., 1965, с. 85.

[2] Художником постановки, однако, оказался Н. Н. Сапунов. И Кузмин был огорчен таким выбором, несмотря на дружбу и с этим художником; 22 декабря 1906 г. он писал В. Э. Мейерхольду: «Не скрою, что музыка была бы гораздо удачнее, гораздо окрыленнее, если бы я соработал с Сергеем Юрьевичем (Судейкиным.— *Н. К.*), и мне кажется, что это было *не* невозможно» («В. Э. Мейерхольд. Переписка. 1896—1939». М., 1976, с. 81).

С. А. СОКОЛОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

24 дек〈абря〉 1906

〈...〉 О Бердяеве (Sub specie aeternitatis) рецензию присылайте (только именно рецензию для библиографии, а не специальную статью) [1]. Присылайте также и о «Нечаянной радости», и тоже во образе рецензии, а не особой посвященной Блоку статьи [2]. У нас в «Перевале» пришли к убеждению, что лучше избегать особых статей, посвященных творчеству у нас же участвующих писателей. А то как-то по семейному выходит? Правда?

ГБЛ, ф. 25, к. 23, ед. хр. 2, л. 37. Автограф; на почт. бумаге журн. «Перевал».

[1] Названную книгу Н. А. Бердяева (СПб., 1907) в «Перевале» рецензировал не Белый, а Б. Грифцов (1907, № 5, март).

[2] Рецензия Белого на книгу Блока (несколько более пространная, нежели обычная рецензия «Перевала») появилась в № 4 (февраль) на 1907 г.— вероятно, Белый предложил ее в связи с письмом к нему С. М. Соловьева от 25 ноября 1906 г. (см. выше).

М. А. ВОЛОШИН — В. Я. БРЮСОВУ

〈Петербург. Между 9 и 28 декабря〉 1906 г.

〈...〉 Посылаю Вам мою статью о театре — я думаю она будет Вам интересна [1]. Мне хочется написать об театре Коммиссаржевской для «Весов», но не панегирик, как здесь (по тактическим соображениям — в защиту прин-

ципа), а сериозный и строгий разбор, опирающийся на те же принципы, что изложены в данных статьях. Хотите для январского №? Тогда напишите сроки присылки: это необходимо мне знать [2].

С другой стороны, мне очень интересно посмотреть, что они сделают с «Балаганчиком». «Вечная сказка» — плохо [3]. Положим, и пьеса очень слаба.

ГБЛ, ф. 386, к. 80, ед. хр. 34, л. 18—19. Датировка — на основании упоминающейся в письме статьи Волошина (см. прим. 1) и спектакля «Балаганчик», который он видел на генеральной репетиции — 28 декабря («О Коммиссаржевской. Забытое и новое. Воспоминания. Статьи. Письма». М., 1965, с. 86).

[1] При письме Волошин послал Брюсову, по всей вероятности, свою статью «„Сестра Беатриса" в постановке театра В. Ф. Коммиссаржевской» («Русь», 1906, № 71, 9 декабря); в настоящее время приложения к письму в архиве нет.

[2] В «Весах» 1907 г. Волошин о Театре Коммиссаржевской не писал; в № 5 журнала появилась статья М. А. Кузмина. «О театре Коммиссаржевской».

[3] «Вечную сказку» С. Пшибышевского Волошин мог видеть уже на генеральной репетиции 28 ноября 1906 г.; вторая генеральная репетиция прошла 3-го, а премьера — 4 декабря 1906 г.

В. М. АНДРУШЕВИЧ — А. А. ДЬЯКОНОВУ

С⟨анкт⟩-П⟨етер⟩б⟨ург.⟩ 29 декабря 1906 г.

⟨...⟩ на днях наш квартет, без одного и самого гармоничного инструмента, собрался у Кана [1]. Они меня заставили прочесть громко «Балаганчик» Блока, затем были всевозможные разговоры с целью разобраться в этой вещи, и когда мы этого достигли, то прочли статью Г. Чулкова о пьесе в «Молодой жизни». Оказалось, что понимание и толкование почти ни в одной точке не сошлись, хотя вообще статья не из ясных и кое-как с нами может быть примирена [2]. Завтра пойдем смотреть пьесу [3]. Вообще в тот день настроение было кисло-сладкое, не произошло ничего характерного и все-таки мы написали тебе шутливую телеграмму, ты получил ее? [4]

ЦГАЛИ, ф. 2398, оп. 1, ед. хр. 191, л. 24—25.

Вера Михайловна *Андрушевич* (по сцене Полевая) — к моменту написания письма — начинающая актриса; в сезоне 1908—1909 гг. играла в Театре Коммиссаржевской; впоследствии — жена Дьяконова.

Александр Александрович *Дьяконов* (по сцене Ставрогин) (1882—1963) — актер и режиссер, писатель; играл в Театре Коммиссаржевской в последнем его сезоне; автор специального исследования «Александр Блок в театре Коммиссаржевской» (в кн.: «О Коммиссаржевской. Забытое и новое. Воспоминания. Статьи. Письма», с. 81—116).

[1] Александр Осипович *Кан* — друг Дьяконова и Андрушевич.

[2] Имеется в виду статья Г. И. Чулкова, написанная в связи с постановкой «Балаганчика»: «Молодая жизнь», 1906, № 4 (27 декабря), с. 3—4.

[3] Речь идет о премьере «Балаганчика» в Театре Коммиссаржевской; отзыв о ней В. М. Андрушевич см. ниже, с. 265.

[4] Текст телеграммы Андрушевич от 28 декабря 1906 г., адресованной в Москву Ю. К. Балтрушайтису и А. А. Дьяконову (родственнику жены Балтрушайтиса) (ЦГАЛИ, ф. 2398, 1.191, л. 23): «Расстроенный квартет, воприяв мистический скепсис соборно прочтенного «Балаганчика», дружным аккордом славит далекого друга».

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

⟨Петербург.⟩ 31 декабря 1906 г.

⟨...⟩ P. S. «Балаганчик» прошел со «скандальчиком»: и хлопали, и свистели. Был Ходский [1]. ⟨...⟩

P. P. S. Блок выходил кланяться с глупенькой улыбкой. Ужасно был смешон и трогательно прижимал к сердцу крошечный букетик, брошенный женской рукой. После спектакля мы с Блоком почему-то целовались.

Кто-то наверху свистел в свисток, угрюмо и упорно [2]. Четвертого числа Блок пригласил меня к себе обедать. После обеда я буду читать свою пьесу [3], а потом вместе отправимся смотреть «Трагедию любви» [4].

ЦГАЛИ, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 480, л. 39.

Надежда Григорьевна *Чулкова* (1874—1961) — жена Г. И. Чулкова.

Премьера «Балаганчика» на сцене Театра В. Ф. Коммиссаржевской состоялась 30 декабря 1906 г. Постановку осуществил В. Э. Мейерхольд; пьеса шла в декорациях Н. Н. Сапунова, с музыкой М. А. Кузмина; в один вечер с блоковской пьесой шло «Чудо странника Антония» М. Метерлинка. Работа над спектаклем началась 10 декабря. На первой репетиции Чулков выступил перед актерами со словом о пьесе Блока, легшим в основу его статей «О новом театре» («Молодая жизнь», 1906, № 4, 27 декабря) и «Балаганчик» («Перевал», 1907, № 4, февраль); Блок находил высказывания Чулкова о «Балаганчике» глубоко верными («Письма Александра Блока», с. 134). Кроме того, Чулкову принадлежит специальная статья «К истории „Балаганчика“» («Культура театра», 1921, № 7—8) и воспоминания о его премьере (Георгий Чулков. Годы странствий. М., 1930, с. 221). Тотчас же после премьеры Чулков писал в газетной рецензии: «„Лирические сцены“ Александра Блока совершенно не приспособлены к условиям современной сцены; все, что возможно было сделать в пределах этих условий, было сделано режиссером. Г. Мейерхольд играл Пьеро. Он сумел воплотить этот странный символ, созданный мечтою поэта. Из других исполнителей отметим г. Голубева, г-жу Мунт, г-жу Веригину и г-жу Волохову: они постигли печаль и лиризм, скрытый под шутовскими масками. Отношение публики к „Балаганчику“ было далеко не равнодушно и не единодушно. Были аплодисменты и были протесты. Во время шумных вызовов автора упорно звучал чей-то свисток, а в партере слышались фразы: „Нет, вы мне объясните, что это такое“» («Товарищ», 1907, № 154, 1 января; подписано — «Tch.»). Постановку Мейерхольда Чулков вскоре называл уже «смелой и сильной» (в рецензии на постановку пьесы Г. Гейборга — см. ниже, прим. 4), а много лет спустя писал, что в ней Мейерхольд «достиг полной и совершенной творческой удачи» («Письма Александра Блока», с. 159); Мейерхольд посвятил свою режиссерскую работу в «Балаганчике» Чулкову («В. Э. Мейерхольд. Статьи. Письма. Речи. Беседы», ч. 2, с. 232).

[1] Л. В. *Ходский* (1854—1919) — либеральный экономист и публицист, профессор Петербургского университета и Лесного института; основатель «культурно-просветительного товарищества „Наша жизнь“», издававшего несколько либеральных газет — «Наша жизнь», «Столичная почта», «Товарищ», где печатались Блок и Чулков. Последний в это время был театральным обозревателем в «Товарище»— ср. I, 555.

[2] В другом описании премьеры «Балаганчика», публикуемом ниже, как и в свидетельствах мемуаристов, например, В. П. Веригиной («Воспоминания», М., 1974, с. 106) тоже говорится о «свистках». Письмо Чулкова подтверждает запись Блока: «Вчера, 30.XII, я выходил на сцену 4 раза. Один пронзительный свисток и аплодисменты. Кланялся тому и другому» (ЗК, 91; ср. VIII, 176).

[3] См. ниже, с. 267.

[4] На 4 января 1907 г. в Театре Коммиссаржевской была назначена премьера «бездарной пьесы» (по выражению одного из руководителей театра, Ф. Ф. Коммиссаржевского — см.: Н. Волков. Мейерхольд. Т. I. 1874—1908. М.—Л., 1929, с. 309) Г. Гейберга «Трагедия любви», но спектакль был перенесен на 8 января. Чулков дал на него отрицательную рецензию — «Товарищ», 1907, № 161, 10 января.

В. М. АНДРУШЕВИЧ — А. А. ДЬЯКОНОВУ

С⟨анкт⟩-П⟨етербург⟩, 31 декабря 1906 г.

Вчера ⟨...⟩ мы смотрели «Балаганчик» и «Чудо странника Антония» [1]. Более дикого впечатления, чем то, которое остается от «Балаганчика», немыслимо себе представить. Если в чтении, при некотором напряжении головного аппарата, можно что-нибудь понять, то в их изображении — ровно ничего!

У них даже не было внешнего стиля игры. Если они хотели дать марионеток, то они их не дали, а как жизнь, ее вихрь и борьба— это было мертвенно неподвижно! Дико! Публика ничего не разобрала, но вызывала Александра Блока и хлопала ему, но было и шиканье и свистки — это публика посторонняя, а не друзья декадентов!

ЦГАЛИ, ф. 2398, оп. 2, ед. хр. 191, л. 26.

[1] По цензурным соображениям подлинное название пьесы М. Метерлинка (шедшей в Театре Коммиссаржевской в один вечер с драмой Блока) — «Чудо святого Антония»— было изменено.

Г. И. ЧУЛКОВ — С. А. СОКОЛОВУ

2 января 190⟨7⟩ г.

⟨...⟩ Грубая полемика сборника «К вершинам» произвела на меня неприятное впечатление, но воздействовать на редакцию этого сборника я — к сожалению — не могу: я никакого отношения к этой редакции не имею: я обещал свое сотрудничество в этом сборнике по просьбе Блока, который так же, как и я, возмущен полемическими выходками «К вершинам». В печати я не могу протестовать потому, что не так давно мне пришлось отказаться от протеста по поводу подобного же случая [1]. Вы знаете, я подвергся еще более грубым и циничным нападкам, но все эти грязные истории до того отвратительны, что, мне кажется, единственным выходом из этой сети пошлости и глупости может быть только *Молчание.*

ГБЛ, ф. 499, к. 1, ед. хр. 21, л. 1. В подлиннике ошибочно проставлен 1906 г.

16 ноября 1906 г. начинающий литератор Е. А. Казаков писал И. Ф. Анненскому: «Кружок студентов Московского университета издает в пользу недостаточных студентов сборник «К вершинам!» ⟨...⟩ Сборник будет издаваться ежемесячно при участии К. Д. Бальмонта, Ал. Блока, В. Я. Брюсова, Леон. Андреева, М. Ф. Ликиардопуло и т. д.» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 366). Этот замысел развился в эфемерное издательство «Самоцвет», выпустившее в конце 1906 г. единственный сборник «Хризопрас» (заглавие «К вершинам!» было оставлено); задуманные альманахи «Гранат», «Топаз», «Рубин» и т. д. не были осуществлены. В «Хризопрас» дали свои произведения Брюсов, Ремизов, Блок (Бальмонт, Л. Андреев, Анненский в нем не участвовали); Блок, кроме того, хлопотал о привлечении в альманах петербургских писателей.

За подписью «W» в «Хризопрасе» появилась заметка «О мертворожденном. (По поводу журнала «Перевал»)», в которой грубым нападкам подвергся и журнал, редактируемый Соколовым, и сам редактор лично, что вызвало негодование Блока (ЗК, 86), подписавшего заявление протеста — см. наст. кн., с. 268 (ср. также отклик Брюсова — ЛН, т. 85, с. 689).

[1] По-видимому, Чулков имеет в виду какие-то полемические выпады против него в связи с его книгой «О мистическом анархизме» и альманахом «Факелы» (и то и другое — СПб., 1906).

ФЕДОР СОЛОГУБ — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Петербург, 4 января 1907 г.

⟨...⟩ Понятно, что идиотское отношение газет должно Вас огорчить. Публика не понимает «Балаганчика»,— он для нее слишком неожидан; м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, следовало бы сначала поставить какую-нибудь старую арлекинаду; сам автор теперь находит, что многое в пьесе слишком кратко, не развилось для сцены [1]. Но все это не освобождает газетных театралов от обязанности понимать.

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2383, л. 14—14 об.

Если в зрительном зале на спектаклях «Балаганчика», несмотря на яростный свист части публики, громче звучали, по свидетельствам всех мемуаристов, овации сторонников нового театра, то в газетных и журнальных рецензиях Блока, как пишет Л. К. Долгополов (IV, 571) «ожидала стена непонимания» (см. также: К. Рудницкий. Режиссер Мейерхольд. М., 1969, с. 91—95). Этим обстоятельством и вызвано негодование Сологуба на «газетных театралов».

[1] По-видимому, Сологуб передает устное высказывание Блока. Позже, в предисловии к сборнику «Лирические драмы» (1908), помеченном августом 1907 г., Блок писал: «Уже самое техническое несовершенство этих первых моих опытов в драматическом роде свидетельствует о том, что ни одна из трех пьес не предназначалась для сцены» (IV, 434). Это не вполне верно применительно, прежде всего, к «Балаганчику»: как известно, самый замысел лирической драмы Блока явился из репертуарных потребностей организовывавшегося театра «Факелы» (IV, 567).

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

⟨Петербург⟩, 4 января 1907 г.

⟨...⟩ Читал я пьесу [1] свою Лид⟨ии⟩ Дм⟨итриевне⟩ и Вяч⟨еславу⟩ Ив⟨ановичу⟩. Им понравилась она, и они предлагают издать ее в «Орах», но — увы! — без денег [2]. Я переделываю отчасти ее.

4 января обедал у Блока. Ему и Любови Дмитр⟨иевне⟩ также «Тайга» — по-видимому — нравится [3]. Они тебе кланяются.

ЦГАЛИ, ф. 548, 1.480, л. 38а.

[1] Речь идет о пьесе Г. И. Чулкова «Тайга», в которой разработаны основные мотивы раннего творчества Чулкова, связанные с его якутской ссылкой. По-видимому, с одноименным опытом в прозе Чулков хотел ознакомить М. Горького в 1903 г. в Нижнем Новгороде — там же, л. 29, 33.

[2] Упомянуты Л. Д. Зиновьева-Аннибал и Вяч. И. Иванов. «Таежные» реалии в произведениях Чулкова объясняют название посвященного ему стихотворения Вяч. Иванова — «Таежник» — «Cor Ardens», ч. 1. М., 1911, с. 146) — «Оры» — издательство Вяч. Иванова, в котором вскоре вышла «Снежная маска» Блока.

[3] В написанной через год статье «О театре» Блок дал весьма отрицательную характеристику произведению друга: «Георгию Чулкову не удалась драма «Тайга». ⟨...⟩ лирические пророчества холодны, отвлеченны и непонятны ⟨...⟩, и создают к концу драмы полнейшую путаницу; вместо лирической недосказанности получается простая непонятность» (V, 181—182).

Г. И. ЧУЛКОВ

Фотография с дарственной надписью С. М. Городецкому: «Милому поэту Сергею Городецкому с любовью Георгий Чулков. 1908, СПб.»

Частное собрание, Москва

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ — С. А. СОКОЛОВУ

СПб. ⟨Начало 1907 г.⟩

⟨...⟩ Подготовляю и на днях высылаю материал в виде стихов, двух статей о поэзии Блока (Стихи о П⟨рекрасной⟩ Д⟨аме⟩, Драматическая трилогия и Нечаянная Р⟨адость⟩) и петербургских выставках с точки зрения искусства завтрашнего дня, и рецензии о книге Ремизова «Посолонь».

ГБЛ, ф. 499, к. 1, л. 2. Датируется по содержанию.

Предназначавшиеся для журнала «Перевал» статьи Городецкого о Блоке, по-видимому, не были написаны (ср. выше письмо Соколова к Белому от 24 декабря 1906 г.). Не появилась в этом журнале и его статья о петербургских выставках. Рецензия Городецкого на книгу А. М. Ремизова «Посолонь» (М., 1907) — «Перевал», 1907, № 4 (февраль); первое его стихотворение, напечатанное «Перевалом»,— «Прачка» («Высоко-высоко над землей...») — № 5 (март).

А. А. КОНДРАТЬЕВ — С. А. СОКОЛОВУ

⟨Петербург⟩, 13 января ⟨1907 г.⟩

⟨...⟩Сегодня утром опустил я в почтовый ящик конверт с письменным (на ремингтоне) «заявлением» за 3 подписями. Вчера забежал к Блоку пораньше и не убеждая его, а лишь представляя доводы (словом, давления на волю не оказывал), вручил ему для подписи текст, как вы ниже увидите, вполне миролюбивый [1]. Ругательного протеста да еще публичного (для опубликования) никто бы не подписал [2]. На Блока подействовало, что это не протест, а лишь

заявление (а, кроме того, еще кое-что). Слушали вчера чтение «Незнакомки». Чулков с Городецким на диване, Сологуб на мягком стуле у окон, я с Вяч. Ивановым у стола. Тут же был М. Гофман (студент 17-ти лет, пишущий о соборном индивидуализме и сочиняющий стихи). Л. Д. Блок сидела, закутавшись в черный платок, недалеко от читающего мужа... Затем прочитано было два цикла стихотворений хозяина («Снежные маски») [3]. Вяч. Иванов сказал по поводу их, что в них есть что-то Дионисианское [4]. Ф. Сологуб прочитал индийское стихотворение про Лингам Шивы, который целует какая-то пылкая поклонница [5]. Вяч. Иванов, выпустивший «Эрос» [6], прочел стихотворение про 666 положений при любовных занятиях [7]. Городецкий прочел 4 стихотворения, а потом мы с Сологубом поехали домой, остальные же продолжали беседу, ибо им не нужно было вставать в девятом часу утра. Остались у Блока сотоварищи его по книгоиздательству «Оры». Дело в том, что у Вяч. Иванова существует какой-то, тщательно скрываемый им, капиталист... [8]

ГБЛ, ф. 499, к. 1, ед. хр. 13. Год проставлен по почт. шт. на конверте. Частично опубликовано: С. Гречишкин, А. Лавров. Блок и «Перевал» (Эпизод из литературной жизни 900-х гг.).— В кн.: «Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика». Тарту, 1972, с. 65.

[1] Речь идет о «Заявлении» «В редакцию журнала „Самоцвет"», подписанном Блоком, Кондратьевым и Ф. Сологубом, выражающем протест этих писателей против грубой критики в одной из статей альманаха «Хризопрас» по адресу журнала «Перевал», редактировавшегося Соколовым (см. наст. т., с. 266). Текст «Заявления» приложен к письму; он опубликован в названной выше статье С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. С первоначальным проектом протеста Блок, видимо, не согласился (см. наст. том, кн. 1, с. 558), его устроил только текст ⟨...⟩ вполне миролюбивый».

[2] В «Заявлении», в частности, говорится: «Полагая, что личные наши счеты и недоразумения не интересны для читающей публики, мы не настаиваем на напечатании данного заявления».

[3] Блок, рассказывая в письме к матери об этом вечере, называет среди присутствовавших, кроме упомянутых Кондратьевым, также Пяста; он пишет: «Я прочел все стихи и «Незнакомку» и имел успех» (VIII, 173).

[4] Ср. наст. кн., с. 269.

[5] Имеется в виду стихотворение Сологуба «Разбудил меня рано твой голос, о Брама! ...», датированное 7 января 1907 г., впервые опубликовано — «Золотое руно», 1907, № 2.

[6] Книга стихов Вяч. Иванова «Эрос» (СПб., 1907).

[7] Речь идет о стихотворении Иванова «Узлы змеи» («Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда ...»), вошедшем в сборник «Cor Ardens», (М., 1911); датировано 11 января 1907 г. (ГБЛ, ф. 386, к. 57, ед. хр. 9, л. 24), первоначальное заглавие — «Veneris Figurae»; в стихотворениях Иванова и Сологуба использованы темы индийской эротической символики.

[8] В «Орах» вышли также «Перун» Городецкого, «Тайга» Чулкова, «Эрос» самого Иванова; М. Гофман принимал ближайшее участие в работе «Ор». Сведения Кондратьева о капиталисте-меценате, поддерживающем «Оры» (ср. наст. кн., с. 277), по-видимому, неосновательны: «Тайга» Чулкова издана без гонорара автору (см. наст. кн., с. 267), альманах «Ор» выпускается «вскладчину» (см. наст. кн., с. 279): несколько лет спустя издержки по печатанию книги А. Д. Скалдина в «Орах» покрыл сам Иванов (см. письма Скалдина к нему — ГБЛ, ф. 109).

А. А. КОНДРАТЬЕВ — Б. В. БЕРУ

19 января 1907 г.

⟨...⟩ Вчера я получил из книжного магазина Митюрникова второй том твоих стихов [1] для передачи Блоку ⟨...⟩ Книгу передал [2]. Сегодня Ал. Ал. Блок прислал мне письмо, где просит передать тебе его благодарность [3].

При свидании я расскажу тебе про чтение его новой драмы «Незнакомка», происходившей на квартире у Александра Александровича [4].

Куйбышевский литературно-мемориальный музей А. М. Горького, ф. Б. В. Бера. Автограф.

[1] Вторая книга Бера — «Сонеты и другие стихотворения» (СПб., Тип. А. С. Суворина, 1907) — в Петербурге была отдана, вероятно, на комиссию книжному магазину И. И. Ми-

тюрникова, который и рекламировал ее выход в продажу — см.: «Товарищ», 1907, № 180 (1 февраля).

[2] Отзыв Блока о книге Бера (СПб., 1907) — один абзац в самом конце обзора «О лирике» — был более чем безнадежен: «Неумеренно банальна и ненужна толстая книга Б. В. Бера „Сонеты и другие стихотворения“» (V, 159). В связи с этим понятны и слова из письма Кондратьева к Беру от 23 февраля 1907 г.: «О стихах твоих слышал мало, т. к. за исключением вчерашнего дня уже три недели как не видел ни одного поэта. Сологуба я не спрашивал. Блок принадлежит к враждебному тебе лагерю. Остальные вряд ли даже читали. Новые же или «молодые», пожалуй, и не слыхали твоей фамилии, т. к. она не появлялась ни в «Зрителе», ни в приложении к «Руси», ни в «Товарище». Декаденты же и подделывающаяся под них публика, не встречая тебя ни у Вячеслава Иванова с его «Орами», ни на субботниках Коммиссаржевской, ни в «Шиповнике», также игнорирует твое имя. 〈...〉 От меня «молодые» сторонятся. Я не состою членом ни «Ор», ни «Шиповника». Вяч. Иванов меня не любит. С. Городецкий тоже. С Блоком мы в великолепных наружных отношениях» (Куйбышевский литературно-мемориальный музей А. М. Горького, ф. Б. В. Бера).

[3] Письма Блока к Кондратьеву неизвестны.

[4] Речь идет, по всей вероятности, о вечере у Блока 12 января 1907 г.— см. письмо Кондратьева к С. А. Соколову от 13 января 1907 г.— наст. кн., с. 267 (обещанного Беру рассказа мы не знаем).

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — В. К. ШВАРСАЛОН

Петербург, 21 января 1907 г.

〈...〉 Был Блок с женой 〈...〉 Блок читал цикл дивных стихов [1], после которых мне страстно хотелось услышать allegretto 7-й симфонии [2], оно одно было бы воистину достойно музыки трагических и проникновенных слов этого большого поэта. Вячеслав признал его первым лириком по силе и дионисизму [3]. Были еще Городецкий, Чулков и Волошин. 〈...〉

Дальше 4-я новость: Блок сдружился с нами необыкновенно (да: ведь этот его цикл стихов «Снежная маска» набирается уже в «Орах»). Эта дружба делает нам глубокую и большую радость, потому что он высокий человек и страшно строгий и поэтому одинокий. На своей книжке стихов, только что вышедшей, он написал: «Вячеславу Ивановичу Иванову и Лидии Дмитриевне Зиновьевой-Аннибал, любимым, близким и нужным, открывшим мне путь снежный и нужный» [4].

ГБЛ, ф. 109.

Вера Константиновна *Шварсалон* — дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака; впоследствии — жена Вяч. Иванова.

[1] Речь идет о «Снежной маске».

[2] Имеется в виду Седьмая симфония Бетховена.

[3] В феврале 1907 г. Вяч. Иванов писал В. Я. Брюсову: «Литературное событие дня — «Снежная маска» А. Блока, которая уже набирается в «Орах». 〈...〉 По-видимому, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки. Блок раскрывается здесь впервые вполне и притом по-новому, как поэт истинно дионисийских и демонических, глубоко оккультных переживаний. 〈...〉 Дивная тоска, и дивная певучая сила!» (ЛН, т. 85, с. 496—497).

[4] Надпись Блока приведена не совсем точно — см. публикацию «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях» выше в наст. книге.

С. А. СОКОЛОВ — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Москва.〉 5 февраля 1907 г.

〈...〉 Ваша рецензия о Брюсове — весьма остроумна и дьявольски ядовита. Меня только вводит в сомнение то место ее (я его выписал и прилагаю), где трактуется о «потомст〈венном〉 почетн〈ом〉 гражданине» и о «наполеоновской» позе [1]. Боюсь я того, как бы из этих строк инспирации г. Брюсова не подняли бури среди г. г. Писателей, для коих, как убеждаюсь, литературная этика повернута к «Перевалу» железным концом. Как думаете Вы, не начнет тот же Иванов или Блок вопиять, что это не истинный «критический» прием, а выпад личного характера?

Что это место в высшей степени метко бьет в цель, в этом для меня нет сомнения, но что оно может быть «чревато последствиями»,— тоже опасаюсь.

Помыслите об этом и, если, помыслив, согласитесь с моими опасениями, как-нибудь измените и пришлите скорее.

Если Вы уверены безусловно, что петербургские писатели не поднимут шуму, черкните: я оставлю.

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 2, л. 9—10. Автограф на почт. бумаге журн. «Перевал».

В публикуемом письме речь идет о рецензии Чулкова на книгу В. Я. Брюсова «Земная ось» (М., 1907), появившейся без предлагаемых Соколовым перемен в его журнале («Перевал», 1907, № 4, февраль). Еще 29 октября 1906 г. Чулков, имея в виду критическую кампанию Брюсова и З. Гиппиус против «петербуржцев» писал Соколову: «〈...〉 я перечел статьи Аврелия и Антона Крайнего, и они мне показались такими ничтожными по существу, такими неграмотными в философском плане и такими вульгарными по манере написания, что я потерял охоту разговаривать с этими литераторами. Впрочем, если у меня явится подходящее настроение, я напишу что-нибудь по поводу неумности и реакционности (в глубоком смысле) руководителей «Весов» — напишу что-нибудь насмешливое» (ГБЛ, ф. 499, к. 1, ед. хр. 21, л. 2). В своей рецензии на книгу Брюсова Чулков и проводил мысль о том, что брюсовский индивидуализм «уединенной души» потерпел крушение и преодолен в творчестве нового поколения русских писателей; в частности, он противопоставлял Брюсову Блока и Вяч. Иванова: «Московское декадентство все еще живет поверхностным самолюбованием, не ведая Эроса и кокетничая «мрачным» сладострастьем... И это в то время, когда русская литература приближается к музыке, становится событием, «Нечаянной Радостью»» («Перевал», 1907, № 4, февраль, с. 65).

Опасения Соколова вызваны его нежеланием ставить под угрозу свою связь с петербургским кружком символистов: в том же номере, где печаталась рецензия Чулкова, он вынужден был дать место «письму в редакцию» Вяч. Иванова, требовавшего в литературных спорах неукоснительного соблюдения писательской этики (см.: ЛН, т. 85, с. 496—497; ср. письмо другого «петербуржца», С. М. Городецкого, обуславливавшего свое сотрудничество в «Перевале» безусловной литературной корректностью редакции).— ГБЛ, ф. 499, к. 1, ед. хр. 10, л. 1).

[1] В своей рецензии Чулков писал: «Что поражает в книгах, подобных «Земной оси», это — неискушенность их авторов: за «ужасным» лицом и «наполеоновской» позой вдруг открывается благонамеренный почетный гражданин». Слова эти могли быть расценены как личный выпад против Брюсова, поскольку соотносимы с его «хрестоматийным» обликом и биографией.

В. П. ВЕРИГИНА — Г. И. ЧУЛКОВУ

8 февраля 1907 г.

Моя большая, большая просьба к Вам, Георгий Иванович, чтобы Вы были в пятницу на «Комедии любви» [1]. Позволяю себе отнять у Вас ценное время потому, что уверена, что для Вас как для критика, любящего Ибсена [2], так же дорого увидеть живым один из его образов, как для актера дать ему жизнь. 〈...〉 Больше всего верю Блокам, которые меня беспощадно выругали после моего первого спектакля и безумно похвалили в этот раз [3].

ГБЛ, ф. 371, 2.69, л. 1—2.

Валентина Петровна *Веригина* (в замужестве Бычкова) (1885—1974) — драматическая актриса, близкий друг Блока; широко известны ее «Воспоминания» (Л., 1974). В сезон 1906—1907 гг. играла в Театре В. Ф. Коммиссаржевской. Чулков в своем обзоре «Драматический театр в 1906 г.» («Товарищ», 1907, № 157, 5 января; подписано: Tch.) особо выделил двух «маленьких актрис» (как говорили в кругу Блока). «Из молодых артистов были замечены и имели успех 〈...〉 в театре В. Ф. Коммиссаржевской — г-жа Веригина, г-жа Волохова».

[1] Речь идет о постановке в Театре Коммиссаржевской драмы Ибсена «Комедия любви», премьера которой состоялась 22 января 1907 г. В своей рецензии («Товарищ», 1907, № 174, 25 января; подписано: Ч.) Чулков писал: «Свангильд играла г-жа Коммиссаржевская. В театре распространился слух, что артистка больна: в ее игре чувствовалась некоторая усталость». Последний раз Коммиссаржевская выступила в этой роли 27 января, с четвертого спектакля, 30 января, ее заменила Веригина. Таким образом, Блок видел Веригину, как она пишет ниже, 30 января и 5 февраля. Судя по ее «Воспоминаниям» (с. 113), Блок был в театре и на третьем спектакле, в пятницу, 9 февраля, о котором идет речь в этом письме (в спектакле была занята Н. Н. Волохова, игравшая роль фрекен Шере). Однако отметим ошибку памяти мемуаристки: на 9 февраля она относит свое первое выступление в роли Свангильд, тогда как играла ее этим вечером уже в третий раз.

[2] Для Чулкова, как для других символистов и, в первую очередь, Блока, Ибсен был одной из отправных точек собственных духовных исканий. Чулков писал, например: «Символический театр — это Ибсен» (Георгий Чулков. Покрывало Изиды. М., 1909, с. 196). Веригина, несомненно, была знакома с книгой Чулкова «Анархические идеи в драмах Ибсена» (СПб., 1907), а также с рецензиями Чулкова на все ибсеновские постановки Театра Коммиссаржевской, появлявшимися в газете «Товарищ».

[3] Т. е. 30 января и 5 февраля — см. прим. 1. О прямоте блоковских оценок, столь ценимой современниками, дает представление его письмо к Веригиной от 27 февраля 1907 г. в связи с его резким отзывом об игре актрисы в драме Л. Андреева (VIII, 181).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Петербург.〉 10 февраля 1907 г.

Милый Женя, вчера в театре Люба спросила меня о том слове, которое Вы ей написали в письме [1]. Просила объяснить и сказала: — Учить он меня, что ли, вздумал?— Я ответила — нет, не учить, этого он никак не думал. А ночью, поздно ночью он глубоко тебя чувствует, думает, что ты страдаешь и надрываешься в своем теперешнем, и не верит, чтобы это было. Она сказала: — Все это глупости, а вот на днях я приду к вам советоваться, и не как к матери Алекс〈андра〉 Алекс〈андровича〉, а как к Александре Андреевне. 〈...〉 в эту минуту подошла Вера Иванова [2] и Г. И. Чулков. Люба убежала. Была она слегка подкрашена, оживлена и *суетлива*. 〈...〉 Люба придет ко мне советоваться, и я знаю о чем: разъехаться они хотят. Саша уже искал комнату вчера. Я на себя должна взять советовать об этом. И м〈ожет〉 б〈ыть〉 в самом деле это надо — разъехаться [3].

Помогите мне, как умеете, сделать, что надо, сказать, что надо. 〈...〉 Саша был у меня вчера и сказал мне, что «так долго жить нельзя», но ведь Н. Н. [4] уезжает 4-го марта, и, стало быть, уж не много осталось.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

[1] Это письмо Е. П. Иванова к Л. Д. Блок неизвестно.

[2] Вера Викторовна *Иванова* (1880 — ?) — драматическая артистка, в сезон 1906—1907 гг. играла в Театре В. Ф. Коммиссаржевской, с 1907 г.— в Театре Суворина, приятельница Блока и Л. Д. Блок.

[3] Ср. записи з дневнике М. А. Бекетовой от 8 и 15 февраля 1907 г.

[4] Н. Н. Волохова.

АННА АХМАТОВА — С. В. ШТЕЙНУ

Киев, 11 февраля 1907 г.

〈...〉 Как раз сегодня Наня [1] купила второй сборник стихов Блока [2]. Очень многие вещи поразительно напоминают В. Брюсова [3]. Напр〈имер〉 стих〈отворение〉 «Незнакомка», стр. 21, но оно великолепно, это сплетение пошлой обыденности с дивным ярким видением.

ЦГАЛИ, ф. 1298, оп. 2, ед. хр. 1.

[1] Мария Александровна *Змунчилла*, двоюродная сестра Ахматовой. 2 февраля 1907 г. Ахматова писала Штейну: «Не издает ли А. Блок новые стихотворения — моя кузина — его большая поклонница». 13 марта 1907 г. она писала: «Сестра вышивает ковер, а я читаю ей вслух французские романы или Ал. Блока. У нее к нему какая-то особенная нежность. Она прямо боготворит его и говорит, что у нее вторая половина его души» (там же). Сохранилась фотография, которая была подарена Марией Змунчиллой Ахматовой — на обороте написана пятая строфа «Болотных чертенят» («И сидим мы, дурачки...») (ГПБ, ф. 1073).

[2] «Нечаянная радость».

[3] В это время Ахматова очень любила стихи Брюсова.

М. А. КУЗМИН — КОНСТ. ЭРБЕРГУ (К. А. СЮННЕРБЕРГУ)

〈Петербург.〉 11/24 II 1907.

〈...〉 Просимый воспитанниками 1-ой гимназии, собирающимися вскоре ставить «Балаганчик», дать им свою музыку, я был бы очень благодарен, если бы Вы доставили единственный экземпляр мне или прямо Святополк-Мирскому (Ковенский 〈пер.〉, 17) [1].

ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 165.

[1] См. дневниковую запись Кузмина от 10 февраля 1907 г.— наст. т., кн. 2, с. 156, 168. 11 февраля 1907 г. Д. П. Святополк-Мирский писал Блоку: «Уважаемый Александр Александрович, товарищи поручили мне уведомить вас, что, если вам удобно будет, мы будем ждать вас в гимназии (Ивановская ул., уг〈ол〉 Кабинетской) завтра, в понедельник в 8 ч. вечера. Я вчера был у М. А. Кузмина, и он обещал дать музыку к «Балаганчику», но только фортепьянную партию, т. к. оркестровка принадлежит не ему». Следующее письмо Блоку было им написано 14 февраля 1907 г.: «Уважаемый Александр Александрович. Приходится мне вам сообщить об очень неприятном и печальном обстоятельстве. Вчера, 13-го, враги постановки «Балаганчика» потребовали пересмотра этого вопроса. В первый раз, при открытом голосовании, лишь незначительное меньшинство, человек 7—8, встали против Балаганчика. Но при закрытой подаче голосов обнаружилась вся некультурность нашей публики, ничуть не удивительная, конечно. За Балаганчик было подано всего 12 голосов, против — 20. Это однако нас не убедило. Мы стремились доказать, что такое решение — насилие над меньшинством. Удалось бы, если не наш латинский учитель, известный вам, м〈ожет〉 б〈ыть〉 А. Ф. Каль. Послушал, послушал он наши споры и сказал, что профанацией было бы ставить Балаганчик рядом с каким-то фарсом. Как будто истинно-прекрасная вещь может потерять от пошлого соседства. «Роковой кинжал предательства под личиной любви». Это, конечно, встретили с восторгом и Балаганчик провалили. Тов〈арищ〉 Цехановский отказался от распорядительства. На его место выбрали Каля и двух товарищей, одного союзника и одного с〈оциал〉-д〈емократа〉.

Я, однако, не теряю надежды поставить Балаганчик. Не в гимназии, конечно. В разных училищах можно найти больше подходящих сил для такой постановки нежели в одном классе 1 гимназии. Выйдет ли что, не знаю. Надеюсь, что вы так же любезно, как и тогда; не откажете помочь нам. Впрочем, что по воде вилами писать» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 62). Упоминаемый в письме Михаил Михайлович *Цехановский* (1889—1965) — впоследствии известный график и кинорежиссер-мультипликатор. Ср.: «В гимназии какое-то время он увлекался и театром; гимназисты шестого класса решили ставить «Балаганчик» и даже ходили на квартиру к Блоку (память об этом посещении осталась на всю жизнь)» (В. К у з н е ц о в а, Э. К у з н е ц о в. Цехановский. Л., 1973, с. 6). Алексей Федорович *Каль* (1878 — ?) — выпускник филологического факультета Петербургского университета, музыковед, с 1921 г. жил в США.

С. А. СОКОЛОВ — В. А. ЗОРГЕНФРЕЮ

〈Москва,〉 19 февр〈аля 1〉907.

〈...〉Рецензия о «Нечаянной Радости» будет в 4 №, который выйдет на этих днях. Статью особую об этой книге вряд ли помещу: мы решили, вообще, по возможности избегать посвящать статьи отдельным книгам, ограничиваясь лишь рецензиями, так как иначе оставалось бы мало места для разработки более общих вопросов.

ИРЛИ, ф. 172, ед. хр. 1570. Соколов отвечает на предложение Зоргенфрея написать для «Перевала» специальную статью о «Нечаянной Радости». По получении от Блока экземпляра этой книги Зоргенфрей сообщал ему в благодарственном письме от 14 февраля 1907 г.: «Вчера же я написал Соколову. Думаю, что в «Перевале» удастся высказаться о «Нечаянной Радости». Очень бы хотелось» («Русская литература», 1979, № 4, с. 133).— В журнале «Перевал» о «Нечаянной радости» писал, однако, Андрей Белый (1907, № 4, февраль) — см. письмо Соколова к нему от 24 декабря 1906 г., наст. кн., с. 263.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

14.3. 〈19〉07, Paris

〈...〉 Тата мне написала[1], что Люба уехала в деревню с сестрой[2], а Блок остался, ложится в 5 утра, а встает в 3 дня, все время в театре.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 50 и об.

В начале 1907 г. семейная драма Блоков снова осложнилась. Поэт был влюблен в Н. Н. Волохову, Любовь Дмитриевна пережила краткое увлечение Г. И. Чулковым (см. письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух к Е. П. Иванову от 10 февраля 1907 г. и публикуемый ниже дневник М. А. Бекетовой за это время; скорее всего, к 1907 г. следует отнести письмо С. М. Соловьева к Белому, помеченное 27 марта, где говорится: «〈...〉при всей махровости, то, что происходит у Блоков, — очень жутко».— ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 13, л. 3). Мучительное чувство Белого к Л. Д. Блок перестает встречать какую бы то ни было взаимность; но следствием его становятся все новые и новые столкновения Белого с Бло-

ком, накладывающиеся на резкую литературную полемику между поэтами, оказавшимися во враждебных литературных лагерях — «московских» и «петербургских» символистов. Безответная влюбленность Белого возможно угасла бы гораздо раньше, чем это произошло в действительности (см.: А. Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 335), если бы она не находила себе безоговорочную поддержку и даже защиту (ср. письмо Т. Н. Гиппиус к Белому от 28 марта 1907 г.) в сестрах Гиппиус, продолжавших бередить душевную рану Белого сведениями и рассуждениями о Л. Д. Блок даже после того, как сам он осознал, что его любовь к ней умерла (см. ниже их письма к Белому за конец 1907-го — первую половину 1908 гг.).

[1] Письма Т. Н. Гиппиус к сестре сохранялись в архиве З. Н. Гиппиус, находившемся в Париже. Об отношении Т. Н. Гиппиус к личной драме Белого дает яркое представление ее письмо к нему от 9 марта 1907 г.: «Вы мне близки и *лично*, похожи мы с вами в самой глубине ощущением Тайны. И в любви — Тайны. Вы как бы мой брат родной, приехал издалека, узнала Вас в лицо. К Любе вашу любовь я понимаю, Тайну понимаю.— Это вам одному, как себе говорю. Я даже думаю, что так: если не ее, то Никого. А Никого — *нельзя, не может быть* — значит ее. Она — не то, оказалось все к худу, все проваливается, нет ничего. Нет, не может быть, есть то, что было! Нельзя человеку знать так о том, чего *нет*. Если *нет*, то значит и *не было*, а тогда что же значит *я видел?* О чем знал? Тайна-то о чем? Может ли это быть? Нет, нет, нет. Есть знание, есть факт, есть Тайна *о жизни*. Все провалится, а Тайна есть и все держит она одна. Ее вскрыть надо. И Люба не может в себе убить святое, если бы даже и хотела. Это нельзя убить. И любит она Вас одного, как и Вы ее одну. Может быть, не знает еще, и много еще переживает, чтоб узнать, но это есть уже. Это, Боря, я только себе говорю. И вот теперь Вам. Так ли? Схожи ли мы в этом ощущении *Тайны* с Вами? Мне важно. ⟨...⟩ Когда вы мне весной о ней рассказывали, помните? я принимала все, как есть. Но м⟨ожет⟩б⟨ыть⟩, потому вам и тогда казалась как бы резонирующей, спокойной, что думалось — Вы-то еще не знаете, что она «все равно ваша», а в глубине поэтому тишина. И не «ваша» — это неверно, а вы с ней в одном, в Тайне и там узнали, что она еще не знает, сомневается, и ей еще многое нужно понять. И пусть случилось весной так, как случилось, и еще больше будет — это все не к худу. Вот в письме хорошо, верно о ней, что надо выяснить. Тихая нужна властность, да и я радуюсь. ⟨...⟩ А Люба ведь у себя в имении вдвоем с сестрой. Вы знаете? И сколько времени — неизвестно. Все ее влюбления у Вячеслава Иванова и К° — ничтожны» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 13 об.— 14 об.; в последней фразе Т. Н. Гиппиус имеет в виду Г. И. Чулкова). Следует отметить, что в это время Т. Н. Гиппиус встречается и переписывается с Блоком — см. письмо Блока к ней от 16 марта 1907 г. (VIII, 182—183) и ее письма к поэту от 13 марта 1907 г. и недатированное, относящееся к весне того же года (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 214, л. 5—6).

[2] Ср. запись от 28 февраля 1907 г. в публикуемом ниже дневнике М. А. Бекетовой.

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

18 м⟨а⟩рт⟨а 1⟩907

Боря родной. Пишу Вам очень кратко, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ скоро пойду к Блокам и напишу Вам о них [1]. Спасибо. Я рада вашему письму. И согласна со многим [2]. Люба здесь, давно у меня не была. Вернулась [3], зовут оба меня к себе. Хочу посмотреть их теперь, какие они оба. У меня была недавно Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩, очень ее жалко, она страдает подлинно [4]. Мне не хочется писать разных сплетен, которые ходят о Саше, о Любе. Что-то есть гнусное в передаван⟨ии⟩ с чужих слов, обтрепанн⟨ой⟩ «молв⟨ы⟩» [5]. Что сама узнаю от *них*, что *сами* мне скажут, то я имею право говорить. Мне кажется, что все что идет, идет не к худу. Я думаю, Люба Вас любит в глубине подлинно, одного Вас, с Тайной, которую и я в ней знаю. Она только еще сама боится смешения, и она права, это хорошо, что боится. Она себя разделяет, думает, что свет не в яркости, в дерзости и благоухании. Ей только увидать Вас, какой вы есть, в «сущности свой», впрочем, даже и не увидать, а утвердиться в том, что видит, и себя собрать и ценить *всю*, а не надевать гнусной маски. Вся ее полнота — в вас, Боря. Я так чую.

Она мне как-то говорила: «мне теперь ничего, пусть приезжает!» (о вас). Легко и не так как должно, с надрывом. Она своей к вам любви боится, думает, что вы ее *всю* увлекаете туда, где должна быть одна чистота. Пусть поймет, это она поймет.

Вы знаете свою правду и, по-моему, вам ничего не ⟨надо⟩ бояться, вы собой владеете. И, Боря, главное, вы знайте, что ведь вы-то все равно для нее единственный, ей «никуда не уйти» от Вас. Пусть сама придет. А я бы стала

как скала на вашем месте. Упорная, властная и спокойная. Вы это можете, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ знаете, в чем правда.

И не сейчас, так потом, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ и сию минуту она поймет. Все равно не уйти. Если даже она и «влюблена» сейчас в кого-нибудь, как она думает, все это минет. Так «Ваше» сильно, что и тут властностью и спокойствием победит. Но как осуществить реально? Как поступить, как шагнуть? Как пробиться сквозь загородку, поставленную нарочно. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, подождать. И это ничего.

Нужно, чтоб вы встретились опять внутренне. Люба Сашу любит, но ей мало его. Если она еще влюблена — и это часть, не вся она. Она сама стоскуется, увидите. Когда *я* ей передала Зинины слова, что «Сашиной любви ей мало, и я говорю, что *и я* так думаю» [6], она как-то засмеялась, полуиспугалась и говорит, что «иногда и ей это кажется, но не надо думать». Она уверена, что Л⟨юбовь?⟩ к Саше праведная, а другие требов⟨ания⟩ — грешные, пошлость ее, и в пошлость выходить какой-же.

Увижу, напишу. Боря, *милый*, Хр⟨истос⟩ с вами. Т а т ь я н а.

Я ничего вам не говорю, Боря милый, чтоб приезжать вам, я еще увижу [7].

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 15—16 об. Сохраняем смысловую неясность некоторых фраз подлинника.

[1] Среди писем Т. Н. Гиппиус Белому, хранящихся в ГБЛ, ближайшее по дате описание ее встречи с Блоками — печатаемое ниже письмо от 1 мая 1907 г.

[2] Писем Белого к Т. Н. Гиппиус мы не знаем.

[3] См. выше, письмо З. Н. Гиппиус к Белому от 14 марта 1907 г.

[4] Об отношении матери поэта к семейной драме Блоков см. ее письмо к Е. П. Иванову от 10 февраля 1907 г., и публикуемые ниже дневники М. А. Бекетовой.

[5] Речь идет о пересудах в связи с теми событиями в жизни Блоков, о которых мы упомянули в примечании к письму З. Н. Гиппиус от 14 марта 1907 г.

[6] По-видимому, фраза из неизвестного нам письма З. Н. Гиппиус к сестре, полученного до отъезда Л. Д. Блок в деревню.

[7] По всей вероятности, Белый в не дошедших до нас письмах к Т. Н. Гиппиус обсуждал с нею возможность и целесообразность своего появления в Петербурге; его намерение встретиться в Петербурге с Л. Д. Блок зафиксировано и в письме С. М. Соловьева от 27 марта ⟨1907 г.⟩, которое мы приводим в примечании к письму З. Н. Гиппиус Белому от 14 марта 1907 г.

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ — В. К. ШВАРСАЛОН

Петербург, 24 марта 1907 г.

Решено только что печатать на днях альманах Ор — в складчину. Будут Бальмонт [1], Блок [2], Вяч. Иванов [3], Кузмин [4] и т. д. И Вячеслав очень хочет, чтобы пошла моя сатирическая драма, которую теперь пишу в стихах и не знаю секунды отдыха [5].

ГБЛ, ф. 109.

Издательство «Оры» составило альманах «Цветник Ор. Кошница первая. Сборник лирический и драматический» (СПб., 1907). Хотя издательство, руководимое Вяч. Ивановым, по замыслу должно было остаться в стороне от разноречий и партийных распрь внутри символистского лагеря, на деле оно оказалось органом «петербуржцев». Помимо названных в публикуемом фрагменте литераторов, в альманахе приняли участие только элита символистов и те, кто был непосредственно связан с «башней» Вяч. Иванова и Блоком: Ф. Сологуб, А. Ремизов. Allegro (П. С. Соловьева), М. Волошин, В. Пяст, Ю. Верховский, М. Сабашникова, Г. Чулков, С. Городецкий, А. Герцык. Из «москвичей» один В. Брюсов прислал одно стихотворение («Одиночество»—«Пути и перепутья», т. III) — по личной дружбе с Вяч. Ивановым (см. ЛН, т. 85, с. 494—498; его язвительный отзыв об альманахе, при высокой оценке специфически-литературной стороны деятельности «Ор» — там же, с. 696—697). Блок дал высокую оценку как альманаху в целом, так и некоторым включенным в него произведениям, выше всех поставив стихотворение Брюсова и цикл Вяч. Иванова (см. прим. 3). В «московских»«Весах» появилась предельно резкая рецензия на «Цветник Ор» А. Белого, направленная прежде всего против Блока и Вяч. Иванова (см. письмо М. А. Кузмина от 3 июля 1907 г.— наст. кн., с. 288).

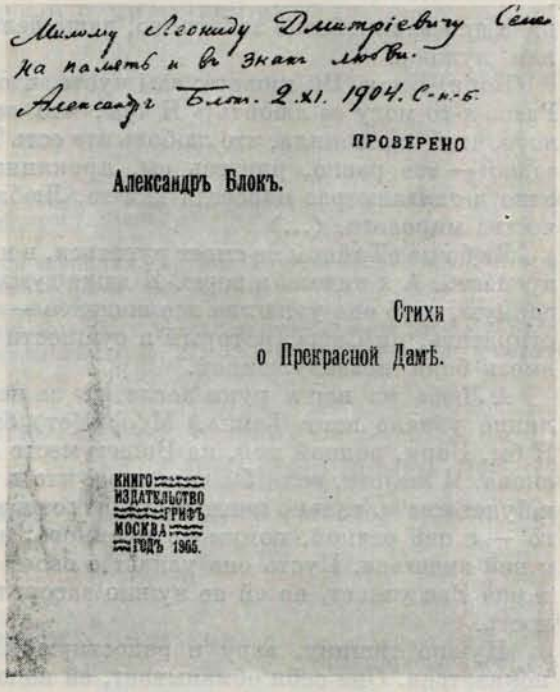
[1] К. Бальмонт, занимавший, в общем, нейтральную позицию в спорах символистов, поместил в альманахе цикл стихотворений «Зеленый вертоград».

[2] Блок отдал в «Цветник Ор» цикл стихотворений «Перед ликом твоим», включавший: «Ушла, но гиацинты ждали...» (под заглавием «Послание»); триптих «Ненужная весна»; «Придут незаметные белые ночи...» (под заглавием «Белые ночи»); «Усталость» («Кому назначен темный жребий...»); «Я насадил мой светлый рай...»; «Есть лучше и хуже меня...» (под заглавием «Завет»). О своих стихах, напечатанных в альманахе, Блок в письме к Белому от 15—17 августа 1907 г. отозвался резко (VIII, 199), возможно — в результате критики А. Белого (II, 444).

[3] Вяч. Иванов дал в сборник открывавшее его стихотворение «Оры, щедрые Оры, с весеннею полной кошницей...» и цикл «Золотые завесы».

[4] Об участии М. А. Кузмина в альманахе см. наст. кн., с. 280.

[5] Речь идет о пьесе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел. Трилогии первая часть — «Ал цвет» (Вариации на тему из Шекспирова «Сна в летнюю ночь»)». В своей книге «О театре» (1908) В. Э. Мейерхольд в связи с этой пьесой упоминал Л. Д. Зиновьеву-Аннибал в числе драматургов «нового театра» наряду с Вяч. Ивановым, Блоком, Ремизовым, Белым и Сологубом (В. Э. Мейерхольд. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч. I. 1891—1917. М., 1968, с. 188); он намеревался поставить пьесу в Театре Коммиссаржевской, которая сама положительно оценила ее («В. Э. Мейерхольд. Переписка. 1896—1939». М., 1976, с. 103, 373). Кузмин, несмотря на свою иронию по отношению к пьесе Зиновьевой-Аннибал, согласился писать к ней музыку — ср. в его письме к Нувелю от 11 августа 1907 г.: «К стыду, я музыки к «Ослу» не писал еще и вряд ли летом буду» (ЦГАЛИ, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 8, л. 40).

БЛОК. СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ. М., «ГРИФ», 1905

Титульный лист с дарственной надписью Блока Л. Д. Семенову

Центральная городская библиотека, Пермь

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

28 м⟨а⟩рт⟨а 1⟩907 г.

Боря дорогой. Я должна Вам сказать, что в Вашем письме я не все принимаю. И меня даже сомнение взяло — правда ли, не ошибалась ли уж и я, как и Вы, в том, что то ли в Вас, правда ли Тайну вы знаете? Разве может тот, кто «*видел*» и сам в этом еще не сомневается (в том, что «было» подлинное) говорить: тогда *было*, а теперь *нет*. Разве «это» проходит? Разве тот смеет сказать: раньше она была *одна*, а теперь «другая»? «Та» и эта? Я чувствую великий протест в душе. Так вы говорить не смеете, пока верите в «ту», которая «была». Если только ее никогда и не было, если не *было* правды, только тогда *нет* и теперь. Любовь, если была истинная, данная вам, то она и есть и будет. Если вы ее вскрыли, «увидели», то уж вы ее не закроете, не затопчете. Слепой еще, невольно, сам себя обманывая, может ее топтать, неузнанную (Люба напр⟨имер⟩), а вы просто не смеете так говорить, это недостойно. «Любил». Значит и не люби*ли*, тогда в вас и устоев нет вечных, и Люба с вами никогда *не* была связана, значит, это и было не «то» единственное, от чего вы, если бы и захотели вдруг, *только* по человечеству, от слабости, отвязаться — не смогли бы, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ это не вами завязано. Такая *связь*, такое ощущение этой безвыходности в любви — дает радость, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ она сот-

кана для вас любовно заботливо, ваше дело ее узнать, вскрыть, принять как вам нужное.

Боря, Боря. Вы пишете: «вы чуете, что она полюбит меня (или любит)... Разве *я*-то могу ее любить?» Я *чую*, что она *поймет*, что она любит. И Вам *надо*, чтоб она поняла, что любовь эта есть Тайна и вы и она уже предрешенно «одно»— все равно, рвитесь вы, проклинайте, уходите, влюбляйтесь — вы одно и связаны раз навсегда кем-то, Любящим Вас, для Вас же, для Творчества мирового. ⟨...⟩

Люба над Тайной не смеет ругаться, в ней есть то подлинное, что не может пропасть. А я видела и верю. Я даже думаю, что надо иметь такую веру бездонную, чтоб она утишила все внешнее — и чтоб внешность Любы не смогли отвратить, ни Саша, который в сущности своей хороший и не должен и он иметь боли незаслуженной.

А Люба на ваши руки легла, вы за нее ответственны. (Если только подлинно узнана вами Тайна.) М⟨о⟩ж⟨ет⟩ быть, нет — ну тогда дело другое. Я бы, Боря, родной мой, на Вашем месте к Любе отнеслась бы так, веря ей снова. И *только*, если бы поверила, что в ней, несмотря ни на что, «то» есть и будет *всегда*, только когда была бы готова *так* ее встретить, помимо внешнего — с ней вечной, помимо временного, наносного, только тогда бы смогла с ней видеться. Пусть она узнает о своем *не вечном* к вам отношении, пусть и она Вас узнает, но ей не нужно засорять глаз на свою суть, на свою вечность.

Нужно тишину, веру и радостную властность, только тогда можно ей показаться. Она себя обманывает, ей надо это показать.

Ведь Люба-то одна, вечная, живая, ясная и мудрая. Вы это знаете, Боря. «Это» исчезнуть ведь не может никуда. Зачем Вам встречаться не с ней, а с ее перчаткой. Если видеть, то ее. Если больно очень — лучше совсем не надо; пока. П⟨отому⟩ ч⟨то⟩ вечная придет, найдется. И как-то так должно быть, что Саше тоже будет не боль, а радость, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ Правда боли не делает — в глубине своей. Пока — да; пока не видят этой правды, до тех пор боль. Вот и надо, чтоб Правда была ясна. И радостна.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 17—20.

Ответ на неизвестное письмо Белого.

Точно так же, по сути дела, раздувала чувство Белого к Л. Д. Блок и З. Н. Гиппиус — ср. ее письмо к нему из Парижа от 9 марта 1907 г.: «Люба ничего мне не пишет, я ей хочу снова написать, да адрес, № дома забыла. Четыре что ли? Напомните. Вы говорите: «Я *ее* все также люблю, все также». А я бы на вашем месте сказала точнее: «любовь у меня в душе все та же, все та же». Еще бы! Это уже иссякновение души, если в ней любовь уменьшается. Но любовь эта вся целиком *ваша*, в вас горит вся, белым огнем. И любите вы прежде всего *ее*, вашу Любовь живую,— а... может быть... не Любовь Блок. *Может* быть... может быть, последняя — не воплощение, и даже не символ, а лишь — аллегория. Ну, я ничего не утверждаю. Я только вижу, ясными глазами моими, все возможности. Я утверждаю *вас*, и с этого утверждения никогда не сойду. Даже если бы вы сами себя начали отрицать. Я буду упорно, до тупости повторять, что это не так, и никогда вы себя окончательно отрицать не станете. Так, чтоб не найти в последний момент своего истинного, неизменного стержня. ⟨...⟩ А себя найдете,— и опять все *свое*, что дороже себя неизменно вернется» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 48—49). Ср. также недатированное письмо Д. С. Мережковского к Белому, относящееся к тому же 1907 г.: «То, что Вы пишете о Любе, кажется мне глубоко верным и вещим: да, именно через наше общение она только и может к Вам приблизиться. И я твердо надеюсь, что, рано или поздно, это так и будет. Я мало знаю Любу, но я чувствую, что есть в ней стихийно-сильный, глубокий, хотя очень еще бессознательный, не проснувшийся человек. Природа в ней крепкая и здравая, несмотря на страшную внешнюю исковерканность. Такая природа не может остаться навсегда в декадентстве: придет время — и она рванется к свету и свободе. И вот тогда-то, может быть, даст нам Бог достаточные силы, чтобы ей помочь» (ГБЛ, ф. 25, к. 19, ед. 9, л. 60—61).

Л. Д. СЕМЕНОВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

28.III.〈1907 г.〉

〈...〉Очень был рад видеть «свой» номер«Трудового пути».〈...〉Как хорошо стихотворение Блока после моего рассказа! [1]

ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1047.

Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — издатель-редактор «Журнала для всех», а также журнала «Трудовой путь» (СПб., 1907—1908).

[1] Имеется в виду мартовский выпуск журнала «Трудовой путь» (1907, № 3). В нем были напечатаны стихотворение Семенова «Проклятие» («Они цветы мои сорвали...») и его же рассказ того же названия, навеянный тюремными впечатлениями (с. 1—27); следом за рассказом «Проклятие» в журнале было напечатано стихотворение Блока «Голос в тучах» («Нас море примчало к земле одичалой...») (с. 27). Стихотворение вошло в поэму «Ее прибытие» (II, 52—54).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Петербург.〉 30 марта 〈1907 г.〉

〈...〉 Вчера у меня был длинный и невыносимый разговор с моим Сашей.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

А. А. КОНДРАТЬЕВ — Б. В. БЕРУ

〈Апрель 1907 г.〉

〈...〉 Вечером в тот же день [1] заходил к Сологубу, у которого в последний раз в этом сезоне были гости. Встретил там Блока. Получил от него маленькую новую книжку его стихов «Снежная Маска». Не читал еще пока ее да и не знаю, когда соберусь прочесть. Судя по тому, что помню из слышанного, больно уж неудобнопонятно. Книжка издана книгоиздательством «Оры», то есть на деньги кого-то из знакомых Вячеслава Иванова [2].

Последний также читал в этот вечер свои сонеты. Их он написал очень много, читал же только 7. Эрот у него с орлиными крыльями и клекчет... Это бывает? [3] 〈...〉

Мне приходит в голову мысль: основать в противовес «Орам», где главенствует Вяч. Иванов и отсутствует Федор Сологуб, при помощи этого последнего новое менее символическое книгоиздательство с названием вроде «Нарцисс» или «Лилит». Можно было бы сочинить для него издательское клеймо, подобрать несколько подходящих имен [4]. 〈*Часть письма утрачена*〉.

У меня как-то было много народу (человек 10)[5]. Пили. Чуть сам не ушел потом (часа в 4) вместе с ними в какое-то Эстонское собрание. После этого у меня было объяснение с управляющим дома (ибо Блок, спускаясь по лестнице, звонил во все двери) и около ворот постоянно дежурит какая-то подозрительная личность [6]

Куйбышевский литературно-мемориальный музей А. М. Горького, ф. Б. В. Бера. Датируется по содержанию.

[1] Из опущенной части письма видно, что описываемый вечер, как и было заведено у Сологуба, состоялся в воскресенье. В апреле 1907 г. воскресенья приходились на 1, 8, 15, 22 и 29 число.

[2] Ср. наст. кн., с. 268.

[3] Речь идет о стихах Иванова, вошедших в его книгу «Эрос» (СПб., 1907); см., в частности его сонет «В слиянных снах, смыкая тело с телом...», где говорится: «Двоих Эрот к неведомым пределам // На окрыленных носит раменах ... // 〈...〉 Эрот мне клекчет клекотом орла 〈...〉»

[4] См. сообщение Кондратьева о развитии этого замысла — в том числе при участии Блока — в его письме к тому же адресату от 1 мая 1907 г.— наст. кн., с. 280.

А. А. КОНДРАТЬЕВ
Фотография, 1900-ые гг. (?)
Музей истории Ленинграда

[5] См. письмо Кондратьева к Блоку от 2 апреля 1907 г. (наст. т., кн. 1, с. 559), запись в дневнике Кузмина от того же дня (наст. т., кн. 2, с. 157) и воспоминания С. В. Штейна, в которых он ошибочно назвал в числе присутствовавших Ю. И. Юркуна (Александр Блок в воспоминаниях современников, т. 1, М., 1980, с. 191—193). Предположение о присутствии М. А. Волошина на этом вечере (Александр Блок в воспоминаниях современников, т. 1, с. 515) неверно: с 23 марта по 28 апреля 1907 г. Волошин жил в Коктебеле (В. П. Купченко. М. А. Волошин и Ф. Сологуб. «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год», Л., 1976, с. 158).

[6] В. А. Зоргенфрей вспоминал, что на этом вечере «кто-то в порыве одушевления предложил ⟨...⟩ посетить «приют любви» («Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 133). В этой связи Кондратьев в 1932 году заметил, что Зоргенфрей «написал вещь, ошибочно им понятую. (После одного вечера у меня Потемкин предлагал уходившим гостям ехать в какой-то «эстонский клуб», а подмокший Зоргенфрей неправильно понял название этого учреждения» (Annali dell'Istituto universitario orientale, Sezione slava, Napoli, vol. 12, 1969, p. 30).

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

1 мая. ⟨1⟩907 г.

Боря милый, родненький мой. Я вас так близко чувствую. Вижу, как Вам трудно, трудно, так что только бы тишины, покоя, покоя. Боричка, родной мой, я *за Вас* знаю, я знаю, что знаю больше тебя, брат мой близкий и дорогой. Я знаю *за тебя*. Знаю, *не надо желать* смерти, что и муки не должны быть, что только бы *понять*, *что все уже есть*, *дано*. И что то, что Ты про себя знаешь, это еще не полное знание. *И то что было, то и есть*.

Я вчера только это же *Любе говорила*. Боря, я вам расскажу о Любе. Я ее люблю, мы с ней говорили не через слова даже, а глубиной; она знает глубокое; ей самой надо тихости, глубины и серьезности. Ей, ее душе.

Вот, расскажу. Она берет уроки у Мусиной, актрисы. Взяла 10 уроков [1]. Летом будет заниматься. Летом она будет в Шахматове, одна без Саши. Саша останется в П⟨етер⟩бурге [2]. У них идет жизнь расколотая. По-моему, она Сашу любит, конечно, но не может вся в нем поместиться. На Пасху Блок уезжал неизвестно куда [3]. Он всю зиму влюблен в актрису. Она уехала [4]. Он пьет. Вот факты. Алекс⟨андра⟩ Андр⟨еевна⟩ [5] тоже будет в Шахматове. Я заходила во вторник на Страстной [6] к ним. Их не было дома. И потом ни слуху ни духу. Я пишу Любе письмо, отчего она ко мне не зайдет? Написала ей с внутренним хорошим отношением. Я не пишу напрасных слов и подписалась *Любящ⟨ая⟩ Т. Ги⟨ппиус⟩* — п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ правда почувств⟨овала⟩, что я знаю ее сущность с вашей в одном сроденную и что в этом ее люблю [7].

И вот вчера они с Сашей вечером, в 11 ч⟨асов⟩ ко мне приехали. Я Любе сказала, что Вы мне писали о своем здоровье [8]. Она спросила, какой вы теперь,— я сказала, что тихий, строгий и упорно решительный (вы мне написали, что хотите *жить*). Она попросила показать ваш почерк. Я ей дала все ваши конверты — и заграничные [9], и теперешний. Она сказала, что за границей был почерк больнее, теперь все лучше почерк, лучше, хотя усталый. Была серьезная и простая. Блок стал темнее лицом, шире как-то и беспокойнее. Люба похудела. Как она знает вас по почерку! Мы сидели за чаем.

Потом Люба говорила, что Блок в ресторане кажд⟨ый⟩ день почти — Блок что-то о «Вене» (ресторан) заговорил. И вот вдруг решили (30-е апреля было) поехать в ресторан «Вена», на Морскую. Я, Ната [10], Ант⟨он⟩ Владим⟨ирович⟩ [11] и Блоки. Задумано — сделано. Поехали. Там сели у стены за столик и стали пить шабли, есть сыр. Пили кофе, ликеры. Вот что в сущности было. Я говорила им: «не спроста мы тут — дальнейшее отсюда родится». Не то намеками, не то знаками, не то глазами — я с Любой говорила. Она Вас вспомнила, как вы курите, Боря. Часто, часто и все облака кругом. Я вижу случайно — (уж мы об другом) — она курит — часто, часто. Говорю — Люба, вы в честь Бори? «Да, да, вы угадали». Потом Она сказала (отрывки передаю) «что было, то быльем поросло». Я говорила — «что было то и есть. Былье (былинки, трава) не переродят того «было», которое под быльем». Кар⟨таш⟩ов стал доказывать — (не зная сам, о чем), что надо разворотить всю землю, чтоб воскрес мертвец, мало того, что крест зашатается. А Люба доказывала — что мертвецу достаточно щелочки, одной только маленькой, чтоб все разрушить, что крест раскачает землю — и довольно. Потом стала, спохватившись, смеясь, говорить другое, что она это так, что Ант⟨он⟩ Влад⟨имирович⟩ ее убедил. Тут и я ее словила: говорю, вот Люба — вы сами говорите. Много себя взвинчивает. «Надо всякую чашу пить до дна». Много еще детского.

Потом говорили, кто сколько бездн знает. Я говорила, что она знает две, но не знает, что две *должны* быть одной и *есть* уже — только увидеть. Она одну забыть старается ради другой — во имя единства. Это оттого, что она уже не может быть в одной, как одной, и в двух, как в двух. Что Блок — одну как одну знает. А я, К⟨арташ⟩ов и Ната — две как одну знаем. Люба этого не знает, но бессознательно хочет. Потом я говорила ей, что я кого увижу, то уж о том знаю. Раз я ее увидела, то уж это быльем не порастет. И оттого я так и подписалась под письмом. Она серьезно приняла. Она мечется и себе не верит. Она ищет, на кого бы положиться, чтоб не выдал, и чтоб не ради себя, только, но и ради нее. Властно и просто. Я так думаю.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 21—22 об.

[1] Об отношении Т. Н. Гиппиус к театральным планам Л. Д. Блок см. ниже ее письмо к Белому от 17 февраля 1908 г.

[2] Ср. ниже в письме Т. Н. Гиппиус, которое мы датируем ⟨до 7—8 мая 1907 г.⟩

[3] Пасха приходилась в 1907 г. на 22 апреля. Блок на Страстной неделе был в Москве, но к воскресенью возвратился — см. ЗК, 94.

[4] Ср. запись Блока о будущей встрече с Н. Н. Волоховой: «Как-то мы в августе встретимся. Устали, мы чудовищно устали» (там же).

[5] Мать поэта, А. А. Кублицкая-Пиоттух.

[6] Т. е. 17 февраля.

[7] Письмо Т. Н. Гиппиус к Л. Д. Блок нам неизвестно.

[8] Письмами Белого к Т. Н. Гиппиус мы не располагаем.

[9] Т. е. конверты от писем Белого из Мюнхена и Парижа, где Белый находился осенью 1906-го — в начале 1907 г.

[10] Н. Н. Гиппиус.

[11] А. В. Карташев.

Н. С. ГУМИЛЕВ — В. Я. БРЮСОВУ

Царское село, 1 мая 1907 г.

⟨...⟩ P. S. Может быть, Вас не затруднило бы дать мне рекомендательное письмо к Ал. Блоку, которого Вы наверно знаете. Его «Нечаянная Радость» заинтересовала меня в высшей степени [1].

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 18, л. 26 об.

Датируется по почтовому штемпелю. Вероятно, Блок и Гумилев виделись впервые у Вяч. Иванова на «среде» 26 ноября 1908 г. (Блок писал матери о ней 30 ноября 1908 г.: «Среды стали уж не те — серо и скучновато» («Письма к родным», т. I, с. 236). На этой «среде» Вяч. Иванов разбирал стихи Гумилева («сказал мне много нового и интересного», как писал Гумилев Брюсову — ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 19, л. 35 об.). К этому времени

Блок уже мог быть знаком со стихами Гумилева по «Весам» и другим изданиям,— например, по журналу «Образование» (1908, № 7), где опубликовано стихотворение Гумилева «Красный маэстро» (об участии Блока в этом номере журнала см. наст. кн., с. 333). Литературное соперничество с Блоком, впоследствии принявшее формы кружковой борьбы (см. наст. кн., стр. 413, 415), было осознано Гумилевым еще в конце 1900-х годов. К. А. Сюннерберг вспоминает обед в честь С. К. Маковского 25 октября 1909 г.: «Когда садились за стол, я услышал конец разговора, который вел Гумилев с кем-то: «Во всяком случае, я считаю себя не ниже Блока; в крайнем случае — Блок, а сейчас же после него я»,— говорил Гумилев, усаживаясь на стуле» (ИРЛИ, ф. 474, № 53, л. 70).

[1] Свидетельства колебаний Гумилева в выборе ориентиров в поэзии содержатся в других его письмах Брюсову 1907 г.: «Одно меня мучает и сильно — это мое несовершенство в технике стиха. Меня мало утешает, что мне только 21 год и очень обескураживает, что я не могу прочитать себе ни одно из моих стихотворений — с таким же удовольствием, как напр〈имер〉. Ваши «Ахилл у алтаря», «Маргерит» и др. или «Песню Офелии» Ал. Блока» (письмо от 24 марта — ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 18, л. 27 об.), «Мы (т. е. русские читатели) получаем Блока и Городецкого по нескольку книг в год, а Вас раз в три и даже больше» (там же, ед. хр. 19, л. 16 об.).

А. А. КОНДРАТЬЕВ — Б. В. БЕРУ

1 мая 1907

〈...〉 После вечера у Лесгафта [1] я отправился с Сологубом в ресторан «Вена». Там сидели мы с ним, беседуя о «Золотом Руне», «Перевале», Рябушинском, гонораре и т. п. прозаических вещах. Часам к 12 неожиданно около нас очутились А. Блок и Г. Чулков. Сели вместе. Они только что явились после объяснения с М. Поповым, который взялся издать им альманах «Белые ночи» [2]. Не знаю только, заплатит ли он гонорар. Потом завел я речь и тотчас же уступил слово, как более компетентному и опытному, Ф. Сологубу о книгоиздательстве «Нарцисс». Капиталистов нет, и мы постановили по предложению нашего мэтра следующее: пай 10 р., и каждый из нас записался на 2 пая. Постановлено было осенью выпустить альманах. Я заявил, что Бер, по всей вероятности, не откажется взять пай. Каждый пайщик получает в свое распоряжение соответствующее число страниц альманаха. Решили также привлечь М. Кузмина и Тэффи [3]. Относительно денежности последней кем-то заявлено было сомнение... Денег, конечно, мы пока не вносили.

Но, быть может, ты пришлешь что-нибудь для «Белых ночей». Я предложу Чулкову и Блоку... [4]

Куйбышевский литературно-мемориальный музей А. М. Горького, ф. Б. В. Бера.

[1] Кондратьев в опущенной части письма рассказывает о вечере кружка «Молодые силы» на курсах Лесгафта, где участвовали, кроме него, Ф. Сологуб, Я. Годин и др.

[2] Составлял этот альманах, по-видимому, Чулков, но при ближайшем участии Блока (ср. письмо А. А. Кондратьева к Б. В. Беру — прим. 1 к письму М. А. Кузмина от 6 июня 1907 г.). Еще 19 апреля 1907 г. Кузмин сообщал Нувелю: «„Белые ночи“ лопнули, как и нужно было ожидать от этой чулковской затеи. Он теперь рассчитывает увлечь „Картонным Домиком“ 〈повесть Кузмина, напечатанная в альманахе, о котором идет речь — подробнее см. там же〉 Гогу Попова, чтобы тот дал денег на издание. Оказывается, этот саврас только и мечтает о грамотности и дерзновении». В этом же письме Кузмин говорит о своем затруднительном положении — литератора, за которого борются две символистские группировки, «москвичи» и «петербуржцы»: «А на вопрос из «Весов», куда я дал повесть и не пришлю ли им, я ответил, что отдал ее Чулкову. Такая досада!» (ЦГАЛИ, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 8, л. 1). 8 мая 1907 г. Чулков звал Блока в ресторан «Вена» «ловить» М. Попова (прозванного Гогою), чтобы «заставить издать его „Белые ночи“» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 12). Но Блок, судя по ответному письму, на этот раз не смог быть в ресторане («Александр Блок. Письма», 1925, с. 148; Чулков в своем примечании к этому письму вспоминает, что Попов, «кажется, владелец книжного магазина на углу Невского» — там же, с. 170).— В конце концов, финансирование сборника устроилось, и уже 14 мая Кузмин сообщал Нувелю: «На днях выйдет «Цветник Ор» с «Евдокией» (см. наст. кн., с. 274) и «Белые ночи» с «Картонным домиком» (ЦГАЛИ, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 8), однако печатание его затянулось — см. наст. кн. 286.

[3] Эти планы не осуществились; ср. апрельское письмо Кондратьева, наст. кн., с. 277.

[4] Бер в альманахе не участвовал.

БЛОК
Фотография, 1907, Киев
Литературный музей, Москва

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург〉. *Понедельник* 2 мая 〈1907 г.〉

Получила сегодня письмо от Вас, дорогой мой, большое. Не думайте, что им тут хорошо. У Любы нет радости, нет, Боря, это опыт, очень тяжелый опыт. И ей надо было это все. И Саша не в радости. Им двоим плохо здесь. Я с Любой хочу говорить, обо всем. Захочет ли она. Мне кажется она одинокая. Он действительно безумец, Саша, он сам не понимал, не мог, м〈ожет〉 б〈ыть〉 понять настоящего. Оттого делал то, что ему было доступно, его пониманию. Я думаю, молчанием он давал Любе свободу без участия, добыв это силою воли, *никак* не относясь к этому всему [1]. А Ваша и Любина любовь к нему сказывалась в том, что вам надо было быть и с ним, с его любовью. Он не понял или не знал, что его отношение вас разрушает, а ваше [2] к нему ничего не рушит и любви не отнимает от него — только скрепляет. Он не понял, *как* он любит и как Вы. *Как* Люба *его* любит и *как Вас*. Если бы понял — не стал бы молчать и разрушать — а стал бы ревностно идти к вам [3]. Все равно он Любу беднит, п〈отому〉 ч〈то〉 так, как вас,— Люба его не может любить. С Ним — к вам ей нет пути, а с вами — к нему есть у нее.

Как я все это понимаю — я не знаю. Через вас и через нее. Когда я смотрю в нее — вижу вас, Боря,— в вас — вижу ее. И чем дальше — тем беспощаднее, бесповоротнее.

Вы сказали: я хочу *жить*, чтоб узнать, *кто* Люба [4]. Люба одна, все та же и одинокая. 〈...〉

Я хочу, чтоб выяснилось все. Я хочу вам помочь. Я хочу, чтоб Люба перестала себя обманывать. А Вы только будьте сильным. Не ломайте себя, держите⟨сь⟩, дорогой. Будем верить в свет.

Надо быть здоровым, надо жить. Уныния у вас нет, но есть готовность не жить. Этого не надо. Надо быть здоровым. Надо и Любе хотеть хорошего, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ она и вы одно. И Саша — п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ он будет с вами.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 57—58 об. Год проставлен по содержанию, несмотря на то, что в авторской датировке имеется несогласованность: 2 мая 1907 г. была среда. Поднимаемые в этом письме темы хорошо согласуются с тем, о чем идет речь в публикуемом выше письме Гиппиус от 1 мая 1907 г. и других, близких по датам.

[1] Ср. прим. 2 к письму Гиппиус от 7—8 мая 1907 г.

[2] Автор выделил это слово, обведя его кружком.

[3] Еще в апреле 1906 г. возможные отношения между Блоками и Белым рисовались Гиппиус как «союз трех», по образу отношений ее сестры, З. Н. Гиппиус, с Д. С. Мережковским и Д. Ф. Философовым.

[4] Ср. прим. 3 к письму Л. Д. Блок к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 14 октября 1907 г.

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Петербург, 7—8 мая 1907 г.⟩

⟨...⟩ Я была у Александры Андреевны [1]. Мы с ней долго говорили о вас, о Любе и Саше. Я увидела, что нашло марево на всех. Лики исказились у любящих друг друга и пугали одни других этим искажением. Ей казалось (я ведь мало знаю, Боря, но так, как она говорила), что вам не нужна она, и все: она и Саша и Люба исказились в вас так предательски, что и в вас она стала сомневаться. Что произошло — наваждение, положительно. Она говорит, что любит Вас как второго сына своего, но в вашей любви и верности не уверена, сомневается. Хочет страшно, чтоб выяснилось все. Люба стала лучше, глубже, тише и к ней более доверчивой и любящей. Сашу любит. (Да ведь и вы, Боря, тоже его любите.) Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩ говорит, что Саша молчал и уходил тогда, *сам по себе* и для себя отстраняясь [2]. Я говорила, что это не надо было, что любящих его — и Любу и Борю — это не могло не возбуждать, огорчать, оскорблять, и они поступали не так, как бы нужно. Саше нужно было «отнестись», считаясь с фактом «серьезным» — вот это бы не оскорбило, как бы не было выражено — отрицанием ли, принятием. А то это хуже проклятия. Долго говорили, Она стала радостной и поверила в вас, как вы в Любу — что будет — не знаю. Боря дорогой, Люба уезжает в Шахматово, хотела сегодня [3]. Я ей послала письмо коротенькое ваше, где вы о себе пишете, о здоровье и усталости [4]. Я хочу, чтобы и она вас увидела не искаженным (велосипедный костюм на вашей карточке). Она хорошая, я ее не видала после, как послала, но знаю, что отнеслась серьезно. ⟨...⟩

Саша говорит, что один вы так его критикуете, как ему нужно. Что один вы его понимаете, как нужно [5]. А в этом любовь. И не в словах чуется, а в самом признании.

Нет, Боря, вы не один. Я вас не предам. ⟨...⟩ Ни Люба, ни Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩, ни Саша вас не предадут, если и вы им будете верить во что бы то ни стало.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 23. Датируется по упоминанию в письме предполагавшегося отъезда Л. Д. Блок «сегодня» «в понедельник» (см. ниже, в прим. 3, приписку к письму), который мог приходиться только на 7 мая, тогда как текст приписки следует отнести к 8 мая, поскольку на конверте имеется московский почт. шт. «9.V.1907» (петербургский не сохранился).

[1] Мать поэта, А. А. Кублицкая-Пиоттух.

[2] Именно так осознавал свое поведение и Блок (VII, 109); так же его многократно описывал в мемуарах Андрей Белый.

[3] К письму Т. Н. Гиппиус прилагалась приписка на отдельном листе: «Еще кое-что малое скажу вам. Люба в понедельник не уехала, когда уедет — не знаю, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ не видала ее с тех пор, как были вместе в ресторане. Мне кажется, что всем вам нуж-

но как-то победить эту жуть, где кругом обволакивает, напряженно сделать усилие, чтоб победить все марева, поверить, что есть марево» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 24; об упомянутой встрече в ресторане см. выше письмо Т. Н. Гиппиус к Белому от 1 мая 1907 г.). Первое письмо Л. Д. Блок мужу, посланное с дороги — со станции Подсолнечная, датируется 11 мая 1907 г., следовательно из Петербурга она уехала 9 или 10 мая (а не шестого, как указано в ЛН, т. 89, с. 194).

[4] Письма Белого мы не знаем.

[5] Ср. письмо Блока к Белому от 24 марта 1907 г. с выражением глубокой признательности за рецензию Белого на «Нечаянную Радость» (VIII, 184—185).

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Петербург.⟩ 13 ⟨—15⟩ мая ⟨1⟩907 г.

Боря дорогой. Получила Ваше письмо сейчас [1]. Хочу скорее ответить. Вы правы, одному не снести. Вы совсем правы. Вы один, израненный так, измученный и искаженный в ложь— не можете идти только с «примирением», идти от себя, один. Никогда этого и не захочу для Вас. А вот — и *они* должны *свое* марево, свой «грех» победить. Должна быть вера обоюдная. Вот, напр⟨имер⟩, Ал⟨ександра⟩ Андреевна. Она говорила «я его люблю, как сына» (я написала вам ее слово: «люб*ит*» так, как это в моем сознании отражается, т. е. как я это знаю). А потом всякая сплетня, всякий слух колеблет у нее веру в вас. Это слабость. Ведь любовь требует выявления своего, рождения — в веру. А тут разные соблазны, кругом, срывы. Нужно усилие воли и сознание, что любовь вечная, а то любовь душит, создает нелепости, заставляет человека верить в эти нелепости со смаком, с озлоблением, сама любовь искажает лик человеческий. Оставить любовь без *воли* —она не «взойдет» одна,— такой же невзросшей останется и кривляться будет, еще пугать так начнет, что будет дьяволом казать⟨ся⟩. И непременно страшить будет, потому что умереть не может. Господи! Я это все знаю. Одиноко и страшно человеку с любовью безвыходной, слабой. Она ведь вечная. Боря, ведь то, что вы о них говорите, они о вас: о предательстве вашем. Нет, он и не любил никогда, раз предать может. Этот злосчастный велосипедный костюм им показался не тем, что есть, опять попал на больное место, показался насмешкой над ними [2]. Они не понимают своего греха и не увидят, как их не упрекай. Не поверят. *Им* нужно показать их слабости верой в их силу и любовь. И не увидят никогда, если не победить их любовью. Ведь любовно идти не значит примиряться, а несмотря ни на что, не предавая своей праведной гордости — поверить не в них даже, в то незыблемое, что у них есть, в то человеческое в них, как *во мне*. Нужно показать свою правду, действенно, кто сильнее в любви, тот и покажет правду, победит свою слабость, подчас невозможность сделать правду ясной — бессилие.

Видела Ал⟨ександру⟩ Андреевну на Бранде [3]. Она потряслась им. Опять мы о Вас. Я говорю — вот воля у Бранда. Ваша любовь к Боре пошатнулась оттого, что Боря исказился. Попробуйте не поддаться, верьте Боре несмотря *ни* на что, ни на какие искажения в вашем представлении. Именно я говорила ей, как вы: «попробуй любить действенно, не на словах». Она серьезная, простая и трогательная. Как-то верит мне. Придет. Люба уехала в Шахматово [4]. И перед отъездом прислала мне письмо (и Ваше обратно, как я просила) [5].* Пишет, так мне показалось,— просто и как-то тихо. Пишет — все думала и до сих пор ничего не додумала. Она теперь сама себя еще ищет. Надо дать ей тишину. Этот год столько ей дал опыта и столько отнял сил, что нужно себя найти. Сейчас она и для себя и для вас ничего не может. Ей бы сейчас нужно было м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ такого же теплого ласкового слова, как Вам. Она еще себя не знает и где правда, где нет ее не знает. И она запуталась, и ей трудно, и ей нужно тихо отдохнуть. Если бы она себя нашла,— не остановилась бы для правды. Я ей верю. Боря, а вы не мне верьте, не *моим сло-*

* Люба думала: что делать сейчас, после письма, долго. Кажется хотела поехать. Потом так оставила (*Прим. Т. Н. Гиппиус*).

вам — а тому, о чем говорю. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, если бы и вы и они поверили друг другу — все было бы другое. И они, и Люба.

Ведь вот Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩ — когда думает, что Саша «одиночка», что он самодовлеющ — и без любви не погибнет, а усилится — она успокаивается за Сашу, не хватается судорожно за его счастье с Любой, говорит, что он может прожить, а вы не можете, вам любовь, как питье — человек погибнет без нее. Признает.

Неужели же я ошибаюсь? Или я слепая? Боря, а вы всегда говорите «Люби-л», а не «люблю» (не говорите так что: «хотя сейчас и не *чувствую* любви: знаю, что она есть») ведь вы *сами себя искажаете*, ведь вы *мудрее* и истиннее. Я знаю, что любовь побеждает и больше ничто победить не может. Если не они первые, если не вместе — то вы, тот кто сильнее. Я хочу ⟨пробить?⟩ и у них. Но вы меня любите, и я вас, а они меня, должно быть, нет, и я с ними бессильна, хотя их люблю, сколько их знаю. ⟨...⟩ Этот год и мне достался такой трудный, я так устала. Но сил духовных много, только душа потрепалась. Очень много было полетов и падений. Я что пишу — все это на себе испытала, все слова живые.

Мы говорили с Ал⟨ександрой⟩ Андр⟨еевной⟩ о Саше, Любе и Вас. Саша, я говорила, одиночка: сам на себе держится и отсюда творчество его — и затем лучи от себя и в себя, для наполнения своей личности [6]. Но не для *жизни*. Вы Боря — без любви половина, не жизнь — ожидание жизни. Не творчество — ожидание творчества. А Люба кто? Безусловно тоже тип «брачный» — *двойной* (или половинчатый), п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ вы ею пополняетесь, она в вас *вся*. У Саши м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ много любвей, влюбленностей — а любовь — к себе, праведная, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ полная, единая и вечная. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, менее полная, чем у брачного человека. А вы и Люба — одно. Ни она одна не полна — ни вы один. Я думаю, пока надо ждать и силы копить. Да, Боря, я знаю, как трудно не смиряться и — опасно, страшно. Но не надо так взлетать, чтоб падать: нужно ждать взлета, готовиться и упорно все ползти, ползти вперед. Вставать и взлетать, и опять ползти. Люба тихая теперь. Вы ведь с ней сразу взлетаете, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ кажется, что все уже есть, свершилось, времени уже нет (я так взлетаю иной раз), а потом в «врѣмя» спустишься, а время требует, чтоб *ползли*. Не поползешь упорно, не смотря ни на что и не пугаясь, главное, и не отчаиваясь — время все съест. ⟨...⟩

15 мая ⟨1⟩907.

⟨...⟩ Боря дорогой, получила и второе ваше письмо [7]. Это написала, но все не посылала: думала, что сейчас Вам совсем отвлеченного не надо, слишком живая боль, слишком живая душа; боялась, что для меня живые слова вы не услышите, и примете за резонерство. Не хотела этого, и все не посылала. А потом думаю — пошлю. И ваше письмо пришлю. ⟨...⟩ Сейчас был Евг⟨ений⟩ Иванов. Он сказал, что Люба уезжала в Шахм⟨атово⟩ и опять здесь почему-то, живет в казармах, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ квартиру свою они оставили и Саша переселился пока к Ал⟨ександре⟩ Андреевне [8]. Уедет, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, через неделю. Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩ действительно чуткая, и у нее есть хорошая аристократичность, благородство, только она слабая. Видит грех хулиганства иной раз в Саше и Любе. И тем ценнее, когда она о них говорит хорошо; она о Любе говорила, что у нее есть стремление работать, стремление к делу. В артистич⟨еских⟩ стремлениях у Любы есть честолюбие, желание славы и т. д [9]. Но теперь и это желание серьезнее и глубже, желание делать. Да, много надрыва. Много нужно простоты и здоровья еще, чтоб яркость опять встала, здоровая и просветленная, тонкая.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 25—31 об.

[1] Письмо Белого нам неизвестно.

[2] По-видимому, речь идет о фотографии Белого, надписанной Блоку 3 декабря н. ст. 1906 г. в Мюнхене и присланной из Парижа с письмом от 23 ноября/6 декабря 1906 г.

На фотографии Белый написал: «Милому брату в знак дружбы и нерушимой связи». Блок отвечал Белому: «То, что ты пишешь,— и карточка, и стихи, и письмо,— я думаю, не полная правда, потому что ты говоришь, например, в письме о примирении, а в стихах «Не гаснет бескрайняя высь». Для меня вопрос дальше примирения, потому что мы еще до знакомства были за чертой вражды и мира. А «бескрайняя высь» все-таки — стихи. И из всего остального — из слов и лица на фотографической карточке — я не вижу в тебе того, кого могу сейчас принять в свою душу» («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 180—183; см. там же вклейку между с. 176 и 177). После ответа Белого на процитированное письмо Блока и до августа 1907 г. тот и другой послали друг другу по одному письму; каждое из этих писем осталось без ответа.

[3] Спектакль МХТ, 12 мая в помещении Михайловского театра.

[4] См. письмо Т. Н. Гиппиус к Белому от 7—8 мая 1907 г.

[5] В подлиннике астериск проставлен только при сноске внизу страницы, в основном тексте соответствующего знака нет; мы соотносим авторское примечание с текстом по смыслу. Письма Л. Д. Блок к Т. Н. Гиппиус мы не знаем; о письме Белого, с которым Т. Гиппиус познакомила Л. Блок, см. в письме Т. Н. Гиппиус к Белому от 7—8 мая 1907 г.

[6] Ср. в более позднем (от 26 июня 1907 г.) письме Т. Н. Гиппиус к Белому: «Бедная Люба! Милая. Какая у нее душа хорошая, глубокая и тихая. Мне иногда кажется, что она очень одинока. Не на кого ей положиться, как на каменную гору. Блок одинокий в своей сущности. Он собой живет» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 33).

[7] Нам неизвестно.

[8] После отъезда жены в Шахматово Блок освободил квартиру на Лахтинской и перебрался к матери (ЛН, т. 89, с. 193—194). Судя по письму Л. Д. Блок к мужу от 18 мая 1907 г., она действительно возвращалась в Петербург (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 161, л. 20—21).

[9] Ср. ниже письмо Т. Н. Гиппиус к Белому от 17 февраля 1908 г.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Paris. 16 мая ⟨19⟩07.

⟨...⟩ Посылаю вам это письмо через Тату [1], от нее знаю, что вы переехали в С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ург⟩, а где живете — не знаю [2]. Пишу вам только несколько слов, чтобы сказать: Боря, очень бы я хотела теперь быть в Петерб⟨урге⟩, всегда, часто, видеться с вами, говорить с вами,— и с Любой, конечно.

Я верю, вам, Боричка, т. е. верю, что у вас есть неприступная святая ваша правда, которую вы даже Любви не предадите. Но ведь эта-то часть и дает нам самые большие страдания. Иногда и туман покрывает наши ясные взоры. Мой совет, сердечный, умственный, практический, жизненный и душевный,— вы знаете, вы сам признали его верным, согласились с ним в минуту крепости и ясности. И я не изменю этому пониманию, и не устану вам повторять то, во что верю, как в вас. Помните и вы это, Боря: правда вашей любви *не осуществится*, если вы будете *жить при Блоках*, примиритесь с таким положением, как возможным и терпимым, как некоей «формой» для любви.

Я вам тут прямо *предрекаю*, и рано или поздно реальность вам подтвердит, что я это знаю и *знала*. Вам нужно, для вашей любви, как для царицы, создать новую, царскую среду, а не приспособлять любовь к уже существующей петербургской среде, в которой живут Блоки [3]. Ведь, все равно, не приспособите ее... если, конечно, она у вас царская. Главное — вы *можете* это сделать, все остальное *ниже вас* и *ваших* сил. Если бы вы умерли, стараясь приспособить любовь к среде,— и то было бы недостойно вас, именно потому, что вы, ваше назначение тут — или взять царскую любовь, или жить самому в царской среде, ожидая чуда — до последнего мгновения жизни. Понимаете ли, о чем я говорю? Царства — никто не может продать, ни за какую цену. Ни предать его. А если бы ваша жизнь теперь потекла *при* Блоках, *при* Любе, если бы вы оставили мысль «завоевать» ее, вырвать оттуда и увезти вон,— это бы значило предать свое царство любви. ⟨...⟩ «Завоюйте» Любу тихой твердостью, без лжи и приспособления, возьмите ее оттуда и приезжайте к нам, в Париж. Что будет дальше — будет видно, это не конец борь-

бы, но это первый, необходимый шаг к чуду в атмосфере царской любви. Если Люба настоящая — вы это сможете сделать, она и сама сделает. А нет — ее любовь служанка, и *вашей* царице нельзя быть в рабстве у рабыни.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 53—54.

[1] Т. Н. Гиппиус.

[2] В пору сложных отношений с Л. Д. Блок Белый неоднократно решался поселиться в Петербурге (ср. наст. кн., с. 234, 313), однако всегда это кончалось короткими наездами в северную столицу. В данном случае З. Гиппиус неправильно поняла сестру: Белого в Петербурге в это время не было.

[3] Ср. ту же оценку среды Блока в других письмах З. Гиппиус к Белому — наст. кн., с. 300, 310.

М. А. КУЗМИН — Г. И. ЧУЛКОВУ

⟨Окуловка. 6 июня 1907 г.⟩

⟨...⟩ Как Вы поживаете? Что «Белые ночи»? [1] Что милый Александр Александрович? Что Ивановы и кого из друзей Вы видите? [2] ⟨...⟩ Когда выйдут «Белые ночи», пожалуйста, пришлите мне 2 экземпляра как можно скорее [3]. Пожалуйста. Я думаю, что это будет на днях. Передайте мой привет Надежде Григорьевне [4] и Александру Александровичу [5].

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 6, л. 7—8. Дата в конце письма.

[1] Речь идет о петербургском альманахе, в издании которого Блок принимал ближайшее участие — см. наст. кн., с. 280. В связи с этим поэт оказался в какой-то степени ответственным за грубую издательскую погрешность Чулкова, на время взбудоражившую литературный круг русских символистов, и помимо того раздираемый враждой «москвичей» с «петербуржцами». 19 июля 1907 г. А. А. Кондратьев писал, например, Б. В. Беру: «Из альманахов вышел в течение лета «Белые ночи». Издали его с большим запозданием. Он должен был выйти в мае, т. к. материал был уже заготовлен в марте и начале апреля. Редактировали Блок и Чулков. ⟨...⟩ В «Белых ночах» помещен роман Кузмина без пяти последних глав, затерянных Чулковым. Кузмин недоволен. В романе этом фигурирует он сам под фамилией Демьянова, художник Сомов, переименованный в Налимова, проходят облики Вяч. Иванова, Коммиссаржевской, Сологуба и других» (Куйбышевский литературно-мемориальный музей А. М. Горького, ф. Б. В. Бера. Упоминаемый «роман» Кузмина — повесть «Картонный домик»). Поначалу Кузмин был взбешен; 16 июня он писал В. Ф. Нувелю: «Милый друг, как Вам понравилось, что не сказавши дурного слова, меня напечатали в «Белых ночах» без последних 4-х глав? Я от негодования прямо нем. Чулкова мало побить! И опечатки: ⟨...⟩ и т. д. Ах, что обо мне подумают! Нужно бы напечатать открытое письмо, хотя бы в ту же просвещенную «Русь». ⟨...⟩ Я очень тороплюсь и зол на Чулкова, скажите, кому можете, о его поступке» (ЦГАЛИ, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 8, л. 30). Но когда обида несколько улеглась, Кузмин написал — 4 июля 1907 г. — примирительное письмо Чулкову, внешним образом снимавшее напряженность (но все прошедшее, несомненно, было одною из причин временного отказа Кузмина сотрудничать в «Золотом руне») наст. кн., с. 288): «Дорогой Георгий Иванович, сердиться я на Вас не сержусь и жалеть о случившемся считаю бесполезным, но что произошло — произошло. Конечно, нужно поправить по мере сил то, что напорчено, поэтому я стараюсь о письме в журналах и находке рукописи, но неужели Вы думаете, что я могу измениться к человеку, оставшемуся таким же, с теми же глазами, тем же голосов, такими же волосами? Я получил 1 экземпляр от Вас и один от Алекс⟨андра⟩ Алекс⟨андровича Блока⟩, я не тороплюсь, но пусть Коган знает, что за мною еще 3 экземпляра» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 6, л. 11).

[2] Ср. в письме Кузмина к Вяч. Иванову от 3 июля 1907 г.: «Если Вы вздумаете мне написать и сообщить мне о всех, кого Вы встретите, я буду очень счастлив, т. к. ⟨...⟩ я совсем не знаю, что делают ближайшие милые, их творчество, их любовь и вражда. ⟨...⟩ что делает Сомов, Renouveau и милая Диотима? Что Блок, Чулков и Городецкий? Я так радуюсь, что на будущий год буду так близко от вас...» (ГБЛ, ф. 109; Renouveau — прозвище В. Ф. Нувеля, Диотима — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал).

[3] Ср. письмо к Чулкову от 14 июня С. А. Ауслендера, проводившего лето вместе с Кузминым: «Когда выйдут «Белые ночи», мне будет необходимо иметь по крайней мере 2 экземпляра. Если не будет очень трудно, пожалуйста, похлопочите о присылке их нам. ⟨...⟩ Привет Александру Александровичу и Надежде Григорьевне. Кузмин кланяется» (ГБЛ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 42, л. 3).

[4] Н. Г. Чулкова.

[5] А. А. Блок.

Л. Д. БЛОК — Л. Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ

〈Шахматово. 13 июня 1907 г.〉

〈...〉 Сегодня читала «Трагический зверинец», только что привезенный Александром Александровичем. Я не успела еще прочесть всего, но хочу непременно написать Вам с сегодняшней почтой, сегодня, когда он так радостно и глубоко меня взволновал.

ГБЛ, ф. 109. Датируется по почт. шт.: «Солнечногорск Московской г〈убернии〉 14.6.07».

Письмо в целом (как и другое письмо Л. Д. Блок к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, от 29 июня 1907 г.) представляет собою восторженный отзыв на книгу Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» (СПб., 1907). 10 июня Блок приехал в Шахматово с собственным экземпляром книги; а 22 июня, возвратясь в Петербург, писал жене: «Завтра высылаю (заказн〈ой〉 бандеролью) тебе «Трагич〈еский〉 зверинец» с очень хорошей надписью, Лид〈ия〉 Дм〈итриевна〉 прислала и просила переслать. Мама уже читает «Зверинец» и тоже в восторге, говорит, что это ее детство» (ЛН, т. 89, с. 206). Высокий отзыв самого поэта на книгу Зиновьевой-Аннибал, появившийся после ее смерти, см. в его статье «Литературные итоги 1907 г.» — V, 226.

З. Н. ГИППИУС — В. Я. БРЮСОВУ

〈16/〉 29 июня 1907 г.

〈...〉 Последние Весы боюсь хвалить: пожалуй, выйдет, что мне нравятся номера, где я эталируюсь под всякими личинами [1]. Но мне нравится ваша рецензия о Соловьеве [2], Эллис ничего, хотя и скачет широко [3], да и Белый на этот раз лучше обыкновенного, попадает не в корову, а в ворону, куда и метит [4]. Огненный ваш ангел уж очень отрывочен, вы бы его больше пускали, это вредит вещи [5]. Не знаю, что сказать на «Громовое «Бри!!» Блока. Просто не вкушается как-то эта пища, не видятся уже эти «видения» [6]. Ей богу, скоро не одну меня, а и многих от этого «на капусту потянет» [7].

ГБЛ, ф. 386, к. 82, ед. хр. 39, л. 22 об.

В письме речь идет о № 5 «Весов» на 1907 г.

[1] В указанном номере «Весов» Гиппиус принадлежат: стихотворения «Овен и Стрелец» («Не март девический сиял моей заре...»), «Между» («На лунном небе чернеют ветки...»), «Боль» («Красным углем тьму черчу...»); разборы первого выпуска альманаха «Шиповник» (СПб., 1907) и первого тома «Рассказов» С. Сергеева-Ценского (СПб., 1907), за подписью «Антон Крайний»; статья «Трихина» (рецензия на 1—6 номера журнала «Перевал»), за подписью «Товарищ Черман».

[2] Гиппиус отмечает только часть (более значительную по объему) статьи Брюсова «Новые сборники стихов», посвященную разбору книги С. Соловьева «Цветы и Ладан» (М., 1907), оставляя без внимания те разделы, где даны краткие отзывы о сборниках стихов литераторов из враждебного лагеря: об «Алой книге» (М., 1907) С. Кречетова (С. А. Соколова) и «Снежной маске» Блока.

[3] Речь идет о рецензии Эллиса на сборник «Корабли» (М., 1907), где автор формулирует свой взгляд на расхождения «москвичей» и «петербуржцев» в области теории символизма и ее осуществления в художественной практике. Оценки отдельных произведений у Эллиса явно продиктованы партийной лицеприятностью: панегирики Брюсову и Белому, кислые суждения о Блоке («Стихи А. Блока — неясны и растянуты») и Вяч. Иванове, уничижительные отзывы о меньших «петербуржцах» — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Г. Чулкове.

[4] Речь идет о статье А. Белого (за подписью «Борис Бугаев») «На перевале. VII. Штемпелеванная калоша», известном памфлете на «петербуржцев».

[5] Публикацию романа Брюсова «Огненный ангел» «Весы» начали в № 1 (январь) на 1907 г., а закончили только в декабрьском, двенадцатом номере; в № 5 была помещена гл. III.

[6] Речь идет о первом «видении» блоковской «Незнакомки», помещенном в этом номере «Весов». Гиппиус имеет в виду реплику Человека в пальто и ремарку к ней: «Человек в пальто громко, как ружейный залп: Бри!» (IV, 89).

[7] Ср. в рецензии (о которой см. наст. кн., с. 288) А. Белого на роман М. Кузмина «Крылья» (М., 1907): говоря о том, что писатель «рисуется эстетизмом», Белый язвит: «Обо всем этом мы, можно сказать, слыхивали. И об афродизийских разрезах глаз, и о клингеровской осиянности далей, и о Рамо, и о Дебюсси, и о Марло, и о Суинберне, и о русской старине: и о крюках, и о банщиках — тоже слыхивали; и о прочих ананасах слыхивали; и потянуло иных с ананаса на капусту» («Перевал», 1907, № 6, с. 50).

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ — В. Я. БРЮСОВУ

‹Петербург.› 25 июня 1907 г.

‹...› Относительно «Золотого р‹уна›» я по приезде в Петербург получил совершенно другие сведения, чем те, которыми мы с Вами располагали во время нашей беседы,— напр‹имер›, о приглашении Блока вести критический отдел. Это заставило меня отказаться от первоначального намерения уйти из журнала, и я, наоборот, теперь хочу работать в нем. Последний номер, по-моему, удачен [1], и это еще более укрепляет меня в таком решении.

ГБЛ, ф. 386, к. 83, ед. хр. 36, л. 18.

Летом 1907 г. Брюсов готовил группу писателей, сотрудничавших в «Золотом руне», к выходу из журнала; вскоре «Золотое руно» оказалось органом «петербуржских» символистов; Городецкий деятельно сотрудничал в обновлении журнала — подробнее о перемене курса и переустройстве «Золотого руна» и роли в этом Блока см. наст. кн., с. 298—299 и далее.

[1] Городецкий имеет в виду, вероятно, № 5 «Золотого руна», где проявилась новая линия журнала — см. наст. кн., с. 298.

М. А. КУЗМИН — В. Ф. НУВЕЛЮ

3 июля 1907 г.

‹...› Мне из «Весов» прислали кусочек корректур Белого о «Цветнике», где он очень хвалит «Евдокию» и «Любовь этого лета» [1], хвалит Городецкого и Ремизова с выпадом против Вяч. Ив‹анова› и Блока [2].

ЦГАЛИ, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 8, л. 32.

М. А. Кузмин, по всему складу своего дарования и личности, оказался чужд этико-эстетической контроверзе, расколовшей русских символистов. Ему невыгодно было порывать с «москвичами» и их «Весами», равно как и с «петербуржцами», собравшимися вокруг «Золотого руна». С Блоком и Вяч. Ивановым Кузмина связывали личные дружеские отношения. Он неизменно передает приветы Блоку в летних своих письмах к Чулкову (см. с. 286, а также — в письмах к Чулкову С. А. Ауслендера, проводившего лето вместе с Кузминым (ГБЛ, ф. 341, к. 2, ед. хр. 46, л. 3, 9 об.). И когда началась настоящая борьба за него двух группировок, Кузмин писал Нувелю: «В «Руне» 5-ом № будут помещены мои «Предки» и «Люблю — сказал я, не любя», просят очень присылать еще, между тем как «Скорпион», ожидая ругательной статьи против них, предлагает и мне участвовать в их демонстративном выходе из «Руна». Думаю отмолчаться» (письмо от 5 июня 1907 г.— ЦГАЛИ, ф. 781, 1.8, л. 28). Однако определить свое положение Кузмину пришлось: совместное заявление Ю. Балтрушайтиса, М. Кузмина и М. Ликиардопуло о присоединении к Д. Мережковскому, З. Гиппиус, В. Брюсову и А. Белому и о выходе из «Золотого руна» появилось в газете «Столичное утро» (ср. наст. кн., с.298). Впрочем, Кузмин очень скоро возвратился в «Золотое руно», о чем Г. Э. Тастевен уведомлял Г. И. Чулкова (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 5; недатированное письмо). В рядах «весовцев» были свои группировки: Д. В. Философов, в конце концов оставшийся сотрудником «Золотого руна», сообщал А. Белому в августе 1907 г. о своем и Мережковского с Гиппиус решении: «Из «Руна» мы хотим выходить (вместе с вами и Брюсовым, но без Кузмина). Брюсов пришлет мне текст письма» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 56 об.). Тактика «весовцев», пытавшихся перетянуть Кузмина от Иванова, Блока и Чулкова на свою сторону, прекрасно отразилась в письме Кузмина к Нувелю, написанном в ответ на соображения последнего по поводу письма Кузмина от 3 июля 1907 г., откуда приводим фрагмент: «Вы так пишете, будто я какой-то поклонник и единомышленник Белого. Конечно, совершенно конечно, что Вяч. Ив‹анов› *и как поэт и как личность незыблемо высок и дорог; важно только* принять во внимание дипломатическую сторону статьи Белого, вдруг потянувшего меня и Городецкого, так недавно ругаемых им. В корректурах, когда временно Брюсова не было в Москве, было: «К сожалению, он напечатал плохо отделанный, очевидно наспех написанный роман «Крылья». После прибытия Валер. Як. ‹Брюсова› это обратилось в скобки («Мне не нравятся его «Крылья»), поставленные, как объясняют, в оправдание перемены Белого сравнительно со статьей в «Перевале». Из «Перевала» я получил вторичное приглашение и не отказался». И далее, со слов киевского литератора А. И. Филиппова: «Брюсов — один из главных моих защитников. Этому нельзя верить, но верно то, что эту позу он считает теперь наиболее выгодной» (ЦГАЛИ, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 8, л. 35—36). Кузмин упоминает уничижительную рецензию А. Белого на его роман «Крылья» («Перевал», 1907, № 6) и излагает историю другой рецензии А. Белого («Весы», 1907, № 6) на «петербургский» альманах «Цветник „Ор“» (см. наст. т., с. 274).

[1] «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» Кузмина появилась в альманахе «Цветник „Ор“», а цикл его стихотворений «Любовь этого лета» — в «Весах» (1907 г., № 3).

[2] Среди резких отзывов в «Весах» о произведениях Блока и Иванова и об их творчестве в целом встречаются и такие выпады Белого: «По щучьему веленью безграмотных и бездарных Чулковых (пишущих, однако, в газетах и потому вывозящих в свет слабовольных петербургских художников) и с соизволения почтенного, но как-то растерявшегося В. Иванова, сверх-индивидуалисты чулкистскими молоточками откалывают камушки от трудно сдвигаемых твердынь Ницше, Ибсена» и т. д. («Весы», 1907, № 6, с. 67).

В. А. ПЕСТОВСКИЙ (ПЯСТ)
Фотография с автографом, 1900-ые гг. (?)
Музей истории Ленинграда

ВЛ. ПЯСТ — В. Я. БРЮСОВУ

5 июля 1907 г.

〈...〉 Только что кончил я очерк Вашей поэзии для сборника М. Гофмана [1]. Приблизительно через неделю собираюсь быть в Москве; был бы крайне счастлив прочесть Вам статью; Вы увидели бы из нее, что написана она человеком любящим и изучающим Вас и Ваше.

Выбор стихов сделан мной применительно к очерку. Боязнь, что в нем отразился лишь близкий мне, дорогой мне Брюсов, рассеялась у меня после совета с А.А. Блоком, мнение которого относительно выбора во всем почти совпало с моим. Но вчера я прочел (по окончании выбора) Вашу записку [2]. Она оказалась довольно далека от моего плана. Я предложил 20 стихотворений, из которых уступить (по недостатку места) согласился бы лишь два. Считаю необходимым представить Брюсова первого периода стихотворениями: «Летучая Мышь» (Ch〈efs〉 d'O〈euvre〉, 29) и «Побледневшие звезды» (37, M〈e〉 e〈um〉 e〈sse〉) [3], причем последнее можно было бы заменить предыдущим в M〈e〉 e〈um〉 e〈sse〉 («Я помню вечер»). Брюсова *Tertia Vigilia* — «*В дни запустений*» (3) и «Дон-Жуан» (4). Последнего заменил бы «Втирушей» (U〈rbi〉 〈t〉 O〈rbi〉), или, если Вы настаиваете, «*Ассаргадоном*» [4]. Из *Urbi et orbi* предположил я «*У земли*» (5), «*Прощальный взгляд*» (6), «Искушение» (7, целиком, не могу отказаться от самого дорогого мне), «*Фабричную песню*» (8), «*Раба*» (9), «*Пытку*» (10)[5] и отрывок из «Замкнутых» (11; от места: «За городом был парк»— до конца 1 части). Из *Stephanos* — «Тишину» (12), «Тезей Ариадне» (13), «Кинжал» (14, готов переменить на «1905-й год», хотя уже ввиду эпиграфов считаю более брюсовским «Кинжал») [6], «*Грядущих гуннов*» (15). Также «Мальчика» *или* «Царицу» (16, U〈rbi〉 e〈t〉 O〈rbi〉) [7], «Habet illa in alvo» (17, U〈rbi〉 e〈t〉 O〈rbi〉), предчувствуя невозможность, готов заменить приветствием (St〈ephanos〉) Ю. Балтрушайтису или Андрею Белому (18, U〈rbi〉 e〈t〉 O〈rbi〉), здесь колеблюсь: не «Амалтею» ли (T〈ertia〉 V〈igilia〉), «Орфея и Эвридику» (19, ввиду «Тезея» могу уступить — недостатку места) и «Знойный день», «Облака» (U〈rbi〉 e〈t〉 O〈rbi〉) или «Вруцелю» (20, здесь то, другое и третье одинаково пленяют, одинаковая роскошь для нашего сборника — позволят ли мне ее — не знаю). «*Конь Блед*» упоминается

мною и, конечно, я привел бы его,— если б не место![8] «У себя» цитируется, как «Антоний», «Одиночество» (оба) и др.

Должен был отказаться от «Нити Ариадны», «Решетки» и других самых любимых из Ваших вещей[9].

ГБЛ, ф. 386, к. 99, ед. хр. 49, л. 30—31 об.

[1] Речь идет о готовившемся в 1907 г. издании: «Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Критические очерки Валерия Брюсова, Модеста Гофмана, Б. Дикса, Н. Лернера, Ан. Попова и Влад. Пяста. Стихотворения и автографы-автобиографии К. Д. Бальмонта, Валерия Брюсова, Ивана Коневского, Андрея Белого, Зин. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, Федора Сологуба, Вячеслава Иванова, Алекс. Блока, Сергея Городецкого, М. Волошина, М. Кузмина». Под редакцией Модеста Гофмана. СПб.— М., издание т-ва М. О. Вольф, 〈1909〉. Очерк о Брюсове для этого сборника был написан Вл. Пястом (с. 65—78); он же, наряду с М. Л. Гофманом и Б. Диксом (псевдоним Б. А. Лемана), был одним из его инициаторов и составителей. Редактор сборника Модест Людвигович Гофман (1887—1959) — тогда начинающий поэт-символист, впоследствии известный историк литературы, пушкинист — предполагал выпустить его в свет еще в 1907 г. «Сборник уже печатается»,— сообщал он Брюсову 9 июня 1907 г.; 29 сентября 1907 г. он же подтверждал Брюсову это сообщение: «Книга о русских поэтах» печатается 〈...〉 «Книгу» издает типография «Друкарь» (бывшая «Вольная типография»)» (ГБЛ, ф. 386, к. 83, ед. хр. 44).

[2] В этой записке (представленной, видимо, М. Л. Гофману) Брюсов сообщал свои пожелания по выбору собственных стихотворений для «Книги о русских поэтах...». В ответном письме Пясту (авторская дата: «июль 1907») Брюсов отмечал: «Я совсем не знал, что для сборника М. Гофмана Вами уже составлен список моих стихотворений, иначе я или не стал бы составлять своего или вступил бы с Вами в переговоры, чтобы выработать один общий. Но когда уже так случилось, что налицо — два списка, постараемся их согласить. Я *очень настаиваю* только на одном стихотворении, которое Вы не упоминаете вовсе: «*В Дамаск*» (U〈rbi〉 e〈t〉 O〈rbi〉), дорогом мне и важном для меня» (ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 2, ед. хр. 2).

[3] Указываются номера страниц, соответственно, 2-го издания книги Брюсова «Chefs d'Oeuvre» (М., 1896) и книги «Me eum esse» (М., 1897). В ответ Брюсов писал: «Что же касается того, чтобы охарактеризовать и мои ранние сборники 〈...〉, то мне эта задача кажется невыполнимой: одно — два стихотворения не скажут читателю ничего».

[4] Брюсов указал в ответном письме, что решительно предпочитает «Ассаргадона» «Дон Жуану» и «Втируше».

[5] Брюсов ответил на эти предложения, сравнивая их с собственными пожеланиями: «Боюсь я включить в список «Раба», так как в антологии он будет, пожалуй, иначе понят, чем в книге 〈...〉 Охотно соглашаюсь я на замены: «*В дни запустений*» вместо «В неоконченном здании», «Фабричная» («Как пойду я по бульвару») вместо «На новый колокол», «У земли» вместо «У себя». С радостью включаю в список «Пытку»».

[6] Брюсов отвечал: «... я *решительно предпочитаю*: «*Орфея и Эвридику*» — «Тезею», «*Приветствие*» («Поблек предзакатный румянец») — «Тишине» 〈...〉 «Кинжал» кажется мне вульгаризованным, и лично я предпочел бы «1905 год», но не настаиваю на этом» (имеется в виду стихотворение «На новый 1905 год»).

[7] Брюсов отвечал: «Решительно отвергаю я стихотворения «Мальчишка» (sic!) и «Царица», очень для меня второстепенные». 21 июля 1907 г. Пяст написал Брюсову в этой связи: «Относительно «Мальчика» и «Царицы» я от души присоединяюсь к Вашему мнению, первоначально включив их только под влиянием Блока, Чуковского, Белого и других» (ГБЛ, ф. 386, к. 99, ед. хр. 49).

[8] В связи с этим Брюсов написал Пясту: «Очень хотелось бы мне сохранить в списке «Конь блед» и «Гесперидовы сады».

[9] В своем ответном письме Пясту Брюсов предложил для сборника список из 12 названий: «Ассаргадон», «В дни запустений», «Фабричная» («Как пойду я по бульвару...»), «У земли», «На новый 1905 год» (или «Кинжал»), «Грядущие гунны», «Конь блед», «Орфей и Эвридика», «Гесперидовы сады», «Приветствие», «Пытка», «В Дамаск». «Если позволит место,— добавлял Брюсов,— я буду рад присоединить к этому списку еще несколько стихотворений, названных Вами, хотя бы «*Раба*», отрывки из «*Искушения*», «*Habet illa in alvo*», «*Замкнутых*», мелочки, как «*Белый день*» или «*Облака*», и даже пресловутого «*Каменщика*» или «Знакомую песнь». Но полагаю, что и 12 стихотворений — цифра предельная». В «Книгу о русских поэтах...» вошло 15 стихотворений Брюсова (при этом Пяст попытался согласовать пожелания автора с собственным выбором): «Ассаргадон», «В дни запустений», «Приветствие», «В Дамаск», «Тезей Ариадне», отрывок из поэмы «Замкнутые», «Искушение», «Прощальный взгляд», «Кинжал», «Грядущие гунны», «Пытка», «У земли», «М. А. Врубелю», «Юргису Балтрушайтису», «Конь блед» (с. 79—98).

М. А. КУЗМИН — В. Ф. НУВЕЛЮ

〈31 июля 1907 г.〉

〈...〉 Блок, попав в «Знание» [1], прямо с ума сошел, и читая его статью в том же «Руне», то слышишь Аничкова, то Чулкова, то, помилуй бог, Луначарского.

ЦГАЛИ, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 8, л. 38 об.

Кузмин пишет о статье Блока «О реалистах», напечатанной в № 5 журнала «Золотое руно» на 1907 г.

[1] В начале 1907 г. на Капри велись переговоры между Горьким и Л. Андреевым о редактировании последним сборников «Знание». В письме к Горькому от 28 июля т. г. Андреев так сформулировал продуманную им программу альманаха: «Нужно приглашать новых (на одних старых никуда не уедешь, жизнь уходит от них), и я и не знаю, насколько в этом случае я могу быть самостоятелен. По-моему, например, необходимо пригласить теперь же: Блока, Сологуба, Ауслендера, еще кой-кого. 〈...〉 Выбор материала будет у меня параллелен моей собственной работе: «буду помещать только то, что ведет к освобождению человека». Точнее формулировать трудно, ибо все в конце концов дело такта и понимания» (ЛН, т. 72, с. 284; ср. там же, с. 30).

Блок воодушевился перспективой выхода за рамки литературной школы, представителем которой выступил в начале творческого пути. В то же время он хорошо знал о разногласиях внутри этой школы, которые вели к неминуемому расколу. Он, несомненно, имел в виду не только свое будущее сотрудничество в сборниках «Знание», но и перемены в составе авторов «Золотого руна», и, в связи с этими двумя фактами, возможное отношение к своей новой позиции со стороны А. Белого («Бори») и Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус («парижан»), когда писал жене: «〈...〉 тут у меня сложнейшие планы и комбинации — литературные, в зависимости от Горького, Андреева, Бори, парижан и пр.» (ЛН, т. 89, с. 202).

Связующим звеном между Блоком и Л. Андреевым стал Г. И. Чулков (Блок и Андреев не были лично знакомы — см. там же, с. 204). Он же пытался привлечь к сотрудничеству в сборниках «Знание» С. А. Ауслендера, как это видно из письма Кузмина к Нувелю от 5 июля 1907 г. (где очевидна частая у Кузмина недружелюбная недоверчивость): «Чулков теперь пугает Сережу, уверяя, что Л. Андреев, пленясь „Вечером у Севиража“, предлагает ему поступить заживо в „Знание“» (ЦГАЛИ, ф. 781, к. 1, ед. хр. 8, л. 33; «Сережа» — С. А. Ауслендер, упомянут его рассказ «Вечер у господина де Севиража»).

Однако, Горький в своем ответе на приведенное выше письмо Л. Андреева резко и непримиримо высказался против соединения «новых» и реалистов в одном издании. Если о начинающем Ауслендере он отказывался произнести окончательное суждение («Нельзя понять, что скажет Ауслендер далее, но я ничего не имею против него»), то Сологуб и Блок были для него совершенно неприемлемы («Мое отношение к Блоку отрицательно» (ЛН, т. 72, с. 287—288). В результате участие модернистов в сборниках «Знание» не состоялось, а Л. Андреев отказался от их редактирования (см. наст. кн., с. 295).

ЭЛЛИС (Л. Л. КОБЫЛИНСКИЙ) — В. Я. БРЮСОВУ

〈Июнь—июль〉 1907 г.

〈...〉 Если Б〈орис〉 Николаев〈ич〉 [1], вы и др〈угие〉 из «Весов» стали бы опять сотрудничать в «Зол〈отом〉 руне» с самыми тактическими целями, опять был бы поддержан разлагающийся труп и долго заражал бы воздух. Лучше вовсе не надо журнала, чем журнал, где рядом уживаются Брюсов и Шинский [2], Мережковский и Кречетов [3], Блок и Тастевен. Это у общества родит мысль о доступности высот, о простоте, о обыденности и обыкновенности «divin» *! 〈...〉

Ужас момента не в том, что есть классики и символисты и реалисты, а только в том, что смешиваются воедино разные стили. Хорош и сахар, хороша и соль, но ужасен воздушный пирог с солью, а «Жар-птица» [4], «Перун» [5], Ремизов, Блок (в драмах), Дионисий Иванович [6] — сахар с солью.

ГБЛ, ф. 386, к. 109, ед. хр. 44, л. 37—38.

Письмо, по-видимому, относится ко времени, когда достаточно вырисовывалась новая линия «Золотого руна», но выход «весовцев» из числа его сотрудников еще не был решен окончательно, и могли обсуждаться планы их участия в журнале с «тактическими целями»,— подробнее см. в комментарии на письмо Г. Э. Тастевена к Г. И. Чулкову от 〈30 августа 1907 г.〉, наст кн., с. 297.

* «божественного» (*франц.*).

[1] Б. Н. Бугаев (Андрей Белый).
[2] Псевдоним Н. П. Рябушинского.
[3] Псевдоним С. А. Соколова, ко времени письма давно вышедшего из журнала.
[4] Книга стихов К. Д. Бальмонта (М., 1907).
[5] Книга стихов С. М. Городецкого (СПб., 1907).
[6] Вяч. Иванов, прозванный так по своей проповеди дионисийского восторга.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово.⟩ 9 августа 1907 г.

⟨...⟩ А тут еще напасть. Представьте себе, что Андрей Белый, прочтя в редакции «Золотого руна» сашину статью о реалистах, написал Саше до того оскорбительное письмо, что прямо мы были ошеломлены [1].

Лучше меня никто не знает сашиных недостатков. Но обвинять его во лжи, подлости и двоедушии нельзя. Кажется мне, что и Вы, Женя, знаете Сашу хорошо. И недостатки его знаете и всю подноготную его как поэта знаете. Знакомо Вам все, что этой зимой делалось с ним. И оценить все это Вы умеете. Поэтому, если очень будет нужно, согласитесь приехать к нам сюда, Саша сам пишет Вам, для чего [2]. Милый мой Женя, по секрету, между нами двумя, и деньги у меня найдутся для этого Вашего приезда, если только Вы согласитесь приехать, милый и незаменимый, единственный в своем роде. Это я Вам на всякий случай пишу, чтоб такой задержки у Вас не оказалось. Хотела уж сама к Вам ехать сегодня, прямо на службу. Да решила, что время есть еще письмом все это Вам сообщить. Напишите мне, родной мой друг, совершенно прямо, как человеку, которому, в этом случае, *неоценимо дорога правда*, разве можно считать Сашу продажным, двоедушным и лживым? [3]

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

[1] Письмо Андрея Белого Блоку от 5 или 6 августа 1907 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 192), написанное в связи с выходом статьи Блока «О реалистах» («Золотое руно», 1907, № 5) — ср. наст. кн., с. 291
[2] В ответ на письмо Белого Блок отослал ему 8 августа вызов на дуэль (VIII, 191—192). На следующий день он отправил письмо Е. П. Иванову, в котором объяснял свой поступок и просил Иванова быть его секундантом (VIII, 192—194).
[3] Ответное письмо Е. П. Иванова нам неизвестно. Блоку же он писал 11—12 августа: «... я умоляю тебя, понимаешь ли, умоляю не делать этого: самым смешным, самым нелепым образом умоляю тебя не «драться» ⟨...⟩ Ты, конечно, сам догадывался, что я от секундантства откажусь, ибо к этой роли совсем не приспособлен и ничего не понимаю, как и что делать. Как оружие приобрести, объясняться как ⟨...⟩ ты, как более здоровый духом и телом, по-моему, лучше бы не делал этого явного вызывания на дуэль. Право, гнусно будет, если убьет кто кого, и из-за чего», и т. д. (ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 42; извлечения из этого письма с неточностями напечатаны в комментариях в кн.: «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову», с. 118—119). Разрешение конфликта между Блоком и Белым было достигнуто в их последовавшей переписке (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 193—213); см. также письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух к Е. П. Иванову от 15 августа 1907 г.— наст. кн., с. 293—294).

Д. В. ФИЛОСОФОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Baden-Baden. Pension Luisenhöhe. 9/22 августа 1907 г.

⟨...⟩ А поход против Петербурга начать следует [1]. Явно, что Блок и Чулков соединились с Андреевым против нас [2]. Моя роль окончена. Явно никогда не простится мне хула на Горького и Андреева! [3]

ГБЛ, ф. 25, к. 24, ед. хр. 16, л. 27 и об.

[1] Речь идет о дальнейшем развитии кампании, которую уже более года «московские» литераторы (прежде всего А. Белый и В. Я. Брюсов) в союзе с «парижанами» (З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским) вели против «петербуржцев» — Г. И. Чулкова, Вяч. Иванова, Блока.
[2] Речь идет о планах Л. Андреева привлечь символистов к участию в сборниках «Знание» — см. наст. кн., с. 291, 295.

[3] Философов постоянно выступал ярым противником Горького и Л. Андреева: см., например, его лекцию 1904 г. в Литературно-художественном кружке им. Я. П. Полонского «„Дачники" Максима Горького как проповедь мещанства будущего» (программа, ЦГАЛИ, ф. 2398, оп. 1, ед. хр. 288, л. 3); статьи «Конец Горького» («Русская мысль», 1907, № 4, апрель) и т. п.; ср. ЛН, т. 72, с. 289—298 и др. 2 октября 1909 г., когда отношение Блока к Андрееву уже переменилось, он писал Философову, вероятно поддерживая Л. Д. Блок: «О Л. Андрееве, кажется, никто еще так обидно не „выражался", как Вы, но Люб⟨овь⟩ Дмитриевна находит, что и этого еще мало» (ГПБ, ф. 814, № 37).

В. Ф. НУВЕЛЬ — Л. Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ

11 августа 1907 г.

⟨...⟩ В Москве встречался с Брюсовым и с Белым [1]. Защищал Петербуржцев от нападок Москвичей. Особенно попадает Блоку, ну и, конечно, Чулкову. Статья Вячеслава Ив⟨ановича⟩ в «Руне» вызвала почему-то страшный гнев Эллиса. Почему? Я так и не мог понять [2].

В конце концов единственный петербуржец, пользующийся московскою благосклонностью, — это Кузмин, защищаемый даже от Антона Крайнего [3], и еще Ремизов.

О «мистическом анархизме» иначе, как с пеной у рта, не говорят.

В общем, впечатление такое, что Петербург с Москвою никогда не уживутся. Das ist der alte Streit... *

По слухам «Перевал» и «Руно» доживают последние дни [4]. Останутся одни «Весы». Не пора ли Петербургу иметь свой журнал? Встретил здесь непоправимого эсдека и англомана Аничкова и, к ужасу, узнал, что и он собирается издавать журнал вместе с Вяч⟨еславом⟩ Ив⟨ановичем⟩. Неужели возможно такое противоестественное сочетание? [5]

ГБЛ, ф. 109.

[1] Белый рассказал о своей встрече с Нувелем З. Н. Гиппиус, и та в своем ответном письме сообщала: «Нувель был весной в Париже и говорил, как грамофон, те же фразы, что и вам. Ужасно страшным он нам показался» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 58).

[2] Речь идет о статье Вяч. Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» («Золотое руно», 1907, № 5, май).

[3] Антон Крайний — псевдоним З. Н. Гиппиус. Об отношении «весовцев» во главе с Брюсовым к Кузмину см. наст. кн., с. 288.

[4] «Перевал», действительно, вскоре закрылся на двенадцатом (октябрьском) номере 1907 г. «Золотое руно», напротив, вскоре стало главным органом «петербуржцев».

[5] Е. В. Аничков был в дружбе с Вяч. Ивановым, о чем Нувель не мог не знать. О необходимости собственного печатного органа для литераторов, сгруппировавшихся вокруг Блока и Иванова, писал 13 июля 1907 г. Г. И. Чулкову С. А. Ауслендер: «Слышал, что есть слухи о журнале. Правда ли? В конце концов журнал будет, потому что это необходимо. Но как и когда?» (ГБЛ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 46, л. 9 об.). Однако слухи о новом журнале не подтвердились.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово.⟩ 15 августа 1907 г.

Милый и дорогой мой Женя, спасибо Вам за Ваше доброе, прекрасное письмо. Все уладилось. Андрей Белый взял назад свои обвинения [1]. Но мне невыразимо тяжко от сознания и уверенности, что еще долго, долго будет продолжаться эта странная канитель. Он прислал Саше 12 страниц писчей бумаги с объяснениями. Саша прочел их нам с Любой вслух и сегодня поехал объясняться с Бугаевым в Москву [2]. Если б я могла поговорить с Вами теперь, как бы это было мне дорого. Глубоко я чувствую, что никогда они не сговорятся, потому что в глубине Бугаева сидит мелкий хам (мелкий бес). Саша же в глубине прост и великодушен. Писатель Андрей Белый — горячий, нужный и прекрасный,— человек Бугаев — дрянной, немощный и лживый. Я ли не испытала на себе всего соблазна его чарующего искусства? —

* Это — старый спор (*нем.*).

Люба сейчас прямо говорит, что он — Антихрист, говорит с уверенностью, что она его победила. Победила ли? <...> Пишете Вы мне про Тату. А я боюсь уж верить в ее честность. Кажется, ведь часть сплетен через нее. Говорю это только Вам, потому что не хочется мне сомневаться в Тате. И я не рассталась с моей верой в нее, а еще только усомнилась [3].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

[1] См. наст. кн., с. 292.

[2] В письме, начатом 15-го и законченном 17 августа, Блок говорил Белому: «Вчера, под впечатлением Ваших писем, я поехал в Москву, написал Вам из ресторана «Прага» письмо о том, что хотел бы говорить с Вами искренно и серьезно. Это письмо прервал на половине, показалось, что письменно не изложить всего. Теперь продолжаю — и вот почему: когда лакей воротился с ответом, что Вас нет дома (это было в 10-м часу вечера), мне показалось, что так и надо, что нам все равно не сговориться устно» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 205). Упомянутое письмо Блока к Белому от 15 августа не сохранилось. Встреча и двенадцатичасовой объяснительный разговор Блока с Белым состоялись в Москве 24—25 августа (см.: Андрей Белый. Воспоминания о Блоке.— «Эпопея», № 3. М.— Берлин. «Геликон». 1922, с. 270—280).

[3] Роль Т. Н. Гиппиус в развитии отношений между Блоками и Белым видна из ее писем к последнему, приводимых выше.

ИЗ ДНЕВНИКА О. В. СИНАКЕВИЧ

<После 16 августа 1907 г.>

<...> В один из этих дней наша Аннушка, ежедневно ходившая на нашу квартиру за почтой, принесла письмо, адресованное мне «для передачи М. К. Станюкович». Прочтя его, Маня таинственно вызвала меня в прихожую.— «Знаешь, от кого это письмо?»— спросила она.— «От Александра Блока! Я послала ему недавно несколько своих стихотворений и просила дать отзыв. Дала твой адрес. И вот его ответ: читай».

Отзыв был вполне благоприятный — и радостно взволновал и меня. Я поздравляла Маню, а она просила никого больше не посвящать в это «событие». В дальнейшем ее переписка с Блоком, кажется, не имела продолжения.

ГПБ, ф. 163, ед. хр. 341, л. 9.

Ольга Викторовна *Синакевич* (урожд. Яфа, 1876—1959) — педагог. Текст дневника перерабатывался и дополнялся ею по прошествии значительного времени от занесенных в него событий. Упоминаемая в приводимой записи Мария Константиновна Станюкович (1875—1942) — дочь К. М. Станюковича, подруга О. В. Синакевич в продолжении целой жизни, также педагог; печаталась в теософских журналах. Ее переписка с Блоком неизвестна.

С. М. СОЛОВЬЕВ — В. Я. БРЮСОВУ

17 августа <1907 г.>, с. Петровское

<...> Кончат ли мои друзья бранить Чулкова? [1] Стоит ли говорить об этом ничтожестве? «Незнакомка» была бы б<...> хоть куда, но, к сожалению, кузен мой по старой памяти во всякой б<...> прозревает нечто вроде «Девы Марии», а под конец переносит действие в Шотландию и твердит о Мэри [2]. Все это вместе «кощунственно и глупо», как отозвался о Ренане некий диакон. Затем, нельзя же писать: «*прекрасный* поэт прекрасной дамы», написав книжку под заглавием «Стихи о прекрасной даме» [3].

ГБЛ, ф. 386, к. 103, ед. хр. 23, л. 13—14.

[1] Подразумевается критика по поводу Г. И. Чулкова и его теории «мистического анархизма» в летних номерах «Весов», в частности— в рецензиях Андрея Белого на альманах «Цветник Ор» (№ 6, с. 68—69), драму Чулкова «Тайга» (№ 6, с. 69—70), на альманах «Белые ночи» (№ 7, с. 74).

[2] Соловьев интерпретирует таким образом содержание пьесы Блока «Незнакомка», напечатанной в «Весах» (1907, № 5, с. 21—28; № 6, с. 15—22; № 7, с. 17—24).

[3] Имеется в виду реплика Хозяйки в третьем видении «Незнакомки»: «Наш прекрасный поэт прочтет нам свое прекрасное стихотворение, и, надеюсь, опять о прекрасной даме...» («Весы», 1907, № 7, с. 21; IV, 98).

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Homburg, villa Ernst, 〈19 августа〉 1 сентября 1907 г.

〈...〉 Спасибо за длинное письмо. С тех пор Брюсов мне писал [1], что вы получили от Бл〈ока〉 письмо с отречением от мист〈ического〉 анарх〈изма〉 [2]. Ну, да от непонимания это.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 60. Видовая открытка: окрестности Баден-Бадена. Датируется по почт. шт.: 1—9.07».

Ответ на неизвестное нам письмо Белого.

[1] Этого письма Брюсова мы не знаем.

[2] Речь идет, по всей вероятности, о письме Блока к Белому от 6 августа 1907 г., где поэт, в частности, говорил: «с мистическим реализмом», «мистическим анархизмом» и «соборным индивидуализмом» *никогда не имел, не имею и не буду иметь ничего общего.* Считаю эти термины глубоко бездарными и ровно ничего не выражающими. Считаю, что мистический анархизм был бы давно забыт, если бы все Вы его не раздували так отчаянно» (VIII, 189).

Г. И. ЧУЛКОВ — В. И. СТРАЖЕВУ

20 августа 1907 г.

Кстати, вот Вам сообщение в *хронику*, если оно еще не известно Вам: «Леонид Андреев болен и по болезни своей отказался редактировать сборник «Знание». Таким образом сотрудничество в «Знании» Сологуба, Блока и нек〈оторых〉 др. не состоялось» [1]. 〈...〉

P. S. Алекс. Алекс. Блоку очень понравились Ваши стихи, о чем он и написал в статье своей в «Золотом Руне» («О лирике») [2].

ЦГАЛИ, ф. 1677, оп. 1, ед. хр. 430, л. 3.

[1] В издававшейся Стражевым газете «Литературно-художественная неделя» (вышло четыре номера, в сентябре — октябре 1907 г.) подобное сообщение не появлялось. 13 августа 1907 г. Л. Андреев писал М. Горькому: «〈...〉 редактировать сборники я не могу. Пригласить Блока, Сологуба и др., то есть тех, которые, по моему мнению, сейчас наиболее хорошо служат литературе мысли, я не могу; других не вижу и не знаю. Оставить же сборники, как они есть и только ставить марку, ты сам понимаешь, дело выходит ни к чему» (ЛН, т. 72, с. 292; Горький одобрил отказ Андреева от редактирования сборников — там же, с. 296). О неудавшейся попытке Л. Андреева привлечь к сотрудничеству в сборниках издательства «Знание» писателей-модернистов см. так же наст. кн., с. 291.

[2] Отзыв Блока на книгу Стражева «О печали светлой» (М., 1907) — V, 157—158.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

〈Москва, 23 августа 1907 г.〉

〈...〉 Да, все, что я писал, начиная с «Манифеста», неряшливо, истерично, грубо, непонятно при кажущейся упрощенности большинству даже читателей «*Весов*» [1]. И сознаю, что как писатель я вел себя невозможно. Но все это, верьте, вызвано громадным опытом личных сношений моих с петербургскими литераторами, порой очень коротких (Иванов, Блок, Ремизов, Аничков, Куприн, Городецкий, Аннибал [2] и пр.). Я все прикидывался, искал, хотел верить (ах уж эти словесные совпадения путей!), а недоумение, изумление, гнев все росли, росли. И я закрывал глаза: у меня полная терпимость, мягкость и широта до *nec plus ultra*. Я обыкновенно никому не выдаю своих разочарований, и даже таю месяцами разочарование от себя самого. Я смотрел, глотал душную муть атмосферы «*делателей культуры*», не позволял себе глядеть в «*их подполье*», а песок и муть, процеживаясь в бессознательное, образовали целый холм грязи: плотина росла; потом мою искренность она

запрудила: вода вышла из берегов, и неожиданно для себя самого водопад негодования вырвался наружу в истерическом манифесте, который свалился на голову, как дикость, причуда: но шлюзы терпения открылись и я уже ничего не мог писать, кроме воплей. Никто не понял. Я и сам не понимал, *сколь это оказалось педагогически нужным* (вот уж был далек от педагогики): дело в том, что я первый открыто сказал о многом, что доселе считалось непогрешимым: «А ведь дело дрянь! Надо спасать новое искусство от фальсификации! «Двое-трое поняли, повторили: «Дело дрянь!» Группа лиц прислушалась, и сомнение взяло многих: «уж не ужасное ли платье мы хвалили» (сказка Андерсена). Наконец, задумался и *Брюсов*: и понял, что еще немного, и провокация зальет все, и «Весы», и любителей «нового», и то, что с болью создавалось, рухнет с грохотом. И вот Брюсов примкнул к нам: и мы стали бить петербуржцев. Но вернее — мы попадали в *действительное*, хотя, если взять немного пошире, то и выходило как *будто*: «*Много шума из ничего*». Теперь петербуржцы испугались, подсылали в Москву узнать: все открещиваются от мистич〈еского〉 анархизма. Блок хочет писать в «Весах» покаяние [3]. Завтра едет ко мне говорить, объясняться [4]. Видите: мой сначала одинокий вопль (дикий по форме), оказался началом тактики: теперь мы уже не дадим ход рекламе и шарлатанству, покрывающему мистическую мерзость многого, что происходит в литературе. К нам склонился «Перевал», «Весы», несколько газет и ряд «рядовых», могущих и дать отпор хулиганству: в организации контр-провокаторской оппозиции моя истерика уже оказала *реальные услуги*, хотя если смотреть на поверхность литературной арены, то как будто и ничего еще пока не изменилось: но это только кажется: брешь пробита. Даже В. Иванов подумывает удрать заграницу. Итак, я виноват, как писатель, но не виноват в нечестности и неожиданно тактически сделал верный ход, чего уже совсем не ожидал.

〈...〉 получаю «*Руно*»: в восторге от Вашей статьи, но вижу настоятельную необходимость ответить Вам на страницах «Руна» [5]. Вижу — Ваша статья — единственное, что ценно; журнал наполнен вздором; выходки «Эмпирика» против «*Весов*», которые теперь составляют Брюсов, я, Эллис, т. е. выходки против нас [6], вздор Блока о «реалистах» [7], «меледа» Иванова о «гы-гы-гы» русского мужичка в греческом хитоне, соборно предающегося педерастии [8]; вижу — нет, не могу сотрудничать во враждебном лагере: лечу говорить с Брюсовым и Эллисом. Вырабатываем ультиматум «*Руну*» 1) устранение Рябушинского и «конституция» Руна 2) права «veto» на статьи о литературе (мера против Петербурга) [9].

ГБЛ, ф. 167, к. 1, ед. хр. 54, л. 1—4. Датируется по нашему предположению, что фраза Белого о Блоке («Завтра едет ко мне говорить, объясняться») имеет в виду письмо Блока к нему от 22 августа 1907 г., где говорилось: «Приеду, м〈ожет〉 б〈ыть〉 завтра, 24 вечером, зайду к Вам» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 213).

[1] Белый имеет в виду свою лихорадочную литературно-публицистическую и критическую деятельность в защиту «заветов символизма», как он понимал их,— ср. его мемуары «Между двух революций» (Л., 1934, с. 193—217, 245—254). В этих выступлениях Белый многократно резко отзывался о Блоке, их литературные разногласия накладывались на мучительно-сложные личные отношения; отсюда замечание в письме Э. К. Метнера к Белому от 30 августа 1907 г.: «В том, как Вы теперь *пишете против Блока*, сквозит много, слишком *много* интимного: бросьте все это» (ГБЛ, ф. 25, к. 3, л. 13; тот же текст в копии — ГБЛ, ф. 167, к. 5, ед. хр. 6). «Манифест» — его статья «Художник оскорбителям», впервые напечатанная в журнале «Весы» (1907, № 1).

[2] Л. Д. Зиновьева-Аннибал.

[3] См. прим. 2 к письму З. Н. Гиппиус к Белому от 19 августа и прим. 1 к письму Г. Э. Тастевена к Г. И. Чулкову, написанному 〈между 30 августа и 2 сентября 1907 г.〉 Ср. также письмо Белого к Блоку от 21 августа 1907 г.— «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 212).

[4] См. выше, в преамбуле комментария к этому письму.

[5] Речь идет о статье Метнера «Борис Бугаев против музыки» («Золотое руно», 1907, № 5; под псевдонимом «Вольфинг»). Попытка Белого напечатать в «Золотом руне» ответ Метнеру оказалась неудачной; Блок считал, что реплику Белого поместить нужно (VIII, 203), однако дело в редакции решилось вопреки мнению Блока; все это привело Белого

БЛОК В ГРУППЕ ПИСАТЕЛЕЙ
Слева направо: К. А. Сюннерберг (Эрберг), Блок, Ф. К. Сологуб, Г. И. Чулков
Фотография, 1908, Петербург
Литературный музей, Москва

к окончательному разрыву с журналом. Ср.: Андрей Белый. Между двух революций, с. 139, 247.

[6] См. заметку, за подписью «Эмпирик» (Г. Э. Тастевен), «О культурной критике. (По поводу статей Антона Крайнего и Товарища Германа)».— «Золотое руно», 1907, № 5.

[7] Ср. выше письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух к Е. П. Иванову от 9 августа 1907 г.

[8] Речь идет о статье Вяч. Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» («Золотое руно», 1907, № 5).

[9] Освещение Белым в его мемуарах конфликта с «Золотым руном» (Андрей Белый. Между двух революций, с. 245—247) предельно тенденциозно и вообще, и в частности — в том, что касается его оценки отношений Блока с этим журналом: ср. публикуемые в настоящем разделе материалы к истории сотрудничества Блока в «Золотом руне» и к истории журнала в целом.

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Москва, 30 августа 1907 г.〉

〈...〉 Сейчас предложено Вячеславу Иванову вести самостоятельный философский и критический отдел [1] в «Руне» с правом приглашать сотрудников [2]; такие же полномочия, как известно, имеет А. Блок, и таким образом состав редакции становится все более определенным. Я думаю вообще, что самое нормальное, когда журнал редактируется не одним лицом, а комиссией из ближайших сотрудников и редакторов отделов, как это принято на Западе, где при редакторе есть «comité de rédaction» [3]. Мне кажется, что теперь уже положение настолько определенно, чтобы сотрудники, вышедшие из журнала могли вернуться [4]. Ввиду этого с нетерпением жду Вашего принципиального ответа. Насколько мне известно, Ваш уход [5] из «Руна» был вызван направлением, принятым «Золотым руном» под влиянием Брюсова, который через Курсинского проводил свою собственную политику в журнале. Выход Л. Андреева также, по-видимому, был устроен под влиянием инструкций из «Весов». Ведь ни для кого не тайна, что рецензия о Бу-

нине была написана по заказу [6]. Теперь в «Руне» нет скрытых вдохновителей и дело обстоит просто и ясно: Н. П. Рябушинский (официальный редактор) очень сочувствует новому течению журнала и предоставит все ведение заведующим отделами. Я твердо уверен, что теперь существуют *все условия*, обеспечивающие возможность серьезной и ответственной работы, которая теперь предстоит. Хотелось бы знать, что Вы думаете по этому поводу и считаете ли Вы возможным возвращение Л. Андреева и Зайцева. При таком условии «Руно» явилось бы выразителем самого молодого и жизненного из современных течений.

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 3. Автограф на почтовой бумаге журнала «Золотое руно».

Генрих Эдмундович *Тастевен* (1881—1915) — литературный и художественный критик; с № 3 на 1907 г. и до прекращения журнала — секретарь «Золотого руна». Его богатый архив, отразивший не только историю «Золотого руна», но и, вероятно, организацию Тастевеном русских турне П. Фора, Э. Верхарна, Ф. Т. Маринетти,— не обнаружен.

В продолжении августа — сентября 1907 г. прошли напряженные переговоры среди русских символистов в связи с определением состава авторов журнала «Золотое руно»; в события были втянуты и такие писатели, как Л. Андреев и Б. Зайцев. Рознь символистских группировок — «московской» (сплоченной В. Брюсовым вокруг «Весов», из Парижа поддержанной З. Гиппиус и Д. Мережковским) и «петербургской» (во главе с Вяч. Ивановым, Блоком и Г. Чулковым) — к лету 1907 г. вызрела настолько, что уже в мае — июне Брюсов смог подготовить коллективный выход «весовцев» из «Золотого руна» (см. ЛН, т. 85, с. 694, 696, 700), связан этот жест с новой фазой конфликта между Андреем Белым и издателем «Золотого руна» Н. П. Рябушинским (см. предыд. письмо). Однако обращение Н. П. Рябушинского и Г. Э. Тастевена, на деле руководившего идейным развитием журнала, к «петербуржцам» нельзя рассматривать как конъюнктурный ход: Тастевен стремился сделать «Золотое руно» «идейным» журналом, ориентированным именно в направлении близком «мистическому анархизму» Чулкова, Иванова, Блока, поскольку под этим девизом подразумевалось преодоление декадентского индивидуализма. Уже № 3 «Золотого руна» за 1907 г. вышел без библиографического отдела, а в № 4 появилось уведомление, что вместо него вводятся литературные обозрения, вести которые взялся Блок. Одновременно создавался новый философский отдел, который предполагалось поручить, как видно из публикуемого письма, Вяч. Иванову.

При том что и Блок, ставший ведущим критиком «Золотого руна» в 1907—1909 гг., и Вяч. Иванов (сотрудничество которого с журналом временами совсем замирало), сохраняя независимость собственной позиции, были далеки от групповых полемических преувеличений, наиболее близким сотрудником из «петербуржцев» для Тастевена оказался Чулков (о степени его участия в делах журнала говорит даже такой факт, как выплата ему в сентябре 1907 г. особой суммы «на покрытие расходов, сопряженных с хлопотами в пользу „Руна“» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 37 об.). Первый шаг в переговорах с Чулковым был сделан как только в Москве стало известно о выходе «весовцев» из «Золотого руна» (их открытые письма были напечатаны во многих газетах 21 и 22 августа — см. ЛН, т. 85, с. 698): уже 20 августа Рябушинский обратился к Чулкову с письмом, где говорилось: «Часть московских сотрудников «Весов» с Брюсовым выходит из «Золотого руна», вследствие несогласия с новым направлением журнала, выразившемся в № 5. Цель журнала, как Вы увидите из программы, по-прежнему спокойное обсуждение общих вопросов искусства и переоценка эстетического мировоззрения. Не выставляя никаких громких флагов и девизов, «Золотое руно» будет чутко прислушиваться ко всем искренним, органическим преодолениям индивидуализма. Может ли редакция рассчитывать на Ваше активное сотрудничество в создании идейной физиономии журнала» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 1; текст письма — рукой Тастевена, подпись — Рябушинского), Чулков обратился за советом к Блоку, его письмо в Шахматове Блока уже не застало, и потому только 4 сентября Блок уже из Петербурга писал другу: «„Конечно же, Господи, соглашайтесь на приглашение „Руна“» (А. Блок. Письма, 1925, с. 145). В своем комментарии к приведенному письму Блока (там же, с. 169) Чулков либо преувеличивает свою роль в «Золотом руне», либо говорит о более поздней фазе переговоров Рябушинского и Тастевена с ним.

Блок принял также самое деятельное участие в перестройке «Золотого руна». Он был первым из «петербуржцев», кто согласился на официальное оформление своих отношений с журналом, еще в апреле — мае проведя переговоры с Рябушинским о вознаграждении за ведение литературно-критического отдела (см. ЛН, т. 89, с. 193, 196, 199, ср. наст. кн., с. 288); летом 1907 г., в самый разгар конфликта вокруг «Золотого руна», Блок состоит в недошедшей до нас переписке с Тастевеном («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 189, 208) и принимает его у себя в Шахматове (VIII, 192); он рекомендует поручить Вяч. Иванову ведение философского отдела (см. «Блоковский сб.» 2, с. 373 — 374, а также наст. кн.). Однако Блок считал, что сам он не способен «создать журнал»

(V, 200), что больше соответствует роли руководителя складывающейся группировки именно Вяч. Иванов. 3 сентября 1907 г. в № 16 газеты «Свободные мысли» появилось анонимное сообщение: «А. Блока пригласили редактировать «Золотое руно»; от приглашения Блок отказался в пользу Вяч. Иванова. Этим последним предложение принято под условием полной автономии журнала от Н. Рябушинского, т. е. лишения его всех прав на просмотр рукописей и на какие бы то ни было непосредственные отношения к сотрудникам». Нарочито-заостренные, явно задевающие Н. П. Рябушинского и делающие для него невозможным компромисс с новыми сотрудниками формулировки этой хроникальной заметки выдают ее «весовское» происхождение. Все же вполне устранить влияние Рябушинского в журнале не удалось, о чем Блок и писал Вяч. Иванову 5 сентября 1907 г.: «Я обещал «Золотому руно» просить Вас очень быть редактором его, т. е. взять весь журнал *внутренно* в свои руки. Внутренно потому, что официального отказа от редактирования Рябушинский ни за что не даст» («Блоковский сб.» 2, с. 373). Но такое редакторство Иванова не состоялось; в дальнейшем Рябушинский играл в своем журнале видную роль, хотя главными его идейными руководителями были Тастевен и Чулков.

[1] Формально рубрика «Литературно-философский отдел» появляется нерегулярно, в журнале только с № 1 на 1908 г.

[2] Переписка «Золотого руна» с Вяч. Ивановым относительно философского отдела неизвестна. Этот проект не осуществился (ср. кн. 2, с. 160 и наст. кн., с. 301, 323).

[3] По-видимому, Тастевен питал надежду с помощью «редакционного комитета» ограничить меценатское своеволие Рябушинского в журнале, чего в скандальной форме потребовал перед окончательным разрывом А. Белый (А. Блок и А. Белый. Переписка, с. 189—190); но Рябушинский болезненно относился ко всему, что могло бы иметь вид ограничения его прав «редактора-издателя» (ср. наст. кн., с. 296, 302) и в конце концов никакого «редакционного комитета» создано не было.

[4] Речь идет о возвращении в «Золотое руно» писателей, в разное время вышедших из журнала в результате проведения «Золотым руном» в конце 1906 — начале 1907 г. «брюсовской» политики (ср. запись Брюсова в дневнике за 1906 г.: «...узнал я, что С. А. Соколов покинул «Золотое руно», и это дало мне надежду ближе войти в этот журнал. С осени я стал часто бывать в редакции и „помогать советами“» — Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 137; см. также ЛН, т. 85, с. 696).

[5] Чулков вышел из состава авторов журнала с № 4 1907 г.

[6] Имена Л. Андреева, Б. Зайцева и И. А. Бунина исчезают из рекламных объявлений «Золотого руна» начиная с № 2 на 1907 г., т. е. вслед за появлением в предыдущем номере рецензии С. Соловьева, в то время ближайшим образом связанного с Брюсовым, на третий том собрания сочинений Бунина (СПб., 1908), оскорбительной для автора. Рецензент утверждал: «Бунина нельзя назвать поэтом. Он стихотворец, и при том из плохих. Во всей его книге нет ни одного настоящего стиха» и т. д. («Золотое руно», 1907, № 1, с. 89). Л. Андреев оповестил о своем выходе из журнала открытым письмом — «Товарищ», 1907, № 183 (4 февраля).

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Baden-Baden, Pension Luisenhöhe, Авг⟨уст⟩ ⟨19⟩07

⟨...⟩ Насчет «Петербурга»— вы глубоко правы [1]. Я их сама ругательски ругаю, хотя Чулкова [2] думаю бросить, пренебречь, ибо это его только рекламирует и он раздувается. Я, Боричка, ведь в таком же положении, как вы, мне тоже, хоть и не такую «философию», но хочется писать серьезно и длинно, а, вот, должна из-за каждой строки лишней торговаться в «Весах», да и то, кроме буренинских фельетонов, там ничего писать не могу. А больше негде, так что руки опускаются. ⟨...⟩ О несчастном Блоке я немножко написала [3]. Правда, в нем есть какой-то идиотизм. Слышала недавно, что он эту зиму чуть не разошелся с Любой, влюбившись в какую-то актрису,— но потом все обошлось, ибо она сама собирается в актрисы и даже брала уроки у ... Мусиной-Пушкиной! [4] Вот нашла преподавателя! Да и все там происходит в такой скверной атмосфере, что лучше не поднимать занавеса. Правда ли, Боря, что вы насчет нее более или менее успокоились? Есть ли у вас тут какие-нибудь планы действий, объяснений,— или вы поняли, что нужны серьезные события, чтобы вырвать Любу из ее несчастного milieu * и переменить в ней что-то ... даже если это и вообще возможно? Сам Блок — несомненно глупый человек, да и она, может быть, тоже, иначе бы давно задохнулась в этой петербургской чадности [5]. Напишите мне о себе тут — с полной искренностью.

* среда (*франц.*).

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 55—58. Ответ на неизвестное нам письмо Белого.

[1] Несомненно, в своем письме Белый излагал соображения по поводу измены «петербуржских» литераторов символизму и т. п.: ср. в его мемуарной записи о разговоре с Блоком 24 августа 1907 г. (о ней — наст. кн., с. 294, 303): «Долго я выражал порицание петербуржцам: Иванову, Городецкому и т. д.; он возражал: ведь и мы не безгрешны, во всем подчиняемся Брюсову; я защищался: «Весы» — это группа, а вовсе не Брюсов» — (Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 329).

[2] Г. И. Чулков, прежде всего как провозгласитель «мистического анархизма», как «мистический хулиган», говоря их словами, был главною мишенью «весовских» критиков, среди которых ведущие роли играли Гиппиус, Белый и Эллис.

[3] Гиппиус может иметь в виду свои статьи «Трихина» («Весы», 1907, № 5), «Засоборились» (там же, № 7), заполненные самыми резкими отзывами о Блоке.

[4] См. наст. кн., с. 278, 306.

[5] Ср. письмо Гиппиус к Белому от 16 мая 1907 г.— наст. кн., с. 285.

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Москва. Между 30 августа и 2 сентября 1907 г.〉

〈...〉 Крайне отрадно было получить Ваше письмо с выражением симпатии обновленному «Золотому руну»: это придаст нам еще более энергии в отстаивании той идейной позиции, за которую отныне будет бороться «Золотое руно».

«Весы» теперь предприняли ожесточенную травлю против «*Руна*», стремясь путем мелких литературных и нелитературных скандалов затемнить истинный смысл происходящей теперь в области нового искусства идейной дифференциации, которую разрыв между «Золотым руном» и «Весами» окончательно закрепляет. Теперь, можно сказать, не существует и не может существовать органа, который бы одновременно являлся выразителем всех течений нового искусства.

«Весы» теперь ведут определенную тактику, стремясь сгруппировать вокруг себя всех московских литераторов против «петербургской опасности», которая для них сосредотачивается в формуле «мистический анархизм» [1]... Но, несмотря на их огульные обвинения всех новых исканий в некультурности [2], «Весы», в сущности, прекрасно сознают реакционность своей идеологической платформы, и в изготовляемой под большим секретом программе они, как мне достоверно известно, будут что-то лепетать о «преодолении индивидуализма» (вероятно, под влиянием А. Белого, который отныне будет скорпионовским идеологом) [3].

Согласно изменению своей идейной физиономии, «Золотому руну» в противовес скорпионовской политике «Весов» предстоит задача образовать новую группировку, стараясь объединить вокруг себя петербургских литераторов, выставивших своим лозунгом преодоление индивидуализма, как в сфере теоретической, так и в сфере практической. Поэтому «Золотое руно» должно теперь предпринять нелегкую работу переоценки эстетического индивидуализма, затрагивающую крайне сложные вопросы познания и морали, разрешение которых потребует новых теоретиков и большого напряжения в сфере идеологической. Ввиду этого нам было крайне важно, глубокоуважаемый Георгий Иванович, заручиться Вашим сотрудничеством и поэтому мы с нетерпением ждем Вашего принципиального ответа. Мы думаем также, что при изменении физиономии журнала удастся опять привлечь Л. Андреева и Зайцева, у которых будет большая близость с обновленным «Руном» [4]. А. Блок собирался предпринять шаги в этом направлении, но я надеюсь, что и Вы также не откажетесь содействовать нам в этом [5].

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 30. Автограф на почтовой бумаге журнала «Золотое руно». Датируется по содержанию: письмо написано позже отправки письма от 30 августа, хотя быть может, и в тот же день, но по получении неизвестного нам письма от Чулкова: и не позже 2 сентября, так как 3 сентября Тастевен, как мы считаем, был в Петербурге и виделся с Чулковым (см. наст. кн., с. 302).

При своем письме Тастевен посылал Чулкову, с предложением высказаться по существу, корректурный оттиск программного заявления «Золотого руна» — «От редакции», которое с некоторыми переменами появилось в очередном номере журнала (1907, № 6).

[1] Как раз в это время крупнейшие представители «петербургской группы» подготовили публичные заявления, которые должны были оградить их имена от безоглядного зачисления в «мистические анархисты». Блок пишет свое «Письмо в редакцию» журнала «Весы» (V, 675), помеченное 26 августа 1907 г.— см. «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 195—216; VIII, 205—207). 8 сентября т. г. помечено Вяч. Ивановым его «Письмо в редакцию» газеты «Товарищ», где он подчеркивал: «„мистический анархизм" приемлем мною лишь в том смысле, который придаю я ему в статьях, посвященных мною этому предмету» («Товарищ», 1907, № 379 от 23 сентября).

[2] О приемах «весовских» выступлений против «Золотого руна» Тастевен (которому принадлежит псевдоним «Эмпирик», как это видно из писем его к Г. И. Чулкову) писал тогда же в своей статье «О культурной критике»: «Особенно излюблен термин «культурность», который встречается чуть ли не на каждой строке с самыми разнообразными префиксами: «культурность», «некультурность», «антикультурность», «бескультурность» («Золотое руно», 1907, № 5, с. 75; ср. в статье «Брюсов и «Весы»,—ЛН, т. 85, с. 295—299).

[3] О роли Белого в «Весах» (которые «примерно с марта 1907 г. по своему содержанию были столько же журналом Брюсова, как и Белого») и о постепенном сближении позиций «москвичей» с «петербуржцами» см. там же, с. 288, 308—310.

[4] См. наст. кн., с. 297.

[5] Блок мог дать подобное обещание как при личной встрече (см. выше, с. 298; кроме того, Блок по меньшей мере еще дважды в августе 1907 г. бывал в Москве — см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 205, 213), так и в неизвестных письмах к Тастевену от лета 1907 г. По-видимому, в связи с этим обязательством он еще 17 августа (т. е. до начала переговоров «Золотого руна» с Чулковым — см. выше, с. 298) спрашивал у Чулкова адрес Л. Андреева (VIII, 204, 207). К осени 1907 г., как известно, относится знакомство и сближение Блока с Андреевым (ср. наст. кн., с. 298); но главным ходатаем за «Золотое руно» перед Андреевым и связанными с ним писателями оказался Чулков — см. наст. кн., с. 304. Официальное уведомление о групповом возвращении Л. Андреева, Б. Зайцева, И. Бунина и Г. Чулкова появилось только в № 7-8-9 журнала за 1907 г. (с. 160), так как тянулись сложные переговоры, связавшие это возвращение с отношением к «Золотому руну» Вяч. Иванова и с выяснением «конституции» журнала в целом. Л. Андреев был готов к работе в обновленном журнале; в сентябре 1907 г. он писал из Куоккалы Чулкову: «В «Золотое руно»,— с уходом Гиппиус это место стало приличным,— идти можно» (ГБЛ, ф. 371, оп. 2, ед. хр. 40). Он, с одной стороны, как видно и по другим публикуемым в настоящем томе письмам Тастевена, представлялся руководителю «Золотого руна» сотрудником, близким по духу (см., напр., с. 298); с другой стороны, хотя писатель активного участия в журнале и не принимал, необходимо было сохранить столь громкое имя для рекламных объявлений. И хотя Л. Андреев приобрел в «Золотом руне» в известном смысле даже право veto на приглашение сотрудников (см. наст. кн., с. 291), сам он ничего в журнале не печатал. Эфемерным было и сотрудничество Бунина и Зайцева: за весь 1908 г. первый дал журналу единственное стихотворение «Бог полудня» («Я черных коз пасла с меньшой сестрой...», № 19), а второй — два путевых очерка (№ 3-4 и 7-9). Расчеты Тастевена на «большую близость» с обновленным «Золотым руном» этих литераторов не оправдались.

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Петербург, 3 сентября 1907 г.〉

Глубокоуважаемый Георгий Иванович!

Заезжал несколько раз сегодня, хотелось еще переговорить с Вами об идейной платформе «Руна» и выработать план тактики. С Блоком так и не удалось увидеться [1], но думаю, что нет оснований опасаться с его стороны разрыва с «Руном», т〈ак〉 к〈ак〉 еще раньше он советовал пригласить Вяч. Иванова редактором [2]. Только что прочел в «Свободных мыслях» очень тенденциозную заметку, которую мне кажется следовало бы опровергнуть [3]. Блока никто не приглашал официально, а я просто говорил с ним о редактировании «Руна», чтобы выяснить его настроение [4]. Вяч. Иванову письмо было отправлено только третьего дня и никакого ответа он еще, конечно, не мог дать, да и дело идет только об одном отделе [5]. Не нашли ли 〈бы〉 Вы возможности опровергнуть заметку или же это сделать от имени редакции? [6] 〈...〉

P. S. 〈...〉 Привет Городецкому и Блоку, не будете ли любезны передать ему присланную на его имя книгу? [7]

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 37. Датируется по содержанию: в письме Тастевена упомянут номер газеты от 3 сентября (см. прим. 3), а 4 сентября помечена телеграмма Тастевена из Москвы к Чулкову (см. след. письмо); из этого следует, что в первых числах сентября Тастевен, быть может даже на один день, приезжал в Петербург в связи с перестройкой «Золотого руна».

[1] Блоки жили «в какой-то отчаянной конуре в ожидании квартиры» по возвращении в Петербург и, видимо, не сообщали никому своего адреса (А. Блок. Письма, с. 145).

[2] По-видимому, речь идет о каких-то изменениях в планах ведения журнала, расширяющих полномочия Вяч. Иванова или Чулкова (ср. наст. т., с. 298), и Чулков или Тастевен могли предположить недовольство со стороны Блока.

[3] См. выше, прим. к письму Тастевена Чулкову от 30 августа 1907 г.

[4] О переговорах Тастевена с Блоком см. наст. кн., с. 298.

[5] См. наст. кн., с. 297.

[6] В «Свободных мыслях» опровержений не появлялось. О редакторстве Вяч. Иванова в печати говорилось и позже (напр.: «Свободные мысли», 1907 г. № 17, 10 сентября), и он в особом примечании к статье «Ты еси» заявил: «... в виду далеких от истины газетных сообщений прибавлю, что мое отношение к «Золотому руну» и в настоящее время остается по-прежнему отношением простого авторского сотрудничества» («Золотое руно», 1907, № 7-8-9, с. 102; статья помечена 21 сентября 1907 г.).

[7] О чем идет речь, неизвестно.

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

Телеграмма

⟨Москва, 5 сентября 1907 г.⟩

Белый старается расстроить вступление Зайцева [1]. Напишите. Блок хорошо настроен [2].

Тастевен

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 5.

[1] Накануне Тастевен просил Чулкова также телеграммой: «Очень прошу ⟨списаться⟩ Зайцевым о журнале: он колеблется» (там же, л. 4; в подлиннике не «списаться», а «считаться»). О сложных взаимоотношениях А. Белого с Б. Зайцевым в 1907 г. см.: Андрей Белый. Между двух революций, с. 251—253. В середине сентября (письмо не датировано) Б. Зайцев писал Чулкову: «Как же у Вас дела с «Руном»? Образуется ли какой-нибудь редакционный комитет, который возьмет в свои руки ведение дела? Мне все это неясно. Моя позиция такова: если будет устроена форменная конституция (б. м.— с правом одного голоса Рябушинскому в собрании редакторов отделов) — и если меня пригласит эта коллегия — в таком случае я согласен. (Кажется, в этом роде смотрит и Бунин). С самим же Рябуш⟨инским⟩ я никаких переговоров вести не желаю и от него приглашения не приму (ибо от него-то именно я и ушел)» (ГБЛ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 40, л. 68—69). Именно об этом письме предупреждал Чулкова Тастевен 12 сентября 1907 г., когда сообщал ему о движении переговоров: «Виделся вчера с Зайцевым и говорил с ним, он хочет еще подождать окончательного выяснения конституции «Руна» и в этом смысле напишет Вам письмо. Я думаю, что теперь особенно важно, чтобы Вяч. Иванов стал поскорее во главе одного из отделов «Золотого руна». Это сразу заставило бы умолкнуть тех, кто ведет агитацию против «Руна» и принесло бы громадную пользу «Руну». Но, говоря искренно, я опасаюсь, что Вяч. Иванов обставит свое согласие на ведение отдела такими гарантиями, на которые Рябушинский может не согласиться, т. к. в формальном ограничении своих прав увидит уступку требованиям «Весов» и, вообще, на участие Вяч. Иванова в ведении отдела он смотрит как на юридическое ограничение своих прав. Поэтому мне кажется очень важным, чтобы В. Иванов переговорил со мной, это могло бы устранить многие нежелательные недоразумения. Не знаю, когда это удастся устроить» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 6). Чулков в письме, которое мы датируем серединой сентября 1907 г. (написано после поездки его к Вяч. Иванову, о чем см. «Блоковский сб.», 2, с. 373—374), сообщал последнему: «Рябушинский вчера был у меня и вечером уехал в Париж ⟨...⟩, предоставив Тастевену право вести с Вами переговоры. Решено, если Вы откажетесь редактировать руководящий отдел «Руна», просить меня, но я — конечно — предпочитаю, чтобы «Руно» вели Вы. Если же Вы решительно откажетесь, возьмусь за это, пожалуй. Известите, пожалуйста, Тастевена о Вашей воле. Андреев, Зайцев, Бунин и я ждем Вашего решения: пока не известен состав «комитета», нельзя входить в журнал» (ГБЛ, ф. 109, ср. наст. кн., с. 299). Внутреннее устройство «Золотого руна» (в окончательном виде нам, к сожалению, не известное) принципиально определилось к середине сентября, когда Н. П. Рябушинский побывал в Петербурге; несомненно, Блок, встретившийся с Рябушинским, был вполне осведомлен о всех событиях. Однако, переговоры с Ивановым продолжались еще и в ноябре месяце, что отразилось в письмах Тастевена к Чулкову; в конечном счете, они не привели к какой бы то ни было формализации роли Иванова в журнале.

[2] Тастевен либо встретился с Блоком перед самым отъездом из Петербурга (см. наст. кн., с. 302), либо по приезде в Москву получил от Блока не известное нам письмо. О «настроении» Блока в эти дни по отношению к московскому журналу свидетельствует уже то, что именно 5 сентября он посылает Вяч. Иванову письмо в связи с перестройкой «Золотого руна» («Блоковский сб.», 2, с. 373).

С. М. СОЛОВЬЕВ — Г. А. РАЧИНСКОМУ

10 сентября ⟨1907 г.⟩ Дедово

⟨...⟩ В литературном мире на меня организуется поход, и я оказываюсь в положении России под Севастополем. Брюсов на меня, Блок на меня, Эллис на меня, Андрей Белый колеблется. Но я более чем когда-либо ощущаю почву под ногами и спокойно иду к цели. Только Блоковские выходки иногда задевают, но не по литературным причинам, а совсем другим, о которых Вы можете догадаться.

ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903, л. 42. Датируется по содержанию опущенной нами части письма, где Соловьев упоминает о своем переходе на классическое отделение историко-филологического факультета, что произошло с осени 1907 г.

Оценка Соловьевым собственного положения в литературе вызвана, вероятно, в первую очередь, отзывами о его первой книге стихов «Цветы и ладан» (М., 1907) — см., в частности, критические замечания Брюсова (одновременно писавшего и о «Снежной маске» Блока) в его статье «Новые сборники стихов» («Весы», 1907, № 5). О литературных отношениях в это время Блока и Соловьева см. во вступительной статье к их переписке — наст. т., кн. 1.

З. Н. ГИППИУС — В. Я. БРЮСОВУ

⟨13⟩/26 сентября 1907 г.

⟨...⟩ Блока не усовершенствуют и 11-часовые разговоры с Белым на Девичьем поле [1]. Останется Блоком, а в «стихах и прозе» его, особенно последних,— неистребимые следы этого чортова «анархизма», сколько бы он от него, письмами, ни отрекался [2]. Ну, да Блок сам в себе все-таки ценность.

ГБЛ, ф. 386, к. 82, ед. хр. 39, л. 43 об.

[1] Двенадцатичасовое объяснение Блока с Белым 24 и ночью 25 августа 1907 г. проходило дома у Белого, частью — по дороге с Арбата к Николаевскому вокзалу, куда Белый провожал друга. Девичье поле появилось в переписке Гиппиус с Брюсовым, по всей вероятности, потому что оно, как и сопредельный Новодевичий монастырь, было местом обычных прогулок московских «соловьевцев», «блоковцев», «аргонавтов».

[2] Гиппиус имеет в виду как открытое письмо Блока в редакцию «Весов» с отречением от мистического анархизма (V, 675), помеченное 26 августа 1907 г., так и известные ей из переписки с Андреем Белым того же смысла частные заявления поэта — см. ее письмо от (19 августа/1 сентября 1907 г.) к Белому, наст. кн., с. 295.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

16 сентября ⟨1907 г.⟩

Ну, вот, мы и были вчера на представлении Ведекинда [1]. Сашенька выразился так, что «скука пересилила порнографию». Действительно, безумно скучно, как никогда еще не бывало в театре [2]. Скука передалась и актерам под конец, и играли без намека на то, что увлечения, даже и простого напряжения, как когда делают дело, не было; старались как-нибудь договорить свои слова, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ надо [3]. А начали очень старательно и не без порнографии. Сначала Мундт [4] — в коротеньком платье, с уморительными короткими и толстыми ножками — но очень девочка. Говорит с матерью и покачивается из стороны в сторону — похоже. А порнография в том, что девочки дико взвизгивают, бросаются на пол, хватают друг друга за ноги и хохочут рыча, а мальчики говорят обо всем, о чем им положено и тоже бросаются на землю и корчатся. Потом Мундт заставляет ужасного Давидовского бить

себя хлыстом, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ приятно, чтобы было больно. Сцена на сеновале пропущена и Мундт лежит уже в кровати и доктор дает, хихикая, советы матери, ждут, по-Метерлинковски [5], «жену кузнеца» [6] и в результате Мундт умирает. Есть еще мальчик Бецкий, который самоубивается, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ провалился, совет учителей, смешной, но фарс [7]. У Давидовского мать Н⟨аталья⟩ Н⟨иколаевна⟩ [8], очень красивая и мелодраматично упрашивающая отца, Аркадьева, не отдавать в исправительное заведение сына, кот⟨орого⟩ исключили как «порочного ученика». Потом уж адская скука — так что я плохо даже разобрала все. Давидовский в горах, бежал, мертвец вылезает из-под земли без головы, в серой тряпке, Мейерхольд — человек в маске (черт) и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩. В середине есть еще В⟨алентина⟩ П⟨етровна⟩ [9], очень плохо играющая свою роль натурщицы, и неприличная как-то ненужно. Юбка все время выше колен, позы из фарса и зловещий тон — очень не хорошо и не красиво, несмотря на поразившую меня опять на сцене фигуру. Говорит еще хуже — половины даже не слышно. Единственные моменты были недурны — когда на весеннем лугу появлялись стройные фигуры мальчиков и девочек в розовых платьях — особенно Тизенгаузен. А заговорят ⟨—⟩ скука. Поставлено в два этажа — наверху луг, а внизу в разных местах разные сцены — полная темнота и вдруг загораются — хоть это развлекает [10]. Была за кулисами [11] у Мундт и Веригиной, они киснут; Мундт великолепна, как всегда, в своей роли актрисы — все валит на публику. Голубев [12] у них свой человек и говорит, что у нее взгляды помощника режиссера. Н⟨аталья⟩ Н⟨иколаевна⟩ очень изменилась — еще не знаю как, пойду к ней. Говорит, что поздоровела и спокойна, очень это подчеркивает. Сейчас принесли Ваше письмо [13]. Вот ответы на вопросы. Квартира продолжает нравиться [14] ⟨...⟩. Саша здоров и я тоже. У нас постоянно кто-нибудь бывает [15]. Сейчас у Саши кто-то из Москвы — не знаю [16]. Ауслендер был уже три раза! Раз с Кузминым целый вечер [17]. А вчера после Ведекинда я вернулась домой одна, Саша оставался и вдруг пришел опять с Ауслендером. В театре был Л. Андреев, Саша с ним познакомился, а я видела и слышала, как он говорит с Сашей. Не понравился мне, чем-то на Чулкова похож [18]. Сомова видели, Ремизова, актеров, Чулковы были, но я их избегла [19]. Приходил сейчас Женя, оторвал от письма [20]. А у Саши — это был Сизов, друг Бори и Сережи, кот⟨орый⟩ будет теперь в П⟨етер⟩б⟨ур⟩ге в университете. Пока видно, что простой, а какой — не знаю [21]. Наняла я столяра для починки мебели, дешево, все решительно за 12 р⟨ублей⟩, он приведет и обойщика. Сегодня пошли трамваи мимо нас, я еще не видела, но слышно, как они гудят и звонят. Завтра утром вставят окна.

ИРЛИ, ф. 657, оп. 7, ед. хр. 24, л. 1—4 об. Все письма Л. Д. Блок к свекрови помечены только числом и месяцем (без года); они подобраны по годам в особые обложки, на которых год проставлен рукою, видимо, отправительницы; эти датировки подтверждаются содержанием писем.

[1] Накануне Блоки были на открывавшей сезон премьере спектакля по пьесе Франца Ведекинда (1864—1918) «Пробуждение весны» в Театре Коммиссаржевской. В тот же день Блок писал матери: «Пьеса просто скучная и плохая, успеха никакого, не стоит о ней говорить» (V, 728). На этот спектакль Блок дал уничтожающую рецензию в петербургский журнал «Луч» (V, 194—196).

Постановку пьесы осуществил В. Э. Мейерхольд, оформление сцены — В. И. Денисов. Пьеса шла в переводе Гр. Федера под ред. Ф. Сологуба. В спектакле были заняты В. П. Веригина, Е. М. Мундт, Н. Н. Волохова, К. А. Давидовский, А. И. Аркадьев, В. Э. Мейерхольд, М. А. Бецкий, В. А. Македонская, К. В. Бравич, В. О. Тизенгаузен, О. П. Нарбекова, С. А. Черкова, К. Э. Гибшман, Д. Я. Грузинский, А. П. Зонов, А. П. Нелидов, Н. И. Орлов, П. А. Лебединский и др.

[2] Ср. в рецензии Блока «Талантливый Ведекинд относится к тем эпигонам литературы, которые достаточно увертливы, так что с них «взятки гладки»; эпигоны эти обладают такой техникой, которая позволяет за тысячью смыслов спрятать неуловимо-ядовитый и приторно-сладкий смысл их произведений. Боялся ⟨...⟩ я той атмосферы, которая создается помимо воли автора, режиссера и даже публики,— в зрительном зале: атмосферы пряной и нечистой. Опасения мои оказались напрасными: ведекиндовские смешки оказа-

лись благонадежными сверх ожидания, и чем дальше, тем больше овладевала зрительным залом сонная скука» (V, 194).

[3] Ср. в рецензии: «Актеры играли посредственно, иные ниже посредственного» (V, 195).

[4] Екатерина Михайловна Мундт.

[5] Ср. у Блока, назвавшего Ведекинда эпигоном Метерлинка: V, 194—195.

[6] Персонаж пьесы Ведекинда.

[7] Ср. у Блока: «„Пробуждение весны“ — ⟨...⟩ набор как милых, так и нелепых картинок, где остроумный водевиль соединяется с высокопарным ломаньем» (V, 195).

[8] Н. Н. Волохова.

[9] В. П. Веригина.

[10] Ср. в рецензии Блока на следующий мейерхольдовский спектакль сезона в Театре Коммиссаржевской: «Уже в постановке «Пробуждения весны» г. Ведекинда было страшно, что актеры свалятся со второго этажа, в котором они большую часть времени пребывали, а здесь было еще страшнее» (V, 201). Описание мейерхольдовского постановочного замысла см.: В. П. Веригина. Воспоминания. Л., 1974, с. 121—122.

[11] Ср. в письме Блока к матери от 20 сентября 1907 г.: «К Мейерхольду я как-то все не иду в уборную. Закулисная жизнь прекратилась» (VIII, 208).

[12] Андрей Андреевич *Голубев* (1881—1961) — актер.

[13] Письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух нам не известно.

[14] Речь идет о новой квартире Блоков на Галерной. 20 сентября Блок писал матери: «В квартире нашей очень хорошо, сейчас (утром) — яркое солнце. Полируют ширмы, вешают занавески» (VIII, 208).

[15] Ср. в письме Блока к матери от 28 сентября 1907 г.: «Ходят ко мне поэты за советами, редакторы и гости ⟨...⟩. Мало времени думать о своем» (VIII, 210).

[16] См. прим. 21.

[17] М. А. Кузмин и С. А. Ауслендер были у Блоков 14 сентября — см.: «Письма к родным», I, с. 169.

[18] Первые впечатления Блока от Л. Андреева были иными: «простой», «очень милый» и т. п.— см. его письма к матери от 15, 20 и 28 сентября 1907 г.: «Письма к родным», I, с. 169, 170, 172.

[19] В начале 1907 г. у Г. И. Чулкова и Л. Д. Блок был короткий роман.

[20] Имеется в виду Е. П. Иванов.

[21] О посещении М. И. Сизовым см. в наст. публикации его письмо к А. Белому от 25 сентября 1907 г. (ниже, с. 308). Блок в письме к матери от 28 сентября 1907 г. называет причину появления Сизова в Петербурге: (см. с. 309).

ЭЛЛИС (Л. Л. КОБЫЛИНСКИЙ) — В. Я. БРЮСОВУ

⟨Сентябрь, после 17, 1907 г.⟩

⟨...⟩ Пишу под свежим впечатлением «Литер⟨атурной⟩ газеты». Большей провокации, профанации, безграмотности и хулиганства я не видел отродясь. Расхваливанье идиотизма Блока [1], чулкизм безнадежный...

Потом еще участие Белого в этой газетке меня оскорбило *абсолютно*. В моем мозгу рушатся все наши беседы о строгом и чистом символизме, *я ничего* не понимаю [2] ⟨...⟩

Перед этой газеткой Чулков — академик и профессор. Я выскажу Белому свое мнение во всей его резкости. Умоляю и Вас категорически сказать ему, что при таких условиях — всё рушится. Газетка хвалит даже статьи А. Блока, этот идиотизм в присядку.

ГБЛ, ф. 386, к. 109, ед. хр. 44, л. 29—30. Датируется по выходу первого номера газеты «Литературно-художественная неделя», издававшейся в 1907 г. В. И. Стражевым в Москве (вышло 4 номера).

[1] В № 1 «Литературно-художественной недели» (от 17 сентября) были помещены статьи: Б. Грифцов. «О «Балаганчике» Ал. Блока в Театре В. Ф. Коммиссаржевской»; П. Муратов (подпись: Мур). Живописец в театре В. Ф. Коммиссаржевской («Чудо странника Антония», «Сестра Беатриса», «Вечная сказка», «Балаганчик»). Кроме того, в хроникальном разделе «Газеты и журналы» были помещены: обзор московских откликов на «Балаганчик» в связи с гастролями Театра В. Ф. Коммиссаржевской и заметки по поводу работы Блока в «Золотом руне» и его статьи «О реалистах». В следующем номере газеты Блоку посвящалась еще одна статья Б. Грифцова — «Об Александре Блоке, искренности и декадентстве».

[2] Речь идет о статье А. Белого «Смерть или возрождение. «Жизнь человека» Леонида Андреева».

Тогда же Эллис писал Белому: «Дорогой Боря! Я внимательно перечитал твою статью об Андрееве и всю «Литературно-художественную газету». Я полагаю, что я заб-

лужда́лся, думая, что мы с тобой *вполне* близки в воззрениях на искусство. Ужасаюсь, думая, что ты можешь меня понять, как предъявляющего тебе условия. Сохрани бог! Свобода прежде всего. Я тебе не указчик! Но я никогда в жизни не читал ничего б〈олее〉 хулиганского, чем эта газетка. Чулков перед ней гений и академик! Такой провокации еще не было!

Я вдруг почувствовал абсолютно ясно, что невозможны никакие кружки и блоки, что я должен быть 〈всегда〉 *один* даже от тебя, ибо перед Брюсовым я преклоняюсь, а не соотношусь к нему. Всякие уговоры, договоры, условия, программы, сообщества — вздор, вздор, вздор! Они только портят личные отношения. А я не пережил бы разрыва с тобой, это для меня было бы — внутреннее самоубийство. Наши отношения выше всяких литератур и никогда не могут измениться. Но Вячеслав Иванов, Блок, Чулков — гении и академики перед Зайцевым, Стражевым, Грифцовым и др., их надо *избивать* и даже не полемизировать с ними» (ГБЛ, ф. 25, к. 25, ед. хр. 31, л. 61 и 61 об.).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

19 сентября 1907 г.

Милый Боря, сижу в Ревеле [1], думаю о Вас с самой горячей нежностью; хочется по этому поводу что-нибудь сделать, как говорил в детстве Сережа [2]. И вот пишу Вам «для ласки».

Милый, хороший Боря, не забывайте и Вы меня. Все что Вы пишете, или почти все, так близко мне, так глубоко, по-всегдашнему переживается мною [3]. Так я счастлива, что Вы с Сашей сговорились. Теперь оба вы поняли, наконец, *настоящую ценность* друг друга [4].

Саша написал мне сюда на-днях «...все люди стали серьезнее. И мне самому все серьезнее и грустнее» [5]. Боже мой! Это ли не радость для меня, слышать от него такие слова.

ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 5, л. 37—38.

[1] С осени 1907 г. в связи со служебным переводом Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух мать поэта жила в Ревеле.

[2] С. М. Соловьев.

[3] Письмо Белого к А. А. Кублицкой-Пиоттух нам неизвестно; однако, речь может идти не о письме Белого, а о его печатных выступлениях, если письмо Кублицкой-Пиоттух к Е. П. Иванову от 2 октября 1907 г. (см. ниже) понять в том смысле, что почин восстановления отношений принадлежал матери поэта, а не Белому.

[4] Речь идет о примирении Блока и Белого после встречи 24 августа 1907 г. в Москве.

[5] См. письмо поэта к матери от 15 сентября 1907 г.— Письма к родным, 1, с. 169.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Петербург.〉 25 сентября 〈1907 г.〉

〈...〉 Ужасно много было с тех пор, как я Вам писала. Во-первых, квартира готова — все, кроме электричества. Сегодня я съездила на вокзал за ящиком, еще не открывала его. Будем проводить. Сегодня же привезли солдаты цветы на казенной лошади. Кофей и бамбук прекрасно встали в столовой и моем «будуаре», а финиковую пальму совершенно нельзя поместить. Предложу ее тете Софе [1]. Кливия в японской штуке тоже приехала. Были мы в театре еще два раза — «Жизнь Ч〈еловека〉» [2] и «Сестра Б〈еатриса〉» [3]. На «С〈естре〉 Б〈еатрисе〉» [4] я познакомилась с Л. Андреевым и — какая честь, какая честь! — приглашена им на его среды [5] — знаменитые в Москве [6], с Шаляпиным, Горьким, а тут с Чулковым, Чириковым [7], Найденовым [8] и т. д. Первая будет завтра, мы пойдем [9]. С Чулковыми натянутые отношения, с Н〈адеждой〉 Г〈ригорьевной〉 я еле раскланиваюсь в театре [10]. Г〈еоргий〉 И〈ванович〉 был у нас третьего дня — не хорошо, важничает, пренебрегает Л. Андреевым, а что бы он был без него теперь? Им только и держится. Написал Г〈еоргий〉 И〈ванович〉 отвратительную статью в «Утре России» в Москве, с гадкими нападками на всех нас — петербургских [11]. В той же газете отличная статья Борина о театре, по поводу гастролей Коммисс〈аржевской〉 [12]. Я была у Озаровской, она назначила мне первый урок на 27-е, очень его жду [13]. У нас были актрисы два раза, интересно с ними и весело.

Был Ауслендер, кот⟨орый⟩ влюблен, кажется, во всех женщин и в В⟨алентину⟩ П⟨етровну⟩ [14], и Н⟨аталью⟩ Н⟨иколаевну⟩ [15], и об Нине Петровской говорит очень. Она, между прочим, приедет на днях, кажется, и Брюсов тоже. Он перевел для театра Пелеаса и Мелисанду [16] и будет участвовать в собеседовании о постановке [17]. Мы все очень много говорим теперь и думаем о театре, с Н⟨атальей⟩ Н⟨иколаевной⟩ говорили. Нет одной точки, в которой бы я с ней сходилась. ⟨...⟩ И мы все спорим, но хорошо, только будя мысль друг у друга противоположностью. Я определяю теперь так, что она, Н⟨аталья⟩Н⟨иколаевна⟩, чистая идеалистка, а я матерьялистка. Саша о театре хочет писать опять [18], Борина статья [19] ему очень понравилась. В субботу будет «Балаганчик» [20] — вот-то я его посмотрю! ⟨...⟩ О квартире — пока только хорошее ⟨...⟩. В спальне у меня лежат и висят вышивки, а на окнах белые занавески с розами. Н⟨аталья⟩ Н⟨иколаевна⟩ громко ахнула, когда вошла, ей очень понравилось, и то, что ванна тут же. Купила еще Саше ночной столик красного дерева, удобный. Ширма отполирована и обита, стулья тоже. Обивать мне пришлось самой, обойщиков теперь не дождаться.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 5—8 об.

[1] С. А. Кублицкая-Пиоттух.

[2] О высокой оценке Блоком постановки на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской пьесы Л. Андреева см.: В. И. Беззубов. Александр Блок и Леонид Андреев.— «Блоковский сб.», 2, с. 256—279. Блок был на премьере спектакля, состоявшейся 22 февраля 1907 г. В письме Л. Д. Блок речь, скорее всего, идет о спектакле, игравшемся 18 сентября 1907 г. (в репертуаре театра В. Ф. Коммиссаржевской «Жизнь Человека» была объявлена 18, 19 и 21 числа). Ср. также в письме Блока матери от 20 сентября 1907 г.: «Третьего дня возобновилась «Жизнь Человека». ⟨...⟩ Играют похуже, чем в прошлом году ⟨...⟩» — «Письма к родным», I, с. 170.

[3] Драма М. Метерлинка «Сестра Беатриса» (1903) была поставлена на сцене театра В. Ф. Коммиссаржевской в 1906 г. Блок был на премьере 22 ноября и положительно отозвался об этой постановке Мейерхольда (см.: V, 96). В сентябре 1907 г. Блоки могли быть на спектакле 22 сентября.

[4] Т. е. 22 сентября.

[5] После переезда в Петербург Л. Андреев решил устраивать по средам писательские вечера по примеру литературно-художественного кружка Н. Д. Телешова «Среда» в Москве.

[6] Л. Д. Блок не совсем точна. Московские «среды» были организованы Н. Д. Телешовым (кружок «Среда» или «Московская литературная среда», 1899—1916). В числе участников: М. Горький, А. Куприн, Скиталец, И. и Ю. Бунины, И. Белоусов, С. Найденов и др., его посещали артисты и художники. Л. Андреев был одним из его активных членов.

[7] Евгений Николаевич *Чириков* (1864—1932) — писатель, участник сборников т-ва «Знание».

[8] Сергей Александрович *Найденов* (псевд.: наст. фам.— Алексеев, 1868—1922) — драматург, участник сборников т-ва «Знание».

[9] Первый литературный вечер у Л. Андреева состоялся 26 сентября 1907 г. Блок читал на нем «за Андреева» его новый рассказ «Тьма». См. об этой «среде» в письме Блока матери от 28 сентября 1907 г.— «Письма к родным», I, с. 172.

[10] См. прим. 19 к письму Л. Д. Блок к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 16 сентября 1907 г.

[11] По-видимому, речь идет о статье Г. И. Чулкова «Петербургские письма. I. О грехах Петра». — «Утро России», 1907 г. № 2 (18 сент.).

[12] Статья А. Белого («Утро России», № 1, 16 сент.) «Символический театр», о гастролях театра В. Ф. Коммиссаржевской в Москве, проходивших в августе — сентябре 1907 г., в том числе о постановке драмы Блока «Балаганчик». Ср. впечатление от заметки Белого в письмах Блока матери от 28 сентября 1907 г. (VIII, 210), Белому от 1 октября 1907 г. (VIII, 211) и в статье Блока «Пеллеас и Мелизанда» (V, 138).

[13] Дарья Михайловна *Озаровская*, по сцене Мусина (урожд. Мусина-Пушкина, 1873—1947) — актриса Александринского театра. Л. Д. Блок брала у нее уроки постановки голоса.

[14] В. П. Веригина.

[15] Н. Н. Волохова.

[16] Осенью 1907 г. Брюсов перевел для театра В. Ф. Коммиссаржевской драму М. Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда» (1892). См.: Ю. Рыбаков. В. Ф. Коммиссаржевская и В. Я. Брюсов. В кн.: «О Коммиссаржевской. Забытое и новое. Воспоминания, статьи, письма». М., 1965, с. 117—119.

[17] Ср. письмо В. Ф. Коммиссаржевской В. Я. Брюсову от 18 сентября 1907 г.— Там же, с. 119.

[18] Помимо рецензий на спектакли Театра В. Ф. Коммиссаржевской в августе—сентябре Блоком была написана статья «О драме», а в феврале— марте 1908 г.— «О театре».

[19] См. прим. 12 к наст. письму.

[20] 29 сентября «Балаганчик» шел вместе с «Вечной сказкой» Ст. Пшибышевского.

М. И. СИЗОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

С⟨анкт⟩-П⟨етербур⟩г. Вас⟨ильевский⟩ О⟨стро⟩в. 16 лин⟨ия⟩ д. 39, кв. 22.
25 сент⟨ября⟩ 1907

⟨...⟩ Живу я здесь почти две недели и так как чувствовал себя все это время довольно одиноко (единственные мои знакомые здесь уехали), то был очень рад отправиться к Блокам. Признаться, мне в начале как будто не хотелось идти, и знаете, почему,— не хотелось что-то такое еще новое вносить в сферу своего особенного глубокого внимания, так как я неизбежно к ним так должен был отнестись, просто я устал смотреть на людей немыми глазами, и к тому же в Блоке, судя по стихотворениям, я видел что-то очень похожее на саркастически суровый силуэт. Но пошел. Потому что все-таки хотелось. Увидел его совсем не таким, каким представлял себе, конечно, только не в том, в чем обыкновенно знаешь уже человека, которым заинтересован, знакомого и очень близкого увидел много, но много и неожиданного. Почувствовал себя сразу очень легко и спокойно, может быть, даже близко и во всяком случае уютно. И главное еще, что для меня было тогда особенно чувствительно, «своего» человека, как будто я был в Москве, а не в Петербурге, он говорит все-таки по-московски, может быть, и не всегда, но он этот язык понимает [1]. Мы с ним долго говорили, сидя вдвоем, и уже под конец моего визита, когда пришел какой-то г. Иванов [2], он повел меня познакомить с ним и с женой, так что потом мы сидели некоторое время все вместе. Любовь Дмитриевну я как-то сразу понял, хотя, конечно, так сказать, схематически, понял то, чего, разумеется, не мог видеть по карточке, теперь бы я то, что тогда сказал, несколько смягчил, так как все это более грандиозного масштаба и более тонких оттенков и переходов, как рисунок облаков, охвативших полнеба [3]. Я не знаю, какою была Любовь Дмитриевна раньше и как она вообще выглядит, держится, но в тот раз она была как-то скромно или тихо и спокойно и глубоко, тихо и стихийно задумчива, хотя говорила. Она вообще из тех людей, по-видимому, которые думая глубокую думу, очень просто и явно, трезво смотрят на окружающее, и все время, не забываясь. Она в общем тоже очень уютно располагает к себе, и оба они составляют какую-то прочную, спокойную, хотя, может быть, в какой-то мере и облачную небесную краску. Второй раз я у них был ровно, кажется, через неделю — в это воскресенье — вечером [4]. Застал там Георгия Чулкова, который мне не показался привлекательным и достаточно определенным в том, чем он занят, к чему стремится, как судит, чего хочет, и который скоро ушел к Сологубу, где имел появиться в первый раз в среде декадентов Леонид Андреев. Блок туда не хотел идти [5]. Мы с ним опять много говорили и особенно о нем, как-то это так вышло. Мне очень близка его психология и понятна, хотя, может быть, это и более чем субъективное мое впечатление, что «он близок». Вы, может быть, это знаете, и, кажется, что так?! Он очень спокоен, или, по крайней мере, успокоителен, но сейчас же чувствую, что это спокойствие, которое чувствуешь с ним, подобно спокойствию перед электрическим прибором, посылающим колоссальные, может быть, энергичные колебания, которых мы не воспринимаем. Он, по-моему, очень серьезен, очень силен, он из поставленных на одной из таких точек, с которых видят перспективу мировых зданий, их архитектуру и стилизацию окружающих деталей картины и характер ландшафта. Он из мировых топографов. Мне это не исключает возможности таких ошибок, которые могут даже парализовать его

творчество, сделать его, по крайней мере, слабым и нецелесообразным, или даже влияния от него не зависящих и требующих от него, может быть, слишком необыкновенных усилий, поступков, обстоятельств, но он таков. Я думаю, нельзя сказать, что он не талантлив, как это мне пришлось о нем слышать. Потом сидели втроем за чаем. Любовь Дмитриевна была на этот раз как будто более весела, приободренная, и тут, собственно, я имел разглядеть ее ближе, не так схематично. Я думаю, что в ее жизни мало простоты, меньше гораздо, чем это надо по ее характеру, это не значит, что она личность не сложная и не глубокая, а только мне кажется, что глубина и сложность таких характеров, как ее, оказываются как бы примененными в атмосфере большей простоты. Она очень проста. Между прочим, она не ест мяса, кажется, с июня, в чем я ей посочувствовал. Они звали меня очень заходить еще, а Ал. Ал. обещал зайти ко мне. Может быть, у каждого человека есть своя проблема. И, знаете, я чувствую, что его проблема, проблема в его постановке, мне близка, вызывает мое сочувствие и затрагивает меня глубоко и сильно. Не знаю присуще ли мне это также, как ему, может быть, это влечение теоретическое, интерес, но когда он говорит о себе, мне кажется, что он говорит со мной как старым другом, который если и не всегда согласен с ним, но привык его понимать и видеть во весь рост, во всех движеньях его сердца, души со всем, чего он сам, может быть, себе еще не так уяснил...

ГБЛ, ф. 25.22.26, л. 16—18.

Михаил Иванович *Сизов* (1884—1956) — естествовед и литератор, близкий друг Белого, один из московских «аргонавтов», в кругу которых уже в 1901—1903 гг. сложился культ блоковской поэзии. Сизов появился у Блока после августовского примирения Белого и Блока, 16 сентября, с запиской Белого: «Дорогой Саша, Михаил Иванович Сизов мой бизкий и любимый друг. Я так хотел бы, чтобы он лично передал тебе мой привет» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 216; по связи с датой приезда Сизова в Петербург эту записку следует датировать около 10 сентября). 23 сентября Блок писал Белому: «М. И. Сизов передал мне Твое письмо. Мы говорили с ним, но еще не довольно, и он не совсем ясен мне. Он привез с собой много Москвы» (там же, с. 217). А уже 28 сентября поэт высоко отозвался о госте в письме к матери: «Еще приходит иногда Борин друг — Сизов, который переселился сюда (здесь его невеста),— очень серьезный и значительный человек» (VIII, 211). В дальнейшем, по всей вероятности, Блок с Сизовым сблизились, иначе трудно объяснить присутствие Сизова при одном из первых чтений «Песни Судьбы» в декабре 1908 г. В 1911 г. Блок подарил Сизову свою книгу с надписью — см. наст. кн., с. 151. В публикуемом письме Сизова необходимо отметить независимость его точки зрения, его оценок Блоков от контекста сложных отношений между ними и Белым.

[1] Ср. вышеприведенный отзыв Блока о Сизове в письме к Белому. Умение говорить «по-московски» у Блока сохранилось с поры увлечения Москвой в противовес Петербургу, несмотря на то, что к Москве с ее «семейственностью» поэт временами относился неприязненно.

[2] Е. П. Иванов — см. прим. 20 к письму Л. Д. Блок к свекрови от 16 сентября 1907 г.

[3] Это сравнение возвращает к «эпохе зорь», сблизившей Блока с московскими «аргонавтами».

[4] Т. е. 23 сентября 1907 г.

[5] Ср. в письме Блока Белому от 23 сентября 1907 г.: «Физиономия Петербурга этого сезона совершенно иная, чему способствует уже и будет способствовать Л. Андреев (я с ним познакомился; он уж очень простоват и не смотрит прямо)» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 216). О сближении Андреева с петербургскими символистами — см. наст. кн., с. 291, 301, 323.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Homburg, villa Ernst, 〈1907 г., сентябрь〉

Боря, милый, пишу вам, наконец, подлиннее, не карточку. С чувством любовного интереса, а не любопытства, хочу и жду от вас письма-рассказа о вашем объяснении с Блоком [1]. Мне о том, что оно состоялось,— писал Брюсов [2]. И, конечно, оно не могло не отразиться на вашей душе, которую я не хочу перестать видеть и понимать, как увидела и поняла в Париже. Ваша крепость,' с какою вы *не* поехали на свидание с Любой летом — очень мне понравилась. Я считаю, что тогда так и надо было,— ввиду всякой воз-

можности в будущем. Ну, словом, напишите мне все дальнейшее, как если бы мы с вами сидели на углу rue Mozart, в вашей комнате у огня [3].— Затем, Боричка мой хороший, еще вот что я скажу вам с великой серьезностью. Это будет коротко, искренно и ясно,— и практически-точно. В моей и нашей любви — вы сомневаться не можете. И в моей любовной проникновенности тоже. Так вот: *если только* вам сейчас, в эту осень и зиму, не предстоит немедленное личное, новое устроение вашей жизни, в смысле твердого, хотя бы медленного, сближения с Любой, и сближения истинного, честного, т. е. вне Блока (какой бы он ни оказался), сближения не трех, а воистину двух [4],— если не это, Боря,— то вам *надо* приехать в Париж. ⟨...⟩

Правда ли, что Блок в Волохову влюблен? [5]

Как мне не нравится «атмосфера», которую так ярко и живо передают мне письма Брюсова! [6] Не расцвести в ней никакому истинно-благоуханному цветку! [7]

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 97—98. Датируется на основании первой фразы данного письма, связывающей его с открыткой от 19 августа (1 сентября) 1907 г. (наст. кн., с. 295), которой предшествовала другая, от 3 августа н. ст. (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 59).

[1] Блок и Белый объяснились 24 августа 1907 г., что временно умерило напряженность в их отношениях; Белый подробно рассказывал об этой встрече в мемуарах («Эпопея», № 3, с. 270—280; «Между двух революций», Л., 1934, с. 327—330). Письма Белого, о котором его просит корреспондентка, мы не знаем.

[2] Соответствующее письмо Брюсова нам не известно; возможно, ответ на него — письмо Гиппиус от 13 (26) сентября 1907 г., отрывок из которого мы печатаем на с. 303 наст. кн.

[3] Имеется в виду квартира Мережковских на улице Моцарта, где бывал Белый, когда жил в Париже в конце 1906 — начале 1907 г.

[4] Подробнее об этом Гиппиус писала Белому 3 (16) мая 1907 г. см. наст. кн., с. 285.

[5] Ср. августовское письмо 1907 г. Гиппиус к Белому — наст. кн., с. 299.

[6] Ср. опубликованные письма 1906—1907 гг. Брюсова к Гиппиус — ЛН, т. 85, с. 686—700.

[7] Ср. упомянутое в прим. 4 письмо Гиппиус к Белому от 3 (16) мая 1907 г.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Ревель,⟩ 2 октября 1907 г.

⟨...⟩ Забыла написать Вам, что я написала как-то недавно Андрею Белому. Написала коротко, что рада ужасно их последнему согласию с Сашей и люблю его и вспоминаю [1]. Он мне написал длинное, хорошее, серьезное письмо, без малейшего декадентства [2]. Страшная усталость и сломленность во всем, но боевой дух еще держит его. Ужасно много в Боре прекрасного огненного страдания и рядом какие-то проявления мелкие, изгибы какие-то, ужасно страшные, соблазнительные и, главное, потому страшные, что он ни за что не хочет каяться, никогда.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

[1] См. наст. кн., с. 306.

[2] Текст этого письма Белого нам неизвестен.

М. М. ЗАМЯТНИНА — В. Ф. ЭРНУ

Петербург, 4 октября 1907 г.

Посылаю 25 экз⟨емпляров⟩ «Цветника Ор» и 50 экз⟨емпляров⟩ «Снежной маски» Блока, возьмите, пожалуйста, сколько нужно для вашего склада [1], а остальное отошлите, будьте уж так добры, Скирмунту [2].

ГБЛ, ф. 109.

Речь идет о распространении книг, выпущенных издательством «Оры».

[1] Вероятно, имеется в виду книжный магазин «Братство» в Москве, организованный группой христиан-социалистов (В. Свенцицкий, В. Эрн и др.). О встрече с ними Блока см.: Андрей Белый. Начало века. М.— Л., 1933, с. 305.

[2] Сергей Аполлонович *Скирмунт* (1863—1932) — владелец издательства и книжного склада в Москве, связанный с освободительным движением.

В. Ф. АХРАМОВИЧ — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Москва, 5 октября 1907 г.〉

〈...〉 «Голос Москвы»,— в котором я гну угрюмую спину за корректурными гранками,— решил, если не сбросить окончательно октябристскую чешую, так хотя бы обновиться в своем чисто литературном отделе.

С этой целью приглашен — и очень охотно принял приглашение — *Валерий Брюсов*. Дальше. Послана благоговейная телеграмма *К. Бальмонту* — ответа пока нет.

Александр Блок — ответил «радостным» согласием [1] и обещал подробно договориться по возвращении из Киева [2]. *Кондратьев* дал уже свое согласие и новеллу. Л. Галич принял предложение, потребовав псевдоним, аванс в 300 р. и по 30 к. за строку.

Борис Попов (Мизгирь) дал уже музыкальную рецензию, *Садовской* — стихи и рассказ.

На днях даст рассказ *Мирэ. Нина Петровская* [3] уже два раза печаталась. 〈...〉

〈...〉 Я мало смыслю в гонорарах, полагаю, что дадут вам около 1 руб. за стихи и 20—25 к. за прозу. Кажется, согласятся на псевдоним.

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 295, л. 1—2.

Витольд Францевич *Ахрамович* (ум. 1930) — литератор, кинематографист. Основные переговоры о перестройке Литературного отдела «Голоса Москвы» он вел с В. Я. Брюсовым, который представлял и интересы Блока — см. их переписку по этому поводу в кн. 1 наст. т., с. 501—505, а также VIII, 216—217. Сотрудничество Блока в этой газете не состоялось. Брюсов напечатал там одну театральную рецензию (под псевдонимом «Латник», № 137, 13 октября). Из упомянутых Ахрамовичем писателей не удалось обнаружить в «Голосе Москвы» публикации Л. Галича и Н. Петровской, может быть, скрывшихся за неизвестными нам псевдонимами, а также А. Мирэ (о деятельном участии в газете А. Кондратьева и Б. Садовского см. наст. т., кн. 1, с. 502).

[1] В какой форме было получено согласие Блока, неизвестно. Следует отметить, что «Голос Москвы» располагал обещанием сотрудничества Блока к тому моменту, когда к поэту обратился Брюсов.

[2] См. ниже письмо Андрея Белого к матери 〈9 октября 1907 г.〉

[3] Замысел реформировать литературный отдел «Голоса Москвы» сложился, вероятно, еще летом 1907 г. См. письмо Н. И. Петровской В. Ф. Ходасевичу от 11 июля (ЦГАЛИ, ф. 537).

Л. Н. АНДРЕЕВ — В. В. МУЙЖЕЛЮ

〈Петербург, 6 октября 1907 г.〉

Дорогой Виктор Васильевич!

Ввиду «Ме〈лизанды〉» у Коммиссаржевской среда будет у меня *во вторник*. Будет читать Зайцев, Бунин, вероятно, Блок.

ГПБ, ф. 124, ед. хр. 134, л. 1. Датируется по почт. шт.

Виктор Васильевич *Муйжель* (1880—1924) — писатель. На одно деловое письмо к Муйжелю Блока от 15 августа 1919 г. (там же, ф. 494, ед. хр. 7) Муйжель отвечал 19 октября (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 342).

Андреев предупреждает адресата о переносе собрания в связи со спектаклем по «Пелеасу и Мелизанде» М. Метерлинка 10 октября; сам Блок, «выбранный» участником андреевских «сред», писал матери 9 октября, что Л. Д. Блок и А. Белый (гостивший в Петербурге после поездки с Блоком в Киев — см. письмо Белого от 9 октября 1907 г. ниже) «пойдут в кинематограф, а я на собрание к Андрееву — читать свои стихи. Завтра „премьера“ у Коммиссаржевской — „Пеллеас“» (VIII, 214).

Когда наст. книга подписывалась к печати, исследователь С. С. Никоненко обнаружил в частном хранении неизвестное письмо Блока к Муйжелю, в котором речь идет о проспекте и условиях нового издания сочинений поэта. Сообщение об этой находке и текст письма публикуются в кн. 4 наст. тома.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

〈Петербург. 9 октября 1907 г.〉

〈...〉 Я приехал в Петербург. В Киеве нас встретил целый кордон из людей, возили, угощали, водили в театр, по Киеву, по ресторанам. Вечер был в громадном театре. Театр был переполнен; после я вдруг заболел. От переутомления сделался припадок: дурнота и все прочее. Я был убежден, что это — холера. Мы с Блоком всю ночь просидели, не спали. Потом на другой день у меня лекция, билеты распроданы, курсистки ждут, а я читать не могу. Пришлось звать доктора — сначала одного, потом другого. Прочел — и сразу на поезд. Теперь в Петербурге.

О своих впечатлениях расскажу подробно [1]. Пробуду до 15-го. 〈...〉

Теперь вот что: ввиду того, что Саша мне сказал о необходимости для меня поехать в Петербург и повидаться с Любовь Дмитриевной, в виду того, что Соколовы [2] уехали, а я себя чувствовал дурно и меня не отпускали одного, я поехал в Петербург с Сашей.

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 163 и об.

В начале октября 1907 г. группа литераторов — Андрей Белый, С. А. Соколов (Сергей Кречетов), И. А. Бунин — были приглашены киевским журналом «В мире искусств» для публичных выступлений в Киеве. Бунин в последний момент отказался, и Белый привлек к поездке Блока, 4 октября приехавшего в Киев. После нервного кризиса, как Белый рассказывает матери в печатаемом письме, Блок позвал друга к себе в Петербург, где тот провел несколько дней. Подробнее об этом см. в письмах Блока к матери от 9 и 13 октября (VIII, 213—215, и «Письма к родным», I, с. 173—177); в мемуарах Белого: Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 330—335, и «Эпопея», 1922, № 3, с. 284—306; ЛН, т. 89, с. 214; «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 221.

[1] В известных нам письмах Белого к матери более подробного отчета о Киеве нет, хотя еще накануне он обещался: «Скоро тебе напишу о моих киевских впечатлениях. Сейчас иду к Блокам» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 161 об.).

[2] Речь идет о С. А. Соколове и Н. И. Петровской.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Петербург,〉 14 октября 〈1907 г.〉

Если бы Вы знали, что за страшная суетня. Ни одного дня (совершенно буквально ни одного), когда бы я не должна была думать, что — вот через час придет тот-то, а потом надо то-то, и так сплошь до вечера. 〈...〉 В последнее время был Боря в П〈етер〉б〈ур〉ге [1], а у нас жила Муся со Спотом, поссорившись с Ваней. Теперь мама приехала [2]. Боря, в сущности, хороший и можно его обласкать, когда он будет жить в П〈етер〉б〈ур〉ге, он ведь переезжает, но пока по-прежнему влюблен, и это сильно его портит [3]. Вообще — странные влюбленные. Раз вечером, после «Пеллеаса» были у нас: Н〈аталья〉 Н〈иколаевна〉, В〈алентина〉 П〈етровна〉, Боря, Ауслендер и мы [4]. Все влюбленные, у всех воля и искания, все напряженные и неспокойные. Я была одна среди них; я называю себя «обреченной», живу без воли своей, без хотений, а ведет меня моя дорога, и я спокойно жду тех этапов, куда приведет.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 24, л. 9—10 об. Год установлен по содержанию.

В письме — впечатления и обстоятельства первого месяца жизни Блоков на новой квартире — Галерная 41, кв. 4. Новый сезон представлялся Блоку отличным от минувшего, он писал матери 28 сентября 1907 г.: «Хулиганства больше нет, чулковские попытки тщетны» (VIII, 211; подробнее — в его письмах к Белому от 1 и 23 сентября 1907 г.— «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 215—216).

[1] Белый приехал в Петербург вместе с Блоком 8 октября после выступлений в Киеве (см. выше) и прожил там до середины месяца. Тогда же обсуждался неосуществившийся план его переселения в северную столицу (см. прим. 3 и в письме к Блоку от середины сентября 1907 г.: «Приеду в конце октября совсем в Петербург» — «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 221).

[2] Речь идет о М. Д. и И. Д. Менделеевых, брате и сестре Л. Д. Блок, и об их матери А. И. Менделеевой; Спот — кличка собаки.

М. Д. Менделеева жила у Блоков в первой половине октября.

[2] Очередной план переселения в Петербург возник после совместной поездки Блока и Белого в Киев и последующего приезда Белого в северную столицу (см. наст. кн.). К этому времени Белый относит окончательное разрешение своих отношений с Л. Д. Блок («Щ.» в цитируемых воспоминаниях): «В ноябре 1907 года я снова пожил в Петербурге; но с Блоком почти не встречался я; ему было не до меня (мучительные отношения с женою и с Волоховой); мне же — не до него: я опять имел встречи с Щ.; я, как Фома, таки палец вложил в рану наших мучительных отношений; и я убедился, что суть непонятного в Щ. для меня, в том что Щ. пониманья не требует: все — слишком просто, обиднейше просто увиделось в ней. ⟨...⟩ Последнее мое правдивое слово о Щ.: — Кукла! Сказав это слово, уехал в Москву, чтобы больше не встретиться с ней» (Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 335). Белый-мемуарист, по-видимому, преувеличивает свою решительность — ср. ниже письма к нему Т. Н. Гиппиус от 17 февраля 1908 г. и позднейшие.

[4] Об этом вечере после метерлинковского спектакля Блок писал матери 9 октября 1907 г.: «Завтра «премьера» у Коммиссаржевской — «Пелеас» ⟨...⟩. Завтра после «Пелеаса» у нас собрание, по поводу нового театра, который желают устроить Люба, Наталья Николаевна ⟨Волохова⟩, Веригина ⟨...⟩ Иванова и Мусина. Кроме перечисленных — будет Боря» (VIII, 214—215; «Боря» — Андрей Белый).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

15 октября ⟨1907 г.⟩

Вот хорошо, что вы приезжаете! [1] Только мы с Сашей совершенно не согласны, чтобы Вы жили в меблированной комнате. Вы должны непременно приехать к нам, опыт с Мусей [2] показал, что это очень просто и удобно. И кровать есть, Саша очень просит Вас, и мне будет ужасно приятно; пожалуйста! ⟨...⟩ Сейчас идем в религиозно-философское собрание [3] с Веригиной и ее сестрой [4].

Пишу мало, скоро ведь увидимся.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 11—11 об.

[1] А. А. Кублицкая-Пиоттух гостила у Блоков с 19 по 24 октября 1907 г. (вместе с ней приезжал Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух, который 19-го же числа уехал в Ревель). См. дневниковые записи М. А. Бекетовой от 21 и 24 октября о приезде матери Блока: наст. кн., с. 625.

[2] См. выше, прим. 2 к письму Л. Д. Блок к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 14 октября 1907 г.

[3] 15 октября состоялось 2-е публичное заседание религиозно-философского общества. Был заслушан доклад В. В. Розанова «О нужде и неизбежности религиозного сознания». В прениях выступили Аскольдов (Алексеев), свящ. Агеев, архимандрит Михаил, Столпнер и др. — см. отчет о собрании: «Речь», 1907, № 245 (17 октября).

[4] Валентина Петровна и Вера Петровна Веригины.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

29 октября ⟨1907 г.⟩

⟨...⟩ Озаровский [1] иногда заходит к нам. Мне нравится то, что он говорит, и я на него согласна, как на будущего режиссера. Были на похоронах Лидии Дмитриевны. Было много народу, все цветы живые, хорошо было. ⟨...⟩ Похоронили в Александро-Невской лавре. Речей не говорили, просто стояли тихо вокруг могилы [2].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 13—13 об.

[1] Юрий Эрастович *Озаровский* (1869—1924) — режиссер Александринского театра (до 1915), драматический актер. В 1915—1918 гг. работал в Московском драматическом театре. Позднее эмигрировал, в 1920 г. основал в Париже русскую драматическую школу. Блок делал выписки из книги Ю. Э. Озаровского «Вопросы выразительного чтения» (СПб., 1896) — ЛН, т. 27-28, с. 510, 566.

[2] Речь идет о похоронах Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (скончалась 17 октября 1907 г.). См. некролог — «Речь», 1907 г. № 248, 20 октября. Ср. в письме Блока матери от 29 октября 1907 г.: «Хоронили Л. Д. Иванову — трогательно — в Лавре».— VIII, 217, ср. в неизданных записках В. К. Шварсалон о болезни, смерти и похоронах матери: «После моста на повороте Вячеслав познакомил меня с Блоком, а Блок, т. к. была некоторая замешка, начал стремиться вперед и говорил взволнованно и азартно «[пой-

демте], возьмемте, понесем сами гроб, Вячеслав Иванович, пойдемте, возьмемте, сами понесем!» И прошел вперед с другими, и, кажется, понесли гроб 〈...〉 когда опустили гроб и Городецкий согнулся, оперся о зеленую часовню и зарыдал, я даже злилась, и потом почему-то говорила Вячеславу, что это было неискренно или «ломанье». Вячеслав с Блоком шептали, будут ли говорить, и решили, что лучше, если не будут» (ГБЛ, ф. 109; воспоминания писались в 1907 и 1914 гг.).

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

〈Петербург,〉 4 ноября 1907

〈...〉 поехал в Мариинский театр: видел там Л〈юбовь〉 Д〈митриевну〉, которая благосклонно благодарила за книгу.

〈...〉 приехал домой 〈...〉 и нашел письмо Блока такого содержания:

«Спасибо, Георгий Иванович, за книгу, за надпись и за посвящение поэмы, которую люблю. А. Б.»

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 41.

В письме идет речь о книге стихов Чулкова «Весною на Север» (СПб., 1908), вышедшей в свет в конце 1907 г. Помещенная в ней одноименная поэма Чулкова посвящена Блоку. Подлинник цитируемого письма Блока неизвестен («Александр Блок. Переписка». вып. 1, с. 428), возможно, что и в первой публикации («Письма Александра Блока» 1925, с. 139) оно приводится по письму, отрывок которого мы воспроизводим.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. Д. БУГАЕВОЙ

〈Петербург, 12 ноября 1907 г.〉

〈...〉 Пишу тебе только сегодня, потому что всю неделю писал статью о «Театре». Видел очень мало народу. У меня тихо. 〈...〉 Раза 3 был у Блоков. После Москвы даже как-то дико отсутствие людей. Чувствую себя в общем недурно. Странно мне в Петербурге, странно.

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358, л. 166—167. Датируется по почт. шт.: С. Петербург. 12 11〈19〉07.

Белый вновь появился в Петербурге в первых числах ноября 1907 г., очередной раз намереваясь поселиться там постоянно. Блок сообщил матери 5 ноября: «Приехал на днях Боря, был у нас два раза. Будет у нас не очень часто».— «Письма к родным», I, с. 179. Однако разрешение всех его отношений с Л. Д. Блок привело к тому, что 18 ноября 1907 г. Белый уехал из Петербурга.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Ревель,〉 18 ноября 1907 г.

〈...〉 И все, что Вы пишете о Блоке и о Незнакомке, тоже так, так и так.[1] Остается только верить в Александра Блока. Иначе отчаянье нападает... Должен он из чего-то выйти, идти дальше. Я знаю, что Вам понравится это особенно. Мне давно ничего так не нравилось, как эта новая Незнакомка...

«Астральный ритм» утратил Звездочет [2].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

[1] Письмо Иванова неизвестно. Речь идет о пьесе «Незнакомка» и, вероятно, об Н. Н. Волоховой. 6 декабря 1907 г. пьеса «Незнакомка» должна была читаться по ролям в Новом театре: Волохова — Незнакомка, Блок — Голубой (см. письмо Блока к матери от 27 ноября 1907 г.— VIII, 218).

[2] Ср. слова Звездочета («Незнакомка», второе видение):

Я ритмы утратил
Астральных песен моих!
(IV, 90).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Ревель,〉 30 ноября 1907

〈...〉 Относительно моего Саши и его чтения на вечерах совершенно с Вами согласна [1]. А забыл он не Вас только, а всех, потом 〈?〉. Уж очень влюблен [2].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 60.

[1] В письме к матери от 27 ноября 1907 г. Блок упомянул о «приглашателях на концерты», от которых он «стал отказываться» (VIII, 218). В несохранившемся ответном письме Кублицкая-Пиоттух поддержала Блока в его намерении не участвовать в литературно-художественных вечерах. «Твое письмо о ненужности чтения на концертах совпало с большим вечером «Нового искусства» 〈...〉,— сообщал ей Блок 9 декабря.— Я отказываюсь категорически и с 30 ноября нигде не читал» (VIII, 221). См. соответствующее заявление Блока, напечатанное 21 января 1908 г. в газете «Свободные мысли» (V,676). Свою принципиальную позицию в этом вопросе Блок изложил в статье «Вечера искусств» (октябрь 1908 г.— V, 304—308).

[2] Имеются в виду отношения с Н. Н. Волоховой.

Е. П. ИВАНОВ — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Петербург, 14 декабря 1907 г.〉

Морозно ли у вас? [1] У нас так вот полмесяца как свирепствует зима (около 20 и больше) 〈...〉 Любовь Дмитриевна от такого морозища бронхит получила.

Я был в прошлый понедельник 10 д〈екабря〉 у них. Зашел с тем, чтоб идти с ними на Дункан [2], хотя у меня билета не было, хотел на ура и даже сюртук одел. Прихожу, Саши дома нет, а Любовь Дмитриевна на диване сидит распушившись, как птица, больная 〈...〉. И решила она не ехать уж в этот вечер на Дункан, и такая добрая мне передала билет-то свой, сама же, бедная, осталась одна: ванну горячую принимать и малину пить, чтоб хорошенько простуду-то в три шеи из себя выгнать. Я же пошел на «Дункан» с Сашей. И сидела между нами Волохова на стуле № 313[3]. «Тройка, семерка, дама!» * [4]

В том же ряде сидела Поликсена Сергевна и Манасеина с дочкой Катей [5] и очень Волоховой любовались.

А Дункан явление чистейшее и романтизм прекраснейший, я детство вспомнил лет семи, когда в первый раз балет видел и увлекся им до влюбленности.

Тут «золотое царство» Достоевского сна [6].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 46.

Черновик. Датируется по сообщению в опущенной части письма: «Вчера в мои именины» 〈13 декабря〉.

[1] Т. е. в Ревеле, где в это время жила А. А. Кублицкая-Пиоттух с мужем.

[2] Айседора *Дункан* (1876—1927) — американская танцовщица. В декабре 1907 г. она в третий раз приехала с гастролями в Россию. 10 декабря состоялось ее второе выступление в Петербурге — танцы на музыку Шопена и Шуберта (Блок был и на первом ее вечере 5 декабря: исполнялась «Ифигения в Авлиде» Глюка). Гастроли Дункан в Петербурге пользовались сенсационным успехом: «Конец 1907 г. в нашей хореографической жизни ознаменовался появлением Айседоры Дункан, апостола «Танца будущего». В жестокие морозы она явилась к нам обнаженная, как античная богиня, и перенесла наше воображение в ту далекую страну синего неба и золотого солнца, где впервые зародились пластические искусства. И хмурая петербургская публика, развращенная блестяще-сусальными сценическими постановками, несколько вечеров подряд наполняла огромный, как площадь, зал Консерватории, любуясь танцами этой одинокой женщины» (В. С в е т л о в. Современный балет. СПб., 1911, с. 57).

[3] 12 декабря 1907 г. Блок писал матери: «Люба простудилась, 3-го дня у нее было 38,5 и потому на вечере Дункан мы были с Н. Н. 〈Волоховой〉 и с Женей. Дункан перестала существовать для меня — особенно в танцах польской истерики — Шопена» («Письма к родным», т. I, с. 185). О прежнем увлечении Блока и его ближайших друзей Дункан см. наст. т., кн. 1, с. 385—388.

* Над словом «дама» написано: «туз».

[4] «Тройка, семерка, туз», «тройка, семерка, дама» — роковой набор карт, определяющий главную перипетию в «Пиковой даме» Пушкина; эти слова постоянно повторяет обезумевший Германн.

[5] П. С. Соловьева с детской писательницей Наталией Ивановной *Манасеиной* (1869—1930); дочь Манасеиной — Екатерина Михайловна Манасеина, драматическая актриса.

[6] См. «сон» Версилова в романе Достоевского «Подросток» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 13. Л., 1975, с. 375) и фантастический рассказ «Сон смешного человека» («Дневник писателя», 1877, апрель). Об образе «золотого века» у Достоевского см.: Н. И. Пруцков. Утопия или антиутопия? — В кн.: «Достоевский и его время». (Л., 1971, с. 88—107).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Ревель,〉 2 января 1908 г.

〈...〉 И то, что у Блоков идет теперь, трудно об этом говорить и писать, нечто очень властное, очень важное, во многом истинно хорошее. И я тут, как мать и такой исстрадавшийся пытливостью человек, могу даже путать и мешать [1].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] Написано после двухнедельного пребывания в Петербурге во второй половине декабря 1907 г. Ср. запись в дневнике М. А. Бекетовой под 31 декабря 1907 г.

Е. П. ИВАНОВ — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈1908, январь?〉

〈...〉 Неужели я хочу вам предложить «*богодельню*»?... И неужели *положение ваше безвыходно*, как Вы пишете, только потому, что вы себя считаете ненужной «ревельским килькам» [1], которые солены не вашей солью...

Не мерою дается Дух, не мерою подается и тоска с ощущением ненужности, и если ограничивать чувство ненужности только Ревелем, то уж, извините меня, а я Вам не поверю 〈...〉

Я оттого так жестоко заговорил, что в том еще письме вы все, объясняя свой отъезд внезапный [2], говорили, что у Блоков что-то важное и во многом истинно хорошее делается: мне же кажется, что у Саши и настроение-то кислое объясняется отчасти тем, что на него вы смотрите с надеждою, тогда как у него глубо〈кое〉 желание стать в отчаянии своем безнадежным.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 43. Черновик.

Датируется предположительно, по соотнесенности с письмом матери поэта к Иванову от 2 января 1908 г.— см. выше.

[1] Мать Блока тяжело переживала свой переезд с осени 1907 г. в Ревель.

[2] См. выше письмо Кублицкой-Пиоттух к Иванову от 2 января 1908 г.

ЭЛЛИС (Л. Л. КОБЫЛИНСКИЙ) — В. Я. БРЮСОВУ

〈10 января 1908 г. Москва〉

Статью Волошина, присланную мне с приложением след〈ующего〉 странного письма, пересылаю вам, чтобы между 〈нами〉 не могло возникнуть тени недоразумения [1].

Конечно, вся статья — сплошное хулиганство и невежество, внушенное мерзавцем В. Ивановым, в котором вы должны же прозреть царя хулиганов и лжеца в александрийском стиле [2]. 〈...〉

Еще раз хотелось бы спросить вас, почему такие люди, как Волошин, этот безграмотный пародист на Т. Готье, могли выступать так недавно в одном строю с вами? Не таков ли и Вяч. Иванов, и Мережковский, и Гиппиус?

И не это ли смешение поэтов с шарлатанами заставило меня 4 года тому назад не различить культурных ценностей рус〈ского〉 символизма от коры пошлости и создать мой личный конфликт с вами? [3] 〈...〉

Разве книги Мережковского, статьи В. Иванова * менее безграмотны, разве статьи Блока менее идиотичны [4], чем эта статья Волошина? Положим, в них *пока* нет личных Чулково-Волошинских инсинуаций, но долго ли этого ждать?

ГБЛ, ф. 386, к. 109, ед. хр. 44, л. 9 об.— 11. Датируется по почт. шт.

[1] Статья Волошина — «Валерий Брюсов. Пути и перепутья. Том I собрания стихов»— была напечатана в газете «Русь» (1907, № 348, 29 декабря). Брюсов остался недоволен тем, что в своей статье Волошин коснулся не только его творчества, но и его человеческого облика, и опубликовал в связи с этим письмо в редакцию «Руси» (1908, № 3, 4 января); в том же номере газеты появилось и ответное письмо Волошина. 4 января 1908 г. Волошин написал письмо Эллису (с ним он был хорошо знаком еще в студенческие годы), в котором излагал существо конфликта и просил высказать об этом свое мнение; вместе с письмом он отправил и номер «Руси» с протестом Брюсова и своим ответом на него (письмо Волошина к Эллису, сохранившееся в архиве Брюсова, опубликовано и обстоятельства конфликта изложены в статье: В. А. Мануйлов. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин.— В кн.: «Брюсовские чтения 1971 года». Ереван, 1973, с. 453—455).

[2] В данном случае имеется в виду роль Вяч. Иванова как вдохновителя «мистического анархизма» и связанных с ним философско-эстетических тенденций внутри символизма, с которыми неустанно боролся Эллис на страницах «Весов», руководимых Брюсовым.

[3] Ссора между Брюсовым и Эллисом произошла в апреле 1903 г. на квартире Андрея Белого. См. об этом: А. В. Лавров. Брюсов и Эллис.— В кн.: «Брюсовские чтения 1973 года». Ереван, 1976, с. 219.

[4] Имеются в виду обзорные статьи Блока («О реалистах», «О лирике», «О драме», «Литературные итоги 1907 года»), печатавшиеся в 1907 г. в «Золотом руне».

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

⟨Январь, после 25, 1908 г.⟩

⟨...⟩ Не совсем согласен с тем, что Вы пишете о Каменском: правда, некоторые его рассказы очень вульгарны и грубы, но в других он иногда обнаруживает прямо чеховскую наблюдательность и манеру. Лично я не особенно ценю его, но после беседы с Андреевым, который уверял, что Каменский в последнее время очень совершенствуется, решился пригласить его. С Блоком я по этому поводу имел переписку и, хотя он высказывал некоторые опасения, но, в общем, не возражал против этого приглашения [1]. Я поэтому думаю, что Каменского можно печатать, но, разумеется, с большой осторожностью и во всяком случае его приглашение не считаю промахом, тем более, что Каменский порывает с реализмом и позитивизмом. Меня несколько удивляет Ваша ссылка на Л. Андреева, с которым я долго беседовал в Москве и по совету которого пригласил Каменского.

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 18. Автограф на почтовой бумаге журн. «Золотое руно». Датируется по отношению к также недатированному письму Тастевена к Чулкову (но с фразой «Сегодня — в «Русском слове» большая статья против Блока» — см. наст. кн., с. 322), где впервые поднимался вопрос о сотрудничестве А. П. Каменского в «Золотом руне». Тастевен писал там: «Виделся и с Каменским, который говорил, что отступает от реализма и хочет дать нам рассказ в новой манере» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 18 об.). В неизвестном нам письме Чулков, несомненно, возражал против привлечения бульварного писателя, на что Тастевен и отвечает в настоящем письме.

Анатолий Павлович *Каменский* (1876—1941) — прозаик и драматург; в 1907 г. рассказами «Леда», «Четыре» и др. заявил о себе как одном из ведущих представителей «литературного распада». Опускаемая часть письма содержит в себе план № 2 «Золотого руна» на 1908 г., где обозначен и рассказ Каменского «Покойники». Однако вскоре Тастевен пишет Чулкову, упоминая, по-видимому, первый сборник рассказов этого писателя «Степные голоса» (1903): «Я читал последние рассказы Каменского — это такая пошлость, после которой его немыслимо печатать в «Руне»; его первый сборник был несравненно выше» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 26 об.). Таким образом, сотрудничество Каменского в журнале расстроилось.⟩

[1] Эта «переписка» неизвестна. Слова Тастевена в начале публикуемого фрагмента о «чеховской наблюдательности» Каменского восходят к статье Блока «О реалистах»

* В «Золотом руне» ⟨прим. Эллиса⟩.

(впервые — «Золотое руно», 1907, № 5), где поэт писал о Каменском: «Дарование его незаурядно, «чеховская» наблюдательность еще изощреннее и стиль тоньше». Признавая литературную даровитость молодого писателя, Блок отмечал, что она тратится «на мелочи» — «Такая литература не знает, куда ей деваться. Как будто есть какие-то „запросы", но, в сущности, все рекорды побивают „юмор" и „чувственная изобразительность"» (V, 123). Позже для Блока «морда Каменского» становится одним из воплощений «страшного мира»: «Выхожу из трамвая ⟨...⟩ У двери сидят — женщина, прячущая лицо в скунсовый воротник, два пожилых человека неизвестного сословия. Стоя у двери, слышу хохот, начинаю различать: «ишь ... какой ... верно... артис...». Зеленея от злости, оборачиваюсь и встречаю два наглых, пристальных и весело хохочущих взгляда. Пробормотав «пьяны вы, что ли», выхожу, слышу за собой тот же беззаботный хохот ⟨...⟩ *Эти* ужасы вьются кругом меня всю неделю — отовсюду появляется страшная рожа, точно хочет сказать: «Ааа... ты вот какой? ... Зачем ты напряжен, думаешь, делаешь, строишь, зачем?»

Такова *вся* толпа на Невском. Такова (совсем про себя) одна искорка во взгляде Ясинского. Таков Гюнтер. Такова морда Анатолия Каменского.— Старики в трамвае были похожи и на Суворина, и на Меньшикова, и на Розанова. Таково *все* «Новое время». Таковы «хитровцы», «апраксинцы», Сенная площадь» (VII, 87—88).

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

⟨Москва, конец января — начало февраля 1908 г.⟩

⟨...⟩ В среду выйдет № 1 с Вашей статьей [1]. Перечитывая ее, я испытываю некоторое опасенье: не слишком ли резко в этой статье, чрезвычайно, в общем, корректной, не в пример «Весам», то место, где Брюсов очень недвусмысленно назван «канатным плясуном»? [2] Не нужно ли, чтобы сохранить за «Золотым руном» его репутацию беспартийности в сфере личной, поместить хотя бы маленькое примечание вроде того; что: «разделяя все теоретические положения статьи, редакция оставляет на ответственности автора некоторые детальные характеристики отдельных писателей» или что-нибудь в этом роде? Разумеется, если Вы вполне уверены, что статья не вызовет протеста со стороны нерешительной части группы и, в частности, со стороны Вяч. Иванова и даже Блока, то это излишне [3]. Я боюсь, что в тактическом отношении статья может дать непредвиденные результаты и вызвать некоторый поворот в пользу «Весов».

Я откровенно изложил мои опасенья, но решенье вполне будет зависеть от Вашего ответа, который с нетерпеньем жду.

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 20. Автограф на почтовой бумаге журн. «Золотое руно». Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о статье Чулкова «Разоблаченная магия», направленной против «Весов» («Золотое руно», 1908, № 1). О ее получении Тастевен уведомлял автора 25 января 1908 г.: «Спешу известить Вас о получении Вашей статьи;— это настоящий динамит, подведенный под устои «декадентства». Думаю, что в Московском Парнасе она вызовет большое озлобление» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 18).

[2] Чулков в своей статье дает понять, что его мишенью в ней является В. Я. Брюсов, прямо не называемый. В начале он цитирует известное стихотворение А. Белого, посвященное Брюсову: «Застывший маг, сложивший руки...». Полемика Чулкова направлена прежде всего против статьи Брюсова «Торжество победителей» («Весы», 1907, № 9; подпись — В. Бакулин).

[3] Несколько позже в недатированном письме Тастевен пояснял свои опасения: «возбуждая вопрос о редакционном примечании, я вовсе не имел в виду выпускать Вашу статью с какими-либо примечаниями, я просто хотел затронуть вопрос принципиальный — о тактике «Руна». В виду не особенного ясного настроения петербургской группы, мне казалось необходимым это выяснить, чтобы теперь, когда «Руно» переходит от оборонительной тактики в наступательную, не оказаться изолированными. Это вовсе не признак нерешительности или опаски, а просто желание ориентироваться и не идти наугад. Вам, конечно, гораздо лучше, чем мне, известно настроение петербургской группы, и потому, если Вы считаете, что статья не может вызвать распаденья формирующейся группы, то, разумеется, никакого примечания не нужно» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 21 и об.).

Опасения Тастевена за целостность слабо спаянной группы «Золотого руна» — лейтмотив его писем к Чулкову. Так, еще 7 октября 1907 г. он писал: «У меня сейчас возникло маленькое опасение относительно Бальмонта, Философова и Сологуба. Останутся ли они, если «Руно» примет боевой характер?» (там же, ед. хр. 69, л. 11). В связи с Вяч. Ивановым, «мистический энергетизм» которого Чулков называл в своей статье в ряду других

концепций преодоления декадентского индивидуализма, Тастевен, памятуя об отмежевании Иванова и Блока от «мистического анархизма», писал еще 25 января 1908 г. в цитированном выше письме: «Одно меня несколько беспокоит, как отнесется к ней Вяч. Иванов, не вздумает ли он заявить в «Весах», что он не «мистический энергетик», а декадент?»

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Ревель,⟩ 1 февраля 1908 г.

Милый, милый Женя, спасибо за письмо. Я не имела понятия о том, что у Блока и у Розанова такой спор [1]. Спасибо, что написали.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61. Ответ на неизвестное письмо Иванова.

[1] О выпаде Розанова против Блока см. в комментарии к письму Г. И. Чулкова к Г. Э. Тастевену от ⟨марта ?⟩ 1908 г.— наст. кн., с. 322—323.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

⟨Ревель⟩ [1], 16 февраля 1908 г.

О том, религиозна ли я, могу сказать, что по принятому совсем не религиозна.

Приехал вчера ко мне мой драгоценный сынок [2].

На неделю, должно быть.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 534, л. 8 об.

Мария Павловна *Иванова* (1874? — 1941) — сестра Е. П. Иванова, задушевная подруга и доверенная корреспондентка матери Блока. Письма к ней А. А. Кублицкой-Пиоттух представляют собою важнейший источник для реконструкции биографии поэта, его семейной духовной атмосферы; ответные письма неизвестны.

[1] С середины сентября 1907 г. А. А. Кублицкая-Пиоттух жила в Ревеле, где служил Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух, ее второй муж.

[2] Блок приехал в Ревель 15 февраля, уехал оттуда — 22; пребывание у матери, впечатления от города и т. п. подробно описаны в письмах к жене — ЛН, т. 89, с. 216—219.

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

17 февраля 1908 г.

Боричка милый, получила ваше письмо, хотя не сейчас же отвечаю, но постоянно думала о вас. Я ждала — не увижу ли Блоков — все к ним собиралась, да не удавалось никак. Наконец, третьего дня днем зашла — выбрала время — никого дома не застала из них. Люба уехала вчера. Блок какой-то внутри печальный. Плохо ему, должно быть. (Мне говорили о нем, я не видала.) Мне очень досадно, что я Любу не повидала. Хотя я бы хотела ее увидать одну, а я не думаю, чтоб она этого хотела. А на людях — к чему?

⟨...⟩ Думала о Любе, что ведь в чем-то человек сначала сам для себя должен утвердиться и понять. Я смотрю на Любины выкрутасы (если она нашла себе дело действительно, то это уже не выкрутасы, а хорошо) как на известный рост личности самой для себя. Она еще для себя ничего не знает — как одна. Боря, вы думали о ее жизни? Она сначала была некрасивой дочерью (не она лично) знаменитого Менделеева, затем прекрасной дамой (не она лично), затем женой Блока (не она лично), тоже знаменитого, затем бы перешла к вам, опять к Андрею Белому. А она— все помощница, сама ничто и дела никакого. Все выкрутасы — бунт. А исковерканные «безобразы» оттого, что она ломает себя, внутри хорошее в себе как бы задавливает. И вас боится, как свидетеля этого хорошего. Это я все заключаю (м. б. неверно) по разным отрывкам из разговоров. Она человек, который не хочет быть раскрытым раньше времени — пока не вырос. Лгать будет скорее, только бы не подглядели, какая она. Боричка, я все про нее. Мне ведь это тоже важно, я не только для вас, для меня это важный вопрос, как разрешится. Есть ли во что верить на свете? ⟨...⟩

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 47—48. Частично письмо опубликовано в кн.: А. Т у р к о в. Александр Блок. М., 1969, с. 98, с неверной предположительной датировкой 1907 г. Датируется письмо по времени гастрольной поездки труппы, собранной в конце 1907 г. В. Э. Мейерхольдом — см. ЛН, т. 89, с. 216—217.

Переписка Т. Н. Гиппиус с Белым с весны 1907 г. до весны 1908 г. почти замирает, в редких письмах изредка упоминается Л. Д. Блок; в частности, 6 декабря 1907 г. она сообщала Белому: «Я была на 1-м представ〈лении〉 Ремизовской пьесы. Видела. Странно: вдруг нечаянно она стала мне «ты» говорить. Простая, в черном» (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, лл. 34).

[1] Публикуемое письмо позволяет точно датировать 1908 г. письмо Т. Н. Гиппиус к Блоку (ср.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 2. Письма к Александру Блоку». М., 1979, с. 189).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

5 марта 1908 г.

〈...〉 Скажите Жене, что я его очень благодарю за письмо [1], что много в нем, в этом письме, правды насчет всего вообще и насчет первого действия Сашиной новой драмы [2]. Но скажите Жене, Марья Павловна, что ведь Саша очень, очень много страдал и страдает. И сквозь это страдание надо смотреть на все, что он пишет и делает.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 534, л. 12 об.

[1] Письмо Е. П. Иванова к А. А. Кублицкой-Пиоттух неизвестно.
[2] Речь идет о «Песне Судьбы».

А. А. БУРНАКИН — Г. И. ЧУЛКОВУ

Благовещенье 〈25 марта〉 1908. Москва 〈...〉

〈...〉 Жду обещанного — «Весной на севере» [1] и материала для «Б〈елого〉 К〈амня〉». Желательна статья — противовес походу на «эпигонов»,— разоблачение «магии» широкого захвата. Пора основательно почистить заржавленные «Весы» [2]. Кроме того, прошу у Вас, Георгий Иванович, стихов и рассказа. И еще просьба. Я очень желал бы привлечь некоторых золоторунцев. Но захотят ли они якшаться с тем, над которым довлеет «бакулинское» проклятие [3]. Впрочем, А. А. Блок и И. А. Бунин согласились [4]. Не возьмете ли, Георгий Иванович, на себя труд — ознакомить своих литературных друзей с моими планами? Рецензентскому царапанью не будет места. Арену мелких ссор и драк хочу превратить в колыбель воюющих идей, в колыбель большого масштаба и широкого размаха. Сохраняя свою боевую линию и не изменяя своим боевым наклонностям,— я, в то же время, буду весьма сдержан. (В основу «Б〈елого〉 К〈амня〉» кладу индивидуально-эстетическое отношение к материальному миру). 〈...〉

Я хотел бы привлечь в «Б〈елый〉 К〈амень〉»: В. И. Иванова, К. А. Сюннерберга, М. А. Волошина, М. Кузмина, С. Ауслендера и С. Городецкого (А. М. Ремизова, А. А. Блока и Ф. К. Тетерникова я пригласил лично). 〈...〉 Передайте мой привет А. М. Ремизову, А. А. Блоку и М. А. Волошину.

ГБЛ, ф. 371.2.64.

Анатолий Андреевич *Бурнакин* (ум. 1932) — третьестепенный литератор, один из тех, в чьих писаниях проблемы большой культуры разменивались на побрякушки декадентской «общественности» — не случайно Блок в цитируемом ниже письме (прим. 4) прилагает к нему эпитет, которым совсем недавно Белый и другие полемисты из лагеря «Весов» определяли «общественность» петербургских «мистических анархистов»: «хулиганский издатель». Позже, в 1909 г., Блок вынес презрительный приговор книжке Бурнакина «Трагические антитезы» (М., 1910), где в опошленном виде представлялась коренная тема самого Блока — «интеллигенция и народ» (V, 655—656). В 1907 г. Бурнакин издал сборник: «Белый камень. Альманахи индивидуального искусства и индивидуальной мысли», т. 1. М., 1907. В начале 1908 г. он пытался составить второй том «Белого камня», для которого Блок обещал дать стихи. Издание не осуществилось.

[1] Имеется в виду книга Г. Чулкова «Весною на Север» (М., 1908).

[2] Бурнакин спекулирует на полемике «Весов» («„магия“ широкого захвата» — явный намек на Брюсова) с петербургскими символистами («золоторунцами» этого письма), в которой Чулков был мишенью подчас самых грубых нападок. За желанием автора статьи выступить в «противовес походу на „эпигонов“» — личная обида Бурнакина (см. прим. 3), об эпигонстве которого говорил позже и Блок: «Идеи г-на Бурнакина принадлежат не ему, а как раз тем, на кого он гневается» (V, 655—656).

[3] За подписью «В. Бакулин» появилась в «Весах» (1908, № 1) большая уничтожающая рецензия Брюсова на первый том «Белого камня» — «Всем сестрам по серьгам».

[4] Блок обещал Бурнакину дать стихи в альманах, когда тот был в Петербурге. 22 марта 1908 г. Бурнакин писал поэту из Москвы: «Нетерпеливо жду от Вас обещанного цикла стихотворений. Интересно было бы получить на днях, так как с первых чисел начинается набор. Рассчитываю выпустить «Б⟨елый⟩ К⟨амень⟩» к концу сезона. Состав участников определился. «Шокирующих» имен, за исключением моего, нет. (Что касается своей «линии», то в общем, я намерен, не изменяя своим боевым наклонностям, быть во 2-м томе весьма сдержанным). Доминирует зелень, но перечищенная, уже печатавшаяся и поведения скромного. Из старших укажу, покамест, на И. А. Бунина да, вот, жду от Вас стихов, но рассчитываю еще кой на кого (конечно, из символистов). Очень прошу Вас, Александр Александрович, выслать мне, когда выйдет, новый сборник Ваших стихотворений. Хочу откликнуться на него своевременно, во втором же томе» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 177).

Ф. К. СОЛОГУБ

Фотография, 1905, Петербург

С дарственной надписью: «Дорогому Георгию Ивановичу Чулкову от искренне любящего его Федора Сологуба. 1905»

Литературный музей, Москва

После этого напоминания Блок спрашивал Белого в письме от 25 марта 1908 г.: «Напиши, ради Бога, прилично ли дать стихи в «Белый камень»? Ту приезжал какой-то его хулиганский издатель, в чем-то полуизвинялся, обещал, что там сотрудничает Бунин. Будет ли сотрудничать кто-либо из вас?» (VIII, 233). Бурнакину Блок не ответил, как видно из второго письма Бурнакина к нему, от 6 апреля 1908 г. Согласие Бунина и Блока на участие в альманахе для издателя было козырем в переговорах и с другими литераторами — см. его письмо к И. Ф. Анненскому от 29 марта 1908 г. (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 303).

А. П. ИВАНОВ — Е. А. ИВАНОВОЙ

⟨Петербург,⟩ 28 марта 1908 г.

My dear Jenny, deary *, как я рад, что наконец-то миновал этот вечер с концертом Забелы! ⟨...⟩ Когда я пришел на концерт, то сразу увидел, что дело плохо: народу было невероятно мало, позорно мало! От души я пожалел бедную Н⟨адежду⟩ Ив⟨ановну⟩ [1] ⟨...⟩ Из тех, кого я подбивал идти на концерт, пришел только Блок [2]. ⟨...⟩ Женя, конечно, был. Малочисленность публики, конечно, объясняется до некоторой степени «Зигфридом», передвинутым на четверг [3] (я знаю, что очень многие отсутствовали именно из-за этого, напр⟨имер⟩ Оссовский [4]), различными лекциями и другими концертами ⟨...⟩ Но хуже всего было то, что ее не заставили ничего ни повторить, ничего

* Моя дорогая Женни, милочка (*англ.*).

не спеть сверх программы; публика как-то сложно деликатничала, и стыдилась хлопать; впечатление довольно тягостное. Я не видал больше Забелы; когда мы оделись, мы остались внизу, думая подождать ее выхода, потому что Блоку хотелось ее видеть вблизи; потом из сеней мы (т. е. я с Женей, Блок, Ге [5] и худ〈ожник〉 Кулинной [6]) вышли на площадь и, увидав Мар〈иинский〉 театр, захотели услышать немножко 〈?〉 из «Зигфрида» (было 1/4 12-го); залезли в театр всей оравой, прослушали «пробуждение Валкирии» и затем были выгнаны полицией. Я предлагал всем идти ко мне пить чай; Ника [7] и Кулинной не согласились; Блок же и Женя пошли. 〈...〉 Они сидели у меня до без 1/4 час, потом ушли; так что, видишь, четверг у нас состоялся, несмотря даже на отсутствие хозяйки; стоял все время шорох соломы от присутствия в комнате двух соломенных вдовцов [8]. За чаем мы сожалели о Забеле и говорили о разных других предметах. 〈...〉 В среду я 〈...〉 был у Блока, где застал и Чулкова.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 76.

Александр Павлович *Иванов* (1876—1933) — старший брат Е. П. Иванова, математик по образованию, прозаик, искусствовед, автор книг «М. А. Врубель. Опыт биографии» (Киев, 1912), «М. А. Врубель» (Л., 1928). См. о нем: «Блоковский сб.», 1, с. 351, 383. Евгения Алексеевна *Иванова* (урожд. Смирнова) — жена А. П. Иванова.

[1] Надежда Ивановна *Забела-Врубель* (1868—1913) — известная оперная певица, жена М. А. Врубеля. Ее концерт состоялся 27 марта 1908 г. в Малом зале Консерватории (аккомпанировал А. И. Зилоти): Забела-Врубель исполнила «Привет солнцу» из «Золотого петушка» Римского-Корсакова, произведения Грига, Дебюсси и других композиторов. Выступление было встречено очень сдержанно. Ср. газетный отчет: «Артистка Императорской русской оперы г-жа Забела-Врубель дала вчера〈...〉 свой концерт. Не обладая большими голосовыми средствами, певица все же старательно отнеслась к своей задаче и познакомила слушателей со многими новыми произведениями〈...〉 Успех артистка имела у своей аудитории, но сопрано ее уже в достаточной мере расшатано» («Биржевые ведомости», веч. выпуск, 1908, № 10425, 28 марта).

[2] 31 марта 1908 г. Блок сообщал матери: «Еще был на концерте Забелы (Врубель) и очень мне понравилась музыка» («Письма к родным», I, с. 201). В опущенной части письма А. П. Иванов сообщает, что на концерте присутствовали А. К. Глазунов и критики А. П. Нурок и В. Г. Каратыгин.

[3] 27 марта. Опера Вагнера «Зигфрид» исполнялась в этот день в Мариинском театре.

[4] Александр Вячеславович *Оссовский* (1871—1957) — известный музыкальный критик и музыковед.

[5] Николай Петрович *Ге* (1884—1920) — искусствовед, публицист, внук известного художника. Его мать, Екатерина Ивановна Ге, была сестрой Н. И. Забелы-Врубель.

[6] Александр Аввакумович *Кулинной* (1865—1944) — живописец.

[7] Н. П. Ге.

[8] Т. е. А. П. Иванова и Блока. Л. Д. Блок, как и Е. А. Иванова, тогда была в отъезде — гастрольной поездке с труппой, возглавлявшейся В. Э. Мейерхольдом.

Г. И. ЧУЛКОВ — Г. Э. ТАСТЕВЕНУ

〈Петербург. март? 1908 г.〉

〈...〉 На днях вернется в Петербург Леонид Андреев, и я и Блок еще раз [вместе] постараемся уладить дело с Розановым.

ГБЛ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 26. Черновик. Датируется по содержанию.

При коренном обновлении «Золотого руна» летом 1907 г. из списка его сотрудников исчезло имя В. В. Розанова, последний раз названное в журнальной рекламе при № 6. Причиною тому было резко-неприязненное отношение Л. Андреева к Розанову. Положение усугубилось, когда Розанов одновременно опубликовал две статьи, лично оскорблявшие ближайших сотрудников журнала. Одна из них — «Л. Андреев и его „Тьма“» («Новое время», 1908, № 11448, 25 января). Другая, отклик на статью Блока «Литературные итоги 1907 года», называлась «Автор «Балаганчика» о петербургских религиозно-философских собраниях» («Русское слово», 1908, № 21, 25 января; за подписью В. Варварин). Тастевен отметил ее появление в день выхода в письме к Чулкову от 25 января: «Сегодня в „Русском слове“ большая статья против Блока» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 18 об.). Именно Чулков и доставил Блоку экземпляр газеты с фельетоном, как это видно из его письма к Е. П. Иванову от 31 января 1908 г., в котором сказались и личная уязвленность Блока, и его «стыд» за Розанова. Однако, при этом Блок оговаривался: «Не теряя к нему

уважения вообще, не хотел бы подавать ему руки» (VIII, 228). Эта позиция позволила Блоку несколько позже, как видно из обещания Чулкова, попытаться ходатайствовать от «Золотого руна» перед Андреевым за Розанова. Поскольку в это время Розанов предложил журналу свое сотрудничество, Тастевен писал Чулкову: «Теперь, очевидно, нужно окончательно решить вопрос о Розанове. Я бы просил Вас, дорогой Георгий Иванович, предпринять энергичные шаги перед Андреевым. Дело в том, что положение «Руна», желающего стать идейным органом, вовсе не такое, чтобы ему пренебрегать такой силой, как Розанов. Между тем Андреев ничего не посылает, а налагает veto на Розанова, который для философского отдела прямо необходим. Вяч. Иванов ничего не дает, Городецкий, Волошин, Шестов, Минский тоже, таким образом, «Руно» не может обходиться без Розанова, тем более, что он дает статьи по такому вопросу, о котором могут писать лишь Пшибышевский и он. Отталкивать его теперь прямо грешно» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 26; недатированное письмо). 1 февраля 1908 г. Тастевен доставил Чулкову розановскую статью для ознакомления, сопроводив ее согласием даже на компромиссное решение вопроса: «Шлю Вам статью Розанова, которая представляется мне крайне интересной: нельзя ли было бы несколько уладить отношения между Розановым и Андреевым. Ужасно жаль лишаться столь глубокого и тонкого мыслителя. Может быть, Андреев согласился бы на случайное (не постоянное) сотрудничество Розанова» (там же, ед. хр. 69, л. 19). Наконец, сохранилось еще одно недатированное письмо Тастевена в связи с этим конфликтом, ценное тем, что проливает свет на его положение как «ближайшего» сотрудника в «Золотом руне», неписанная «конституция» которого малоизвестна: «Я думаю, что вопрос о сотрудничестве крайне серьезен и может быть решен лишь собранием всех ближайших сотрудников и редакторов отделов «Золотого руна». Лично я, как представитель центральной редакции, мог предварительно снять имя Розанова, т. к. это было необходимо ввиду настроения Леонида Николаевича, но теперь я предпочитаю с согласия редакции перенести этот вопрос на обсуждение собрания петербургских сотрудников «Руна», которое может окончательно решить вопрос о желательности сотрудничества Розанова при новой идейной позиции журнала и о том, насколько его бестактные выходки (как в сфере общественной, так и в сфере частных отношений) делают его сотрудничество приемлемым. Я думаю, что это собрание станет на более широкую точку зрения и сумеет совместить идейные интересы «Золотого руна» с интересами Леонида Николаевича» (ГБЛ, там же, ед. хр. 70, л. 19 и 19 об.). Переговоры по поводу розановского сотрудничества были злобой дня в феврале—марте 1908 г., и еще 1 апреля Тастевен писал Чулкову: «С нетерпением жду ответа о Розанове» (там же, ед. хр. 69, л. 21). Однако хлопоты Чулкова и, вероятно, Блока, успеха не имели, и Розанов не вернулся в «Золотое руно» (ср. гораздо более поздние резкие отзывы Андреева о Розанове — ЛН, т. 72, с. 341).

Т. НАЛЕПИНЬСКИЙ — Г. И. ЧУЛКОВУ

<Петербург. 1 апреля 1908 г.>

Многоуважаемый Георгий Иванович, не найдете ли возможность сделать мне большое удовольствие и придти побеседовать завтра, в среду, ранним вечером, на случай, если у Вас другие планы. Боюсь, что Вы уедете и мы не скоро увидимся, сам же я простужен и боюсь Невы. Пишу одновременно А. А. Блоку, с просьбой навестить меня в то же время [1].

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 25.

Тадеуш *Налепиньский* (1885—1918) — польский литератор. Окончил гимназию в Петербурге; докторскую диссертацию по Достоевскому защищал в Праге у Т. Масарика. В 1907—1908 гг. жил в Петербурге, где сблизился с русскими символистами.

Автор первой польской статьи о Блоке (1908) в варшавском еженедельнике «Prawda». Лично с поэтом познакомился через Г. И. Чулкова. 4 мая 1908 г. должен был у Чулкова слушать чтение Блоком «Песни Судьбы» (VIII, 240): «Я с большим удовольствием,— писал он поэту 1/14 мая 1908 г.— пойду слушать в воскресенье Вашу драму, которой крайне интересуюсь». Письма Налепиньского к Блоку хранятся в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 345); в переводе на польский язык и с некоторыми сокращениями и пропусками они опубликованы в специальной статье, к которой мы отсылаем за дальнейшими подробностями, в кн.: Galis, Adam. Osiemnaście dni Aleksandra Błoka s Warszawie. Warszawa, 1976, s. 95—107 (ниже цитируются по подлиннику); параллельные письма Налепиньского к Чулкову остались, по-видимому, А. Галису неизвестными. Возможно, были и письма Блока к молодому польскому литератору, но сведений об их местонахождении не имеется.

[1] В связи с работой над статьей о Блоке Налепиньский писал ему: «Очень был бы Вам благодарен, если бы одолжили мне книжку Ваших драм, т. к. я до сих пор не успел с нею познакомиться, статью же хочу написать очень скоро» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 345, л. 2). Как видно из письма Налепиньского к Блоку от 2 апреля 1908 г.,

Блок и Чулков не были у него, но «Лирические драмы» он получил; «Очень жалею, что сегодня Вас не удалось увидеть — надеюсь, что только до недалекого будущего. Искренне благодарю Вас за книгу лирических драм» (там же, л. 3).

Т. НАЛЕПИНЬСКИЙ — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Петербург.〉 8.IV. 〈19〉08 г.

Многоуважаемый Георгий Иванович,

вчера вечером я, спасаясь от петербургской скуки, убежал на ночь в деревню и только сейчас к вечеру вернулся. Очень огорчен, что как раз на этот вечер Вы с А〈лександром〉 А〈лександровичем〉 ко мне собирались, так как я с большим удовольствием остался бы [1]. Если Вы остаетесь на праздники [2], то нам нужно непременно все-таки увидеться, но на той неделе, т. к. теперь я еду в Лугу

ГБЛ, ф. 371, к 4, ед. хр. 25, л. 6. Автограф.

Идентичное по содержанию письмо Налепиньского к Блоку — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 345, л. 5.

[1] По-видимому, Налепиньский получил по возвращении неизвестное нам письмо от Блока либо Чулкова, уведомляющее о визите.

[2] Т. е. на Пасху, в 1908 г. приходившуюся на 13 апреля.

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Страстная Пятница. 11 апреля 〈1〉908 г.

〈...〉 Я о Вас, Боря, не забываю. Блок как-то у меня был (принес мне билет на свою лекцию в Театральном клубе) [1]. Говорил, что очень хорошо себя чувствует в одиночестве и ни в ком не нуждается. А с Мейерхольдом дело проваливается, если не провалилось, как я слыхала недавно [2]. (Блок то еще говорил, что Люба очень довольна, веселится) [3]. Ну а теперь будто дело расстроилось, все разбежались кто куда, и он сам, М〈ейерхольд〉,— уехал. Где в наст〈оящее〉 время Люба — не знаю. И какие планы дальнейшие — тоже не знаю. Я слыхала, что Люба думает и ей говорят, что ее призвание — быть актрисой [4].

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 36—37.

[1] Речь идет о выступлении Блока 18 марта 1908 г. в Петербургском театральном клубе с лекцией «О театре» (см. V, 241—276, 735; ЗК, 104).

[2] Гиппиус говорит о неудачном турне труппы В. Э. Мейерхольда, в котором участвовала Л. Д. Блок (см. выше письмо Гиппиус к Белому от 17 февраля 1908 г.). 21 марта 1908 г. Блок писал жене: «Я радуюсь принципиально вашему провалу. Может быть, хоть кто-нибудь из вас очнется от сна» (ЛН, т. 89, с. 224; ср. там же с. 228).

[3] Ср. письма Л. Д. Блок к мужу от 25 и 29 февраля 1908 г.— Там же, с. 218, 221.

[4] Ср. письмо Л. Д. Блок к мужу от 11 марта 1908 г. (там же, с. 225), а также выше, письмо Гиппиус к Белому от 17 февраля 1908 г.

Т. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург, 1908 г., середина апреля.〉

Боря милый. Адреса Любы не знаю, не знает и Евг〈ений〉 Павл〈ович〉 [1] и Ал〈ександр Ал〈ександрович〉 [2], вероятно, она теперь в Харькове. Мейерхольд денег нашел и собрал их всех опять [3]. Она была, оказывается, здесь на Страстной, и, кажется, довольна своей судьбой. Евг〈ений〉 Павл〈ович〉 ее видел. Она была 4 дня, в Великую Субботу уехала [4]. Я не говорила им, что для Вас прошу адрес, как Вы меня и просили.

Если что узнаю — напишу Вам. 〈...〉

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 7, л. 51—52. Автограф. Датируется по упоминанию приезда Л. Д. Блок в Петербург — см. прим. 4.

[1] Е. П. Иванов.

[2] Еще в начале турне труппы В. Э. Мейерхольда (см. выше письма Гиппиус от 17 февраля и 11 апреля 1908 г.) Блок писал жене 4 апреля: «Люба, вчера я получил твое письмо и ответил на него наугад и очень случайными словами 〈...〉. Самое досадное и ненужное, что никто не пишет мне адреса и я не имею возможности писать почти никогда — тебе». После свидания в Петербурге Л. Д. Блок уже не писала мужу, были только редкие телеграммы — см. ЛН, т. 89, с. 228, 230.

[3] См. выше, прим. 2 к письму Гиппиус от 11 апреля 1908 г.

[4] Л. Д. Блок приехала 8 апреля, уехала, как точно указывает Гиппиус, 12-го (ср. VIII, 236).

Т. НАЛЕПИНЬСКИЙ — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Петербург, 22 апреля 1908 г.〉

Многоуважаемый Георгий Иванович,

если Вы свободны в эту пятницу вечером, часов 8 или позже, навестите, пожалуйста, меня. Вы встретитесь с Ф〈едором〉 Кузмичем и с Ал〈ександром〉 Ал〈ександровичем〉. 〈...〉

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 25, л. 7. Открытка; датируется по почт. шт.: «С. Петербург 22.4.08».

Письма Налепиньского подобным приглашением среди прочих его писем к Блоку нет; вероятно, приглашение было устное. В пятницу, 25 апреля 1908 г., ни Блок, ни Чулков у Налепиньского не были, судя по его письму к Блоку от 27 апреля: «В пятницу пришли ко мне только Федор Кузьмич 〈Тетерников-Сологуб〉 и Конст〈антин〉 Александрович 〈Сюннерберг-Эрберг〉» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 345, л. 7); в том же письме Налепиньский осведомляется, не намерен ли Блок быть на встрече с «московскими артистами», т. е. с артистами Художественного театра (ср. VIII, 240), в среду, 30 апреля 1908 г., куда сам Налепиньский был приглашен К. А. Сюннербергом.

Вскоре Налепиньский оставил Петербург. Перед отъездом он писал Блоку 17 мая 1908 г.: «Жалко, нам не удалось сблизиться, за массою житейской канители и повседневных дел. Я лично предугадывал в Вас близкого и очень человека. Думал Вас у себя встретить, но Вы как-то не жаловали» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 345, л. 9).

ИЗ ДНЕВНИКА А. Н. ВЕРХОВСКОЙ

23 апреля 〈1908 г.〉

Вадя [1] был на «вечере искусств», где ставили «Куранты любви» Кузмина. Кроме этого был дивертисмент — читали свои произведения *Блок*, Ремизов, Кузмин, Волошин, Иван Рукавишников и т. п. При выходе и чтении Кузмина половина зала отчаянно шикала, половина отчаянно хлопала. Поставлены были «Куранты» стильно, но исполнители, особенно певицы, пели плохо. Сам Кузмин был загримирован и изображал «поэта». Больше всех успех имел Блок, которого вообще из всей этой компании публика больше любит за его искренность. 〈...〉

Печатается по копии, предоставленной редакции Н. П. Ильиным.

Александра Николаевна *Верховская* (1876—1950) — педагогический работник, жена В. Н. Верховского (см. прим. 1).

В публикуемой записи речь идет о вечере, состоявшемся в Зале Павловой (Тверская, 13) 23 апреля 1908 г. Силами артистов Старинного театра были разыграны «Куранты любви» (М., 1910; 2-е изд.— М., 1911) М. А. Кузмина. В «дивертисменте» (разыгранном как «артистическое кабаре» — с участниками за ресторанными столиками на сцене) — были заняты, помимо упомянутых Верховской, Федор Сологуб, Петр Потемкин, Мария Канонова, Валентина Щеголева (мелодекламация на слова Вяч. Иванова и Сологуба, музыка В. А. Сенилова); хроникер особо отмечал присутствие в зале «ахатовцев — К. С. Станиславского, М. П. Лилиной, В. В. Лужского — см.: «Речь», 1908, № 94 и 98 (20 и 25 апреля).

[1] Вадим Никандрович *Верховский* (1873—1947) — химик, педагог; брат Ю. Н. Верховского.

К. В. БРАВИЧ — Ф. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОМУ

С.-Петербург. 14 мая 1908 г.

〈...〉 Ко мне все обращаются с разными вопросами, касающимися будущего сезона — Евреинов, Добужинский, Блок, актеры, а я ничего не могу им сказать,— сам ничего не знаю!

Мне кажется, что Вам необходимо сейчас приехать в Петербург на четыре дня. Эта поездка Вам будет стоить рублей 50. Зато можно будет выпешить репертуар и дать всем работы на лето. Все этого очень желают. Добужинский собирается в Италию, чтобы запастись впечатлениями раньше, чем приступить к декорациям «Франчески» *. Евреинов не знает, пойдет «Пер-Гюнт» в начале сезона, или позже, или будет вообще отложен до будущего года? Это лишает его возможности работать. 〈...〉 Он 〈репертуар〉 мне представляется так: 1) «Франческа», 2) «Покойница», 3) «Соломея» (она разрешена цензурой с небольшими изменениями и вымарками. Цензурованного экземпляра я не видел, он у Рубинштейна), с «Соломеей» можно поставить «Флорентийскую трагедию» — это будет вечер Оскара Уайльда. 4) Я очень бы рекомендовал Кнута Гамсуна «У царских врат». Вы ее знаете? 〈...〉 Пятая пьеса — новая пьеса Блока. Станиславский, Немирович и вообще ареопаг Московского театра очень хорошо об ней отзываются. Я не читал, потому что Блок, по их указанию, ее переделывает, но говорил с ним о пьесе так, как будто не может быть и разговора о том, что пьесу он нам дает. Вот Вам пять пьес. На них, по-моему, нужно остановиться и сейчас же приступить к распределению работы, к переписке ролей и т. д. 〈...〉 Имейте в виду, что нам, вероятно, предложит свои услуги как актриса, жена Блока. Она ездила в поездку с Мейерх〈ольдом〉,— ее очень хвалит Зонов, говорит, что все были поражены, как она сыграла царицу в «Электре» Гофмансталя.

ЦГАЛИ, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 119, л. 1—3.

Об упоминаемых в письме лицах см. по указателю имен. В письме речь идет о пьесе Блока «Песня Судьбы».

В следующем письме, от 25 мая 1908 г., Бравич писал Коммиссаржевскому: «Пьесу Блока сейчас взять нет возможности — он ее летом будет переделывать. В июле, когда Вы приедете, постараемся заполучить ее. Да она на первых порах и не нужна, а потом она не уйдет от нас» (ЦГАЛИ, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 119).

Т. НАЛЕПИНЬСКИЙ — КОНСТ. ЭРБЕРГУ (К. А. СЮННЕРБЕРГУ)

〈Петербург,〉 2/15 V 〈1908 г.〉

〈...〉 Увидимся мы с Вами, по всей вероятности, послезавтра в доме Чулковых, где читает А. А. Блок [1].

ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 198.

[1] 4 мая 1908 г. Блок читал на квартире Г. И. и Н. Г. Чулковых драму «Песня Судьбы». Перечисляя приглашенных в письме к матери от 2 мая 1908 г., Блок называет и Налепиньского и Сюннерберга (VIII, 240). Из тех, кого ждал встретить у Чулковых Блок, не было М. А. Кузмина: В. К. Шварсалон, падчерица Вяч. И. Иванова, записала в своем дневнике: «Мы 〈...〉 в тот вечер были у Н. Г. 〈Чулковой〉 за чтением Блока — К〈узмин〉 не пошел, хотя я очень надеялась и в то же время почти знала, что он не пойдет» (ГБЛ, ф. 109).— Ср. прим. к письму Налепиньского к Г. И. Чулкову от 1 апреля 1908 г. (наст. кн., с. 323).

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Москва. первая половина мая 1908 г.〉

〈...〉 Я много думал о тактике «Золотого руна» и пришел к убеждению, что спор о символизме следовало бы перенести из сферы теоретической на более реальную, жизненную почву. Мне думается, теперь было бы крайне важно дать ряд критических статей, выдвигающих против «декадентства»

* Интересно бы Вам с ним поговорить до его отъезда.

«БАЛАГАНЧИК»
Шарж Ре-Ми (Н. В. Ремизова)
«Петербургская газета», 1908, № 54, 25 февраля

как миропонимания значение того глубокого, трагического отношения к жизни, провозвестником которого является, напр〈имер〉 Леонид Андреев. Недаром скорпионы направляют против него свои ядовитые жала, недаром лезут из кожи вон Брюсовские клакеры [1]. Мне кажется, борьбу нужно было бы вести одновременно на два фронта: теоретическом и литературном, применяя на практике то, что было добыто теоретическим анализом. Этим мы бы сразу утвердили себя: параллельно с новой формой познания необходима и новая мораль. Мне представляется, что теперь следовало бы дать ряд критических статей об Андрееве, Блоке, Зайцеве, Сологубе, о Вс. Иванове, Городецком. Мне кажется также, что статьи должны были бы быть крайне боевыми, не щадя «идеологов» «Весов».

〈...〉 Не согласились ли бы Вы написать об Андрееве, подчеркнув огромную моральную силу его таланта против хулиганской критики «Весов» [2].

В № 5, который выйдет числа 15, будет помещена Ваша статья [3], продолжение статей Иванова [4], Блока [5], статья Бальмонта «Лирика пола» [6]. Мне кажется, что большой недостаток статей Иванова и Блока — это их большой объем, который прямо давит №.

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 24. Автограф на почтовой бумаге журн. «Золотое руно».

[1] В 1906—1908 гг. критики «Весов», руководимые Брюсовым, все новые произведения Л. Андреева встречали самыми уничижительными отзывами. Для этой кампании характерно, например, заглавие статьи Эллиса: «Наши эпигоны. О стиле, Л. Андрееве, Борисе Зайцеве и многом другом» («Весы», 1908, № 2). М. Горький, не придавая значения различию между дружественным Андрееву лагерем «Золотого руна» и враждебной ему группой «Весов», писал своему другу в феврале 1908 г.: «Ты посмотри — что делают с тобой все эти хулиганы — ныне товарищи твои по сотрудничеству: основоположник их, Мережковский, ходит грязными ногами по твоему лицу, Гиппиус поносит тебя в «Mercure de France», а в журнале Брюсова ты назван невеждой и дураком — это уже не критика, а организованная травля, гнусная травля, нечто невиданное в нашей литературе» (ЛН, т. 72, с.305; ср. там же, с. 296, 307—309 и др.). Оценкам творчества Л. Андреева у самого Брюсова, при всей заостренности формулировок («талант Л. Андреева — талант некультурный... В Л. Андрееве талант — стихийное дарование беллетриста, не соединяется ни с остротою мысли, ни с истинной культурой души».— «„Жизнь человека“ в Художественном театре».— «Весы», 1908, № 1, с. 144, подпись — Аврелий), свойственна установка на критическую меру: «Не ставя Л. Андреева в смешное и ложное положение, можно его равнять с выдающимися писателями, нашими и зарубежными, но лучше остеречься и не проводить параллели между Л. Андреевым и Шекспиром, Л. Андреевым и Достоевским, Л. Андреевым и Ибсеном» (там же, с. 143).

[2] План Тастевена о ряде литературно-критических портретов не осуществился в целом, как не были написаны и статьи о Блоке и Л. Андрееве.

[3] Георгий Чулков. Покрывало Изиды.— «Золотое руно», 1908, № 5 (май), с. 66—72.

[4] Вячеслав Иванов. Два течения в современном символизме (окончание).— Там же, с. 44—50. Первая часть статьи (там же, № 3—4, март—апрель) носила название, которое она получила при перепечатке в сборнике статей Иванова «По звездам» (СПб., 1909): «Две стихии в современном символизме».

[5] Александр Блок. О театре.— «Золотое руно», 1908, № 3-4 (март—апрель); № 5 (май), с. 51—59.

[6] К. Бальмонт. Лирика пола.— Мысли и ощущения.— Там же, с. 38—43.

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈1908 г., после 15 мая〉

Последняя книжка «Весов» представляет любопытный документ. Все стихи — излияние любви твоей к Любе [1] и почти вся проза — излияние ненависти к Саше [2]. «Имеющий уши слышать, да слышит!» А Брюсов сподличал, сделав примечание под твоей статьей. Вот вам и триумвират! [3]

ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 7, л. 5—6. Датируется по содержанию.

[1] В майском номере «Весов» 1908 г. был помещен цикл из десяти стихотворений Андрея Белого «Стансы».

[2] Соловьев имеет в виду, несомненно, статьи Андрея Белого: «Realiora» (за подписью «Борис Бугаев», направлена против Вяч. Иванова и, косвенно, против всей «петербургской» группировки символистов, в том числе Блока), и «Обломки миров» (резкая рецензия на «Лирические драмы» Блока — СПб., 1908). Кроме того, в собственной рецензии Соловьева на книгу Белого «Кубок метелей. Четвертая симфония» (М., 1908) явно высказана поддержка Белому — автору «Куста» (см. наст. т., с которым лучшие по мнению Соловьева, страницы новой книги связывает «действительный трагизм любви» («Весы», 1908, № 5, с. 75).

[3] Рецензия Белого на книгу Блока сопровождалась в журнале примечанием, авторство которого раскрывает Соловьев: «Редакция, присоединяясь к мнению автора этой заметки, что драмы А. Блока — «незаурядное явление нашей литературы», не разделяет всех суждений, высказываемых А. Белым о творчестве А. Блока» (там же, с. 65). Редакционный «триумвират» «Весов» — Брюсов, Белый, Эллис — одна из комбинаций в руководстве журналом, предполагавшая равноправие и монолитное согласие «триумвиров»; на деле Брюсов в это время оставался, как видно, полновластным хозяином в «Весах» (см. ЛН, т. 85, с. 294).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Шахматово.〉 27 мая 1908 г.

〈...〉 В последний раз в Петербурге мы с Вами виделись у Саши [1]. Потом 2 раза Вы заходили ко мне на Манину квартиру [2], а я все была у Саши. Я видела, что Вам тоже скверно, как и мне. Тем ближе Вы мне и дороже. Саша мне сказал, что ему не с кем *по-настоящему* общаться — «один только Женя, сказал он, Женя всех лучше». И Маня — сестра моя, полюбила и оценила Вас за эту зиму. Хочется сказать Вам все это от полноты души моей, Вас любящей очень. 〈...〉 Напишите мне о Любе. Что думаете теперь? [3] Саша пьянствует опять [4]. Мучусь этим. 〈...〉 В Саше моем радует меня то, что успехи его не портят. Да, Женя?

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] А. А. Кублицкая-Пиоттух была в Петербурге в середине мая 1908 г., направляясь из Ревеля на лето в. Шахматово.
[2] Квартира М. А. Бекетовой.
[3] Видимо, А. А. Кублицкую-Пиоттух интересуют впечатления Иванова от встреч с Л. Д. Блок в Петербурге, куда она возвращалась на 10 дней (с 7 по 18 мая) из гастрольных поездок.
[4] Ср. письмо Блока к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 18 мая 1908 г. («Письма к родным», I, с. 211—212).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Шахматово,〉 9 июня 1908 г.

〈...〉 Саша 6-ой день здесь [1]. Получил длинное письмо от Любы [2]. Привез он с собой что-то вроде легкомыслия из ресторанов и Чулковской компании [3]. А теперь вдруг серьезен, печален, сосредоточен. Настоящая тишина его облила, и Любино письмо. Что Вы думаете теперь о Чулкове? Не получше ли он стал от ругани? [4].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] Блок приехал в Шахматово 4 июня.
[2] Видимо, письмо Л. Д. Блок из Грозного от 28 мая. Более «длинное» письмо было ею отправлено из Боржома 5 июня; оно произвело большое впечатление на Блока, но, судя по его ответному письму от 14 июня, было получено им только 11 июня (см. ЛН, т. 89, с. 234—235); возможно, впрочем, что Блок был неточен в своих словах и получил письмо раньше.
[3] В 1908 г., свидетельствует М. А. Бекетова, Блок «часто видался с Сологубом, Чулковым и Сюннербергом»; это были «приятельские беседы, сопровождавшиеся обыкновенно изрядной выпивкой» (М. А. Бекетова. Ал. Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л.—М., «Петроград», 1925, с. 82). Ср. письмо Блока к матери от 28 апреля 1908 г. (VIII, 239).
[4] Имеется в виду полемическая кампания против Г. И. Чулкова, проводившаяся В. Я. Брюсовым, Андреем Белым, З. Н. Гиппиус, Эллисом и другими писателями символистского направления.

В. Я. СТЕПАНОВ — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Петербург, 26 июня 1908 г.

〈...〉 Я хотел с Вами увидеться, чтобы переговорить по поводу учреждения в Петербурге группы искусства и литературы 〈...〉 Весной об этом я имел собеседование с М. А. Волошиным, А. М. Ремизовым, Г. И. Чулковым, К. А. Эрбергом, Ф. К. Сологуб〈ом〉, В. И. Ивановым, А. А. Блок〈ом〉, М. А. Кузминым, Д. М. Цензором, А. Н. Бенуа, В. Г. Каратыгиным, Л. С. Бакст〈ом〉, М. В. Добужинским и др. 〈...〉

Помимо значения для искусства, такое объединение может иметь огромное практическое значение. В ряде мероприятий, которые кажутся здесь мне необходимыми, это — печатный орган 〈...〉, вечера и постановки, лекции и рефераты, выставки и пр. тоже с тем же характером, что и печатный орган.

По этому вопросу было у К. А. Эрберга особое совещание в составе: М. А. Волошина, Г. И. Чулкова, Ф. К. Сологуба, А. А. Блока, В. Г. Каратыгина ⟨...⟩ Упомяну кстати, что в широком развитии план организации группы подробно не выяснялся и не обсуждался ⟨...⟩ Центр тяжести был сосредоточен на вопросе об издании ⟨...⟩ Редактором-руководителем тогда был избран всеми К. А. Эрберг. Тип издания был признан желательным — критический периодический орган (большинство было против альманаха) с отдельными номерами антиномичного характера. Были намечены отделы: эстетика; критика: литературная, художественная, музыкальная и театральная; беллетристика; стихи; библиография ⟨...⟩ На совещании у К. А. Эрберга были намечены, между прочим, для примера темы, коим желательно было бы антиномично посвятить отдельные номера издания. Перечислю некоторые из них:

1. Зрелище (Кинематограф. Ревю. Борьба. Выставки. Процессии. Туалеты).
2. Танец.
3. Художественный театр и В. Э. Мейерхольд.
4. Творчество Вячеслава Иванова.
5. ⟨Творчество⟩ Валерия Брюсова.
6. ⟨Творчество⟩ К. Бальмонта.
7. Русская худож⟨ественная⟩ критика за последние 10 лет («Мир искусства», «Золотое руно», «Весы», «Театр и искусство»).
8. Итоги импрессионизма в музыке и живописи.
9. Ожидаемые пути и возможности в будущем искусстве.
10. Эстетическое credo поэтов и критиков.
11. Классификация искусств.
12. Реальность в жизни и на сцене.
13. Сценическая техника (жест, пластика, ударение, декорации, освещение...)
14. Элементы современного искусства, их историческое развитие и философское значение (ритм, символ, живописная техника и краски, язык как слово...)
15. О вреде газет...
16. Полемика и т. д. ...

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2397, л. 1—3 об.

Валериан Яковлевич *Степанов* (1875—1943) — историк театра, искусствовед, актер, журналист, автор воспоминаний о Блоке (см.: Валериан Степанов. А. Блок в ТЕО. (Из воспоминаний).— «Театральная Москва», 1921, № 4, с. 3—4). На протяжении многих лет был близок к Мейерхольду. В 1920-е — 1930-е годы возглавлял Музей Театра им. Вс. Мейерхольда.

Публикуемое письмо свидетельствует о еще одной попытке создать творческую группировку деятелей литературы и искусства, близких по своим взглядам. Возможно, речь идет о так называемой «Северной студии», сообщение о которой появилось в газете «Свободные мысли» от 28 апреля 1908 г.:

«Организовалось новое литературное предприятие — «Северная студия», имеющая целью служить действительным отражением литературно-художественно- и музыкально-критической жизни. Во главе студии стоят А. Блок, М. Волошин, М. Кузмин, В. Каратыгин, Г. Новицкий, А. Ремизов, Ф. Сологуб, К. Сюннерберг, В. Степанов, Г. Чулков, Д. Цензор и др. Помимо издательской деятельности, предполагается также организовать осенью цикл литературно-художественных вечеров» («Свободные мысли», 1908, № 51, 28 апреля, с. 4).

Подтверждения какой-либо практической деятельности «Северной студии» обнаружить не удалось.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово,⟩ 9 июля 1908

⟨...⟩ Саша верно скоро к Вам приедет [1]. Он скачками восхищается теперь [2]. Люба тоскует в Боржоме. В августе оба сюда собираются.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] Блок приехал из Шахматова в Петербург 2 июля. 13 июля он сообщает матери: «Я был 11-го вечером у Ивановых в Царском. У них и вообще в Царском мне очень понравилось» («Письма к родным», I, с. 217).

[2] «Я был на скачках и от лошадей — без ума»,— писал Блок матери 5 июля («Письма к родным», I, с. 216). Ср. запись Блока от 4 июля (ЗК, 109).

Н. С. ГУМИЛЕВ — В. Я. БРЮСОВУ

Царское Село, 14 июля 1908 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

я уже давно собирался Вам писать, но не хотелось делать это без обычного приложенья, т. е. стихотворенья. Я написал его недавно и, кажется, он〈о〉 уже указывает на некоторую перемену в моих приемах, именно на усиленье леконт-де-лилевского элемента [1]. Кстати сказать, самого Л〈еконт-де〉-Л〈иля〉 я нахожу смертельно скучным, но мне нравится его манера вводить реализм описаний в самые фантастические сюжеты. Во всяком случае, это спасенье от Блоковских туманностей.

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 19, л. 30. Датируется по почт. шт.

[1] Стихотворение «Царица» (вошло в сборник «Жемчуга»).

А. П. ИВАНОВ — Е. А. ИВАНОВОЙ

14 июля 1908 г.

〈...〉 Видел я, как Блок учился на велосипеде; не лучше меня, то же судорожное хватание за руль, скрючивание всего корпуса, нелепое и бесполезное напряжение всех мускулов, беспомощное падение на бок, и тот же пот ручьями [1].

Мои просили тебе кланяться, а также и Блок.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 76.

[1] Блока учил ездить на велосипеде Е. П. Иванов. 13 июля Блок писал матери: «Женя часа два учил меня велосипеду. Раз 15 я свалился, вымок до нитки (изнутри), но под конец сажен 15 проехал более или менее самостоятельно. Впрочем, и тут свалился под конец. Однако, Женя констатирует призвание и требует, чтобы я учился дальше» («Письма к родным», I, с. 217—218).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Шахматово.〉 24 июля 1908

〈...〉 Боюсь я, что будет, когда Люба вернется [1]. По дружбе Вам одному это говорю. Последние вести, что ее хвалят там в театре [2], а перед тем тосковала и рвалась в Шахматово. Что будет, Женя? Ужасно я износилась и боюсь, что не сумею что-то, и будет мне беда. 〈...〉 Саша пишет, что тоскует смертельно. Хорошо, что он так слушает все мнения о своей драме и так их принимает [3].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] В письме к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 13 июля Блок сообщал: «Люба приедет в нач〈але〉 августа» («Письма к родным», I, с. 218).

[2] «Люба играет много, ее хвалят»,— писал Блок матери 18 июля (VIII, 247).

[3] О своем внутреннем состоянии, а также о чтении драмы «Песня Судьбы» Городецким и Мейерхольду Блок писал матери 18 июля (VIII, 247).

А. П. ИВАНОВ — Е. А. ИВАНОВОЙ

〈Петербург.〉 28 июля 1908 г.

〈...〉 Сегодня до службы был вместе с Женей у Блока, он читал нам переделку своей драмы. Она приводит его все время в большое смущение; одни хвалят, другие ругают. Корифеи вроде Л. Андреева и В. Иванова ее отвергают [1]; зато она многим и очень нравится. Мне лично она не очень симпатична, хотя там очень много хорошего и прямо прекрасного. Переделал он лучшие сцены: «в уборной» и «на вокзале», соединив их в одну, гораздо более короткую [2]. Местность, где происходит эта сцена, совершенно особенная: в глубине возвышение, где стоит какое-то заколоченное здание в лесах, и открывается вид на равнину, где ползут поезда, горят семафоры и вдали трубы города 〈...〉 вблизи направо решетка и парк, где сквозь деревья блестят пруды и качается сонный лебедь [3]. В этой новой сцене много хорошего, чего нет в прежней редакции (напр〈имер〉 новый «спутник» Фаины; и слова Германа о «Куликовской битве» [4]), но много хорошего из прежнего и пропущено; напр〈имер〉 эпизод с зеркалом и сказка старухи о лебеде и заре [5]. Сам Блок до того дописал и дочитал другим это свое новое произведение, что окончательно потерял способность судить о нем [6].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 76.

[1] Л. Н. Андреев и Вяч. Иванов присутствовали на чтении Блоком драматической поэмы «Песня Судьбы» (первой редакции) 4 мая 1908 г. у Г. И. Чулкова (см.: VIII, 240).

[2] Летом 1908 г. Блок заменил 4-ю и 5-ю картины первой редакции «Песни Судьбы» (сцену в уборной Фаины и сцену на вокзале) 5-й картиной окончательного текста.

[3] А. П. Иванов пересказывает вступительную авторскую ремарку пятой картины окончательного текста пьесы (IV, 142—143).

[4] См. IV, 148—149.

[5] Эти эпизоды входили в 4-ю картину первой редакции «Песни Судьбы», которая была восстановлена Блоком при переработке пьесы в конце 1918 г. (см. IV, 137—139).

[6] 4 августа 1908 г. Блок писал матери: «Песню Судьбы отдаю на днях в переписку 〈...〉 Не могу больше работать над ней» («Письма к родным», I, с. 222); ср. письмо Блока к Л. Д. Блок от 2 августа 1908 г. (ЛН, т. 89, с. 246).

Г. Э. ТАСТЕВЕН — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва, 31 июля 1908 г.〉

〈...〉 Заметку «Эмпирика» в № 6 (не в № 5) Вы совершенно напрасно приписываете Блоку.

ГБЛ, ф. 25, к. 28, ед. хр. 6, л. 17.

Псевдонимом «Эмпирик» в № 6 «Золотого руна» была подписана статья «О «чистом символизме», теургизме и нигилизме», в резких тонах отвечавшая на статью Андрея Белого «Realiora», помещенную в «Весах» (1908, № 5). Автором статьи из «Золотого руна», был, скорее всего, Тастевен; Белый приписал ее Блоку в неизвестном нам письме к Тастевену.

А. П. ИВАНОВ — Е. А. ИВАНОВОЙ

〈Царское Село,〉 1 августа 1908 г.

〈...〉 Вчера был прекрасный вечер; но луна взошла в тумане; воздух был поразительный даже в Царском, влажная свежесть и запах цветов откуда-то; был Блок, и мы бродили до поздней ночи. Блок уже отравлен сладостным ядом велосипедного спорта. Вчера его выучили ездить в парке, и он хотя обливается потом и представляет потешную фигуру, но уже держится на седле сносно [1].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 76.

[1] Об этом посещении дачи Ивановых в Царском Селе 31 июля Блок писал матери 4 августа 1908 г.: «Я со второго раза почти научился ездить на велосипеде. Это — очень

завлекательное занятие, быстро пожирает пространство эта легкая машина и очень развивает руки и ноги ⟨...⟩ Думаю, что сегодня Женя переночует у меня, а завтра я поеду к нему в Царское — доучиваться велосипеду. Ах, какое это занятие!» («Письма к родным», I, с. 222—223). 7 августа Блок сообщал ей же: «Мы с Женей отваляли 25 верст на велосипедах ⟨...⟩» (там же, с. 223).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово,⟩ 13 августа 1908 г.

⟨...⟩ не пишу и Мане (Вашей) [1], и никому, кроме Саши. А он мне писал про велосипед [2]. И это мне очень нравится. Как это хорошо. ⟨...⟩

Постараюсь жить здесь как можно дольше, до октября. Надеюсь на приезд Саши и Любы.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] М. П. Иванова.

[2] О катании на велосипеде с Е. П. Ивановым в Царском Селе см. выше письма А. П. Иванова к Е. А. Ивановой от 14 июня и 1 августа 1908 г., а также письмо поэта матери от 13 июля, 4 и 7 августа 1908 г. («Письма к родным», 1, с. 217—218, 222—224).

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

15 августа 1908 г.

⟨...⟩ Николай Павлович[1] несколько колеблется относительно издания [2], не имея точных сведений об условиях издания: дело в том, что сейчас мы выпускаем книгу Блока [3] и еще сборник польских поэтов (Выспянского) (уже начали печатать) [4], так что Н⟨иколай⟩ П⟨авлович⟩ опасается увеличения расходов [5]. ⟨...⟩ Мне лично очень хотелось бы видеть Вашу книгу в издании «Золотого руна», это очень бы утвердило нашу позицию. ⟨...⟩ С большим интересом читал Ваш рассказ в «Образовании», где Вы вывели Блока [6]; по-видимому «Образование» будет защищать родственную «Руну» позицию, хотя состав его очень пестрый [7]. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы взяли на себя ведение литературн⟨ых⟩ хроник, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ Блок, по-видимому, регулярно уже не будет вести их (хроники можно было бы помещать если не в каждом, то через номер) [8].

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 23. Автограф на почтовой бумаге журн. «Золотое руно».

[1] Н. П. Рябушинский.

[2] Речь идет о книге статей Чулкова «Покрывало Изиды», выпущенной «Золотым руном» в конце 1908 г.

[3] Александр Блок. Земля в снегу. Третий сборник стихов. М., «Золотое руно», 1908.

[4] Среди хроникальных заметок летом 1908 г. в «Золотом руне» появилась такая: «Осенью «Золотое руно» выпускает сборник польских поэтов, заключающий произведения Ст. Пшибышевского, Каспровича и Выспянского» (№ 6, с. 79). Однако издание, видимо, было приостановлено: в списках книг, выпущенных «Золотым руном», оно не значится.

[5] Н. П. Рябушинский в это время оказался стеснен в средствах, так что литературных кругах ходили слухи о прекращении журнала — см. письма Тастевена к Чулкову (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 16) и к Блоку (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 424, л. 1).

[6] См. рассказ Чулкова «Парадиз» («Образование», 1908, № 7); прототипом одному из его героев, поэту Александру Александровичу Герту, послужил Блок (ср. «Письма к родным», I, с. 224). Следует отметить, что как бы заставкой к этому рассказу в журнале помещено стихотворение Блока «И я любил. И я изведал...» (в первоначальной редакции, под заглавием «Анархист» — III, 555), перекликающееся по теме с прозой Чулкова.

[7] «Образование» (СПб., 1892—1909) — литературный, научно-популярный и общественно-политический журнал; в 1907—1908 гг. в нем печатались социал-демократы. Прогнозы Тастевена объясняются тем, что с № 7, в котором напечатан указанный в прим. 6 рассказ, журнал перешел в руки И. М. Василевского, и в журнале согласились сотрудничать как близкие «Золотому руну» литераторы — Л. Андреев, Ф. Сологуб (Блок, Чулков, С. Городецкий широко печатались в нем и прежде), так и враждебные — Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус (надеявшиеся превратить «Образование» в собствен-

ный орган); кроме них — А. А. Измайлов, А. В. Амфитеатров и др. Тастевен, видимо, учитывал, что в том же номере, в статье «Журнальные впечатления», подписанной «Л. Фортунатов», автор критиковал «Весы» за бесконечный полемизм («Образование», 1908, № 7, третья пагинация, с. 63—65).

[8] Вести обзоры современной литературы для «Золотого руна» Блок взялся в апреле 1907 г. (см. наст. т., с. 288). Но уже 1 сентября 1907 г. он записывает: «Бросить нудную современную литературу. Ведь все одно и то же — о Скитальце два раза не поговоришь. Брошу, да и займусь «историко-литературной» статьей ⟨...⟩ Оно и полезней и интересней» (ЗК, 98). Однако до конца 1908 г. в «Золотом руне» регулярно появлялись его обзорные статьи: «Письма о поэзии» — № 7-9 и 10, «Вопросы, вопросы и вопросы» — № 11-12. Чулков для «Золотого руна» обзоров не делал, в 1909 г. они прекращаются.

Н. С. ГУМИЛЕВ — В. Я. БРЮСОВУ

Петербург, 20 августа 1908 г.

Все это время во мне совершался перелом во взгляде на творчество вообще, а на мое в частности. И я убедился в моем ничтожестве. В Париже я слишком много жил и работал и слишком мало думал. В России было наоборот: я научился судить и сравнивать. Не думайте, что я соблазнился ересью В. Иванова, Блока или других. По-прежнему я люблю и ценю больше всего путь, указанный для искусства Вами. Но я увидел, как далеко стою я от этого пути.

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 19, л. 32. Датируется по почт. шт.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

⟨Шахматово,⟩ 10 сентября 1908 г.

⟨...⟩ С тех пор, как приехали Саша и Люба, стало быть три недели, я постоянно блаженствую [1]. Вы первая сообщили мне о том, что Люба приехала. И была это мне благая весть [2].

У нас в Шахматове холодно, но хорошо очень. ⟨...⟩ Встаю с мыслью, что дети близко, тут, что сейчас сама буду поить Сашу чаем, ложусь с мыслью, что они ушли дружные и веселые в свой флигелек.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 534, л. 25—26 об. Автограф.

[1] Блоки, судя по письму поэта к матери от 16 августа 1908 г., приехали в Шахматово 21 августа («Письма к родным», I, с. 225).

[2] Лето 1908 г.— время жестокого испытания, кризиса семейных отношений. Напряжение усугублялось невозможностью встретиться: Л. Д. Блок гастролировала на Кавказе; физическая разлука для Блока стала естественным выражением общего неблагополучия его отношений с женой: «Знаешь ли,— писал ей Блок 24 июня 1908 г., — мы не видались 5 месяцев (нельзя же считать твои приезды) и до этого — $1^1/_2$ года» (ЛН, т. 89, с. 244). В своих письмах к жене Блок просит ее поскорее возвратиться в Петербург, если, повторяет он постоянно, она решила не оставлять его. Письма поэта к матери полны тревоги, ожидания Любы; матери, как видно из публикуемого фрагмента, вполне передалась эта тревога. М. П. Иванова первой известила А. А. Кублицкую-Пиоттух, поскольку Блоки по приезде Л. Д. Блок 9 августа в Петербург навестили в Царском Селе семью Ивановых («Письма к родным», I, с. 225), а сам Блок между 7 и 16 августа матери не писал.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово,⟩ 10 сентября 1908 г.

⟨...⟩ в последнем своем письме Маня [1] мне написала о приезде к вам на дачу Саши и Любы. И я от нее узнала таким образом, что Люба в Петербурге [2]. ⟨...⟩ Саша и Люба оба очень хвалят Вашу дачу. Люба совсем хорошая.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] М. П. Иванова. Текст ее письма неизвестен.

[2] См. прим. 2 к предыдущему фрагменту.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Шахматово,〉 22 сентября 1908 г.

〈...〉 З. Н. Гиппиус написала Саше простое, серьезное письмо без обиняков. Он отвечал ей тоже прямо, душевно и хорошо [1]. 〈...〉 Саша сейчас настроен хорошо. И все пойдет хорошо, если водки не будет. В этом отношении Чулков страшен, придет и потащит. Конечно, это не к чести Саши, что Чулков может его тащить, но это уж так.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] С февраля 1906 г. находясь заграницей, З. Н. Гиппиус регулярно получала сведения о Блоке (помимо, разумеется, других источников) из переписки с сестрой, Т. Н. Гиппиус, с Андреем Белым, В. Я. Брюсовым и, вероятно, Е. П. Ивановым; последнее предположение подтверждается ее просьбой к Иванову в письме от начала лета 1908 г.: «А вы еще напишите мне 〈...〉 про все, про себя и про Блока и жену его. Что они теперь?» (ГЛМ, ф. 104, о.ф. 3331). Изредка Гиппиус обменивалась письмами с женой поэта, тогда как с самим Блоком ее корреспонденция прервалась весной 1905 г. 12 сентября 1908 г. З. Н. Гиппиус написала Блоку письмо, в котором приглашала его сотрудничать в газете «Утро» и журнале «Образование» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26). Текст ответного письма Блока нам неизвестен, но в нем, безусловно, выражалось согласие на приглашения Гиппиус, были высказаны принципиальные взгляды на задачи литературного журнала. «Зин. Гиппиус написала мне очень милое письмо, хотя в нем есть что-то неискреннее,— сообщал Блок 18 сентября Г. И. Чулкову.— 〈...〉 Я отвечаю очень пространным изложением своей платформы, упреками за прошлое 〈...〉 и вопросами» (VIII, 254). Получив письмо, Гиппиус ответила Блоку 20 сентября (видимо, это ее письмо и имеет в виду А. А. Кублицкая-Пиоттух): «...со всем тем, что вы пишете, ехали мы в Россию, но не чаяли найти никакого отклика, и менее всего в новейших кругах литературных, где, казалось нам, безнадежно поселились: дешевое оригинальничанье, ребяческое легкомыслие, стилизованная порнография, некультурное словесничанье и выдуманные трагедии 〈...〉 Случилось иначе; с первых дней мы почувствовали, что чуждое нам — отцветает, и только это чувство позволило нам подумать о возможности какого-нибудь общего дела. Ваше письмо так ярко формулировало самые близкие наши мысли и надежды, что, поверив этому, вы поймете и нашу радость 〈...〉 Ближе всего нам, теперешним — ваша мысль о будущей революции и о народе 〈...〉 Принимая это все,— плюс ваш взгляд на журнал, как на строгое общее дело,— за истинное искреннее выражение ваших мыслей, веря этому вашему направлению воли (ваше «хочу») — мы говорим вам: не стихи только от вас нам нужны, но все, где вы будете высказываться с наибольшей полнотой» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26). Ответ Блока на это письмо также нам неизвестен. 25 сентября 1908 г. Блок сообщал Е. П. Иванову: «...у меня очень интересная переписка с З. Н. Гиппиус, очень для меня важная. Буду писать в Образовании, которое превращается в «новый Новый Путь» («Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову», с. 69).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Шахматово,〉 2 октября 1908 г.

〈...〉 Да, Женя, может быть, Сашин кризис кончился, может быть, перелом совершился, но результаты грандиозны. Месяц прожили мы с Сашей и Любой здесь радостно. И вот пришлось мне узнать... Пусть сама Люба вам скажет, Женя... [1] Надо переживать теперь то, что вышло в жизнь из их смутных годов. Дети едут отсюда завтра, будут в Петербурге 4-го октября. Мы с Маней едем 8-го. Я остановлюсь у Мани на квартире. Побываю у Вас на Николаевской [2], в этом нет сомнения. Вы мне, Женя, написали в Ревель весною, что Люба с крыльями, полетела в жизнь. И отчасти этому помогло то, что она была бездетна и со средствами. Да, Женя, так это все. И зачем она со средствами? Для них обоих было бы лучше, кабы у нее не было средств. И какие уж это крылья? Пишу вам все намеками. Скоро поговорим прямо.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] Во второй половине сентября 1908 г. Л. Д. Блок призналась А. А. Кублицкой-Пиоттух в беременности. Ср. ниже запись в дневнике М. А. Бекетовой от 19 ноября 1908 г.

[2] Петербургский адрес Е. П. Иванова — Николаевская ул., 75.

А. М. РЕМИЗОВ — М. А. КУЗМИНУ

16 октября 1908 г.

Писатель Иванов-Разумник пишет книгу о русской литературе, куда входите вы, я и Блок Александр Александрович. К книге приложит портреты [1]. Он очень просил меня достать ваш. Блок мне уже дал свой.

ГПБ, ф. 124, ед. хр. 3617, л. 15.

[1] Имеется в виду неосуществленный замысел Иванова-Разумника — «Критическая история современной литературы» (подробнее см. наст. т., кн. 2, с. 371). В сохранившемся плане книги (высланном Ивановым-Разумником М. К. Лемке в письме от 26 июля 1916 г.— см.: ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473) выделены имена тех писателей, чьи портреты предполагалось поместить в книге.

Д. В. ФИЛОСОФОВ — КОНСТ. ЭРБЕРГУ (К. А. СЮННЕРБЕРГУ)

27 окт⟨ября 1908 г. Петербург⟩

⟨...⟩ совещание наше назначено в эту *пятницу* 31 окт⟨ября⟩ 9 ч. веч⟨ера⟩. Я написал А. Н. Бенуа, но если Вы его увидите, убедите его прийти [1] ⟨...⟩ будут у нас также Чуковский, Сологуб, Блок [2].

ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 271.

[1] В письме от 27 октября 1908 г. Философов сообщал А. Н. Бенуа: «На днях состоялось соглашение между Д⟨митрием⟩ С⟨ергеевичем⟩ и «Русской мыслью». Отдел беллетр⟨истики⟩ и критики (худ⟨ожественной⟩ и литер⟨атурной⟩) переходит в его ведение» (ГРМ, ф. 137, ед. хр. 1673). На собрании у Мережковских 31 октября предполагалось обсудить с намеченными ближайшими сотрудниками «Русской мысли» журнальные планы (в ведение Мережковских журнал поступал с января 1909 г.). В письме от 30 октября 1908 г. З. Н. Гиппиус предлагала также ближайшее сотрудничество в реформированной «Русской мысли» Андрею Белому (ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6). Союз Мережковских с «Русской мыслью», впрочем, оказался недолговечным (см.: «Лит. архив», вып. 5. М.— Л., 1960, с. 259, 268—269).

[2] О посещении собрания у Мережковских Блок сообщал матери в письме от 2 ноября 1908 г. («Письма родным», I, с. 226—227).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

⟨Петербург,⟩ 29 октября ⟨1908 г.⟩

Ну, вот, мы и видели Саломею на генеральной репетиции [1], а на другой день ее запретили [2] на радость Пуришкевичу [3] и Саше. В самом деле — ужасное это было кощунство, только не по Пуришкевичу, не по православному, а против самого молодого и святого души. Когда мы вернулись с репетиции, я места не могла найти от тревожного чувства ⟨...⟩. Дело в том, что постановка и исполнение талантливы и очень ярки. Тем хуже! Красиво все очень и уж так беспринципно! ⟨...⟩ [4] Был у нас барон [5], про интересное дело рассказал — театральный отдел при Народных Университетах, только что открывается, я пойду на первое собрание, тогда расскажу, что может выйти из этого и вообще и для меня. И Неволин [6] был, пригласил Сашу читать реферат о Ибсене на утреннике [7]; Саша его пишет теперь [8]; а сейчас он на религиозно-философском собрании с Женей. ⟨...⟩ Саша вернулся сейчас, очень недоволен собранием, говорит, что будет еще хуже, чем прошлогодние. Выбран в члены. Речь говорил [9]. Он сам напишет все.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 1—5.

[1] Пьеса Оскара Уайльда (1856—1900) «Саломея» (1893) готовилась к постановке Н. Н. Евреиновым на сцене Театра В. Ф. Коммиссаржевской под названием «Царевна» (переделка для русской сцены Н. И. Бутковской), оформлял спектакль Н. К. Калмаков, музыку к спектаклю написал В. Г. Каратыгин. Генеральная репетиция пьесы состоялась 27 октября, в театре присутствовали Блок, Ф. Сологуб, Л. Андреев, А. Н. Бенуа; члены Государственной думы, среди них В. М. Пуришкевич (см. прим. 3), представители цензуры; режиссеры и артисты драматических театров; русские и иностранные журналисты. См. отчет о генеральной репетиции в газ. «Речь», 1908, № 260, 28 октября. Подробнее о спектакле см.: А. Дьяконов (Ставрогин). Александр Блок в Театре Коммиссар-

жевской. В кн.: «О Коммиссаржевской. Забытое и новое. Воспоминания, статьи, письма». М., 1965, с. 103—104.

[2] В день премьеры было получено распоряжение Петербургского градоначальника о запрещении разрешенных накануне четырех спектаклей «Саломеи» (см.: «Речь», 1908, № 261, 29 октября). Одной из причин запрещения была антирелигиозная направленность пьесы, основанной на библейской легенде о гибели Иоанна Крестителя.

[3] Владимир Митрофанович *Пуришкевич* (1870—1920) — член Государственной думы, монархист и черносотенец. При его активном вмешательстве была запрещена и предыдущая попытка В. Э. Мейерхольда поставить «Саломею» в виде частного спектакля в помещении Михайловского театра летом 1908 г.

[4] Далее Л. Д. Блок подробно описывает свое впечатление от спектакля. «Ирод — весь землисто-табачного цвета, весь из ваты поверх толстого Аркадьева 〈...〉 Иродиада, в громадном синем парике, с голыми ватными грудями в виде гор, с двумя рубинами на них. 〈...〉 Наташа 〈Н. Н. Волохова, игравшая Саломею〉 — громадный белокурый парик, перевитый золотыми нитями, очень красивое в нем лицо, сиреневые грубые руки и золотые туфли на бесконечных каблуках. Белое газовое платье; все очень красиво, но и это тревожно-недоговорено, благодаря какой-то несоразмерности. Когда я все это вспомнила на другой день и представила себе, что увидела бы я это лет 10 назад, когда театр был так безусловно свят, до слез,— тут и поняла, в какой ужас, мрак и растерянность повергла бы меня эта постановка,— ведь талантливо все это и еще ярче бы воспринялось тогда. Вот ее зло — невыносимое кощунство, и Пуришкевич оказался прав, хотя и говорить и поступать мы должны против него. Как 〈...〉 пляска была поставлена. Пока Наташу закутывают в покрывало, три стройные фигуры в белоснежных обтянутых платьях, средневековых, и больших тюлевых вуалях, врываются, приплясывая, музыкантши 〈...〉 только грудь и бедра стянуты серебряными шарфами. Все красивые, стройные (откуда их взяли?), ложатся на пол справа. Наташа танцует — со сцены совсем хорошо. Когда пляска разгорается, все начинают охать, вскрикивать, взвизгивать, музыка беснуется, свет становится красным и полыхивают голубые молнии. Наконец, все вуали сброшены, остается одно газовое платье. Она крадется к Ироду, останавливается перед ним, хватается за застежки и в тот момент, когда сбрасывает платье, на месте ее, как бомбу разрывает, белым светом, и мрак. А когда загорается прежний свет, она уже одета. Хорошо все сделано, но уж такая бездна порнографии, что и идти некуда дальше. Нежная пастораль Глюка (в один вечер с «Саломеей» предполагалось давать еще старинную пастораль по Фавару «Королева Мая» на музыку Х. Глюка.— *И. Л.*) совсем и забылась после всего этого».

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ
Силуэт работы Е. С. Кругликовой (тушь), 1910-е гг.
Частное собрание, Москва

[5] Николай Васильевич *Дризен* (Остен-Дризен барон, 1868—1935), — театровед, цензор. Один из организаторов Старинного театра в Петербурге, на сцене которого шел спектакль Рютбефа «Действо о Теофиле» (в пер. Блока — 1907); был цензором драмы Блока «Роза и Крест» (1914). См. об отношениях Блока с Н. В. Дризеном: «Книги. Архивы. Автографы». М., 1973, с. 39—42.

[6] Борис Сергеевич *Неволин* — артист Театра В. Ф. Коммиссаржевской.

[7] После запрещения «Саломеи» дирекция театра решила для поднятия сборов и поддержания подорванного финансового положения театра сопровождать воскресные утренние спектакли чтением докладов. Первым с докладом об Ибсене выступил Блок 2 ноября 1908 г. перед утренним спектаклем «Строитель Сольнес» Г. Ибсена (о повторном чтении его см. письмо Л. Д. Блок к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 30 ноября 1908 г., ниже).

[8] Доклад «Генрик Ибсен» датирован Блоком: октябрь — ноябрь 1908 г.

[9] На собрании Религиозно-философского общества 29 октября 1908 г. был заслушан доклад Г. Баронова «О демотеизме» («Обожествление народа в «Исповеди» М. Горького»). Против основных положений этого доклада Блок выступил в своем реферате «Народ и интеллигенция», прочитанном на очередном публичном собрании общества 13 ноября 1908 г. Ср.: ЗК, с. 118—119 — запись от 29 октября 1908 г. *Женя* — Е. П. Иванов.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Петербург, 2 ноября 1908 г.〉

〈...〉 Где Вы? Что Вы? 〈...〉 Петербург оживает. По Вас очень скучаем. Блок чувствует в Вас потребность. 〈...〉 Возвращайтесь скорее. Ждем. Ваш С е р г е й.

ГБЛ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 11, л. 11. Дата в конце письма.

Чулков в это время жил в Москве. Ср. в письме Блока к Чулкову от 10 октября 1908 г.: «Милый Георгий Иванович, приезжайте, так не написать все равно всего. 〈...〉 Думаю, что здесь все-таки лучше, чем в Москве» и т. п. (А. Б л о к. Письма, с. 146). Или в письме от 7 ноября 1908 г.: «Должен сказать Вам, что мне без Вас скучно, и было одно время даже очень скучно. Людей много, и люди хорошие, но Вашего начала очень недостает» и т. п. (VIII, 259—260).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Ревель,〉 8 ноября 1908 г.

〈...〉 После вторника напишите мне кое-что о том, что Блок будет говорить в Р〈елигиозно〉-ф〈илософском〉 с〈обрании〉 [1]. 〈...〉 Про Розанова мне Саша сам тоже написал [2]. Я этому рада, хотя хорошенько не знаю почему.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] В письме от 5—6 ноября 1908 г. Блок сообщал матери: «〈...〉 пишу сегодня реферат для религиозно-философского собрания 11 ноября, во вторник» (VIII, 259). 12 ноября он писал ей же: «...р〈елигиозно〉-ф〈илософское〉 собрание будет завтра, а вчера было только предварительное — у М〈ережковск〉их» («Письма к родным», I, с. 229). О выступлении Блока с докладом «Россия и интеллигенция» в Религиозно-философском обществе 13 ноября 1908 г. см. V, 742—743.

[2] 6 ноября Блок писал матери: «Последние дни полегчало. Одна из причин этого — Розанов, который страшно просто и интимно рассказал мне свою жизнь и как-то показался мне близким (хотя и непонятным) человеком» (VIII, 259).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

12 ноября 〈1908 г.〉

〈...〉 Завтра Сашин реферат в рел〈игиозно〉-фил〈ософском〉 собрании [1]. Он уже читал его на предварительном совещании у Мережковских вчера [2]. Там он понравился страшно, вызвал целую бурю разговоров, говорят, что чуть не до драки может дойти на собрании. Я напишу Вам после собрания, и тетя [3] тоже будет. 〈...〉 Сейчас Саша у Ремизова, где читается Ремизовская пьеса об «Иуде, принце Искариотском» и рассказы Верховского [4]. Сегодня был Чулков, только что приехавший из Москвы. Мы рады ему, занятно болтает, а то у нас ведь уж совсем вывелись «гости», в особенности занятные. И хотя в глубине он, верно, тот же, с теми же немногими, но хорошими качествами, но на поверхности уж такой сочиненный и нахулиганивший в Москве, вплоть до нюханья эфира и ссор в ресторанах, что совсем уже перестает быть опасным «соблазнителем» в смысле водки и пр〈очего〉 для Саши. Надеюсь, что так и будет впредь [5]. 〈...〉 И к нам мало кто ходит, как-то все стали ненужны друг другу, что ли. Женя [6], Ге бывают. Верховский еще и вдруг Сизов, прошлогодний, помните [7]. У Зины я была раз — ничего; но именно *«ничего»*, хотя она милая дама, гораздо проще и прямо добрая и доброжелательная [8].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 24, л. 8—9 об. Год проставлен по содержанию.

[1] Речь идет о докладе Блока «Народ и интеллигенция», прочитанном 13 ноября 1908 г.

[2] См. прим. 1 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух к Е. П. Иванову от 8 ноября 1908 г.

[3] М. А. Бекетова.

[4] О пьесе А. М. Ремизова см. наст. т., кн. 2, с. 86; о рассказах Ю. Н. Верховского мы не имеем сведений.

[5] Ср. наст. кн., с. 343. После встречи с Чулковым Блок написал матери 16 ноября: «Г. И. Чулков очень мил, хотя и половинчат в своей нескромной насмешливости» (VIII, 262). Московский «опыт» Чулкова с вдыханием эфира лег в основу его рассказа «Ева» («Золотое руно», 1909; ср. его письмо к Блоку от 1 октября 1908 г.— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 26; а также письмо Г. Э. Тастевена к Чулкову от 13 декабря 1908 г.— ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 25 об.).

[6] Е. П. Иванов.

[7] О встречах Блоков с М. И. Сизовым осенью 1907 г. см. наст. кн., с. 308.

[8] Речь идет о З. Н. Гиппиус, недавно возвратившейся из-за границы (ср. наст. кн., с. 336).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Ревель,〉 17 ноября 1908 г.

〈...〉 Я все-таки рада, что Люба сама с Вами говорила о «проклятых» теориях и обо всем. А до конца что же говорить? Ведь она теперь очевидна. Но, милый мой Женя, Люба написала мне на днях очень хорошее письмо. И хотя ей и тяжко и горько до сих пор, но вопрос этот громадный и важный о ребенке будет решен хорошо: это будет *их* ребенок, Саши и Любы. Саша так решил [1]. И Люба пишет, что это *ее* ребенок, она чувствует, и больше *ничей*.

Ну, вот, Женя. Разве это не хорошо?

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] Ср. ниже дневниковую запись М. А. Бекетовой от 19 ноября 1908 г.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

24 ноября 1908 г.

Моя милая и дорогая, получила Ваше письмо [1]. Передал мне Саша на Невском, где мы случайно встретились, я ходила подписываться на «Старые годы» [2] из подаренных Вами денег, для него, а он по делам. 〈...〉 А Чулков пока хороший и Сашу не «совращает». 〈...〉 Я не написала Вам после рел〈игиозно〉-фил〈ософского〉 собр〈ания〉 Вы уж знаете почему. Очень это было досадно. Завтра будет закрытое заседание [3], я получила повестку, п〈отому〉 ч〈то〉 меня выбрали членом-соревнователем. Не знаю еще, пойду ли, интересно прения, но собрания какие-то необещающие по-прежнему. Гораздо проще и живее будет, я думаю, в литературном обществе, где тот же реферат просит прочесть Венгеров. Саша уже писал? [4]

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, л. 10—12 об. Автограф.

[1] Этого письма А. А. Кублицкой-Пиоттух мы не знаем.

[2] «Старые годы» (СПб., 1907—1916) — журнал, посвященный вопросам культурного (художественного, культурно-бытового и т. п.) наследия России и Европы. Отношение Блока к этому изданию было двойственно, поскольку оно было для поэта одним из воплощений исчерпавшей себя культуры прошлого. В статье «Вопросы, вопросы, вопросы» (написанной именно в ноябре 1908 г.) он говорил: «...русское дворянство окончательно вымерло, лучшее, что оно может дать — это журнал «Старые годы» (прекрасное культурное дело, да, прекрасное... без сомнения... а может быть, бесполезное?)» (V, 337; к тому же времени относится ироническое прозвище «кавалергарды», данное А. М. Ремизовым издателям журнала, которым пользовался и Блок,— VIII, 262, ср. также VIII, 105—106). Много позже, в январе 1918 гг., размышляя о том, как «интеллигенты» предали революцию, Блок записывает в дневнике: «После этого приходится переоценить не только их «Старые годы» (которые, впрочем, никогда уважения не внушали: буржуйчики на готовенькой красоте), но и «Мир искусства» и пр., и пр.» (VII, 319). И, наконец, в статье «Памяти Леонида Андреева» (29 октября 1919 г.) Блок снова говорит о бесчувствии деятелей буржуазной культуры, увлеченных прошлым, столь дорогим и самому поэту, к больным вопросам России, к ее грозовому будущему: «〈...〉 Я все больше утверждаюсь во мнении, что замечательные русские журналы «Старые годы» или «Аполлон», например, были какими-то сумасшедшими начинаниями; перелистывая сейчас эти перлы типографского искусства, я серьезно готов сойти с ума, задавая себе вопрос, как сумели

их руководители не почувствовать, во что превратимся мы, чем станем через три — четыре года» (VI, 130).

[3] Прения по читавшимся в один день, 13 ноября 1907 г., в Петербургском религиозно-философском обществе докладам — «Народ и интеллигенция» Блока и «Обожествление народа (по поводу «Исповеди» М. Горького)» Г. А. Баронова — были запрещены полицией (о чем А. А. Кублицкая-Пиоттух должна была узнать из газет — ср. наст. кн., с. 337; они состоялись только 25 ноября в закрытом заседании общества, о котором пишет Л. Д. Блок.

[4] См. письмо Л. Д. Блок к матери поэта от 14 декабря 1908 г.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ — ВЛ. ПЯСТУ

Петербург, 25 ноября 1908 г.

Монеты еще нету, потому что не совсем выяснен состав сборника, но будет, очевидно, скоро.

Уже лежит у меня Блок, Кузмин, жду Вячеслава Иванова. С рассказами туже.

ГПБ, ф. 248, ед. хр. 109, л. 5.

Речь идет об альманахе «Кружка молодых». 28 ноября 1908 г. Городецкий писал Ю. Л. Слезкину: «Теперь окончательно выясняется состав сборника, а вслед за этим придут деньги. Сборник, вероятно, назовется «Ива» и выйдет в Москве» (ЦГАЛИ, ф. 1384, оп. 2, ед. хр. 150, л. 4). Рассказ С. С. Познякова был передан для сборника Кузминым, но Городецкий его отверг (письмо Городецкого Кузмину от 6 декабря 1908 г.— ГПБ, ф. 124, ед. хр. 1291). Кроме названных в этом письме, стихи предоставили Гумилев (см. его письмо Брюсову от 30 ноября 1908 г.— ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 19, л. 35) и Д. Цензор. Последнему Городецкий писал 19 декабря 1908 г. о том, что издание не состоится, если не будет получена обещанная из Москвы денежная дотация (ЦГАЛИ, ф. 543, оп. 1, ед. хр. 85, л. 1). Альманах в свет не вышел — 13 февраля 1909 г. Городецкий сообщал Пясту: «Мой альманах погиб, увы!» (ГПБ, ф. 248, ед. хр. 109, л. 6). Какие стихи предоставил для сборника Блок, выяснить не удалось.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Ревель,⟩ 28 ноября 1908

Милый Женя, рада я, что Люба Вам все сказала, наконец, сама [1]. И спасибо, что меня не выдали. Я не знаю, как бы Люба приняла это.

Да, это дитя Сашиной несемейственности, целого периода жизни. Как-то потом будет. Только бы он его полюбил.

⟨...⟩ были ли в Р⟨елигиозно⟩-ф⟨илософском⟩ с⟨обрании⟩ ответы на Сашин реферат? [2]

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 61.

[1] Имеется в виду признание Л. Д. Блок Е. П. Иванову, что Блок — не отец ее будущего ребенка.

[2] Речь идет о докладе Блока «Россия и интеллигенция».

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

30 ноября ⟨1908 г.⟩

⟨...⟩ Вчера у нас были Ремизовы [1]; Саша и Ал⟨ексей⟩ Мих⟨айлович⟩ пошли вместе на заседание хлыстов [2], Саша верно напишет Вам, ему очень понравилось [3], а я сидела с Сер⟨афимой⟩ Пав⟨ловной⟩. ⟨...⟩ Сегодня днем Саша читал свой реферат об Ибсене [4] в психо-неврологическом институте ⟨...⟩ разозлился на них Саша очень — фармацевты [5] — на что им Ибсен [6].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 15—16.

[1] А. М. и С. П. Ремизовы.

[2] Хлысты — члены религиозной секты, возникшей в России в середине XVII в.

[3] Блок писал матери 30 ноября 1908 г.: «...Мы с А. М. пошли к сектантам, где провели несколько хороших часов. Это — не последний раз. Писать об этом — как-то не напишешь».— «Письма к родным», I, с. 236. Об интересе Блока к хлыстам А. Д. Скал-

дин, познакомившийся и сблизившийся с Блоком несколько позже, зимой 1909—1910 гг. в христианской секции Религиозно-философского общества, вспоминал: «О хлыстах Александр Александрович говорил много. Он (с другими) ездил к хлыстам за Московскую заставу. Хлысты держались весьма независимо, но им все же льстило, что писатели ими интересуются. Уважение к писательству уже входило в массы. Александра Александровича влекла тамошняя «богородица». Она была замечательная женщина, готовая перевоплотиться в поэтический образ,— так был силен ее лиризм». Блок, по словам Скалдина, «утверждал, что сама идея мессианизма, как ее дает христианство, ему совершенно чужда, непонятна (другое — религиозная идея «материнства»)».— А. Д. Скалдин. О письмах А. А. Блока ко мне.— В кн.: «Письма Александра Блока», с. 181.

[4] См. прим. 7 к письму Л. Д. Блок — А. А. Кублицкой-Пиоттух от 29 октября 1908 г.

[5] По воспоминаниям О. Н. Высотской, «прозвище «фармацевты» пошло от Мейерхольда» (О. Н. Высотская. Мои воспоминания. ИРЛИ, Р I, оп. 4, ед. хр. 200, л. 40). Пользовался этим словом и Н. Н. Сапунов — см. в неизданных воспоминаниях Б. К. Прснина «В „Бродячей собаке“»: «Помню историческую фразу Сапунова на первом собрании ‹«Бродячей собаки»›: «Наглухо не пускать фармацевтов и дрогистов!» (В сущности, это одно и то же, но Сапунов обозначал этим словом зубных врачей, присяжных поверенных — они были личные враги Сапунова)» (частное собрание). 26 ноября 1914 г. в «Бродячей собаке» композитор Н. К. Цыбульский должен был читать лекцию «О фармацевте» («Петроградский курьер», 1914, № 299, 23 ноября).

[6] Ср. в письме Блока матери от 30 ноября 1908 г.: «Сегодня читал я реферат об Ибсене в каком-то поддельном высшем учебном заведении, неизвестно в чью пользу ‹...› Это разозлило меня страшно».— «Письма к родным», I, с. 236.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

14 декабря ‹1908 г.›

Давно не было так хорошо и интересно, как в эту пятницу в Литературном О‹бществ›е, когда Саша читал реферат и потом говорили до 2-х часов ночи подряд. Только Вы бы не досидели до хорошего, я уверена, потому что и я чуть не ушла в начале прений. Так возмутительно нагло и нахально начали обращаться ораторы-пошляки из с‹оциал›-д‹емократов› не только с рефератом, но и с Сашей. Ненаучно, неопределенно, по-детски, наивно, «где был во время обществ‹енного› движения?» «увидел бы, как интеллигенция умирала заодно с народом», и все это с жестами, с сорванными аплодисментами. Аудитория вся «не своя», кружков «Р‹усского› Богатства», «Мира Б‹ожьего›», сторонников человек 10, не больше. Чулков еще подбавил ужаса — вздумал защищать от предшественника (Рейснера) [1] (говорил вторым), что, мол, как вы не видите, что реферат написан кровью, ничего, что наивный — словом, сцена из «Песни Судьбы» — се человек. Говорил, что Блок должен говорить только о лириках, себе подобных, оторванных от национальной стихии, а не об интеллигенции, и надо приветствовать, что вот лирик обратился к общественности. На меня произвел отвратительное впечатление, на З. Гиппиус тоже, хотя это, положим, не доказательство. Публика аплодировала [2]. Еще говорили глумящиеся ораторы; и вот Мережковский заговорил. Очень горячо, просто, из глубины — сущность его слов недурно передана в «Слове» [3], ему очень аплодировали. Тут-то и пошли более серьезные ораторы, стало по-настоящему интересно. На него (Мережк‹овского›) очень нападали и было очень обидно и больно, что в этих словах правда — это об его постоянном переходе от одних убеждений к другим, от царя к революции и «где же дела?» А вот неверующая обвиняемая интеллигенция уже сделала революцию, проливала кровь. Столпнер [4] очень хорошо говорил; вот немного-немного, и он понял бы, о чем Саша, и защищал бы его так же горячо, как нападал. А нападал на декадентов вообще за то, что во всех их исканиях и поступках, ему кажется, одно оригинальничанье от скуки, от оторванности от жизни. Сначала хотели уединенности, непонимания, искусства для искусства, а когда за ними это право признали, они увидели, что очутились вдвоем с буржуазией, как ее забавники, а это им не нравится; теперь обращаются к народу и все это декадентская фраза, а не религия.

Но все это таким серьезным, глубоко задетым и взволнованным тоном, что становилось хорошо. Так же Мякотин [5]. Я хотела про всех написать подробно, да вижу, что не все помню и что главное, что я могу сказать,— это про их тон, глубоко задетый, взволнованный, желание всеми силами отразить Сашину точку зрения. Это и обидело одну эс-дечку, которая вышла говорить о том, что здесь стреляют из пушки по воробьям, «по этим маленьким воробьям, которые чирикают или пишут стихи». Ну, тут все беспартийно расхохотались, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ все в увлечении разговоров и полемики, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ и не очень обдуманно, постоянно проговаривались, вроде того, что «конечно, поэт он талантливый», «все ведь знают его стихи» и т. п. Но вот к чему мне хочется поскорей придти — это Короленко и другие старики — Анненский, Градовский, Венгеров — как они отнеслись. Короленко был председателем и говорил заключительное слово, ах, как хорошо. Так чисто и «высоко держа знамя»; он, напр⟨имер⟩, не может сказать слово «путь», оно ему не звучит без слова «вперед», и это «вперед» всегда с волнением и благоговением. А потом он процитировал Гейне в применении к Саше и его реферату — что значит лирика и лирик — «если в сердце поэта трещина, то потому, что раскололся мир» [6]. И в заключение благодарил его за так ярко поставленную тему, чему доказательство прения. А когда мы пошли после закрытия заседания в соседнюю комнату, я видела, как все эти старики ласково, как дедушки, обращались с Сашей, верно, что-то свое самое лучшее в нем узнали [7]. А когда мы вышли на улицу, продолжалась снежная метель, весь день она была, и у нас все окна занесены снегом и замерзли. Очень было хорошо и бодро, так чувствовалось, что хоть и слова пока, а все-таки жизненное, в самую цель попали.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 24, л. 17—21. Год проставлен по содержанию.

Л. Д. Блок описывает заседание Петербургского литературного общества 12 декабря 1908 г., где Блок повторил свой доклад «Народ и интеллигенция» (под предложенным С. А. Венгеровым названием «Обожествление народа в литературе»; о его предыдущих выступлениях с этим докладом см. выше в наст. кн.). Фактическая история этого чтения хорошо известна по газетным отчетам и письмам Блока (V, 743—744); письмо Л. Д. Блок вносит дополнительные штрихи в картину этого важнейшего выступления поэта, ее восприятие событий — при сравнении с высказываниями Блока,— по-видимому, весьма близко блоковскому. Сам Блок говорил матери в письме от 14 декабря (предупреждая, что «об этом подробно напишет Люба»): «Оживление было необычайное. Всего милее были мне: речь Короленко, огненная ругань Столпнера, защита Мережковского и очаровательное отношение ко мне стариков из «Русского богатства» (Н. Ф. Анненского, Г. К. Градовского, Венгерова и др.)» (VIII, 268—269).

[1] Профессор-юрист М. А. *Рейснер* (1868—1928); пренебрежительный отзыв Блока о его выступлении — ЗК, 125—126.

[2] Г. И. Чулков, при несогласии с тезисами Блока (ср. в том же письме Блока к матери: «10-го спорил с Чулковым не на жизнь, а на смерть о «России и интеллигенции»), встал на его защиту из чувства солидарности групповой, общесимволистской. Принципиальные возражения Блоку он изложил в статье «Memento mori» («Речь», 1908, № 315, 22 декабря). Блок продолжил спор в своей статье «Стихия и культура», вызвавшей новый критический отклик Чулкова.

[3] Имеется в виду отчет о заседании Литературного общества в газете «Слово» (№ 650, 14 декабря, за подписью З. Ж.).

[4] Борис Григорьевич *Столпнер*, философ.

[5] Венедикт Александрович *Мякотин* (1867—1937), историк и публицист.

[6] Ср.: «Ах, дорогой читатель, если уж хочешь ты жаловаться на эту разочарованность, то пожалуйся лучше на то, что весь мир разорван по самой середине. А так как сердце поэта — центр мира, то в наше время оно тоже должно самым жалостным образом разорваться» (Г. Гейне. Путевые картины, ч. III, Лукские воды).

[7] Блоковский доклад упоминается в переписке «стариков» еще до его прочтения; Н. Ф. Анненский уведомлял К. И. Чуковского 9 декабря: «На эту пятницу назначен уже реферат Блока об «Исповеди» Горького» (ГБЛ, ф. 620), а 10 декабря о том же Чуковскому писал и С. А. Венгеров (там же).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Петербург.〉〈15—〉16 декабря 1908 г.

Не достали до сих пор «Слово», оттого я и задержала письмо [1]. Пока посылаю вырезку из «Бирж〈евых〉 Вед〈омостей〉» [2]. Вчера вечером мы были у Коппельманов. Очень было хорошо, совсем не такое литературное собрание, как бывали прежде. Во-первых, все вдвоем, а не втроем, и не в одиночку, как бывало прежде. Даже странно. Сологуб и тот с Н. Чеботаревской; еще Чулковы, Городецкие.[3] 〈...〉 Читались рассказы Городецкого, два: один очень сумбурный, хотя и талантливый, но очень для него, а не для других; второй «Шуба» — очаровательный, с очень хорошо, ярко захваченным отрывком жизни петербургской не то дамы, не то настоящей женщины.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 24, лл. 21—21об. Год проставлен по содержанию.

[1] Цитируемая часть письма — продолжение письма, начатого 15 декабря. Упомянут отчет о чтении Блока в Литературном обществе — см. прим. 3 к письму Л. Д. Блок к той же адресатке от 14 декабря 1908 г.

[2] К письму прилагалась вырезка с заметкой А. А. Оцупа «Обожествление народа в литературе. Реферат А. Блока в литературном обществе».— «Биржевые ведомости», № 10860 (13 декабря, ут. вып.; за подписью С. Горный).

[3] Точно то же об этом вечере позже говорил и Блок в письме к матери от 23 декабря 1908 г.: «Приятно, что все наконец были вдвоем, а не втроем» («Письма к родным», I, с. 242). Упоминаемая Блок Н. Чеботаревская — Ан. Н. Чеботаревская.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

19 декабря 〈1908 г.〉

Вчера у нас было человек 8—10, Саша читал «Песню Судьбы». Ася была, Лиза Безобразова, Т. и Н. Гиппиус, Ваня, курсистка Зверева [1]. Очень уж разнородно, может быть, поэтому мне все казалось, после чтения и за чаем, что чего-то не хватает в осмысленности их совместного пребывания у нас, или я очень отвыкла от сборищ. Говорили все поодиночке с Сашей о пьесе. Почти все ей рады, придают значение, нравится и т. д. Не знаю, как Ваня (он не говорил, молчал все время), а я очень ценю его мнение о реферате; прочитал, хлопнул рукой и выразился так, что «вот это дело, это тебе не спустят, все всполошатся», и очень радовался постановке этого вопроса, Сашиным мыслям и чувствам по его поводу [2].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 24, л. 24—25. Год проставлен по содержанию.

[1] Ср. в письме Блока к матери от 18 декабря 1908 г.: «Обедали Тата и Ната 〈Т. Н. и Н. Н. Гиппиус〉, а потом я читал «П〈есню〉 С〈удьбы〉», им, Сизову, Пясту, Безобразовой 〈...〉, Асе 〈А. Е. Стратоницкой (Лозинской)〉 и Зверевой» («Письма к родным», I, с. 242); таким образом Л. Д. Блок дополнительно называет еще одного слушателя — И. Д. Менделеева («Ваня»).

[2] Речь идет о реферате Блока «Народ и интеллигенция» — см. письма Л. Д. Блок от 12 ноября, 14 и 16 декабря 1908 г.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

24 декабря 〈1908 г.〉

Милая, пишу Вам в сочельник. Елка стоит, большая, мы не зажигаем ее в этом году: так — деревом. И гиацинты Саша принес мне и пошел погулять. Сижу и шью. Много сегодня не хочется писать. Все хорошо, славу богу.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 24, л. 28.

Е. П. БЕЗОБРАЗОВА — ВЯЧ. ИВАНОВУ

〈Петербург. 25 декабря 1908 г.〉

Дорогой Вячеслав Иванович!

Мне ужасно хочется, чтобы Вы были у нас. Папа говорил, что Вы обещали, и ждет Вас. Сегодня получила от Блока письмо, где он пишет, что будет [1]. Будет Ксения Михайловна специально для Вас [2]. Мне так хотелось бы поближе с Вами познакомиться, и все это не удается. Жду Вас и Веру [3] 27-го.

До свиданья. Е. Безобразова

ГБЛ, ф. 109. Датируется по почт. шт.

Елизавета Павловна *Безобразова* — дочь византолога П. В. Безобразова; семья Безобразовых для Блока — одна из нитей, связывавших поэта с Вл. Соловьевым: М. С. Безобразова, мать Е. П. (или, как называл ее Блок, Лизы) — родная сестра философа (отметим, что как раз в 1908 г. появились в печати ее воспоминания о брате — «Минувшие годы», № 5). 1 января 1911 г. Блок с Е. П. Ивановым также были на елке у Безобразовых, где встретили тех же гостей, что и два года назад: Вяч. Иванова, А. А. Кондратьева, а также А. М. Ремизова. В 1912 г. Е. П. Безобразову постигло душевное расстройство — отмечал Блок в дневнике (VII, 168), а позже — в ЗК (с. 229).

Приглашение от Е. П. Безобразовой Блоку (без даты) хранится в архиве поэта (ЦГАЛИ, ф. 55.1.144): «Многоуважаемый Александр Александрович! Если не боитесь, что Вам будет очень скучно, приходите, пожалуйста, ко мне 27-го декабря, часам к 9-ти вечера. Сделайте так, чтобы Ваш друг Е. Иванов пришел ко мне. Он такой милый, и я хотела бы поближе с ним познакомиться. У меня будет елка, которую Смирнов назвал блоковской, нужно, чтобы Вы ее посмотрели. Я буду так рада Вам. Я живу теперь «Песнью судьбы», мне хотелось бы очень прочесть ее еще раз. Я все время среди снежных русских полей, вижу Фаину, Германа. Хотелось бы с Вами поговорить. Но я звать Вас вот теперь, сейчас, не решаюсь. До елки у меня никто не будет, и я думаю, Вам скучно со мной одной. Приходите. Я Вам всегда рада очень. Елизавета Безобразова».

В этом письме упоминается А. А. Смирнов (см. по указателю имен). Приглашение от дочери подтвердил и сам П. В. Безобразов, также недатированным письмом (ЦГАЛИ, ф. 55.1.143): «Моя дочь уже направила Вам приглашение, и мне остается только подтвердить, что мы будем Вам очень признательны, если Вы посетите нашу скромную квартиру в субботу 27 декабря в 8 час. вечера. Вы встретите здесь некоторых коллег, вроде Вячеслава Иванова, Кондратьева. Более ничего обещать не можем». О настояниях Безобразовых поэт писал матери 18 декабря 1908 г. (вышеприведенные письма, по-видимому, предшествуют публикуемому); при этом он замечал: «От Безобразовой так и разит Соловьевской Москвой — семейственностью; я принужден идти к ней на елку, устраиваемую чуть ли не для меня» («Письма к родным», I, 242).

[1] Письма Блока к Е. П. Безобразовой неизвестны. По-видимому, Блок сам обещал прийти, но сообщал, что Е. П. Иванов 27 декабря занят и быть не может; это следует из письма Безобразовой к Блоку (ЦГАЛИ, ф. 55.1.144): «Многоуважаемый Александр Александрович! Я теперь елку переменила на 28-го декабря. Нужно, чтобы Е. Иванов и Вы были: Вячеслав Иванович сказал: «Нужно, чтобы Блок был». И дело, которое у Е〈вгения〉 П〈авловича〉 27-го, не будет 28-го. Вам позволяется придти экспромтом не только 28-го, но всегда, когда только захотите. Вечерами я всегда дома. В среду у В. Иванова Вы обещали сделать меня членом религиозно-философского общества. Если Вам не скучно, сделайте это, пожалуйста. Вот теперь скоро, я знаю, будет Ваш реферат, я хотела бы послушать его. До свиданья. Е. Безобразова».

Поскольку в письме к Иванову от 25 декабря елка назначается все еще на 27-е, второе письмо Безобразовой к Блоку можно отнести только к 26 декабря 1908 г. А упоминаемую там ее встречу с Блоком «в среду у В. Иванова» — скорее всего, к 24 декабря. Тогда реферат Блока в Религиозно-философском обществе, о котором речь, — «Стихия и культура», читанный 30 декабря 1908 г.

[2] Кого называет Е. П. Безобразова, установить не удалось.

[3] В. К. Шварсалон, впоследствии — Шварсалон-Иванова.

Г. Э. ТАСТЕВЕН — А. М. РЕМИЗОВУ

〈1908 г., декабрь — 1909 г., до 22 января〉

〈...〉 Прежде, чем коснуться вопросов более частных, я позволю себе затронуть один чисто принципиальный вопрос: в «Весах» напечатано, что в № 1 журнала идет Ваша повесть [1]. «Золотое Руно» всегда привыкло считать Вас одним из ближайших своих сотрудников, наиболее родственных

«НА РАСПУТЬИ»

Шарж С. Заборовского. Газетная вырезка

В «хороводе» слева направо: С. Городецкий, А. Ремизов, В. Брюсов, Л. Андреев, Ф. Сологуб, А. Рославлев. Сверху: Блок и М. Кузмин. «Памятники»: Л. Толстой, Тургенев, Чехов

Литературный музей, Москва

ему по духу и складу творчества [2] и поэтому Ваше участие в органе, резко враждебном всему, что исповедует «З⟨олотое⟩ Руно», нас глубоко смущает. Если «Весы» и начинают заигрывать с новыми течениями (как это видно из редакционного манифеста, напечатанного в № 12) [3], то ведь все мы знаем, что «Весы» журнал, органически враждебный Вашему творчеству и достаточно доказавший это снисходительно пренебрежительными статьями о Ваших книгах и обо всем, где есть веяние национального духа. Поэтому на Ваше участие в № 1 «Весов» редакция не может не смотреть, как на демонстрацию против журнала: так смотрит Николай Павлович [4], таково же, я убежден, мнение ближайших сотрудников «Золотого Руна»: Чулкова, Блока, Городецкого, Зайцева и др.

Я знаю, глубокоуважаемый Алексей Михайлович, что «Весы» прилагают все усилия к тому, чтобы внести разлад в группу писателей «Золотого Руна» и искусственными средствами сообщить себе хотя бы внешние признаки молодости и жизни, но все эти стремления никого не могут ввести в заблуждение. В данном случае, глубокоуважаемый Алексей Михайлович, я ставлю вопрос чисто принципиально, отрешаясь от всех личных дрязг ⟨...⟩ если «Золотое Руно» одиноко, если у него нет друзей, тогда лучше выяснить это вполне определенно и ясно и отбросить все иллюзии.

ГПБ, ф. 634, ед. хр. 210, л. 16. Датируется по содержанию.

На письме помета А. М. Ремизова: «Мой ответ. Мое отношение к «З⟨олотому⟩ р⟨уну⟩» неизменно. Это ясно. Я отдал «З⟨олотому⟩ р⟨уну⟩» мою трагедию о Иуде. Говорить о какой-либо демонстрации против журнала не приходится. Как известно, сотрудничество в «Весах» и «З. Р.» считают совместимым Вяч. Иванов, Бальмонт, Блок, Сологуб, Белый, Кузмин». Ремизов упоминает свою пьесу «Трагедия о Иуде, принце Искариотском», опубликованную много позже («Золотое руно», 1909, № 11-12). Указание на Белого как сотрудника одновременно обоих соперничающих журналов неосновательно:

после выхода из «Золотого руна» Белый лишь однажды выступил на его страницах (цикл стихотворений «Меланхолия» — 1908, № 3-4), что вызвало специальные оговорки в письме Тастевена к Чулкову, намеренно умалявшего значение этой публикации (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 17). Текст ответа Ремизова Тастевену неизвестен. Однако, в письме от 22 января 1909 г. Ремизов просит Вяч. Иванова, уезжающего в Москву, зайти по его делам в «Золотое руно» и прибавляет: «А потом вообще скажите, что стыдно писать такие письма, как то ко мне о демонстрации», а следом передает настоятельные приветы Брюсову и «Весам» (ГБЛ, ф. 109).

[1] Ошибка: в «Каталоге № 8» «Весы — Скорпион», прилагавшемся к № 12 журнала на 1908 г., указано лишь, что в 1909 г. в «Весах» будет помещен среди произведений иных авторов рассказ Ремизова «Жертва» (единственное аннонсируемое его произведение); оно и появилось в 1909 г. (№ 1).

[2] За истекший 1908 г. произведения Ремизова появлялись в трех номерах «Золотого руна» (Блока — в 6-м, Чулкова — в 7-м, Иванова — в 3-м, Бальмонта — в 5-м, Сологуба — в 4-м, Зайцева — во 2-м; см. указатель беллетристики и статей 1908 г.— «Золотое руно», 1908, № 11—12).

[3] В каталоге «Весы — Скорпион» (см. прим. 1) редакция «Весов» заявляла: «Понимая, что то миросозерцание передовых умов недавнего прошлого, которое можно определить названием «крайнего индивидуализма», ныне отжило свой век — «Весы» присоединяются ко всем исканиям новых кругозоров духа». Противоречия, питавшие трехлетнюю полемику двух групп русских символистов, постепенно снимались, только кружковая запальчивость поддерживала междусобицу — ср. «Брюсов и «Весы».— ЛН, т. 85, с. 307—308.

[4] Н. П. Рябушинский.

А. М. РЕМИЗОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Под Крещенье 〈5 января〉 1909 〈Петербург〉. М. Казачий пер. 9, кв. 34

〈...〉 Тут у нас основывается газета «Луч света» с русскими сотрудниками. 〈...〉 Из знакомых участвуют Гумилев Н. С., гр. А. Н. Толстой, я, Блок, Городецкий и Г. И. Чулков. Я бы очень, очень хотел, чтобы Вы дали Ваши стихи русские [1]. Редактор такой есть — Каменский В. В. [2]

ГБЛ, ф. 25, к. 22, ед. хр. 5, л. 24. Ответ Белого — ниже.

[1] Речь идет о стихах в том ключе, в котором был выдержан «Пепел» (СПб., 1909) Белого; ср. отзыв Ремизова об этой книге в том же письме: «Ваше письмо, дорогой Борис Николаевич, я получил под Новый год, и встретил Новый год мысленно с Вами. Заступаюсь за Вас на торжищах и перекрестках и в тупиках. За книгу стихов очень благодарю. Посвящение Ваше меня очень тронуло. Книга Ваша хорошая и достанется русским, как дар,— подлинно русское и плачет и беснуется в ваших песнях».

[2] Василий Васильевич *Каменский* (1884—1961) — поэт и прозаик, в 1910 г.— один из организаторов литературной группы кубофутуристов. Живя в Петербурге с 1907 г., редактировал в 1908 г. иллюстрированный еженедельный журнал «Весна». О газете «Луч света» Каменский вспоминает: «В Петербурге возникла ежедневная газета Белкова — «Луч света». Меня пригласили редактировать. Я сгруппировал почти всю новую литературу. Предложил сотрудничать Ф. Сологубу, Алексею Ремизову, А. Блоку, Вяч. Иванову, Кузмину, Г. Чулкову, Хлебникову, Гумилеву, Городецкому. На одном из первых редакционных собраний Г. Чулков и Городецкий, вероятно из желанья завладеть моим портфелем редактора, осудили зло мой образ действий. Я ушел из редакции и газета кончилась» (Василий К а м е н с к и й. Его — моя биография великого футуриста. М., «Китоврас», 1918, с. 96). Всего вышло два номера газеты «Луч света» (редактор-издатель Е. Х. Белков) — от 15 и 22 января 1909 г. Произведения Блока в ней напечатаны не были. О встречах Каменского с Блоком и Ремизовым в это время см.: Василий К а м е н с к и й. Путь энтузиаста. Автобиографическая книга. Пермь, 1968, с. 92—93.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — А. М. РЕМИЗОВУ

〈Москва, 1909 г. Январь, после 5〉

〈...〉 «*Кубок Метелей*» я даже боялся послать: уж очень на меня все взъелись за книгу. А я ее люблю: я стал прятать ее, как детище, от чужих глаз. А потом мне было больно: вот, например, 3 года тому назад я Блоку читал отрывки из книги, и он понимал все. А когда я ему послал всю книгу, то он прислал мне надменный сверху вниз ответ, что не понял в книге ни одного слова. Я и перестал рассылать ее знакомым [1].

Спасибо за рецензию: читал Ваши слова и улыбался: ну, конечно, теперь я попал в категорию *«бездарных и несносных»* и мне перегрызут горло. Что ж, я на это шел: «полюбите нас черненькими, беленькими нас все полюбят». А в Петербурге надо быть беленьким, т. е. делать вид, что не видишь, что кругом делается и ангельски à la Блок улыбаться и раскланиваться во все стороны: «нижайшее Вам, дражайший», пожимать все грязные руки, участвовать во всех литературных группах и т. д.

ГЛМ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 6. Датируется по письму Ремизова к Белому от 5 января 1909 г. (см. выше), к которому Ремизов приложил неизвестную нам (не сохранилась при письме) ругательную рецензию на книгу Белого «Кубок метелей» (М., 1908); там же он говорил, что не имеет этой книги: «Кубок метелей» читал на Пасхе, Кузмин давал читать. Я хотел бы еще раз прочесть» (там же, л. 24; ср. еще в письме от 3 октября 1908 г.: «А вы мне Симфонию не прислали, ну бог с вами» — там же, л. 23).

[1] Еще 6 апреля 1908 г. Белый писал Блоку: «Дорогой Саша, напиши мне, если тебе не трудно, что Ты скажешь о «Симфонии». Она самая искренняя моя из всех 4-х; наиболее трудная для понимания; и увы — с механической маской на лице. Никто ее, кажется, не принимает. Не верят, что от очень большой искренности она писана. Как странно: она — паспорт к моей душе». Блок, однако, не мог одобрить произведения — «мало того, что она мне не нравится (она никому не нравится),— писал он матери 17 апреля 1908 г. («Письма к родным», I, с. 205),— но я еще имею многое против ее духа». В результате появилось резко-откровенное письмо Блока к Белому от 24 апреля 1908 г. (VIII, 238), настолько обидевшее Белого, что он прервал всякие отношения с Блоком на два с половиной года (подробнее см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 229—232).

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

⟨Москва, конец января — начало февраля 1909 г.⟩

⟨...⟩ Видел Вячеслава Иванова в Москве. К «Руну» он настроен хорошо; но с Андреем Белым очень сблизился и боюсь, что это примирение отразилось на его оценке новой книги Андрея Белого в статье, которая пойдет у нас [1]. Получил Вашу статью, но мне очень хотелось бы отложить ее до следующего №, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ в этом номере пойдет статья Блока и может получиться впечатление разлада между членами группы, а, мне кажется, теперь бы этого тактически не следовало бы особенно подчеркивать [2]. Писал Ремизову по поводу его участия в «Весах», указывая, что инцидент с Городецким является открытым вызовом, брошенным Петербургской группе и что «З⟨олотое⟩ руно» вправе ожидать известных жертв от своих ближайших сотрудников, раз вопрос идет о достоинстве журнала [3].

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 8. Автограф на почтовой бумаге журн. «Золотое руно». Датируется по поездке Вяч. Иванова в Москву — в конце января 1909 г. Это письмо красноречивое свидетельство исчерпанности — для ведущих мастеров школы — тех расхождений, которые в 1906—1908 гг. разделили символистов на два стана; полемику склонны поддерживать второстепенные литераторы — Чулков, Тастевен, Городецкий.

[1] По-видимому, Тастевен имеет в виду отзыв Вяч. Иванова в статье «О русской идее», где книга А. Белого «Пепел» (СПб., 1909) называется «лучшим созданием» поэта («Золотое руно», 1909, № 1, с. 89; эта часть статьи, где дано краткое сопоставление тем творчества Блока и Белого, опущена в ее книжном, окончательном издании — Вяч. Иванов. По звездам. СПб., 1909).

[2] См. след. письмо.

[3] См. выше письмо Тастевена к Ремизову от ⟨декабря 1908— января 1909 г.⟩.

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

⟨Москва, начало февраля 1909 г.⟩

⟨...⟩ Статью о Блоке выкинуть было уже нельзя, и все, что я мог сделать, это выкинуть довольно ядовитое замечание о бомбе, оставленной в «Cafe de Paris» [1]. Надеюсь, Вы против этого не будете ничего иметь? Я думаю, что не следует обострять конфликта из-за вопросов не принципиальных, ибо из

Блока же все равно вы не создадите теоретика и систематического защитника наших принципов. Я лично думаю, что в № 1 не следовало помещать статью Блока вместе с Вашей: это получается какая-то война всех против всех, какой-то «адогматизм», во всяком случае, теперь уже ничего нельзя сделать [2]; думаю, что № 1 все-таки будет очень интересным.

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 9. Автограф на почтовой бумаге журн. «Золотое руно». Датируется по связи с предыдущим письмом.

Ответ на неизвестное письмо Чулкова, в котором он просил Тастевена снять из номера его статью «Лицом к лицу. (По поводу заседания «Петербургского религиозно-философского общества» 30-го декабря 1908 года)», вопреки первоначальному намерению Тастевена помещенную в № 1 «Золотого руна» на 1909 г. одновременно со статьей Блока «Россия и интеллигенция». Статья Чулкова представляла собою ответ на доклад Блока «Стихия и культура» (Чулков был одним из оппонентов Блоку на указанном заседании) и тем самым — последним звеном в полемике Блока с Чулковым, начавшейся после доклада «Народ и интеллигенция» (V, 742—744, 748).

[1] В оригинале статьи Чулкова имеется отсутствующая в печатном ее тексте полуфраза (набрана у нас курсивом): «Мы все предчувствуем катастрофу. Но эти предчувствия не должны однако угашать в нас разума. И если наш внутренний опыт подобен динамиту или той бомбе, о которой живописно рассказал Блок, то все же нет надобности бросать эту бомбу так, зря, как была она брошена, или — что еще хуже — забыта по рассеянности на столике «Café de Paris» (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 230, л. 33). Почему эти слова «довольно ядовиты» для Блока, мы решить затрудняемся; они могли иметь биографическую подоплеку, либо снижать пафос блоковского выступления.

[2] Чулков в своей статье утверждал, что Блок неправомерно смешивает понятия интеллигенция и буржуазия; интеллигенция, говорил Чулков, называвший при этом имена Герцена, Чернышевского и т. д., всегда была с народом, и попытки Блока «пугать» народным бунтом не имеют под собою никаких разумных оснований. В конечном счете, Чулков, определив «строй лирических чувствований и направление мысли» Блока как «анархический мистицизм» (в противоположность собственному «мистическому анархизму») признавал, что в нем наличен «элемент взрыва». Однако, заключал критик, «до сих пор, к сожалению, сила этого взрыва была всегда направлена как-то в сторону» («Золотое руно», 1909, № 1, с. 108).

В. Я. БРЮСОВ — И. М. БРЮСОВОЙ

‹Петербург,› 5 марта 1909 г.

‹...› Прости, что пишу тебе мало и редко. Где здесь писать! Все минуты рвут на части! А надо еще работать — много работать [1] ‹...› Не перечисляю тебе, у кого я бываю: все те же, Мережковские, Иванов, Блок (жена его поправилась, ребенок умер) [2]. Сегодня буду у А. Н. Бенуа.

ГБЛ, ф. 386, к. 142, ед. хр. 12.

[1] Брюсов находился в Петербурге по своим делам с издательством «Пантеон».

[2] В письме к жене от 8 марта 1909 г. Брюсов, описав «кутерьму», по его выражению, своих петербургских дней, в числе прочих приглашений отмечает: «в среду вечер у Блока» (там же); ближайшая к дате этого письма среда приходится на 11 марта. Судя по письму поэта к матери от 13 марта 1909 г., Брюсов был у Блоков 12 марта в четверг — см. ниже, прим. 3 к письму Л. Д. Блок к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 12—13 марта 1909 г.

А. А. ПОПОВ (ВИР) — Б. В. ТОМАШЕВСКОМУ

‹Петербург,› 11 марта 1909

‹...› Интересное явление, довольно знаменательное: Бальмонт пишет прозу [1], С. Городецкий — тоже [2], М. Волошин написал рассказ — «Иуда» [3], остается только Блок... [4] Это очень и очень хорошо.

ГБЛ, ф. 645.

Александр Александрович *Попов* (псевд. Ал. Вир; 1890—1957) — поэт, литературовед, соавтор Б. В. Томашевского. Блок упоминает его как одного из рекомендующих Вас. Гиппиуса в Общество ревнителей художественного слова в письме к М. Кузмину от 10 марта 1910 г. («Блоковский сб.», 2, с. 362). Вместе со своим братом Анатолием Александр Попов посещал заседания «Кружка молодых» (В. П я с т. Встречи. М., 1929, с. 80), а вместе с Б. А. Пестовским и А. М. Городецким входил в «кружок младших

братьев» (там же, с. 73—74). Большое количество его стихотворений публиковалось в журнале «Весна» в 1911 г.

[1] Имеются в виду публикации рассказов К. Д. Бальмонта «Воздушный путь» («Русская мысль», 1908, № 11), «Васенька» («Золотое руно», 1908, № 11-12) и др.

[2] В марте 1909 г. вышел сборник рассказов С. М. Городецкого «Кладбище страстей» (СПб., 1909).

[3] Рассказ М. А. Волошина «Иуда» остался ненаписанным. Сообщение о нем было мистификацией А. М. Ремизова («Волошинские чтения», М., 1981, с. 101).

[4] Опыты повествовательной прозы были и у Блока. Ср. свидетельство Городецкого: «Я отчетливо помню, что был момент, когда Блок пробовал писать рассказы. Мне он говорил об этом с какой-то недоуменно-покаянной улыбкой, но текста не показывал. Как будто он показывал их Леониду Андрееву, с которым одно время был в дружбе. Может быть, видел их З. И. Гржебин («Шиповник»). Не знаю, сохранились ли они. Но во всяком случае — они были бы любопытнейшим и ценнейшим документом его усилий разорвать кольцо лирики. Так или иначе, и эта попытка не удалась» (Сергей Городецкий. Воспоминания об Александре Блоке.— «Печать и революция», 1922, № 1, с. 85—86). Краткие записи Блока о задуманных рассказах, относящиеся к 1907—1908 гг., см.: ЗК, 92, 108. Впоследствии на предложения написать рассказ или сказку Блок отвечал: «Рассказы мне не даются» (VIII, 429), «Сам я в прозе немного стою» (VIII, 432).

Блок внимательно следил за «прозой поэтов». Ср. его ответ от 10 апреля 1909 г. на, видимо, отрицательный отзыв матери: «Твое мнение о рассказах Городецкого, по-моему, очень тонко — и исчерпывающе» («Письма к родным», I, с. 255).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Петербург,〉 12〈—13〉 марта 〈1909 г.〉

〈...〉 Ехать мы хотим в начале апреля, раньше Саше не выбраться — хочет всех повидать, покончить все дела. А пробудем мы там месяца два, вероятно, так предполагаем, а как выйдет, конечно, неизвестно. Войны же ведь не будет — вчера Мережковские говорили, я-то не знаю, да если бы и была, можно бы по другой дороге проехать, не через Австрию, а через Берлин и Мюнхен [1]. Вчера были у нас Мережковские, все трое; снова рассматривали нашу квартиру, точно век не видели небогатых и простых квартир, а потом стали втроем продолжать свои разговоры, как бывало у Сологуба, совершенно независимо от нас, так весь вечер. Потом мы с Сашей удивлялись — зачем они, собственно, приходили? На нас не обращали внимания, хотели спать — Дм〈итрий〉 С〈ергеевич〉 и Философов, и скучали [2].— Вчера помешали Брюсов и Нина Петровская продолжать. Саша Вам рассказал про них [3].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 24, л. 1 об.—2 об. Год — по содержанию, 13 марта — в связи со сказанным в прим. 3.

[1] Речь идет об отъезде Блоков в заграничное путешествие. Слухи о возможной войне вызваны напряженным положением на Балканском полуострове.

[2] Отношения Блока с Мережковскими, после близости в конце 1908 — начале 1909 г., вошли в полосу отчуждения; ср. в письме поэта к матери от 23 февраля 1909 г.: «〈к Мережковским〉 я не иду все — не хочется. Ужасно они отвлеченные люди. А к их речам о Христе 〈...〉 я отношусь опять со скукой и досадой» (VIII, 278).

[3] Последние две фразы приписаны 13 марта, как видно из сопоставления этого письма с письмом Блока к матери от 13 марта 〈1909 г.〉: «Мама, я вкладываю в Любино письмо только эту записочку. 〈...〉 Вчера очень хорошее впечатление оставил у нас Вал. Брюсов» (и далее — рассказ о разговоре с Брюсовым; Н. И. Петровская не упоминается.— VIII, 279).

А. А. ПОПОВ (ВИР) — Б. В. ТОМАШЕВСКОМУ

20 марта 1909 г.

〈...〉 Я вдвойне уважаю Сологуба, ибо из всех современных писателей он ярко и четко выясняет свою личность, раскрывает свою душу... [1] И все его стихотворения и рассказы и романы правдивы и им я более верю, чем Блоку в его исканиях «Прекрасной Дамы» или холодно-стальному Брюсову с его переживаниями, к〈о〉т〈орые〉 кажутся не живыми, но застывшими и очень красивыми, скульптурными группами или хотя бы Городецкому с его «барыбством» [2] и др.

ГБЛ, ф. 645. Автограф.

[1] В письме к Б. В. Томашевскому от 12 апреля 1909 г. А. А. Попов писал о Сологубе в связи со сборником «Пламенный круг»: «...он истиннейший из всех поэтов, и до его искренности доходил только Блок в первых двух сборниках».

[2] Имеются в виду словословия языческим божествам в ранней лирике Городецкого. Одно из них, «Барыба», упоминается в стихотворении «Дубовый ярила...» (Сергей Городецкий. Ярь. СПб., 1907, с. 25—26).

А. И. КОТЫЛЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Петербург, 23 марта 1909 г.

М<илостивый> Г<осударь>

С марта месяца в Петербурге будет выходить ежемесячник «Остров», посвященный исключительно стихам.[1]

Comité de patronage журнала, извещая об этом Вас, просит разрешения поместить Вас в число сотрудников.[2]

Изъявили согласие: Н. Гумилев, М. Кузмин, П. Потемкин, гр. Алекс. Толстой, М. Волошин, И. Анненский, Ф. Сологуб, А. Блок[3], Н. Бучинская, В. Пяст, В. Иванов, В. Брюсов.[4]

Редакция: Глазовая ул., д. 15, кв. гр. Толстого, куда и просят Вас ответить.

С почтением редактор-издатель А. Котылев

ГБЛ, ф. 25, к. 27, ед. хр. 11, л. 1—2.

Александр Иванович *Котылев* (ум. 1917) — журналист, издатель.

[1] 15 марта 1909 г. А. М. Ремизов писал В. Ф. Ходасевичу: «...тут у нас будет журнал поэтов. Журнал, в котором только стихи. Вести его будут 3 молодых поэта: Потемкин, Гумилев и гр. А. Толстой. На гастролях у них будут участвовать Брюсов, Блок, Вяч. Иванов, Сологуб, Волошин, Кондратьев, Верховский» (ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 75, л. 2). Первый номер «Острова» (вышедший в мае 1909 г.) содержал стихи М. Волошина, Н. Гумилева, Вяч. Иванова, М. Кузмина, П. П. Потемкина, А. Н. Толстого. Название «Остров» означало «остров поэтов» («Новости литературы», 1922, № 1, с. 56).

[2] Во втором номере «Острова» было помещено 2 стихотворения А. Белого: «Родина» («Наскучили...») и «Змея» («Вы — зори, зори! Ясно огневые...»).

[3] Во втором номере «Острова» напечатано стихотворение Блока «Покойник спать ложится...» (III, 179, 565).

[4] В первом номере объявлено сотрудничество И. Анненского, К. Бальмонта, А. Блока, Н. Бучинской (Тэффи), А. Белого, М. Волошина, Вяч. Иванова, А. Кондратьева, В. Пяста, И. Рукавишникова, С. Соловьева, В. Ходасевича. Во втором номере, помимо А. Белого и Блока, были напечатаны стихи И. Анненского, Л. Столицы, Н. Гумилева, С. Соловьева, Е. И. Дмитриевой, Б. Лившица, В. Ю. Эльснера, А. Н. Толстого. Тираж второго номера не был выкуплен из типографии, сохранилось несколько экземпляров этого номера в частных собраниях. Об истории журнала см.: А. Н. Толстой. Нисхождение и преображение. Берлин, 1922, с. 9—10.

Г. И. ЧУЛКОВ — КОНСТ. ЭРБЕРГУ (К. А. СЮННЕРБЕРГУ)

<Москва,> 9 апреля 1909.

<...> А вот Блок — милый: написал мне хорошее письмо[1].

ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 285. На бланке журн. «Золотое руно».

[1] Письмо к Г. И. Чулкову, датированное: «Апрель 1909» (VIII, 282).

А. А. ПОПОВ (ВИР) — Б. В. ТОМАШЕВСКОМУ

15 апреля 1909 г.

Недавно был в цирке (не в Чинизелли, а в так называемом «Nouveau Cirque» — деревянное здание — напоминает провинцию — мило). Ничего особенного не было бы... если я не увидел бы Алекс<андра> Алекс<андровича> *Блока*... в цирке и ... пьяным... Это было для меня так странно и неожиданно... Хотя «все люди — все человеки» — однако автор *«Прекрасной Дамы»* — и пьяный. Я привык видеть Блока в черном сюртуке — серьезного,

почтительного с неподвижным, как маска, лицом, лицом романтика... [1] Я привык видеть его глаза умными, чистыми... а здесь ... Он ходил как-то порывисто, глаза мутны, весь он окутан дымом — ибо курил он папиросу за папиросой — меня он не узнал... да я постарался быть в стороне... Нет, все-таки странно. Хотя в «Клеопатре» так ясно сказано:

У «пьяного» поэта слезы [2],

хотя в «Незнакомке» — поэт пьян — все-таки странно и странно. (Я слышал, что у Блока с женой — разрыв. Он увлекся, кажется, Волоховой. И произошла драма. Вот почему у него нет спокойствия на душе) [3].

ГБЛ, ф. 645.

[1] Ср. описание внешности Блока в отчете об одном из литературных вечеров: «Это красивый худощавый юноша, безусый, в умеренных кудрях. Держится он спокойно, гордо и без выкрутас. Публика принимает единодушно, радостно, долго вызывает на бис, но я сильно сомневаюсь, чтоб это хлопали декаденту» (П. Тавричанин ⟨П. Д. Маныч⟩. Литературная ярмарка. XX. Молодые. Вечер нового искусства.— «Утро», Харьков, 1909, № 650, 25 января).

[2] Из стихотворения Блока «Клеопатра» (II, 208).

[3] 23 марта 1909 г. Блок писал матери: «Я никогда еще не был, мама, в таком угнетенном состоянии, как эти дни» («Письма к родным», I, с. 252). В начале апреля он писал Г. Чулкову: «Никогда еще не переживал я такой темной полосы, как в последний месяц — убийственного опустошения» (VIII, 282). Вызвано это состояние было, вероятно, не взаимоотношениями с Н. Н. Волоховой, как считал А. А. Попов, а смертью сына Любови Дмитриевны.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

⟨Сполето, 24 мая/5 июня 1909 г.⟩

Милая, пишу Вам из Сполето, маленького городка. Мы их несколько уже видели и еще будем заезжать, а в Рим не поедем, жарко [1]. Хорошо в этих городках, ходим много и ездим в коляске по дорогам среди виноградников и полей [2]. Будем ли купаться, еще не знаю — у моря очень много москитов, а Саша от них отчаянно страдает. Ждем Ваших писем в Пизе, давно ничего не получали.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 3—3 об. Открытка. Датируется по почт. шт.

[1] Ср. в письме Блока матери от 25—26 мая 1909 г.: «...мы уезжаем из Флоренции ⟨...⟩ едва ли в Рим, потому что здесь уже нестерпимо жарко и мускиты кусают беспощадно» (VIII, 286).

[2] Ср. впечатление Блока от Сполето в его письме Брюсову от 2 октября 1909 г.: «Любимыми местами стали Равенна, этрусские могилы, Умбрия (особенно Сполето и Перуджия)» (VIII, 293).

С. П. БОБРОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва. 18.VI.⟨1⟩909.

⟨...⟩ И я сейчас совсем растерялся — не знаю, куда броситься. У меня много новых стихов — очень хотелось бы показать Вам. Знаете, Ваша «Урна» дала мне много — мои стихи стали как-то угрюмей — серьезнее. У Блока — Вы вероятно замечали — иногда прорывается беспочвенность, иногда проглядывает — что отчаянно печально — ерунда. Вспомните его «Мещанскую жисть» в «Земле в снегу»! И безвкусица. «Ты перед ним, что стебель гибкий...» — перл бесвкусицы, «Песельник» — право я не могу придумать для этого стихотворения другого определения, кроме как ерунда. А он оказал на меня большое влияние во всех своих проявлениях. У Вас же нет ни бесвкусицы этой, ни пустячков — за что я преклоняюсь перед Вами — и «Урна» меня вылечила от такого бесшабашного, развихляйного письма.

И теперь я переживаю кризис. Иногда блоковский пустячок столкнется у меня с тяжелым Вашим символом — и получается вещь крайне неудобоваримая. И обилие неудачных вещей.

ГБЛ, ф. 25, к. 10, ед. хр. 2 л. 4 и об., 7.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Шахматово. 11 июля 1909 г.

〈...〉 А я с детьми жила 12 дней; все слушаю и смотрю на них и ... боюсь сглазить!

У Саши и Любы в их саду громадный куст роз белых весь осыпан цветами; а рядом грядка крупных розовых роз. Цветут и георгины, и желтые лилии. И только что отцвели белые жасмины, целый ряд душистых кустов, точно невестины букеты. Саша ходит в белых рубашках шитых, кудрявый, загорелый. А Люба в сарафане синем и узорчатой рубашке. Они вдвоем работают в своем саду.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 534, л. 67—68 об. Автограф.

30 июня 1909 г. Блоки приехали в Шахматово («Письма к родным», I, с. 273) из Петербурга, куда ненадолго заезжали по возвращении из заграничного путешествия.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Шахматово,〉 25 июля 1909 г.

〈...〉 У нас теперь была Любина болезнь какая-то странная. Из-за воспаления гланды жар, слабость, невозможность открыть рот почти, ведь, кроме молока, ничего не могла есть, и то с трудом — все шло через нос. Свезли в Москву, в больницу, в серый, сплошной дождливый день, рано утром. Всю неделю было все на фоне этого. И вот вчера вдруг они с Сашей уж и приехали. Слава богу! [1]

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] Ср. запись Блока от 15 июля: «Утром у Любы обнаружена свинка или жаба? Сильный жар, лежит (почти 39)» (ЗК, 154). 9 августа он писал Е. П. Иванову из Шахматова: «Исключительно тяжела была неделя в 20-х числах июля, когда я возил Любу в Москву в больницу 〈...〉 У Любы сделался нарыв от гланд, опасный, как говорили доктора, и пришлось прорезать его, к счастью — извнутри» (VIII, 290).

ВЯЧ. ИВАНОВ — С. М. ГОРОДЕЦКОМУ

Петербург, 10 августа 1909 г.

〈...〉 Дальнейшие упреки будут относиться к книжке «Русь» [1]. Ибо если написана она не для сбыта через книгонош, то я ограничусь критикой; если же для книгонош, то уже негодую. Не думал, я, что так легко и небрежно и поверхностно ты отнесешься к великой задаче внушить *народу* несколько лирических намеков. Ведь я-то верил в тебя не на шутку, и не таким народным певцом рисовала мне тебя моя влюбленная мечта. Что мне из того, что твое милое, святоумиленное лицо глядит на меня из-за бальмонтовских строчек и блоковских лейтмотивов (—∪—∪—∪—//—∪—)? [2] что «Пичуга» и «Голубь» и «Мать» мне нравятся? [3] Что хорошо отчеканено: «Жизнь направо, смерть налево, прямо — бой; встанет огненная Дева пред тобой»? [4] Ни народной музыки, ни народной молитвы, ни народной надежды нет.

ГБЛ, ф. 109. Копия рукой М. М. Замятниной.

[1] Рукопись стихотворного сборника «Русь» Вяч. Иванов получил от С. М. Городецкого 8 августа 1909 г. и тогда же записал в дневнике: «...стихи, долженствующие быть разнесенными по Руси десятком тысяч книгонош,— как ни лестно мне видеть укра-

шенными эпиграфом из меня, — недостойны стать народным достоянием. 〈...〉 Кажется, что с Сергеем уже случился, как с художником, аналогичный бальмонтовскому маразм. 〈...〉 Читал «Русь», которая не понравилась не только одному мне. Кузмин облюбовал как раз то, что и я отметил: Пичугу и Голубя, и Мать. Да еще — но почти напрасно — несколько строк из Витязя» (Вяч. Иванов. Собр. соч., т. 2. Брюссель, 1974, с. 785). Чтение Вяч. Ивановым стихов из «Руси» в этот вечер слушали также Г. И. Чулков и В. Н. Княжнин. Реакцию всех этих лиц имел в виду Городецкий, когда писал Блоку 10 октября 1909 г.: «Я и не ожидал такого отношения к этой книге от петербуржцев...» (см. в наст. томе). Блок в своей рецензии на «Русь» выделил как удачные три других стихотворения, но в общей отрицательной оценке сборник был близок к Вяч. Иванову (V, 649—650).

[2] Речь идет о чередовании стихов четырехстопного и двухстопного хорея, как в блоковских стихах из «Снежной маски» — «Ее песни» (II, 220), «Крылья» (II, 221), «Прочь!» (II, 227, 229), «В углу дивана» (II, 240—241). В книге «Русь» этим размером написаны «Витязь», «Неотвязная картина», «Последний приют», «Голубь». Этот тип хореического четверостишия встречается и у других поэтов начала XX в.; например, «Высока луна господня...» Ф. К. Сологуба — «Вопросы жизни», 1905, № 4-5, с. 45. Но в литературном сознании этого периода он ассоциировался прежде всего с именем Блока. См. например, стихотворную инвективу В. С. Познера по поводу использования этого ритмического рисунка в стихотворении В. А. Зоргенфрея «Эпилог» («Русская мысль», 1908, № 12): «И в который раз перелагает // Блока он» («Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского». М., 1979, с. 267—268). Ср. также в отзыве поэтессы Л. Н. Столицы о стихах Н. Мешкова, где говорится, что «тень» музы Блока» нельзя не увидеть в таком отрывке:

Светлых святок вечер древний.
Тишина.
Ты влюбленная царевна
У окна.

(«Свободный журнал», 1915, № 11). Тот же размер использован и в шуточном стихотворении Городецкого 1910 г., обращенном к Блоку «От трактирной, друг мой, стойки // Отвяздись...» (см. в наст. кн. библиографию «Блок в поэзии его современников»).

[3] С. Городецкий. Русь. М., 1910, с. 62, 67—68, 62—63.

[4] Цитата из стихотворения «Витязь». В печатном тексте книги Городецкого (с. 14) — некоторые разночтения.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ И К. Д. БАЛЬМОНТ
Фотография, 1910-е гг.
Частное собрание, Москва

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ — А. А. ПОПОВУ (ВИРУ)

Инсбрук, 18 августа 1909 г.

〈...〉 Блок,— разве не является все его творчество попыткой разобраться в «хаотическом беспорядке» лирических переживаний (см. предисловия ко всем книгам и особенно к «Балаганчику») [1]. И ему многое удается — мы понимаем, объединяем его переживания, и нам уже представляется он не в виде обрывочных стихов (разве можно у Блока выделить хоть одно стихотв〈орение〉), а в виде цельного мира. Но в том же и причина его неудач.

ГБЛ, ф. 654.

[1] «В лирике закрепляются переживания души, в наше время, по необходимости, уединенной. Переживания эти обыкновенно сложны, хаотичны; чтобы разобраться в них, нужно самому быть «немножко в этом роде» (IV, 433).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Петербург,〉 17 октября 〈1909 г.〉

〈...〉 Продолжаем завтракать в час и обедать в 6 ч〈асов〉. У нас были уже некоторые, и очень от их прихода было приятно и легче как-то в воздухе. Веригина здесь, без места пока [1], пришла к нам вечером раз, очень это было хорошо, так она про стихи Сашины говорила, про Куликово поле [2] и про новые, что ему было приятно. А на другой день еще Мейерхольд с ней, очень бодрый, много работающий. Сашу уговаривал не бросать мысль о музыкальной драме «Марино Фальери» [3], которую они проектировали — помните, с Черепниным [4] и Головиным [5]. Мейерхольдом очень довольны оперные артисты, готовят ему овацию за «Тристана и Изольду» [6]. Приходил еще Пяст, сговариваться о банкете, который хотят устроить Аничкову по поводу его выхода из тюрьмы [7], как раз сегодня [8]. Банкет маленький, без дам [9].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 5 об.—6 об.

[1] В. П. Веригина после выступлений в театре Корша и в «летней» труппе, в Новгороде-Северском, в августе 1909 г. вернулась в Петербург и некоторое время оставалась без работы, ведя безуспешные переговоры с Суворинским театром. См. об этом и о вечерах, проведенных ею у Блоков осенью 1909 г.: В. П. Веригина. Воспоминания. Л., 1974, с. 156—158.

[2] Цикл Блока «На поле Куликовом» (5 стихотворений, 7 июня — 23 декабря 1908 г.).

[3] «Марино Фальеро, дож Венеции» (1821) — трагедия Дж. Байрона.

[4] Николай Николаевич *Черепнин* (1873—1945) — композитор, дирижер, педагог. В 1906—1909 г. работал в Мариинском театре. В 1921 г. эмигрировал во Францию. Основал в Париже Русскую консерваторию.

[5] Александр Яковлевич *Головин* (1863—1930) — театральный художник и живописец.

[6] В. Э. Мейерхольд подготавливал к постановке на сцене Мариинского театра музыкальную драму Вагнера «Тристан и Изольда» (см. письмо Блока матери от 16 ноября 1908 г.— «Письма к родным», I, с. 233). Премьера состоялась 30 октября 1909 г. Оформление А. К. Шервашидзе, дирижер — Э. Ф. Направник. Впечатление от этой оперы высказано в письме Блока матери от 17—18 ноября 1909 г.— там же, с. 284—285.— Ср. ниже письмо Л. Д. Блок к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 31 октября 1909 г.

[7] Евгений Васильевич *Аничков* (1869—1937) — историк литературы, критик, фольклорист, профессор Петербургского психо-неврологического института. Банкет предполагалось организовать по поводу освобождения Аничкова из Петропавловской крепости, где он отбывал 13-месячное заключение как один из лидеров «Всероссийского крестьянского союза» — см.: Вяч. Иванов. Е. В. Аничков.— «Новый энциклопедический словарь», т. 2. СПб., изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона, б. г.

[8] Видимо, в письме Л. Д. Блок — неточность. Ср. с письмом к Блоку Д. В. Философова от 17 октября 1909 г., в котором он сообщает, что освобождение Е. В. Аничкова произойдет 20 октября (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 70, л. 8—9).

[9] Чествование Аничкова состоялось 27 ноября. Ср. коллективное письмо за подписями Ал. Блока, Вс. Мейерхольда, Г. Чулкова (текст — рукой Блока) Вяч. Иванову от 25 ноября 1909 г.: «В пятницу 27 ноября, в 8 час. веч〈ера〉, в Малом Ярославце (Морская, около Арки) назначен обед с Евг〈ением〉 Вас〈ильевичем〉 Аничковым. Плата (9 рублей) должна быть внесена до обеда А. А. Блоку».— «Блоковский сб.», 2, с. 375. Ср. также письма Блока Мейерхольду от 15, 16 и между 20—27 ноября, касающиеся устройства банкета (ГБЛ, ф. 644). См. также об этом банкете в воспоминаниях В. А. Пяста: В. Пяст. Встречи. М., 1929, с. 182. В числе участников обеда были: Ал. Блок, Вяч. Иванов, Д. Философов, Вс. Мейерхольд, В. Бородаевский, В. Пяст, С. Городецкий, Г. Чулков, А. Ремизов, К. Сюннерберг (см. их коллективное письмо Ф. Сологубу с просьбой приехать к ним на банкет после спектакля в Театре В. Ф. Коммиссаржевской — ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 26). 29 ноября 1909 г. Блок писал матери: «Лучшее, что было за эти дни — обед, который мы устроили Аничкову. Хотя люди собрались не слишком подходящие, ссорящиеся и ссорившиеся, однако была минута очень трогательная, и притом по-настоящему, а не по случаю выпивки».— «Письма к родным», I, с. 289.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

24 октября 1909 г.

〈...〉 Я получила письмо от своего Детки, где он написал мне, что умерла одна многострадальная и многолюбивая Мария, умерла от разрыва сердца, по бедности своей в больнице.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 534, л. 76.

Речь идет о смерти М. В. Лапиной, подруги А. А. Кублицкой-Пиоттух. В письме Блока от 〈16 октября 1909 г.〉, о котором упоминает мать поэта, нет сведений о месте кончины: «Сегодня пришло известие о смерти М. В. Лапиной. Она умерла внезапно, в 1/4 часа от разрыва сердца» («Письма к родным», I, с. 275).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

31 октября 〈1909 г.〉

Пишу Вам, сидя за своим столом, а за обеденным Саша с Чулковым играют в шахматы, кот〈орые〉 принес с собой Г〈еоргий〉 И〈ванович〉 [1]. Сашины губы заживают, по-видимому, зубы еще болят. Он сидит дома, по вечерам несколько подымается температура (37,4—7). Сейчас он очень радуется игре, и, кажется, хорошо себя чувствует. 〈...〉 Я была вместо Саши на генеральной репетиции «Тристана и Изольды». Очень разочаровалась постановкой и исполнением [2]. 〈...〉 Саша написал очень хорошее стихотворение, песнь из «Ада», очень мрачное, одно спасение, что оно очень объективно, эпично [3]. Наверно, он пошлет его Вам [4], а, впрочем, не знаю... очень уж адское, «декадентского» ада. Но оно не в его теперешнем настроении, он ведь не так грустит теперь, как в начале [5].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 8 и об., 10 об.—11. Датируется по содержанию.

[1] Г. И. Чулков.

[2] См. прим. 6 к письму Л. Д. Блок А. А. Кублицкой-Пиоттух от 17 октября 1909 г. Генеральная репетиция музыкальной драмы Р. Вагнера «Тристан и Изольда» в постановке В. Э. Мейерхольда на сцене Мариинского театра состоялась 28 октября 1909 г.

[3] Стихотворение «Песнь Ада» датировано Блоком 31 октября 1909 г.

[4] Блок послал «Песнь Ада» в письме матери от 10 ноября 1909 г. со словами: «Я думаю, что тебе она не понравится, как и мне нравится ограничительно...» — VIII, 296.

[5] Ср. в письме Блока матери от 10 ноября 1909 г.: «Для того чтобы забывать о том жалком состоянии, в котором находишься ты, я и все остальные жители России, нужно иметь одну «подкожную» идею или мечту, которая притекает вместе с кровью то спокойно, то бурно, то в сознании, то подсознательно. Такой ты обладаешь, и я тоже, следовательно, еще можно жить».— VIII, 297.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

7 ноября 〈1909 г.〉

Саша продолжает понемногу поправляться, температура не подымается выше 37, и ранки затягиваются, хотя все это медленно, как и говорил доктор [1]. Саше велено пить терпкое кавказское вино, и мне самой приходится покупать и угощать им (!), потому что не всегда ему нравится оно. К сожалению, Саша уже опять начинает презирать все мои брюссельские капусты, консервы фасоли и пр., которые соглашался было есть после совета доктора; и теперь ест, но мало, не перевешивают они мясо. Компот ест, и то хорошо. А Паша [2] очень хорошо готовит, поняла, что нам как нужно, котлеты и т. п. 〈...〉 Чулков подарил Саше шахматы и шашки, и мы в них играем каждый вечер, иногда очень долго. Сегодня Саша наклеивает фотографии, вчера вставили открытые письма в только что купленный альбом [3]. 〈...〉 нарядами занимаюсь вовсю, под громами Сашиной критики, которые принуждают меня покупать все дорогие (относительно, конечно) вещи; кое-что заслужило похвалу, как шляпа и муфта скунсовая.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 12—14 об.

[1] Аполлон Аполлонович *Белоголовый* — специалист по внутренним болезням.

[2] Паша — прислуга Л. Д. Блок.

[3] См. блоковские «альбомы путешествий» — ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 401—404. О том, как создавались эти альбомы, см. в воспоминаниях С. М. Алянского: С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 143—144.

С. К. МАКОВСКИЙ — В. Я. БРЮСОВУ

Петербург, 24 ноября 1909 г.

Обращаюсь к вам с двумя просьбами! Во-первых, очень прошу Вас — от лица «Об-ва ревнит<елей> худ<ожественного> слова», или «Поэтической Академии», как мы говорим в просторечии,— не отказываться от звания «члена правления» Общества. Это создало бы новые затруднения в деле утверждения устава и нарушило бы весь план Академии. По этому плану все лекторы входят в «Совет», который направляет занятия Общества и, кроме того, образует, вместе со мною и секретарем редакции Зноско-Боровским, «Правление», ведающее административную часть. Для официального утверждения законности Общества нужны имена членов Правления — следовательно и Ваше имя, хотя до рождества Вы и не можете, к сожалению, начать Вашего курса лекций.

Остальные лекторы — Вяч. Иванов, Ин. Анненский, А. Блок и М. Кузмин. Из них только два первых начали свои чтения [1]. Следовательно, Ваше положение совсем не исключительное в смысле недеятельной работы в первую пору существования Об-ва. Ваше обещание прочесть 5—7 лекций по теории и истории русского стиха было встречено восторженно членами Академии, и было бы очень обидно не включить теперь же Вашего имени в число лекторов и eo ipso — членов Совета и Правления [2].

Вторая просьба — более личная. Мне очень хотелось бы получить от Вас что-нибудь для январского № «Аполлона»: стихи, рассказ или статью — что хотите. Вот состав этой новогодней книжки: статьи Гумилева (литер<атурная> критика), Кузмина, моя (о монумент<альном> искусстве) и Оссовского (об «Орфее» Глюка); рассказы Ал. Толстого, стихи Ал. Блока (с иллюстр. Рериха) и Вяч. Иванова (перев<оды> Новалиса) [3].

ГБЛ, ф. 386, к. 93, ед. хр. 27, л. 3—3 об.

Весной 1909 г. Вяч. Иванов читал у себя на квартире курс стихосложения группе молодых поэтов (Модест Гофман. Поэтическая академия.— «Вестник литературы», 1909, № 8). 19 сентября 1909 г. Гумилев говорил с Вяч. Ивановым о продолжении этих чтений (Дневник М. А. Кузмина — ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 54). Было решено соединить чтение лекций и разборы ненапечатанных стихов под эгидой «Аполлона» и пригласить для докладов, помимо Вяч. Иванова, И. Анненского и Брюсова (см. письмо Е. А. Зноско-Боровского Брюсову от 21 сентября 1909 г.— ГБЛ, ф. 386, к. 86, ед. хр. 61, л. 1; ЛН, 85, 523—524). В десятых числах октября определилось название «Общество ревнителей художественного слова». 20 октября Е. А. Зноско-Боровский сообщал Брюсову: «Делами Общества ведает Правление в составе 7 лиц, из которых — 4 — лекторы и учредители (Вы, Ин. Ф. Анненский, Вяч. Иванов, Серг. Конст. Маковский) и 3 будут избраны в ближайшем собрании» (ГБЛ, ф. 386, к. 86, ед. хр. 61, л. 2). Трое избранных были Кузмин, Зноско-Боровский и Блок, который сообщил матери о своем избрании в Совет Общества 24 октября («Письма к родным», т. I, с. 277). В последующих письмах Блок описывает заседания Общества 26 октября («Доклад делал Вяч. Иванов, а потом разбирали плохие стихи» — «Письма к родным», т. I, с. 278) и 18 ноября («было скучновато и противно».— «Письма к родным», т. I, с. 287). На последнем из упомянутых заседаний читали прозу Кузмина, Вяч. Иванов сделал доклад, а И. Анненский оппонировал (Дневник М. А. Кузмина — ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 54). 8 апреля 1910 г. Блок сделал в Обществе знаменитый доклад «О современном состоянии русского символизма», посещал и другие заседания. О двух выступлениях Блока на обсуждении стихов в Обществе см.: В. В. Гиппиус. От Пушкина до Блока. М.—Л., 1966, с. 333. В качестве члена Совета Блок рекомендовал в Общество Вас. Гиппиуса и А. И. Белецкого (письмо Кузмину от 10 марта 1910 г.— «Блоковский сб.», 2, с. 362) и присоединился к Пясту, рекомендовавшему И. И. Гливенко («Александр Александрович согласен» — письмо Пяста Вяч. Иванову от 4 января 1911 г.— ГБЛ, ф. 109). В начале 1911 г. Блок решил выйти из состава Совета Общества — см. его письмо к Вяч. Иванову от 11 марта 1911 года («Блоковский сб.», 2, с. 377).

[1] Анненский начал серию лекций «Ритмы Пушкина и их судьба в нашей позднейшей лирике» (ЛН, 85, 523).

[2] Чтения Брюсова в Общества ревнителей художественного слова не состоялись.

[3] Впоследствии состав январского номера изменился (см. ниже письмо С. Маковского к Брюсову от 17 декабря 1909 г.), главным образом, в связи с включением в него статьи о скончавшемся 30 ноября 1909 г. Иннокентии Анненском.

Д. С. НАВАШИН — В. Я. БРЮСОВУ

1 декабря 1909 г.

〈...〉 Не писал же я Вам о «литературных событиях Киева» потому, что и сам предполагал, что Вы в отъезде... Надо сознаться, происходило уже много интересного и, к сожалению, комичного, во-первых, основан журнал «Современные искания». «Основан», но не «вышел» — старая сказка... Один из его основателей, бледно-лысый молодой человек 〈...〉, сообщил мне, что их журнал должен быть самым интересным в России («как явствует из названия»), что у них есть «фирма»: — 3 стихотворения Блока, Белого, статья Изгоева, и так много «идет», что теперь «самое важное достать сто рублей» (следует просьба достать) [1]. Журнал этот уже разрешен, в редакции числятся все лучшие представители нашего художественного мира, поэтому я и вступил в переговоры с вышеупомянутым «основателем», в надежде сделать новую попытку осуществить идеи прошлогоднего сборника. Кратко доказываю ему, что Блок и Белый большие поэты, но для киевского журнала не «фирма», повторяю приевшиеся «местные силы», предлагаю основать этнографический отдел — художественное исследование и толкование местных обычаев 〈...〉, извлечь все возможное из наших университетских сил, словом сделать журнал интересным 〈...〉 именно потому, что он будет провинциальным, а не «провинциальным», где столичные поэты поражают так же приятно, как в стенном календаре. Мой собеседник возразил, что «их идеи» чисто «вселенские», с местным изданием ничего общего иметь не могут. 〈...〉 снова повторил, что есть «фирма», важно же только сто рублей. Я мог ему предложить целое акционерное общество, но прогнал разъяренный, ничего с такими людьми не сделаешь.

ГБЛ, ф. 386, к. 95, ед. хр. 46, л. 32—33. Автограф.

Дмитрий Сергеевич *Навашин* (ум. 1937) — киевский студент, позже литератор — см. ЛН, т. 85, с. 418, сохранились его пространные и содержательные письма к Брюсову. Имя Блока впервые встречается в письме от 7 июня 1909 г.: «Хочется много сказать о А. Блоке... Бунин как-то о нем говорил, что он спивается,— такими и должны быть слова умирающего от жажды» (там же, л. 21 об.).

[1] Один из основателей несостоявшегося журнала — киевский литератор А. К. Закржевский. История начинания, равно и дутая «солидность» «фирмы», ставшая возможной на волне растущего престижа модернистов, выхода их в массовую культуру, хорошо видны из писем Закржевского к И. А. Новикову. 29 июня 1909 г. он писал: «Спешу сообщить Вам новость: в Киеве будет журнал. Выйдет, вероятно, 1 сентября. Называться будет «Современные искания» 〈...〉 Если для Вас не составит труда, то я бы очень просил Вас написать к тем писателям, с которыми Вы ближе знакомы и пригласить их в наш журнал. Из таковых, как я помню, идут следующие: Блок, А. Белый, Ремизов, Бунин, Федоров, Нина Петровская, Н. Поярков, Стражев, Кречетов, Потемкин и Гумилев». (ЦГАЛИ, ф. 343, оп. 2, ед. хр. 64, л. 5). В литературе неизвестны ни письма Закржевского к Блоку, ни письма Новикова соответствующего содержания. Однако какие-то попытки привлечь поэта к основывавшемуся журналу были сделаны. Но ведущие литераторы-модернисты пренебрегли сомнительным киевским предприятием: «Брюсов и Айхенвальд наотрез отказались,— писал А. К. Закржевский И. А. Новикову 13 августа 1909 г.— А Блок и Белый даже не ответили» (там же, л. 8). Какими произведениями Блока и Белого располагала редакция журнала, неизвестно.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

1 декабря 〈1909 г.〉

Милая, вчера Саша уехал в Варшаву со скорым поездом вечером [1]. Сегодня днем получена телеграмма от М. Т. Блок, что Ал〈ександр〉 Львович при смерти [2]. Может быть, Саша и застанет его еще живым [3]. Очень ему тяжело было ехать [4].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 16—16 об.

[1] Получив утром, 30 ноября, известие от М. Т. Блок, Блок в тот же вечер выехал в Варшаву (см. письмо его к матери от 30 ноября 1909 г.— «Письма к родным», I, с. 290).

[2] Ср. в письме Л. Д. Блок Блоку в Варшаву от 1 декабря 1909 г.: «Сашенька, мой дорогой, сегодня пришла телеграмма, что твой отец умирает».— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 162, л. 2.

[3] А. Л. Блок скончался 1 декабря в 5 часов дня от туберкулеза и болезни сердца.

[4] Ср. в письме Блока жене от 1 декабря 1909 г.: «Ехать было страшно одиноко, все время тосковал и тоскую без тебя». — ЛН, т. 89, с. 250; см. также записи Блока от 30 ноября и 1 декабря 1909 г.— ЗК, 161—162.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Петербург, 7 (?) декабря 1909 г.〉[1]

〈...〉 Я теперь «делаю» много: во-первых, перевожу для Саши, для «Нивы», Гамсуна, рассказы [2]; надо торопиться, и я эту неделю почти целые дни сидела, мне это очень нравится и увлекает. С немецкого. Потом — Зверева [3] — наша знакомая курсистка, просила меня устроить концерт какой-нибудь очень интересный в пользу ссыльных, у которых страшная нужда. Я говорила уже об этом О. Э. Озаровской [4], с Ремизовыми и сегодня была у Аничковых [5] по этому поводу с визитом. Застала там несколько аристократических грымз, лопочущих глупости на великолепном французском языке, в громадной их гостиной с прекрасной старинной мебелью, около маленького столика с теплым чаем и полутора сандвичами на трех тарелках — представляете себе. Говорить о деле было нельзя, и я пойду завтра на часок после обеда. Не знаю еще, когда приедет Саша [6].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 18—21.

[1] Датируется по сопоставлению с датой письма Л. Д. Блок Блоку от 7 декабря 1909 г., в котором упоминается ее визит к Аничковым «насчет концерта Зверевой» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 162).

[2] Осенью 1909 г. Блок получил от издательства А. Ф. Маркса предложение перевести несколько рассказов К. Гамсуна. В письме к матери Блок сообщал: «При „Ниве“ прилагается полное собр〈ание〉 соч〈инений〉 Гамсуна. Я переведу неск〈олько〉 мелких рассказов (с немецкого) и получу 50 р. за лист» (письмо от 4 ноября 1909 г.— «Письма к родным», I, с. 280). «Всего приятнее было бы мне переводить „Викторию“ — любимую мою вещь Гамсуна,— излагал Блок свои пожелания по поводу выбора рассказов в письме к А. А. Измайлову,— Если же она занята, то попрошу один или несколько рассказов 〈...〉, а именно: „Голос жизни“, „Завоеватель“, „Уличная революция“, „Гастроль“ 〈...〉, „Отец и сын“, „Рабы любви“» — VIII, 295. В связи с отъездом Блока в Варшаву и смертью А. Л. Блока за перевод Гамсуна взялась Л. Д. Блок (см. ее письма Блоку от 4 и 10 декабря 1909 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 162). Об изменении семейных обстоятельств и невозможности в связи с этим выполнить в точности обязательства по переводу рассказовГамсуна Блок писал Измайлову 21 декабря 1909 г. Приводим текст этого неопубликованного письма:

«Многоуважаемый Александр Алексеевич. Очень тяжелые семейные обстоятельства заставили меня уехать из Петербурга, я только что вернулся теперь и нашел Ваши письма; успел уже простудиться и, как только поправлюсь, опять уеду из Петербурга. Дела с Гамсуном обстоят так: во время моего отсутствия рассказы переводила моя жена, они почти готовы, но я еще не успел их прочесть и проверить перевод. Позвольте, поэтому, предложить Вам следующее: если я найду перевод удачным, или предложить его Вам с именем жены, или с надписью: «под редакцией А. Блока», или, наконец, с моей подписью; во всех случаях, я проредактирую текст, но, если только возможно, дайте мне отсрочку.

До Рождества я, во всяком случае, дома во все часы. Если имеете время, зайдите поговорить обо всем этом, тогда кстати я Вам вырву ненужные мне тексты из книжек Гамсуна.

Искренно уважающий Вас Ал. Блок

Галерная 41» (ИРЛИ, р. 1, оп. 3, ед. хр. 69, л. 3).

Переводы Л. Д. Блок, отредактированные Блоком, были опубликованы за его подписью. См.: К. Гамсун. Полн. собр. соч., т. 4. СПб., 1910 (перевод рассказов «Рабы любви», «Победитель», «Отец и сын», «Голос жизни»).

[3] Зоя Владимировна *Зверева* (в замужестве Поливанова, 1880—1956) — слушательница Высших женских курсов в Петербурге. Из писем Блока видно, что он не только откликался на просьбы Зверевой участвовать в литературных вечерах при Высших женских курсах и являлся посредником в ее переговорах с другими писателями (С. М. Городецким, Д. С. Мережковским, А. М. Ремизовым), но и содействовал ее общественно-политической деятельности, помогая ей доставать для политических заключенных одежду, книги, деньги (часть писем Блока к З. В. Зверевой была опубликована: «Лит. газета», 1971, № 31, 28 июля).

«ПЛЯСКА БЕЗУМСТВА»
Слева направо: А. Арцыбашев, Ф. Сологуб, Блок, И. Рукавишников, О. Дымов, С. М. Городецкий, К. Бальмонт, В. Брюсов
Шарж, «Искры» 11 января 1909 г., № 2

[4] Ольга Эрастовна *Озаровская* (1874—1933) — собирательница и исполнительница северных русских сказок, писательница. Работала в Палате мер и весов под руководством Д. И. Менделеева, оставила воспоминания о нем.

[5] Е. В. и А. М. Аничковы. См. также о визите Л. Д. Блок к Аничковым прим. 1 к наст. письму.

[6] Блок вернулся в Петербург из Варшавы 19 декабря.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

14 декабря 〈1909 г.〉

Милая, я думаю, Вы уже тоже получили письмо от Саши [1]. Мне он тоже долго не писал [2], я даже посылала ему телеграмму [3], получила ответ и два письма [4] с тех пор. Саша здоров, чувствовал себя хорошо все время, в последнем письме только пишет, что ему очень хочется уехать, а придется остаться еще неделю; ему хочется домой [5]. Укладывает всю квартиру и пишет, что привезет много вещей, которые ему очень нравятся [6]. Ангелина оказалась очень хорошая, интересная и простая, еще совсем ребенок [7]. А больше подробностей Саша не пишет, только вот об этом, и еще, что получает деньги [8], только просит никому не говорить пока, и не знаю, сколько. 〈...〉 Саша мне писал, что он пишет Вам это, значит, Вы уже получили это письмо,— что мы хотим приехать к Вам на праздники, какие дни удобней? [9] Саша-то ведь приедет очень незадолго до праздников, числа 19—20-го, я думаю, не знаю, как он. Вы все-таки напишите, в какие дни Вам не хотелось бы, чтобы

мы приехали, так как будут официальные обязанности, и это будет еще тяжелей [10]. Когда мы приедем [11], я расскажу Вам про секцию Мережковских в 15 человек, где я участвую и даже говорю [12]; писать очень долго — целая статья.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 22—27. Датируется по содержанию письма.

[1] Блок писал из Варшавы матери и жене в одни и те же дни: 1, 4, 9, 11 и 16 декабря. Кроме того, Л. Д. Блок получила от него три телеграммы от 11, 15 и 17 декабря. См.: «А. Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 1, с. 92—94, 241—242.

[2] Соображения о том, что одно из писем (между 1 и 9 декабря) не дошло по назначению (см. комментарий к письму Блока от 11 декабря 1909 г.— ЛН, т. 89, с. 254), видимо, ошибочны. Л. Д. Блок получила все четыре письма, о которых Блок писал ей 11 декабря. О получении двух первых писем (от 1 и 4 декабря) она сообщала Блоку в письмах ему от 4 и 6 декабря. (см.: «А. Блок. Переписка», вып. 2, с. 96); о получении двух последующих — в наст. письме А. А. Кублицкой-Пиоттух.

[3] Л. Д. Блок телеграфировала мужу в Варшаву: «Не получаю писем здоров ли когда приедешь беспокоюсь Люба». Ответная телеграмма Блока была послана 11 декабря. См.: ЛН, т. 89, с. 253.

[4] Письма Блока от 9 и 11 декабря. См. там же, с. 251—252, 254.

[5] В письме от 11 декабря Блок писал жене: «Выяснилось, что выехать придется, вероятно, только еще через неделю, отчего я загрустил. Мне надоели Варшава и вещи, и я скучаю о тебе и о своем доме».— Там же, с. 254.

[6] См. там же письмо Блока к Л. Д. Блок от 9 декабря 1909 г.

[7] Ангелина Александровна *Блок* (1892—1918) — дочь А. Л. Блока от второго брака. Блок писал о ней и о ее матери, М. Т. Блок (рожд. Беляевой): «Моя сестра и ее мать настолько хороши, что я даже чувствую близость к ним обеим. Ангелина интересна и оригинальна, и очень чистая, но совсем ребенок, несмотря на 17 лет» (письмо жене от 9 декабря 1909 г.). В письме матери от того же числа Блок, рассказывая о сестре, добавлял: «...У нас много общих черт (напр.,— «ирония»), но в чем-то очень существенном — коренная разница, кажется, в том, что она — не мятежна».— «Письма к родным», I, с. 293.

[8] После смерти отца Блок получил денежное наследство. Ср. в его письме Л. Д. Блок от 9 декабря 1909 г.: «Денег у меня больше, чем у тебя, но ты этого пока не рассказывай».— VIII, 300. См. также его письма к матери от 9 декабря 1909 г. и 14 февраля 1910 г.— «Письма к родным», I, с. 293; II, с. 121. «Большую долю этого наследства,— свидетельствует М. А. Бекетова,— Ал〈ександр〉 Ал〈ександрович〉 потратил на Шахматово. Во-первых, он выплатил тетке Софье Андреевне третью часть стоимости Шахматова, которое мы оценили в 21 тысячу, и, таким образом, предоставил имение в полную собственность матери и меня». См. в наст. кн.— «Шахматово. Семейная хроника». Оставшихся денег хватило на то, чтобы обеспечить довольно независимое существование Блоков до 1917 г.

[9] О намерении приехать к матери в Ревель на Рождество Блок писал ей из Варшавы в письме от 9 декабря 1909 г.— «Письма к родным», I, с. 292.

[10] А. А. Кублицкой-Пиоттух в качестве жены полкового командира приходилось устраивать в Ревеле официальные приемы, что очень тяготило ее и усугубляло без того тяжелое состояние ее психики зимой 1909—1910 г. См.: М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л.— М., 1925, с. 149—151.

[11] Блоки уехали в Ревель 29 декабря, вернулись в Петербург 9 января.

[12] См. письмо Л. Д. Блок А. А. Кублицкой-Пиоттух от 24 ноября 1908 г. См. также письмо Л. Д. Блок мужу в Варшаву от 14 декабря 1909 г., в котором она рассказывает о своем выступлении на заседании Религиозно-философского общества (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 162, л. 27—31).

С. К. МАКОВСКИЙ — В. Я. БРЮСОВУ

Петербург, 17 декабря 1909 г.

Присылайте Ваши стихи! Так важно было бы ими начать новый год (в «альманахе» будут: повесть гр. Ал. Н. Толстого, переводы из Ренье и стихи Блока), и это нисколько не может помешать напечатать Вашу статью в отделе критики того же номера [1].

ГБЛ, ф. 386, к. 93, ед. хр. 27, л. 4 об.

Еще 1 ноября 1908 г. Блок присутствовал и выступал «у С. Маковского на учредительном собрании нового большого журнала» (VIII, 257). На этом собрании обсуждалось и название будущего издания — «Аполлон» или «Акрополь» (см. вступительную заметку к публикации: И. Ф. Анненский. Письма к С. К. Маковскому.— «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год». М., 1978, с. 223). Но в 1909 г. к обсуж-

дению редакционных дел «Аполлона» Блок привлечен не был и в первых трех номерах журнала не печатался. По воспоминаниям С. Маковского, вопрос этот обсуждался редакционным активом: «Если и возникали между нами несогласия, например, о привлечении Блока в число «ближайших» сотрудников (по предложению Вячеслава Иванова), то Гумилев соглашался и с этим по-товарищески простодушно» (Сергей Маковский. Николай Гумилев по личным воспоминаниям.— ЦГАЛИ, авторская рукопись). В свою очередь, первый номер журнала Блоку не понравился (письмо матери от 2 октября 1909 г.— «Письма к родным», т. I, с. 279); после знакомства со вторым номером он еще колебался в оценке перспектив этого начинания: «Конечно, «Аполлон» пока мерзость, хотя я не во всем с тобой согласен. Анненский на этот раз действит⟨ельно⟩ до противности вульгарен. Будем надеяться, что все к лучшему» («Письма к родным», т. I, с. 289). После получения третьего номера и, видимо, под впечатлением редакторских придирок Маковского он писал матери 26 декабря 1909 г.: «Какая дрянь — «Аполлон»! Очень жалею, что заставил тебя подписаться» («Письма к родным», т. I, с. 299). Однако после чтения «Итальянских стихов» в редакции «Аполлона» было принято решение печатать их в журнале (VIII, 295). Стихи эти, видимо, воспринимались как «аполлинические», «кларистичные», в них видели влияние Брюсова (см. письмо Гумилева к Брюсову от 2 сентября 1910 г.— наст. кн., с. 372). Поэтому появление их в январском номере 1910 г. было особенно значимо для редакции (см. письмо Кузмина Блоку от 10 декабря 1909 г.— наст. том, кн. 2),— вместе с напечатанными в этом номере статьями Кузмина «О прекрасной ясности» и Волошина «Анри де Ренье» они должны были знаменовать обращение к «новому реализму». Таким образом, «Итальянские стихи» Блока использовались в антисимволистской борьбе. С другой стороны, когда январский номер вызвал неудовольствие Вяч. Иванова, Маковский воспользовался именем Блока для доказательства своего умения ценить «многоликость» искусства и «многообразие очарований»: «Ауслендер, Ос. Дымов, Ал. Толстой, Блок, Кузмин и т. д.— какие разные подходы к творчеству. Разве можно мерить их одной меркой, одним каким-то «символом веры», как бы звучно ни называть этот символ. Имя «Аполлона» покрывает все подлинно-художественное именно потому, что не может быть определено с точностью математической формулы» (письмо С. Маковского Вяч. Иванову от 2 февраля 1910 г.— ГБЛ, ф. 109). Редакторские замечания Маковского к стихам Блока вызвали решительный протест Блока (см. его письма к Маковскому 23 и 29 декабря 1909 г.— VIII, 300—302). Впоследствии Маковский снова повторил свои упреки стихам Блока в книге «На Парнасе серебряного века» (1962). См. подробнее: О. Г. Ревзина. «Грамматические ошибки» Блока.— «Сборник статей по вторичным моделирующим системам». Тарту, 1973, с. 157—162.

[1] Статья Брюсова написана не была.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

⟨Петербург,⟩ 9 января ⟨1910 г.⟩

⟨...⟩ Разбирал Саша ящик [1], мне досталось много интересного: ковер — очень красивый, французский, серебро и «антикита» [2]: дамский альбом 1800 г. со стихами и рисуночками [3], две записные книжки, тончайшие, вышитые шелком, и в них старинные письма. Есть письма от В⟨еликого⟩ Князя Михаила, брата Ал⟨ександра⟩ I к «Mon cher Block», который, вероятно, заведывал его делами, по смыслу так [4]. Еще Ваше платье беж, я его буду сохранять, если Вы не хотите его [5]. Я уже вымылась в ванне, она топится теперь для Саши.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 28—28 об. Датируется по содержанию.

[1] Т. е. привезенные Блоком из Варшавы вещи, оставшиеся после смерти А. Л. Блока.

[2] Антикита (antichità — *итал.*) — древности, старина; слово, по-видимому, привезено Блоками из итальянского путешествия.

[3] В архиве Блока из вещей, доставшихся ему после смерти Александра Львовича, сохранился альбом 1800—1811 гг. с записями на немецком, французском, латинском и русском языках, с двумя рисунками, который принадлежал некогда семье А. И. Блока.

[4] По-видимому, письмо было адресовано прадеду поэта Александру Ивановичу Блоку (1785—1847) — тайному советнику, управляющему собственной его императорского величества канцелярией. В. Н. Княжнин пишет о нем как о человеке, близком Николаю I и попавшем в царское завещание (1845). См.: В. Н. Княжнин. Александр Александрович Блок. Пб., 1922, с. 8. Ср. также в биографическом очерке М. А. Бекетовой: «Александр Иванович, занимавший различные придворные должности в царствование Николая I, был особенно взыскан милостями этого монарха, который наградил его несколькими именьями в разных уездах Петербургской губернии».— М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 11.

[5] Большая часть вещей А. А. Кублицкой-Пиоттух, привезенных ею в Варшаву в качестве приданого, так и осталась у А. Л. Блока. В одном из его писем к ней 1887 г.

он сообщал, что удовлетворит ее требование насчет возвращения имущества только после подробных сведений о ребенке и ее «собственных видах на будущее», ставя условием право «свободно навещать» сына в Петербурге, «а иногда и брать с собою на короткое время, если он сам ничего не будет иметь против» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 23, л. 7—8). В письме от 9 декабря 1909 г. Блок писал матери из Варшавы: «Я ⟨...⟩ привезу тебе груду твоих писем, карточек, часть платья и несколько вещей».— «Письма к родным», I, с. 292—293.

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

23 января ⟨1910 г.⟩

Милая, Саша пошел сейчас на концерт в доме кн. Сидамон⟨ова⟩-Эристова [1] читать свои стихи, вероятно, «Благовещенье» [2]. Он в умопомрачительном новом сюртуке; страшно просто и удивительно чистые и красивые линии. Мы что-то безумствуем последние дни оба, в смысле траты денег — покупаем книги, и я старинные вещи; книги очень хорошие — сегодня я купила два больших альбома Гаварни [3] — прелесть, вот Вы увидите. Вы знаете, что Гаварни *парижский* художник 20—40-х годов, рисовальщик. Еще нашла модный журнал 1837-го года! Весь, с текстом. Саша вчера купил прелестных маленьких книжек. Думаем, как бы Вам устроиться с лечением получше и, по возможности, приятно. Как-то неясно это еще. Когда Вам не очень трудно, пишите Саше часто, он беспокоится, когда нет писем дня три. Концерт, который я должна Зверевой [4], кажется, состоится,— просила Ведринскую [5], через Мейерхольда, повторить свой вечер с Кузминским балетом, песнями трубадуров и ее античными танцами. Вот и все письмо на сегодня. Я хотела Вам, главным образом, написать о прекрасном Сашином сюртуке, и он захотел, чтобы я сейчас написала, и о нашем неумеренном стремлении к книгам. Но это скоро кончится, надо думать, уже где-то виднеется пресыщение ими.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 24, л. 30—33 об. Датируется по содержанию.

[1] Георгий Дмитриевич *Сидамонов-Эристов*, князь — присяжный поверенный, любитель литературы и театра. В его доме (Захарьевская, 41) устраивались литературные вечера и благотворительные концерты. В. П. Веригина вспоминает: «Был случай, когда друг Сомова князь Эристов пригласил нас участвовать в одном благотворительном вечере. (Это было еще в первом сезоне.) Мы охотно согласились и приехали все вместе: Блок, Городецкий, Ауслендер, Волохова, Иванова, Мунт и я. Это был барский дом, не помню, на какой улице. Выступали мы в зале без эстрады. ⟨...⟩ Мы прочли и стали собираться уезжать. Нас усиленно приглашали остаться ужинать, и лица устроителей выразили разочарование, когда мы наотрез отказались от такой чести. Мы поняли, что великосветское общество устроило вечер с «декадентами»: с нами хотели познакомиться из любопытства ⟨...⟩» — В. П. Веригина. Воспоминания. Л., 1974, с. 138—139. О вечере у кн. Эристова 23 января 1910 г. Блок сообщал матери в письме от 22 января: «Завтра читаю у Эристова».— «Письма к родным», II, с. 61, ср. также письмо от 16 января — с. 55.

[2] Стихотворение Блока «Благовещенье» (май—июнь 1909 г.).

[3] Поль *Гаварни* (1804—1866) — французский рисовальщик и литограф.

[4] З. В. Зверева. См. об этом концерте прим. 3 к письму Л. Д. Блок — А. А. Кублицкой-Пиоттух от ⟨7?⟩ декабря 1909 г.

[5] Мария Андреевна *Ведринская* (1877 — ?) — артистка Театра В. Ф. Коммиссаржевской и Александринского театра.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

27.I ⟨МСМ⟩ X Литейный 24 СПб.

⟨...⟩ Читала вашего Сер⟨ебряного⟩ Голубя. Много очень там хорошего, глубокого. В восторге от него Блок [1]. Вообще и он, и Люб⟨овь⟩ Дм⟨итриевна⟩ особенно хорошо стали последнее время отзываться о вас и ваших писаниях.

Сейчас Блока мы реже видим. Он как-то более отошел от вопросов, занимавших его в прошлом году [2], сильно опять ушел в себя, вернулся в свое «неизреченное», где у вас с ним есть большие связи. То же могу сказать и про Любу. Она мне напоминает прежнюю, прежнюю Любу, до всего, опять спя-

щую в том же «зачарованном» сне. Точно годы пролетели, не разбудив ее [3]. Скажу вам открыто: не знаю, чего желать для вас; встретиться ли вам с Блоками, или нет. С одной стороны — как будто и хорошо, столько вас связывает общего; с другой — думается иногда: вдруг все, начатое с того же начала — опять так же и кончится? Словом — не знаю; не знает, вероятно, и Блок. А вы, хороший мой Боричка.

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 80 и об. Автограф.

[1] Например, в прочитанном 8 апреля 1910 г. докладе «О современном состоянии русского символизма» Блок назвал роман Белого «Серебряный голубь» «гениальной повестью» (V, 434).

[2] Имеются в виду раздумья Блока, отразившиеся в его статьях «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура» и др.

[3] Ср. в письме З. Гиппиус к Блоку от февраля того же года:

«Выходит как-то нелепо: хотим видеть вас — а вы не приходите, при этом совершенно напрасно, т. к. Андрей Б〈елый〉 к нам тоже не приходит. Правда, и он мне сказал, что *не* желал бы встречаться с вами, но не бывает он у нас не исключительно по этой причине, а, вероятно, и по полному безволию. За все две недели слишком пришел всего два раза, один и с *Метнером*. Он живет у Вяч. Иванова и проводит *все* ночи в разговорах до 11 утра, так что в конце они уже говорить не могут, а только тыкают друг друга *перстами* и чертят по бумажке. Впечатление Боря произвел на нас потрясающее: совсем больной душевно человек. Лицо острое, забывает, что сказал, повторяется, видит везде преследования, и всякий с ним делает, что хочет. Впрочем, мы вам расскажем в субботу, приходите в субботу пораньше. Жалко ужасно, но мы уже бессильны помочь. Ему надо бы всю жизнь посвятить, ни секунды не оставлять, да и то неизвестно, помогло ли бы. Бывает он там, куда его ведет Вячеслав: в Христ〈ианской〉 секции, в «Аполлоне». Я не знаю, когда он уедет и будет ли у нас до отъезда» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26, л. 63 и об.).

Ю. Е. ПИСАРЕВА — Л. М. ВАСИЛЕВСКОМУ

Варшава, 3 февраля 1910 г.

〈...〉 Александр Александрович Блок дал мне Ваш адрес, чтобы я обратилась лично к Вам относительно моего дела, которое заключается в следующем: А〈лександр〉 А〈лександрович〉 передал Вам некоторое время назад мое стихотворение в прозе «Миражи» [1]. Теперь он сообщил мне, что Вы приняли это стихотворение и напечатаете его в одном из дальнейших №№ Вашего журнала.

ЦГАЛИ, ф. 105, оп. 16, ед. хр. 51.

Юлия Евгеньевна *Писарева* — писательница, в конце 1900-х годов была близка к «кружку одиноких» (см. в ее книге «Отражения». Варшава, 1915). Деятельностью этого кружка интересовался и Блок.

Лев Маркович *Василевский* (1876—1936) — поэт, критик, в 1910 г. редактировал журнал «Солнце России».

В заметке «Смерть поэта Блока» Л. М. Василевский писал: «Лично встречался я редко с Блоком, но мне памятна одна исключительная встреча. Это было в Петрограде, на аэродроме, за городом. Мы столкнулись там перед вечером, в день состязаний летчиков, но уже после того, как состязания окончились и суетная мещанская толпа зрителей, умевшая опошлить прекрасное достижение крылатых людей, разошлась с поля. Мы бродили с ним по полю часа два и даже говорили очень мало. Но тут я впервые почувствовал душу Блока, всю устремленную ввысь, «за грань земного». Всегда сдержанный на внешние проявления, даже скупой, он тем не менее весь горел тоской по этим далям» («Известия Уфимского губкома РКП(б) и губисполкома», 1921, № 83, 16 августа).

[1] О соответствующем письме Ю. Е. Писаревой к Блоку от 2 января 1910 г. см. в примечаниях к дарственной надписи Блока В. В. Есипову (см. «Дарственные надписи на книгах и фотографиях»). Письмо Блока Ю. Е. Писаревой неизвестно. В «Перечне несохранившихся и неразысканных писем А. А. Блока» в издании «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 1 (М., 1975) оно не учтено.

ИЗ ДНЕВНИКА Б. А. ЛАЗАРЕВСКОГО

〈Петербург,〉 21 марта 〈1910 г.〉

〈...〉 День был не по питерски солнечный. Я пошел пройтись и встретил Александра Блока. Мы пошли вместе и разговаривая прошагали на самый Крестовский остров, где я был в первый раз в жизни. Блок неглупый и воспитанный человек и не будь он такой поклонник «не реализма» из него бы и вправду мог выработаться маленький Пушкин. Так не загремит по тем же причинам и художник Митрохин [1], делающий обложку для моих «Девушек» [2], а мог бы!

ЦГАЛИ, ф. 278, оп. 1, ед. хр. 7, л. 53 об.— 54.

Борис Александрович *Лазаревский* (1871—1936) — плодовитый беллетрист. Критика постоянно отмечала влияние Чехова на его прозу (см. например: «Русская литература конца XIX — начала XX в. 1901—1907. М., 1971, с. 396). О Лазаревском как подражателе Чехова Блок писал в ноябре 1908 г. в статье «Вопросы, вопросы и вопросы» (V, 342). Незадолго до работы над этой статьей Блок отметил в записной книжке: «Сложнейшие думы 〈...〉 Маленькие современные писатели — Лазаревский, Куприн, Бунин, Кондурушкин» (ЗК, 115).

[1] Дмитрий Исидорович *Митрохин* (1883—1973) — художник, график.

[2] Борис Лазаревский. Девушки. СПб., 1910. Впоследствии Митрохин сделал обложки для четырех книжек Лазаревского (1915).

Я. В. ГОДИН — М. А. КУЗМИНУ

〈1910 г., март или апрель〉

Я к вам, Михаил Александрович, явился по поручению редакции литерат〈урно〉-худож〈ественного〉 юмористич〈еского〉 и спортивного журн〈ала〉 «Скэтинг-Ринк», просить Ваших стихов и прозы для первых №№.

Мне уже дали свое согласие и, частию, вещи: А. А. Блок, А. М. Ремизов, Г. К. Лукомский, Тэффи, М. В. Добужинский и мн〈огие〉 другие.

ГПБ, ф. 124, ед. хр. 1199, л. 1. Автограф. Датируется по содержанию.

Яков Владимирович *Годин* (1887—1954) — петербургский литератор, знакомый Блоку; известно одно его письмо к поэту от конца 1907 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 219, л. 1).

Годин, как видно из публикуемого отрывка, подбирал среди писателей и художников сотрудников для журнала «Скэтинг-Ринк» (СПб., 1910, в апреле вышло 2 номера; в письме Година точно воспроизведен подзаголовок, определяющий профиль журнала). Издание было основано инженером-изобретателем, предпринимателем и спортсменом В. В. Татариновым. Среди будущих участников журнала в рекламных объявлениях назывались, помимо тех, кого перечисляет в письме к Кузмину Годин, Л. Василевский, И. Василевский (Не-Буква), В. Гофман, С. Маршак, А. Рославлев, Д. Цензор и др.; в вышедших номерах появились произведения М. Кузмина (№ 2), А. Ремизова (№ 1 и 2), А. Куприна (№ 2), Тэффи, многочисленные рисунки Г. Лукомского (Добужинский в журнале не печатался). Имелись ли в распоряжении журнала произведения Блока — установить не удалось.

Сам факт согласия Блока участвовать в подобном литературном начинании необходимо поставить в связь с его острым интересом к французской борьбе и первым шагам авиации, о чем он писал в своей заметке к «Возмездию» (III, 296—297); посещение спортивных пробных полетов и цирка привело, вероятно, поэта к известному сближению с кругом спортсменов.

А. П. БОТКИНА — И. С. ОСТРОУХОВУ

〈Петербург,〉 6 апреля 1910 г.

〈...〉 Вообще похороны были очень симпатичны. Но какая ирония! Оставался в Академии заведовать всем Беклемишев [1]. Но зато среди толпы я не видела ни одного противного лица из шипящих гадюк академических. Царили ученики Академии, студенты, ученики школы Званцевой (Бакста) и члены Союза Р〈усских〉 Х〈удожников〉. Их была масса, несли гроб попе-

ременно. Среди Вознесенского несли Бенуа, братья Лансере, Добужинский [2]. Вообще было очень хорошо. И на кладбище, на краю, среди поля гора венков. Блок говорил, а прямо <?> над головами жаворонки заливаются. Сам он стал такой маленький, сухонький [3], и верно легонький, несли будто девичий гробик.

Государственная Третьяковская галерея, архив, ф. 10, № 1769. Автограф.

Александра Павловна *Боткина* (1867—1959) — дочь П. М. Третьякова, автор книги воспоминаний «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве» (М., 1951).

Илья Семенович *Остроухов* (1858—1929) — художник.

Боткина описывает похороны М. А. Врубеля 3 апреля 1910 г. на Новодевичьем кладбище в Петербурге, где Блок сказал, по просьбе родных художника, единственную речь над его могилой. Сам поэт говорил об этих похоронах матери в письме от 4 апреля 1910 г. («Письма к родным», II, с. 68—69).

[1] Владимир Александрович *Беклемишев* (1861—1920) — скульптор, ректор Академии художеств.— Ср. в упомянутом письме Блока: «Даже Беклемишев вел себя очень истово и заботливо».

[2] Ср. у Блока: «Писателей почти не было, <...> гроб всю дорогу несли ученики А<кадемии> Х<удожеств>» (там же).

[3] Сходное впечатление осталось у Блока: «Я видел его в гробу — в первый раз. У него — маленькое лицо, все сжатое страданием,— плотно сжаты глаза и рот под белокурыми усами» (там же).

А. Р. МИНЦЛОВА — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Петербург. 13.IV.<19>10. Ночь.

<...> А теперь еще одно к Вам сообщение — Вы знаете ли, что В<ячеслав Иванов>, по возвращении из Москвы, сделал *сообщение*, в «Академии», о своем реферате в «Эстетике» Москвы <— — —> повторил там свою лекцию <— — —> и это вызвало большой поворот и волнение, в Петербурге [1] <— — —> на сторону В<ячеслава> встал, прежде всего, *А. Блок*. В<ячеслав> мне сегодня прочел его <А. Блока>, дивную речь (записанную уже и закрепленную), в ответ на сообщение В<ячеслава>. И в этой речи Блок *всецело* присоединяется к *В*<ячеславу> [2] <...> упоминает *об А. Белом*, в выражениях, дающих ясное указание его *несомненного* отношения к Вам, внутреннего [3] (помните, что я Вам говорила, когда Вы меня провожали из Бобровки [4], ночью?) <...> И, на желание В<ячеслава>, — чтобы были напечатаны — его речь (т. е. Вяч<еслава>) — речь Блока и речь А. *Белого* (в Эстетике), вместе [5], Блок заявил, что он «ничего против этого не имеет».

ГБЛ, ф. 25, к. 19, ед. хр. 17, л. 10 и об. Автограф.

Анна Рудольфовна *Минцлова* (ум. 1910?) — теософка, близкий друг Вяч. Иванова и Андрея Белого. Ср. ниже ее письмо Вяч. Иванову от 6 июля 1910 г.

[1] 17 марта 1910 г. в московском «Обществе свободной эстетики» Вяч. Иванов сделал доклад, повторив его 26 марта в петербургском «Обществе ревнителей художественного слова» (так называемой «Академии поэтов», «Поэтической академии»); в переработанном виде под заглавием «Заветы символизма» доклад был напечатан в журнале «Аполлон» (1910, № 8; позже — в кн.: Вяч. И в а н о в. Борозды и межи. М., 1916). Печатный текст выступления Иванова сильно отличается от первоначального, на что указывал еще В. А. Пяст в своей статье «Нечто о Каноне» («Труды и дни», 1912, № 1, с. 29—31). Контуры доклада Иванова 26 марта хорошо восстанавливаются по подробному его конспекту, сделанному Блоком (ЗК, 167—169).

Выступление Иванова в Москве знаменовало собою новую перегруппировку сил и начало новой полемики внутри русского символизма и модернизма в целом (ср. прим. к письму С. К. Маковского В. Я. Брюсову от 30 июля 1910 г.). 23 марта 1910 г. В. Я. Брюсов писал в связи с этим П. П. Перцову: «В нашем кругу, у ех-декадентов, великий раскол: борьба «кларистов» с «мистиками». Кларисты — это «Аполлон», Кузмин, Маковский и др. «Мистики» — это московский «Мусагет», Белый, Вяч. Иванов, Соловьев и др. В сущности возобновлен дряхлый-предряхлый спор о свободном искусстве и тенденции. Кларисты защищают ясность мысли, слога, образов, но это только форма, а в сущности они защищают «поэзию, коей цель — поэзия», как сказал старик Иван Сергеевич <Тургенев>. Мистики проповедуют «обновленный символизм», «мифотворчество» и т. п., а в сущности

хотят, чтобы поэзия служила их христианству, была бы ancilla theologiae. Недавно у нас в «Свободной эстетике» была великая баталия по этому поводу. Результат, кажется, тот, что «Мусагет» решительно отложился от «Скорпиона» в идейном отношении. Я, как Вы догадываетесь, всей душой с „кларистами“» («Печать и революция», 1926, № 6). Позже Брюсов занес в свой дневник: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал в „Эстетике“ доклад о символизме. Его основная мысль — искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За Вяч. Иванова стояли Белый и Эллис. Расстались с Вяч. Ивановым холодно» (Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 142).

Обсуждению доклада Иванова петербургская «академия» посвятила два заседания — 1 и 8 апреля; на втором из них речь «О современном состоянии русского символизма» (V, 425—436) прочел Блок. Оба мэтра были встречены крайне враждебно акмеистской молодежью, устремления которой они едва прикрыто подвергали суровому осуждению в своих выступлениях.

[2] Минцлова, верно описав отношение Блока к докладу Иванова (ср. ниже, прим. 5), ничего не говорит о нерешительности, с какою Блок выявил свое «присоединение». Для поэта выступление Иванова пришлось к поре резкого отталкивания от всех форм литературной деятельности, кроме собственно поэтической, «чурания всякой словесности», в чем проявлялось и закреплялось его с годами растущее, сознательно выстраиваемое внутреннее и литературное одиночество — см. его письмо к Л. Я. Гуревич от 9—14 апреля 1910 г. (VIII, 309; ср. там же, в письме к В. Н. Кривичу от 13 апреля). Потому Блок уклоняется от своего чтения, первоначально намеченного на 2 апреля, позже перенесенного на первое, и только под прямым давлением Иванова выступает 8 апреля. Он склонен бросить начатый ответ Иванову (см. его письмо к матери от 5 апреля — «Письма к родным», II, с. 69). А когда уже был готов текст выступления, Блок остался им не доволен: «Сегодня я буду говорить в Академии — довольно пространно,— писал он,— не особенно живо, и надеюсь потом замолчать надолго, т. е. не писать статей и не теоретизировать» (VIII, 306).

[3] См. V, 434.

[4] Имение Г. А. Рачинского, эпизод, возможно, относится к лету 1909 г.

[5] Иванов принял восторженно речь Блока (см.: «Судьба Блока. По документам, воспоминаниям, письмам, дневникам, статьям и другим материалам». Сост. О. Немировская и Ц. Вольпе. Л., 1930, с. 140). Блок же и после чтения был выступлением неудовлетворен; 12 апреля он писал Е. А. Зноско-Боровскому в связи с предложением опубликовать в «Аполлоне» одновременно доклады его и Иванова: «Мое сообщение никак не следует печатать. Ведь это — «дела домашние». Публике решительно не должно быть дела до того, как мы живем, ей нужны результаты; и напечатанное потеряет последнее, что было; для меня это сухой Бедекер, а для публики — тарабарская грамота. Другое совсем дело — доклад Вяч. Иванова, на который я ведь только отвечал; там — математическая формула, здесь — ученический рисунок. 〈...〉 Право, не надо печатать» (VIII, 308, ср. там же, с. 307, письмо к матери от 12 же апреля). Только с течением времени поэт осознал всю значительность своего выступления — см. VIII, 315; ЗК, 309. Предположение присоединить к публикации докладов Иванова и Блока также статью Белого (вероятно, его выступление на ивановском чтении в Москве — см. прим. 1 — было импровизацией) не осуществилось; Белый заявил о своей позиции позже, статьей «Венок или венец» («Аполлон», 1910, № 11), написанной в ответ на статью Брюсова (см. ниже письмо С. К. Маковского от 30 июля 1910 г.).

А. А. ЛУКЬЯНОВ — И. А. ПОРОШИНУ

Петербург, 15 апреля 1910 г.

〈...〉 Помните шум о молодой литературе. Но где она? Что она создала? Где произведения Блоков, Городецких и пр〈очих〉? Кто помнит, а тем более будет помнить о них?

ЦГАЛИ, ф. 393, оп. 1, ед. хр. 100.

Александр Александрович *Лукьянов* (1871—1942) — поэт, драматург. Его пьесу «Родной очаг» Блок рецензировал в 1917 г. (V, 659).

Иван Александрович *Порошин* (1864—1919) — писатель, собиратель белозерского фольклора (псевд. «Н. Белозерский»).

Г. Э. ТАСТЕВЕН — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈1910, первая половина〉

〈...〉 С выходом № 11—12 «Золотое Руно» прекращается, но я теперь очень ясно сознаю, что именно в настоящий момент следовало бы продолжать отстаивать и развивать то, что слишком эскизно и неясно было набросано в «Золотом Руне». Спокойным обсуждением и развитием идей реалисти-

ческого символизма можно было бы несколько расчистить атмосферу от этого внезапного возрождения всякого рода формализма, эстетизма, которое опять грозит искусственно затормозить развитие русского искусства. Как я Вам уже говорил, я подыскал издателя для литературно-критического альманаха, но пока издатель несколько колеблется и предоставляет лишь очень небольшую сумму (от 600 — до 800 р.) и для первого сборника придется ограничиться этой суммой, но в будущем году я надеюсь, в случае успеха этого альманаха, перейти к периодическим сборникам и привлечь несколько новых издателей [1].

В идейном отношении сборник можно было бы сделать возможно животрепещущим и современным, выдвинув, кроме темы «реалистического символизма» в литературной критике, тему о новой интеллигенции в противовес «Вехам» [2].

Что касается названия «Альманаха», то, может быть, можно было бы его назвать вторым выпуском «Белых Ночей», как предлагал Сергей Митрофанович в Москве [3]. <.. .> Жду с нетерпением Вашего ответа, а также указаний на кого из петербуржцев можно рассчитывать. Можно ли, например, ожидать чего-нибудь от Блока и В. Иванова?

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 70, л. 14—15. Автограф. Датируется по содержанию.

В продолжение 1909 г. «Золотое руно» переживает затяжной кризис; в литературных кругах все время идут разговоры о прекращении журнала. Если летом 1908 г. Тастевен уверял Блока: «Золотое Руно, вопреки слухам, будет непременно выходить в будущем году, Николай Павлович <Рябушинский> определенно говорил про это» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 424, л. 1), то в недатированном письме к Г. И. Чулкову он писал в 1909 г.: «<...> я сейчас в Петербурге: решается окончательно вопрос о «Золотом руне»: думаю, что прекратится на № 6» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 26). За кризисом журнала стояло не только охлаждение к нему купца-мецената; оно само, вероятно, в значительной степени объяснялось тем, что от резкой полемики с «москвичами» устранились Блок и Вяч. Иванов, авторитетом которых держалась группа «Золотого руна». В «Весах» — органе, противостоявшем «петербуржцам», произошли также необратимые перемены: прежде всего, от активной полемики и от руководства журналом отказался В. Я. Брюсов; А. Белый перешел на позиции Вяч. Иванова и, вскоре вслед за тем, примирился с Блоком (см. наст. кн., с. 373—374).

Попытка второстепенных литераторов — Тастевена, Чулкова, Городецкого — продлить жизнь своей группы была обречена на провал. Хотя они и апеллировали к тем ценностям, которые в этот момент выдвинули на первый план в своих выступлениях лидеры («реалистический символизм» Вяч. Иванова; «тема о новой интеллигенции» связана со статьей Блока «Народ и интеллигенция»), Блок и Иванов, по всей вероятности, уклонились от участия в этом начинании). Однако, какие-то шаги по подготовке сборника, в конце концов так и не осуществившегося, были сделаны, 14 июля 1910 г. Тастевен писал Чулкову (имея в виду вышедший с большим опозданием последний номер журнала): «<...> как Вам кажется последний номер «Золотого руна»? Жду от Вас непременно статьи для сборника, а также рассказ» (ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 69, л. 28).

[1] Кто был издателем предполагавшегося сборника, установить не удалось.

[2] Речь идет о сборнике публицистических статей «Вехи», выдержавшем несколько изданий (1-е — 1909), в котором участвовали Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Гершензон, П. Струве, С. Франк и др. Для лидеров символизма вряд ли была приемлема полемика с «Вехами»; Вяч. Иванов вскоре сблизился с его авторами, а А. Белый писал в конце октября 1910 г. Блоку: «Как это ни странно, но «Мусагет», «Веховцы» и еще кое-кто — пока вехи какого-то издали намечаемого единства. Фанатик Эллис, я, весовская «собака» Садовской, Гершензон, Булгаков, Бердяев как-то ближе друг к другу, чем к Брюсову, Серг. Соловьеву. Мы все-таки в Москве — семья. И я предлагаю тебе читать лекции и в «Мусагете», и в «Религ<иозно>-Филос<офском> обществе», где тема, тобой уже высказанная в «Аполлоне», встретит сочувствие со стороны очень и очень многих. С тобой будет Гершензон, Рачинский, Эрн, Булгаков, Бердяев, я (мы все почти члены Совета)» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 241). Белый имеет в виду статью Блока «О современном состоянии русского символизма», о восприятии которой в кругу «Мусагета» и московского Религиозно-философского общества см. наст. кн., с. 368—369; о выступлении Блока в этом обществе см. там же.

[3] Сергей Митрофанович Городецкий; об альманахе «Белые ночи» см. наст. кн., с. 286.

Е. К. ГЕРЦЫК — ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

Судак, 5 июля ⟨1910 г.⟩

⟨...⟩ Вчера пришел «Аполлон», и я со страшным волнением читала потрясающую и прекрасную исповедь Блока. Как ни страшно то, что он говорит, но внутренно не только хочешь, но *знаешь*, что он спасен, что как Фауста его вознесут Силы [1]. У него впереди Новый Мир, потому что он верит в Нее. А рядом — эта изумительная книга Белого, где такие сверхъестественные и гениальные усилия выйти победителем, преодолеть, где даже клики торжества и где я, как ни хотела страстно, не увидела ни проблеска, ни исхода. Он изображает (помните? в «Эмблематике Смысла») весь ужас и бессмыслие отдельных ступеней (искусств, науки), по которым он восходит в своем познавании мира, и которые рассыпаются у него под ногами, изображает верно и точно, но это как будто рассечение *трупа* мира и духа, пот⟨ому⟩ что жизнь вынута из них. А жизнь всегда в воле к преображению. *Все* действительно так, как рисует Белый, но все, поскольку оно живо, хочет, чтоб стало иначе. И преодоление этого кошмара не в творчестве, как понимает его Белый, а в пресуществлении мира, в создании Нового Мира [2]. И хотеть Нового Мира не может, кто не верит в женщину. Почему это так, я не понимаю, но это неразрывно так.

И вот опять, любимый и высокий брат мой, Вы один для меня знающий истины и ведущий. У многих можно учиться и становиться мудрым от этого, но учиться отрицательно, и только у вас учусь я, говоря *да* вашему каждому слову. Такая вот и эта ваша статья о Символизме. В ней императив на десятки лет. И вот впечатление: Вам как будто открыто свыше, и когда приходит срок, вы раскрываете другим, но только минимальное из того, что знаете, только необходимое для утоления непосредственной нужды их, только указываете,— οὔτε λεγοντες οὔτε κρυπτοντες ἀλλὰ σημαινοντες — и опять замолкаете [3]. Эта статья точно не литература, а действие. Верьте мне, что я слышу и чту в Вас Просветленного, Мудрого, что *все* Ваши предписания, задачи или обвинения мне принимаю свято.

ГБЛ, ф. 109. Автограф. Год — по почт. шт. на конверте.

Евгения Казимировна *Герцык* (1875—1944) — литератор: переводчица, критик; сестра поэтессы А. К. Герцык, близкий друг Вяч. Иванова, М. Волошина, Л. Шестова, Н. Бердяева, С. Булгакова, о которых оставила «Воспоминания» (Париж, 1973).— С этим отзывом о Блоке и Иванове можно сопоставить итоговое суждение Е. Герцык о ее окружении и эпохе, относящееся к концу 30-х годов: «Лишь сейчас я нащупываю, в чем было отличие Иванова от всех людей нового искусства, которых я знала и которых не знала! Все они (включая и до конца искренних, как Блок или Анненский), все они, большие ли, мелкие ли, пронзены болью, с трещиной через все существо, с чертой трагизма и пресыщенности. А эти двое — Вяч. Иванов и Зиновьева-Аннибал — счастливы своей внутренней полнотой, как не бывают счастливы русские люди, как не бывали тогда, с придушенными декабрьскими днями позади» («Воспоминания», с. 38; в конце упомянуты события революции 1905 г.).

В письме Герцык делится своими впечатлениями от статей «Заветы символизма» Вяч. Иванова и «О современном состоянии русского символизма» Блока (см. прим. к письму А. Р. Минцловой от 13 апреля 1910 г.— наст. кн., с. 335).

[1] Имеется в виду финал второй части «Фауста» Гете.

[2] Речь идет о книге А. Белого «Символизм» (М., 1910) и в частности, о вошедшей в нее статье «Эмблематика смысла. Предпосылки теории символизма». Белый писал в предисловии: «⟨...⟩ первая часть является подготовительной: здесь в общих чертах намечается ход обоснования тех тезисов, которые, по моему убеждению, должны лечь в основу эстетики будущего; такая эстетика связана с теорией символизма как миропонимания; краткий очерк такого миропонимания предложен в статье моей «Эмблематика смысла»; здесь я не стараюсь строго обосновать символизм: обоснование — цель отдельной книги. ⟨...⟩ В «Эмблематике смысла» я даю негативное обоснование доктрины символизма: положительное ее раскрытие я откладываю: считаю нужным здесь только сказать, что символизм для меня есть некоторое религиозное исповедание, имеющее свои догматы» (ук. соч., с. I—III).

[3] В слегка измененном виде — часть высказывания древнегреческого философа Гераклита (конца VI — начала V в. до н. э.): «Государь, чей оракул находится в Дельфах, не говорит и не скрывает, но знаками указывает» («Материалисты Древней Греции». М., 1955, с. 50; Иванов, тем самым, уподоблен пифии или даже Аполлону).

А. Р. МИНЦЛОВА — ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

Судак, 6 июля 1910 г.

〈...〉 Вчера вечером Адя [1] читала вслух Вашу статью и статью Блока, и я была до того потрясена и взволнована, как будто никогда ничего не знала и не слышала от вас. 〈...〉 Мне *необходимо* было сказать Вам это впечатление и восторг мой, любимый,— и статья Блока — дивно хороша и пленительна. Вячеслав, это *Вы* зажгли в нем слова эти — ведь этот *гениальный* поэт и лирик *не умел* говорить в прозе... Вы отомкнули уста его — и не даром говорит он, в конце, о завете «послушания» [2]... Если будете писать ему, скажите, что я горячо приветствую его.

ГБЛ, ф. 109.

Речь идет о статьях «Заветы символизма» Иванова и «О современном состоянии русского символизма» (см. прим. к письму Минцловой от 13 апреля 1910 г.— наст. кн., с. 365).

[1] Поэтесса Аделаида Казимировна Герцык (1870—1925); Минцлова гостила в это время на даче Герцыков в Крыму.

[2] Ср. в указанной статье Блока: «Подвиг мужественности должен начаться с *послушания*. 〈...〉 Мой вывод таков: путь к подвигу, которого требует наше служение, есть — прежде всего — ученичество, самоуглубление, пристальность взгляда и духовная диета. Должно учиться вновь у мира и у того младенца, который живет еще в сожженной душе» (V, 435—436; курсив Блока).

Д. С. НАВАШИН — В. Я. БРЮСОВУ

9 июля 1910 г.

〈...〉 Читали ли Вы в последнем № Аполлона статью А. Блока? Мне она кажется очень непонятной, т. е. прямо говоря бредом. Но она говорит об агонии, и ее страшно читать, тем страшнее, что Блок пытается скрыть свое отчаяние. Не хочется делать выводов, да и какие впрочем возможны, кроме беспомощного: «что же из всего этого будет». Любопытно, что около года назад в стихотворении одного моего приятеля leitmotiv'ом была играющая теперь такую же роль у Блока фраза: «Я был пророком — стал поэтом» — очевидно, она выражает какое-то горе или раскаяние — но была мне и осталась непонятной [1].

ГБЛ, ф. 386, к. 95, ед. хр. 47, л. 44 и об.

Речь идет о статье Блока «О современном состоянии русского символизма» — см. прим. к письму А. Р. Минцловой от 13 апреля 1910 г., ср. письмо самого Навашина от 15 августа 1910 г.— наст. кн., с. 365 и 371.

[1] О ком говорит Навашин, установить не удалось. Ср. в указанной статье Блока: «Что же произошло с нами в период „антитезы"? Отчего померк золотой меч, хлынули и смешались с этим миром лилово-синие миры, произведя хаос, соделав из жизни искусство, выслав синий призрак из недр своих и опустошив им душу? Произошло вот что: были „пророками", пожелали стать „поэтами"» (V, 433).

С. К. МАКОВСКИЙ — В. Я. БРЮСОВУ

Екатеринославская губерния, 30 июля 1910 г.

〈...〉 Вашей статьи я еще не прочел... Но получив Ваше письмо (вчера), я немедленно телеграфировал секретарю редакции, прося его заменить, если еще возможно, одну из предназначавшихся к № 9 статей — Вашим «ответом» В. Иванову [1]. Верьте мне — не из простой любезности или из признания за Вами «права голоса» на страницах «Аполлона» в интересном и волнующем вопросе, поднятом В. Ивановым, но потому, что именно Ваше мнение о роли поэта и символизма мне кажется в данном случае особенно ценным. Совсем независимо даже от мнения В. Иванова и А. Блока... 〈...〉

Все симпатии молодой редакции на стороне тех взглядов на поэзию и литературу, которые Вы высказываете [2]. Так было и при чтении В. Ивановым

последнего реферата о судьбах символизма...[3] И все-таки, оставаясь беспристрастным до конца, я напечатал и реферат В. Иванова, и доклад А. Блока! Впрочем, не только из редакторского беспристрастия, а и по той простой причине, что в России всего два-три писателя, с мнением которых о поэзии приходится считаться, и если кто-нибудь из этих писателей, хотя бы наиболее близких редакции, не дает статей журналу [4], то журнал не имеет возможности отклонять статей других писателей, хотя бы они шли вразрез с мнением первого. Иначе — можно остаться совсем без статей и сотрудников.

ГБЛ, ф. 386, к. 93, ед. хр. 27, л. 8—9.

[1] Сотрудники «Аполлона», видимо, считали доклад Блока «О современном состоянии русского символизма» полемическим по отношению к пафосу и идеям выступлений Вяч. Иванова. Отчасти они исходили при этом из разговора с Блоком (см. письмо Гумилева к Брюсову от 2 сентября 1910 г.— наст. кн., с. 372), отчасти возможность такой интерпретации заложена в самом блоковском докладе (см.: Е. Л. Белькинд. Блок и Вячеслав Иванов.— «Блоковский сб.», 2, с. 369—371). Оппозиция по отношению к Вяч. Иванову как идеологическому руководителю вызревала в среде редакторов «Аполлона» с конца 1909 г. Поэтому, несмотря на отказы Блока (см. его письмо к Е. А. Зноско-Боровскому от 12 апреля 1910 г.— VIII, 308), редакция настояла на публикации его доклада в одном номере со статьей Вяч. Иванова «Заветы символизма» (1910, № 8). Но появление статьи Брюсова «О «речи рабской», в защиту поэзии», в которой статьи Блока и Иванова получили отрицательную и слегка ироническую оценку, еще более устраивало «молодую редакцию» «Аполлона». В конце июля Е. А. Зноско-Боровский сообщал С. Маковскому: «Брюсов прислал статью в ответ на Иванова и Блока. Я поставил ее в набор, корпусом, ибо он хочет ее видеть в августе. Она боевая, восславляющая «поэта» в противовес — теургу» (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 1770, л. 39). В следующем письме он настаивал: «Брюсова печатать необходимо; по мне — он очень хорош и мы должны радоваться этой статье и воспользоваться ею, чтобы разорвать с религией». С. Маковский, еще не читая статьи Брюсова, писал 16 августа Вяч. Иванову: «...теперь, я боюсь, как бы не началось «инцидента» после ответа Брюсова — Вам и Блоку, написанного в очень полемическом тоне! Надо ли продолжать полемику? Как Ваше мнение? Мне бы этого очень не хотелось. Я не мог отказать Брюсову: не напечатать его ответа немедленно — значило бы совсем разорвать с ним... Но продолжение спора заставило бы редакцию «Аполлона» примкнуть к той или иной точке зрения... а это несомненно вызвало бы принципиальный раскол, который я продолжаю считать очень нежелательным. Теперь, когда существование «Аполлона» обеспечено на несколько лет — в особенности. Больше, чем когда-либо, теперь, вступая во второй год издания, «Аполлон» должен быть журналом, объединяющим «модернистов» разных оттенков,— а не партийным органом с узкой, «кружковой» программой» (ГБЛ, ф. 109). Однако 1 сентября Вяч. Иванов написал «письмо в редакцию» по поводу помещения статьи Брюсова. Е. А. Зноско-Боровский советовал письма В. Иванова не печатать, а в случае, если Вяч. Иванов (как и Ф. Сологуб) уйдет из журнала, «делать свое дело» без них (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 1770, л. 4—4 об). 20 сентября 1910 г. С. Маковский писал Вяч. Иванову: «Я познакомился со статьей Брюсова только в верстке. Вам же написал совершенно предположительно, зная о «возражении» лишь из письма Зноско-Боровского и, повторяю, совсем не подозревая, что оно появится без Вашего просмотра и что будет иметь такой острополемический характер. Теперь обстоятельства изменились, и я вполне согласен с Вашим желанием продолжать интересный спор. Настолько согласен, что отвечать Брюсову в «Аполлоне» предоставил и Андрею Белому, когда он запросил об этом редакцию. Есть еще один повод, который — я уверен — и Вам покажется не менее серьезным, чем бутада Брюсова: только что появившийся фельетон Мережковского в «Русском слове». Конечно, нельзя не отозваться и на него. Я надеюсь, дорогой Вячеслав Иванович, что Вас удовлетворит мое чистосердечное объяснение и что в следующем № «Аполлона» — 11-м — читатели прочтут не Ваше «письмо в редакцию» (хотя и такое дружеское), а то, что Вы найдете нужным возразить на нападки на Вас и Блока — в интересах русской поэзии и журнала, который считает Вас по-прежнему самым нужным и дорогим сотрудником» (ГБЛ, ф. 109). Статья Вяч. Иванова с ответом его оппонентам написана не была. Блок решил полемику не продолжать — см. его письмо Брюсову 3 сентября 1910 г. (VIII, 313—314).

1 августа 1910 г. С. Маковский сообщал Зноско-Боровскому о том, что написал Брюсову письмо (цитируемое) «с предложением деятельно работать в «Аполлоне», где вся редакция тяготеет к его литературному «credo» (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 2645).

[2] «Молодой редакцией» «Аполлона» называли Кузмина, Зноско-Боровского, Гумилева и В. А. Чудовского. Кузмин писал Брюсову 27 августа 1910 г.: «Капризом судьбы я приобрел ложный вид чего-то значащего и слегка определяющего в «Аполлоне», и так было трудно, столько нареканий, «цуканий» со всех сторон (главнейшим же образом со стороны, разумеется, Вяч. Ивановича), что мне нужно было от Вас хоть одно сочувствующее слово. Когда Вы прислали нам свою статью, нельзя представить, какая бодрость и почти ликованье настали в «молодой» редакции» (ГБЛ, ф. 386, к. 91, ед. хр. 13, л. 17 об.— 18).

[3] В Обществе ревнителей художественного слова 26 марта 1910 г. Блок пометил в записной книжке во время прений по этому докладу: «И Гумилев делает замечание» (ЗК, 170).

[4] Маковский намекает на то, что Брюсов с конца 1909 г. обещал «Аполлону» статью. Брюсов в недатированном письме Маковскому писал: «Я вполне с Вами согласен, что направление придает журналу прежде всего тот, кто хочет в нем работать. Согласен также и с тем, что статьи Иванова и Блока должно было напечатать: кого же иначе печатать «Аполлону»! Но, может быть, согласитесь со мною и Вы, что «Аполлон» за все время его существования менее всего служит тому принципу, который заключается в его имени. Статьи Анненского, Чулкова, Иванова, Блока — проповедовали все, что хотите, но не то, что было возвещено программой журнала» (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 676, л. 3). На свое недовольство практикой журнала Брюсов намекал и в письме к Гумилеву от 29 августа 1910 г.: «К большому моему сожалению, у меня сейчас совсем нет времени, чтобы поговорить с Вами, хотя бы в письме о многом другом, о чем поговорить и хотелось бы и было бы надо — в том числе и о „Аполлоне“» (ЦГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 203, л. 2).

К. Д. БАЛЬМОНТ — В. Я. БРЮСОВУ

3 августа 1910 г.

〈...〉 Стихов пишу так мало, что даже Блок, столь неприлично и публично обижающийся на меня, что много пишу, был бы наверное доволен [1].

ГБЛ, ф. 386, 76.2, л. 20.

[1] Речь идет о статье Блока «Бальмонт», опубликованной в газете «Речь» 2 марта 1909 г. (V, 372—375). Передовая критика солидаризировалась с резкой критикой Блока в адрес Бальмонта. Так, К. Чуковский писал в обзоре русской литературы за 1909 г. о Бальмонте: «Теперь читать его стихи можно только из состраданья. Это, даже по словам тишайшего Александра Блока, «почти исключительно нелепый вздор, просто — галиматья, другого слова не подберешь...» («Речь», 1910, № 1, 1 января). Сам Блок писал матери 4 марта 1909 г.: «Сегодня получил твое письмо. Да, статья о Бальм〈онте〉 скверная. Точно также бранила меня Люба. Я написал утром и снес в «Речь», не перечитав, как следует» («Письма к родным», I, с. 248).

Д. С. НАВАШИН — В. Я. БРЮСОВУ

15 августа 1910 г.

〈...〉 очень благодарю Вас за корректуру Вашей статьи, которую только что прочел с величайшим вниманием. Думаю, что она подает повод ко многим возражениям, сам же позволю себе сказать только следующее: и за неясными утверждениями, и за мечущимися покаяниями гг. Блока и Иванова стоит одно, к сожалению, несомненное: это роковое смешение искусства и жизни.

ГБЛ, ф. 386, к. 95, ед. хр. 47, л. 46.

Как видно из этого письма, Брюсов в ответ на письмо Навашина от 9 июля 1910 г. послал ему корректуру своей статьи «О „речи рабской“, в защиту поэзии» (см. прим. к письму А. Р. Минцловой от 13 апреля 1910 г. и к письму С. К. Маковского от 30 июля 1910 г.).

Д. В. ФИЛОСОФОВ — А. М. РЕМИЗОВУ

17 августа 1910 г. ст. Валдайка

〈...〉 Имею известие от Блока [1]. Он строит себе новый дом. Петерб〈ургскую〉 квартиру переменил и вообще, кажется, разбогател [2].

ГПБ, ф. 634, ед. хр. 222, л. 17 об.— 18.

[1] Письма Блока к Философову за 1910 г. неизвестны.

[2] Речь идет о получении Блоком наследства отца, позволившего поэту перестроить Шахматово. Слухи об этом были явно преувеличены, ср. в письме Ал. Н. Чеботаревской к Вяч. Иванову от 30 августа 1910 г.: «А. А. Блок разбогател, строит себе дом в деревне, эту зиму будет жить в С〈анкт-〉 П〈етер〉б〈урге〉» (ГБЛ, ф. 109; по полному совпадению сообщений, письмо Чеботаревской может восходить к словам Философова). О работах в Шахматове см.: М. А. Бекетова. Ал. Блок и его мать. Воспоминания и записки. Л.—М., 1925, с. 151—152.

С. А. СОКОЛОВ — ФЕДОРУ СОЛОГУБУ

〈Москва,〉 28 авг〈уста〉 1910.

〈...〉 Хорошо, если б Ты удосужился черкнуть мне, как мыслишь об «Аполлоне», о дерзостях Гумилева [1] и о Блоко-Ивановском теургическом курсе [2].

ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 636.

[1] Имеется в виду рецензия Н. Гумилева на т. I и V собрания сочинений Ф. Сологуба — «Аполлон», 1910, № 9, с. 35.

[2] Ответное письмо Сологуба неизвестно. Под «теургическим курсом» понимаются статьи в 8-м номере «Аполлона» за 1910 г.— «Заветы символизма» Вяч. Иванова и «О современном состоянии русского символизма» Блока — ср. наст. кн., с. 365—366, 368—370.

Н. С. ГУМИЛЕВ — В. Я. БРЮСОВУ

Петербург, 2 сентября 1910 г.

Ваша последняя статья в Весах [1] очень покорила меня, как впрочем и всю редакцию [2]. С теоретической частью ее я согласен вполне, также и полемической, когда дело идет о Вячеславе Ивановиче, но я несколько иначе понимаю статью Блока [3]. Может быть, под влиянием разговора с ним я вынес то впечатление, что он стремится к строгому искусству, которое ему нравится называть религией, от произвольных догадок, выкриков и подмигиванья («Земля в Снегу»), что он конечно совсем неосновательно называет поэзией. Пример его стихи в «Аполлоне» [4], где он явно учится у Вас.

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 20, л. 16.

[1] Описка: речь идет о статье В. Я. Брюсова «О „речи рабской“, в защиту поэзии», напечатанной в «Аполлоне» (1910, № 9).

[2] Редакцию журнала «Аполлон».

[3] Статья Блока «О современном состоянии русского символизма» («Аполлон», № 8) была напечатана рядом с речью Вяч. Иванова «Заветы символизма». В ответной статье Брюсова не делается разницы между «теургическими» программами Блока и Вяч. Иванова. Сам Блок впоследствии узнал в акмеистских лозунгах Гумилева некоторые настроения своей статьи 1910 г.— в 1921 г. он писал в статье «Без божества, без вдохновенья»: «Тут-то и появились Гумилев и Городецкий, которые «на смену» (?!) символизму принесли с собой новое направление: «акмеизм» («от слова «acme» — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора») или «адамизм» (мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь»). Почему такой взгляд называется «адамизмом», я не совсем понимаю, но, во всяком случае, его можно приветствовать; только, к сожалению, эта единственная, по-моему, дельная мысль в статье Гумилева была заимствована им у меня; более чем за два года до статей Гумилева и Городецкого мы с Вяч. Ивановым гадали о ближайшем будущем нашей литературы на страницах того же «Аполлона»; тогда я эту мысль и высказал» (VI, 178).

[4] «Итальянские стихи» («Аполлон», 1910, № 4). Этот цикл и впоследствии положительно выделялся руководителями Цеха поэтов за его «строгую четкость, которая дается только на высотах мастерства» (С. Городецкий. «Ночные часы» — «Речь», 1911, № 320, 21 ноября).

М. М. ЗАМЯТНИНА — Вяч. И. ИВАНОВУ

Петербург, 23 сентября 1910 г.

〈...〉 Юраша сегодня по телефону мне говорил, что получил письмо от Блока, кот〈орый〉 приедет в Петерб〈ург〉, все-таки, но уже со снегом лишь.

ГБЛ, ф. 109. Автограф.

Эта запись телефонного разговора с Ю. Н. Верховским свидетельствует о неизвестном блоковедческой литературе письме поэта (ср.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 1. М., 1975, с. 138 и 476; Вып. 2, М., 1979, с. 509). Осенью 1910 г. Блок надолго — до 5 ноября — задержался в Шахматове, он собирался даже зимовать, однако уже 22 октября ему стало ясно, что «прожить здесь зиму нельзя — мертвая тоска» (VIII, 319).

Е. П. ИВАНОВ — В. Н. ДЮКОВОЙ

1 октября 1910 г.

〈...〉 У Блока отлично время провел. Он такой хороший и милый: сам раненим рано к 6 часам за 20 верст выехал встречать меня, по отчаянной дороге [1]. Холодно было здорово: 2° тепла с ветром. Укутал меня и мы покатили. Хорошо ехать в тарантасе без кучера: можно выскакивать, вскакивать на ходу: вообще что хочешь, то и делай, очень весело. А леса-то кругом — золото, жаром горят, с холма на холм золотым руном полегли, а среди них церковки белые, старинные: Русь — поле с его песней. Дорога под горку. Тарантас скачет по ухабистой колее. Ух, как хорошо. Деревушки-то, деревушки дрань — черная; в одной из таких на холме, говорят, Кутузов, отступая от Москвы, сидел. По этим долам-холмам «француз» ходил, и «татарин» в дальнее время, и боярин с дружиной своей тянулся с холма на холм переваливаясь на «государеву службу». На таких-то холмах и вырос[ла] Москва в 61 версте от Подсолнечной.

Это — почва, а потом увидел и город. Страшно важно увидеть сперва почву, а потом уж понимаешь, как и город вырос на ней. Гриб.

Блок живет в своем имении: старинный помещичий дом, нынче им великолепно отремонтированный. Имение перешло с материной стороны. Живет с женой, матерью и теткой своей. Все в нем души не чают. Я и сам его очень люблю. Он человек совсем необыкновенный. Странно: по убеждениям как бы совсем разные люди, а по нутру — родня.

У меня была отдельная уютная комната. Из окна открывался вид изумительный, на холмистую даль с золотыми лесами. И местами они точно огонь. Клены! Читал по ночам новый роман Андр. Белого «Серебряный голубь». Замечательная вещь!

Прогостил до 17-го сент〈ября〉 включительно. 17-го жена Блока именинница: Любовью зовут. Поздравляли — чокались; люди все там уж очень хорошие и необыкновенные в своем роде; потом бокал подняли — все мне счастливого пути в Москву на другой день желали.

Гос. музей истории Ленинграда, собрание Н. П. Ильина. Автограф.

Вера Николаевна *Дюкова* — племянница Иванова; Блок упоминает о встречах с нею в дневниках (VII, 74, 193), в письме к матери от 16 декабря 1910 г. («Письма к родным», II, с. 106).

Иванов должен был приехать в Шахматово 12 сентября — см. прим. 1.

[1] 6 сентября Блок писал Иванову: «〈...〉 Сделай мне удовольствие и позволь заплатить ямщику, который тебя повезет. Пешком не ходи ни в каком случае. (Здесь таких не принимают). Если же ты действительно приедешь 12-го, то еще не поздно написать, чтобы мы выслали» (Ал. Блок. Письма к Е. П. Иванову. Л., 1936, с. 84; Блок имеет в виду пеший приход Иванова в Шахматово в июле 1906 г.— ср. наст. кн., с. 250).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

〈Москва,〉 1〈—2〉 октября 〈1〉910 года

〈...〉 Вот один факт, где досадуешь, что Вас нет [1]; есть ряд других фактов (например, Маргарита Кирилловна [2], «Скорпион», «Аполлон», дружба с Блоком) и т. д. 〈...〉 Вопрос о ряде публичных лекций от «Мусагета». Дали согласие, хотят и настаивают на этом, и уже есть темы: С. Соловьев, Эллис, Гессен; мне тоже кажется это имеющим смысл большой (Кожебаткин остроумно придумал киоск с нашими книгами на лекциях); кажется, соглашается Блок, рассчитываем на Вас, Иванова, Брюсова [3]. 〈...〉 Знаете ли, что я помирился с Блоком. Он и Эллис обменялись письмами!!! [4] И все — Ася!! [5]

Спор, начавшийся в «Эстетике», о символизме, перенесен в «Аполлон». Блок и Иванов написали о символизме статьи. Брюсов наивно и грубо отгрызся в «Аполлоне». Я написал отповедь Брюсову под заглавием «Венок или венец» [6].

ГБЛ, ф. 167, к. 2, ед. хр. 18, л. 3, 5, 10 об.

[1] Речь идет о делах издательства «Мусагет».

[2] М. К. Морозова; Белый имеет в виду закрытие журнала «Московский еженедельник», при финансовой поддержке Морозовой издававшегося Е. Н. Трубецким, и учреждение на деньги Морозовой в Москве религиозно-философского издательства «Путь», к которому в первое время был близок и сам Белый, видевший в новом издательстве союзника «Мусагету».

[3] Этот замысел «Мусагета» не осуществился.

[4] См. наст. т., кн. 2, с. 278—279.

[5] Ср. еще одно признание Белого, также в письме к Метнеру, от 15 августа 1910 г., о значении для него встречи с А. А. Тургеневой, разрешившей его отношения с Блоками: «Все мое безумие прошлого года с Л〈юбовью〉 Д〈митриевной〉 и ее *реминесценцией* провалилось, как соблазн» (ГБЛ, ф. 167, к. 2, ед. хр. 16, л. 1).

[6] См. наст. кн., с. 366.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Ревель,〉 4 ноября 1910 г.

〈...〉 А Сашенькин портрет вновь меня встретил здесь в Ревеле чистыми своими печальными глазами, и я опять помянула Тату Гиппиус горячей благодарностью [1]. Передайте ей это, Женя, когда ее увидите. Ведь ей ценно, я думаю, что она так человека осчастливила.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] Портрет Блока работы Т. Н. Гиппиус, выполненный в январе 1906 г. «Окончив, Татьяна Николаевна подарила свое произведение матери поэта» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., «Алконост», 1922, с. 85—86).

А. А. КУБЛИЦКАЯ - ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Ревель,〉 28 ноября 1910 г.

〈...〉 А эти четыре стиха Сашины почему-то поются мне все эти дни:

Все отошли. Шумите, сосны.
Гуди, стальная полоса,
Над одиноким веют весны,
И торжествуют небеса [1].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] Первое четверостишие стихотворения Блока (II, 58). Все письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух (как и два предыдущих ее письма к Е. П. Иванову — от 4 и 26 ноября) — посвящено уходу и смерти Толстого, и цитированные строки Блока также соотносятся ею с этим событием.

В. Ф. ЭРН — ВЯЧ. ИВАНОВУ

18 декабря 1910 г. Пятигорск

〈...〉 Весь совет нашего Общества с большим сочувствием поддержал мое приглашение А. Блока на юбилейное заседание в память Соловьева [1]. Об этом еще напишет как А. Блоку, так и Вам сам председатель — Г. А. Рачинский. Но так как он еще менее эпистолярный человек, чем я, я не верю, чтобы он исполнил свое обещание (по крайней мере, скоро) [2]. Заседание будет, очевидно, в феврале.

Сборник о Соловьеве уже дело, решенное окончательно (статьи: Вяч. Иванова, А. Блока, кн. Е. Трубецкого, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Волжского и В. Эрна).

Предполагается, что он выйдет в конце февраля [3]. Т. е., другими словами, нужно было бы приготовить рукописи к началу февраля. Но т. к. редактором сборника (не официальным, а деловым) будет Рачинский, он еще должен будет Вам написать.

ГБЛ, ф. 109.

Владимир Францевич *Эрн* (1882—1917) — философ, профессор Московского университета; близкий друг Вяч. Иванова.

[1] О заседании Московского религиозно-философского общества в память Вл. Соловьева, посвященном десятилетию со дня кончины философа, см. наст. кн., с. 378—381 (ср. с. 376—377). Приглашение Блоку было выражено устно,— неслучайно Эрн и первое упоминание о выступлениях на соловьевских заседаниях у Блока оказываются в одном контексте — 25 ноября 1910 г. поэт писал матери: «〈...〉 24-го 〈...〉 вечером приятно проводил время у Вячеслава Ив., с Аничковым и Эрном. В Москве и Петербурге будут этой зимой торжественные заседания памяти Вл. Соловьева. Я буду читать на обоих 〈...〉» («Письма к родным», II, с. 101). После неудачного соловьевского вечера в Петербурге 14 декабря 1910 г. Блок надеялся, что в Москве «будет лучше и строже», как писал он Белому 19 декабря 1910 г. (VIII, 323).

[2] Письма Рачинского к Блоку не выявлены.

[3] Речь идет о книге «Сборник первый. О Владимире Соловьеве» (М., 1911), которым заявило о себе издательство «Путь» (близкое по составу редакционного комитета к Московскому религиозно-философскому обществу, но далеко не тождественное с ним по своей программе и целям). 12 декабря 1910 г. С. Н. Булгаков, один из «ближайших сотрудников» «Пути», писал А. С. Глинке-Волжскому: «В издательстве постановлено издать сборник статей, посвященных В. Соловьеву, в память 10-летия. Сборник будет небольшой и недорогой и будет состоять, с одной стороны, из философских характеристик, с другой — из характеристик личности, и, наконец, на тему вообще: «Соловьев и мы». Сотрудники Евг. Трубецкой, Булгаков, Бердяев, Эрн, Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок (говорят, он очень религиозно теперь настроен) и Вы». Далее Булгаков приглашал от имени издательства Глинку-Волжского принять участие в сборнике, указывая, что он «должен выйти не позже марта» (ЦГАЛИ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 198, л. 124). Книга, в конечном счете, составилась из работ авторов, названных в приводимых письмах Эрна и Булгакова, за исключением А. Белого и Глинки-Волжского; Блок напечатал в ней свою речь «Рыцарь-монах» (V, 446—454).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Петербург,〉 19 декабря 〈1910 〉

На Жениных именинах мы были, видели теперь всю его «молодежь». Главная *Вера* — прелестная, очень хорошенькая и совсем молоденькая [1]. О Соловьевском неудачном вечере Вы уже знаете — хорошая Сашина речь рассеялась в пустых ушах зала [2]. В среду у нас были Аничковы и Кузьмины-Караваевы (товарищ Городецкого и его жена). Это было хорошо, говорили все о 1905 г., интересное вспоминали [3]. А вот вчера мы были у К〈узьминых〉-К〈араваевых〉. Совсем не хорошо. Они приглашают к ее матери, и там оказывается совершенно «родственно», даже Миша и Лиза Лозинские там [4]. Еще я была с Женей на «Игоре», он мне достал билет. Это было великолепно— и пели все молодые, очень хорошие, и танцы [5]. О Шахматовских вопросах вот что: расходы за октябрь часть была при Вас — рублей на 15—18 — (не знаю, с какого времени считать), а после до нашего отъезде ничего не было, а ноябрь еще не знаю: счет ведет Николай, ему оставлены на все деньги, и он сдает счет весной, тогда и считаться Вам с Сашей, я думаю [6]. 〈..〉 Я получила от тети Сони посылку; очень ей радуюсь. Слона повесили у Саши в комнате [7]. Будете ли Вы продолжать вышивать? Если да, я пришлю Вам несколько лучших узоров на выбор, они все у меня тут. А Саша вряд ли будет выбирать и поймет по рисунку [8].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 24, л. 34—36. Автограф. Год — по содержанию.

[1] Ср. о празднике у Ивановых в письме Блока к матери от 16 декабря 1910 г.: «13-го мы были у Жени на именинах. Племянницы — очень хорошие — совершенно из другого мира. Очень привлекательные, в лучшем смысле слова — «мещанки». Мне, впрочем, больше нравится не Вера, а Люся» («Письма к родным», II, 106; упомянуты Вера — Вера Николаевна — см. наст. кн., с. 373 — и Ольга Николаевна Дюковы).

[2] См. наст. кн., с. 376—377.

[3] Ср. в приводившемся выше (прим. 1) письме: «Вчера 〈...〉 обедали Кузьмины-Караваевы — они оба очень хорошие. Аничковы не поняли и пришли вечером. 〈...〉 Хотя разговоры были очень интересные, но я невыносимо устал, как всегда, когда гости приходят неслучайно».

[4] Мать Е. Ю. Кузьминой-Караваевой — Софья Борисовна Пиленко (1863—1962). Неприятие Блоками «родственной» стихии, стихии буржуазной культуры и буржуазного быта ярко видно, например, в отзывах Блока о московских родственниках. Поэт М. Л. Лозинский состоял с Блоком в дальнем родстве.

[5] Е. П. Иванов ходил с Л. Д. Блок в оперу вместо отказавшегося Блока («Письма к родным», II, 106).

[6] Николай *Лапин* — приказчик в блоковском Шахматове с мая 1910 г. (там же, с. 77, 423).

[7] Ср. в письме Блока к матери от 16 декабря 1910 г.: «Люба сегодня в восторге — тетя Соня прислала старье — слона и „портфейль“». Речь идет о вышивке прабабки Блока А. Н. Карелиной — слон с поводырем на фоне восточного пейзажа — и портфеле того же времени, присланных в подарок С. Г. Карелиной (там же, 106, 431).

[8] 29 ноября 1910 г. А. А. Кублицкая-Пиоттух, занимавшаяся рукоделием для снятия нервного напряжения, писала М. П. Ивановой: «Потом Саше буду вышивать ковер для его стенки возле кровати в Шахматове. Я работаю скоро, с увлечением». Но уже 4 декабря она сообщала: «〈...〉 для Саши ковер, который хотелось мне сделать к лету, я могу начать лишь в 1911 году» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 535, л. 30 об., 33 об.). Видимо, она обратилась к сыну и невестке с просьбой выбрать рисунок, на которую и откликается Л. Д. Блок. Наконец, 9 февраля 1911 г. Кублицкая-Пиоттух пишет Ивановой об окончательном, по-видимому, отказе от своего намерения (наст. кн., с. 378).

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва, 19 декабря 〈1〉910 〈г.〉

〈...〉 В Петербурге я навестил один раз Вячеслава: просидел до 2-х ч〈асов〉 ночи; очень хорошо поговорили; Вячеслав стал лучше, чище, мягче; он, по-видимому, действительно очень любит меня. Виделся с Гессеном. Но главное был дважды у Блока; мы очень, очень сблизились; он прекрасен, другого слова нет; Любовь Дмитриевна была проста, мила и дружественна; мы говорили с ней, точно десять лет знакомы.

ГБЛ, ф. 25, к. 20, ед. хр. 6, л. 5 об. Автограф; копия под копирку — там же, ф. 167, к. 5, ед. хр. 18.

Поездка Метнера в Петербург была связана с укреплением руководимого им издательства «Мусагет», перед группой которого открылись новые перспективы прежде всего в связи с новым сближением Андрея Белого с Блоком (ср. письмо Белого к Метнеру от 1—2 октября 1910 г.) и Вяч. Ивановым. О декабрьских встречах с Метнером в Петербурге Блок сообщал матери: «Вчера (7-ого) весь день у меня был Метнер. 〈...〉 9-ого днем опять был Метнер» («Письма к родным», II, с. 104—105).

Е. П. БЕЗОБРАЗОВА — Б. А. САДОВСКОМУ

Петербург. 20 декабря 〈1910 г.〉

〈...〉 14 был вечер, посвященный памяти Владимира Соловьева. Не очень весело было и на нем. Батюшков первый читал что-то о дяде Володе [1]. Так скучно говорил, что мне показалось, говорил он без конца, а сестра сказала, что, напротив, он мало читал. В. Иванов говорил о В. Соловьеве с религиозной точки [2]. Слишком умно для меня, как всегда, я мало поняла. И стихи его только простые самые, самое небольшое количество понятны мне. И не верю я женщинам, которые говорят, что понимают его. Хорошо только говорили А. Блок и моя тетя. Просто и понятным языком. Тетя сказала немного об отношении к смерти [3]. Это было мне интересно слушать, т. к. я совсем не знала своего дядю. Ах, извините, что пишу Вам об этом, Вы ведь не любите Владимира Соловьева. В антракте разговаривала с женой Блока. Когда я сказала ей передать от Вас поклон ее мужу, она улыбнулась, проговорив: а это хорошо.

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 256. Автограф.

Речь идет о вечере Литературного фонда, посвященном десятилетию со дня смерти Вл. Соловьева, где Блок впервые прочел свою речь «Рыцарь-монах». Впечатление Безобразовой близко к тому, что писал Блок матери 16 декабря 1910 г.: «Соловьевский вечер прошел вяло, так что лучше бы его не было. Нагнали актрис, а потом сами жалели. Я демонстративно ушел от чтения Мусиной из первого ряда и Ведринскую не стал слушать.

Я начал второе отделение, думал все время как бы выпить чаю и промочить горло. Публика встретившая и проводившая хлопками, не понимала или пряталась в себя, так что я стал сокращать. Единственно хороша была Поликсена Сергеевна ⟨Соловьева⟩» («Письма к родным», II, с. 106). О повторных выступлениях Блока с этой речью см. ниже.

[1] Слово Ф. Д. Батюшкова «Памяти Вл. С. Соловьева (К 10-летию со дня кончины)» опубл.— «Речь», 1910, № 344, 15 декабря.

[2] Позже Вяч. Иванов повторял свою речь на тех же собраниях, где выступал и Блок.

[3] П. С. Соловьева, судя по газетным отчетам, говорила «О взглядах Соловьева на любовь и смерть», публикация этого сообщения нам не известна.

С. П. КАБЛУКОВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

⟨Петербург, 31 декабря 1910 г.⟩

⟨...⟩ Уговорите Ал. Ал. Блока, которого Вы знаете ближе меня, прочесть о Вл. Соловьеве на заседании Р⟨елигиозно-⟩ф⟨илософского⟩ О⟨бщества⟩ в память Влад⟨имира⟩ Серг⟨еевича⟩. Т. к. Вы уже дали свое согласие, то сговоритесь с А. Блоком относительно времени заседания, я полагаю его сделать в один из дней 12—22 января.

ГБЛ, ф. 109. Автограф; на личной почтовой бумаге С. П. Каблукова.

Сергей Платонович *Каблуков* (1881—1919) — математик, музыкальный критик, секретарь петербургского Религиозно-философского общества: друг Вяч. Иванова.

Вскоре Каблуков сообщил Иванову: «Заседание наше в память Вл. Соловьева состоится в среду, 19-го января, в $8^1/_2$ ч⟨асов⟩ в⟨ечера⟩ в Польском клубе ⟨...⟩» (там же, недатированная записка на визитной карточке). В указанный день Блок повторил свою речь о Соловьеве «Рыцарь-монах», впервые прочитанную 14 декабря 1910 г. Помимо Блока и Иванова, на этом вечере выступил также Б. Кутыловский («Новое время», 1911, № 12523, 22 января).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

12 января 1911 г.

⟨...⟩ Сашэнька мой тоже к Вам относится исключительно хорошо. Мы с ним о Вас говорили, когда он был у меня. Тогда же он мне сказал, что хочет посвятить Вам свои стихи «У полотна железной дороги». Я сказала ему тогда на это, что это стихотворение Вам особенно нравилось.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 536 л. 1 об.—2.

С. П. БОБРОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

14.I.⟨1⟩911

⟨...⟩ Сам я много занимаюся своим анапестом (с сестрой) [1], у нас уже разобрано 14 поэтов (в том числе все модернисты). Лучший ритм пока (из разобранных) у Фета: отношение числа замедл⟨ений⟩ к числу фигур у него = = 1,62 [2]. Число пока недосягаемое для модернистов — из них лучший Брюсов — 1,73, потом Бальмонт и Вы. Самые плохие Сергей Соловьев и Городецкий. Заметно большое влияние на модернистов Владимира Соловьева. Интересен (но не особенно) Анненский. Блок против ожиданий дал слабый результат: его «число» = 2,06! (у С. Соловьева 2,66!!). Но по-моему (возможно, что это вполне субъективно) Блок стоит в анапестах не на замедлениях, а на словесной инструментовке,— и это думаю потому, что Блоковские анапесты на меня производят более сладкозвучное впечатление, чем чьи-либо другие, и — думается мне — мой метод — учета замедлений слишком груб для него.

ГБЛ, ф. 25, к. 1, ед. хр. 2, л. 43—46. Автограф.

Письмо относится к работам по ритмике русских поэтов (включая Блока и других современников), предпринятых «Кружком» учеников А. Белого после выхода его книги «Символизм» (М., 1910). Ср. А. Белый. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 1929, с. 71: «Ритмический «Кружок» возник к жизни в 1910 г. после моей лекции «Лирика и эксперимент», когда ко мне явились представители молодежи с предложением работать вместе над уточнением номенклатуры «Символизма», уже появившегося в печати.

Среди 15-ти участников «Кружка» укажу на тех, кому я больше всего обязан в совместной работе...» Далее перечисляются А. А. Сидоров, В. Шенрок, С. Н. Дурылин, А. А. Баранов-Рем, В. О. Нилендер, П. Н. Зайцев, Е. Н. Чеботаревская, В. Ф. Ахрамович; «в постоянном контакте с нами работал и Сергей Бобров, на одном из заседаний «Кружка» присутствовал А. А. Блок». По-видимому, именно это заседание описывает С. П. Бобров в своей позднейшей автобиографической повести «Мальчик» (М., 1976, с. 459—463).

[1] Каждый член «Кружка» должен был составить описание и числовые характеристики ритма какого-нибудь стихотворного размера у разных поэтов; С. Бобров занимался 3-стопным анапестом. Сестра Н. П. Боброва, была помощницей брата в стиховедческих занятиях до его последних лет.

[2] «Ускорениями» в терминологии А. Белого назывались пропуски схемных ударений на сильных местах стиха, «замедлениями» — сверхсхемные ударения на слабых местах стиха. Отношение общего числа ускорений к числу «фигур» (определенных и расклассифицированных сочетаний этих ускорений) было одним из показателей «богатства ритма» в ямбе: чем меньше эта дробь, тем, стало быть, большее число ускорений включено в «фигуры», и тем богаче ритм. Для анапеста и других 3-сложных размеров, где ускорений почти нет, а замедления обильны, по-видимому, аналогичным образом использовалось отношение числа замедлений к числу фигур.

Н. А. БЕРДЯЕВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

Москва, 19 января 1911 г.

〈...〉 Молю Вас как можно скорее выслать по моему адресу тезисы Вашего доклада о Вл〈адимире〉 Соловьеве. Заседание назначено на *10 февраля*, уже взята зала 〈...〉 Кроме Вас, участвуют еще Блок, Эрн и я. Моя тема — проблема Востока и Запада у Соловьева. Приехать в Москву Вам следовало бы не позже 9 февраля.

ГБЛ, ф. 109.

Речь идет о подготовке московского заседания в память десятой годовщины со дня смерти Вл. Соловьева — см. ниже. Тезисы публичных выступлений предъявлялись в цензуру, по всей вероятности, устроителями вместе с тезисами блоковской речи.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Ревель,〉 31 января 1911 года

〈...〉 Наши отношения с Любой или, вернее, ее отношение ко мне — это *убийственное* в моей жизни [1]. Стою на этом определении. Оно точное. Думаю, что если Вы, именно Вы, с нею об этом поговорите, и, как она сама Вас просила, объясните ее отношение ко мне, ничего, кроме хорошего, не выйдет. А для меня тут страшнее всего ее влияние на Сашу. При ней он со мной жесток до крайности и видит во мне один безвыходный ужас. А без нее он ко мне добр, откровенен и деликатен.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] Отношения между А. А. Кублицкой-Пиоттух и Л. Д. Блок особенно осложнились в Шахматове летом — осенью 1910 г., после лечения А. А. Кублицкой-Пиоттух в санатории от нервной болезни (см.: М. А. Бекетова. Ал. Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л.—М., 1925, с. 151—152).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

9 февраля 1911 г.

Сашенькин ковер отложила. Узора хорошего нет [1]. 〈...〉 Саша не поехал в Москву. У него разболелась шея. Это у него бывает, очень больно. Я рада, что он не поехал. Не люблю, когда одна и та же речь повторяется сто раз. Это ее обесценивает [2]. 〈...〉 Жене [3] поклон. Скажите ему, что Саша не уехал в Москву.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 536, л. 17—18 об. Автограф.

[1] См. прим. к письму Л. Д. Блок к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 19 декабря 1910 г.

[2] Речь идет о несостоявшемся из-за нездоровья Блока его выступлении на соловьевском заседании в Москве 10 февраля 1911 г.— см. ниже.

[3] Е. П. Иванов.

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва,〉 9 февраля 1911 г.

〈...〉 Сегодня приезжает в Москву Блок, и должно произойти наше первое свидание после столь долгой и северной разлуки. Я сегодня вечером читаю в Мусагете о Дельвиге, завтра заседание о Владимире Соловьеве в религиозно-философском обществе, читают Эрн, Блок, Бердяев и Вячеслав Иванов.

ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 11, л. 3.

Речь идет о заседании Религиозно-философского общества (см. в прим. к письму Т. А. Тургеневой от 11 февраля 1911 г.) 18 февраля Соловьев писал Белому: «Был вечер Владимира Соловьева в Религиозно-философском обществе. Эрн читал про профессора Введенского и демонов. Вячеслав развел что-то гносеологически-педерастическое. Вообще, этот раз он не солоно хлебал в Мусагете. Обвинял меня и Нилендера в «аполлинизме», в трусости перед Дионисом. Впрочем, сказал, что и Гете (sic) всю жизнь был трусом. Оказываются храбры только Барыба и балаганчик. Блок не приехал по болезни: у него ревматизм в шее» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 10, л. 3—4). Во фразе о «Барыбе и балаганчике» явственно звучит нота неизжитой у Соловьева вражды к «петербуржцам» — «мистическим анархистам». «Барыба» отсылает к С. М. Городецкому, а «балаганчик» — к Блоку. «Балаганчик» Соловьев воспринял как личное оскорбление. Ко времени написания этого письма Блок и Соловьев, после пятилетия враждебных отношений, возобновили переписку, согласились, что необходима личная встреча для окончательного объяснения — см. в наст. томе, кн. 1, переписку Блока с С. М. Соловьевым.

Т. А. ТУРГЕНЕВА — А. А. ТУРГЕНЕВОЙ

〈Москва, 11 февраля 1911 г.〉

〈...〉 Вчера была на торжественном Владимиро-Соловьевском заседании. Вяч. Иванов гнусил, гнусил, я ничего не поняла [1]. Бердяев читал так и так страшно высовывал язык, что я чуть не заснула [2]. Эрн читал очень вежливо и выпил три стакана воды [3]. Потом вышел Михаил Иванович, поправил пэнснэ и прочел очень хорошую статью Блока, который не приехал, п〈отому〉 ч〈то〉 свернул себе шею [4], но что смешно, что в день заседания Мих〈аил〉 Ив〈анович〉, когда проснулся, не мог повернуть голову, у него сделалось то же самое, но к вечеру прошло. В общем было скучно.

ГБЛ, ф. 25, к. 27, ед. хр. 26, л. 7 об. Датируется по содержанию.

Татьяна Алексеевна *Тургенева* (1896—1966) — сестра А. А. Тургеневой, жены Б. Н. Бугаева (А. Белого), жена С. М. Соловьева (с 1912 г.).

В письме речь идет о заседании Московского религиозно-философского общества, посвященном десятилетию со дня кончины Вл. Соловьева (см. также нижеследующие фрагменты из писем М. И. Сизова, Т. А. Рачинской, С. П. Боброва, А. С. Петровского).

[1] Доклад Иванова «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания», прочитанный на заседании, см. в кн.: «Сборник первый. О Вл. Соловьеве». М., 1911.

[2] См. прим. 2 к письму М. И. Сизова от 11 февраля 1911 г. Н. А. Бердяев страдал нервно-лицевым тиком с выпадением языка.

[3] Доклад В. Ф. Эрна «В. Соловьев как философ» стал первой главой его работы «Гносеология В. С. Соловьева», помещенной в сборнике издательства «Путь» (см. прим. 1).

[4] См. письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух от 9 февраля 1911 г.

М. И. СИЗОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈11〉 февр〈аля〉 1911

〈...〉 Блок заболел и совсем не приедет. 〈...〉 Вчера Соловьевский вечер прошел без заметного подъема. Народа было много. Блок заболел и не приехал, его реферат «Рыцарь-Монах» читал я [1]. Были два молодых патера. Они заинтересовались взглядом Бердяева на различие церквей Зап〈ада〉 и Вос〈тока〉 и невозможность их соединения. Различие это он приводил к образам Иоанна и Петра в «Трех разговорах» [2]. Они сказали, что различие действительно таково. Сегодня один из них просил 〈разрешения〉 прийти к Бердяеву еще поговорить.

ГБЛ, ф. 25, к. 22, ед. хр. 26, л. 11. Автограф. Описка в дате — 10 февраля исправлена по содержанию: «соловьевское» заседание состоялось 10 февраля.

18 февраля 1911 г. Сизов писал Белому о «соловьевском» заседании московского Религиозно-философского общества почти в тех же словах: «Был вечер в память Вл. Соловьева. Блок заболел и не приехал, его доклад читал я. Особенного подъема не было» (там же, л. 12 об.). Ср. также его письмо Г. А. Рачинскому от 17 февраля 1910 г.

[1] См. письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух от 9 февраля 1910 г.
[2] Имеется в виду произведение Вл. Соловьева «Три разговора». Ср. речь Н. А. Бердяева, читанную на этом заседании,— «Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева».— В кн.: «Сборник первый. О Владимире Соловьеве». М., 1911, с. 124.

Т. А. РАЧИНСКАЯ — Г. А. РАЧИНСКОМУ

⟨Москва,⟩ 12 февраля ⟨1911 г.⟩

⟨...⟩ Я уверена, что Булгаков, а вероятно и еще другие уже написали тебе о Соловьевском заседании все подробно и основательно [1]. Очень жаль, что не приехал Блок и потому его реферат в чтении Сизова вышел менее интересным [2]. Понравился нам Эрн; Вяч. Иванов интересно и довольно понятное читал. Но не было его обыкновенного подъема духа. Бердяев уж очень длинно и не приготовившись, т. е. уж очень тянул и повторялся.

ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2867, л. 158 об. Автограф.

Татьяна Анатольевна *Рачинская* (рожд. Мамонтова, 1863—1920) — жена Г. А. Рачинского.
О программе «соловьевского» заседания см. прим. к письму Т. А. Тургеневой от 11 февраля 1911 г.

[1] Г. А. Рачинский в это время находился в лечебнице в Риге. Соответствующие письма к нему А. С. Петровского и М. И. Сизова см. ниже.
[2] См. письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух от 9 февраля 1911 г.

С. П. БОБРОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

16.II.⟨1⟩911 Москва, Пречистинка, 33, кв. 20

⟨...⟩ 10-го в Политехническом музее был вечер, посвященный памяти Владимира Соловьева. Говорили Эрн, Бердяев, В. Иванов, Блок (собственно он не говорил, а читали его доклад, сам он не приехал), я на этом вечере не был, а vox populi говорит приблизительно следующее: Эрн — бессодержателен был, Бердиев длинновато и больше о себе, чем о Соловьеве, Вяч. Иванов очень интересен. Блок тоже.

ГБЛ, ф. 25, к. 10, ед. хр. 2, л. 56. Автограф.

О программе «соловьевского» заседания см. прим. к письму Т. А. Тургеневой от 11 февраля 1911 г.

А. С. ПЕТРОВСКИЙ — Г. А. РАЧИНСКОМУ

Москва 16 февраля 1911

⟨...⟩ Самым крупным событием был за последние дни приезд Иванова и Соловьевский вечер. Блок был болен и не приехал, реферат его — далеко лучший из всех прочитанных, потрясающий священной правдой и прямотой, поистине достойный и Блока и Соловьева — прочитан был за него Сизовым. Доклад Иванова неважен, вял, разбросан, бескрылый; Эрн очень слаб: роковая неспособность освободиться от гимназических пристрастий, гимназическая же незрелость, злоупотребление «Тремя свиданиями» [1], совершенно беспомощное; затем полуторачасовая речь Бердяева, талантливая, во многом справедливая (напр⟨имер⟩, в отрицательном отношении к «унии» церквей). Полный зал, полный сбор. ⟨...⟩ В Мусагете отданы в набор Блок и альманах [2].

ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2843, л. 21. Автограф.

О программе «соловьевского» заседания см. прим. к письму Т. А. Тургеневой от 11 февраля 1911 г. Еще 29 января Петровский писал А. Белому: «10 февраля вечер о Соловьеве, приедут Вяч. Ив〈анов〉 и Блок. Тогда напишу». (ГБЛ, ф. 25, к. 21, ед. хр. 16, л. 55 об.); однако такого письма мы не знаем.

[1] Имеется в виду стихотворение Вл. Соловьева «Три свидания» («Заранее над смертью торжествуя...»).

[2] Об альманахе издательства «Мусагет» см. наст. кн., с. 385.

М. И. СИЗОВ — Г. А. РАЧИНСКОМУ

〈Москва,〉 17 февр〈аля〉 1911

〈...〉 Из московских «событий» можно упомянуть лишь о заседании в память Соловьева. Блок не приехал, и его доклад читал я. Любопытно: он не приехал потому, что у него такие ревматические боли в шее сделались, что он не мог головы повернуть, у меня накануне заседания та же самая история, и я едва размялся, намазавшись иодом. Особого подъема не было на заседании. Речь Бердяева заинтересовала двух бывших на нем католических патеров, они подошли к нему после заседания и разговаривали дов〈ольно〉 долго. Сказали, что разница между церквами именно та, как он сказал. Один из них был на другой день у Бердяева на дому. Иванов был в Москве недолго, уехал через день.

ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2891, л. 3. Автограф.

О программе «соловьевского» заседания см. прим. к письму Т. А. Тургеневой от 11 февраля 1911 г.; ср. также письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух от 9 февраля 1911 г.

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

〈Петербург,〉 28 февраля 1911

〈...〉 Был я третьего дня у Блока вечером. 〈...〉.

Завтра вечер Сологуба. Мы, т. е. Блок, Городецкий и я, подносим ему лавровый венок.

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 58—59. Автограф.

Литературно-вокальный вечер, посвященный произведениям Ф. Сологуба, состоялся 1 марта в Тенишевском училище. В газетном отчете, в частности, сообщалось: «Во время перерыва Сологубу был поднесен лавровый венок, а публика устроила ему шумную овацию. Говорят, что предполагаются такие же вечера и в честь других поэтов: Вячеслава Иванова, Блока и др.» («Речь», 1911, 3 марта). См. об этом также заметки В. Розанова — «Новое время», 1911, 5 марта, С. Ауслендера — «Русская художественная летопись», 1911, № 6, Г〈идони?〉 — «Театр и искусство», 1911, № 10 и др.

Э. К. МЕТНЕР — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Аксиньино, 21 марта 〈1〉911 〈г.〉

〈...〉 Яковенко мне очень нравится; он бесконечно честен интеллектуально и бесконечно предан своему делу; он чистейший рожденный философ и только и потому производит такое же гармоничное и законченное впечатление, от которого сердце радуется [1], как и Блок, который является чистейшим рожденным лириком и только. Я считаю аннексию этих двух замечательных мужей для Мусагета огромным культурным приобретением.

ГБЛ, ф. 25, к. 20, ед. хр. 7, л. 6об. Автограф; отпуск под копирку — там же, ф. 167, к. 5, ед. хр. 22.

Борис Валентинович *Яковенко* (1884—1948), философ; в письме от 19 февраля 1911 г. Метнер шутливо сообщал Белому: «гносеологические мозги Яковенко заплавали наконец на поверхности «Мусагета» рядом с цилиндром Кожебаткина» (ГБЛ, ф. 25, к. 20, ед. хр. 7, л. 5; тут же — подробный восторженный отзыв о философе). В 1911—1912 гг. Белый возлагал большие надежды на сотрудничество с Яковенко, уверял Блока (в письме от

8 или 9 марта 1912 г., т. е. после «государственного переворота» в «Мусагете» и отдаления от неокантианцев «Логоса»), что «внутренно, вопреки гносеологизму и «Логосу», он — наш» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 288). Однако для Блока неокантианцы — «логосовцы», Гессен, Степун и Яковенко — «просто тяжелые» («не хочу нести их бремя») — были только преградою, затруднявшей ему сближение с «мусагетским» журналом «Труды и дни» (VIII, 391).

ВЛ. ПЯСТ — ВАС. В. ГИППИУСУ

Петербург, 2 мая 1911 г.

〈...〉 Вчера у Блока вспоминали о Вас.

ИРЛИ, ф. 47, ед. хр. 39, л. 6.

Василий Васильевич *Гиппиус* (1890—1942) — поэт, литературовед. С поэзией Блока он был знаком с детства — его старший брат А. В. Гиппиус был товарищем Блока по университету. В середине 1900-х годов в Шестой петербургской гимназии сформировался кружок молодых поэтов, один из участников которого М. А. Струве писал в мемуарной повести в стихах «Голубая птица» (в ней члены кружка описаны под измененными именами: Вас. Гиппиус — Гунниус, В. С. Чернявский — Венявский, М. А. Струве — Кнорре):

Как Млечный путь струею мглистой
Кружок питали символисты,
И прежде всех, конечно, Блок,
И пища та пошла на прок.

(«Сполохи», Берлин, 1922, № 6, с. 26). Блок положительно отнесся к поэзии Вас. Гиппиуса после публикации последним стихотворения «Листья безумные, вертятся, падая...» («Новый журнал для всех», 1908, № 2, с. 70), в начале 1910 г. настойчиво рекомендовал привлечь его как поэта в университетский литературный журнал (Вл. Нарбут. О Блоке. Клочки воспоминаний.— «Календарь искусств», Харьков, 1923, № 1, с. 3), а также рекомендовал его в Общество ревнителей художественного слова («Блоковский сб.», 2, с. 362). В конце зимы 1910 г. Вас. Гиппиус встретился с Блоком у С. М. Городецкого, и на сей раз Блок сказал о прочитанных Вас. Гиппиусом стихотворениях: «не нравится» (В. В. Гиппиус. От Пушкина до Блока. М.— Л., 1966, с. 334). Поэма В. В. Гиппиуса «Волшебница» тоже не понравилась Блоку (см. письмо Блока Вас. Гиппиусу от 28 февраля 1913 г.— VII, 493).

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

5 мая 〈1911 г.〉

〈...〉 С Блоком и Ивановым заключен прочный мир.

ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 13, л. 27. Год устанавливается по содержанию.

Пути к примирению Соловьева и Блока стали вырисовываться еще в конце 1910 г.— см. письма, которыми они обменялись в ноябре 1910 г.: наст. т., кн. 1. Не состоялась их встреча и в феврале 1911 г.,— см. там же. Наконец, 21 марта 1911 г. Соловьев писал Белому: «На Пасхе хочу говеть в Петербурге, мириться с Блоком» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 11, л. 6; Пасха в 1911 г. приходилась на 10 апреля).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

Шахматово. 17 мая 1911 г.

〈...〉 Завтра приедет мой Детка [1]. Слава Богу.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] 11 мая Блок писал матери из Петербурга: «...сейчас я взял билеты на 17 мая: **Любе** в Берлин, а себе в Шахматово. Я приеду, значит, в *среду 18-ого* рано утром» («Письма к родным», II, с. 140).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

〈Боголюбы, 24 мая 1911 г.〉

Милый, милый, любимый друг!

Как здесь хорошо! Как отдыхает душа! Как люблю мою Асю! Как мирно... И зори... И в зорях «*Старая Москва*», которой в Москве теперь нет.

Приезжайте, родной!. . .

Хотите встретиться с Блоком? Мы замышляем похитить Блока из Шахматова [1]. Вот было бы хорошо пожить вместе в Боголюбах; кстати, многое о *Мусагете*. Можно бы поговорить, хотя бы о дневнике поэтов [2]; ⟨...⟩

Вчера мы весь вечер читали Блока; утром с Асей читали «*2-ую Симфонию*» [3]. Сегодня такой благой, лучезарный закат, что *милое*, *невозможное* [4] подкрадывается к сердцу.

И хочется справить надежду, вместе помолчать на зоре — чтобы были: Наташа [5], Ася, Вы, Блок и я. . .

Все возвращается... Опять возвращается...

ГБЛ, ф. 167, к. 2, ед. хр. 42, л. 1—2 и об. Автограф. Датируется по почт. шт.

После возвращения из путешествия по Средиземноморью Белый с женой («Ася» — А. А. Тургенева) жил в Боголюбах под Луцком, в ее родительском доме. Все письмо, написанное в самую счастливую пору жизни Белого, проникнуто воспоминаниями об «эпохе зорь» — первых годах нового века, эпохе сближения с Блоком.

[1] Белый писал Блоку в конце мая 1911 г. (видимо, следует это письмо считать посланным *до* отправления цитируемого письма к Метнеру, поскольку в последнем приглашение Блока предполагается делом решенным): «Ты не можешь себе представить, как нужен Ты мне по мусагетским делам. ⟨...⟩ Во-вторых, Ася очень хотела бы Тебя видеть и поближе узнать ⟨...⟩ *Тебя не хватает*. ⟨...⟩ И вот у нас с Асей созрел план, которому в Боголюбах все рады: звать Тебя к нам» и т. д.; приглашение тут же было подкреплено А. А. Тургеневой и ее матерью, С. Н. Кампиони («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 257—259). Однако Блок от приезда в Боголюбы вынужден был отказаться (VIII, 342).

[2] В цитированном выше письме Белый говорил о замысле нового журнала, впоследствии развившемся в «Труды и дни»: «Мне Метнер сообщал конфиденциально о желании Твоем и Вячеслава ⟨Иванова⟩ издавать «Дневник поэтов» втроем (Ты, Вячеслав, я — участники). ⟨...⟩ У меня в Каире независимо от сообщения Метнера созрел аналогичный план. И, вот, прежде всего важно теперь за лето реализовать намерение; для этого следовало бы повидаться» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 257). Блок, коротко изложив историю обсуждения этого замысла (ср. его переписку с Вяч. Ивановым в начале 1911 г.— «Блоковский сб.», 2, с. 377), высказался в ответ осторожно: «Я не уверен в необходимости журнала, состоящего из нас троих. Все еще так висит в воздухе, так во многом нужно сговориться» (VIII, 345).

[3] Речь идет о книге самого Белого: «Симфония (2-я драматическая)» (М., 1902), в свое время восторженно принятой Блоком.

[4] Автоцитация (ср. подобные цитации из «Симфонии» Белого в переписке Блока с С. Соловьевым—наст. т., кн. 1) — см. в названной книге Белого: «Невозможное, нежное, вечное, милое, старое и новое во все времена» (с. 90) и т. п.

[5] Н. А. Тургенева (Поццо).

М. И. СИЗОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨1911 г., не ранее 12 июня.⟩

⟨...⟩ Я получил от Блока его книжку с надписью. Написал ему [1]. ⟨...⟩ Альманах слаб [2].

ГБЛ, ф. 25, к. 22, ед. хр. 26, л. 6 об. Датируется на основании приводимого в прим. 1 письма Сизова к Блоку.

[1] Блок послал Сизову первый том мусагетского «Собрания стихотворений»; надпись на книге Сизову нам не известна. Сизов благодарил Блока знаменательным письмом, в котором ярко сказалось «московское» понимание творческого пути Блока:

«12 июня 1911.

Дорогой Александр Александрович!

Я давно не был в «Мусагете», поэтому не мог поблагодарить Вас за присланную мне Вашу книгу с Вашей надписью, которую получил только теперь. Очень был обрадован Вашей памятью и, по-видимому, некоторым расположением ко мне. Поверьте, они мне очень дороги, так как, после нашего как бы случайного и мимолетного знакомства, у меня осталось к Вам чувство более чем литературного интереса и даже идейной близости. Оно усилилось еще с Вашим посещением Москвы. Словом, я очень любовно слежу за движениями Вашей души, как ни незначительны и отрывочны данные для этого.

У меня есть к Вам большое чувство солидарности. Не знаю только, какую бы оно могло получить пищу со стороны моей деятельности: я совсем не имею возможности сейчас работать для себя и не знаю, представится ли она в ближайшем будущем.

Относительно Вашей книги, которую очень люблю, хочется Вам высказать одно сожаление. То, что было сгущено и напряжено в первой книге «Стихов о Прекрасной Даме»,

тут как-то растворилось, распределилось по неожиданно открывшемуся разнообразию путей. Единство отлетело, ушло за горизонт, временами даже более того — оно кажется каким-то постулатом. Словом, мне кажется теперь, что стихи «о Прекрасной Даме» не дописаны еще до какого-то доступного и необходимого для Вас предела. Далее я уже начинаю гадать — гадать о Вас и Даме. Поэтому умолкаю. Но одно для меня ясно: какое могут иметь громадное невероятной важности значение — и именно для России — Ваши стихи, Ваше творчество. Но говорю это с точки зрения мистической, допускающей тут много художественных путей. И я очень интересуюсь Вашим, кот〈орый〉, по-моему, и не только художественный даже в Ваших эстетических путях.

Душевно преданный Вам М. С и з о в»

(ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 399). Сизов в письме упоминает пребывание Блока в Москве в первых числах ноября 1910 г., после чего поэт писал матери 10 ноября: «В Москве все близкие люди (т. е. «Мусагет») производят трогательное и сильное впечатление (Боря 〈Б. Н. Бугаев (Андрей Белый)〉, Эллис, Метнер, Рачинский, Петровский, Сизов и другие некоторые)» (VIII, с. 320).

[2] См. ниже прим. к письму С. П. Боброва А. Белому от 2 июля 1911 г.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН — Б. Д. БОГОМОЛОВУ

15 июня 1911 г.

Говоря откровенно, я не люблю ни Бальмонта, ни Брюсова, ни В. Иванова, ни Блока [1], ни Кузмина. У каждого из них, верю и даже знаю, есть удачные и хорошие стихи, но как поэтов я не люблю их, по разным причинам [2].

ЦГАЛИ, ф. 2571, оп. 1, ед. хр. 343, л. 3.

Борис Дмитриевич *Богомолов* (1886—1920) — поэт и критик, автор одной из первых статей о Северянине («Голос Крыма», Керчь, 1911, № 386, от 5 мая).

[1] Вкратце о взаимоотношениях Игоря Северянина с Блоком см.: VII, 495—496. Впоследствии Игорь Северянин заявил: «Из современных поэтов я высоко ценю Сологуба, Блока и Зинаиду Гиппиус» («Одесские новости», 1916, № 10019, 29 марта). 17 августа 1921 г. Северянин написал стихотворение «На смерть Александра Блока» (опубликовано впервые: «Свободное слово», Ревель, 1921, № 105, 22 августа; перепечатано в кн.: Игорь Северянин. Стихотворения. Л., 1975, с. 336).

[2] В этом же письме Северянин сообщал, что любит Мирру Лохвицкую, Фофанова и Бодлера и что нравятся ему Гумилев, Эренбург, Бунин, Виктор Гофман, Черубина-де-Габриак, Тэффи.

С. М. СОЛОВЬЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

24 июня 〈1911 г.〉 Дедово

〈. . .〉 Завтра еду в Шахматово. Не знаю, застану ли Блока. Он мне очень нравится. Примирение с ним для меня воистину «нечаянная радость». Только теперь я понял, как 〈нрзбр〉 был раздор с Шахматовым, как безбожен. Но так должно было быть.

〈...〉 Для журнала сейчас данных мало. Приходится ограничиться альманахами. В последнем альманахе свеж и приятен Клычков. Хорош, как всегда, Кузмин:

Как не узнать тебя звезда Венеры.

Твои стихи прекрасны. Блок слаб. Иванов — из рук вон. Городецкий... [1]

ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 10, л. 6.

О своем примирении с Соловьевым Блок писал Белому 8 мая 1911 г.: «Мы виделись с Сережей. Он прекрасен». Несколько позже, 6 июня, делясь с ним своими сомнениями на счет «мусагетовского» кружка, он оговаривался: «К Сереже особенное отношение, но совсем не связанное с «Мусагетом»: милый Сережа, блестящий человек, будущий ученый-филолог, брат по духу и по крови, великолепный патриарх, продолжатель рода (а я истребитель)» и т. д. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 258, 261). О своем посещении Шахматова, первом после нескольких лет вражды, Соловьев рассказывал в «Воспоминаниях об Александре Блоке» («Письма Александра Блока», с. 35—37). Он пробыл у Блока два неполных дня, и уже 26 июня Блок писал Белому: «Сегодня уехал отсюда Сережа, которого я очень рад был видеть и который привез с собой все прекрасное, что в нем есть» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 265).

[1] Речь идет о «мусагетовской» «Антологии» — см. ниже, с. 385.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Шахматово,〉 29 июня 〈1911 г.〉
День св. Петра (самый *человеческий* праздник)

〈...〉 Сашенька сегодня уезжает [1]. На днях собирается к вам, в Царское [2]. Он ужасно нервен, и ему надо серьезно и правильно лечиться. То, что он будет у вас, меня, конечно, радует. Надо ему поскорее ехать к Любе [3]. Он об ней соскучился.

У нас здесь были хорошие дни, когда можно было ценить летние красоты и волю. Были и тяжкие. Теперь только бы укрепился мой Саша. Остальное мне лично — пустяки, т. е. мое личное, конечно.

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] 29 июня Блок выехал из Шахматова в Петербург.
[2] Блок побывал на даче у Ивановых в Царском Селе (Павловское шоссе, угол Стессельской, дача Сергиевских) 2 июля (см. его письмо к матери от 5 июля — VIII, 350).
[3] 17 мая Л. Д. Блок уехала за границу, где искала место для отдыха; Блок выехал к ней в Аберврак (деревня в Бретани) 9 июля. См.: ЛН, т. 89, с. 269.

С. П. БОБРОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

2.VII.〈1〉911 〈г.〉. Москва, Б. Афанасьевский, 17, 2

〈...〉 Как Вам понравилась «Антология», Борис Николаевич? Мне думалось почему-то, что она будет хуже, так что я ей был обрадован. Только тяжело мне: зачем там этот гаер Потемкин? Будь эти его стихи о теткином портрете в «Сатириконе», они были бы прекрасны, здесь же они лишь шокируют [1]. Не хороши Сизов [2] и Волошин [3]. Стыдно мне очень за первое мое стихотворение [4].

Блока «то не ели, не тонкие ели...» [5] и Ваши стихи, Борис Николаевич [6], по-моему лучшие вещи в альманахе. Кузмин прекрасен, как всегда [7]. Очень, очень утешил меня Сергей Соловьев. Какая простота — и как хорошо! [8] Из молодых Клычков [9], Рубанович [10] — оба прекрасны. Да много хорошего!

ГБЛ, ф. 25, к. 10, ед. хр. 2, л. 61 об.— 62. Автограф.

В письме дан отзыв о сборнике «Антология» книгоиздательства «Мусагет» (М., 1911). Альманах был задуман московскими «мусагетцами» (Белый, Метнер, Эллис) как «смотр» тех, кто верен истинному символизму в осуществлении тех задач издательства, которые Белый сформулировал в письме от конца октября 1910 г. так: «Сейчас нужна огромная созидательная, подземная работа. Весь «Мусагет» есть попытка сохранить символизм, но пересадить его на кремнистую почву подтянутости и энергии из болот «психологических туманов» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 240). К участию в альманахе был привлечен ряд молодых и начинающих поэтов.

Блок, поначалу живо откликнувшийся на приглашение в «мусагетский» альманах, по его выходе в свет оценил его самым суровым образом: «〈...〉 получил «Антологию» «Мусагета»: зачем она? — писал он Белому 6 июня 1911 г.— Время альманахов прошло; я думаю, что это — лишняя книга. Талантливое движение, называемое «новым искусством», кончилось; т. е., маленькие речки, пополнив древнее и вечное русло, чем могли, влились в него. Теперь уже есть только хорошее и плохое, искусство и не искусство. Потому, я думаю, и «смотров» довольно 〈...〉» (VIII, 344; ср. ЗК, с. 182). Об участии Блока в альманахе см. ниже, прим. 5.

[1] Речь идет об одном из трех стихотворений П. Потемкина, помещенных в «Антологии»: «Портрет красавицы тетки» («Мне не очень нравится...»). Ср. в приведенном уже письме Блока к Белому: «И зачем вдруг — Потемкин или Л. Столица? Это уж какая-то нестроевая рота» (VIII, 344).
[2] За подписью «М. С.» М. И. Сизов напечатал в «Антологии» четыре стихотворения.
[3] В альманахе опубликован цикл из восьми стихотворений М. А. Волошина «Киммерийская весна».
[4] Бобров говорит о своем стихотворении «Прощение» («Влекутся тени дня печальною стезею...») (оба отданные им в альманах стихотворения помещены за подписью С. Рюмин).
[5] Речь идет о стихотворении Блока «Посещение» («То не ели, не тонкие ели...»), опубликованном в сборнике как третья пьеса в составе цикла «Ночные часы», куда вхо-

дили также: «Когда, вступая в мир огромный...» (под заглавием «Вступление»); «Ты в комнате один сидишь...» (под заглавием «Искуситель»); «Идут часы, и дни, и годы...» (под заглавием «Исход»). Блок был приглашен в «Антологию» Белым в конце августа — начале сентября 1910 г. и писал в ответ: «Конечно, я с огромным удовольствием пришлю стихов для альманаха «Мусагет» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 233—234). Отправляя обещанные стихи, Блок писал: «Прилагаемый цикл стихов, который я хотел бы увидеть в „Мусагете", посылаю Тебе после долгих колебаний. Напиши мне свое откровенное мнение. Если тебе очень не нравится, я мог бы заменить отдельными стихами (не циклом)» (там же, с. 238). Белый отвечал: «За стихи спасибо. Конечно, все подойдут; стихи — превосходны: они будут украшением альманаха (это вполне искренно)» (там же, с. 241).

[6] Белому принадлежат в «Антологии» стихотворения «Перед старой картиной» («Кресла, чехлы, пьянино...») и «Вешний сон» («Струит ручей гирлянды бирюзы...»).

[7] М. Кузмин дал в альманах свой цикл из 11 стихотворений «Осенний май».

[8] Речь идет о цикле С. Соловьева «Розы Афродиты».

[9] С. Клычков представлен в «Антологии» семью стихотворениями.

[10] С. Рубанович напечатал в альманахе пять стихотворений.

Г. В. ИВАНОВ — А. Д. СКАЛДИНУ

Гедройцы, Виленской губ. 16 августа 1911 г.

〈...〉 Я писал как-то Блоку [1] и получил ответ [2]. Плохие стихи его, по-моему, в «Антологии» Мусагета — какие-то трактаты, а не стихи [3] 〈...〉 Ах, у меня со стихами нелады. Первое — Кузмин. Второе — Блок [4]. Третье — тема. Четвертое — почва (ее нет).

ЦГАЛИ, ф. 487, оп. 1, ед. хр. 52, л. 3.

Георгий Владимирович *Иванов* (1894—1958) — поэт, в 1912—1915 гг. участник первого Цеха поэтов, с 1922 г.— в эмиграции.

Алексей Дмитриевич *Скалдин* (1885—1943) — поэт и прозаик. О своих взаимоотношениях с Блоком он кратко рассказал в очерке «О письмах А. А. Блока ко мне» («Письма Александра Блока», с. 175—182).

[1] В своих далеких от точности, а часто и мистификаторских воспоминаниях Г. Иванов называл 1910 г. как время знакомства с Блоком. Однако, вероятнее всего, знакомство произошло весной 1911 г., когда Г. Иванов впервые стал печатать стихи в многотиражных журналах. 3 марта 1911 г. его стихи появились в журнале «Gaudeamus», и вполне возможно, что 5 марта 1911 г. он познакомился с Блоком (в одном из недатированных писем к Блоку он ссылается на подаренную Блоком книгу с надписью, упоминающей о разговоре 5 марта.— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 34. л. 4). По-видимому, об этом письме, переполненном сомнениями и жалобами на свою бездарность, и сообщает Г. Иванов Скалдину.

[2] Письмо Блока неизвестно. В своих мемуарах Г. Иванов сообщал о письме Блока «из саратовского (так! — *Р.Т.*) Шахматова» и по памяти цитировал его: «Зачем Вы пишете стихи о ландшафтах и статуях? Это не дело поэта. Поэт должен помнить и говорить об одном — о смерти и о любви» («Сегодня», Рига, 1929, № 277, 6 октября). Видимо, этим замечанием Блока вызваны и сетования Г. Иванова на отсутствие своей темы, и раздраженная оценка блоковских стихотворений. Под «стихами о ландшафтах и статуях» имеются в виду, по-видимому, стихотворения Г. Иванова «Ранняя весна» («Зима все чаще делала промахи...») («Gaudeamus», 1911, № 9, с. 2) и «Из круга «Когда падают листья» («Gaudeamus», 1911, № 6, с. 1). Примечательно, что Н. С. Гумилев в соответствии с программой нарождающегося акмеизма взял под защиту именно эти, отвергнутые Блоком, мотивы «...развитие образов: в стихотворении „Ранняя весна" «в зелени грустит мраморный купидон», но грустит не просто, как он грустил в десятках стихотворений других поэтов, а „о том, что у него каменная плоть"» («Аполлон», 1912, № 3—4, с. 101). Отрицательную характеристику творчества Г. Иванова Блок дал в 1919 г. (VI, 335—337). Судя по черновику статьи «Без божества, без вдохновенья», Блок сначала предполагал написать в этой статье особо о Георгии Иванове (ПД, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 307).

[3] В «Антологии» издательства «Мусагет» (М., 1911) были помещены следующие стихи Блока: «Когда вступая в мир огромный...», «Ты в комнате один сидишь...», «Посещение», «Идут часы, и дни, и годы...»

[4] О влиянии Блока и М. А. Кузмина на Г. Иванова писал Ивей (И. В. Игнатьев) в рецензии на сборник «Отплытие на остров Цитеру» («Нижегородец», 1912, № 103, 14 января).

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

〈Петербург,〉 7 октября 1911

〈...〉 Вчера вечером я в театр не попал, а был у Пяста. Познакомился с его беременной женою. Был там и Блок.

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 124 об. Автограф.

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

〈Петербург,〉 5 ноября * 1911

〈...〉 Сегодня принялся я, было, за работу, но пришел Блок и помешал. Он принес мне свою книжку [1]. Жалуется, что с тех пор, как получил наследство [2], перестал писать. Новых стихов у него нет, и поэму свою никак не может окончить [3].

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480, л. 116. Автограф.

[1] По-видимому, речь идет о «Ночных часах», выход которых в свет В. Н. Орлов датирует «около 30 октября» (VII, 532). Ср. выше дарственную надпись Блока, с. 139 и VII, 80.

[2] См. наст. кн., с. 360, 371.

[3] Речь идет о «Возмездии», задуманном в начале 1910 г. В продолжение 1911 г. Блок усиленно работал над поэмой, но к концу этого года явным стало недовольство поэта сделанным, и работа остановилась.

ЭЛЛИС (Л. Л. КОБЫЛИНСКИЙ) — Э. К. МЕТНЕРУ

〈Берлин, декабрь 1911 г.〉

〈...〉 Скажу Вам на ухо, но прошу никогда не забывать этих слов. *Уже давно*, после ряда разочарований каждого дня, сказал себе такие ужасные «гмг» обо всех не-символистах. У меня с детства было страстное, пламенное желание петь дело и души, к〈отор〉ым я мог поверить безусловно, положиться до конца. Если бы вдруг (Вы) услыхали: «Да, доказано, что *Данте* написал глумление над Беатриче, что *Гете* в глубине души *не* верил Шиллеру, что Л. Толстой уходя перед смертью, подумал про себя о славе и интересном моменте!», Вы бы ужаснулись... 〈...〉

Я столько раз тоже грустил потом, когда присутствовал при поступках Брюсова, А. Белого, Блока, В. Иванова [1], что у меня *давно* где-то на последнем плане, *навсегда* захватило дыхание и отсюда родился иезуистический догматизм, демоническое «гмг» — Ах, Вы так, так я же и *себя* и всех в рог согну!» 〈...〉 Ждал и думал: «Ну-ка пророки!» И вот: 〈...〉

Мережковский — заврался.

А. Белый — закрутил в цифру.

В. Иванов стал не то святым, не то мошенником и сам не знает, как тут быть.

А. Блок — смешал Беатриче с проституткой и храм с «балаганом» [2]. С. Соловьев — впрочем он *справедливо* поплатился за все, я *не* жалею о нем, но верю в лучшее [3].

Гибель символизма была предопределена гнилостью самого центра, шатанием того, где необходимо абсолютное «Да» и абсолютное «Нет»!

ГБЛ, ф. 167, к. 7, ед. хр. 41, л. 1—2 и об. Автограф.

Написано ближе к концу первой декады декабря по н. ст.— на конверте почт. шт. получения: Москва, 29.XI.1911.

Эллис, к этому времени ставший уже пылким штейнерианцем, оказался противником основной линии «Мусагета», проводимой Метнером и Белым с опорой на Блока и Вяч. Иванова. Эллис видел в новом повороте младосимволистского движения измену его первоначальным заветам «эпохи зорь»; штейнерианство, напротив, представлялось новообращенному фанатику Эллису естественным увенчанием прежних чаяний, полным

* В оригинале, видимо, описка: «октября». См. прим. 1.

их раскрытием (но ср. крутую перемену его отношения к этой «доктрине» позже, приведшую его к окончательному разрыву и с «Мусагетом», и с русской литературной жизнью — наст. кн. Полнее всего это противопоставление «Мусагета» раннему символизму 1901—1904 гг. обрисовано в письме Эллиса к М. И. Сизовой из Берлина от 31 октября/13 ноября 1911 г.; в нем названы главные приметы Москвы «аргонавтов», «соловьевцев», «блоковцев» («Доктор» и «Учитель» в этом письме — Р. Штейнер): «Помните, раз был в Москве туман, я пришел к Вам, мы гуляли в садике, что-то произошло; мы мечтали о новом объединении Арго, о кабинете магических книг, о астрологии. *Ведь это* Д⟨октор⟩ *предчувствовался*. Вспомните «первое Арго» у Астровых, хаос, бред, но какое единодушие! Дункан, Нарцисс, ночевки у вас, выступления С. Соловьева, выход «Золота в лазури», первые намеки из Данте, еще культ Брюсова и Бальмонта, «Весы», начало перевода Рейсбрука, «Свободная Совесть», возникающий светлый Блок! Ах, тогда было оживление, дружеский подъем!

А теперь, когда Учитель, сверх-человек приходит, магия — реальна, по алхимии и астрологии — уже ведутся занятия, весь мир колышется, наш *Арго* стал «Мусагетом», III Думой гибнущего символизма.

Да, все уже не те! Но я говорю всем: *я не* изменился ни на волосок, я чувствую в себе в *1000* раз б⟨олее⟩ силы именно сейчас, я заявляю, что нужно только окунуться в живые воды реального «действия», чтобы все вспыхнуло снова еще ярче! Нужно отдать душу Учителю!

Я верил, что «Мусагет» будет делать свое культурное дело, свое «предпоследнее», литературно-философски-издательское, но что в тайном сердце их будут все, как один, молиться Кресту и Розе и слушать голос Единственного Учителя, Ш⟨тейне⟩ра, ⟨...⟩.

Объединившись безусловно и цельно на Докторе, мы все этим путем притянули бы магически в «Мусагет» (интимный) или Его, или его Брата *с его благословения*.

Но этого в Москве *не* будет никогда.

Будут жевать уныло и издавать декадентов: Блоков, В. Ивановых, статьи Брюсова, «Логосы», все то, что сгнило и «смердит» (ЦГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 20, л. 113 об.— 114 об.).

[1] Ср. письмо Эллиса к тому же адресату от 4 декабря 1911 г., где он говорит о «пошлостях Блока и мошенничестве В. Иванова» (ГБЛ, ф. 167, к. 7, ед. хр. 39, л. 4).

[2] Это — устойчивая в кругу бывших московских «аргонавтов» и «блоковцев» характеристика жизненного и духовного пути Блока (ср. наст. кн., с. 294). Сам Эллис формулировал ее, в частности, еще в начале 1909 г., в пору временного озлобления на Андрея Белого: «Борис Николаевич, например, любящий землю и ненавидящий готику, ищет примирения земли и неба, что столь же бесплодно, как искать примирения рабства и свободы, идиотизма и гениальности, мужского и женского начал, подлости и благородства, левой и правой стороны. Поэтому-то для него Данте ничто (по его собственным словам), а какой-нибудь *Некрасов* или известный в Петербурге идиот *А. Блок* — все, поэтому-то он смешивает *Святую Деву* с декадентской дамой» (датируемое по содержанию письмо к М. И. Сизовой — ЦГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр., 20, л. 27 об.)

[3] Эллис имеет в виду, по всей вероятности, душевное заболевание Соловьева, корни которого, несомненно, в мировоззренческом кризисе, приведшем Соловьева от ницшеанства к православию (см. наст. том, кн. 1, с. 323).

К. Д. БАЛЬМОНТ — А. М. РЕМИЗОВУ

Париж, 4 января 1912 г.

На днях выйдет моя последняя книга стихов «Зарево зорь», я пошлю Вам, и Блоку [1], и Чулкову, и Верховскому, и Лундбергу (верно, Вы это постарались, что они послали мне книги?), и непомнящему меня Вячеславу, которого я неизменно ценю и люблю.

ГПБ, ф. 634, ед. хр. 53, л. 3.

[1] На «Зареве зорь» в библиотеке Блока есть надпись: «Певцу певучему А. Блоку. К. Бальмонт. 1912. I.31. Пасси». Книга содержит пометы Блока. См.: Р. Б. Д о н г а р о в. Блок — редактор Бальмонта — «Блоковский сб.», 2, с. 421—422. См. также комментарий к дарственной надписи Блока Бальмонту в наст. кн.

В. Н. ИВАНОВСКИЙ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

9/I—1912. Москва

⟨...⟩ При отъезде из Пет⟨ербур⟩га мне так было жаль Вашего милого дружеского кружка... Бог даст, когда-нибудь будем жить в одном городе и часто видаться.

От тебя и от Блока я буду ждать чего-либо для предположенного сборника в пользу голодающих. Я думаю, что переводы (стихотворные они?)

А. М. РЕМИЗОВ
Фотография с автографом. 1912
Музей истории Ленинграда

Новалиса вполне бы подошли, и ты сделал бы доброе дело, если бы дал их. Желательно материал получить в течение января.

ГБЛ, ф. 109. Автограф.

Владимир Николаевич *Ивановский* (1867—1931) — философ, профессор Казанского университета; был в дружеских отношениях с Вяч. Ивановым.

Блок согласился участвовать в сборнике в пользу голодающих, приглашение было ему передано Вяч. Ивановым — см. их переписку по этому поводу — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 33 и «Блоковский сб.» 2, с. 378. Однако план не осуществился; 31 января Ивановский писал Иванову уже из Казани: «Я не решался напоминать тебе о предполагаемом в Казани сборнике в пользу голодающих, внутренно не одобряя таких «экспроприаций»; я и передать просьбу здешнего кружка согласился больше по чувству долга, чем по убеждению. Не знаю, не поздно ли уже теперь присылать, извести немедленно: думаю, что технически еще можно задержать выпуск (а тебе они, конечно, будут страшно рады)» (ГБЛ, ф. 109).

Г. А. ЛАНДАУ — Л. Я. ГУРЕВИЧ

Петербург, 18 января 1912 г.

〈...〉 Вы говорили о приписке и о более широком сборе подписей (Каратыгин [1], Блок, Городецкий, Чапыгин, Шапир [2], Брусиловский [3], Горнфельд, [Дзюбинский] [4], Садовской, Ценский). Не задержит ли это слишком, если приписку присоединить к данному письму.

ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 139.

Григорий Адольфович *Ландау* (1877—1940) — *философ, публицист.*

31 декабря 1911 г. во «Всеобщей газете» «Акционерное общество Брокгауз — Ефрон», выпускавшее эту газету и ряд приложений («Всеобщий ежемесячник» и др.), объявило о прекращении издания газеты и приложений. В этот день Блок записал в дневнике: «Кончается журнал и газетка Ефрона (?). (Очевидно, Проппер пересилил)» (VII, 115); С. М. Проппер — издатель «Биржевых ведомостей»). Общий редактор этих изданий Я. Л. Сакер счел такое прекращение недопустимым и просил передать решение вопроса третейскому суду (см. его заявление — «Речь», 1912, № 4, 5 января). Правление издательства отказалось от третейского суда («Речь», 1912, № 13, 14 января), и 19 января 1912 г. Я. Л. Сакер подробно изложил в печати свои претензии к фирме Брокгауз — Ефрон («Речь», 1912, № 18, 19 января). К этому дню относится недатированная записка Л. Я. Гуревич к Блоку: «Дорогой Александр Александрович, вероятно Вы знаете из газет, если не от литераторов, о деле «Всеобщей газеты» и безобразном деянии фирмы Ефрон и Брокг⟨ауз⟩. В сегодняшнем № «Речи» помещено письмо Я. Л. Сакера, рисующее это дело надлежащим образом. Группа лиц, особ⟨енно⟩ близко стоявших к делу, написала письмо в газеты со своей стороны; Городецкий, как стоявший более далеко, сделал приписку, к которой присоединится еще кое-кто из бывш⟨их⟩ сотрудников журнала.— Хотя я сижу в больнице, где моя девочка 3 дня тому назад вынесла оч⟨ень⟩ серьезную операцию, считаю долгом предложить и Вам — подписаться под припиской Городецкого. В случае, если Вы найдете это уместным, поставьте имя и во всяком случае верните наше общее письмо посыльному» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 236, л. 12). «Общее письмо» (текст составил Г. А. Ландау) было напечатано в «Речи» 22 января 1912 г. (№ 21). В письме говорилось: «В течение нескольких недель конца минувшего года издательство «Брокгауз — Ефрон» усиленно распространяло объявление о подписке на «Всеобщую газету» и «Всеобщий ежемесячник» на 1912 г.; в объявлении сообщалось о предпринятом преобразовании журнала и приглашении новых сотрудников. В соответствии с этим новая редакция (г. Сакера) вступила в переговоры с рядом литераторов относительно работ на 1912 г., заказывала статьи, предпринимала ряд мер по улучшению издания. Доверяя фирме, пользующейся репутацией вполне серьезной, сочувствующие изданию литераторы давали свое согласие, свои имена, которые и были помещены в объявлении о подписке; доверяя фирме, сочувствующие изданию читатели подписывались, и эта подписка продолжалась до самого конца декабря.

Между тем, в последнем номере «Всеобщей газеты» от 31 декабря появилось весьма лаконичное объявление о возврате подписчикам денег ввиду прекращения издания. Как оказывается, издательство «Брокгауз—Ефрон», безоговорочно призывая к подписке и принимая ее, безоговорочно привлекая к работе литераторов, на самом деле — про себя — решило издавать журнал лишь с весьма большой оговоркою, а именно лишь в зависимости от декабрьской подписки. ⟨...⟩ Беззастенчивое обращение с читателем и писателем и введение их в заблуждение публичными обещаниями с умолчанием об условии выполнения таковых, решимость оправдать или не оправдать требуемое доверие в зависимости от изменчивых коммерческих расчетов — все это, завершенное отказом от третейского суда, представляет со стороны серьезной издательской фирмы явление столь противообщественное, что мы считаем себя обязанными не допустить, чтобы оно прошло незамеченным широкими общественными кругами» (письмо подписали Л. Я. Гуревич, Н. Быховский, Г. Ландау, С. Парнок, А. Я. Гуревич). Там же была напечатана и «приписка»: «Жалея о гибели так дружно и удачно начатого в редакции Я. Л. Сакера большого культурного дела, присоединяемся к принципиальной стороне этого письма, протестуя против спекуляции на авторскую отзывчивость и доверчивость. Сергей Городецкий, С. Патрашкин, Александр Блок, И. Брусиловский, Нат. Деген, Федор Сологуб, Алексей Ремизов, А. Чапыгин, В. Гуревич».

[1] Вячеслав Гаврилович *Каратыгин* (1875—1925) — музыкальный критик.
[2] Николай Львович *Шапир* (1879—1919) — журналист.
[3] Исаак Казимирович *Брусиловский* (1865 — 1933) — публицист.
[4] Владимир Иванович *Дзюбинский* (1860—1927) — народоволец, журналист, член Гос. думы.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

Петербург. 30 января 1912 г.

⟨...⟩ Живем с Асей на башне. Вячеслав Иванов великолепен, лучезарен и более *крепок* и *наш*, чем даже в первый период. Он тихо и медленно эволюционирует к *нам*, *нам* и *нам* [1]. ⟨...⟩ Журнал: Вячеслав ⟨Иванов⟩ хочет ежемесячно писать нам нечто вроде обзоров общего характера с отметкою замечательных по его мнению книг [2]. Он хочет много нам писать: для нас он начал статью «*степные колосья*», отрывки из которой читал: эти отрывки — *лучшее из всего, что я знаю*: лучше его предыдущих статей [3]. Вообще он хо-

чет завести у нас свой дневник [4]. Говорил со многими по поводу журнала; намечаются желающие сотрудничать. Профессор Аничков постарается написать для нас (скоро) [5]; на днях буду разговаривать с Сюннербергом [6]; Кузмин пишет о «Cor ardens» [7]. Блок пишет статью [8]. Кстати о Блоке: Блока еще не видел, с ним творится нечто странное: он болен — но вообще его *нельзя* видеть. Все изумляются [9], сам же Блок мне пишет, что он понял Стриндберга и под его знаком (разумею inferno) [10]. Значит, *его преследуют*; это страшно, опасно для Блока, боюсь за него (похоже на Сережу) [11]. Пока на Блока не можем рассчитывать, но все-таки статью даст. ⟨...⟩

Башня. Час неопределенный. Ни день ни ночь.

ГБЛ, ф. 167, к. 2, ед. хр. 52, л. 1—2. Автограф.

[1] 21 января 1912 г. Белый с женой («Асей» — А. А. Тургеневой) приехал в Петербург и тотчас письмом предложил Блоку встретиться на «башне» у Вяч. Иванова. Блок был болен и от встречи отказался; дополнительной причиной отказа было острое отчуждение в эту пору у Блока к Вяч. Иванову, о чем он и писал Белому (25 января): «Если бы я и был здоров, я сейчас не владею собой, мог бы видеть тебя только совсем отдельно и особенно без *Вячеслава Иванова*, которого я люблю, но от которого далек. ⟨...⟩ Пишу Тебе сухо *поневоле*, потому что Ты будешь читать письмо *вне* моего круга — в доме В. Иванова ⟨...⟩ Атмосфера В. Иванова сейчас для меня немыслима» (VIII, 383—384). Особую важность эта рознь имела постольку, поскольку Белый вел в Петербурге переговоры по окончательному устроению журнала «Труды и дни», органа, по начальному замыслу, «троих» (см. наст. кн., с. 383, 394). Блок в связи с этим говорил в том же письме: «Вы сейчас обсуждаете журнал. Я менее, чем когда-либо, подготовлен к журналу. Быть сотрудником, прислать статью я могу. Но я *один*, измучен, я особенно боюсь *трио* (с В. Ивановым)» (там же, с. 383). Белый не мог принять блоковского самоперевода в разряд обыкновенных сторонних сотрудников, отказа от интимной связи троих «во Имя» и убеждал друга: «Пойми, без твоего внутреннего касания журнала меняется самая структура его» и настоятельно просил о встрече для чисто делового разговора о журнале («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 284); по-видимому, это письмо, именно судя по этим фразам, есть ответ на цитированное письмо Блока, а не наоборот. Противление Блока первоначальной формуле журнала объясняет осторожные выражения, в которых говорит о его сотрудничестве Белый в письме к Метнеру от середины февраля 1912 г.— см. наст. кн., с. 394.

[2] С подобной статьей Иванов выступил в «Трудах и днях» лишь однажды: «Marginalia. Вольфинг, Модернизм и Музыка».— Зенкевич, «Дикая Порфира».— Гуро, «Осенний сон»» (1912, № 4 — 5, июль — август).

[3] 8 или 9 марта 1912 г., уже из Москвы Белый сообщал Блоку: «В. Иванов. «*Дикие колосья*» (дописываются)»; эта статья намечалась в № 3 «Трудов и дней» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 287), однако ни там, ни в другом месте статья Иванова под таким названием не появлялась.

[4] Этот замысел, лежавший в основе журнала, не осуществился.

[5] Е. В. Аничков в «Трудах и днях» не печатался.

[6] К. А. Сюннерберг (под своим обычным литературным именем — Конст. Эрберг) напечатал в № 3 (май — июнь) на 1912 г. статью «Искусство — вожатый», которая была в портфеле редакции уже в первой половине марта (там же).

[7] Отзыв М. А. Кузмина на первый том книги Вяч. Иванова «Cor Ardens» (М., 1911) был напечатан в № 1 журнала; ее появление оказалось для Блока дополнительной причиной к общему острому недовольству первым номером нового журнала в целом (VIII, 386—387).

[8] В письме от 25 января 1912 г. Блок — с оговоркою — обещал свое сотрудничество Белому: «Я продолжаю писать очень мало ⟨...⟩; но сквозь тяжелое равнодушие, которое мною овладело в эти дни, постараюсь написать. Потом будет виднее» (VIII, 383; следует иметь в виду, что письмо Блока известно только из его дневника, и отправленный текст мог быть определеннее в выражениях). Единственным выступлением поэта в «Трудах и днях» стала статья «От Ибсена к Стриндбергу» (1912, № 2, март—апрель; V, 455).

[9] О затяжном недуге Блока см. прим. к письму Г. И. Чулкова к Н. Г. Чулковой от 30 января 1912 г., а также с. 385, 403.

[10] См. цитированное выше письмо Блока от 25 января 1912 г. В ответ Белый говорил 6 февраля о сходном собственном переживании романа А. Стриндберга «Inferno» («Ад»): «Когда я читал «Inferno», то я был глубоко потрясен *своим*, *родным* страданием. И была мне радость в том, что вот не один... И Стриндберг — то же» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 286).

[11] Белый имеет в виду душевную болезнь С. М. Соловьева (см. наст. т., кн. 1, с. 323).

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

〈Петербург,〉 30 января 1912

〈...〉 Блока я так и не видел: он болен.

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 7 об. Автограф.

Еще 27 января 1912 г. Чулков писал жене: «Про Блока слыхал, что он очень мрачен и пьет горькую» (там же, л. 4 об.). За этими слухами — затянувшиеся тяжелое физическое недомогание и душевный кризис поэта, засвидетельствованный его дневником; он не принимает посетителей, отказывается от встречи с приехавшим из Москвы А. Белым и т. п. Характерны, например, записи от 27 и 28 января: «Разговоры, болтовня. С Любой играем в дураки и акульки. Тоска смертная, к ночи, скверный сон. 〈...〉 Бесконечная, до сумасшествия игра в дураки и в акульки. Слабость, тоска» (VII, 128). 27 января 1912 г. Чулков писал Блоку о желании встретиться с ним, но при этом он не решался посетить Блока, опасаясь столкнуться у него с Белым (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 39).

О. К. СОКОЛОВА — А. В. РУМАНОВУ

Петербург 〈4 февраля 1912 г.〉

Будьте так добры уведомить меня: могу ли я заехать к Вам в понедельник 6-го и в котором часу? Мне необходимо поговорить с Вами по поручению господина Блок.

ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 601, л. 1. Дата установлена по почт. шт.

Ольга Константиновна *Соколова* (Мартино, Мартыно; даты жизни установить не удалось. В 1908 г. для записи в домовой книге она указала, что ей 35 лет. — ЦГИА Латв. ССР) — автор «Дневника женщины, которую никто не любил», как назвал его Блок (VI, 23—37). Впервые она пришла к Блоку 10 декабря 1911 г. (VII, 101) и оставила дневник для прочтения. Спустя недели две она напомнила Блоку о себе письмом (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 404, л. 1; выдержки из него см. VI, 35, 501). 28 и 30 декабря Блок читал дневник (VII, 113—114). 1 января 1912 г. Блок пригласил Соколову на разговор, который и занял 4 часа 2 января (VII, 118). Блок колебался в вопросе о необходимости печатать дневник. 5 января он обсуждал эту тему с Городецким и Пястом (VII, 119). 15 января Блок пишет Соколовой об условиях его участия в издании дневника (VII, 124) и 17—23 января пишет предисловие к дневнику. 26 января Блок пишет Румянову, ссылаясь, видимо, на разговор 11 января (ср. VII, 122): «... у меня лежит на совести то чужое дело с дневником, о котором я Вам говорил в прошлый раз. Вы тогда так любезно согласились принять участие в этом деле, что я решаюсь теперь просить Вас принять автора дневника — Ольгу Константиновну Соколову — и, если Вы найдете возможным, способствовать изданию. Она принесет Вам (или я пришлю прежде, как хотите) мое предисловие вместе с дневником. В случае Вашего согласия, позвольте еще просить Вас не назначать определенного дня, а просто я напишу ей, что Вы дома в такие-то часы (от 8 до 9, например?). Это потому, что я просил ее кое-что сократить и исправить, на что потребуется неопределенное время» (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 73, л. 3—4). 1 февраля Румянов отвечал: «Пусть г-жа Соколова зайдет, когда хочет, вечером» (ф. 55, оп. 2, ед. хр. 59, л. 2). 3 февраля Соколова взяла у Блока свой дневник и его предисловие (VII, 129). Однако печатание дневника не состоялось. Неизвестно, ознакомился ли А. В. Румянов с дневником полностью. В недатированном письме к нему Соколова сообщает о невозможности своего визита по состоянию здоровья, и предлагает устроить читку у себя (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 601, л. 2). В бумагах Румянова сохранилось авторское предуведомление к дневнику. Приведем из него некоторые автохарактеристики: «Выдающейся наклонностью, почти исключительно господствующей, является безумная любовь к музыке, обнаружившаяся с первыми проблесками сознания. Врожденные дарования к композиции, утонченный слух и сильный металлический голос — вот все те данные, которые ярко дали о себе знать в самом раннем детстве 〈...〉 Неразрывно с страстным музыкальным влечением проходит красной нитью через весь дневник интенсивная любовь к человечеству» (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 886, л. 1, 3 об.).

Обращение Соколовой к Блоку в 1911 г. было не первой ее попыткой издать свой дневник — ранее она адресовалась к Брюсову, с которым была знакома (в статье Блока и в его дневнике этот факт не упомянут; возможно, Соколова скрыла его от Блока). Она писала Брюсову из Киева 8 марта 1902 г. (на конверте помета Брюсова «Мартыно. Любовное»): «... по всей вероятности Вы забыли даже о том, что встретились со мной в Петербурге 〈...〉 Душевное одиночество на этом свете есть одна из самых ужасных вещей. Вы, конечно, не можете понять меня как счастливый человек, и в сущности, я сознаю, что глупо навязывать свои душевные страдания другим, но человеку свойственно себя обманывать. Мне кажется, что Вы отнеслись ко мне душевно и хочется верить, что это не обман воображения, а действительность, что Вы хороший такой, каким я сочла Вас. Ведь легче жить одним сознанием, что есть хорошие люди. Я не эгоистка и не такая гад-

кая, какой Вы меня назвали, но я устала жить одними вечными страданиями и потому я не похожа на других людей». В следующем письме, от 5 апреля 1902 г., Соколова писала: «Если не трудно Вам, дорогой Валерий Яковлевич, то пришлите мне наложенным платежом Ваши произведения. Кажется, книга новых стихов (...) Я злоупотребляю Вашей добротой. Вы были моим Ангелом-хранителем в Петербурге и здесь, а я утомляю Вас бесконечной бессмыслицей моей жизни. Ничего я Вам не сделала хорошего, и встреча со мной не могла Вам доставить большого удовольствия, однако Вы настолько добры, что еще и написали мне сюда, что было для меня приятной неожиданностью и что оживило нравственно (...) Я иногда совершенно не чувствовала жизни, и казалось, что умираю, да пожалуй и можно т⟨аким⟩ о⟨бразом⟩ умереть, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ мысль — идея смерти может быть настолько сильна, что и сама смерть явится в виде самовнушения. У меня есть интересные психологические в данном случае явления самонаблюдения, записанные в дневник. (...) Может быть, это и будет, но по крайней мере не теперь, когда Вы отвлекли все мои душевные силы от такого ужасного направления и приковали к себе, откликнувшись на мое безотрадное послание». 3 января 1908 г. она писала Брюсову из Риги: «Пишу в надежде, что может быть, Вы еще не забыли наше случайное знакомство в Петербурге. (...) Мне хотелось бы издать дневник свой, написанный в течение 20-ти лет. Содержание — анализ душевных движений и полового чувства. Теперь я пришла к некоторым — окончательным выводам, и мне советуют напечатать» (ГБЛ, ф. 386, к. 4, ед. хр. 19). Об отклике Брюсова на это сообщение нам ничего не известно.

А. С. ЕМЕЛЬЯНОВ — В. Я. БРЮСОВУ

с. Манзурка, Иркутской губ., 7 февраля 1912 г.

(..) Я — политический ссыльно-поселенец. По моей инициативе в нашей волости составился небольшой (пять тов⟨арищей⟩) кружок, поставивший своей целью более или менее серьезное и глубокое ознакомление с новейшей российской художественной литературой, ознакомление с ней и изучение ее. Желание — настойчивое, острое, но... необходимых материалов для осуществления этого желания нет или почти нет. Где и как раздобыть эти материалы — художественную литературу? Купить — нет абсолютно никакой возможности ввиду отсутствия средств. Что же делать, как быть? Мы решили обратиться к художникам слова с просьбой о бесплатной высылке по одному более или менее полному экземпляру своих произведений, в надежде, что эта просьба не будет оставлена без внимания, в надежде встретить живой отклик на нее.

С этой просьбой обращаюсь и к Вам. Но не только с этой, а еще и с следующей. Не имея адресов авторов (К. Бальмонта, В. Иванова, А. Блока и т. д.) и предполагая, что Вам приходится часто сталкиваться с ними, я очень прошу Вас и их ознакомить, если найдете возможным и нужным, с этой просьбой о бесплатной высылке своих творений.

ГБЛ, ф. 386, к. 85, ед. хр. 48, л. 1—1 об.

[1] Возможно, что в связи с запросом этого кружка Блок содействовал в посылке журнала «Заветы» каторжанам Иркутской губернии, о чем он писал З. В. Зверевой 27 мая 1913 г. («Лит. газета», 1971, № 31, 28 июля, с. 7).

А. А. ПОПОВ (ВИР) — Б. В. ТОМАШЕВСКОМУ

Петербург, 12 февраля 1912 г.

(...) Следующее начало стих⟨отворения⟩ В. Григорьева «Грузинка» [1]:

Она мила невинной красотою:
Ее душа как снег на теме гор,
Блистающий полуденной порою,
Еще чиста; в ней тих и ясен взор,
Он страстию не возмущен земною.
Смотрите, вот она между подруг
Под звуки бубн, лезгинку пляшет с ними, —

невольно напоминает стихотворение Блока:

Она росла за дальними горами...
Пустынный дол ей родина была...
...И только лик бессмертного светила,
Что день,— смотрел на *девственный расцвет*, — [2]

тем более, совпадение размеров.

ГБЛ, ф. 645.

[1] «Грузинка» В. Н. Григорьева (1803—1876) была напечатана в «Северных цветах на 1829 год».

[2] I, 103. Характерно восприятие лирики эпохи Жуковского молодыми историками литературы 1910-х годов как «блоковской». Ряд аналитических описаний литературы романтизма у литературоведов этого поколения имеет внутренним импульсом переживание поэзии Блока.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

〈Петербург, 1912 г., середина февраля〉

Милый Эмилий Карлович!

Вы удивляетесь задержкой номера [1]. Она обусловлена рядом естественно возникавших причин. Скажу прямо: когда В. И. Иванов прочел номер первый, то он очень похвалил его, но поставил вопрос ребром. «Вы — о культуре: культура... но, культура для нас есть символизм, т〈о〉 е〈сть〉 искомое мировоззрение, в чем все три мы (Вы, Я, Он) согласны (символизм для него и для меня). Ну так почему о символизме, в более прямом определении— ни слова? [2]

Символизм в России затерт ренегатством Москвы (Брюсов) и ренегатством Петербурга (явные разительные примеры тому я видел). И вот в трудные времена, когда к «Мусагету» стоят ближе всего Иванов (автор «К звездам» [3]) и Белый (написавший до 1200 печатных страниц только *о символизме*) — о символизме *ни слова*. 〈...〉 Ряд разговоров привели к тому, что я серьезно почувствовал — предстоит выбор: между Ивановым и Гессеном — Яковенко [4]. И альтернатива: если программный № будет такой, Иванов и Блок писать не станут, и мы обречены все время пробавляться логосовцами; если передвинуть центр первого №, Иванов душой и *пером* — наш навсегда, а Гессен и Яковенко *все-таки будут*, но не в столь густом виде. И я — задержался. 〈...〉 Поймите же, что я не могу выкинуть Иванова из журнала, ибо тогда, без поддержки его и Блока, *все* самое нужное будет звучать под сурдинкой. 〈...〉

Вы можете мне сказать, как сказали когда-то: «Не соединяйте свое писательское служение всецело с «*Трудами и Днями*». Но — Мог ли я формалистично выпустить от нас Иванова и Блока, ради того, чтобы *поспеть* к такому-то числу. 〈...〉

ГБЛ, ф. 167, к. 2, ед. хр. 55, л. 1—3. Датируется по содержанию.

Белый привез в Петербург (см. прим. к его письму от 30 января 1912 г.— наст. кн., с. 391) составленный в Москве редакцией «Мусагета», но еще не выпущенный первый номер «Трудов и дней»; его состав в значительной мере определялся участием философов-неокантианцев, собравшихся в журнале «Логос». Под давлением Вяч. Иванова, взывавшего, несомненно к имени Блока, который письменно изложил свое недоверие к журналу, номер подвергся коренной переработке. Он открылся программно-символистскими статьями Вяч. Иванова — «Мысли о символизме», Андрея Белого — «Символизм», Владимира Пяста — «Нечто о каноне» (Пяст появился в «Трудах и днях» по настоянию Иванова и Блока — см. прим. 1 к письму Белого Метнеру от 9/22 апреля 1912 г. наст. кн., с. 397), тут же была напечатана заметка М. А. Кузмина о книге Иванова (см. прим. 7 к письму Белого к Метнеру от 30 января 1912 г.— наст. кн., с. 390); «логосовцев» в окончательном варианте первого номера представлял один Федор Степун статейкой последнего отдела, излагавшей программу «Логоса» как одного из подразделений «Мусагета», наряду с аналогичными программами «Мусагета» и «Орфея», подписанными Метнером, Ивановым и Белым. В первом своем письме по возвращении из Петербурга в Москву Белый говорил Блоку, что этот «государственный переворот» в «Мусагете» обидел «логосовцев» (ср. прим. 4); недоволен им был и сам Метнер (ср. наст. кн., с. 397). Однако в самой резкой форме свое недоволь-

ство обликом и внутренней сутью первого номера «Трудов и дней», а по нему — и всего начинания, получившего окончательную форму именно под напором воли Вяч. Иванова, высказал. Блок в известном письме к Белому от 16 апреля 1912 г. (VIII, 386—388).

[1] По причине указанных выше перемен в его составе первый номер вышел только к началу апреля 1912 г., как это видно из письма Белого к Блоку 4 апреля 1912 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 291), хотя поначалу Белый обещал его выход к середине февраля (там же, с. 287).

[2] Ср. в названном выше письме Блока от 16 апреля 1912 г.: «Первый — сразу заведен так, чтобы говорить об искусстве и школе искусства, а не о человеке и художнике. Этим обязаны мы Вячеславу Иванову. Мне ли не знать его глубин правд личных? Но, мне больно, 〈...〉 когда он восклицает о καθαρσις'е 〈катарсисе〉 тем же тоном в 1912 году, как в 1905 году; 〈...〉». И далее снова и снова Блок говорит о невозможности для него разделить упорную проповедь Иванова о символической школе (VIII, 386—387).

[3] Белый неточно называет первую книгу статей Иванова «По звездам» (СПб., 1909).

[4] Ср. в письме Белого к Блоку от 〈8 или 9 марта 1912 г.〉 (по поводу казавшегося ему возможным, но неосуществившегося приглашения в «Труды и дни» Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова): «Конечно Булгаков + Бердяев = *Бугдяев* будет в минимальном виде, как и Гессеякенко (Гессен + Яковенко). Они — рама в картине журнала, которого ядро — Ты, я, Иванов» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 288). См. также в письме Белого к Метнеру от 22 апреля 1912 г.: «Благодарю очень моего *единственного* читателя в Москве Н. К. Метнера за его *комплимент* моей глубоко бестактной и ненужной статье о символизме, в которой я касаюсь глубоко похороненного и сданного в архив вопроса (по мнению логосовцев) — вопроса о том, есть ли школа русского символизма. Я-то думал, что вопрос этот *по-новому* ставится в первом номере нашего общего журнала; оказывается, я ошибался. Мой товарищ по журналу опять-таки не без удовольствия цитирует мнение врагов символизма, логосовцев, о том, что вопрос, затронутый нами с Ивановым, ненужный вопрос. А раз вопрос этот не нужен, то не нужен вообще и я и Иванов в журнале» (ГБЛ, ф. 167, к. 2, ед. хр. 57, л. 1).

С. К. МАКОВСКИЙ — В. Я. БРЮСОВУ

Царское Село. 18 февраля 1912 г.

〈...〉 Может быть, до Вас уже дошел слух о том, что литературный Петербург собирается чествовать Бальмонта по случаю двадцатипятилетия его литературной деятельности. Форма чествования — торжественное заседание нео-филологического о-ва с речами, адресами, приветствиями и другими «юбилейными» атрибутами. Характер же предполагается — самый широкий, с представителями, по возможности, от всех лагерей, даже от... «Русского богатства» [1]. Идея этой всеобщности принадлежит Вячеславу Иванову [2], но в конце концов все участники (Зелинский [3], Батюшков [4], Аничков [5], Блок [6], гр. Толстой [7], редакция «Аполлона» [8]) согласились с тем, что «Бальмонту» прошла достаточная давность для объединения всех на его имени...

Только сегодня выяснился день: 11 марта, днем, в зале земского собрания, на Кабинетской.

ГБЛ, ф. 386, к. 93, ед. хр. 28, л. 4. Автограф.

В ответ Брюсов писал Маковскому 25 февраля 1912 г., выражая свое желание быть «на празднике Бальмонта» и, одновременно, неуверенность в исполнении этого желания. После чего 6 марта сам Вяч. Иванов настоятельно звал его, но 8 марта, когда в программе чествования была уже объявлена его речь «Творчество Бальмонта», Брюсов окончательно отказался приехать (ЛН, т. 85, с. 535—536); его приветствие было зачитано, среди многих других (ср. прим. 6), на заседании. Заседание состоялось 11 марта 1912 г., как и указывает Маковский, в зале С.-Петербургской губернской управы, в 2 часа дня; протокол этого заседания — «Записки Неофилологического общества при имп. СПб. ун-те», вып. VII. СПб., 1914.

[1] «Русское богатство» (СПб., Пг., 1876—1918) — либерально-народнический, после первой русской революции — полукадетский журнал; для модернистов — цитадель самого заскорузлого, безжизненного литературного староверия.

[2] Вяч. Иванов на торжестве произнес речь «Лиризм Бальмонта» (напечатана под заглавием «О лиризме Бальмонта».— «Аполлон», 1912, № 3-4, вторично — в указ. вып. «Записок Неофилологического общества»). В день чествования он поместил в газете «Речь» (1912, № 69) статью «К. Д. Бальмонт».

[3] Ф. Ф. Зелинский.

[4] Ф. Д. Батюшков прочел на юбилейном заседании речь «Поэзия К. Д. Бальмонта» (опубликована в указ. вып. «Записок Неофилологического общества»).

[5] Е. В. Аничков на заседании выступил с речью «Бальмонт и английская поэзия», но в указ. вып. «Записок Неофилологического общества» помещена не она, а статья «Бальмонт и „новые веяния“».

[6] Программой чествования была предусмотрена речь Блока, как видно, одного из его инициаторов, «Бальмонт и польская душа», тема которой, по всей вероятности, была выбрана по связи с речами Ф. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова; в указ. выше протоколе заседания (с. 56) сказано, что она не могла быть произнесена «по нездоровию». Но в дневнике Блока имеется запись, свидетельствующая о резком изменении в его отношении к самому характеру юбилея: «〈...〉 11 марта в заседании «старичков», чествующих Бальмонта, где упоминается мое имя, не буду участвовать: нездоров все еще; не нужно никому; противно профессорье; устраивается «по приглашению» (отметим, что ни Блок, ни Вяч. Иванов не были членами Неофилологического общества — Н. К.) и т. д., т. е.— ни для кого, для никого» (VII, 131). В заседании, по тому же протоколу (с. 60) было оглашено— последним, шестьдесять восьмым номером — особое приветствие Бальмонту от Блока, текст которого не разыскан («Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 1, с. 476).

[7] А. Н. Толстой.

[8] От редакции журнала «Аполлон» в заседании было оглашено особое приветствие, как и коллективное приветствие от «Цеха поэтов».

А. А. КОНДРАТЬЕВ — В. Я. БРЮСОВУ

Петербург. 19 марта 1912 г.

〈...〉 Неделю и более тому назад я дважды очень был огорчен Вашим отсутствием на вечернем и дневном чествовании двадцатипятилетия литературной деятельности Бальмонта. Причина огорчения исключительно та, что мне не удалось Вас видеть и слышать. В Неофилологическое общество я пошел (исключительно) только потому, что Ваше имя стояло на программе. Я от души негодовал на курсисток, шептавших сзади меня: «Ах, какая жалость, нет ни Брюсова, ни Блока»... Впрочем, то были барышни, тяготевшие и к Вячеславу Иванову...

ГБЛ, ф. 386, к. 90, ед. хр. 9, л. 3. Автограф.

О юбилее К. Д. Бальмонта и предполагавшемся участии в нем Блока см. выше письмо С. К. Маковского В. Я. Брюсову от 18 февраля 1912 г.

Б. ПЕРС — ВЯЧ. ИВАНОВУ

20 марта/2 апреля 1912 г.

〈...〉 Весьма благодарен за Вашу хронику. Перевод вышел довольно удачно: а хроника сама прекрасная. Только очень трудно перевести цитировки из Блока. Включаю наш перевод (в прозе). Прошу Вас убедительно, если Вы найдете, что надо изменить его, немедленно послать свои поправки. Это уже почти последние части, так как первая корректура уже прошла: но корректура хроники будет самой последнею, так что немедленный ответ поспеет.

ГБЛ, ф. 109.

Бернард *Перс* (Pares; 1867—1949) — английский русист-историк, публицист, переводчик на английский язык И. А. Крылова и А. С. Грибоедова. С 1912 г.— соредактор (с М. Берингом и С. Н. Харпером) издававшегося в Лондоне журнала «Русское обозрение» («The Russian Review»). Помимо англичан, в журнале принимали участие П. Виноградов, П. Струве, С. Ольденбург, С. Булгаков и др.; из русских литераторов, печатавшихся там, отметим М. Гершензона.

Вяч. Иванов дал согласие вести «Литературную хронику» в журнале. Он был знаком с Б. Персом, видимо, с 1907 г. Первое письмо английского профессора к русскому поэту датировано 1910 г. (ГБЛ, ф. 109). Связующим звеном в сотрудничестве между ними был, по-видимому, В. Ф. Гефдинг — ср. его письмо к Иванову от 18 марта 1912 г. (там же).

Вяч. Иванов подготовил, однако, только один выпуск хроники — для № 2 журнала за 1912 г. Он состоял из заметок: «Посмертные произведения Толстого», «Константин Бальмонт» и следующей за ней заметки о новой книге Блока «„Ночные часы“ Александра Блока». Отзыв Иванова о книге Блока остался незамеченным А. Пайман — см. ее «Материалы к библиографии Александра Блока (зарубежная литература)» — «Блоковский сб.», 1, с. 557—573 и более поздние публикации.

Русским текстом заметки Вяч. Иванова о Блоке мы не располагаем. Ниже мы публикуем ее фрагменты в переводе с английского (в соответствующих местах приводится подлинный текст Блока).

«„Ночные часы“ Александра Блока.

Но если мы обратимся к самому симпатичному из более молодых лириков, чей талант не уступает в силе бальмонтовскому — я имею в виду Александра Блока, только что выпустившего новый сборник «Ночные часы», волшебство стихов которого по их певучему и мучительному душевному воздействию подобно лишь звукам скрипки, — мы встретим совершенно иной строй чувствований, нежели солнечный пантеизм Бальмонта. И поскольку в истинно лирическом создании всегда слышно волнение души народной, мы должны заключить, что русская душа все еще глубоко омрачена, все еще страждет от нравственных ран, нанесенных войной и крушением великих надежд. ⟨...⟩

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Знала ли что? Или в бога ты верила
Что там услышишь из песен твоих?

И далее:

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты сонное марево?
Вольным играешься духом моим? ⟨III, 259⟩

Но, сколь ни болезненны эти переживания, они в отличие от прежней безнадежности, несут в себе, как нам кажется, здоровое семя. Это семя — страстная волнующая религиозная любовь к стране».

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ

⟨Брюссель, 9/22 апреля 1912 г.⟩

⟨...⟩ Относительно статьи Вл⟨адимира⟩ Пяста скажу вот что: без Вас, также как без Блока и Иванова, я отказываюсь вести журнал в том виде, в каком он существует. Слабость статьи Пяста для меня не тайна. Я должен был, принимая ее, считаться с непременным желанием Иванова и Блока видеть ее в печати, и потому упреки Ваши *тут ни при чем* [1]. Считаю эту статью слабой лишь в стилистическом отношении. В осведомительном отношении она *очень и очень полезна*, возвращая к недавнему спору о символизме, положившему основу теперешней группировке русских символистов: Иванов, Блок, Я [2]. Опять-таки удивляюсь, почему Ваше veto не проявилось, пока статья была в наборе, если лично она Вам так неприятна. ⟨...⟩

Вы просите меня быть построже: но, дорогой, авторы народ обидчивый: и приглашая в журнал *избранных*, аристократов духа, как Н. В. Недоброво [3], нужно помнить, что нельзя их заставить *маршировать* по команде. Я по крайней мере умею создать атмосферу согласия, стараюсь натолкнуть на мысль. Командовать и отдавать приказания считаю невозможным, как считаю невозможным для себя выслушивать *Советы*, имеющие характер циркуляров правительства.

Если мои слова Вас шокируют и Вы остаетесь при своем мнении, то — не поздно и покончить со всей затеей. Я, по крайней мере, опираясь на Блока и Иванова столь же, сколь и на Вас, нахожусь в самом тяжелом положении: я выслушиваю диаметрально противоположные упреки с Вашей стороны и со стороны Петербурга. Вы, который так цените *количество* минут, уделяемых людям, как же Вы не видите, что месячная тягостная жизнь моя в Петербурге [4] *едва-едва* дала возможность осуществить блок: Иванов, Вы, Я, Блок.

ГБЛ. ф. 167, к. 2, ед. хр. 57, л. 1—2. Автограф. Датируется по почт. шт.

[1] Речь идет о статье Пяста «Нечто о каноне», помещенной Белым в первом номере «Трудов и дней» в результате перестройки этого номера под влиянием Вяч. Иванова (см. наст. кн., с. 394).— Блок настойчиво рекомендовал Белому Пяста еще в письме от 25 января 1912 г. (VIII, 383—384). И Белый признал вскоре в письме к Блоку: «Через Тебя Пяст *входит к нам*: он — наш» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 288).

[2] Имеется в виду спор о символизме, в котором столкнулись Вяч. Иванов, Блок, Брюсов, Белый — см. наст. кн., с. 365—372.

[3] Н. В. Недоброво поместил в «Трудах и днях» (1912, № 2, март—апрель) статью: «Ритм, метр и их взаимоотношение» и заметку «Общество ревнителей художественного слова в Петербурге». Первая из них уже значится в плане № 2, сообщенном Блоку в письме Белого от (8 или 9 марта 1912 г.). Там же Белый называет Недоброво одним из тех «немногих» людей в Петербурге и Москве, ради «взаимного ознакомления и сближения» которых создается журнал («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 297—298).

[4] Белый имеет в виду свою поездку у Петербург в январе — феврале 1912 г.— см. наст. кн., с. 390.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

〈Петербург,〉 18 апреля 1912 г.

Милый Женя, после Вашего ухода я все думала о нашем с Вами разговоре. И в частности о моем Саше. Мне кажется, дорогой мой Женя, Вы не знаете, насколько велика Сашина холодность. Вы как-то не допускаете себя верить, насколько он бесчувствен. А ведь уж надо это помнить, и если Вы его любите, не ждать от него чувств. Вы говорите: «Я мог бы околеть, и он не пришел ко мне». Да.

Что же делать? Он такой. У него это от отца и от матери. Я тоже бесчувственный или, как это принято называть, бездушный человек. Вы с Маней [1], оба, не хотите этого принять. А надо, потому что надо знать того, с кем имеешь дело, и не ждать от него того, что он не может дать.

Саша живет страстями и духом. Это было с самых малых лет. Чувства — это ему было чуждо всегда.

Судите, как хотите, отвернитесь от него, но не собирайте смокв с терновника [2].

Оба мы любим Вас, Женя, и Маню, как умеем. И оба знаем наверное, что эта любовь настоящая.

Ваша Александра Андреевна

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] М. П. Иванова.

[2] Евангельская реминисценция: «Ибо всякое дерево познается по плоду своему; потому что не собирают смокв с терновника, и не снимают винограда с кустарника» (Евангелие от Луки, VI, 44; ср.: Евангелие от Матфея, VII, 16).

А. А. ПОПОВ (ВИР) — Б. В. ТОМАШЕВСКОМУ

Петербург, 29 апреля 1912 г.

〈...〉 С. Городецкий (в газете «Против течения») увидел в лирике Блока утверждение, будто «жизнь и искусство навсегда разделены» [1] — тогда как Блок совсем не касался вопроса об отношении жизни к искусству, что было бы смешно, т. е. тогда он 〈бы〉 не служил, по его словам, бедекером к В. Иванову, ставши с ним в таком случае в явное противоречие.

ГБЛ, ф. 645.

[1] Речь идет о статье Блока «О современном состоянии русского символизма». С. Городецкий в статье «Страна Реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедекер» («Против течения», 1910, № 1, 15 октября) писал: «Одно еще необходимо сказать. Это о фразе Блока «Художник должен быть трепетным в самой дерзости, зная, чего стоит смешение искусства с жизнью и оставаясь в жизни простым человеком». С этим необходимо спорить. В основе этой фразы лежит утверждение, что жизнь и искусство отдельные, оторванные друг от друга вещи, что поэт с десяти до двенадцати творит, а с двенадцати до десяти «остается простым человеком». Это сильная, вредная неправда. Жизнь и искусство одно. Процесс жизни, по существу, однороден с процессом искусства. Поэт всегда поэт, и когда поет стихи, и когда ест кашу. Это раз. И два. Всякий человек поэт, и тот, который записывает свои стихи, и тот, который свои стихи раздает билетиками трамвайным пассажирам». Ср. письмо С. Городецкого Блоку от 27 ноября 1910 г. (наст. т., кн. 2, с. 49—50).

А. В. РУМАНОВ — А. М. РЕМИЗОВУ

Петербург, 16 июня 1912 г.

Чувствую вину небольшую перед Вами: знал, что у Вас беда, не ладятся дела Ваши, но сам переживал (и переживаю) такие черные дни, что отстранял мысли о Вас и, может быть, не сделал всего, что мог бы сделать... Я ведь думал, что уже давно все устроилось и слова А. А. Блока ударили меня неожиданностью.

ГПБ, ф. 634, ед. хр. 184, л. 1.

Речь идет об издании книг для детей в издательстве И. Д. Сытина, чьим доверенным лицом был А. В. Руманов. (См. наст. т., кн. 2, с. 104). Блок писал Руманову: «Ремизову дозарезу нужны деньги — 600 р., которые полагаются за книжки. Он опять плохо себя чувствует, необходимо ему уехать, отдохнуть, он здесь ни поправиться, ни работать не может. Ему бы уехать на днях. Вы меня простите, что я все время на Вас наседаю с делами; мне и это тяжело, и хочется с Вами не о том говорить, но и за А. М. ⟨Ремизова⟩ тяжело» (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 73, л. 6—7). 8 июня Блок записал: «После обеда пришел Руманов, с которым был тяжелый разговор о положении А. М. Ремизова. Он обещал ... Не знаю, что из этого выйдет» (VII, 149). 16 июня Руманов сообщил Блоку: «У меня все черные дни и мне трудно отрешиться от дел моих. С Ремизовым кое-что налаживается. Я получил от него письмо и сегодня уже ответил» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 59, л. 4).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово,⟩ 20 июня 1912 г.

⟨...⟩ Будете у Мережковских, увидите Поликсену Сергеевну и Тату [1]. Обе они так дороги мне. Не забудьте тогда, когда их увидите, сказать им, что я горячий, горячий им шлю привет. А Тате еще и благодарность за ту прислугу Веру, которая теперь у Саши, выручила его, когда он остался один. Это Тата прислала, когда я расшибалась в поисках. ⟨...⟩ Знаете ли Вы, что Сашу моего приглашал Сапунов за 6 часов до своей смерти на ту самую лодку, под которой он погиб? И Саша отказался, благодаря Бога [2].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] П. С. Соловьева и Т. Н. Гиппиус.

[2] Николай Николаевич *Сапунов* (1880—1912) — художник; утонул в Финском заливе в ночь с 14 на 15 июня. «Мама, не беспокойся обо мне, когда прочтешь в газетах известие, что Сапунов утонул в море около Териок,— писал Блок А. А. Кублицкой-Пиоттух вечером 15 июня.— Меня там не было, я не поехал, хотя за 6 часов до этого он меня звал туда по телефону устраивать карнавал» («Письма к родным», II, с. 203—204; ср. дневниковые записи Блока от 14 и 15 июня 1912 г.— VII, 150). В письме от 15 июня Л. Д. Блок сообщила Блоку подробности гибели Сапунова (см.: ЛН, т. 89, с. 282).

М. О. ГЕРШЕНЗОН — М. Б. ГЕРШЕНЗОН

⟨Петербург. 29 июня 1912 г.⟩

⟨...⟩ оказалось, что утром приехал Ремизов и дал ему ⟨Ю. Н. Верховскому⟩ знать, что вечером будет у него, так он не может, но просит ⟨...⟩ приехать к нему; будет и Блок. ⟨...⟩ почти в 1 ч. я попал к Верховскому, где застал Ремизова и Блока [1]. ⟨...⟩ Блок совсем не такой, каким он кажется по стихам: не хрупкий, но изящный. Он хорошего роста, очень кореnаст и широкоплеч, и слегка сутуловат, лицо сухое, длинное, очень серьезное и привлекательное строгой честностью. Посидели мы еще с час, было уже 2 часа; в третьем ушли, и мы с А⟨лексеем⟩ М⟨ихайловичем⟩ поехали на Таврическую [2].

Печатается по копии в собрании Н. В. Котрелева.

Михаил Осипович *Гершензон* (1869—1925) — историк русской литературы и общественной мысли; Блок писал о нем в дневнике (27 декабря 1911 г.): «трудолюбивый, талантливый и любящий настоящее исследователь» (VII, 110).

Мария Борисовна *Гершензон* — жена М. О. Гершензона.

М. А. КУЗМИН
Фотография с автографом, 1912
Музей истории Ленинграда

[1] Эта встреча занесена Блоком в дневник: «Вечером у Верховского ⟨...⟩. Вечером туда пришел сегодня неожиданно приехавший А. М. Ремизов. Вслед за ним — Гершензон. Сидели тихо — все больные» (VII, 154).

[2] Т. е. на «башню» Вяч. Иванова, где остановился Гершензон, в отсутствие хозяина, бывшего за границей; Ремизов жил в это время также на Таврической улице.

А. М. КОЖЕБАТКИН — М. А. КУЗМИНУ

Москва, 11 июля 1912

Я же окончательно решил издать книгу воспоминаний и статей о Николае Николаевиче [1] и очень прошу тебя в первую очередь приняться за эту работу. Книгу хотелось бы издать к полугодовщине смерти, следовательно с этим надо спешить. Пожалуйста, поговори от моего имени с Блоком и Потемкиным [2]. Я думаю, что и они возьмутся написать что-нибудь.

ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 2, ед. хр. 21, л. 1—1 об.

[1] Этот замысел осуществился только в 1916 г. См. сборник «Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики» (М., 1916).

[2] Потемкин посвятил Сапунову стихотворение «Под Новый 1913 год» (ЦГАЛИ, ф. 1715, оп. 1, ед. хр. 1, л. 20—21). Оно, как и стихотворение и статья Кузмина, было опубликовано в сборнике 1916 г. Блок ничего о Сапунове не написал и, возможно, прямо отказал в этом Кожебаткину — в письме к Б. А. Садовскому от 1 февраля 1913 г. последний просил поторопить Кузмина и Потемкина со статьями в «Сапуновский сборник», но Блока при этом не упомянул (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 72).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово,⟩ 23 июля 1912 г.

⟨...⟩ Саша написал мне, что во вторник они с Любой переезжают на новую квартиру — Офицерская, 57 [1]. ⟨...⟩ Все в Вашем письме дорого и интересно. Но за то, что написали о Сашином молоке и пирожках, благодарю особо [2].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] 19 июля Блок сообщил матери, что во вторник, 24 июля, он с женой переезжает по адресу: Офицерская ул., 57, кв. 21 («Письма к родным», II, с. 219).

[2] Текст этого письма Е. П. Иванова неизвестен. В середине июля Блок встречался с ним несколько раз (см.: «Письма к родным», II, с. 214, 218, 220).

А. М. РЕМИЗОВ — Б. А. САДОВСКОМУ

Петербург, 8 августа 1912 г.

⟨...⟩ Дутику [1] сделаю внушение при первой встрече, напугаю его чем-нибудь. А рассказов ему больше от меня не дождаться. Блок в деревне. Вернется — расскажу ему, думаю и Блок также поступит [2].

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 113, л. 5.

Ответ на письмо Б. А. Садовского от 31 июля 1912 г., в котором сообщалось:

««Дутик» выставил-таки меня из «Совр⟨еменника⟩» и проделал свой шулерский вольт довольно чисто. Сперва начал метать петли, лгать, выдумывать небывальщину, бабушку путать, мать забывать. Но все предательски и из-за угла. Побоялся, напр⟨имер⟩, при мне отложить мою статью о Пушкине, а как я уехал, тотчас вынул ее из набора и через неделю VI книжка вышла без Пушкина. Ко мне подъезжал всяко. Говорил, что я не рожден быть редактором, утомился и лучше мне подольше отдохнуть и вернуться на должность секретаря, а через 2 дня о секретарстве и помину не было, предложено же было мне писать ежемесячно «Литературные обзоры» в лист (это за 100-то целковых — excusez du peu!). Предложения свои Ляцкий высказывал с оговорками и с опаской, но, видя, что я на все равнодушно соглашаюсь и сам ставлю точки над *i*, ободрился и стал очень мил и весел. До того обрадовался, что разделка вышла дешевая и без скандала, что в деревню мне прислал от избытка чувств зачем-то письмо с благодарностями, похвалой за хорошее поведение, комплиментами, но уже и с легким трепаньем по плечу. В ответ получил невзначай, что т⟨ак⟩ к⟨ак⟩, мол, меня все считают за редактора и рукописи мне продолжают посылать, то не сделать ли мне объявление в «Речи», что я больше не редактор? Адрес я дал до востребования на Пятигорск. Приехав сюда, присягнуть был готов, что письмо уже лежит на почте. Так и вышло. Ну, и перепугался же он, сердечный! Прибег к последнему средству: в деликатнейшей форме дал понять, что объявлением своим я лишу его высокого удовольствия считать меня сотрудником «Совр⟨еменника⟩». В своем ответе я, оставляя за собой право на объявление (вернее «разъяснение»), высказал уверенность, что в крайнем случае я надеюсь на «третейское посредничество» со стороны «декадентов». Это мое письмо, хоть осталось без ответа, но последствия имело самые решительные (вроде горькой воды Франца-Иосифа), о чем сужу по косвенным сведениям из П⟨етер⟩б⟨ур⟩га.

Всю эту глупую историю я рассказываю Вам больше для курьезу. Никакими газетными заявлениями я, конечно, не стану действовать. На «Совр⟨еменник⟩», как на журнал, я давно уже махнул рукой, в редакторы не пойду никуда, хоть золотом меня осыпь, а сейчас дурачусь с Ляцким почти из любопытства. Из письма моего секрета не делаю, но хотел бы, чтобы узнал его содержание А. А. Блок, которому, при случае, все это Вы и расскажите» (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 193, л. 8—10).

[1] Дутик — прозвище Е. А. Ляцкого. Ср. в «Записках» Б. А. Садовского: «Журналом заправлял литератор, по прозвищу Дутик, свежий петербуржец с русой бородкой. ⟨...⟩ С Дутиком у нас ничего не вышло. Из редактора он меня превратил в корректора. Не разгибая спины я сидел над гранками или должен был ездить в типографию. Из статьи Блока о Стриндберге Дутик хотел выбросить половину; с трудом я уладил дело» (ЦГАЛИ ф. 464, оп. 1, ед.хр. 1, л. 121, 124).

[2] 30 апреля 1913 г., отвечая на вопрос В. Н. Княжнина (которому «Современник» предложил сотрудничество) об обстоятельствах прекращения участия в этом журнале, Блок писал: «По-моему, Вам надо идти в «Современник», раз зовут. Думаю, что и Б. А. Садовской не обидится. Для меня этот вопрос был осложнен тем, что меня пригласил туда Садовской, а не сам Ляцкий, потому я, с уходом Садовского, и себя считаю ушедшим. Разобраться же в точности «инцидента» (между Садовским и Ляцким), кажется, невозможно; по-видимому, все дело сводилось, главным образом, к разным «косвенным» приемам, практикуемым, как Вы знаете, многими редакторами. Погодите, если Ляцкий полновластен, по-прежнему, Вы еще испытаете ати приемы на себе» («Письма Александра Блока», с. 202). См. с. 409.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Шахматово,⟩ 12 августа 1912 г.

⟨...⟩ Сашенька у нас. Ждем Любу [1].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] Блок приехал в Шахматово 9 августа, Л. Д. Блок — 14 августа. 17 августа они оба возвратились в Петербург (см.: ЛН, т. 89, с. 284). 13 августа Блок выехал из Шахматова в Москву, где пробыл не менее двух дней («Письма к родным», II, с. 227).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

⟨Шахматово,⟩ 18 августа 1912 г.

⟨...⟩ Саша и Люба уехали вчера [1].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 32.

[1] В Петербург.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 28 августа 1912 г.

〈...〉 Люба еще все в Териоках. Завтра неделя, что уехала. Приедет не раньше 2 сентября. Саша каждый день ходит обедать к нам.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 34—34 об.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 10 сентября 1912 г.

〈...〉 Люба приехала поздно вечером в субботу [1]. Вчера они с Сашей оба у нас обедали. Люба тихая и хорошая. Саша ей сильно рад. Прислугой, которую я наняла, Люба пока довольна. Вам, конечно, Женя говорил о Клюеве [2]. Этот Клюев пробудил во мне новые мысли, очень темные, но, м〈ожет〉 б〈ыть〉, необходимые. С Женей об этом поговорить сильно хочется. Верю, что поговорим. А что Женя сказал Вам о Клюеве?

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 536, л. 38—38 об.

[1] Из Териок Л. Д. Блок вернулась 8 сентября.
[2] Ср. запись Блока от 7 сентября 1912 г.: «Вечером — Клюев, мама, Женя» (VII, 156).

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ — ВАС. В. ГИППИУСУ

Петербург, 11 сентября 1912 г.

〈...〉 Создался журнал стихов под заглавием «Невская Цевница», близкий Цеху, потому что сделали его я и Гумилев [1]. Пожалуйста, дайте стихи для первого номера. Нужно тотчас. У меня есть Ваши стихи, но хотелось бы последнего урожая. У Вашего брата хочу просить его переписку с Блоком для второго номера [2].

ИРЛИ, ф. 47, ед. хр. 13, л. 9.

[1] Еще весной 1912 г. в Цехе поэтов было запланировано издание своего журнала. Городецкий писал книгопродавцу М. В. Аверьянову 3 сентября 1912 г.: «Если помните, я говорил Вам о журнале и Вы были добры отнестись к нему со вниманием. Теперь это налаживается окончательно. Я и Гумилев издаем ежемесячный журнал стихов, очень маленький: в 24 страницы номер, в количестве 500 экз., с подписной ценой в полтора, должно быть, или два рубля» (ИРЛИ, ф. 428, оп. 1, ед. хр. 30, л. 8). Издателем и ответственным редактором журнала стал М. Л. Лозинский. 27 сентября 1912 г. было получено разрешение на издание журнала под названием «Гиперборей» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 18, ед. хр. 345, 1912 г., л. 1). В первый номер вошли стихи А. Ахматовой, Сергея Гедройца (псевдоним кн. Веры Игнатьевны Гедройц, известного врача-хирурга, оказавшей существенную финансовую помощь в издании журнала), Вас. Гиппиуса, Городецкого, Гумилева, Клюева, Мандельштама и Нарбута. Номер открывался заявлением «От редакции» (вероятнее всего авторство Городецкого). В заявлении акцент был сделан на преемственности, а не на новаторстве: «Ни одному из боровшихся последнее время на поэтической арене методов — будь то импрессионизм или символизм, лиро-магизм или парнассизм — не отдавая предпочтения особливого, «Гиперборей» видит прежде всего насущную необходимость в закреплении и продолжении всех основных побед эпохи, известной под названием декадентства и модернизма 〈...〉 Гордая именами Ломоносова, Державина, Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Никитина, Фета, Анненского, Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Иванова, Белого, Блока,— русская поэзия предчувствует новые завоевания». Кончилось заявление обещанием, впоследствии не выполненным: «Они возможны и в безымянной народной поэзии, и современной деревенской песне будет уделено место на этих страницах».
В 1912—1914 гг. вышло всего 9 выпусков журнала.
[2] О взаимоадресованных стихотворениях Влад. В. Гиппиуса и Блока см. «Блок в поэзии его современников» в наст. книге.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 14 сентября 1912 г.

〈...〉 У нас все что-то неудачи: прислуга Блоков вызвана телеграммой в деревню [1]. Умирает ее мать. Отпустили на 5 дней. Пришлось дать им мою горничную Лизу. Но обедать ходят к нам, причем Люба все где-то не дома, целые дни ее нет [2]. Трудно. Сашенька мрачен, говорит тяжелые вещи.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 40—40 об.

[1] Ср. запись Блока от 4 сентября 1912 г.: «Проба прислуги — удачная, поступила» (VII, 156).
[2] Ср. запись Блока от 16 сентября 1912 г.: «Люба все уходит из дому — часто» VII, 157).

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

〈Петербург,〉 16 сентября 1912

〈...〉 Я написал Блоку письмо и звал его к себе [1]. Он мне ответил письмом: просит его «простить»: прийти не может, потому что «угнетен» и ему «нельзя говорить» [2]. От Ремизова я слышал, что у него цынга опять и опять меланхолия: он нигде не бывает [3].

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 14.

[1] Письмо Чулкова, по-видимому, утрачено.
[2] Записка Блока от 14 сентября 1912 г. — VIII, 407.
[3] Чулков, вероятно, имеет в виду, когда говорит «опять», свои январские сведения о тяжелом состоянии Блока (см. наст. кн., с. 392).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 17 сентября 1912 г.

〈...〉 Ни минуты нельзя быть спокойной, потому что Люба уходит на целые дни и вечера. Мне кажется, она в кого-то влюблена. Сашенька мрачный и целые дни один.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 42—42 об.

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — В. С. МИРОЛЮБОВУ

〈Петербург,〉 22 IX 1912

〈...〉 отложил статью Дермана об Ал. Блоке: о ней нам надо списаться. По-моему, это совершенно ученическая статья, которая только скомпрометирует «критико-литер〈атурный〉» отдел журнала [1].

ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 563.

Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — редактор «Журнала для всех» (1899—1906), член редакции литературно-политического журнала «Заветы» (1912—1914). Иванов-Разумник также входил в редакцию этого журнала.

[1] Речь идет о статье литературного критика Абрама Борисовича *Дермана* (1880—1952) «Об Александре Блоке», написанной в связи с выходом в свет третьей книги стихотворений Блока «Снежная ночь» (М., «Мусагет», 1912). Секретарь «Заветов» С. П. Постников писал Миролюбову 5 июня 1912 г.: «У меня есть книга стих〈отворений〉 Блока «Снежная ночь». Кому бы дать ее рецензировать?» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 951). Отвергнутая «Заветами», статья Дермана была напечатана в «Русской мысли» (1913, № 7, отд. II, с. 57—71).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 26 сентября 1912 г.

〈...〉 Вчера вечером пришел ко мне Саша. Я была совсем одна, потому что Франц в Луге. Он пришел из дома, сказал, что поджидал меня. Люба и по вечерам теперь почти всегда уходит [1]: «Пускай уходит,— сказал он тихо,

тихо,— надо же и ей жить. Мне теперь это ничего, потому что я об этом думал».

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 45 об.— 46.

[1] Ср. запись Блока от 25 сентября 1912 г.: «Люба опять проводит вечера с Кузьминым-Караваевым» (VII, 158). 26 сентября Блок записал: «Бесконечная и унизительная тоска» (VII, 158).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 30 сентября 1912 г.

〈...〉 уже доктору Студенцову [1] отказано, т. е. просьба не приезжать, пока его не попросят. Он очень, очень несимпатичный, сразу принял меня за генеральшу, был льстив, а потом узнав, что я Блокина мама, так меня называет П. С. Соловьева, стал бесцеремонен.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 51.

[1] Николай Павлович *Студенцов*, врач, приятель С. М. Городецкого, в 1912 г. выступал в печати со стихами (в журналах «Шут», «Журнал «З»» и др. Был у А. А. Кублицкой-Пиоттух 26 сентября 1912 г. (VII, 158).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 6 октября 1912 г.

〈...〉 Женя, придя ко мне [1], говорил со мной несколько иначе, т. е. соглашался с отрицательным в Любе. 〈...〉

Как хорошо, что Вам и Жене понравились Сашины стихи. Я бы хотела достать и Вам, и Жене те новые, страшные, которые он написал только что — «К Музе» [2].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 57—58.

[1] 4 октября 1912 г. (VII, 160).
[2] «К Музе» (III, 7—8) было дописано 29 декабря 1912 г.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 10 октября 1912 г.

〈...〉 Мой Деточка приходил сегодня, играл с Топкой. Он очень похудел. Уехал тот господин [1]. Но Люба все равно не бывает дома. Теперь начинается дело с ее братом Васей. Его будут судить как несостоятельного должника [2]. Саша говорит о ней как-то нежно и потупляя глаза. Призрачность, случайность жизни меня все время ошеломляет, минутами, когда очень долго сижу одна, и тихо — надвигается что-то, какая-то глушь. Все кажется до безумия нелепым. Борюсь с этим всеми силами.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 64—64 об.

[1] К. К. Кузьмин-Караваев.
[2] Ср. записи Блока от 26 сентября 1912 г.: «„Разоблачения“ относительно В. Менделеева» (VII, 158) и от 9 октября: «Приходится 〈Л. Д. Блок〉 заниматься Васиными делами» (VII, 161).

А. И. ТИНЯКОВ — Б. А. САДОВСКОМУ

Петербург, 11 октября 1912 г.

Блока я не видел со 2-го октября [1]. Он произвел на меня как человек очень хорошее впечатление. А я уже начинал не любить его под влиянием московских разговоров о нем. Там теперь нередко можно слышать, что Блока противопоставляют Брюсову и склонны считать его верховным вождем

Русской поэзии. Такое отчасти отношение к нему преобладает и в кружке Л. Н. Столицы [2]. И это невольно вызывало у меня недобрые чувства к Блоку. После свидания с ним все это рассеялось, и я понял, что сам Блок тут не при чем.

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 212, л. 3—3 об.

Александр Иванович *Тиняков* (1886—1934) — поэт, критик. В воспоминаниях о Блоке он писал: «Знакомство с Блоком внесло в мою жизнь нечто несомненно значительное и столь светлое, что я прямо склонен назвать его счастьем» («Последние новости». Пг., 1923, № 33, 6 августа). Тинякова Блоку рекомендовал Ремизов (см. наст. т., кн. 2, с. 211).

[1] 2 октября Тиняков впервые был у Блока (VII, 159). Он преподнес Блоку сборник своих стихов «Navis nigra» (1912).

[2] Любовь Никитична *Столица* (1884—1934) — поэтесса. Ср. ее статью о Блоке — «Христианнейший поэт XX века» («Новое вино», 1912, № 2). Столица писала Тинякову 3 января 1913 г.: «Стремлюсь в Питер, повидаться с Вами, Садовским, и, если возможно, познакомиться с Блоком. Кстати, при встрече передайте, пожалуйста, ему мой низкий русский поклон» (ГПБ, ф. 774, ед. хр. 40, л. 4).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 13 октября 1912 г.

Родная Маня, это так и очень хорошо, что Вы пишете об опускании глаз. Но в этом опускании есть еще другое, мучительное: стыд за нее передо мной, потому что он знает, что я, не осуждая, горюю ⟨...⟩.

Сегодня у меня обедают Маня и Саша с Любой [1], Любы я не видела недели три. Боюсь, как она теперь. У меня есть билет на четверг, на 9-ую симфонию. Я ее никогда не слыхала. После 6-ой Чайковского меня особенно интересует выслушать от глухого и нищего страдальца Бетховена прославление жизни.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 66—67 об.

[1] На обеде был и Е. И. Иванов (VII, 164).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 18 октября 1912 г.

Родной мой друг, как я рада, что варенье пришлось Вам по вкусу. Мне это истинное удовольствие. У меня его еще достаточно. А Сашеньке я наварила его 1/2 пуда. Кухарку сегодня пробую из конторы. Не знаю, что будет за человек. Зовут ее Катей. Ей под сорок лет. По виду какая-то недовольная, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ несчастная. У меня в это время были разговоры с моим Сашей, о которых не хочется писать, а хочется Вам рассказать. Я не знаю, какое впечатление произвела на Женю Люба в субботу [1]. Мне кажется, она ему виделась жалкой. Ей все это, по-видимому, трудно, и она не только скучает с нами, как всегда, но и тоскует. Конечно, это утешительно, что трудно.

Саша же любит ее по-хорошему, лучше, чем прежде, и просветленнее. Я бы должна была теперь очень радоваться. Но мелочи жизни угнетают ⟨...⟩. От одиночества уходишь в подполье, а из подполья развивается пренебрежение к людям. Вот, всего этого боюсь.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 69—70 об.

[1] 13 октября (см. прим. 1 к письму от 13 октября 1912 г.).

А. М. РЕМИЗОВ — Б. А. САДОВСКОМУ

Петербург, 18 ноября 1912 г.

⟨...⟩ Послушайте меня, приезжайте в Петербург на этой неделе и берите заведывание литературным отделом газеты [1] ⟨...⟩ Будет принимать участие Блок [2].

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 113, л. 6.

[1] «Русская молва». Название, вероятно, в ту пору еще не определилось (первый номер вышел в декабре 1912 г.) — в том же письме Ремизов изобразил предполагаемую «шапку» будущей газеты: «Алконост. Газета. Санктпетербург». Новая газета по этому предположительному названию как бы соотносилась с издательством «Сирин». В тот же день, 18 ноября 1912 г., А. В. Тыркова, одна из инициаторов новой газеты, с ссылкой на рекомендацию А. М. Ремизова предложила Б. А. Садовскому работу в литературном отделе (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1). 21 ноября 1912 г. Б. А. Садовской отвечал А. М. Ремизову: «О надеждах и планах моих на «Алконост», сейчас, конечно, говорить не стану: скоро увидимся» (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 193). Садовской приехал из Нижнего Новгорода в Петербург и с 26 ноября был назначен заведующим литературным отделом. В январе 1913 г. его сотрудничество в газете прекратилось.

В автобиографических «Записках» Б. А. Садовской вспоминал: «Зимой я опять попал в редакторы. В Петербурге открылась новая большая газета. Устроили меня туда Блок и Ремизов. Я заключил условие с жалованием по двести рублей в месяц, не считая построчной платы» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 1, л. 125). Далее он рассказывает о своем конфликте с главным редактором С. А. Адриановым (в «Записках» он назван «Ферфичкиным») из-за того, что последний «браковал» А. М. Коноплянцева, А. Г. Фомина, В. Н. Княжнина, А. А. Конге, «молодых мусагетцев» (л. 126).

[2] В числе людей, подходящих для работы в газете, Ремизов называет также А. И. Тинякова и А. М. Коноплянцева.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 22 ноября 1912 г.

Вы желаете, чтобы Люба была с нами, с Сашей и со мной хороша. Милый друг мой, я ведь ее и не вижу никогда. А скоро, по словам Саши, она и на всю зиму уедет в Житомир, хотя это еще не решено и зависит от многих обстоятельств, о которых он не говорит. <...> Я Вам скажу, что у меня на душе теперь: страстное желание найти себе занятие, настоящее, чтобы не углубляться так в себя, в свое горе, в свое размышление, и навстречу ударам судьбы, которые сыпятся на моего сына, выставить ясную и твердую материнскую душу. Сашенька сам хорошо принимает свое несчастие.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 96—97.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

31 октября 1912 г.

Родная Маня, спасибо за совет не бояться. Я понимаю, что это во всех случаях всегда вредно и дурно для всех чего бы то ни было бояться. Я буду вообще стараться преодолеть темное чувство к Любе. Но не за себя я боюсь этого странного существа. Мне что!.. Тяжко иногда, что она так враждебна ко мне. Но бояться мне не стоит, обстрелена, избита я со всех сторон.

Ее враждебность ко мне не ради меня меня гнетет. Мне кажется, что со мною именно она могла бы сговориться. И ей бы стало легче. И Саше с нею. Он вчера бледный и печальный пришел ко мне вечером.

Вы, зная меня, поймете, что и не страдания я боюсь: ни для него, ни для себя не боюсь страдания. Но рядом с ним живет живое, сильное, как бывают звери, существо, которое молчит, кроется, таится. И если б Саша захотел и понял, он бы м<ожет> б<ыть> мог сделать из этого богатого, хоть и темного материала, человека.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 538, л. 78—79.

ИЗ ДНЕВНИКА В. А. ТЕЛЯКОВСКОГО

Петербург, 1 января 1913 г.

1) Сегодня в 5 часов у меня был<и> Александр Блок, Мережковский и Головин [1]. Собрал я их, чтобы поговорить о драматическом театре вообще, о новых авторах и о репертуаре будущего года. Ал<ександр> Блок, которого

я видел первый раз, произвел на меня хорошее впечатление. Он придает большое значение бывшему Театру Коммиссаржевской. Явление это находит настоль крупным, что, по его словам, в истории русского театра будут говорить эпоха «до Театра Коммиссаржевской» и «после». Когда я его просил объяснить мне пьесу его «Песня Судьбы» — то он сказал, что чтобы объяснить ее, надо очень много времени — да пьеса, по его мнению, для сцены не годна; написано 6 лет тому назад, когда он переживал то, чего теперь не объяснить. Вообще в этом отношении новые авторы этой клики довольно странны. Их трудно понять читателю, а зрителям еще мудренее — да и сами они неясно понимают, что пишут — настроение!!!!

ГЦТМ, ф. 280, Дневники, № 39. Частично цит. в статье К. Рудницкого «И взрывы сил, и крайность мнений» («Театр», 1980, № 11, с. 40).

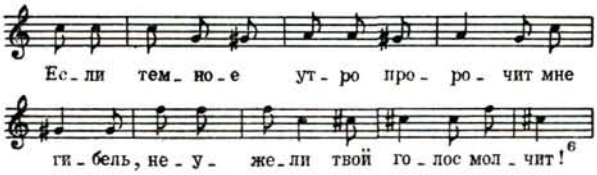
Владимир Аркадьевич *Теляковский* (1860—1924) — директор императорских театров. 23 декабря 1912 г. Д. С. Мережковский сообщил Блоку, что рекомендовал его Теляковскому в качестве пятого члена Театрально-литературного комитета (см. прим. к письму В. А. Пяста А. В. Руманову от 25 июля 1913 г.). 29 декабря 1912 г. Теляковский записал в дневнике: «Говорил сегодня по телефону с Мейерхольдом, которого просил пригласить ко мне Блока — во вторник к $8^1/_4$ час. Хочу, чтобы Блок мне принес и прочел бы свою пьесу — так как предполагаю его призвать в Театрально-литературный комитет. О Блоке очень хорошо отзывается и Мережковский и Котляревский» (ГЦТМ, ф. 280, Дневники, № 39). 30 декабря Блок записал в дневнике: «Телефоны: Мейерхольд — приглашает Теляковский к себе 1-го января в 5 часов дня («Песня Судьбы», новая пьеса (!), комитет» — VII, 198). Впечатления от визита к Теляковскому Блок изложил в дневниковой записи от 1 января 1913 г.: «Сидели там с Мережковским и Головиным часа $1^1/_2$. Директор — благодушный, невежественный, наивный и слабый. Все говорит о том, почему людям жить плохо, о вреде цивилизации, о том, что в моторах ездят те, кому некуда торопиться, о вегетарианстве, о потере своей невинности. Выспросил меня подробно о «Заложниках», о «Сторицыне», о «Дон-Жуане». О «Песне Судьбы» — читал отрывки — мы с Мережковским объясняли. Я сказал, что в том виде, в каком пьеса существует, я ей недоволен. Советовал Ибсена, Стриндберга 〈...〉 Разговоры о комитете и о «Песне Судьбы» оставлены пока до следующего раза» (VII, 201—202).

[1] Александр Яковлевич *Головин* (1863—1930) — живописец, театральный декоратор, главный художник Александринского театра.

ИЗ ДНЕВНИКА С. П. БОБРОВА

Москва, 7 января 1913 г.

Купил сегодня Блока — III том [1]. Боже мой, какие там чудесные вещи есть! А все же я отошел как-то от модернистов! То ли дело Языков, Баратынский, Пушкин (но почему-то не Тютчев...) [2] или Коневской. Коневской такой существенный — «И так я измучен душой...» [3] — как это просто и как за душу хватает. Еще читаю сейчас с удовольствием Игоря Северянина, Асеева, себя. (Думаю, что об этом можно в дневнике признаться.) Это крайности: самое новое и самое старое. Ведь это я выдумал в статье о живописи [4], что «Мир Искусства» был ажиотажен: нужно думать, что, по крайней мере потенциально, Блок и Сапунов [5] (не настаиваю именно на *этом имени*) равны. Стихи Блока хочется петь на мотив цыганского романса:

[6]

«Пойми же, я спутал, я спутал — Страницы и строки стихов...» [7] — чудесно поется на «Тихо качайтесь, качели...» С Баратынским такого не сделаешь. Музыка Кузмина к «Курантам любви» [8] ничтожна. Все это — пурселепэтан. Психология совершенно пьяного, блюющего и матерно сквернословя-

щего, и Katzenjammer'ствующего человека — есть ли психология *человека*? Нет, тут не в том дело. И зачем такая расслабленность? У Северянина откровенно — мистическая ерунда: «Я славлю восторженно Христа и Антихриста...» [9] — понятно, как это случилось,— в первой строке «искристо», стихотворение имеет тенденцию к противоположениям — вот и готово. Конечно — ерунда; смешон будет тот, кто будет это серьезно опровергать.

Все это я неправду о Блоке написал. И конечно: что [нрзбр.] «Мир Искусства»! Но вот что: ведь почему-нибудь у меня вырвалась такая филиппика. А Блок сделал много *для меня*,— он позволил мне не страдать тем, чем сам страдал. 〈...〉

Все-таки ужасная книга Блока! — не стихи, а кровохарканье какое-то. И все-таки хороший Блок: «То не ели, не *тонкие* ели...» [10], хорошим надо быть, между прочим, поэтом, чтобы так слово «тонкие» поставить! [11]

ЦГАЛИ, ф. 2554, оп. 2, фонд не разобран.

[1] А. Блок. Собр. стихотв. Т. III. «Снежная маска». М., «Мусагет», 1912.

[2] Эти читательские предпочтения составили литературную программу С. П. Боброва в 1913—1914 гг. Ср.: «Модернисты опоили русскую литературу специями сладостными, стряпней елейной, супом дерзания и смирения 〈...〉 Покинем их опытные плантации! Все разрушено и уже не дымится! 〈...〉 Но тому, кто воспринял конец сей не формально, какие остались пути? — Ему придется отдать себя чистой лирике, поняв значение и смысл внутреннего изучения схем лирических движений в поэме, и неустанно развивая существенный максимальный метафоризм, для истоков свежих — обратиться вспять, минуя раздерганного на кусочки модернистами Тютчева, к пушкинианцам и больше всего к несравненным россыпям алмазов всеми забытого Николая Михайловича Языкова» (Сергей Бобров. Предисловие.— Николай Асеев. Ночная флейта. М., 1914, с. 4—5). В стихотворении «Послание к другу стихотворцу» (Н. Н. Асееву) Бобров дает суммарный портрет культуры символизма:

〈...〉 весь мир — один призрак,
Далеко уходящий в море,
Из «Снежной маски» полумрак.

(С. Бобров. Вертоградари над лозами. М., 1913, с. 95). Впоследствии, в полемических рецензиях Бобров допускал резкие выпады против Блока, называя его даже «поэтом» в кавычках (С. П. Б〈обров〉. Рецензия на «Любовь к трем апельсинам, журнал доктора Дапертутто».— «Пета». Первый сборник. М., 1916, с. 39).

[3] Строка из стихотворения И. Коневского «К чему эти новые смуты...» (цикл «Волнение»).— И. Коневской. Стихи и проза. М., «Скорпион», 1904, с. 65.

[4] Статья, по-видимому, не была опубликована; автограф не разыскан. Краткую характеристику «Мира искусства» см.: С. П. Бобров. Основы новой русской живописи.— «Труды всероссийского съезда художников в Петрограде», т. I. Пг., 1914, с. 41.

[5] Сопоставление творчества Н. Н. Сапунова и ряда мотивов поэзии Блока делалось неоднократно — см. напр.: Я. Тугендхольд. Из мыслей о Сапунове (Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916, с. 76).

[6] Бобров неточно цитирует строку из стихотворения «За холмом отзвенели упругие латы...» (цикл «Песня судьбы»). У Блока: «Если близкое утро пророчит мне гибель...»

[7] Строка из стихотворения «В снегах» (цикл «Заклятие огнем и мраком и пляской метелей»).

[8] Сборник стихотворений М. А. Кузмина с музыкальным сопровождением автора.

[9] Строка из стихотворения Игоря Северянина «Шампанский полонез».— Игорь Северянин. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1975, с. 207.

[10] Строка из стихотворения «Посещение» (цикл «Возмездие»).

[11] В позднейшей дневниковой записи (август 1950 г.) С. П. Бобров, вспоминая критику Эллисом стихов Блока, фактически косвенно характеризует собственные полемические приемы, использованные как в дневниковом отклике 1913 г., так и в его рецензии на сборник «Седое утро» («Печать и революция», 1921, № 1) и в статье «Символист Блок» («Красная новь», 1922, № 1): «Как же отделывался Эллис от поразительного совершенства блоковских стихов? Да как и всегда делают в подобных случаях: конечно, нападал на содержание, обвиняя оное в несоблюдении никаких моральных новостей, утверждая, что, коли так, то его и вовсе нет — и привирая всякую чертовщину по поводу личности автора. Новости невеликие!» (ЦГАЛИ, ф. 2554, оп. 2).

Б. А. САДОВСКОЙ — Е. А. ЛЯЦКОМУ

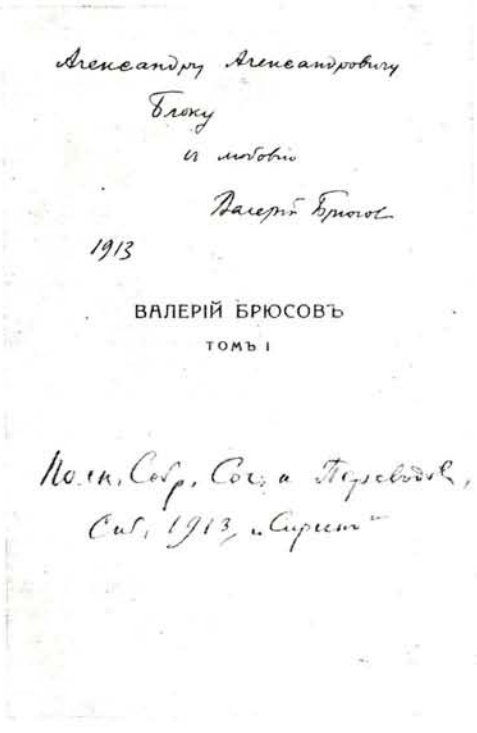
〈Петербург,〉 15 января 1913

〈...〉 Я против Вас не имею ничего, хотя причины к неудовольствию у меня были, и Вы не можете отрицать, что к тому имелись веские основания. Перед отъездом из Петербурга в июне я сообщил об обстоятельствах, сопровождавших мой уход из «Современника», А. М. Ремизову и А. А. Блоку [1]. И если я сам впоследствии в переписке с Вами счел «инцидент исчерпанным», то Блоку я не могу запретить иметь особое мнение по сему вопросу. Никаких враждебных «действий» с Вашей стороны я не замечал и Ваше отношение ко мне не могу признать «неблагоприятным» 〈...〉.

P. S. Пропуск моего имени в объявлениях «Современника» я никак не могу признать случайным, как не случайно было и то, что приглашение на «редакционное совещание», посланное Блоку, не было послано мне. Но я не возражаю, что это могло случиться без Вашего ведома.

ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, ед. хр. 445. На почтовой бумаге газеты «Русская молва».

Евгений Александрович *Ляцкий* (1868—1942) — историк литературы, этнограф; редактировал в 1912—1913 гг. литературный журнал «Современник».

Александру Александровичу
Блоку
с любовью
Валерий Брюсов
1913

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ
ТОМЪ I

Полн. Собр. Соч. и Переводов,
Спб. 1913 «Сирин»

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВ, т. I., СПб., «СИРИН», 1913
Шмуцтитул с дарственной надписью В. Я. Брюсова Блоку
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[1] Б. А. Садовской в начале 1912 г. был привлечен Ляцким к участию в редактировании «Современника», но вскоре, в результате внутриредакционных осложнений, устранился с этой работы. См. с. 400 — 401. Он поддержал Блока в столкновении с Ляцким по поводу урезок в статье «Памяти Августа Стриндберга» (VII, 463; вероятно, именно этим конфликтом, не известным в подробностях, объясняется наличие нескольких вариантов статьи — см. VII. 762; Д. М. Ш а р ы п к и н. Первоначальная редакция статьи Блока «Памяти Августа Стриндберга» — «Блоковский сб.», 1, с. 552—556).

АЛ. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

Петербург, 21 янв〈аря〉 〈1〉913.

〈...〉 Относительно академии как-то вяло [1]; литературный мир, или, точнее, круг поэтов, молодых особенно, более чем когда-либо расколот: 1) остатки цеха, 2) новый «акмеизм» *, который окрашивает прежних аполлоновцев младшей линии, 3) эгофутуризм (теперь, впрочем, распадающийся) — все это мутит поверхность, все хочет быть, хочет заявлять о себе всеми способами, не брезгуя даже и не совсем чистыми, и в общем получается какая-то недобрая ярмарка. 〈...〉 К тому же «акмеисты» помешаны на теоретическом, конечно, и *платоническом*, но от этого не менее яростном преследовании «старших». Как в былые времена считалось почетным для молодого считать себя чьим-нибудь учеником (ну, хоть Брюсова, Бальмонта), так теперь считается почетным быть врагом старших, не признавать никого, кроме себя.

* Это слово мне всегда стыдно как-то произносить всерьез (прим. Ал. Н. Чеботаревской).

Мандельштам ходит и говорит: «Отныне ни одна строка Сологуба, Брюсова, Иванова или Блока не будет помещена в «Аполлоне» — он скоро (это еще оч⟨ень⟩ проблематично) будет журналом акмеистов [2].

ГБЛ, ф. 109.

[1] «Академия стиха». См. прим. к письму Н. В. Недоброво Вяч. Иванову от 22 января 1913 г.

[2] 12 января 1913 г. Блок записывает в дневнике: «Впечатления последних дней. Ненависть к акмеистам...» (VII, 206). Иногда эту запись комментируют как следствие прочтения Блоком манифестов Городецкого и Гумилева в № 1 «Аполлона» за 1913 г. (см., напр.: Павел К у п р и я н о в с к и й. Сквозь время. Ярославль, 1973, с. 42). Это неверно: к этому дню журнал еще не вышел. Городецкий в письме к Любови Гуревич от 27 января 1913 г. писал: «Стихи принесу в скором времени, и статью об акмеизме тоже. На днях выходит «Аполлон», и в нем моя и Гумилева статьи на эту тему. Я был бы Вам благодарен, если б Вы поручили кому-нибудь дать заметку об этом номере. Для «Аполлона» это важная грань, — что он стал органом акмеизма» (ИРЛИ, 19.879/CXXXV б 4). «Ненависть к акмеизму» была вызвана другой информацией — скорее всего, телефонным разговором с Ал. Н. Чеботаревской в этот день, отмеченным в дневнике. О содержании рассказа Ал. Н. Чеботаревской косвенное представление дает публикуемое письмо.

Н. В. НЕДОБРОВО — ВЯЧ. ИВАНОВУ

Петербург, 22 января 1913 г.

⟨...⟩ Ничего утешительного нельзя сказать об Обществе. До сих пор не удается созвать его, по причине полной неработоспособности комитета. Судите сами; Блок пишет драму и поклялся не переступать порога «Аполлона» [1]; Зелинский уж конечно уклонится от всякого административного действия; Маковский едва ли обрадовался бы возрождению Академии; Кузмин едва ли чувствует себя призванным производить таковое возрождение.

ГБЛ, ф. 109.

После отъезда Вяч. Иванова летом 1912 г. из Петербурга заграницу, заседания Общества ревнителей художественного слова прекратились. «Академия стиха», по словам С. Маковского в письме к Вяч. Иванову от 3 октября 1912 г., стала «совсем сиротой, беспризорной или чем-то вроде „Академии без Ломоносова“» (ГБЛ, ф. 109). В среде участников Общества надежда на возобновление его работы связывалась с именами Н. В. Недоброво, к тому времени кооптированного в Совет Общества, и В. А. Чудовского, в ту пору секретаря «Аполлона» (см. письмо А. Д. Скалдина к Вяч. Иванову от 30 октября 1912 г.— ГБЛ, ф. 109). Возобновить деятельность Общества в 1912 г. не удалось, и вместо него Н. В. Недоброво и А. Д. Скалдин организовали «Общество поэтов».

[1] Блок, еще в начале 1911 г. думавший о выходе из Совета Общества, записал в дневнике 13 января 1913 г.: «Предполагаемое общество «Ревнителей художественного слова»— мне надо сложить с себя полномочия» (VII, 206—207).

АЛ. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

⟨Петербург, 2 февраля 1913 г.⟩

⟨...⟩ Не могу скрыть *радости.* Завтра еду к А. А. Блоку — слушать его новую пьесу большую (на манер шекспировских: так же много коротких сцен и действий) — гимн верности; действ⟨ующие⟩ лица — королева, паж, горбун и др.— очень печальную, но, как он сам говорит, и «светлую».

ГБЛ, ф. 109. Автограф. Датируется по содержанию: Ал. Н. Чеботаревская слушала чтение драмы «Роза и крест» вечером 3 февраля; тогда же Блок занес в дневник — среди других отзывов — ее слова: «Александра Николаевна Чеботаревская: Бретань — как родная страна, «откуда у вас сила», «вклад в русскую словесность», давно не приходилось читать такой вещи, опасность заглавия, прозрачность, стиль» (VII, 215).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 4 февраля 1913 г.

⟨...⟩ Это ведь я свое Вам рассказала о женщине, которая, испытав мужскую любовь, которую она принимала за свет и цель жизни, узнает Настоящее. Для меня лично это так.

А у Саши этого нет. У него этим кончается драма [1]:
Изора соединилась с пажом.
У него дело не в женщине, а в Бертране, который и есть центр его драмы. ⟨...⟩ Усталая, сбитая, бездорожная я.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 539, л. 20—20 об.

[1] «Роза и крест».

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 21 февраля 1913 г.

⟨...⟩ Моему Саше не понравилась пара, которую он у вас видел [1]. Он говорил, как поражала его все время вся обстановка, весь дух вашего дома, полный благородства, рядом с этими двумя. Марья Петровна рядом с ними поражала аристократизмом и не внешне, а глубоко [2]. Родная Маня, Надежда Сергеевна Соловьева умерла в Москве. Ведь это ради нее поехала в Москву так поспешно Поликс⟨ена⟩ Сергеевна. Это была та сестра Влад⟨имира⟩ Соловьева, которая его особенно любила и нянчилась с ним всю жизнь [3]. Теперь из всей огромной семьи осталось четыре сестры. Сегодня мой муж в Казанском соборе видел всю царскую семью [4]. Он приехал расстроенный, видел Алекс⟨андру⟩ Фед⟨оровну⟩, совершенно исхудавшую, с лицом полным тревоги. Она шла рядом с конвойцем солдатом, кот⟨орый⟩ нес на руках наследника и держал его на руках во время службы.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 539, л. 34—34 об.

[1] Александр Григорьевич *Архангельский* (1889—1938) — впоследствии известный советский пародист, и его жена Прасковья Ивановна Архангельская. Ср. отзыв о них Блока в дневниковой записи 16 февраля 1913 г.: «Характерные южане, плохо говорящие по-русски интеллигенты, парень без денег, но и без власти, без таланта, сидел в тюрьме, в жизни видел много, глаза прямые. Это все — тот «миллион», к которому можно выходить лишь в БРОНЕ, закованным в форму; иначе эти милые люди, «молодежь» с «исканиями» — растащит все твое, все драгоценности разменяет на медные гроши, все растеряет, разиня рот. Женя этого не понимает, но в нем самом есть единственная неистребимая и нерастворимая ценность: он — «лучший из людей»» (VII, 221).

Сохранились относящиеся к 1913 г. письма Е. П. Иванова к А. Г. Архангельскому (ЦГАЛИ. ф. 3, оп. 1, ед. хр. 74; ИМЛИ, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 52), а также письма А. Д. Скалдина к нему 1910-х годов. В одном из них, от 28 июля 1913 г., — шутливый отзыв о Е. П. Иванове: «Евгения же Иванова в Темрюк не впускайте, ибо в одиночку, без «Медного Всадника», душа его не ходит (а «без души» кто же поймет его! Испугаются младенцы темрюкские), а «Медного Всадника» в Темрюк не перетащишь ⟨...⟩» (ИМЛИ, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 86, л. 3 об.). Здесь — намек на увлечения Е. П. Иванова «петербургским мифом», отразившиеся в его этюде «Всадник. Нечто о городе Петербурге» («Белые ночи». СПб., 1907).

[2] Мария Петровна *Иванова* (ум. 1918) — мать Евгения Иванова.

[3] Надежда Сергеевна *Соловьева* (1851—1913). Ср. в дневнике Блока: «Это — та, которая была в молодости красива, замуж не вышла, культ брата» (VII, 223).

[4] В этот день праздновалось трехсотлетие дома Романовых. Ср. дневник Блока от 22 февраля 1913 г. (VII, 223).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 22 февраля 1913 г.

⟨...⟩ Мне неприятно, что я забыла и пропустила день Вашего рожденья. Задним числом поздравляю Вас и могу зато рассказать вот что: 20-го, сидя у камина вдвоем с Сашей, я вдруг остро почувствовала, как я счастлива, что Вы у меня есть. Это чувство было такое сильное и радостное, что я сообщила его Саше и Францу, бродившему мимо. Я так ярко Вас видела в эту минуту со всей Вашей красотой наружной и внутренней.

Сашенька кивнул с улыбкой на мои восхищенные возгласы. Это было, стало быть, в день Вашего рожденья, которое, стало быть, я таким образом и отпраздновала.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 539, л. 36—36 об.

А. М. РЕМИЗОВ—Б. А. САДОВСКОМУ

Петербург, 3 марта 1913 г.

〈...〉 Блоку скажу, Блок напишет, Блок хвалит Лебедей [1]. Прислал мне Верховский письмо, о Лебедях пишет — очень они ему понравились. Надо, чтобы статью в «Заветы» написал... 〈...〉 что мне делать с Кожебаткиным? денег-то я от него не получил [2] 〈...〉 Меня предупреждал Блок, что так оно и будет — не получу я ничего [3].

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 113, л. 12—12 об.

[1] Сборник стихов Б. Садовского «Пятьдесят лебедей». См. Письма Блока Б. А. Садовскому от 18 ноября и 27 декабря 1912 г. в кн. 2 наст. тома.

[2] Речь идет о гонораре за три сказки Ремизова, приобретенные А. М. Кожебаткиным. Б. Садовской отвечал Ремизову: «Кожебаткин — «француз», об этом я спорить не буду, но все-таки деньги Ваши никак нельзя считать пропащими. Просто это пошлая торгашеская привычка: оттягивать уплату до последнего часа. Написал я ему сегодня же и пригрозил жестоко» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 230).

[3] Блок 28 сентября 1912 г. отметил в дневнике жалобы книгопродавцов на Кожебаткина, называвших его «жуликом» (VII, 158). В начале марта 1913 г. Кожебаткин был в Петербурге (7 марта был у Блока — VII, 228), однако денег Ремизову не выплатил. 9 марта Блок писал Кожебаткину: «Дорогой Александр Мелентьевич, А. М. Ремизову очень нужны деньги. Вышлите ему, пожалуйста, сколько ему полагается за сказки (200 рублей) в альманахе. Узнав, что Вы здесь были, он говорил, что Вы ему давно обещали. Жму Вашу руку. Александр Блок. Адрес Ремизова — Таврическая 7, кв. 23» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 37, л. 6).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 3 марта 1913 г.

Родная Маничка, все это время я сную то к Сашеньке моему, то к Поликсене Сергеевне [1]. Сашенька простудился, у него совсем пропал голос. Говорит шопотом. Надо сидеть дома. Одному уж очень тоскливо. Хожу туда и сегодня пойду. Завтра предполагалось чтение драмы опять [2], и между прочим Алекс〈андр〉 Павлов〈ич〉 [3] был приглашен, а это не состоится. 〈...〉 И вы больны, и — Гиппиус, и Философов. Только и слышишь. Была хорошая лекция Сологуба. Мы были в пятницу [4]. Была масса народа. И это очень хорошо. Для меня ничего нового не сказал Сологуб, но для публики было новое и, главное, самое нужное. «В дому Отца Моего чертогов много...» — одна из его первых фраз [5]. Говорил о стихах — молитвах. Сказал стихи Гиппиус — Христос в одежде белой [6]. Он говорил, что искусство — это купол над миром [7]. Много хорошего, высокого.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 539, л. 41—43.

[1] П. С. Соловьева.

[2] На чтение «Розы и креста» 4 марта Блок пригласил А. П. Иванова с женой, Ю. М. Бонди, С. М. Бонди, В. Н. Соловьева, Пяста, В. Н. Княжнина, Ал. Н. Чеботаревскую, Д. В. Философова, Е. П. Иванова.

[3] А. П. Иванов.

[4] На лекции Ф. К. Сологуба «Искусство наших дней» Блок, А. А. Кублицкая-Пиоттух, М. А. Бекетова были 1 марта 1913 г. (VII, 226). Лекция представляла собой апологию символизма с завуалированными выпадами против программы акмеистов. Перечисляя достижения символизма, Сологуб говорил и о «скептической лирике, очаровательной поэзии Александра Блока».

[5] Лекция была положена в основу одноименной статьи Ф. К. Сологуба («Русская мысль», 1915, № 12). «Для символизма предметы этого преходящего мира представляются не в их отдельном, случайном существовании, как для натурализма, но в общей связности не только между собою, но и с миром более широким, чем наш, с тем обширным домом, о котором сказано: «В доме Отца Моего обители мнози». Поэтому искусство символическое неизбежно приводит к раздумью о смысле жизни» («Русская мысль, 1915, № 12, 2 отдел, с. 40). Цитата из Евангелия от Иоанна (14, 2).

[6] По-видимому, стихотворение З. Гиппиус «Нескорбному учителю» (З. Н. Гиппиус. Собрание стихов. М., 1904, с. 77). Ср. также ее стихотворение «Белая одежда» (там же, с. 173—174). В тексте статьи в «Русской мысли» эта цитата отсутствует.

[7] Ф. Сологуб говорил о стремлении символизма к всенародному искусству, т. е. к осуществлению живого ощущения вселенской связи и общности в земных формах: «Поэт опять становится жрецом и пророком, и в том храме, где он совершает свое служение, искусство должно стать куполом, должно стать широким и блистающим куполом над жизнью, ⟨...⟩ Потому искусство раскидывает свой купол над жизнью, что в нем жизнь получает свое достойное завершение» («Русская мысль», 1915, № 12, 2 отдел., с. 61).

АЛ. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

⟨Петербург,⟩ 3 марта ⟨1913 г.⟩

⟨...⟩ Городецкий, кроме того, что он ведет кампанию за акмеизм против символизма, позволял себе неоднократно вылазки чисто личные против Вас, Блока, публично. В подвале, читая об акмеизме, он разбирал один Ваш сонет из «Золотых завес», на каждом шагу спрашивая, «что это значит», «какой тут смысл», а также одно стихотвор⟨ение⟩ Блока, над кот⟨орым⟩ *тоже* прямо *издевался* [1]. На прошлой неделе они зазвали в «Собаку» [2] Философова, и, попросив его председательствовать, так начали непристойно бранить символизм и его представителей (на этот раз досталось Сологубу, но и всем также), что Дм⟨итрий⟩ Вл⟨адимирович Философов⟩, возмущенно сказал им, что они непорядочные люди, сами выросшие из символизма (как Городецкий) и теперь, в силу какой-то личной «психологии», выгоды, и всего проч⟨его⟩ обрушивающиеся на ни в чем неповинное почтенное течение [3], и *отказался от председательства* и *ушел.*

ГБЛ, ф. 109.

[1] В подвале «Бродячей собаки» 19 декабря 1912 г. Городецкий читал доклад «Символизм и акмеизм». «Тезы» доклада были обнародованы в повестке: «1. Последний этап символизма в России (Апофеоз или катастрофа?) Опыты «великого искусства» на почве символизма и неудача их. Причины катастрофы символизма: его пороки. Что такое символ, и к чему приводит последовательное ему служение. Развращение слов и словосоединений. Охотники за «соответствиями». Мир в паутине. Перекрестный сквозняк в мире. 2. Новый век и новый человек. Работа Цеха поэтов. Рождение Адама. Ощущение полноты душевных и телесных сил в поэзии. Акмеизм и адамизм. Отношение акмеистов к миру. Освобождение мира из паутины «соответствий». Самоценность мира и творчество в нем. Слово как алмаз целомудрия, как твердыня драгоценная. Защитники этой твердыни. Рай, творимый поэзией Н. Гумилева, Владимира Нарбута, М. Зенкевича, А. Ахматовой и О. Мандельштама. Отношение акмеизма к парнасу, импрессионизму и символизму. Открытый путь к великому искусству» (ГЦТМ, ф. 212, ед. хр. 43). В газетных отчетах сообщалось: «Около часу лектор читал отходную символизму вообще и русскому символизму в частности. Лектор объяснил причину, почему он хоронит символизм. Это потому, что в нем требуется прежде всего „музыка“ и „молчание“, это потому, что он привел к „развращению слов и словосоединений“» (И. К. Символизм и акмеизм.— «Речь», 1912 , 24 декабря). «Вяч. Иванов и Ал. Блок летят у него в бездну с легкостью необычайной» (С. И. Символизм и акмеизм.— «День», 1912, № 82, 23 декабря). А. А. Ахматова вспоминала в позднейшей заметке «К истории акмеизма» об одном из выступлений акмеистов зимой 1912—1913 гг. «... помнится, мне было неприятно, что Гор⟨одецкий⟩ поносит последними словами стихи Блока „Свирель запела...“» (ГБП, ф. 1073). По-видимому, и Гумилев не мог солидаризироваться с подобной критикой — в рецензии на «Ночные часы» он писал: «Вообще Блок является одним из чудотворцев русского стиха. Трудно подыскать аналогию ритмическому совершенству таких стихов, как „Свирель запела“ или „Я сегодня не помню“» («Аполлон», 1912, № 1, с. 70). «Золотые завесы» — цикл из 17 сонетов, впервые опубликованный в альманахе «Цветник Ор» (СПб., 1907).

[2] По-видимому, речь идет о собрании 19 февраля 1913 г., когда после беседы Н. И. Кульбина «Наш день. Современный исторический момент» состоялись прения с участием С. Городецкого (см. повестку «Бродячей собаки» — ГРМ, ф. 115, ед. хр. 467, л. 11).

[3] В 1913—1916 гг. Городецкий допускал предельно-резкие выпады против символистов, например, сравнивая их с провокатором Азефом «как примером двойной этики» («Биржевые ведомости», 1914, № 14042, 8 марта; об этом эпизоде Блоку рассказала Ал. Н. Чеботаревская — ЗК, 215). Отдельные замечания о Блоке в статьях Городецкого этого периода, как правило, отрицательны (см., например, о «мертвой красоте» Блока в статье «Тотс и Пруссак. Две маски». — «Лукоморье», 1916, № 2, с. 16; см. также его рецензию на «Легенду будней» Д. Цензора.— «Речь», 1914, № 67, 10 марта). Весной 1915 г. Городецкий завершил повесть «Адам», содержащую полемические выпады в адрес Блока, например:

«— Я отстал,— улыбаясь, сказал Адам,— и не знаю, кто такой Бликов.

— Это наш менестрель. Это наш трубадур. Соловей голубой розы. Он нам показал, что и в наш век можно любить возвышенно, мистично, как любили своих дам средневековые рыцари. ⟨...⟩

Виктор проворно слазал в карман и, достав маленькую книжку, стал в позу, как пастор. Сделав паузу, он громко и растроганно начал скандировать —

Ты лицо запрокинула ввысь,
Над тобой пламенела заря.
Ты ждала, ты встречала Царя,
Запевали павлины: молись! ⟨...⟩
И потом мы стояли с тобой
У твоих теремов, у реки,
Перстень ты уронила с руки,
Что тебе подарил Голубой. ⟨...⟩

— А кто это такой Голубой? — спросил Михаил.

— В Италии основывались кафедры, чтобы комментировать Данте,— важно сказал Виктор,— и в двух словах всего не объяснить. Голубой — это двойник.

— Чей?

— Его.

— Кого?

— Того, кто с ней.

— А она кто?

— Вечная женственность. Так нельзя, как вы, расспрашивать, это нескромно» (С. Городецкий. Адам. М., 1917, с. 51—52).

В. Н. КНЯЖНИН — Б. А. САДОВСКОМУ

Петербург, 3—5 марта 1913 г.

⟨...⟩ Что «Галатея»? [1] Обещано в феврале, а теперь март... Но, быть может, он уже requiescat in pace? * Жаль, ибо акмеисты одолевают. «Мышиные жеребчики», вообразившие себя новорожденными; куда как хорошо! [2] Но почему они вошли в славу? [3] Вот что объясните, Б⟨орис⟩ Алекс⟨андрович⟩. Этот вопрос задал мне Алекс⟨андр⟩ Александрович Блок, когда я был у него как-то на днях [4]. Я объяснял дело сплоченностью этой группы, тем, что ежели на улице, среди бела дня, начнут кувыркаться голые люди (адамисты тож), поневоле публика соберется. Но Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩ находит это объяснение слишком упрощенным. И прав по-своему! Алекс⟨андр⟩ Алекс⟨андрович⟩, кстати, сейчас болен — простудился, ибо погода у нас преневозможная, 10 пятниц на неделе, 10 раз за день меняется!

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 63, л. 6—6 об.

[1] Журнал «Галатея» был задуман Б. А. Садовским как орган поэтов, не принадлежащих к Цеху поэтов. Выход «Галатеи» был объявлен на конец февраля («Русская молва», 1913, № 58, 7 февраля). Анонсировалось участие в журнале Брюсова, Блока, А. Кондратьева, Кузмина, Ремизова, Л. Столицы, Тинякова, Ходасевича. 8 февраля 1913 г. Б. А. Садовской направил приглашение Вяч. Иванову участвовать в «Галатее» (ГБЛ, ф. 109).

[2] Имеется в виду один из мотивов программы акмеизма — «рождение нового Адама».

[3] 3 февраля 1913 г. Л. Я. Гуревич писала Блоку: «В «Р⟨усской⟩ молве» должен вскоре появиться фельетон С. Городецкого на ту же тему, что в только что вышедшей книжке «Аполлона», т. е. об акмеизме. Знакомить общество с новым течением лучше всего в образцах и первоисточнике. Но ведя переговоры с Городецким по этому вопросу, я откровенно сказала ему, что «Р⟨усская⟩ М⟨олва⟩» может в лучшем случае, т. е. поскольку удастся, занять «беспристрастную» позицию по отношению к акмеизму, а я лично, несмотря на те оговорки, которые делала и делаю по отношению к конкретным явлениям символического течения, считаю себя, по основе своего существа, принадлежащей ему. Вам же прибавлю, что, с моей точки зрения, идея символического творчества и не была еще во всей глубине обоснована ни теоретически, ни практически, что многое затуманилось в ней в силу разных эмпирических обстоятельств, главным образом, в силу некоторых психологических особенностей того поколения, которое выдвинуло эту идею. По-моему, в столкновении с новым течением, в открытых спорах с ним по целому ряду пунктов (недостаточно отчетливо, впрочем выступающих у Городецкого и Гумилева в том, что они дали на страницах Аполлона) русский символизм должен был бы сосредоточить свое мышленье, договорить многое

* Почиет в мире (*лат.*).

недоговоренное. Вы поймете поэтому мое горячее желанье, чтобы Вы, выждав фельетон Городецкого (который, впрочем, не доставлен еще в редакцию), написали ответную статью на него. Прошу Вас об этом заранее, чтобы, читая фельетон, когда он появится, Вы сразу настроили себя на ответ в печати 〈...〉» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 236, л. 20—20 об.). Пометы Блока на акмеистических манифестах Гумилева и Городецкого (см.: П. В. К у п р и я н о в с к и й. Пометки А. Блока на манифестах поэтов-акмеистов.— «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. XII, Филолог. науки, вып. III, 1957), по-видимому, связаны с этим предложением. Статья С. Городецкого для «Русской молвы» не была написана, соответственно, не состоялось и выступление Блока в этой газете.

15 феваля 1913 г. состоялось заседание Всероссийского литературного общества, посвященное акмеизму. Доклад «Символизм и акмеизм» читал Городецкий. «С молодым задором и излишней резкостью перечислял он грехи символизма» («Русская молва», 1913, № 68, 17 февраля). С речью выступил критик-марксист М. П. Неведомский (Миклашевский), уже до этого печатно хваливший участников Цеха за «возврат к действительности, к конкрету, к краскам и трепету жизни» («За 7 дней», 1913, № 1, с.12). Он говорил о близости акмеизма к старому реализму. Это сближение, впрочем, вызвало протест одного из акмеистов, М. А. Зенкевича, выкрикнувшего: «мы — декаденты» (В. Ш е р ш е н е в и ч. Футуризм без маски. М., 1914, с. 41). Выступление М. П. Неведомского вызвало печатный отклик Д. В. Философова о «сватовстве акмеизма с марксизмом» — здесь акмеизм назывался «декадентством сезона 1912—1913 года» («Речь», 1913, № 47, 17 февраля.) Позднее Вас. Гиппиус вспоминал в заметке «Цех поэтов»: «Публика, литературная улица, посмеялась над словами «цех поэтов», «акмеизм» и т. д., но, в общем, приняла новаторов с сочувствием куда более искренним, чем их учителей — символистов. Это и понятно. Уклон к реализму был публике по душе: символизм с его религиозным и мистико-философским одушевлением должен был остаться поэзией для немногих. Совет — избегать крайностей — подкупил такого критика старого закала, как Неведомский» («Жизнь», Одесса, 1918, № 5, с. 12). На этом заседании выступали также Ф. Д. Батюшков (он подчеркнул жизнеспособность нового направления) и В. Л. Львов-Рогачевский.

[4] По-видимому, речь идет о разговоре 28 февраля 1913 г. (VII, 226).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 8 марта 1913 г.

〈...〉 Читали Вы «Перекресток» Соловьевой? Мне интересно, что Вы скажете. Саша мой говорит, что это не серьезная трагедия [1]. А мне что-то дорого там то, что сказано.

Очень уж бедная форма, жидкий стих, мало таланта. У Поликсены Сергеевны очень выдающийся талант к живописи. И он заглох, потому что близкие не поддержали вовремя. Это часто бывает. 〈...〉

Как хорошо было в «Золоте Рейна». Как музыка прекрасна. Даст бог, попадете на «Гибель богов».

Ходят слухи, что на будущий год нам дадут вместо «Кольца» «Тангейзера», «Лоэнгрина», «Тристана» и «Мейстерзингеров» [2]. Это бы хорошо.

Сашенька вчера вышел и сегодня идет на наши места в «Золото Рейна» вместе с тетей Маней [3]. Люба прислала мне милую открытку из Житомира. Но в самом тексте письма есть натяжка. Не из глубины. 〈...〉

Вас крепко обнимаю и прошу стараться поправиться, чтобы попасть на «Гибель богов». А Вы ведь, кажется, хотели нынче на «Зигфрида»?

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 539, л. 44—45 об.

[1] 27 февраля 1913 г. П. С. Соловьева подарила А. А. Кублицкой-Пиоттух и Блоку по экземпляру своей повести в стихах «Перекресток» (СПб., «Тропинка», 1913) (VII, 226). В дневнике от 6 марта Блок отмечал, «женское бессилие, неграмотность, невечность» этого произведения (VII, 227).

[2] Речь идет об абонементе музыкальных драм Р. Вагнера в Мариинском театре.

[3] Ср. запись в дневнике Блока 8 марта (VII, 228) и его письмо к Л. Д. Блок от 8 марта (ЛН, 89, с. 295). В письме от 10 марта 1913 г. Блок неодобрительно отозвался об исполнении И. В. Ершова в этом спектакле (ЛН, 89, с. 295).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 27 марта 1913 г.

〈...〉 Все идет своим путем [1]. Ну, да, это все мы часто за Вагнером повторяем, и я, и Саша, и Люба, и Маня, сестра. 〈...〉 не надо падать духом из-за гнусностей этого ужасного мира, в котором мы живем и участвуем, все это

Александръ Блокъ.
Шаржъ Мака.

БЛОК
Шарж Мака, «Голос Москвы», 1913, № 139

идет своим путем, будет побеждено, и воцарится свет. Очень я боюсь всякого догматизма, все больше его боюсь. И все больше живу тем, что мы и представить себе не можем, что будет, когда все покроет Воля Твоя.

И не надо. Т. е. мне не надо себе представлять это: только природа и искусство поют об этом, утешают, укрепляют, напоминают, но вполне неопределенно, без образов; для меня так.

Все реже и реже геройские поступки. О них все реже слышишь. Но когда изредка узнаешь об истинном геройском поступке человеческом, то это тоже напоминание.

... Ребенок мой очень расстроен. Вчера Люба прислала письмо с просьбой выслать ей легкие вещи в Житомир [2]. Там уже тепло. Это письмо легло на Сашу тяжело. О приезде, стало быть, нечего и думать.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 539, л. 62—64.

[1] Ср.: «Alles ist nach seiner Art». Цитата из текста оперы Р. Вагнера «Зигфрид» — слова, сказанные Вотаном, появившемся в виде Странника (Wanderer), акт 2, сцена 1. По интерпретации переводчика вагнеровского текста Вотан в этом эпизоде «лишь наблюдает за ходом событий, не вмешиваясь в них». «Все идет своим путем,— судьбы не изменишь!» (В. П. Коломийцов. Кольцо Нибелунга. Трилогия Рихарда Вагнера. Пб., 1923, с. 125). Эту же фразу Блок употребил в дневниковой записи от 14 июня 1912 г.: «Меня звали по телефону в Териоки Кузмин, Сапунов и К°, желающие устраивать в Петров день «Карнавал». Все идет своим путем. Скоро все серьезное будет затерто, да и состоится ли еще?» (VII, 150). По словам М. А. Бекетовой, «оперы Вагнера — не только музыка, но и текст — производили на Блока сильное впечатление» («Письма к родным», II, с. 429). Сводку данных о восприятии Блоком Вагнера см.: С. Волков, Р. Редько. А. Блок и некоторые музыкально-эстетические проблемы его времени.— «Блок и музыка». Сб. статей. Л.—М., 1972, с. 94—96; Д. М. Магомедова. Блок и Вагнер. — «Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 103—107.

[2] Письмо от 22 марта 1913 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 164, л. 21—24.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 29 марта 1913 г.

〈...〉 Какой вчера был поразительный день! 〈...〉 припадок был опять, и весь день я томилась без дела, потому что знала, что, если стану читать или писать, опять будет припадок. Как это я не сошла до сих пор с ума [1].

Думаю, было вчера тяжело и Вам, моя родная. Даже Топка жался ко мне, что-то делалось вчера. И Саша мой был мрачен до ужаса, пришел и напоминал мне все того, кто говорит: «Все, что пред собой я вижу, все презираю, все ненавижу!» [2]

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 539, л. 66 об.—67.

[1] Ср. в дневнике Блока 30 марта 1913 г.: «Припадок у мамы» (VII, 235).

[2] Неточная цитата из монолога Демона в прологе одноименной оперы А. Г. Рубинштейна (либретто П. А. Висковатова). Ср. в дневнике Блока 30 марта 1913 г.: «Дни невыразимой тоски и страшных сумерек — от ледохода, но не только от ледохода» (VII, 234).

А. Д. СКАЛДИН — А. А. АХМАТОВОЙ

Петербург, 1 апреля 1913 г.

〈...〉 В Петербурге образовался новый литературно-художественный кружок, задачи которого трудно изложить в письме [1], но участие Блока, Недоброво, Зелинского [2] и некоторых других ставит его на солидную почву. По поручению Совета обращаюсь к Вам с предложением вступить в этот кружок и прошу не отказать в принятии этого предложения.

На первом заседании, которое состоится 4-го апреля, Блок прочтет свою драму «Роза и крест» [3]. Если же Вы почему-либо не найдете возможным вступить в наш кружок, то быть может, в качестве нашей гостьи захотите прослушать драму Блока [4]. Сообщите Ваше решение — по возможности скорее: времени остается очень мало. Сообщите или мне, или Недоброво (мы тогда пошлем Вам повестку).

ЦГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 156.

[1] Речь идет об «Обществе поэтов» (см. прим. 1 к письму А. Д. Скалдина Вяч. Иванову от 11 апреля 1913 г.).

[2] Фаддей Францевич *Зелинский* (1859—1944) — выдающийся филолог-классик.

[3] Беллетристка и общественная деятельница А. В. Тыркова писала в воспоминаниях о Блоке: «Он позвал нас послушать «Розу и крест». Это уже было не в Башне, с ее яркой, лихорадочной, но человечной суетой, а в большой и скучной зале шестой гимназии. Не знаю, почему выбрал он эту канцелярию для чтения своей романтической сказки. Но в этой обстановке было указание, что волны жизни откатились от изысканных и тонких поэтов» (А. В. Тыркова. Беглые встречи.— «Руль», Берлин, 1921, № 256, 20 сентября). См. прим. 3 к письму А. Д. Скалдина Вяч. Иванову от 11 апреля 1913 г.

[4] Оговорки Скалдина объясняются тем, что он адресуется к члену Цеха поэтов, в то время как по замыслу учредителей «Общество поэтов» должно было иметь «антицеховую» и «антиакмеистскую» направленность,— поэтому им так важно было заручиться участием Блока.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 6 апреля 1913 г.

〈...〉 Сашино чтение было в такой неожиданной обстановке лакированных ботинок, белых гвоздик и страшных личин светского разврата. Раскрашенные женские лица, наряды, улыбки. Мы, простые люди, чающие воскрешения, жались друг к другу в тоске. А на меня и, оказывается, на Ремизова, смятение находило. Саша прорезал этот зараженный воздух своими стихами о Кресте, о радости страданья.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 359, л. 76—76 об.

А. Д. СКАЛДИН—ВЯЧ. ИВАНОВУ

Петербург, 11 апреля 〈19〉13 г.

〈...〉 Могу сообщить Вам радостную весть: усилиями моими, Недоброво (и Н. В. и Л. А. [1]) и Е. Г. Лисенкова [2], которого Вы, к сожалению, не знаете, Поэтическая Академия возродилась. Правда, под иным именем — «Общество Поэтов» — но это не важно. Мы уже приступили к работе: на первом заседании Блок прочел свою драму «Роза и Крест» [3], на втором я прочел доклад «О содружестве муз» [4]. На третьем Вальтер прочтет о Стефане Георге [5], а затем намечено на дальнейшее еще несколько докладов [6]. Дело мы ставим более прочно, чем оно стояло в академии — берем членские взносы 10—12 рубл. в год, и ничего — дают охотно.

ГБЛ, ф. 109.

[1] Н. В. Недоброво (см. наст. т., кн. 2, с. 292) и его жена Любовь Алексеевна. 4 марта 1913 г. Ал. Чеботаревская сообщала В. Иванову: «Н. В. Недоброво вместе с Лисенковым, поэтом и любителем старины, сотрудником журнала «Старые годы», открывают клуб литераторов под названием «Белая бумага». Там будет правление, будут читаться рефераты, стихи и проза. Впоследствии, подобрав более однородное ядро членов, можно свести

этот клуб к тому, чем была Академия, и даже еще более профильтрованному составу членов. Первое собрание — 15 марта» (ГБЛ, ф. 109). Это собрание не состоялось. 22 марта Н. В. Недоброво писал Пясту: «Я сообщал Вам о предположениях об устройстве поэтического общества. 25 марта в 4 1/2 часа дня в квартире моего друга Евгения Григорьевича Лисенкова (Английский прос⟨пект⟩, д. 29) состоится совещание некоторых членов общества о предметах ближайших его занятий. ⟨...⟩ Ваше внепартийное и независимое положение в литературе делает для нас исключительно ценным Ваше участие в наших делах» (ГПБ, ф. 248, ед. хр. 476). Последняя фраза указывает на антиакмеистическую ориентацию «Общества поэтов», хотя некоторые акмеисты и участвовали в его заседаниях (Ахматова, Мандельштам, Георгий Иванов). Председателем Общества стал Е. Г. Лисенков, а товарищем председателя — Н. В. Недоброво.

[2] Евгений Григорьевич *Лисенков* (1885—1954) — искусствовед и поэт. Стихи его печатались в «Альманахе муз» (см. ниже в наст. публикации). На 22 апреля 1914 г. был назначен в «Обществе поэтов» доклад Е. Г. Лисенкова об акмеизме. О встрече с ним на представлении «Кармен» 2 марта 1914 г. Блок упоминает, не называя его имени (ЗК, 211).

[3] 30 марта 1913 г. Блок записал в дневнике: «4 апреля буду читать «Розу и Крест» в обществе, основываемом Недоброво» (VII, 235). На этот же день был назначен доклад Н. В. Недоброво «О связи некоторых явлений русского стихотворного ритма с дыханием», но, видимо, прочитан не был (этот же доклад был объявлен и 27 апреля 1913 г.). По-видимому, слова Н. В. Недоброво в прениях по поводу «Розы и Креста» отражены в записи неустановленного лица на обороте печатной повестки этого заседания: «Алискан, но без соловья, осталась одна пошлость.— Недоброво». («Рукопись Блока». Л., 1970, с. 53). Заседание состоялось в актовом зале 6 гимназии (Чернышевская площадь, № 2). В дневнике Блок отметил «тяжелую обстановку» и «успех» (VII, 235), а в письме от 5 апреля к Л. Д. Блок писал: «Вчера я читал «Розу и Крест» среди врагов, светских людей, холодных «нововременцев». Внутренно очень боролся и, кажется, победил. Мне помогало присутствие близких — мамы и тети, Терещенок, Ремизовых, Пяста — и некоторых людей, сочувствующих мне» (ЛН, 89, с. 303).

[4] 10 апреля 1913 г. На этом и последующих заседаниях Общества поэтов Блок не бывал. Отвечая на вопрос В. Н. Княжнина, отчего он «не показывается» в Обществе поэтов, Блок писал 30 апреля 1913 г.: «В Обществе поэтов мне в первый раз очень не понравилось, потому я не иду» («Письма Александра Блока», с. 202). По воспоминаниям Пяста, Блок был в Обществе поэтов «может быть, раз или два» (В. П я с т. Встречи. М., 1929, с. 212). В следующем сезоне Блок был приглашен в Общество поэтов на доклад Вяч. Иванова об Алкее и Сафо (22 января 1914) и на доклад А. Вира (А. А. Попова) о «4 сомнительных стихотворениях Пушкина» (7 марта 1914), но на эти заседания не пошел (ЗК, 203, 215).

[5] Рейнгард *фон Вальтер* (1882—1965)— немецкий поэт, переводчик русских поэтов на немецкий язык. Перед первой мировой войной жил в России. В 1921 г. в Берлине издал две книжки переводов Блока — «Стихотворения», «Скифы» и «Двенадцать». Встречался с Блоком в 1906 г., в 1910 г. прислал ему свои переводы блоковских стихов (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 182). «В переводы Р. фон Вальтера верю»,— писал Блок Е. Лундбергу 31 января 1921 г. (VII, 402). Доклад Р. фон Вальтера о С. Георге, состоявшийся 20 апреля 1913 г., напечатан в «Годовом отчете училища св. Анны». СПб., 1912, с. 55—74. См. также: Observer. Рейнгардт фон Вальтер.— «Литературное приложение «Накануне», 1923, № 53.

[6] Судя по повесткам Общества поэтов, на 20 апреля 1914 г., помимо доклада Р. фон Вальтера, было назначено чтение «Поэмы в нонах» Пяста (см. также письмо Н. В. Недоброво к Пясту от 19 апреля 1913 г.— ЦГАЛИ, ф. 205, оп. 2, ед. хр. 4), но, по-видимому, это чтение не состоялось — В. А. Юнгер, описавший собрание 20 апреля 1913 г. в письме к Б. А. Садовскому, о чтении Пяста не упоминает (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 151). Впоследствии, в 1913—1914 гг., в Обществе поэтов читали доклады А. А. Кондратьев, В. Р. Ховин, Д. А. Крючков, М. Л. Моравская, В. Пяст, О. Мандельштам и другие. Большая часть повесток Общества опубликована В. Н. Княжниным («Письма Александра Блока», с. 212—213).

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

⟨Петербург⟩, 18 апреля 1913 г.

⟨...⟩ Вчера тебе отправлен комплект «Гиперборея». Ты теперь можешь сам видеть, что это журнал внепартийный. № 8 будет посвящен символистам. Хочу собрать всех [1].

ГБЛ, ф. 109

[1] Это письмо, по-видимому, п ояснет одну из тем телефонного разговора Блока с Городецким 20 апреля 1913 г., не отраженную в соответствующей дневниковой записи Блока (VII, 238). Предложение участвовать в № 8 «Гиперборея» было сделано С. Городецким К. Эрбергу (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 113) и В. Я. Брюсову (ГБЛ, ф. 386, к. 71, ед. хр. 3) в письмах от 19 апреля 1913 г. Вероятно, сходное приглашение получил от него и Блок 20 апреля 1913 г. Проект «символистского» номера не был реализован.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 2 мая 1913 г.

〈...〉 Я бы не могла теперь ехать в Шахматово. Бог с ним. Как же мой ребенок тут одинешенек? Мне то что. Поживу, побуду с ним.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540. л. 1 об.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 28 мая 1913 г.

〈...〉 Вот сию минуту, прождав утро, я по телефону узнала, что Люба приехала сегодня в 1 час дня. Саша говорил со мной несколько слов. По голосу не могла уловить, как у них. Теперь буду ждать. И совсем, совсем, совсем ничего не могу себе представить. Около четырех месяцев они были в разлуке. Что будет теперь, и как она оттуда [1] уехала — не знаю.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 10—10 об.

[1] Из Житомира.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Шахматово, 27 июня 1913 г.

〈...〉 Смотрю вокруг на красу несказанную, на нежность и пестроту лугов, на шатры лип, берез, кленов, на небо с облаками живыми. Пока смотрю, чувствую это все. А так вообще плохо. От Саши получаю редкие вести и грустные. Последние впечатления в Петербурге от Любы были печальные, беспокойные. Все это болит так, что и говорить не хочется. И многое болит. Больно дотрагиваться до всех этих мест. 〈...〉

Только что кончила переписывать «Розу и Крест». Будут печатать ее скоро.

Писать было хорошо.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 15—16.

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ФЕДОРУ СОЛОГУБУ

〈Царское Село.〉 24 июля 1913

〈...〉 Содержание сборника такое: предполагаемые Ваши стихи, начало романа А. Белого «Петербург», пьеса А. Блока и «лимонарные» вещи Ремизова [1].

ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 296.

[1] Излагается предполагаемое содержание первого сборника «Сирин» (СПб., 1913), вышедшего в свет в октябре 1913 г. в следующем составе: Ф. Сологуб — «Очарования земли» (триолеты), Андрей Белый — «Петербург» (гл. I и II), А. Блок — «Роза и Крест», А. Ремизов — «Цепь златая».

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Шахматово, 25 июля 1913 г.

〈...〉 Никогда я не была так спутана, как теперь. Часто повторяю про себя: «Сожжена моя степь, трава свалена, ни огня, ни звезды, ни пути...» [1]. Тупо во мне сознание несказанных очертаний. 〈...〉 А я после припадков особенно остро чувствую природу, ее красы ненаглядные. 〈...〉 Сашенька пишет, что приедет в августе. 〈...〉 Манечка, что я написала Вам в прошлом письме? [2] Ведь я его писала тотчас после припадка. И прямо не помню ничего. Про Любу? Что про Любу? Напишите.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 540, л. 24—25 об.

[1] Из стихотворения Блока «Опустись, занавеска линялая...». Цитируется первоначальный текст последней строфы (III, 564).

[2] В письме от 18 июля 1913 г. А. А. Кублицкая-Пиоттух писала: «Люба уделяет Саше несколько дней — недель даже — своей жизни, а потом опять возвращается, по-видимому, к своему теперешнему. По-моему, она разлюбила Сашу и вместо того, чтобы прямо это сказать ему, как-то и тут, и там что-то старается. Денег больше у нее нет ни капли. Она истратила все, что у нее было после отца. И поневоле живет с Сашей, потому что больше и не на что пока». (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 22).

А. А. КОНДРАТЬЕВ — А. И. ТИНЯКОВУ

Поповка, 31 июля 1913 г.

〈...〉 По поводу сообщенного Вами анекдота о чтении статьи Блока в редакции «Р〈усской〉 м〈олвы〉» [1] я скажу Вам вот что: не следует доверять партийным людям, хотя бы они с виду и были очень симпатичны. На словах они с Вами безусловно согласятся, а за глаза на Вас же и донесут. А среди фамилий, Вами перечисленных, некоторые открыто числились в списках партий к.-д. и левее. И попадете в какой-нибудь проскрипционный список скомпрометировавших себя перед освободительным движением фамилий, и Ф. Ф. Фидлер внесет в Ваш формуляр (у него для каждого литератора ведется формулярный список) слово «черносотенец» [2].

ГПБ, ф. 774, ед. хр. 20, л. 7 об.

[1] 3 декабря 1912 г. Блок читал в редакции газеты «Русская молва» статью «Искусство и газета». Тиняков, видимо, присутствовал на чтении,— Б. Садовской, заведовавший в это время критическим отделом «Русской молвы», записал в этот день в альбом Тинякова свое стихотворение (ЦГАЛИ, ф. 1309, оп. 1, ед. хр. 42), а Ремизов сделал в том же альбоме помету: «Не Садовскому, а Тинякову надо было написать стих в альбоме Тинякова, — какой этот Блок чудак! А. Р〈емизов〉» (ЦГАЛИ, ф. 1309, оп. 1, ед. хр. 20, л. 1 об.). Часть статьи Блока, направленная против того типа газетчиков, которые обедняют и искажают русский язык, была принята руководителями газеты неодобрительно. «Мы ждали символических взлетов, размаха, красоты, а вместо этого услышали резкие выпады 〈...〉 Это было так неожиданно, что мы растерялись. Блок кончил и важно обвел нас холодным взглядом. Точно вызов бросил. Я его приняла.

— Александр Александрович, так нельзя.

Он перевел строгий взгляд на меня. На правильном лице греческого бога не было ни тени улыбки.

— Нельзя? Я так и знал, что вы не примете» (Ариадна Тыркова-Вильямс. Тени минувшего. — «Возрождение», Париж, 1955, № 41, с. 87). Об этом заседании Блок записал в дневнике: «Много народу, чтение статей, впечатление тяжелое, неясное и жестокое» (VII, 189). О дальнейшей судьбе статьи и последующем разговоре Блока с Тырковой см. V, 763; VII, 189—190, 490.

[2] А. Кондратьев имеет в виду, в числе прочего, и эпизод своего выступления в Обществе ревнителей художественного слова 22 апреля 1911 г. об этническом генезисе неточных рифм. Это выступление вызвало негодования Вяч. Иванова (см. письмо А. А. Кондратьева Вяч. Иванову от 23 апреля 1911 г. — ГБЛ, ф. 109).

ВЛ. ПЯСТ — А. В. РУМАНОВУ

Петербург, 〈24—25 августа 1913 г.?〉

В некоторых изданиях появились сообщения о том, что известный поэт А. А. Блок получил предложение войти в состав Театрально-литературного комитета, и что будто бы А. А. Блок от этого предложения отказывается [1]. Лица, близкие к А. А. Блоку, нам передают, что никакого отношения к этим сообщениям он не имеет, и что никаких решений в этом направлении он не принимал, да и принимать не мог [2].

ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 491, л. 25.

Текст записан на отдельном листке и представляет собой заметку, предназначенную для газетной хроники. Сопроводительных разъяснений в сохранившихся письмах Пяста к А. В. Руманову нет. В газете «Русское слово», в которой сотрудничал Руманов, это сообщение не появилось.

[1] В газете «День» 24 августа 1913 г. (№ 227) в разделе «Театр и музыка» было напечатано сообщение: «Поэт А. А. Блок отказался от предложения дирекции Императорских театров занять место пятого члена в Спб. отделении театрально-литературного комитета».

[2] 25 августа 1913 г. Л. Д. Блок писала Блоку: «Вчера позвонил Пяст, я подошла, он спросил, не приехал ли ты, сказал, что прочел в газете «День» известие о том, что ты отказался от Литературного комитета при императорских театрах, и огорчился этим» (ЛН, 89, стр. 322). В состав петербургского отделения литературно-театрального комитета входили Ф. Д. Батюшков, Н. А. Котляревский П. О. Морозов, Д. С. Мережковский. По инициативе последнего в 1912—1913 гг. велись переговоры об избрании Блока пятым членом (VII, 195, 197, 198). Комитет занимался выбором пьес для репертуара императорских театров.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Шахматово, 2 сентября 1913 г.

〈...〉 И Саша и Маня шлют Вам свой привет. Мы тоже снимаемся с места и начинаем уезжать. Саша едет 6-го. Мы с Францем 7-го. Жалко уезжать, в Шахматове хорошо и красиво. Леса расцветились осенью. Клены розовые, как заря. Птицы веселятся на рябине. За последнее время бог дал мне радостные часы и даже некоторые дни. Люба побыла с нами 2 дня и была очень хорошая [1].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 36—36 об.

[1] О пребывании Л. Д. Блок в Шахматове в последних числах августа 1913 г. и о шарадах, которые придумывал для нее Блок, см.: М. А. Бекетова. Александр Блок. Л., 1930, с. 190—191.

АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Петербург, 22 сентября 1913 г.

〈...〉 К〈а〉к В〈а〉м кажется — недурно было бы написать заметку для «Глашатая» [1] об отказе Блока (из членов комит〈ета〉) — к〈а〉к нежелательном абсентеизме-квиетизме, кот〈орый〉 наруку только «троице» [2] литер〈атурно〉-«убожественного» комитета? Может, написали бы Вы — если хотите, под псевдонимом.

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2569, л. 28. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Речь идет о намечавшейся осенью 1913 г. двухнедельной газете «Петербургский глашатай» под редакцией И. В. Игнатьева. Издание не состоялось. 29 сентября 1913 г. Ан. Н. Чеботаревская писала Блоку:

«Пишу Вам, заранее надеясь на неуспех по неисправимой своей склонности уповать на что-то, что можно сплотить, объединить всех, в то, что нужно и можно людям одного толка (*в общем*, не в деталях!) как-то проявляться сообща, где-то что-то обсуждать, потребности иметь для этого какой-то «чистый уголок»... В этих-то видах, и абсолютно не веря интересам к искусству буржуазных «Речей» и проч., мы решили поддерживать воскресную литер〈атурно〉-театр〈альную〉 газетку «Петербургский глашатай», кот〈орая〉 начнет выходить с полов〈ины〉 октября здесь; издатель — очень молодой человек, И. В. Игнатьев,— скорее симпатичный, хотя несколько сумбурный — его можно направлять, как захотят остальные. Участие, конечно, бескорыстное — по крайней мере на первых порах,— просто смотреть на это, к〈а〉к на свободные и чистые страницы, где можно, *когда захочешь*, написать *что хочешь* (политики нет — только литература и театр). Мейерхольд и Ф.К. 〈Сологуб〉 обещали близкое свое участие. Не говорю, к〈а〉к хотелось бы, чтобы Вы заинтересовались и участвовали бы в этой газетке» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 447, л. 18—19). Известие о самоубийстве И. В. Игнатьева (Казанского)зафиксировано в записной книжке Блока 22 января 1914 г. (ЗК, 203).

[2] «*Троица*» — члены Литературно-театрального комитета Ф. Д. Батюшков, Н. А. Котляревский, П. О. Морозов, прохладно относившиеся к символистской драматургии. См. письмо В. А. Пяста к А. В. Руманову от 24—25 августа 1913 г. и примечания к записи в дневнике С. М. Михайловой от 27 ноября 1913 г.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 27 сентября 1913 г.

〈...〉 А повесть Бориса Садовского (она еще не окончена, идет в журнале «Северные записки») привезу Вам как-нибудь сама, взяв ее у Саши [1].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 51.

[1] Б. Садовской. Побеги жизни (повесть в 3-х частях).— «Северные записки», 1913, № 2, 3, 7, 8. В повести эпизодически выведен А. А. Фет.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 25 октября 1913 г.

〈...〉 О «Розе и Кресте» я тоже думаю, Маня, что это несомненно ценная вещь. Поликсена Сергеевна [1] сказала, что это пустое место: «Прочла, ждала много, но ничего. Просто ничего».

Не во время вышла книга. Если бы Саша мог к этому относиться, как я, т. е. что это не очень важно, что говорят, было бы хорошо. Но у него очень страдает самолюбие. Ваше мнение ему очень дорого. Я ему передала и сегодня по телефону то, что Вы написали. 〈...〉 А в «Тангейзера» мне тоже захотелось, так что будем пытаться доставать [2]. И Саша, может быть, с нами пойдет, если достанем три кресла рядом. Ведь мы любим 4-ый, 5-ый ряд.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 66—67 об.

[1] П. С. Соловьева.

[2] Опера Р. Вагнера «Тангейзер» шла 29 октября 1913 г. в Мариинском театре. 30 октября А. А. Кублицкая-Пиоттух писала М. П. Ивановой: «„Тангейзер" так себе. Мне было хорошо. Понравилась ужасно увертюра. И то, что Саша был рядом. Но должно быть актеры не могут больше меня радовать. Последнее настоящее было для меня „Хованшина". Ершов был лучше Смирнова и Касторского. Но все-таки это был Ершов, а не Тангейзер. Музыка тоже большей частью мне не была слышна и вразумительна. И колоссальное безвкусие и убожество постановки. А поведение хора?

Саше совсем ничего не понравилось. Ершов и Больская не больше других.

— Вот Вам добросовестный отчет. Не стоит, кажется, ходить в оперу. Лучше уж в концерт. Т. е. я говорю о себе» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 74—75).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 29 октября 1913 г.

〈...〉 А дома застала я 5 человек гостей. В том числе и ребенка своего. Рада я им была всем, потому что по-своему мне милы и желательны.

Но Лиза была отпущена со двора. А обед не был рассчитан на 7 человек: 2 курицы и жаркое и мало закуски. И не было фруктов. Побежал Григорий за всеми этими штуками. Обед опоздал, но всех накормила я, как надо. 〈...〉

Ваш Саша [1] у моего Саши был очень желанным гостем, и вечер у них прошел хорошо. Саша мне сказал, что ему было с ним вольготно. 〈...〉 Бейлис оправдан [2]. Слава богу! Если он и виновен, не суду его судить человеческому! Так, Маня?

Я радуюсь его оправданию всей душой [3].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 69—70 об.

[1] А. П. Иванов.

[2] 17 мая 1917 г. во время расследования обстоятельств организации «дела Бейлиса» Блок записал: «*Нет, я был прав*, когда подписывал воззвание за Бейлиса и писал заметку о том, что рад оправдательному приговору» (ЗК, 330—331; заметка Блока не разыскана). В ноябре 1911 г. Блок вместе с другими русскими литераторами и общественными деятелями подписал воззвание «К русскому обществу» по поводу дела Бейлиса, где говорилось: «Во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия мы подымаем голос против вспышки фанатизма и темной неправды. Исстари идет вековечная борьба человечности, зовущей к свободе, равноправию и братству людей с проповедью рабства, вражды и разделения.

И в наше время как это бывало всегда,— те самые люди, которые стоят за бесправие собственного народа,— всего настойчивее будят в нем дух вероисповедной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народного мнения, ни народных прав, готовые подавить их самыми суровыми мерами,— они льстят народным предрассудкам, раздувают суеверие и упорно зовут к насилиям над иноплеменными соотечественниками 〈...〉

Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обагрялась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!...» («Речь», 1911, № 329, 30 ноября; напечатано также и во многих других газетах). Список подписавших открывался именами К. К. Арсеньева, В. Г. Короленко, М. Горького, Л. Андреева. Кроме Блока, подписи поставили также Д. Мережковский, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Е. Чириков, Д. Философов, А. Федоров, Ф. Сологуб, А. Н. Толстой, С. Сергеев-Ценский, К. Арабажин, Н. Анненский, Ф. Батюшков, Скиталец (Петров) и многие другие (под этой публикацией всего 82 подписи; в последующие дни к воззванию присоединился еще целый ряд деятелей культуры). Сохранился машинописный текст допечатной редакции воззвания, подписанный и Блоком (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 75, л. 1—3). 27 ноября 1911 г. Блок записал в дневнике: «*Дважды* приходил студент, собирающий подписи на воззвании о ритуальных убийствах (составленном Короленкой). Я подписал. После этого — скребет по душе, тяжелое. Да, Клюев бы подписал, и я подписал — вот последнее 〈...〉» (VII, 97).

[3] 30 октября 1913 г. А. А. Кублицкая-Пиоттух писала М. П. Ивановой: «У меня сердце болит буквально от того, как относятся люди к делу Бейлиса. Сегодня была в «Тропинке». Там все или шутки об этом шутят, или кричат о позоре для России веры в ритуальные убийства. Одиночество холодное окутывает» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 74—75).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

3 ноября 1913 г.

〈...〉 Тьма до того нависла над Петербургом, что уж не знаешь, где сны, а где действительность. И кажется, что мерзость запустения уже воцарилась. И хочется, чтобы грянул гром.

Сначала не хотела этого писать Вам, потому что выговаривать такие вещи не надо. Да вот выговорила. Вы же вот произносите такие слова: «Ющинский [1] всех своих убийц может искупить». Вы, в самом деле, твердо это думаете?

А для меня такие слова мертвые. Вокруг меня тьма. Сны я вижу ужасные.

В «Вестнике Европы» вышла статья о Сашиной «Розе и Кресте». Хвалебно сверх меры. Профессор Адрианов написал [2]. Женя его знает. А в «Заветах» статья Разумника о «Розе и Кресте». Там блестяще, глубоко, мудро и красиво написано, что «Крест Блока, обвитый розами, стоит среди стеклянной пустыни» [3]. Статья большая о всей поэзии Блока. Если поверить, тяжко. Да есть утешение. Увидимся — поговорим.

Саша все говорит последнее время, что любит жизнь. А что мы из нее сделали? Не похоже на жизнь.

И Вы, и я с этим ведь согласны. И в такие темные тяжкие дни это особенно чувствуется.

У меня сегодня утром кружилось перед глазами: дело Бейлиса, музыка, Сашина драма и ее судьба в публике: это было все вместе, и все это не то.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 77—78 об.

[1] Андрей *Ющинский* — киевский мальчик, в убийстве которого был обвинен М. Бейлис.

[2] С. Адрианов писал в «Критических набросках»: «Блок поет, нет, даже не поет, а творит музыку слов, ритмов, символов, которая требует от читателя ответной музыки, ответного трепета всего нашего психо-физического существа, отраженного воспроизведения той напряженности, исчерпывающей и потрясающей, которой дрожала душа поэта в минуты творения,— и только так отдавшись ему, так вознесшись с ним, можем мы приобщиться великой тайны Радости — Страдания 〈...〉 И если сейчас чуткий, быть может, самый чуткий русский художник, который еще так недавно всенародно исповедывался в своей духовной смуте и растерянности, теперь снова облекся в крепкие латы и нашел в пошатнувшейся было душе своей новую, страстотерпчески-мудрую «песню о море и о кресте, горящем над вьюгой», то, быть может, и в самом деле психологический кризис русской жизни уже повернул к разрешению и среди обстоящих нас вьюг загорелся новый крест» («Вестник Европы», 1913, № 11, с. 383, 385).

[3] Цитируя стихотворение Блока «Когда в листве сырой и ржавой...» и в частности, его последнюю строфу —

Христос! Родной простор печален.
Изнемогаю на кресте.
И челн твой будет ли причален
К моей распятой высоте? —

Р. В. Иванов-Разумник заключал: «Это вопрос всего творчества А. Блока, но не в родных просторах, а в стеклянной пустыне стоит его крест, увитый розами ⟨...⟩ Безнадежные попытки розой и крестом разорвать заколдованный круг (одиночества) — в этом вся история творчества А. Блока» (Иванов-Разумник. Роза и крест. Поэзия Александра Блока.— «Заветы», 1913, № 11, с. 125).

ИЗ ДНЕВНИКА И. В. ЕВДОКИМОВА

⟨Петербург⟩, 5 ноября ⟨1913 г.⟩

⟨...⟩ Читал сейчас Блока. В каждом маленьком стихотворении нет, нет, да и полоснет какой-то извив, какой-то яркий образ, метафора, какой-то магнетизм в этих равнодушных, типографских буквах. Здесь душа, мастерство, цельность, а у меня этого нет. Я скучен, сух, я не поэт, не поэт, не поэт.

ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 119, л. 31.

Иван Васильевич *Евдокимов* (1887—1941) — поэт, автор сборника «Городские смены» (СПб., 1913), искусствовед, беллетрист. В 1914 г. — студент историко-филологического факультета Петроградского университета.

ВЛ. В. ГИППИУС — ФЕДОРУ СОЛОГУБУ

Петербург, 10 ноября 1913 г.

⟨...⟩ Когда я ушел на целые годы от литературы и стал преподавателем, я не переставал любить Вас как писателя и человека. Объективно я считал критику Мережковского и Вашу поэзию — высшим проявлением русской литературы в последнее время. Лично рядом с Вашими стихами я ставил только стихи Зинаиды Николаевны [1] и Блока. ⟨...⟩ Выбирая в своей статье о Стоюнине из огромного числа современных писателей — Вас, Бальмонта, Брюсова, Блока и Андреева [2], я взял самые популярные имена, и как я думаю, достойные, хоть и по разным причинам, этой популярности и даже славы, и хотел высказать тем мое уважение, а не пренебрежение к ним.

ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 185.

[1] З. Н. Гиппиус.

[2] В статье «Памяти В. Я. Стоюнина» Вл. Гиппиус писал: «Как отнесся бы Стоюнин к современной литературе? Как быть с нею в школе? Может ли она быть таким же предметом общественно-национального воспитания, как та, с которой имел дело Стоюнин? Не Чехов, не Короленко, не Горький,— ими завершается старый путь! Даже не Мережковский,— он стоит на рубеже. Но — Андреев, Сологуб, Бальмонт, Блок — самые излюбленные имена современности? Брюсов — при всем его «классицизме»? Разве это незначительные величины? Ведь это наше литературное — даже не «сегодня», но для некоторых уже «вчера»!» («Речь», 1913, № 302, 4 ноября).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

13 ноября 1913 г.

⟨...⟩ Потом о футуристах: это не футурист ударил Бальмонта. Слух оказался неверным [1]. Это молодой Морозов, сын члена театрального комитета. Все там были пьяны. Стало быть, и говорить об этом не стоит.

А вообще о футуристах и о том, как они судили о Пушкине [2], не судите по газетам, и особенно по «Новому времени». Вы не можете себе представить, до чего газеты все искажают. При свидании расскажу. А вообще футуристы явление очень уродливое, но сложное. И потому судить о них приходится не по-газетному [3].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 85—86.

[1] 10 ноября 1913 г. А. А. Кублицкая-Пиоттух писала М. П. Ивановой: «На свете творится что-то уж вовсе неладное: футурист дал пощечину Бальмонту, так, здорово живешь» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 82). Речь идет об инциденте в «Бродячей собаке» 8 ноября 1913 г., когда после чествования К. Д. Бальмонта сын П. О. Морозова оскорбил его действием. Пресса отнесла оскорбителя к футуристам. Письмо о том, что Морозов-младший не принадлежит к футуристам, правление «Бродячей собаки» опубликовало 14 ноября 1913 г. («День», № 309).

[2] 3 ноября 1913 г. Давид Бурлюк читал лекцию «Пушкин и Хлебников» в Тенишевском училище, 11 ноября он повторял ее в Политехническом музее в Москве. Ср. относящийся к ноябрю 1913 г. неопубликованный обзор «Под знаком футуризма», подписанный «Б. М. Алкин» (Б. Малкин?). В нем приводятся слова Д. Бурлюка: «Пушкин — это мозоль русской жизни, он должен уступить место светлозарному гению современности — Хлебникову», «Маяковский кричал молодежи: „Да перестаньте вы рожать Пушкиных и Толстых, это скучно“» (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 749, л. 1).

[3] Осторожное отношение к газетной кампании против футуристов А. А. Кублицкая-Пиоттух, видимо, разделяла с Блоком. Ср. его запись 9 января 1914 г.: «А что, если так: Пушкина научили *любить* опять *по-новому* — вовсе не Брюсов, Щеголев, Морозов и т. д., а ... *футуристы*. Они его бранят, по-новому, а он становится ближе по-новому ‹...› Брань во имя нового совсем не то, что брань во имя старого, хотя бы новое было неизвестным (да ведь оно всегда таково), а старое — великим и известным. Уже потому, что бранить во имя нового — *труднее* и *ответственнее*» (ЗК, 198). Ср. также позицию Пяста (см. о его лекции 7 декабря 1913 г. в наст. томе, кн. 3, с 427).

ИЗ ДНЕВНИКА С. М. МИХАЙЛОВОЙ

Петербург, 27 ноября 1913 г.

Я была на «Беседе о современном театре» [1] и видела там Блока [2].

Институт рукописей АН Грузинской ССР, Тбилиси.

О С. М. Михайловой см. примечания к записи в дневнике Е. И. Ге от 9 ноября 1914 г.

[1] Вдохновителем этого вечера в зале Калашниковской биржи была Ан. Н. Чеботаревская (см. ее письма к Мейерхольду от 15 и 16 ноября 1913 г.— ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2569, л. 29, 30). По ее замыслу, по-видимому, участники беседы Е. В. Аничков и В. Э. Мейерхольд должны были выступить в защиту символистской драматургии, в том числе «Розы и креста», которая очень понравилась Чеботаревской. 17 октября 1913 г. она писала Блоку:

«Только что прочла «Розу и крест». Не хочу говорить В‹а›м обычных, стертых слов восторга. Но благодарю — искренно, безмерно, сердцем и душою за эту радость, за эту нежность, за эту красоту, за «Радость — Страдание» (о, какую мне знакомую, какую дорогую), за все, за все, за все, что только можно дать человеку высоким и прекрасным творением Искусства — единого и вечного» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 447, л. 20).

В анонсах о вечере сообщалось, что во вступительной речи Е. В. Аничкова «Два искания в современном русском репертуаре» будут «обсуждаться последние «боевые» пьесы — «Не убий» Л. Андреева, «Ревность» М. А. Арцыбашева и ряд неизданных пьес: «Роза и крест», «Земля» ‹В. Я. Брюсова›» («День», 1913, № 322, 27 ноября). Председательствовал на вечере Ф. К. Сологуб. Выступали В. Н. Соловьев и К. А. Вогак, Ю. Л. Сазонова-Слонимская, А. И. Гидони, В. В. Чехов, Г. И. Чулков, Е. П. Карпов и Мейерхольд, который «присоединился к г. Аничкову в его воззвании к публике: «Требуйте нового театра, требуйте новых авторов и пьес, которых к вам не допускают, требуйте Блока, Ремизова, Сологуба и т. д.» («День», 1913, № 323, 28 ноября).

Обсуждение этой проблематики было продолжено на диспутах 21 декабря 1913 г. в Петербурге и 30 января 1914 г. в Москве. В частности, «П. Коган объявил «умершим» весь символический репертуар,— начиная с Метерлинка и Ибсена и кончая еще неигранным Блоком» (Анастасия Чеботаревская. О театральных диспутах.— «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 2, с. 60).

[2] В 1961 г. автор дневника приписала: «Помню: еще на этом диспуте выступал проф. Аничков. Помню еще, что я следила за Блоком и вышла на улицу вслед за ним. Было уже поздно. Его окликнула какая-то девушка, скромно одетая, и они вместе пошли. Я потихоньку шла за ними, помню, завернули на Садовую, он курил и бросил на ходу папиросу. Где-то они распрощались, и он пошел один, а я повернула и пошла назад».

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 27 ноября 1913 г.

Манечка, Саша мой в тяжком опять состоянии.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 540, л. 94.

ИЗ ДНЕВНИКА И. В. ЕВДОКИМОВА

⟨Петербург⟩ 7 декабря ⟨1913 г.⟩. Ночью.

Пришел с лекции Пяста [1]. Народу было мало. Бедный и милый Пяст читал, что говорится, бесплатно, даже с убытком, потому что едва ли часть своих расходов он оправдал. Вывели с полицией футуриста одного — был пьян, с кошкой, вставлял замечания и т. д. ⟨...⟩ Пяст прочел довольно бессвязную лекцию. Самыми крупными, свежими из молодых назвал А. Ахматову, О. Мандельштама и Игоря Северянина. «Много хвалы» было А. Ахматовой. Конечно, это превосходная поэтесса, прекрасная, очаровательная. Похвалы И. Северянину были очень скромны. Но мне положительным кощунством казались чрезмерные похвалы О. Мандельштаму. Пяст упорно противопоставлял А. Блоку Мандельштама и было видно, как Пяст считает Мандельштама поэтом гораздо крупнейшим, чем А. Блок. Это кощунственно прямо, так и хотелось сказать: «В⟨ладимир⟩ А⟨лексеевич⟩, закройте клапан, это же из рук вон, этот номер не пройдет». Не знаю, по лицу очень походит, был, кажется, Блок, хотя очень он мне уж показался прост и неказист. Я Блока представляю себе тонким, изящным, лунным, а это был широкий, здоровый мужик [2]. Похвалы Мандельштаму мне казались какой-то личной обидой. Правда, поэт он замечательный, но сравнивать его, подводить под рубрику к Блоку — ужасно. Ну что общего у скромной музы Мандельштама с огромной музой магического Блока? Было неприятно и очень досадно! Если я правильно понял — Пяст, разбирая футуристов, показывая, что все у них, выдаваемое за свое,— есть заимствование у предшественников — и ритм, и форма, в конце концов пришел к выводу, что новое футуристы дали только в том, что (ссылался на книжку «Слово как таковое» [3]) резко пришли к разграничению формы от содержания, слова от смысла, что, мол, гора родила мышь, называл Пяст футуристов варварами, учитывая их разрушительную роль, предостерегал, примирялся, и в конце концов В. Маяковский, А. Крученых, Б. Лившиц, Василий Каменский, В. Гнедов [4], Н. и Д. Бурлюки (люди большого темперамента) оказались людьми талантливыми, но, мол, все же настоящая и подлинная поэзия находится «вне групп» — это А. Ахматова, О. Мандельштам и Игорь Северянин. В общем, очень странная и противоречивая лекция. Наблюдал я с грустью публику, сегодняшних триумфаторов — Мандельштама и А. Ахматову. Как мне было завидно, не скрою от своей души, что не я, а они выхваляются, они таланты, они поэты «божьей милостью», а я, а я... ⟨...⟩ На лекции заметил Недоброво с женой, В⟨асилия⟩ Гиппиуса, М. Долинова [5], Грека [6], Чеботаревскую [7], Маяковского [8], Вира [9] и других ⟨...⟩ После лекции все поэты пошли на диспут в «Бродячую собаку» [10]. А я только грустно проводил толпу поэтов, больших и маленьких, таких же малюсеньких, как и я, и пошел домой.

ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 119, л. 74—76 об.

[1] О лекции В. А. Пяста «Поэзия вне групп» см. примечания к письму Ан. Н. Чеботаревской Вяч. И. Иванову от 14 декабря 1913 г.

[2] 10 декабря 1913 г. И. В. Евдокимов записал: «Видел сегодня Вира в университете — оказывается, я угадал, не перепутал — тогда я видел на лекции А. Блока. Ах, какой он неинтересный стал, постаревший, неуклюжий, здоровенный и широкоплечий, в скромном пиджаке» (ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 119, л. 84).

[3] А. Крученых. Декларация слова как такового. СПб, 1913.

[4] Василий Иванович (Василиск) *Гнедов* (1890—1978), член «Ассоциации эгофутуризма». Блок читал книжку Гнедова «Смерть искусству» (⟨СПб.⟩, 1913) — см. его письмо к Л. Д. Блок от 4 мая 1913 г. (ЛН, т. 89, с. 312).

[5] Михаил Анатольевич *Долинов* (1891—1936) — поэт. Блок рецензировал в 1918 г. три сборника его стихов (в том числе два невышедших) (VI, 337).

[6] *Грек* — секретарь «Общества поэтов».

[7] По-видимому, Ал. Н. Чеботаревская.

[8] Факт присутствия Маяковского на лекции Пяста в исследованиях биографии Маяковского не отмечался. Возможность ошибки автора дневника маловероятна. 30 ноября

1913 г. он записывал после диспута футуристов: «Впечатление на меня произвели Маяковский, И. Северянин и А. Крученых очень сильное и приятное. Маяковский был в желтой блузе с бантом. Костюм этот мне очень понравился. У Маяковского огромный убедительный голос, он высок, строен, прямо элегантен» (ЦГАЛИ, ф. 1624, оп. 3, ед. хр. 119, л. 65—65 об.). 2 декабря 1913 г. он был на премьере спектакля «Владимир Маяковский».

[9] Об Ал. Вире (А. А. Попове) см. примечания к его переписке с Б. В. Томашевским.

[10] Диспут о лекции Пяста в «Бродячей собаке» был намечен заранее — сохранилась печатная повестка (собрание А. А. Голубева, Ленинград). Блок, по-видимому, как обычно, уклонился от посещения «Бродячей собаки». Ср. запись о разговоре 26 ноября 1912 г. с Терещенками и Ремизовым: «... о «Бродячей собаке» (я горячо убеждал не ходить и не поощрять)» — VII, 184), а также о разговоре с Н. И. Кульбиным 13 декабря 1912 г. «Тщетно восстановлял в моем мнении «Бродячую собаку». Кой-что я принимаю, но в общем — мнение мое непоколебимо» (VII, 192). Тем не менее руководитель «Бродячей собаки», актер и режиссер Б. К. Пронин, постоянно стремился привлечь Блока к деятельности «Бродячей собаки» и другим своим начинаниям. См., например, его письмо ⟨августа 1918 г.?⟩ М. В. Добужинскому: «Сегодня в 8 ч. в⟨ечера⟩ 1-ое собрание Худож⟨ественного⟩ совета «Камерного театра» (который будет, ибо деньги есть !?!!). Очень просим Вас быть при рождении этого младенца. Будут наверное: Щуко В. А., Кузмин М. А., Романов Б., Смирнова Е. А., Блок А. А., и др.» (ГРМ, ф. 115, ед. хр. 467). Ср.: ЗК, 422.

АЛ. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

Петербург, 14 декабря ⟨1913 г.⟩

⟨...⟩С Блоком увижусь на днях, 2 раза видела его мельком: в Рел⟨игиозно⟩-Фил⟨ософском⟩ О⟨бщест⟩ве [1] и на лекции В. Пяста в Тенишев⟨ском⟩ уч⟨илищ⟩е «Поэзия вне групп», в кот⟨орой⟩ Пяст расшаркался пренелепо перед футуристами и пренесправедливо! [2]

ГБЛ, ф. 109.

[1] Видимо, 5 декабря 1913 г. на докладе С. М. Соловьева «Идея церкви в поэзии Вл. Соловьева». Повестка на этот доклад сохранилась в бумагах Блока (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 3).

[2] Лекция Пяста состоялась 7 декабря 1913 г. В архиве Блока (ЦГАЛИ) сохранилась афиша с тезисами лекции.

Из футуристов Пяст особенно выделил Николая Бурлюка, отметил в прозе футуристов следование А. Белому и А. Ремизову, «с большой похвалой говорил о поэтах Анне Ахматовой, О. Мандельштаме и И. Северянине. Мандельштама он провозгласил «поэтом-философом» и сравнивал его с Блоком. Но особенно много восторга выражал лектор перед поэзией Ахматовой («Речь», 1913, № 337, 9 декабря). Блок пошел на лекцию вместе с матерью (см. его письмо к Пясту от 2 декабря 1913 г.— Вл. П я с т. Воспоминания, с. 101). На этой лекции имела место скандальная выходка эго-футуристов К. К. Олимпова и И. В. Игнатьева (В. П я с т. Встречи, с. 264—265).

Н. ГОРЕЛОВ — В. Я. БРЮСОВУ

14 декабря 1913 г.

⟨...⟩ укажу Вам и признаки пришествия новой поэзии, когда поэты не будут рекламироваться, сдавать в печать все, что написано, как Блок, с его рекламной мистикой («Прекрасная Дама», где во всем сборнике нет и тени «вечной женственности»), когда свои книги не будут озаглавливать латинскими словами, называть Глубоким утром [1], Снежными буднями [2], ибо это все, чтобы понравиться Брюсову, и это не поэзия, причем заглавие, разве, когда я изливаю мое чувство, я думаю о том, как его озаглавить, стихотворение — и все, а тот же Блок свое «мистическое чувство» разделил на книги, главы, §§ и отделы! Ищите поэзию не в редакции и не там, где к Вам идут, предлагая товар для отзыва.

ГБЛ, ф. 386, к. 83, ед. хр. 33, л. 3—3 об. Сведениями об авторе письма мы не располагаем.

[1] А. Г о р н о с т а е в. Глубоким утром (Песнопения). М., 1913.

[2] Н. М е ш к о в. Снежные будни. Книга стихов. М., 1911.

АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

〈Петербург, 16 декабря 1913 г.〉

〈...〉 Около этого времени (числа 20, 21 янв〈аря〉) устраивается также [1] собеседование о новой литературе, вернее об итогах последнего десятилетия. Доклады прочтут Блок и В. Гиппиус. *Очень* желательно было бы и Ваше *хотя* бы краткое (минут на 20!) суждение. Идейная задача — формулировать то положительное, что внесено в литературу движением т. н. символистов — то, что теперь отчасти замалчивается в общей неразберихе или «экспроприируется» гг. футуристами. Блок даст маленький реферат о форме и о стихе — приблизительно. В. Гиппиус об идейной стороне движения. Не согласитесь ли Вы дать хоть небольшой реферат в области этой темы? [2] (Проезд — во всяком случае будет оплачен).

ГБЛ, ф. 109. Дата в конце письма.

Замысел литературного вечера, о котором идет речь, по мере его осуществления претерпел значительные изменения. В публикуемом письме можно увидеть программу своего рода итогового выступления символистов, но постепенно верх брали притязания на исключительную роль со стороны старшей школы русского модернизма. Собеседование вылилось в диспут, как и объявлялось в печати. Для Блока подобная программа была неприемлема, что и предопределило его твердый отказ от участия в предприятии. История подготовки диспута позволяет глубже понять многие заметки Блока в записной книжке.

Судя по всему, первоначальным толчком к организации коллективного выступления петербургских символистов было ощущение профанации искусства в шумной саморекламе футуристов; Блоку это было близко, как видно из его записи от 10 декабря 1913 г. (ЗК, 198), сделанной за шесть дней до публикуемого письма Чеботаревской, что объясняет ведущую роль, отведенную ему первоначальной программой вечера (хотя он и должен был выступать в несколько неожиданном для него амплуа исследователя формы и стиха). Поэт мог участвовать в общей встрече организаторов, о которой Ан. Н. Чеботаревская сообщала Иванову, говоря, что ответ на предложение «очень важно знать теперь же — 29-го у нас собрание участвующих. 〈. . .〉 *Все просят* Вашего участия» (ГБЛ, ф. 109, недатированное письмо от второй половины декабря). Однако, уже Сологуб в своем настоятельном письме к Иванову от 3 января 1914 г. Блока не упоминает (хотя имя В. Гиппиуса сохраняется): «Мы, все участники диспута 20 янв〈аря〉 (Аничков, Сологуб, В. Гиппиус, Чуковский, Чулков и др.) просим убедительно приехать Вас к этому дню *председательствовать* и сказать хоть несколько слов — тема касается «итогов литературных движений последних десятилетий» (главным образом символизма) и *не* быть Вам — это почти равняется отмене вечера. Итак уже многие разбрелись и бросили знамя свое. . . 〈. . .мы〉 уверены в блестящем успехе Вашего выступления, просим от всей души не отказать ради общего дела» (ГБЛ, ф. 109). 6 января 1914 г., как о дополнительном резоне к выступлению, Чеботаревская писала Иванову: «Посылаю Вам отчет о лекции Мережковского. Из него Вы увидите, как далеко зашел он по пути оклеветания и мертвых, и живых в своем «общественном» карьеризме. Тем более надо напрягать все силы в этой непомерной борьбе» (там же; Блок внимательно следил за полемикой, вспыхнувшей среди символистов по поводу ряда выступлений Д. С. Мережковского, снова поднявшего вопрос об ответственности художника перед обществом, о преодолении декадентства. В этой полемике приняли участие Г. И. Чулков и Ф. Сологуб, ближайшие организаторы готовящегося диспута — см. ЗК, 199—200). К 8 января согласие Иванова было получено, как видно из письма к нему Ан. Н. Чеботаревской от этого числа (ГБЛ, ф. 109).

Между тем в связи с футуризмом Блок 9 января сформулировал важнейший для себя тезис (см. выше, с. 425). По-видимому, Блок не был на собрании 15 января, о котором Ан. Н. Чеботаревская уведомляла Иванова (ГБЛ, ф.109, недатированное письмо; знаменательно сообщение этого письма: «от термина «итог» решено отказаться»).

В последующие дни впечатления от выступлений бывших соратников могли только усиливать в Блоке общее состояние подавленности и раздражения — ср. его запись о лекции Чулкова «Пробуждаемся мы или нет?»: «Все (почти!) на лекции было бездарно, путано, гнусно или просто глупо» (ЗК, 201; на те же дни приходится история исключения В. В. Розанова из Религиозно-философского общества — там же, 201—202).

Объявления о диспуте, назначенном на 20 января в зале Калашниковской биржи, выглядели как объявления о параде символистов: председателем диспута был Ф. Сологуб, со вступительными речами должны были выступить Сологуб и Е. В. Аничков, в дискуссии принять участие — С. Ауслендер, А. Блок, З. Венгерова, Ю. Верховский, З. Гиппиус, А. Горнфельд, Вяч. Иванов, Н. Кульбин, В. Мейерхольд, Н. Недоброво. К. Эрберг, П. Щеголев, А. Чеботаревская, В. Чудовский, К. Чуковский, Г. Чулков, В. Ховин (обращает на себя внимание очевидное превосходство сил у защитников символизма). Блок отмечал рекламную ложь этих объявлений о неприемлемом для него литературном предприятии, попавшем в руки коммерсанта: «Литературный диспут, устраиваемый Е. И. Якобсоном. Мое имя поставлено, но я не участвую, Якобсон во всех рекламах повто-

ряет старательно» (ЗК, 202; ср. также резкую реакцию поэта на один из газетных откликов о диспуте в записи от 21 января — там же).

Любопытное свидетельство тому, как заинтересованно могли ждать этого вечера рядовые читатели, мы находим в письме П. И. Архангельской к А. Г. Архангельскому от 12 января 1914 г.: «Хочу еще попасть 20 января на литературный диспут под председательством Ф. Сологуба на тему о новой литературе. Вступительные речи произнесут Ф. Сологуб и Е. Аничков о значении символизма и реализма. В последующих прениях примут участие: С. Ауслендер, А. Блок, З. Венгерова, З. Гиппиус, В. Мейерхольд, Н. Недоброво, А. Чеботаревская и др. Ко дню диспута приезжает Вячеслав Иванович и 22 янв〈аря〉 прочтет лекцию, но какую еще не известно. Возможно, что к 20 янв〈аря〉 приедет из-за границы Н. Минский» (ЦГАЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 48, л. 4; подчеркиваем, что в начале письма автор его пишет о приобретении билетов на еще один диспут и то, что она располагает информацией о приезде Иванова и Минского — двух именитых символистов, присутствие которых должно сделать выступление их школы максимально представительным).

[1] В это время Ан. Н. Чеботаревская с сестрой были заняты устроением лекции Иванова «О границах искусства», состоявшейся 22 января 1914 г. (опубликована в кн.: Вяч. И в а н о в. Борозды и межи. М., 1916).

[2] Выступление Иванова на диспуте 20 января 1914 г. опубликовано (как и вступительные слова Аничкова и Сологуба) в журнале «Заветы» (1914, № 2) — см. ниже письмо Р. В. Иванова-Разумника к Вяч. Иванову от 13 февраля 1914.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 17 января 1914 г.

〈...〉Я, с 1 января, всего 3 раза была на улице. Из них третий раз — вчера поехала на лекцию Чулкова с Сашей [1]. Впечатление от этой лекции тяжелое и смутное. Саша тоже в очень тяжелом 〈настроении〉 и мрачен. Понятно. Люба почти никогда не бывает дома и возвращается поздно. Жизнь нас всех устроилась фальшиво и не мудро [2].

Один из непереносимых элементов — это то, что мой муж не может ничего понять и глубоко равнодушен ко всему, кроме службы и отчасти моих физических недомоганий.

Я вся спутана и сбита.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, л. 6 об.— 7 об.

[1] Лекция Г. И. Чулкова «Пробуждаемся мы или нет?» состоялась в Тенишевском училище. Докладчик обсуждал символизм в сопоставлении с футуризмом и акмеизмом. Положения лекции отражены в статье Г. И. Чулкова «Оправдание символизма» (вошла в сборник его очерков «Вчера и сегодня», М., 1916). В прениях «на защиту реализма» выступил В. Л. Львов-Рогачевский. Ср. газетный отчет П. Е. Щеголева: «Трогательно говорил в защиту торжествующего над жизнью искусства В. А. Пяст; ломали копья в защиту акмеизма гг. С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам; они отмежевывались, как говорится, от символизма и футуризма, но границы самого акмеизма в их речах казались символическими. Футуристы говорили устами Н. И. Кульбина и г. Шкловского» (Щ. Искусство и жизнь (лекция Г. И. Чулкова).— «День», 1914, № 16, 17 января). Об оценке Блоком этой лекции см. выше, с. 428). 8 февраля 1914 г. Чулков писал Блоку: «23 февраля я повторяю мою публичную лекцию «Пробуждаемся мы или нет?» — в сокращенной редакции. После лекции состоится диспут 〈...〉 цель этого диспута — публичный спор об отношении общественности к символизму, как к миропониманию — цель определенная, как видите. Я не приглашаю ни футуристов, ни акмеистов. Они неинтересны как оппоненты» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 43). В этом письме Чулков приглашал Блока участвовать в диспуте и просил его «условного согласия». Блок отказался посетить диспут (ЗК, 206, 208—209).

[2] 13 января 1914 г. Блок записал: «Ночью брожу, сижу, без конца жду Любу», 15 января: «Тяжело.— Днем, злой, заходил к маме», 16 января: «Страшная злоба на Любу» (ЗК, 201).

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ВЯЧ. ИВАНОВУ

13 февр〈аля〉 1914 С〈анкт-〉П〈етер〉б〈ург.〉

〈...〉 Просьба к Вам: не забыть про обещенный цикл стихов для «Заветов». Пока я имею циклы Ф. Сологуба, А. Белого, А. Блока, К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса [1]; в этом ряду слишком явно нехватает «Вяч. Иванова».— Посылаю Вам февральский номер журнала; в нем Вы найдете стенографиче-

ский отчет о «диспуте», на котором принимали участие и Вы. Недостаток места не позволил дать полный отчет о всем «диспуте»; пришлось ограничиться лишь тремя основными речами [2].

ГБЛ, ф. 109.

[1] В журнале «Заветы» были напечатаны только цикл стихотворений Федора Сологуба «Земля родная» (1914, № 3), «Четыре Песни» К. Д. Бальмонта (№ 4) и стихотворение Андрея Белого «Мне снились — и море...» (№ 5); на седьмом номере за 1914 г. журнал прекратился.

[2] См. письмо Ан. Н. Чеботаревской к Вяч. Иванову от 16 декабря 1913 г.

ИЗ ДНЕВНИКА И. В. ЕВДОКИМОВА

⟨Петербург⟩, 24 февраля ⟨1914 г.⟩, 5 минут 1-го ночи.

⟨...⟩ Пришел только что с диспута, скорее с лекции Чулкова. Что, право, за надувательство: Блок не выступал, а в афишах объявлено, из-за него собралось масса публики, председатель, ⟨...⟩, П. Щеголев даже не удостоил заявить о невыступлении Блока [1]. Очень нужно было слушать Когана [2], Карташева [3], Неведомского [4], Ортодокс [5] и т. д. Едва начал говорить Коган, я ушел.

ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 119, л. 162 об.— 163.

[1] См. прим. 1 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. П. Ивановой от 17 января 1914 г.

[2] Петр Семенович *Коган* (1872—1932) — критик, литературовед.

[3] Антон Владимирович *Карташев* (1875—1960) — один из руководителей Религиозно-философского общества.

[4] Михаил Петрович *Миклашевский-Неведомский* (1866—1943) — публицист-марксист.

[5] Любовь Исааковна *Аксельрод* (псевд. Ортодокс) (1868—1946) — философ-марксист, литературовед. 8 февраля 1914 г. Чулков в письме к Блоку сообщал об этом диспуте: «Приглашены общественники-позитивисты и сторонники общественности религиозной. Мережковские с своей стороны предлагают как оппонентов Карташева и Мейера» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 43).

ИЗ ДНЕВНИКА И. В. ЕВДОКИМОВА

⟨Петербург.⟩ 25 февраля ⟨1914 г.⟩

Гулял с К. А. Вогаком [1]. Он, оказывается, работает в журнале новом Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам». Стихами заведует А. Блок. Решил послать четыре стихотворения ⟨...⟩ К. Вогак уверяет, что все будет прочитано Блоком. Ему отдан стихотв⟨орный⟩ отдел в полную неограничч⟨енную⟩ собственность. Вот ненапечатание стихов после Блоковского просмотра будет ужасно [2]. ⟨...⟩

ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 119, л. 170.

[1] Константин Андреевич *Вогак* (1887 — ?) — поэт, филолог, театровед, преподаватель студии Мейерхольда в 1914—15 гг.

[2] Стихи И. В. Евдокимова в журнале «Любовь к трем апельсинам» не были напечатаны.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 29 марта 1914 г.

⟨...⟩ Попробую сегодня пойти в «Парсифаля» (билеты есть). Поеду одна совсем. Саша вчера был [1]. Очень хвалит. Понравилось ему бесконечно. Попробую.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед хр. 541 л. 29 об.

[1] Посещение вагнеровского спектакля отмечено в записной книжке (ЗК, 220).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

29 марта 1914 г.

〈...〉 Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину тревожную и глубокую, а стало быть и нежную... И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его любить.— Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная. А он этого не любит. Одно из ее стихотворений я Вам хотела бы написать, да помню только 2 строки первые:

«Слава тебе, безысходная боль, —
Умер вчера сероглазый король» [1].

Вот, можете судить, какой склон души у этой юной и несчастной девушки. У нее уже есть, впрочем, ребенок.

А Саша опять полюбил Кармен. Он ее так и полюбил во время представлений в Музыкальной драме, во время ее воплощения Кармен. Я ее тоже видела. Хороша как певица и актриса. А теперь уже и катанья, и гулянья, и цветы. И целые дни заняты ею. А она опять стихийная. Вчера рассказывал... Ваши прелестные шиповники я разделила с вербой и розой. Они от этого еще ярче и лучше. Стоят подле Сашиного портрета и наблюдают за моей работой.

〈...〉 Обнимаю Вас, кладу свою душу к Вам на грудь на минуту, прижимаюсь к этой материнской для меня груди. Так чувствую! Хоть и родилась на 15 лет раньше Вас.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, л. 37—38 об.

[1] Стих. А. Ахматовой «Сероглазый король» цитируется неточно.

М. А. КУЗМИН — Е. А. НАГРОДСКОЙ

Петербург, 4 апреля 1914 г.

На пьесы Блока мне прислали билет. Там «Балаганчик» с моею музыкой.

ГПБ, ф. 248, ед. хр. 441.

Евдокия Аполлоновна *Нагродская* (1866—1930) — популярная в 1910-е годы беллетристка.

О реакции Кузмина на блоковский спектакль рассказано в воспоминаниях Г. Адамовича: «После представления блоковского «Балаганчика» в Тенишевском зале (в мейерхольдовской постановке). Диалог Кузмина и Гумилева:

Кузмин — Никогда этой чепухи не терпел! Еще у Комиссаржевской!

Гумилев — Что вы? Что вы? Пьеса прекрасная.

Кузмин — Чепуха, тоска... Это Вы притворяетесь!

Гумилев (настойчиво) — Я не притворяюсь. Пьеса прекрасная. (Обращаясь к стоящим вокруг поэтам, среди которых Ахматова, Мандельштам, Георгий Иванов и другие). Кто согласен со мной?

(Согласны все).

Кузмин — Ну, значит, я дурак... А только я не дурак, и не думайте, пожалуйста, Николай Степанович, что я не понимаю того, что понимаете Вы. Но эти немецкие туманы застилают небо... А я хочу погреться на солнышке. Скажите, дорогой (повернувшись к пианисту), Вы помните эту мелодию из «Кармен»? Ла-ла-ла-ла-ла, помните? Сыграйте, милый, «Кармен»! Вот это искусство,— это не Блок!» («Последние новости», 1936, № 5538, 22 мая). Нельзя не отметить, что именно в эти дни переживал увлечение музыкой Бизе и Блок. О блоковском «Балаганчике» Кузмин писал в рецензии на «Ошибку смерти» В. Хлебникова («Северные записки», 1917, № 1, с. 263. См. также наст. т., кн. 2, с. 162).

Блоковский спектакль студии Мейерхольда после первого представления 7 апреля 1914 г. вызвал отрицательные отзывы ряда близких Блоку людей, начиная с его матери, которая писала 10 апреля М. П. Ивановой: «... мне кажется, дурно это все сделано у Мейерхольда. Играют ниже всякой критики. И все его выдумки не хороши. Я «Незнакомку» люблю больше всех Сашиных драм, больше даже «Розы и креста». «Балаганчик» тоже люблю» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, лл. 41 об.— 42). Неблагоприятные газетные отклики суммировал В. А. Юнгер в письме к Б. А. Садовскому от 9 апреля 1914 г.: «О провале «Балаганчика» ты прочтешь» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 151, л. 13). См. например неподписанную рецензию в «Петербургском курьере» (1914, № 77, 9 апреля): «Если вооб-

ще эти два прекраснейших создания интимнейшего из наших поэтов полны неясной символики и своеобразно завуалированной идеи, то тем более трактовка их в стиле грубого гротеска делала их еще более непонятными, и они утрачивали ту чарующую зыбкость, которая должна была взволновать зрителя». После первого представления Мейерхольд записал замечания В. Н. Княжнина: «Слуги просц⟨ениума⟩ мешают. Освещение плохое, слепило глаз публике. 1 картина «Незнакомки» провалилась — медленный темп, отсутствие гула. ⟨Л. С.⟩ Ильяшенко — дикция. Не петербургский мост, уничтожен был петерб⟨ургский⟩ колорит, мост международный (напом⟨инает⟩ аэроплан). Иск⟨усство⟩ д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩ национальным. Дворники не русские, а госп⟨один⟩ в кот⟨елке⟩ — петербурж⟨ец⟩. Фиг⟨ура,⟩ держ⟨ащая⟩ звезду, не должна быть видна (д⟨олжна⟩ быть неожиданной). ⟨К. К.⟩ Кузьм⟨ин-Караваев⟩ — Пьеро — деланность плохая. Маски были великолепны. Лучш⟨ие:⟩ черн⟨ые⟩ крас⟨ные⟩ маски, их беготня, «драка». Медленность (плохо), несвязанность, отсутствие спайки» (ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2862, лл. 1—2). О реакции самого Блока на спектакль 7 апреля свидетельствует письмо Л. М. Сегаль к Блоку от 24 апреля 1914 г.: «Трудно было оставаться в Петербурге после того, как я видела, как каменеет Ваше лицо, и слышала, как голос лаун-теннисиста вместо того, чтобы кричать «аут» и «рэди», говорил слова нежного неврастеника — Вашего Пьеро» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 396, л. 39). Подробнее о характере мейерхольдовского спектакля и об изменении отношения Блока к нему см.: К. Р у д н и ц к и й. «И взрывы сил, и крайность мнений» («Театр», 1980, № 11, с. 42—43).

С. Э. РАДЛОВ — А. Д. РАДЛОВОЙ

Петербург, 10 апреля 1914 г.

⟨...⟩ Сейчас был на Блоковских пьесах. Сидел с Саррой и Наташей [1]. Спектакль — Бог с ним, я уже чужой для того, что там, по крайней мере, пока. Потом Сарра позвала меня пить чай у вас — спектакль кончился рано.

ГПБ, ф. 625, ед. хр. 666, л. 8.

Сергей Эрнестович *Радлов* (1892—1958) — впоследствии известный советский режиссер. В 1913—1917 гг. участник студии В. Э. Мейерхольда. В его позднейших статьях содержатся некоторые замечания о драматургии Блока, например: «... суть дела — далеко не в том: в стихах пьеса или в прозе. Вопрос ставится так: возделанный или наляпанный текст? В пьесах Блока или Кузмина скупая проза стоила стихов» (Сергей Р а д л о в. Десять лет в театре. Л., 1929, с. 64). «Нарочито простой, обношенный сюжет — вечный сюжет лирической драмы, история двух возлюбленных, которым до смертного часа не суждено встретиться в любви. Жестокий эгоизм художника, ломающего чужую жизнь ради творчества, внутри разъеденного неправым, себялюбием. Гротескно-страшные, по-гофмановски уродливые фигуры ⟨...⟩ Цыганщина, угар, вино, головокружение, чтобы заглушить, закружить безвыходную тоску и отчаяние сломанных уже и неспособных к жизни и творчеству людей...» (там же, с. 195—196).

Анна Дмитриевна *Радлова* (1891—1949) — поэтесса, переводчица, жена С. Э. Радлова с 1914 г. Стихи начала писать с весны 1916 г.

[1] *Сарра* — Сарра Дмитриевна Дармолатова, в замужестве Лебедева, известный впоследствии советский скульптор (1892—1967), сестра А. Д. Радловой. *Наташа* — Наталья Дмитриевна Дармолатова, сестра А. Д. Радловой.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петроград ⟨20 апреля 1914 г.⟩

⟨...⟩ Вчера вечером ездила с Сашей к Кустодиеву смотреть голову Саши, которую лепит он из зеленой глины, а потом будет делать из бронзы [1]. Не понравил⟨ось⟩ мне. Что-то напряженное.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, л. 124. Датируется на основании записи Блока от 19 апреля 1914 г. «Я захожу к маме, с ней — у Кустодиева» (ЗК, 223).

[1] Скульптурный портрет Блока был задуман Б. М. Кустодиевым еще в 1910 г. Ср.: «Академик Б. М. Кустодиев, занимающийся, кроме живописи, также и скульптурой, заканчивает характерный бюст писателя А. М. Ремизова. Бюст будет отлит в бронзе. Вслед за тем Б. М. Кустодиев приступает к работе над бюстами писателей и художников, из которых каждый будет выработан в особом материале, а именно: Ф. Сологуб — камень, К. Сомов — фарфор, М. Кузмин — крашеное дерево, А. Блок — мрамор». («Отклики художественной жизни», 1910, № 4, с. 192). См. в 4 кн. наст. тома сообщение И. С. Зильберштейна «Блок и художники».

В «ЦЕХЕ ПОЭТОВ»
Слева направо: Н. Клюев, М. Лозинский, А. Ахматова, М. Зенкевич
Рисунок С. М. Городецкого (карандаш), 1913
Музей В. В. Маяковского, Москва

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 24 апреля 1914 г.

〈...〉 благодарю вас за все и за то, что Вы подумали о том, что в день театра мне было бы хорошо без гостей. Обошлось и так. Потому что «Мысль» Леонида Андреева мне очень понравилась по многому [1]. Были моменты очень хорошие. Первое действие никуда не годится: глубокомысленная безвкусная глупость. А потом все лучше и лучше. И в сумасшедшем доме — сиделка Маша. Актриса, ее изображающая, очень хороша и проста [2]. В драме большую роль играет интеллигентная жена писателя.

Но перед сиделкой Машей, которая неграмотная, ничего не знает, Евангелия тоже не знает, а только иногда забежит в церковь и любит, когда батюшка скажет: «Вас и всех православных христиан» [3],— перед этой сиделкой Машей жена писателя — ничтожество. И в этой сиделке свет, на душу льется. Стало мне тише. Ну да не очень.

Вчера Л. А. Дельмас Кармен прислала мне букет красных роз [4]. Это первая из тех, кого любил Саша, кто меня принял, да и не знаю как.

Женино лицо у меня со вчерашнего дня осталось дорогое. А к обеду приехали Тепловы. [5]

Очень это было некстати и перед театром, и в присутствии обедавших Саши и тети Мани. В «Спящей красавице» вы побывали, это очень хорошо. 〈...〉 И я люблю ее, эту вещь, ужасно.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, л. 48—49.

[1] Спектакль Московского Художественного театра (постановка В. И. Немировича-Данченко).

[2] В. В. Соловьева. Ср. отзыв «Импрессиониста» (Б. И. Бентовина): «Трогательна своей простотой и непосредственностью г-жа Соловьева (Маша)» («День», 1914, № 98, 12 апреля).

[3] Героиня пьесы Л. Андреева говорит «Я ⟨...⟩ в церковь норовлю попасть, когда батюшка говорит: и вас всех, православных христиан — услышу это, вздохну, вот я и рада» (действие III, картина 6).

[4] 23 апреля — день именин А. А. Кублицкой-Пиоттух. Ср. запись Блока: «Она передала семь роз для мамы» (ЗК, 224).

[5] Тепловы — семья командира армейского полка в Ревеле, сослуживца Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух.

Д. А. КРЮЧКОВ — А. И. ТИНЯКОВУ

Петербург. 1 мая 1914 г.

⟨...⟩ Сегодня прочитал в «Дне» Вашу статью о Северянине [1]. Конечно, во многом Вы правы, но во многом и неправы... Разве хорошо, если во храм или даже в алтарь влезет галдящая, орущая толпа, насмердит там и все запятнает грязными лапами? Наше поколение богато художеством — лик его в Блоке, Сологубе, Ремизове и многих других, а не в случайном успехе улицы.

ГПБ, ф. 774, ед. хр. 23, л. 3—3 об.

Димитрий Александрович *Крючков* (1887—1938) — поэт, критик, переводчик. В анкете 1914 г. он называл Блока в числе писателей, оказавших на него наибольшее влияние (ЦГАЛИ, ф. 1068, оп. 1, ед. хр. 80). В 1912 г. присылал Блоку свои стихи на отзыв (см. его письма к Блоку от 20 и 27 февраля 1912 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 42, л. 1—3). Примыкал к группе эго-футуристов. 13 января 1915 г. Блок писал Мейерхольду в связи со стихотворением Д. А. Крючкова «Надела зала сумрачные латы...», напечатанном впоследствии с согласия Блока в журнале «Любовь к трем апельсинам» (1915, № 4—5—6): «Дм. Крючков всегда мне казался человеком литературным, умным, очень чистым и очень мало даровитым в стихах» («Новый мир», 1979, № 4, с. 165). Встреча с Крючковым на вечере у Сологуба 18 октября 1915 г. отмечена в записной книжке Блока (ЗК, 269). Ранее Д. Крючков прислал Блоку свой сборник стихов «Цветы ледяные» (Спб., 1914; ЗК, 222). В 1918 г. Д. Крючков осудил поэму «Двенадцать»: «Запутался бедный поэт в «переулочках глухих», запутался в сетях лживых обещаний и пустых надежд, остались ему лишь горькие вопли, лишь косноязычные намеки» (Димитрий К р ю ч к о в. Революция и поэзия. — «Вечернее слово», 1918, № 59, 17 июня).

[1] А. И. Тиняков в приложении к газете «День» — «Отклики», 1914, № 17, 1 мая — писал: «Мы должны считаться с Северяниным, как с силою, смотреть на его поэзию, как на памятник, который мы сами себе воздвигли для назидания потомкам ⟨...⟩ будущие историки культуры будут говорить о нашем времени с горечью и с ужасом ⟨...⟩ Да! Северянин значителен, ибо его устами и языком говорит наше общество». Ранее, впрочем, и сам Д. А. Крючков выступил с одобрительной статьей о Северянине в первом номере альманаха «Очарованный странник» (1913).

Этот номер был прислан Блоку, который, работая над статьей о Северянине, видимо, внимательно прочел и статью Д. А. Крючкова. В записной книжке Блок отозвался об этом альманахе: «Прислали, но «надежд не оправдали» (ЗК, 197).

А. С. КАУН — В. Я. БРЮСОВУ

Чикаго, 30 мая 1914 г.

⟨...⟩ К сожалению, здесь нельзя достать новых русских книг. Нам удалось года три тому назад повлиять на местную публичную библиотеку, чтобы она приобрела солидное число русских современных изданий, так что там имеется, помимо Ваших «Путей и перепутий», Бальмонт, Сологуб, Блок, Кузмин и другие модернисты. Но дальше они не пошли. Из журналов в городе имеются «Рус⟨ская⟩ мысль», «Рус⟨ское⟩ богатство», «Совр⟨еменный⟩ мир» и «Нива». Я напрасно ищу в этих старушках указаний на положение молодой литературы. Неужели кружок «Весов» совершенно распался?

ГБЛ, ф. 386, к. 90, ед. хр. 1, л. 3,

Александр Самойлович *Каун* (1889—1944) — переводчик русской литературы на английский язык, впоследствии профессор Калифорнийского университета. См. его переводы из Блока: A. S. K a u n. Soviet poets and poetry. Berkeley and Los Angeles, 1943, p. 33—34.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

⟨Шахматово⟩, 18 июня 1914 г.

⟨...⟩ Евангелие мне очень далеко, скучно и непонятно, а все мне мерещится, что надо что-то очень огромное и по нашим понятиям невозможное преодолеть, чтобы его опять взять в руки потом.

Гуманность опротивела. Вредная она слякоть стала, нездоровым туманом от нее пахнет. Да ведь в письме не скажешь. Мне много приходится с людьми, и я вижу, как все ослабло, опустилось, и как все ко всему, кроме дряни, равнодушны.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, л. 58—58 об.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Е. П. ИВАНОВУ

⟨Петербург.⟩ 3 августа 1914 г.

⟨...⟩ теперь тут хорошее дело: можно ходить в семьи запасных, наблюдать их положение и сообщать об этом в попечительство, где им будут выдавать пособия. Это дело очень нужное, и я все время думаю о Вас и о том, как бы вы хорошо это исполняли. Теперь этим занялся Саша, и говорит, что реальность этого занятия не подлежит сомнению. И народа мало [1].

ИРЛИ, ф. 662, ед. хр. 62.

[1] В первые недели войны Блок участвовал в работе Комитета помощи семьям запасных (см. его ежедневные записи об «обследованиях» 30 июля — 4 августа и более поздние — ЗК, 235—237).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петергоф, 1 сентября 1914 г.

⟨...⟩ Вы говорите, что Вы в войне видите один ужас и больше ничего.

Я бы так сказала, что чувствовать ужас, а видеть приходится и другое. Не могут люди не воевать, пока они такие, пока они любят не то, хотят не то. Но у меня у самой теперь стало другое чувство: кровь, кровь и кровь.

Сегодня с 6 часов утра у нас в казармах трещат пулеметы. Тяжелое впечатление. И сквозь этот треск прорывается солдатское пение. Еще тяжелее. Но, говорят, побеждаем.

Должно быть, чтобы дойти до этого, чтобы не воевать, приходится проходить через все это.

Убитый Грек маленьким был у нас в доме [1]. У него была мачеха. Они с Сашей одних лет. Я говорила ему ты. Он командовал 1-ой ротой, Государевой. И вот погиб. А японскую войну всю выдержал, даже не ранен.

Жена и дети его очень любят. Детей двое: девочка и мальчик. Вероятно, завтра Люба едет с отрядом в Действующую армию. Кажется, уезжают они ночью [2]. А мне хотелось проводить.

Отчего Женя не приехал?

Вчера мы с Францем ходили по парку дворца: золотые статуи, красота и роскошь. Деревья густые, и все в пестроте. Фонтаны остановлены потому, что вода из них отведена — затопить болота на случай десанта. Все еще наши ждут десанта.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, л. 77—78 об.

[1] О Викторе Викторовиче *Греке* см. наст. том, кн. 4. Ср. в записной книжке Блока: «*2 сентября* (1915). Письмо от мамы: убит Виша Грек» (ЗК, 238).

[2] Ср. в записной книжке Блока: «*3 сентября* (1915). Люба уезжает: 11.37 вечера с товарной станции Варшавского вокзала» (ЗК, 238).

ИЗ ДНЕВНИКА И. В. ЕВДОКИМОВА

⟨Петроград⟩, 15 октября 1914 г.

Сегодня в Ак⟨адемии⟩ наук работал рядом с Ал⟨ександром⟩ Блоком [1]. Он брал книги Погодина «Труды и дни», «Рус⟨ские⟩ поэты» Гербеля, что-то, должно быть, пишет, в журнальной читал «Рус⟨ский⟩ арх⟨ив⟩». Прошлой зимой он был какой-то обрюзглый, неуклюжий, сегодня он показался очень интересным, похудалым. Огромный, огромный поэт, и настолько он ничем не отличается от всех прочих, что в читальной, кроме меня, на него никто и не взглянул. А я совсем познакомился с библиотекарем ⟨...⟩. Я сказал ему о желании иметь записочки А. Блока о требовании книг, библиотекарь мне с удовольствием отдал [2]. Итак, я имею автограф Блока. Библиотекарь будет давать мне автографы всех поэтов, ученых, писателей, кои будут захаживать в библиотеку. ⟨...⟩ Смотрел я на Блока и припоминал его стихи. Когда он внимательно читал «Рус⟨ский⟩ арх⟨ив⟩», я смотрел на него и твердил с радостью его «Незнакомку». Великий, очаровательный поэт! Вот он сидит с нами и знает, что ни один из нас не мог не слыхать о его имени, не мог не читать хоть бы одно его стихотворение. Какое это радостное сознание, горделивое возвышение над толпой [3].

Нет, я не поэт, я поэт в душе, но я не поэт выражения, все мной выражаемое скучно, случайно и мертво. На меня лирич⟨еское⟩ волнение сходит бедно и грустно.

ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 121, л. 32—32 об.

[1] В библиотеке Академии наук Блок работал над подготовкой собрания стихотворений Аполлона Григорьева. А. А. Кублицкая-Пиоттух писала М. П. Ивановой 12 сентября 1914 г.: «Вчера у меня был мой сын. Все-таки ужасно была рада. Он теперь ходит в Академию наук. Там занимается справками о русском поэте Аполлоне Григорьеве. Будет писать о нем по заказу. В Академии наук просиживает по несколько часов каждый день. Уж, разумеется, я этому рада» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, л. 80, об.—81).

И. В. Евдокимов имеет в виду следующие издания, с которыми работал Блок: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1—22. СПб., 1888—1910; Н. В. Гербель. Русские поэты в биографиях и образцах (нескольких изданий, первое — СПб, 1873).

[2] Эти библиотечные требования Блока сохранились (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 4)— на т. III и IV «Сочинений» Н. А. Добролюбова (1896), «Немецкие поэты в биографиях и образцах» Н. В. Гербеля (1877), «Полное собрание сочинений» Н. Ф. Щербины (1873).

[3] 28 октября 1914 г. И. В. Евдокимов записал: «Это же прямо удивительно: тупое немецкое лицо, шепелявящий, смешной голос, спокойствие, какая-то противная закрытость всей натуры, словом вид пренеприятный — и вдруг гениальный поэт — Ал. Блок! Кощунство какое-то. Смотрю каждый день на Ал. Блока и удивляюсь, удивляюсь. Как, как природа отпускает свои дары странно: никогда по стихам его нельзя представить себе этой серой, прямо заурядной по виду личности, этой немецкой фигуры! Только временами вдруг сделается лицо приятным, но очень редко! Он усердно над чем-то работает, пишет, читает, выписывает, берет театральные книжки 60—50⟨-х⟩ годов» (ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 121, л. 50—50 об.).

ВЛ. ПЯСТ — Г. И. ЧУЛКОВУ

Петроград, 27 октября 1914 г.

⟨...⟩ Конечно, у нас литературная жизнь приостановилась, все свелось к одному уровню,— но верится и знается, что это только пока, что необычайный подъем экономической жизни России, который последует за войной, будет сопровождаться подъемом и внутренне-культурных сил страны,— но, конечно, не скоро.

Случилось ли Вам полюбить «за-границу», увидеть человеческие лица у наших союзников? [1] Зная Ваше непримиримое отношение к Западу, которое с Вами разделяет и Блок, я всегда болею душой — это верное слово — за Вас обоих [2]. Но неужели и теперь, после подвигов Бельгии благородной и Франции отважной, Вы не полюбили всей душой эти страны, Вы не по-

Ф. К. СОЛОГУБ И А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ
Фотография, 1910-е гг.
Музей истории Ленинграда

чувствовали, что если ex oriente lux [3], то не менее прекрасна и закатная заря? И закатные дни до поры, до возрождения, которое близко. 〈...〉
Бельгия, Франция, Польша — фениксы. И Россия!
Александр Александрович Вам кланяется.

ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 39, л. 3—4.

[1] Г. И. Чулков находился в это время в Швейцарии.

[2] Ср. записи Блока от 15 августа 1914 г. («Обедает и ночует Пяст. Ночной разговор с ним о политике освежил меня»— ЗК, 237), 27 сентября 1914 г. («Вечером был у меня Пяст» — ЗК, 241) и 23 октября 1914 г. («Пяст вечером до 2-го часу ночи был, милый. Его могут взять в солдаты»— ЗК, 244). Во время одной из этих встреч и произошел разговор, о котором Пяст вспоминал впоследствии: «Он не то, чтобы «стоял за немцев», или «не принимал войны»,— нет, он был убежден в необходимости для России начатую войну честно закончить. Но он был *против союзников*. Он не любил ни французов, ни англичан, ни как людей, ни национальные идеи этих народов. Бельгия ему сравнительно была дороже 〈...〉 Но я помню, как в жар и в холод одновременно бросила меня одна фраза А. А. Блока в начале войны: «Ваши игрушечные Бельгия и Швеция» (Вл. П я с т. Воспоминания, с. 69).

[3] С Востока свет (*лат.*).

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. ГЕ

9 ноября 1914 г.

〈...〉 У нас были сегодня семья Ефимовых, мамаша, барышня [1] и молодой человек [2]. Барышня в прошлом году занималась скульптурой, теперь же сделалась поэтессою и мать ее называет котенком из Лукоморья (так как она пишет в этом журнале «Лукоморье») [3]. И барышня и молодой человек оба против войны, и Настя спорила с ними. Настя возмущается, что Блок не идет на войну, она находит, что поэты par excellence должны идти на войну. А вот бедный Т. [4] очень не хотел идти на войну, а теперь уже поступил в пажеский корпус и через 4 месяца будет офицером.

ЦГАЛИ, ф. 731, оп. I, ед. хр. 53, лл. 41—41 об.

Екатерина Ивановна *Ге* (урожд. Забелло, 1859—1918) — мать Н. П. Ге («Кики Ге»), знакомого Блока. *Настя*—Анастасия Петровна Ге (1890 — ум. до 1929) — сестра Н. Н. Ге. См. упоминание Блока о том, что он встретил «Ге с Настей» 5 января 1912 г. (VII, 120).

[1] Татьяна Владимировна *Толстая* (урожденная Ефимова) (1892—1965) — поэтесса (в 1918—1927 гг. выпустила три сборника стихов, первые два из них — под псевдонимом «Татьяна Вечорка»), автор ряда историко-литературных книг, воспоминаний о В. В. Маяковском и В. Хлебникове. В конце 1921 г. она записала в дневнике и свои воспоминания о Блоке: «В период 1910—17 гг. почти вся молодежь — студенты и курсистки — были поголовно влюблены в Блока. Соничка Мих⟨айлова⟩ — «тургеневская девушка» с мягкой длинной косой и маленькими черными глазками, легко румяная, с кожей в родинках — однажды шла за ним долго, когда тот возвращался с какого-то собрания. Блок волновался, ожесточенно спорил и все время курил — Соничка подбирала непотухшие окурки и набрала так себе коробочку и тщательно хранит, верно до сих пор. Она же, изнывая от влюбленности в Блока, ходила к нему на дом, но никогда не смела зайти в его комнату, стояла у двери и целовала, плача, дверную ручку его подъезда. Один раз за этим занятием она услышала шаги на лестнице и, испугавшись, кубарем скатилась мимо изумленного Блока, который возвращался домой. Тот недоуменно посмотрел на заплаканную Соничку и верно удивился, нащупав мокрую ручку двери. Однако Соничка не знает, что было дальше, так как она быстро убежала на улицу, прыгнула в экипаж и уехала. После этого она уже не рисковала проделывать такие штуки. Но это была влюбленность, быть может, и ⟨слегка⟩ чувственная.

Но студент, с которым я познакомилась у Ге (кажется, разумный математик), говорил, что делает в часы досуга статистические выкладки, к какому цвету особенно привержен Блок. Ему казалось, что слово «белый» — доминирует во всех его стихах. Однако, прочитав все стихотворения, он убедился, что у Блока чаще всего встречается слово «синий» (он говорил сколько раз). Почему это успокоило студента — не знаю, но он этим очень был горд.

Шура Ф.— большой скептик и циник, и вместе с тем мечтательный еврей — рассказывал, что шел по Троицкому мосту часа в 4 утра. Вдруг на него налетел красивый, стройный человек в распахнутой, несмотря на снег, шубе и повис у него на шее.

— Не думайте, что я пьян,— сказал он,— я все отлично понимаю. Вам не должно быть неприятно, что я Вас обнимаю,— потому что — я, Блок, Александр Блок. Многие были бы рады, что я с ними говорю.

Шура был юноша ловкий и обходительный, он тотчас же заверил Блока в своей любви к нему и уважении, и так долго они шли — Шура его проводил до дому. Но Шура мечтал выудить у Блока «умный разговор», которым можно было бы похвастаться. К сожалению, это ему не удалось, и все, что запомнил Шура — это были заверения Блока в том, что каждый должен считать честью и радостью разговаривать с ним, с Блоком.

Еще много я слышала о нем, но эти рассказы как-то спутались. Сама же лично я увидела его в первый раз в зале Консерватории, на каком-то сборном концерте. Я была в 10 ряду — впереди, в 9-м — было много пустых мест. Между номерами вошел Блок и сел наискосок впереди меня и я начала его с жадностью разглядывать. Было неприятно, что цвет волос казался вылинявшим наряду с цветом лица — волосы его кудрявые, но как будто жесткие ⟨...⟩, а лицо — ровно кирпичного оттенка. Прекрасный овал лица, но челюсть безвольно отвалившаяся, зато глаза в морщинистых мешках — ужасные глаза, так много знающие и вместе с тем беспокойные — «цвели и пели». Руки его прекрасные были красны, как отмороженные. Вообще, производило впечатление, что кровь этого человека не может сконцентрироваться около сердца, а бродит ровным, бурным половодьем открыто, по всему телу. К несчастью, зал был освещен, и я видела Блока в безжалостно-электрическом свете. На сцену тем временем вышла Андреева-Дельмас — на вид вульгарно полная блондинка в зеленом платье и начала петь блоковские «Свечечки и вербочки». Он сразу встрепенулся и, улыбаясь, начал глядеть вокруг, как бы ища сочувствия. Случайно поглядел на меня и, верно, остался доволен моим восторженным взглядом, так как улыбнулся и потом часто оборачивался, разглядывая меня всю, искоса опуская глаза. Подоспел антракт, и я пошла к выходу. Между стульями, у прохода, он наклонился ко мне изящным, но чисто мужским движением — чрезвычайно выразительным, и пробормотал —«темная весенняя ночь»— (на мне было черное шифоновое с золотыми точками платье). Такая пошлость в губах Блока и его замашки — простых смертных шалопаев — меня до того изумили, расстроили и испугали, что я бросилась в дамскую комнату, где сидела на кушетке весь антракт в припадке отчаянного сердцебиения. Когда уже стемнело в коридоре, я пошла на свое место, но в коридоре увидела, что он стоит облокотившись спиной на балюстраду, фамильярно изогнувшись и играя не то цепью, не то длинным ожерельем Андреевой. Думала, что пройду незаметно, но он опять откинулся, повернулся ко мне и что-то сказал, чего я не разобрала, потому что бросилась в зал. Движения его были порывисты, но необычайно ловки и прекрасны. (Почему я испугалась Блока: цепь мысли — Блок прекраснее всех, кого знаю, могу ни в чем не отказать ему — я же девушка, он не женится — трагедия мамы, поэтому была упущена неоднократно возможность близости с Блоком).

С тех пор он запомнил меня. Скоро я слушала, как он, с сонным, невыразительным взглядом стоял на эстраде и читал свою «Россию». И мне казалось, что эти слова, «шлеи» и «колеи» хлопают у него под языком, как копыта в ненастный день. В антракте он опять был с Андреевой-Дельмас, и увидев меня, подумал, вспоминая, улыбнулся и поклонился.

Конечно, я не спала ночей, мучаясь и чувствуя себя счастливицей. Казалось, что в будущем непременная близость с Блоком. Потом помню ясно — он с матерью в первых рядах поэзоконцерта Игоря Северянина. Сидел, нервно ежась, сердитый и пальцы тонкие, узловато-нервные, но особенно красные, как отмороженные, лежали на коленях на тонком сукне только что отглаженном. Он всю лекцию наклонялся к матери и возмущенно что-то шептал ей — очевидно, мешал соседям, но те из уважения к нему молчали — публика была «своя»— литературная в первых рядах. Я даже ловила отдельные слова — он возмущался, почему это зал восхищается такими, в сущности, скверными стихами, но нервность Блока меня удивила. В тот вечер я ему на глаза не показывалась.

Последняя встреча наша была на Невском — я шла ⟨...⟩ и думала о том, что люблю больше всех городов на свете Петербург, может быть потому, что его полюбила еще давно по стихам Блока — вдруг на углу Литейной — чудеснейшие молодые синие цветущие глаза в старчески суровом мешке синяков засияли навстречу. Осенью в синем пальто и мягкой шляпе он ехал на извозчике навстречу, слегка коснулся рукой шляпы и улыбнулся. От присутствия Блока на меня нападала и нервность и томление, я уже не имела сил обернуться.

Так, с воспоминаниями свежайшими и чудесными я жила до ⟨19⟩21 года, когда, лежа в больнице, беременная, в тифе, я узнала, что Блок умер, и в тот день моя молодость, подбитая цепью провалов,— развалилась окончательно от обильных приемов брома» (хранятся у дочери мемуаристки, Л. Б. Либединской, любезно предоставившей их для настоящего издания). Соничка Михайлова, упоминаемая в мемуарах — Софья Михайловна Михайлова — Марр (1890—1980), слушательница Высших женских курсов. Письмо Блока весны 1912 г. к ней и ее приятельнице А. И. Романовой — VIII, 382. 10 октября 1915 г. она прислала Блоку отклик на «Стихи о России». С этим письмом, по-видимому, связана запись Блока о тех, «кто пишет и говорит мне о «благородстве» моих стихов» (ЗК, 268). См.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2. М., 1979, с. 334—335.

[2] Алексей Владимирович *Ефимов* (1896—1971), брат Т. В. Ефимовой-Толстой, впоследствии чл.-корр. АН СССР.

[3] В журнале «Лукоморье» стихи Т. Ефимовой опубликованы в следующих номерах: 1914— № 18, 21, 22, 26; 1915— № 2, 49, 52; 1916— № 29.

[4] Имя густо зачеркнуто.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

11 ноября 1914 г.

⟨...⟩ Вот и он ⟨Франц⟩ теперь в рядах защитников России. От этого он мне вдвое дороже. Маня! Как я с каждым днем больше люблю Россию: я вижу ее беспредельной в ее просторах, расстилаются поля, извиваются реки. Как скажу Россия, так и вижу. Я рада, что вам с Женей понравились Сашины стихи.

Вот еще одни, старые:

Кто плачет здесь? На мирные ступени
Всходите все — в открытые врата.
Там — в глубине — Мария ждет молений
Обновлена рождением Христа.

* * *

Скрепи свой дух надеждой высшей доли,
Войди и ты, печальная жена.
Твой милый пал, но весть в кровавом поле
Весть о любви — по-прежнему ясна.

* * *

Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь все — любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

А. Блок[1]

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, л. 104 об.—105 об.

[1] I, 183. Опубликовано впервые в «Русской молве» 25 декабря 1912 г.

С. Н. ДУРЫЛИН — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва 17.XI ⟨1914 г.⟩

Дорогой Борис Николаевич!

С глубоким горем узнал я о выходе Вашем из «Мусагета» [1]. «Мусагет» без Б. Н. Бугаева кажется мне такою же невозможностью, как русский символизм без Андрея Белого. До сих пор в едином «Мусагете» было *две души* — это Вы и Эмилий Карлович [2], и, как Фаусту, нельзя «Мусагету» быть без этих двух душ, ибо в них — весь смысл его, все его «во имя». Для меня Андрей Белый был, есть и будет Орфеем русского символизма, его вечным тайновидцем-дитятей, его подлинным «лирическим волнением», его томлением по теургии, его поющей и вещей душой — и я знаю, что «Мусагет» уже не «Мусагет» — без него. Ваши песни и звуки лиры вашей слагали камни и глыбы в стены и здания «Мусагета». Вы его зиждитель внутренний, как Метнер — внешний; Метнерово строительство — днем, киркой, молотом, циркулем; Ваше строительство — и в ночи, как днем,— песней, лирой, лирическим волнением, лирической волей.

Вы давали «Мусагету» то, что даете всему символизму — лирический подвиг, ищете ему *венец* взамен *венка* [3].

Но, как ни тяжело мне, имевшему некогда счастье работать под Вашим руководством в «Мусагете», знать о Вашем уходе, я знаю, что продолжается Ваше пребывание в символизме русском — и тут вся надежда на Вас, Вячеслава Иванова и Блока, вся без остатка. Вы — ангел-хранитель русского искусства, как Иванов — его строгий архангел, как Блок — его скорбный херувим. Для меня это не простые слова: для меня в этом весь смысл, все религиозное существо Вашего дела. Я вырос и росту на Ваших статьях, мыслях, трудах; их я кладу во главу угла своего отношения к искусству русскому и символизму. И тут меня ждет великая радость: она началась Вашей статьей «Круговое движение» [4] и продолжается «Петербургом»: и я знаю, она не кончится, доколе Вы есть у России, у символизма.

Моя книжка о Вагнере и России [5] в ее внутреннем устремлении есть устремление к Вам, к Вашему искусству,— и через Вас к России. Продолжение этой книжки посылаю Вам одновременно с письмом.

Символизм *спасает*: он спасает от всей лжи современного искусства, современного религиозного омертвления, от всего, за что заступался Степун, возражая Вам,— символизм *исцеляет* [6]. Но в России есть только один символизм: Белого, Иванова и Блока. Нет других. Не может быть. В этом вся наличность. Все. До конца Все.

Все это захотелось мне написать Вам, когда я услышал о вашем выходе. Буду бесконечно счастлив, если вздумаете ответить Вы — вечнорадостное «сегодня» русского символизма, и в то же время — его прошлое и верное «завтра». К этому «сегодня» и в чаянии «завтра» — обращаешься невольно в минуты скорби и растерянности. Вот почему написалось это письмо.

Ваш С. Дурылин.

Москва, Гороховская, 21, 5.

ГБЛ, ф. 25, к. 15, ед. хр. 5. Год — по содержанию.

Сергей Николаевич *Дурылин* (1877—1954) — литературовед, искусствовед, театральный критик; в 1910-е годы был близок к издательству «Мусагет», выступал с книгами и статьями на эстетические и религиозно-философские темы.

[1] Письмом из Нюрнберга от 9 ноября н. ст. 1913 г. Андрей Белый известил секретаря издательства «Мусагет» Н. П. Киселева: «Позвольте через Вас довести до сведения редактора-издателя к⟨нигоиздательст⟩ва «Мусагет» Э. К. Метнера, что я к глубокому моему сожалению по причинам полного расхождения с к⟨нигоиздательст⟩вом «Мусагет» во взглядах на печатание брошюры «Vigilemus», вынужден выйти как из состава редакции к⟨нигоиздательст⟩ва «*Мусагет*», так и из состава сотрудников двухмесячника «*Труды и дни*». Прошу немедленно снять мое имя со списка сотрудников» (ГБЛ, ф. 167, к. 9, ед. хр. 10). Основанием для такого решения Белого явилось печатание в «Мусагете» трактата Эллиса «Vigilemus!» (М., «Мусагет», 1914), в котором был дан критический взгляд на антропософию; Белый в это время был ревностным адептом антропософии, а Эллис,

также фанатически преданный учению Штейнера в 1911—1912 гг., в 1913 г. разочаровался в нем и вышел из антропософского общества. Белый настаивал на купюрах в тексте трактата Эллиса (сохранилась корректура «Vigilemus!» с правкой и зачеркиваниями Белого — ГБЛ, ф. 190, к. 36, ед. хр. 4), однако его требования в подавляющем большинстве случаев не были приняты. Позиция, которую заняло издательство «Мусагет» в этом конфликте, подробно аргументирована Э. К. Метнером в специально написанном возражении Белому —«Досье Э. К. Метнера о «Vigilemus» на 25 лл.», как его озаглавил Н. П. Киселев (ГБЛ, ф. 167, к. 9, ед. хр. 11).

[2] Э. К. Метнер — руководитель издательства «Мусагет».

[3] Намек на заглавие статьи Андрея Белого «Венок или венец» («Аполлон», 1910, № 11, отд. II, с. 1—4), в которой отстаивается концепция символизма как «теургического» творчества.

[4] Андрей Б е л ы й. Круговое движение. (Сорок две арабески).—«Труды и дни», 1912, № 4-5, с. 51—73.

[5] С. Д у р ы л и н. Рихард Вагнер и Россия. М., «Мусагет», 1913.

[6] Федор Августович *Степун* (1884—1965) — философ, историк и социолог культуры. Его «Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи „Круговое движение“» было напечатано в «Трудах и днях» (1912, № 4-5, с. 74—86), там же появился «Ответ Ф. Степуну на открытое письмо в № 4-5 «Трудов и дней» Андрея Белого (1912, № 6, с. 16—26).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

8 января 1915 г.

〈...〉 Люба уже подумывала вернуться, но осталась, написав Саше, что не сделает этого потому, что это будет измена. Теперь ее перевели в офицерскую палату, что, разумеется, гораздо труднее и антипатичнее. Но она пишет, что, кажется, и тут справится [1].

Как хороша Женина книга! [2] Какое мощное чувство природы! Какой прекрасный язык!

Последний рассказ только совсем плох и напрасно напечатан [3]. Но в общем книга просто очень хороша [4]. «Касатка» одна чего стоит!

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 1 об. —2.

[1] Письмо Л. Д. Блок Блоку от 26 декабря 1914 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 165, л. 99—101). Блок отвечал 31 декабря: «Мне очень понятно, что ты можешь почувствовать «измену», если уедешь» (ЛН, 89, стр. 344).

[2] Евгений И в а н о в. В лесу и дома. Рассказы. Библиотека «Тропинки». Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1915.

[3] «Волхвы с востока».

[4] Блок заинтересованно относился к публикации рассказов Е. П. Иванова. Свидетельство этому находим в письме З. Н. Гиппиус к редактору «Нового слова» И. И. Ясинскому от 28 ноября 1909 г.: «Посылаю Вам рассказ одного молодого человека, Евг. Павл. Иванова. Я его (рассказ, а не Иванова) собственноручно причесала, насколько могла, но своеобразие осталось, и я вполне понимаю, что к этому своеобразию можно отнестись и отрицательно. Думаю, впрочем, что на страницах «Нового слова» рассказ не будет слишком неприятным пятном. Автор печатал кое-что еще в «Новом пути», а с тех пор бывал все в детских журналах, чаще всего в «Тропинке» (〈П. С.〉 Соловьевой). Очень он скромен и удовлетворится самым скромным незатейливым гонораром. Блок тоже очень стоит за Евг. Павловича, с которым мы оба дружим...» (ГПБ, ф. 901, оп. 3, ед. хр. 529—а, л. 4—5).

Н. П. КИСЕЛЕВ — Ю. Н. ВЕРХОВСКОМУ

Москва, января 13 дня 1915 г.

Дорогой и уважаемый Юрий Никандрович, у меня к Вам большая просьба: не поговорите ли Вы — приватно — с А. А. Блоком относительно переиздания в «Мусагете» собрания его стихотворений? Я здесь слышал из разных и достоверных источников, что «Сирин» прекратил свою деятельность на все время войны, а между тем на книжном рынке спрос на стихи Блока не падает, «Мусагет» же лишен возможности удовлетворять заказчиков, не имея более ни единого экземпляра. Если такое положение дела Александру Александровичу неприятно, и если, далее, остановка в «Сирине» грозит перейти в ликвидацию, то «Мусагет» охотно вступил бы с ним в переговоры относительно условий нового издания. Впрочем, заранее должен сказать,

что выдача аванса во время печатания невозможна, и что даже по выходе книг нам желательно было бы уплачивать гонорар в рассрочку. Печатание мы могли бы начать теперь же, но свободных сумм не имеем вовсе. Нам желательно бы сделать Volksausgabe * в одном или двух томах, со включением «Ночных часов» и стихов 1911—1914 гг. Серьезное затруднение: если Блок за последнее время печатал или думает печатать стихи шовинистические и направленные против германцев, то издание его в «Мусагете» является вещью абсолютно невозможной. Сергею Соловьеву последние учиненные им непристойности в этом роде закрыли двери «Мусагета» навсегда [1].

Вы бесконечно обязали бы меня, дорогой Юрий Никандрович, если бы могли приватно разузнать мнения Блока по всем этим вопросам.

Гос. музей истории Ленинграда, собрание Н. П. Ильина. Автограф.

Николай Петрович *Киселев* (1884—1965) — книговед, один из ближайших сотрудников издательства «Мусагет».

12 января 1915 г. Блок провел четкую черту под еще одним периодом своей жизни в литературе — он писал жене: «„Сирин“ окончательно ликвидируется — теперь это уже не секрет. Так вот вся литературная моя жизнь состоит из пестрых полос. Какая-то теперь будет полоса? Собственно, я доволен, что получил меньше всех матерьяльных выгод от Терещенок, будучи близким к Сирину в течение двух лет. Так отчетливее и лучше. У меня к ним доброе чувство, думаю, что и они обо мне не думают плохо» (ЛН, т. 89, с. 347—348; о сотрудничестве поэта с издательством «Сирин» и связывавшихся с ним планах см.: Н. А. Фрумкина, Л. С. Флейшман. А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» — «Блоковский сб.», 2, с. 385—397). Был ли у Верховского разговор с Блоком в связи с письмом Киселева, мы не знаем. Переиздание «Стихотворений» и «Театра» в «Мусагете» решилось после свидания поэта с В. В. Пашуканисом 7 февраля 1915 г.— ЗК, 255.

[1] О взглядах С. М. Соловьева на войну России с Германией см. в предисловии Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова к публикации переписки Блока с Соловьевым в кн. 1 наст. тома.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

17 января 1915 г.

〈...〉 Работа моя, Флобер мой, стоит. А кабы не это, так все равно: ни так, ни эдак не очень хорошо.

Саша, за мою болезнь, выказал большую нежность и заботу. Вот польза моей болезни. А отдохнуть душой и телом, как Вы, родимый друг, желали, кажется, не пришлось: «Покоя нет, степная кобылица несется вскачь!» [1] Мне не сужден покой.

Теперь началась ревность к Саше, по поводу меня, со стороны Л. А. [2] Саша уже жалеет, что нас познакомил. Совсем повторяется история с Любой. Конечно, до этого не дойдет и не может дойти. Но — посмотрим, что будет дальше.— —

Между тем Саше с ней хорошо. Она делает его легче, дает ему часы отдыха, трезвости, заставляет его проще смотреть на людей и на отношения. Так что я, сохрани боже, мешать не буду.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 4—5.

[1] Цитата из стихотворения «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» (III, 250).

[2] Возможно, что с этими настроениями матери связана запись Блока от 17 января 1915 г.: «Днем у мамы — ужас» (ЗК, 254). *Л. А.*— Дельмас.

* «Народное», массовое издание (*нем.*).

М. В. ГАРТЕВЕЛЬД — В. Я. БРЮСОВУ

Петроград, 19 января 1915 г.

〈...〉 Я редактирую сборник, 40% с которого, весь писательский гонорар, идут в пользу разоренной Бельгии, в числе сотрудников будут Ал. Блок, Вл. Пяст, Рюрик Ивнев, Дмитрий Крючков, Дмитрий Цензор и многие другие [1]. Мне было бы очень приятно 〈...〉 пригласить Вас в редактируемый мной сборник. Это будет первый знак преклонения наших поэтов перед геройством духа маленького народа.

ГБЛ, ф. 386, к. 82, ед. хр. II, лл. 1—2.

Михаил Вильгельмович *Гартевельд* — поэт, выпустил сборники стихов «Ночные соблазны» (1913), «Кровавое солнце. (Военные стихи)» (1915) и др. Блок встречался с ним у Пяста 14 ноября 1914 г. («шведский подданный Гортвельд»— ЗК, 247).

[1] «Бельгийский сборник» (1915). Блок поместил в нем стихотворение «Антверпен». В сборнике участвовали также В. Н. Княжнин, Б. А. Пестовский.

Ю. А. НИКОЛЬСКИЙ — Л. Я. ГУРЕВИЧ

Петербург, 29 января 1915 г.

〈...〉 Необходимо 〈...〉 чтобы Вы меня познакомили с Блоком, при очень хорошей рекомендации с Вашей стороны. Мне сегодня случилось прочитать конец его одного письма, написанного только вчера [1], значит, уже после вечера [2], где он говорит о том, что надо быть скромным, и мне вдруг показалась возможность его оживления, его пробуждения. Или он должен испугаться войны, как Флобер? [3] Но ведь он же написал «Розу и Крест», где задним числом что-то видится из того, что теперь переживаемо с войною.

ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 161, л. 113 об.—114.

Юрий Александрович *Никольский* (1893—1921?) — поэт, литературовед, автор работ «Тургенев и Достоевский. (История одной вражды)», «Полонский и Фет. (История одной дружбы)», «Тургенев и писатели Украины». См. некролог, написанный Б. Эйхенбаумом —«Лит. записки», 1922, № 1, с. 14.

Поэзия и личность Блока занимали большое место в духовной жизни Ю. Никольского, но сблизиться с Блоком ему не удалось. В конце 1914 г. он проектировал составить сборник «Пир», в котором участвовали бы, кроме него, Б. Эйхенбаум и Л. Гуревич. Обсуждалась и кандидатура Блока. («Но этот может, пожалуй, „задавить“, и „важный“» — письмо к Л. Я. Гуревич от 3 января 1915 г.— ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 161, л. 106 об.). Весной 1917 г. ему предложили быть редактором Чрезвычайной следственной комиссии, и он писал Л. Я. Гуревич: «Говорят, что будто, кроме меня, будут редакторами: Блок (!) и Вы (!!!). То-то нам было бы всем хорошо вместе!» (ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 163, л. 20; сотрудничество Ю. Никольского в ЧСК не состоялось.). В некрологе Блока он писал: «Подобно Пушкину, он был прямой и честный, с грустными ласковыми глазами... (Ю. Никольский. Пророк.— «Общее дело», Париж, 1921, № 429, 19 сентября).

[1] Вероятно, речь идет о письме Блока к Елене Михайловне Тагер (1895—1964). См. о ней: Тамара Хмельницкая. Елена Тагер.— «День поэзии 1965». М.— Л., 1965, с. 295—296. На письме Е. М. Тагер к Блоку (она посылала ему на отзыв стихи), есть помета Блока: «Отв〈ечено〉 28 〈января 1915〉». Текст писем Блока был восстановлен адресатом по памяти (VIII, 452. Впервые — «Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 104, 1961). В восстановленном тексте, разумеется, есть неточности, например: «Думаю, что Вы все сделаете сами, и никакие «ценители» тут не помогут» — в ответном письме 30 апреля 1915 г. Е. М. Тагер иначе цитировала письмо Блока: «сделать себя 〈...〉 другие не помогут» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 421). В этом «воспоминании о письме» отсутствуют и приводимые Никольским слова о скромности. Возможно, ответом на них является следующее место письма Е. М. Тагер: «Конечно, я согрешила против той скромности, кот〈орая〉 возникает, если человеком владеет нечто большее, чем свое «я» 〈...〉 Любовь, вера — вот большее, чем я — говорите Вы».

Студентка-бестужевка Е. М. Тагер в ту пору печатала стихи под псевдонимом «Анна Регатт». В письме к Л. Я. Гуревич от 18 марта 1914 г. Ю. Никольский называет ее «старинной знакомой» и упоминает ее рефераты о Тютчеве и Блоке («оба написаны хорошо» — ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 161, л. 19).

[2] Вечер в пользу раненых в зале Городской думы 25 января 1915 г., где Блок читал стихи. Ю. Никольский и Л. Гуревич присутствовали на этом вечере.

[3] См. «Интимные воспоминания» Каролины Коммонвиль о Густаве Флобере в эпоху франко-немецкой войны 1871 г.: «Война оставила на нем глубокое впечатление. Кровь «старого латинца» возмущалась в нем этим возвратом варварства» (Гюстав Флобер. Переписка, ч. 1, Пг., 1915. с. 31).

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

〈Петербург.〉 31 января 1915 г.

〈...〉 Видел издали на улице Блока.

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 134. Автограф.

И. М. БРЮСОВА — В. Я. БРЮСОВУ

Москва, 3 февраля 1915 г.

〈...〉 Пашуканис сегодня поехал в Петербург, главной цел〈ью〉 его поездки было предложить Блоку второе изд〈ание〉 его собрания сочинений [1] и затем должен выяснить твои дела с «Сирином» [2]. Пашуканис говорит, «Мы очень радуемся мысли, что у нас будет издаваться Брюсов, конечно, если это устроится, мы должны будем написать нашему принципалу, который теперь в Цюрихе» [3].

ГБЛ, ф. 386, к. 69, ед. хр. 13, л. 1 об.

[1] «7 февраля 〈1915〉 〈...〉 Днем у меня В. В. Пашуканис («Мусагет»)» (ЗК, 255). 28 февраля Блок, ссылаясь на беседу с В. В. Пашуканисом, просил сотрудника издательства «Мусагет» Н. П. Киселева сообщить ему, в каком положении находятся дела издательства (ГБЛ, ф. 128), но еще ранее, 12 февраля (ЗК, 256), Блок уже приступил к работе по подготовке к этому изданию. Три тома стихотворений и «Театр» вышли в издательстве «Мусагет» в 1916 г.

[2] В том же письме И. М. Брюсова рассказывает, что Пашуканис «сообщил, что «Сирин» известил «Мусагета» о своем намерении прекратить издательство». Пашуканис намеревался продолжить издание «сиринского» «Полного собрания сочинений и переводов» Брюсова.

[3] В ответном письме из Варшавы 9 февраля 1915 г. Брюсов разъяснял: «Что касается их «принципала», то это не Клео Петровна 〈Христофорова〉 и не таинственный деятель, а просто — Метнер; он в Швейцарии (как Белый и Эллис, и все трое в ссоре каждый с каждым)». (ГБЛ, ф. 386, к. 69, ед. хр. 7).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

15 марта 1915 г.

〈...〉 Я хотела только Вам сказать, что я до того дружна с Флобером, что иногда, подняв свою безумную башку от страниц своей работы, я с трудом соображаю. Уж очень он живой, высокий, грешный и несчастный в своей переписке. И уж какая огромная общность с моим сыном!

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 30.

Ю. И. ЮРКУН — Б. А. САДОВСКОМУ

Петербург, 29 марта 1915 г.

〈...〉 Кроме А. Блока у нас есть более гениальный поэт М. Кузмин. Это так же верно, как гениален Розанов В. В. и сильно талантливый Алексей Ремизов [1].

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 152, л. 9—9 об.

О Ю. И. Юркуне — см. в примечаниях к дневнику М. А. Кузмина (в наст. томе, кн. 2, с. 173). Сопоставление Кузмина с Блоком неоднократно делалось современниками — см. письмо Ю. Никольского к Л. Гуревич в наст. публ. Ср. также в коллективном экспромте Цеха поэтов: «Кузмин 〈...〉 забыв воланы и ракеты, скакал за Блоком, да не доскакал» (А. Ахматова. Листки из дневника.— ГПБ, ф. 1073).

[1] В выделении этих двух имен Ю. И. Юркун следовал оценкам Кузмина. Ср.: «...такие крупные и русские писатели, как В. Розанов и Алексей Ремизов» (Петр Отшельник ⟨М. А. Кузмин⟩. Раздумья и недоумения Петра Отшельника.— «Петроградские вечера», III, Пг., 1914, с. 216).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

29 марта 1915 г.

⟨...⟩ Ребенок мой драгоценный, вот главное-то.— Вчера приезжаю домой, с вечера, где он читал свои стихи [1], а он у меня, ждет меня, хочет знать, что я скажу о его возлюбленной. А она была во всех отношениях нехороша вчера [2]. А сам он до последней минуты не знал, что будет читать. Читал плохо, невнятно. И я была рада этому. Так и надо. Но прочел он неожиданно прежде всего «К матери» — «Когда ты загнан и забит...» [3]

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 36 об.

[1] Вечер «Поэты — воинам» в пользу Лазарета деятелей искусств. Ср. запись Блока от 28 марта 1915 г.: «Мы с ней участвуем на вечере, устраиваемом Ан. Чеботаревской (Зал Армии и Флота).— Грусть» (ЗК, 259). По программе Блок должен был читать «Россию», «На Куликовом поле», «Песню Гаэтана» (см. экземпляр программы — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 447, л. 30). Ср. газетный отчет: «А. Блок в своей обычной благородно-сдержанной манере прочел три стихотворения с хорошим успехом. Горячо встречен был Ф. Сологуб, прочитавший свои новые стихотворения. Много аплодировали Ахматовой. Зал был полон» («День», 1915, № 88, 1 апреля). На вечере выступали также И. Северянин и актрисы М. Ф. Андреева, М. А. Потоцкая, В. С. Стахова, О. А. Глебова-Судейкина. Открывался вечер спектаклем студии Мейерхольда «Саламанкская пещера» Сервантеса в постановке В. Н. Соловьева. Об этом выступлении Блока вспоминал В. С. Чернявский: «И неожиданно, не в лад с другими, весь сдержанный и точно смущенный, появился на эстраде — в черном сюртуке — Александр Блок. Его встретили и проводили рукоплесканиями совершенно иного звука и оттенка, нежели те, с которыми только что обоняли запах северянинской пачули. Волнуясь, он тоже прочел стихи о России, о своей России, и о человеческой глупости, прочел обычным, холодноватым и все-таки страстным, слегка дрожащим голосом, раза два схватившись рукою за сердце» (В. С. Чернявский. Встречи с Есениным.— «Новый мир», 1963, № 9, с. 189).

[2] Накануне вечера Ан. Н. Чеботаревская писала Л. А. Дельмас-Андреевой: «Петь, конечно, будете *после* Ал⟨ександра⟩ Ал⟨ександровича⟩ — когда, конечно, захотите — в программе поставлено перед, но это мы переставим» (ГПБ, ф. 1056, ед. хр. 428, л. 2 об.; ср. соответствующее исправление в тексте программы, присланной Блоку — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 447, л. 30). Л. А. Дельмас исполнила «Девушка пела в церковном хоре» С. Н. Василенко на слова Блока.

[3] Конец третьей главы «Возмездия» (III, 344), где есть строки: «Найдешь в душе опустошенной вновь образ матери склоненной».

ИЗ ДНЕВНИКА З. Н. ГИППИУС

Петроград, 15 апреля 1915 г.

⟨...⟩ Дотянули премьеру до 18 февраля [1]... Сама премьера прошла очень обыкновенно, то есть одни в восторге, другие в ненависти, газеты в неистовстве [2]. Савина играла, конечно, не мою героиню, а свою, и, конечно, очень талантливо [3]. Декорация второго акта — заседания «юных» — очень хороша: звезды в длинных черных зимних окнах [4]. Но актеры нервничали, и были лучше на генеральной репетиции. Из первых — я была всего на одной, на вечерней, с Блоком [5]. Так что «кухни» почти не видала.

ГПБ, ф. 481, ед. хр. 1, л. 29 об.—30.

[1] Премьера пьесы З. Н. Гиппиус «Зеленое кольцо» в Александринском театре (постановка В. Э. Мейерхольда). Пьеса написана в январе 1914 г. «Зеленым кольцом» назвал себя в пьесе кружок «юных», гимназистов, обособляющихся от «отцов». Блок читал ее еще в рукописи. Ср. запись от 10 февраля 1914 г.: «Завтракаю у мамы, потом она прочла «Зеленое кольцо»,— ей тоже очень нравится, как и мне» (ЗК, 206).

[2] Изложение некоторых отзывов, в том числе содержательной рецензии Л. Я. Гуревич см.: К. Рудницкий. Режиссер Мейерхольд. М., 1969, с. 180—181.

Л. А. ДЕЛЬМАС
Неизв. художник (пастель). 1900-е гг.
Собрание И. А. Фащевской, Ленинград

[3] Мария Гавриловна Савина (1853—1915) играла Елену Ивановну. Ср. отзыв Блока в письме к Л. Д. Блок после премьеры: «В «Зеленом кольце» Мейерхольда вовсе не было, а были Гиппиус, Савина, Домашева и нек〈оторые〉 другие. Актеры сыграли пьесу в четверть ее роста. Пьеса неумелая, с массой недостатков, и все-таки — какого она *роста*, какой *зрелости*, даже в руках актеров!» (ЛН, т. 89, 354).

[4] Декорации к спектаклю писал А. Я. Головин. Именно эту сцену Блок смотрел на репетиции (см. выдержку из статьи З. Гиппиус «Зеленое — белое — алое» — ЛН, 89, 352).

[5] 5 февраля 1915 г. (ЗК, 255). Об этой репетиции Блок писал 9 февраля жене: «Очень хороша темная Александринка, сцена, артистич〈еское〉 фойэ и коридоры. Савина на репетицию не приехала. Я говорил с Рощиной-Инсаровой» (ЛН, т. 89, 351). Ср. в воспоминаниях З. Гиппиус об этой репетиции: «Привыкнув играть любовников — актеры не могли перевоплотиться в гимназистов. Когда один, перед поцелуем, неожиданным (по смыслу) для него самого, вдруг стал озираться, даже заглянул за портьеру, Блок прошептал мне: «Это уж какая-то порнография!» Лучше других была Рощина-Инсарова. Но и она не удовлетворяла Блока. В первом перерыве он ей послал записочку: «Спросите Блока. Он вам хорошо скажет». Кажется, они потом долго разговаривали». Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова (1883—1970) играла Финочку. Блок стремился попасть на премьеру (см. его письмо к Мейерхольду от 10 февраля 1915 г. — «Театр», 1980, № 11, с. 44) и был на ней вместе с Л. А. Дельмас (ЗК, 256). По-видимому, 11 апреля 1915 г. при встрече с поэтессой Н. А. Минич (ЗК, 260) он советовал ей посмотреть этот спектакль — в письме от 22 апреля 1915 г. она отвечала: «Зеленое кольцо» я видела. Есть хорошее там, а много неправды и по-моему ненужного. И «милосердие» не нужно. Зачем? Нужно равенство, а милосердие бывает к жалким и убогим. А м〈ожет〉 б〈ыть〉,

это просто не то слово. А что «молодые» там лучше старых, так это везде так — просто потому что «молодые» меньше знают и иногда даже придумать не смогут того, что «старые» просто увидят» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 334, л. 9).

ИЗ ДНЕВНИКА С. М. МИХАЙЛОВОЙ

Петроград, 19 апреля 1915 г.

Всегда беру днев ик, когда у меня есть что сказать о нем. Вчера я была на вечере п⟨етроградски⟩х поэтов и он читал свои стихи [1].

Институт рукописей АН Грузинской ССР, Тбилиси.

[1] В 1961 г. автор дневника приписала: «Помню: это было в каком-то театре. Я помню опущенный занавес и тусклую полосу света, в которой он стоял, он был в черном костюме (б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ сюртуке), весь какой-то замкнутый и строгий. Его голос звучал глубоко и бесстрастно, как будто он нарочно его притушил и лишил всякого выражения, и это было очень выразительно». Вечер в пользу 11-го городского лазарета состоялся в зале Тенишевского училища 18 апреля 1915 г. В программе были объявлены: Ахматова, Блок, Ауслендер, Городецкий, Г. Иванов, М. Зенкевич, Кузмин, Мандельштам, Ю. Слезкин, Тэффи, Ю. Юркун, а также балетные номера (в том числе О. А. Глебовой-Судейкиной) («Петроградский курьер», 1915, № 442, 18 апреля). Блок в этот день отметил: «Я читал, отвезенный в автомобиле. Успех» (ЗК, 261). Еще накануне этого выступления Блок отказывался участвовать в литературных вечерах. Он писал Ан. Н. Чеботаревской 16 апреля 1915 г.: «...читаю я нудно и плохо, и сам это знаю лучше всех» («Уч. зап. Ленингр. Пед. ин-та им. Покровского», т. 4, вып. 2, 1940, с. 280).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

24 апреля 1915 г.

⟨...⟩ У меня вчера обедали Саша, тетя Маня и Люба. Сама пришла. Это редкость и для меня огромная радость.

Люба устраивает свою собственную антрепризу, будет играть для рабочих в окрестностях Петербурга [1]. К⟨узьмин⟩-К⟨араваев⟩ уезжает опять в действующую армию.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 40—40 об.

[1] 18 мая 1915 г. В. Э. Мейерхольд сообщал актрисе Л. С. Ильяшенко: «относительно блоковского театра в духе Студии ⟨Мейерхольда⟩ говорят упорно. Не за горами дело. Увидим. Счастлив, что Вы не с нею. Посмотрите на это сочетание имен: Карпов — Блок» (В. Э. Мейерхольд. Переписка. М., 1976, с. 176). К письму Мейерхольда приложена газетная вырезка: «При Обществе изящных искусств образовалась театральная секция, имеющая в виду ставить общедоступные спектакли в фабричных и деревенских районах. Во главе секции стоят Е. П. Карпов и Л. Д. Блок» (там же, с. 393).

Н. А. ЧЕРНЯВСКИЙ — А. М. РЕМИЗОВУ

Вятка, 31 апреля 1915 г.

⟨...⟩ Придется мне огорчить Вас отказом. В сборник, посвященный Польше, думаю, должны идти стихи, обращенные к ней [1]. А таких у меня нет. Кроме того — и это самое главное — я, по совету Юрия Никандровича [2], Бальмонта и Блока [3], и конечно, по собственному убеждению, думаю погодить с выступлением в печати.

ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 289.

Николай (Колау) Андреевич *Чернявский* (1892?—1942?) — поэт, собиратель русского и грузинского фольклора, переводчик с грузинского. Сборник его стихов «Письма» вышел в Тифлисе в 1927 г. В 1915 г. стихи Н. А. Чернявского печатались в альманахах «В год войны» и «Сборник студенческого литературного кружка при Казанском университете». О Н. А. Чернявском см.: К. Г. Паустовский. Собр. соч. в 8 томах, т. 5. М., 1968, с. 381—382; Г. Бебутов. Без срока давности. Статьи и очерки. Тбилиси, 1979, с. 69—71.

[1] Сборник составлялся А. Ремизовым и С. Городецким. В свет не вышел. Блок, видимо, тоже отказался в нем участвовать. Ср. запись весны 1915 г.: «Польский альманах

Городецкого — Глупости» (ЗК, 262). Позднее Блок, по-видимому, изменил решение и предоставил в этот альманах стихотворение «Голос из хора» (см. письмо Блока Мейерхольду от 27 февраля 1916 г.—«Новый мир», 1979, № 4). По-видимому, это произошло в ноябре 1915 г., когда сборник предполагалось сдать в набор (см. письмо Городецкого Б. А. Садовскому от 2 ноября 1915 г.— ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 45). Брюсов был приглашен в сборник, но, по его словам, «не собрался» отослать стихотворение («Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год». Л., 1980, с. 248). 10 января 1916 г. Городецкий сообщал Сологубу, что для этого сборника («Скорбь») прислали произведения Бальмонт, Балтрушайтис, Блок, Ахматова, Гумилев, Вяч. Иванов, Кузмин, Есенин, Клюев, Верховский, Пяст, Тиняков, Тэффи, и другие (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 198).

[2] Ю. Н. Верховского.

[3] Н. А. Чернявский впервые был у Блока 20 сентября 1912 г. Ср.: «У меня — студент со стихами, довольно милый» (VII, 157). По-видимому, в тот же день Блок писал матери: «У меня сидит очень милый студент-поэт» («Письма к родным», II, с. 227). Н. А. Чернявского, студента Казанского университета, к Блоку направил Ремизов (см. письмо Блока к Ремизову от 30 сентября 1912 г. в наст. издании), которому Н. А. Чернявского в свою очередь рекомендовал казанский профессор В. Н. Ивановский (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 116). В архиве Блока сохранился автограф стихотворения Н. А. Чернявского «Колыбельная» (вошло в его сборник «Письма») с пометой Блока: «20 сентября 1912 г.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 450) — по-видимому, стихотворение было выбрано самим Блоком. 9 декабря 1915 г. Н. А. Чернявский снова был у Блока, который пометил в записной книжке: «И не знаю, зачем все это. Скучно» (ЗК, 280).

ИЗ ДНЕВНИКА С. М. МИХАЙЛОВОЙ

Петроград, 11 мая 1915 г.

Я все-таки пишу Блоку [1].

6-го утром я проснулась в неопределенно приятном настроении. «Что со мной?» Вспомнила: да, я видела во сне Ал. Блока, он был среди толпы, в руках у него были ландыши. Днем я его не встретила, собираясь в театр, я думала, увижу я его или нет.

Потом уже, сидя в театре и разглядывая Л. Андреева, которого я видела в первый раз, я думала, почему бы и ему не быть, и подняв немного глаза я увидела ярко золотистые рыжеватые волосы, знакомое белое расплывчатое лицо, рядом с ней, конечно, его. Они сидели все время рядом, иногда он выходил ненадолго из ложи, разговаривали, смеялись [2].

Институт рукописей АН Грузинской ССР, Тбилиси.

[1] Это письмо С. М. Михайловой в архиве Блока не сохранилось.

[2] Ср. запись Блока от 5 мая 1915 г.: «Вечером мы с Любовью Александровной ⟨Дельмас⟩ на Пушкинском спектакле в Художественном театре» (ЗК, 262). В программу входили «Каменный гость» и «Моцарт и Сальери». Спектакль Блоку не понравился, о чем он прямо сказал Станиславскому, как вспоминал Григорий Хмара («Нева», 1980, № 11). В 1961 г. автор дневника приписала: «Помню: это были гастроли Московского Художественного театра. Помню, что шел «Каменный гость» Пушкина, а было ли что еще из «Маленьких трагедий»,— не помню.

Она была в легком ярко-синем платье, когда он выходил, она мазала губы и смотрелась в маленькое зеркальце.

Я все же пробежала в тот коридор, куда выходила их ложа. В коридоре было пусто, я шла навстречу ему и посмотрела ему прямо в лицо и встретила такой холодный взгляд, ледяной, «не тронь меня» — я прошла мимо потрясенная».

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 22 мая 1915 г.

⟨...⟩ Франц телеграфировал мне, что приехать не может и чтобы я не откладывала отъезда в Шахматово.

Саша взял мне билеты на воскресенье. С одной стороны, я счастлива, что уеду в Шахматово, с другой — очень уж беспокойно... Но ведь беспокойство — удел человека.

Крепко, крепко Вас целую, желаю поскорее переехать в более просторное пространство. На Петербургской очень хорошо. Я была там на днях два раза: раз на могиле Виши Грека [1], другой раз — у идиота — доктора Ланга [2].

Оба раза восхищалась Петербургской стороной. Сколько там садов, а подле церкви Гренадерского полка (близко от вашего будущего жилья) птицы распевали громко. Бехтерев со своей «экспертизой» о Достоевском (читали?) [3] и Ланг о моем Саше — окончательно убедили меня в безнадежном идиотизме докторского сословия. 〈...〉 Вас, дорогой друг, крепко целую и желаю Вам обрадоваться деревьям. У меня эта радость теперь величайшая.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 48—49 об.

[1] О Викторе Викторовиче («Више») Греке (1880—1914) см.: ЛН, т. 89, с. 84—85.

[2] Георгий Федорович *Ланг* (1875—1948) — врач. Ср. запись Блока от 8 мая 1915 г.: «Днем у мамы доктор Ланг для меня,— он в полчаса расстроил мое здоровье» (ЗК, 263).

[3] 19 мая 1915 г. акад. В. М. Бехтерев в зале Городской думы читал доклад «Психопатологические явления перед художественным судом Достоевского». Докладчик ставил в заслугу Достоевскому умение изобразить ненормальное душевное состояние и «проникнуть художественным чутьем и анализом в душу больного человека» (см. отчет о докладе —«Речь», 1915, № 137, 21 мая).

С. В. КИССИН — В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ

〈1915 г., май—июнь.〉

〈...〉 Здесь есть прапорщик Чуев, напечатавший книгу переводов из Верхарна. Чуев, не какой-нибудь, не однофамилец, а «брат Чуев», один из тех братьев, которые пол-Москвы кормят сухарями и булками [1]. Он очень высок, брит, длинноли́ц, большенос — ты знаешь этот тип, к которому относятся Блок, частью Северянин, частью Чулков и — очень немного — Уайльд.

ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 62. Автограф.

Самуил Викторович *Киссин* (1885—1916) — литератор символистского круга. Приводимое письмо написано из армии. Этот словесный портрет отражает определенную черту массового восприятия фигуры Блока, сложившегося в русле рыночной девальвации элитарного искусства символистов. Слова Киссина нужно сопоставить с наблюдением советского историка кинематографа как массового искусства: «В русском дореволюционном кино «герой-любовник» естественно трансформируется в «фрачного героя», светского хлыща, представителя свободной профессии и столичной богемы, «золотой молодежи», «сливок общества», человека холодного, бессердечного и неотразимого.

〈...〉 Роли его играют В. Полонский, А. Чаргонин, О. Рунич. Любопытно, что облик этого неотразимого героя-обольстителя, особенно у Полонского и Чаргонина, имеет сходство с внешностью Александра Блока — таковы причуды эстетики века!» (Н. М. З о р к а я. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900—1910 годов. М., 1976, с. 278).

[1] Различным лицам с фамилией Чуев, по-видимому, состоявшим в родстве, по Москве принадлежала 21 булочная (см.: «Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1915 год». М., 1915, 2-й отд., стлб. 89—90). В письме Киссина речь идет, вероятно, о Николае Чуеве, авторе книги «Ибсен» (М., 1914); в самом деле, стиль, идейные установки этого сочинения и предисловия к книге: Эмиль Верхарн. Издыхающие равнины. Города — чудовища. Пер. Н. Ч. М., 1909 — до точности совпадают, других же изданий переводов из Верхарна, которые можно было бы приписать Чуеву, нам обнаружить не удалось.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Шахматово, 19 июня 1915 г.

〈...〉 Саша пишет часто, думаю, все-таки приедет. Кажется, Люба попала в хорошее дело. Играет Островского на Путиловском заводе [1]. 〈...〉 У меня минутами восторг непомерный перед далью, травой, пестрыми лучами и волнами ржаными. Но больше все камни тоски и сорные травы в сердце.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 52 об.

[1] Ср. письмо Блока матери от 13 июня 1915 г. (VIII, 477).

А. В. ШИРЯЕВЕЦ — А. И. ТИНЯКОВУ

Чарджоу, 25 июня 1915 г.

Шлю привет из экзотической Бухарщины!
В Питере Блоки, а здесь скорпионы, фаланги и проч. и проч.

ГПБ, ф. 7, 774, ед. хр. 48, л. 1.

Александр Васильевич *Ширяевец* (1887—1924) — поэт, принадлежавший к так называемым «крестьянским поэтам».

Неприязненное упоминание о Блоке связано с эпизодом, произошедшим в начале июня 1915 г., когда Ширяевец был в Петрограде. 1 июня Ширяевец написал Блоку записку с просьбой надписать «Стихи о России» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 464). О дальнейшем он рассказывает в письме к В. С. Миролюбову от 10 марта 1916 г.: «Знакомство мое с г. Блоком кончилось тем, что после нескольких писем к нему и вызовов по телефону я, явившись к нему, проторчал в прихожей, и горничная вынесла мне книгу его «Стихи о России», которую я купил в магазине и с которой явился к их степенству с просьбой дать автограф. Автограф-то в книге был, но автора видеть не сподобился». (Сергей Есенин. Собр. соч. в 5 томах, т. 5. М., 1962, с. 330). Есенин писал Ширяевцу 24 июня 1917 г.: «История с Блоком мне была передана Миролюбовым с большим возмущением, но ты должен был ее так не оставлять и душой своей не раскошеливаться перед ними. Хватит ли у них места вместить нас? Ведь они одним хвостом подавятся, а ты все это делал. В следующий мы тебя научим наглядно, как быть с ними 〈...〉» (там же, с. 128). Отношение Есенина к личности и творчеству Блока было различным на разных этапах его литературной деятельности.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

19 июля 1915 г.

14-го утром мы внезапно услышали звонки и увидели Франца. Он приезжал на 3 дня и 17-го уже уехал. 〈...〉 Он получил дивизию, очень хорошую 2-ую стрелковую Финляндскую. 〈...〉 Рассказы Франца очень интересны, но Вы, моя Маничка милая, были бы недовольны его многими речами [1]. Да, стих Тютчева о том, что «в Россию можно только верить» [2],— это теперь главное. Судя по тому, что говорит Франц, мы можем застрять здесь, в Шахматове. 〈...〉 Франц говорит, что если станут вызывать ратников 2-го разряда и дело дойдет до моего Саши и до Жени, милости просим в телефонную команду его дивизии. А вдруг и в самом деле?

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 57—59.

[1] Вероятно, под впечатлением рассказов Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттуха Блок писал Л. Д. Блок 24 июля: «О войне ты, я думаю, знаешь не меньше плохого, чем мы» (ЛН, т. 89, с. 356).

[2] Из стихотворения Ф. И. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

6 августа 1915 г.

〈...〉 Я очень порадовалась тому, что вы расстались со своей старой квартирой и наняли такую хорошую на Карповке. Сашенька знает хорошо эти места и любит их, как и всю Петербургскую сторону. 〈...〉

У нас через 10 дней после отъезда Франца побывала Любовь Александровна 〈Дельмас〉. Прожила неделю. Я сама пригласила ее, написала ей письмо. Саша был очень рад. А я теперь ее узнала настолько, что, кажется, могу уже судить о ней, как о человеке. Она нам пела «Не пой, красавица...», заклинание Марфы из «Хованщины», «Для берегов отчизны дальной» и многое другое. Но между романсами, которые она привезла, оказался новый романс Василенки [1] на Сашины слова: «Вот он ряд гробовых ступеней».

Кончается так: «Здесь горит осиянный чертог». Этим стихотворением заканчивается первый том стихов. Музыка прекрасная. Слушать было почти невыносимо. Помните ли Вы эти слова? Саша начал делать ей замечания, говорить, что она не так поет, что надо холод, надо безличность. (Она не может этого, у нее везде страсть и полнота жизни). Кончилось тем, что он вспылил, она надулась. И слава богу, больше не пыталась этого петь. Перед ее приездом я видела во сне Любу, как всегда, когда Л. А. подходит ко мне ближе. Мне не хочется сейчас говорить Вам ничего очень определенного, мой дорогой и чуткий друг, но теперь я знаю наверное, что Люба неизмеримо крупнее и чище. И теперь я увидела, что Л. А. не русская в самом глубоком смысле этого слова. Страдание ее не вспашет [2]. Вы понимаете, что я все это говорю не для суда над нею, а для освещения своего места и назначения, так как я теперь думаю встать в сторону и быть пассивной. Но Любе написала и надеюсь на ее приезд. Надеюсь на житье здесь до половины сентября.

Л. А. ДЕЛЬМАС С СЕСТРОЙ Е. А. ФАЩЕВСКОЙ
Фотография К. К. Буллы, 1912—1913, Петербург
Собрание И. А. Фащевской, Ленинград

Саша говорит о Любе всегда нежно — и теперь. Но та чаровница. В этом нет сомнений. Поет она так, что я сама хожу завороженная и в нее влюбилась...

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 61—63 об.

[1] Сергей Никифорович *Василенко* (1872—1956) — композитор. Писал романсы на слова Блока. В 1916 г. в МХТ предполагалось его участие как композитора в постановке «Розы и креста».

[2] 12 августа 1915 г. Блок писал Л. А. Дельмас: «Той недели, которую Вы провели в деревне, я никогда не забуду. Что-то особенное было в этом и для меня. И это еще резче подчеркнуло для меня весь ужас положения. Разойтись все труднее, а разойтись надо» («Звезда», 1970, № 11, с. 200).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

〈Шахматово〉. 16 августа 1915 г.

Саша был на днях в Петербурге [1]. Женя его встретил и Вам говорил верно? [2] Ездил он взять кое-какие вещи. Приехал в свою квартиру, где был в это время на побывку приехавший контуженный Кузьмин-Караваев [3]. Саша говорит, что видел Любу часа 3. Она тотчас уехала с К〈узьминым〉-К〈араваемым〉 в Финляндию. 3 дня Саша провел в Петербурге и вернулся мрачный, похудевший и простуженный. Когда-то кончится у них это бездомное житье!?

Выясняется, что придется мне, Мане, Саше прожить зиму здесь, если эвакуируют Петербург.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 66 об.—67.

[1] Ср.: «10—14 августа — в Петербурге: ужасы и дела» (ЗК, 267).
[2] Ср. недатированное письмо к Е. П. Иванову.— Письма Александра Блока к Е. П. Иванову, с. 88. По-видимому, к Е. П. Иванову относятся слова Блока «Я жду товарища», сказанные им К. Арсеневой, встретившей Блока в эти дни на Фонтанке («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2, М., 1980, с. 98).
[3] В записке Л. Д. Блок, оставленной перед отъездом из Петербурга, Блок писал: «Прости, милая, что я так расстроил тебе все своим неожиданным приездом» (ЛН, т. 89, с. 356).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

〈Шахматово〉, 2 сентября 1915 г.

〈...〉 теперь уж говорят, что раньше весны нечего и ждать немцев в город Петра. Такие вести привез из того же города Адам Феликсович, который виделся и говорил с Родзянкой [1]. Тот же Родзянко передал, что генерал Рузский [2] объявил: «Я не пущу немцев ни в Ригу, ни в Петроград». Основываясь на словах этих господ, возможно что и легкомысленных, надеемся доживать пока здесь сентябрь до конца, а потом в Питер. Здесь прекрасная осень. Сашенька увлекся преобразованиями в саду, работает и находит, что здесь все-таки лучше, чем в городе.

О его личных делах мы уж больше никогда и ни гугу. Люба написала, что получила место в театре Яворской [3]. Яворская сняла бывший театр Коммиссаржевской. Люба будет там на роли grande dame. Бог знает, что это все. Ну, да не стоит говорить. Кузьмин-Караваев пристраивается к какой-то школе, держать экзамен на офицера, уехал опять в армию, чтобы устроить дела. Стало быть снова будет жить в Петербурге. 〈...〉

Напишите Вашему опустошенному, разгромленному, растерзанному другу. Молиться, Маня, совсем перестала. Не знаю, кому мне молиться-то. А все-таки это ведь было единственное утешение мое все последнее время. Личности бога не чувствую. Надеюсь, что это вернется.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 72—73 об.

[1] Михаил Владимирович *Родзянко* (1859—1924) — председатель Государственной думы.
[2] Николай Владимирович *Рузский* (1854—1918) — командующий Северным фронтом.
[3] Л. Д. Блок сообщила об этом в письме Блоку от 27 августа (ЛН, т. 89, с. 358).

ФЕДОР СОЛОГУБ — И. В. ГЕССЕНУ

5 сентября 1915 г.

〈...〉 В прошлом году был целый ругательный, грубый фельетон Философова [1] против меня и целого ряда сотрудников издававшегося мною журнала «Дневники писателей», причем Блок был назван косноязычным, была, кстати, обругана переводчица Ал. Чеб〈отаревская〉, сестра моей жены.

ЦГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, ед. хр. 739.

Иосиф Владимирович *Гессен* (1866—1943) — редактор газеты «Речь».

[1] Д. В. Философов. Пиршественный стол.—«Речь», 1914, № 125, 10 мая. Блок отметил факт появления этого фельетона в записной книжке (ЗК, 227). По поводу напечатанной в «Дневниках писателей» статьи О. Миртова (О. Котылевой-Лавровой) «О чуде Господнем», посвященной дирижеру-вундеркинду Вилли Ферреро, Философов писал: «Мне очень было бы интересно знать мнение Александра Блока о таких перлах, как статья Миртова. Он тоже сотрудник журнала «свободной мысли и свободной формы». Кроме того, несколько лет назад он обрушился на Мережковского за злоупотребление словом Бог 〈...〉 А вот в новом, самом свободном и эстетическом журнале, рядом с über-эстетикой Сологуба, мэонизмом Минского и целомудренным косноязычием Блока, Миртов разводит жалкие слова о Чуде Господнем по поводу выеденных яиц!»

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Шахматово, 14 сентября 1915 г.

<...> Спасибо за поздравление с именинами Саши. <...> Саша ездил в Москву и купил там последнюю книгу Розанова, последний «короб» «Опавших листьев» [1]. Я зачиталась. Очень это по мне. Конечно, много такого, с чем не согласна, но дух Розанова, его отношение к жизни, страшно мне это близко. А любовь его к жене, это что-то прямо великое. Я, не умеющая любить «мужей», стою перед этим всем пораженная. К литературе его отношение мне прямо драгоценно. Он говорит, что литература должна заменить всякую школу [2]. Да, это так. А еще, Маня, романс Бородина на слова Пушкина «Для берегов отчизны дальней». Вот что омывает душу. Л<юбовь> А<лександровна> оставила тут. И тетя Маня иногда мне играет. <...>

Л. А. ДЕЛЬМАС
Фотография, 1913—1914
Собрание И. А. Фащевской, Ленинград

Как мне не знать, что говорилось по поводу закрытия думы [3].— Ведь кругом крестьяне, мимо гонят солдат, а на Подсолнечной, в лечебнице много раненых. Хорошо, что министры съездили к царю [4]. И открытие думы вскоре последует. А, кабы не так, уж не знаю... В книге Розанова оказалось Ваше письмо к нему, в защиту девушек [5]. Вы знаете? И Женя попал в «профессора», будто бы со слов Ге [6]. А я думаю — это сам Розанов. <...> В Петербурге думаю быть числа 28-го.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 75—76 об.

[1] Блок купил книгу В. В. Розанова 8 сентября 1915 г. (ЗК, 267).

[2] Ср.: «...если бы стотысячная, пожалуй, даже миллионная толпа «читающих» теперь людей в России с таким же вниманием, жаром, страстью прочитала и *продумала* из страницы в страницу Толстого и Достоевского <...> то общество наше выросло бы *уже теперь* в страшно серьезную величину. <...> Литература собственно есть естественная школа народа, и она может быть *единственною* и *достаточною* школою» (В. Розанов. Опавшие листья. Короб 2-й. Пгр., 1915, с. 19, 20).

[3] Высочайшим повелением сессия Государственной думы была прервана 3 сентября 1915 г.

[4] В связи с «разгоном» Думы Николай II вызвал к себе в Ставку Совет министров.

[5] Письмо «М. П. И-вой» сопровождается авторской характеристикой «много лет болеющей, прекрасной собой и жизнью своей девушки (лет 32)» (В. Розанов. Опавшие листья. Короб 2-й, с. 414). Это письмо, «исповедь-защита», как называет его В. В. Розанов, является ответом на упреки по адресу бездетных и незамужних девушек в статьях В. В. Розанова.

[6] «<Н. П.> Ге о Евг. П. Иванове: «Вот кто *естественный* профессор университета: сколько новых мыслей, какие неожиданные, поразительные замечания, наблюдения, размышления» (В. В. Розанов. Опавшие листья. Короб 2-й, с. 58). Начиная с 1903 г. Н. П. Ге и Е. П. Иванов часто навещали Розанова. Ср.: «Очень преданы Розанову молодые Ге и Иванов. <...> Они вопрошали, а он разрешал все их недоумения» (Д. Лутохин. Воспоминания о Розанове.—«Вестник литературы», 1921, № 4-5, с. 5).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петроград, 3 октября 1915 г.

〈...〉 Напишите о себе. Женя — ратник 1901-го года. Я это знаю наверное, потому что Саша — 1902 [1]. Если война продлится еще 2 года, как говорят, то и им придется. Но мало ли что можно устроить тогда. Раньше весны, во всяком случае, Жене нет опасности.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 78—78 об.

[1] Речь идет о сроках призыва на военную службу. Е. П. Иванов был на год старше Блока. В недатированном (конец ноября — начало декабря 1915 г.) письме А. А. Кублицкая-Пиоттух сообщала М. П. Ивановой: «У меня две недели прошли в узнавании «военного положения» для Саши. Ведь в марте ему предстоит, и не позже. Кое-что мы тут узнали. Да не хочется об этом говорить» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 541, л. 110).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

9 октября 1915 г.

〈...〉 Заметили Вы в «Новом времени» извещение о смерти генерала Беляева? Это дедушка Ангелины Блок, Сашиной сестры, отец ее матери. Очень, говорят, был умный, бодрый и своеобразный старик, но в глубокой старости [1]. 〈...〉 Призывы ратников даже несравненно более раннего срока все отложены за неимением снаряжения и учителей. А уж Женин срок, думаю, сдвинулся до будущего сезона [2].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 81 об., 82 об.

[1] Тимофей Михайлович *Беляев* (1843—1915) — генерал-от-артиллерии. Извещение о его смерти от имени «командиров и офицеров Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады», которой он в свое время командовал, появилось в «Новом времени» 8 октября 1915 г. (№ 14217), два других, в том числе от имени родственников — в следующем номере. Беляевы были в поле зрения А. А. Кублицкой-Пиоттух в связи с возможным призывом Блока на военную службу (см. прим. 3). 16 ноября А. А. Кублицкая-Пиоттух писала Ивановой: «Всю эту неделю занималась я военными делами, касающимися моего сына. Кажется, будет он вольноопределяющимся в артиллерии. Протекция оказалась со стороны его сестры Ангелины Блок, у нее все дяди артиллеристы. Завтра Саша туда пойдет уговориться. 〈...〉 Как оказывается трудно попадать на курсы прапорщиков! В пехоту пускают лишь до 30 лет, в артиллерию столько желающих, что нужна протекция. Красный крест не освобождает от призыва, на штабные должности в тылу попадают только, дав взятку» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 93—94 об.). На следующий день Блок посетил дядю сводной сестры, артиллерийского генерала И. Т. Беляева (ЗК, 278; ср. запись от 19 ноября — там же). В определении Блока на военную службу определенную роль сыграла и М. Т. Беляева, мать Ангелины Блок — там же, с. 295, 299, 308.

[2] Е. П. Иванов и Блок подлежали призыву как ратники; еще 3 октября 1915 г. в письме к М. П. Ивановой мать поэта обсуждала возможность их призыва, в связи с реальностью которого и были, по-видимому, предприняты хлопоты через Беляевых.

ФЕДОР СОЛОГУБ — Е. П. ЛЕТКОВОЙ-СУЛТАНОВОЙ

Петроград, 17 октября, 1915 г.

Посылаю Вам три стихотворения А. А. Блока [1], которые он может прочесть на вечере в пользу беженцев. Л. Н. Андреев, насколько я понял из его слов, сам написал Вам о своем принципиальном согласии. Ахматова в санатории [2]. Игорь Северянин отбывает воинскую повинность, хоть и здесь, но публично выступать не может.

ЦГАЛИ, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 273, л. 4—4 об.

[1] Ср. запись Блока: «Сологубу послать для программы вечера в пользу беженцев в Городской думе около 18 октября: «Холодный день» («Мы встретились с тобой во храме...»), «Осенний день» («Идем по жнивью...»), «Под насыпью...» («На железной дороге»)» (ЗК, 274). Блок послал стихи Сологубу 6 октября (ЗК, 268).

[2] Ахматова лечилась в санатории в Хювинкя (Финляндия).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

〈Петроград〉, 26 октября 1915 г.

〈...〉 У всех Кублицких, кроме того, который застрелился, наклонность к опасениям и страхам — слабость и Вам не чуждая, дорогой мой друг. Мне, да и вообще нашей семье это почти незнакомо. Я не знаю, отчего это так. По легкомыслию нашему, что ли, или по чему другому...

Вы говорите, что давно не знаете ничего о моей внутренней жизни.— Я с приезда все стараюсь не зависеть от Сашеньки и чтобы он от меня не зависел. Мне это до известной степени удается. Когда, наконец, увидимся, кое-что расскажу. Расскажем друг другу.— В пятницу вечером надеемся получить два места в оперу — посмотрим Шаляпина в «Борисе» [1]. Мне хочется, и Франц не прочь. Разве Вы не будете возобновлять своего абонемента на циклы? Теперь будет Чайковский. Или он Вам совсем уже чужд?

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 84 об.—85 об.

[1] В опере Мусоргского «Борис Годунов». Блок очень любил эту оперу. Ср. воспоминания А. М. Ремизова «Петербургский буерак. Шурум-бурум»: «〈...〉 Петербург. Осень. Театр «Олимпия» на Бассейной. Всякий вечер, когда представляют «Бориса Годунова», я простаиваю на райке. 〈...〉 И всякий вечер неизменно в антракте мои глаза встречают Блока: Блок в партере» (ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, ед. хр. 18, л. 147—148).

З. Н. ГИППИУС — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Петроград, 7 ноября 1915 г.

〈...〉 Видела вчера А. А. Блока — он пришел за «апельсинными» стихами, которые у меня и переписал. В них целых 40 строк, и они только что сочинены [1], Блок даже смутился перед такой «жертвой» «Апельсинам» (я ведь очень мало пишу стихов) — однако, если уж печатать стихи,— чего я не люблю вообще,— то лучше в «Апельсинах», чем в «Биржевке». «Жертв», значит, нет, да не в этом и дело. Но мы говорили с А〈лександром〉 А〈лександровичем〉 об «Апельсинах» и гадали: как Вы отнесетесь, отнеслись бы, к *острой прозе* в «Ап〈ельсинах〉» — с элементом даже кое-какого разрушенья? Нельзя ли было бы посягнуть... не на личности, боже сохрани! но вообще на «закаменелость» того или другого апельсинного принципа? Блок хотел поговорить с Вами об этом — на тот случай, конечно, если «Апельсины» останутся в живых. Это Вам лучше знать [2] 〈...〉

Не правда ли, невместно, что А〈лександра〉 А〈лександровича〉 берут на войну?

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1372, л. 15, 16 об.

[1] З. Н. Гиппиус «Свободный стих».—«Любовь к трем апельсинам», 1915, № 4-7, с. 9—11.

[2] См. письмо Блока к Мейерхольду от 8 ноября 1915 г. («Новый мир», 1979, № 4).

Г. И. ЧУЛКОВ — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

〈Москва,〉 11 ноября 1915 г.

〈...〉 Получил от Блока нежное и милое письмо. Между прочим, он пишет, что, вероятно, нашего призыва люди будут приглашены на службу весною. Хорошо бы так, а не в феврале.

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481, л. 140. Автограф.

И Блок, и его родные напряженно ждали объявления о сроке призыва его разряда на военную службу — ср. выше письма матери поэта к М. П. Ивановой от 19 июля, 9 октября 1915 г. Упоминаемое письмо Блока к Чулкову неопубликовано, хранится там же, ед. хр. 300, л. 13—14; оно посвящено именно проблемам, вставшим перед Блоком в связи с необходимостью прохождения воинской повинности (ср. ниже письмо Н. Г. Чулковой к мужу от 15 ноября 1915 г.).

Н. Г. ЧУЛКОВА — Г. И. ЧУЛКОВУ

〈Царское Село. 15 ноября 1915 г.〉

〈...〉 Меня знакомят. Я говорю: «Чулкова», а та: «Бекетова». Оказывается, это тетка Блока. Она в гостях у Тамамшевых [1]. Она меня узнала первая. Вместе гуляли и много говорили. Она говорит, что Блок все мечтает пойти служить с Георгием Ивановичем вместе [2]. «Вот было бы интересно — говорит — как в ресторан пошли бы». Уж не знаю, почему это он о ресторане вспомнил.

ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 400, л. 13 об. Датируется по почт. шт.

[1] *Тамамшевы* — близкая к литературным кругам семья. Нина Артемьевна и Софья Артемьевна Тамамшевы составили сборник стихов для отрочества «Утренняя звезда», куда включили стихи Блока, Брюсова, З. Гиппиус, Сологуба и других символистов (см. рецензию Ан. Чеботаревской —«Заветы», 1913, № 9, с. 228—229). Александр Артемьевич Тамамшев (1888—1940?) выпустил два сборника стихов —«Из пламя и света» (Пг., 1918) и «Грозовый день» (Пг., 1919). Н. А. Тамамшева встречалась с Блоком у Сологуба (см. ее письмо Блоку от 10 января 1909 г.— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 423).

[2] Переданные М. А. Бекетовой слова Блока — по-видимому, его отклик на письмо Чулкова к Блоку от 8 ноября 1915 г.: «Я вчера звонил Вам по телефону, но Вас не было дома. Хочу с Вами побеседовать. З. Н. Гиппиус сказала мне, что у Вас есть какие-то сведения о призыве ратников нашего возраста. Я — призыв 1900 года. Надо ведь обдумать этакое дело. 〈...〉 Не поступить ли нам в школу прапорщиков? Уж лучше офицером быть. Вы как думаете? Какие у Вас планы? Во вторник я уезжаю в Москву на неделю. Напишите мне туда: Смоленский бульв〈ар〉, Б. Левшинский пер., д. 10, кв. 7. Зинаида Николаевна не без удовольствия говорила мне о Вашем отношении к войне, а я, признаться, не очень в этом Вам сочувствую. Но «частное да подчинится общему» и разномыслие — я думаю — не помешает нам совместно изучать воинское искусство. Вместе иногда веселее. На миру и солдатчина красна» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 47—48). Разговор Блока с З. Н. Гиппиус состоялся 6 ноября 1915 г. (ЗК, 276), а слова, переданные М. А. Бекетовой, Блок, по-видимому, произнес за обедом у матери 8 ноября (ЗК, 276). Весной 1916 г. Блок и Чулков ходатайствовали о совместном прохождении военной службы — см. письмо Блока к матери от 11 мая 1916 г. («Письма к родным», II, с. 280). Впоследствии Чулков определился на службу в Первый передовой сибирский отряд (Георгий Чулков. Годы странствий. М., 1930, с. 308—310).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петербург, 16 ноября 1915 г.

〈...〉 А письмо Ваше длинное со стихами девочки я тогда же получила 〈...〉 Когда письмо пришло, у меня Саша был. И мы вместе прочли девочкины стихи [1]. У обоих у нас одинаковые впечатления: они не бездарны, но ни тени своего, все заимствовано у З. Гиппиус, у Блока и еще у разных новейших поэтесс. А также и у Мирры Лохвицкой. 〈...〉 Всю эту неделю занималась я военными делами, касающимися моего сына. Кажется, будет он вольноопределяющимся в артиллерии. Протекция оказалась со стороны его сестры Ангелины Блок, у нее все дяди артиллеристы. Завтра Саша туда пойдет уговориться. 〈...〉

Как оказывается трудно попадать на курсы прапорщиков! В пехоту пускают лишь до 30 лет, в артиллерию столько желающих, что нужна протекция. Красный Крест не освобождает от призыва, на штабные должности в тылу попадают только, дав взятку.

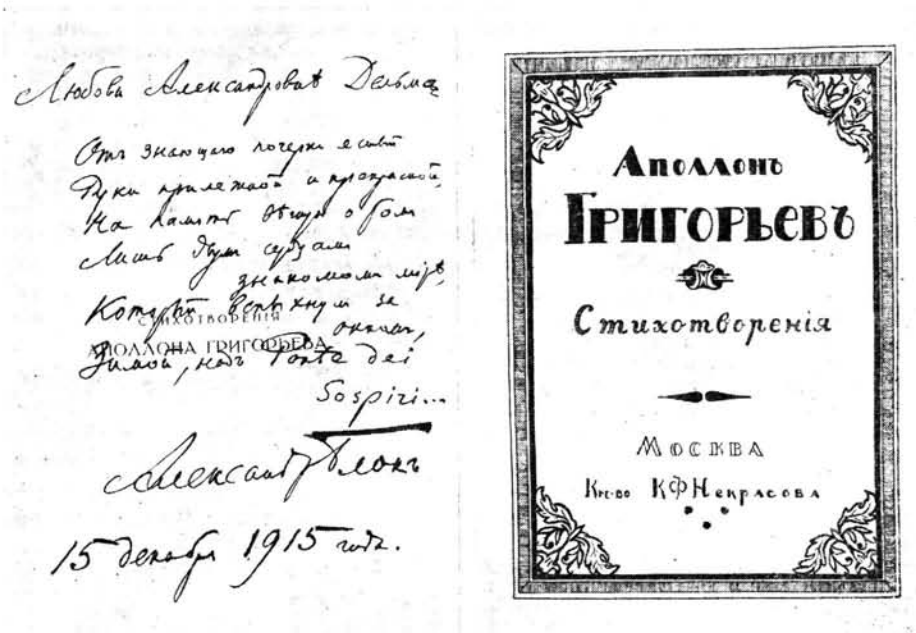
ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 93—94.

[1] О ком идет речь — выяснить не удалось.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петроград, 17 декабря 1915 г.

〈...〉 В театр я опять не попала. Билеты на пьесу Л. Андреева [1] уже были распроданы. Но в субботу опять собираюсь туда же. Уже Саша и билеты достал. Пьеса, по-видимому, хорошая, благородная и трогательная. Так

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ. СТИХОТВОРЕНИЯ. М., КН-ВО К. Ф. НЕКРАСОВА, 1915
Обложка и шмуцтитул с дарственной надписью Блока Л. А. Дельмас
Собрание И. А. Фащевской, Ленинград

говорят Маня сестра и Люба. По всему вижу, что навеяно все это «Розой и Крестом», обликом Бертрана — Рыцаря Несчастья. Недаром Л. Андреев особенно любит «Розу и Крест» [2] ⟨...⟩

Из газет видно, что в Галиции, где Франц, опять жестокие бои. Теперь у них есть снаряды и оружие. Даст бог — не пустят немцев дальше.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 542, л. 101—102.

[1] Спектакль «Тот, кто получает пощечины» в Александринском театре. С этим, по-видимому, связана запись Блока от 14 декабря 1915 г.: «Напрасный поход в Александринский театр» (ЗК, 280). 19 декабря 1915 г., когда Блок с матерью пошли на этот спектакль, он был заменен другим (ЗК, 281). А. А. Кублицкая-Пиоттух увидела его, по-видимому, в начале января 1916 г.— 11 января она писала М. П. Ивановой о своих впечатлениях: «Очень интересный замысел, но по обыкновению не хватило ума для его воплощения. Играют скверно» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 543, л. 2).

[2] Об андреевских оценках драмы «Роза и Крест» см. в статье В. И. Беззубова «Александр Блок и Леонид Андреев» («Блоковский сб.», 1, с. 314—316).

А. Н. ТИХОНОВ — В. Я. БРЮСОВУ

19 декабря 1915 г.

⟨...⟩ Посылаю Вам также на просмотр сделанные здесь переводы для латышского и финского сборника: 1) пер⟨евод⟩ Плудона — «Реквием» А. А. Блока [1] (к сожалению, не могу послать сейчас подлинника, но могу засвидетельствовать, что в этом отношении перевод сделан точно), 2) Рунеберга «Наш край» [2], 3) Онервы «Не боюсь» [3], 4) Рунеберга «Марш мертвых» [4], 5) Рунеберг «Рабочая песня» [5], 6) Крамсу «Якко Илька» (?) [6].

Будьте добры переводы эти вернуть по возможности поскорее. ⟨...⟩

ГБЛ, ф. 386, к. 105, ед. хр. 1, л. 11 об.

Александр Николаевич *Тихонов* (псевдоним — Серебров; 1880—1956) — писатель, литературный деятель и издательский работник. В 1915 г. вместе с М. Горьким и И. П. Ладыжниковым организовал в Петрограде издательство «Парус», в котором зна-

чился единственным «полным товарищем». «На Тихонова была возложена коммерческая сторона дела, представительство в официальных учреждениях; как член редакции, он читал также рукописи и вел переписку с авторами. В связи с этим некоторые писатели воспринимали его как главу издательства» (О. Д. Голубева. Книгоиздательство «Парус» (1915—1918).—«Книга. Исследования и материалы». Сб. XII. М., 1966, с. 160—161). Одна из тем переписки Тихонова с Брюсовым — подготовка в издательстве «Парус» «Сборника латышской литературы» и «Сборника финляндской литературы», вышедших под редакцией В. Брюсова и М. Горького. В качестве переводчиков к участию в этих сборниках были привлечены многие видные русские поэты, в том числе Блок. Тихонов пересылал выполненные переводы Брюсову как редактору поэтического отдела сборников.

[1] *Плудон* —латышский поэт Вилис Плудонис (1874—1940). Его стихотворение «Реквием» было опубликовано в переводе Блока («Сборник латышской литературы». Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., «Парус», 〈1916〉, с. 240—243). См.: III, 399—402.

[2] Стихотворение крупнейшего финско-шведского поэта Йохана Людвига Рунеберга (1804—1877) «Наш край» (национальный гимн Финляндии) в переводе Блока (III, 403—405). См.: «Сборник финляндской литературы». Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., «Парус», 〈1917〉, с. 91—93.

[3] Стихотворение финской поэтессы Л. Онерва (наст. имя Хилья Онерва Лехтинен; 1882—1972) «Не страшусь» в переводе Блока (III, 403). См.: «Сборник финляндской литературы», с. 471.

[4] Стихотворение финского поэта Нино (Ялмара-Иоганнеса) Рунеберга (1874—1934) «Марш мертвецов» в переводе Блока (III, 406—407). См.: «Сборник финляндской литературы», с. 447.

[5] Ошибка Тихонова: переведенное Блоком стихотворение «Рабочая песня» (III, 407—408) принадлежит финскому поэту и прозаику Цакариасу Топелиусу (1818—1898). См.: «Сборник финляндской литературы», с. 106.

[6] Стихотворение финского поэта Каарло Роберта *Крамсу* (1855—1895) «Якко Илькка» помещено в «Сборнике финляндской литературы» в переводе Н. Венгрова (с. 179—180).

В. Н. КНЯЖНИН — А. А. ШУЛЬЦУ

Петроград, 5 января 1916 г.

〈...〉 Оду-сатиру-элегию «Рашель и правда» Блок не использовал сознательно, предлагая опубликовать ее мне [1]; с другой же стороны, потому, что Е. Б. Эдельсон [2] раскачался только к марту месяцу 1915 года, когда у Блока этот лист (с одой-сатирой) был уже набран и отпечатан.

Насчет «Послания к друзьям моим» я его предупреждал о поправках, но он, видимо, забыл [3].

ГПБ, ф. 1125.

Александр Александрович *Шульц* — зять Е. Н. Эдельсона (1824—1868), критика и друга Аполлона Григорьева.

[1] Стихотворение Ап. Григорьева «Искусство и правда (элегия-ода-сатира)» первоначально называлось «Рашель и правда» (1854).

[2] Евгений Борисович *Эдельсон* — внук Е. И. Эдельсона. По-видимому, он предоставил рукопись, содержащую ряд строк, не вошедших в печатный текст «элегии-оды-сатиры» («Москвитянин», 1854, № 2), который и был воспроизведен Блоком в «Стихотворениях Аполлона Григорьева». Эта рукопись хранится ныне в ГПБ.

[3] «Послание к друзьям моим А. О〈стровскому〉, Е. Э〈дельсону〉 и Т. Ф〈илиппову〉» было напечатано В. Н. Княжниным с неправильным прочтением 19-й строки («Русская мысль», 1914, № 12, с. 46), вследствие чего Блок прибегнул к конъектуре («Стихотворения Аполлона Григорьева», с. 151, 554).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

〈Петроград〉, 21 января 1916 г.

〈...〉 Сашу (портрет Блока.—*Ред.*) я унесла в спальню, потому что Теплова [1] разрезным ножом вздумала по нем барабанить. Когда Ваш портрет в рамке подле меня, мне это хорошо, потому что Вы моя единственная.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 543, л. 11.

[1] О Н. В. Тепловой см. по указателю имен.

А. Н. ТИХОНОВ — В. Я. БРЮСОВУ

22 января ⟨1916 г.⟩

⟨...⟩ Посылаю Вам перевод стих⟨отворения⟩ Исаакяна, выполненный А. Блоком [1]. Не пригодится ли Вам для московского сборника? [2] Вышло так, что у нас оказалось два перевода одного и того же стих⟨отворения⟩:— Ваш и А. Блока. Ваш перевод мы помещаем в свой сборник, а Блоковский предлагаем Вам — для московского. Должен, однако, предупредить, что пер⟨евод⟩ Блока появится в январской книге «Летописи», для которой он в сущности и был заказан ранее, чем был получен Ваш перевод [3]. ⟨...⟩

ГБЛ, ф. 386, к. 105, ед. хр. 2, л. 4 об. Подлинник ошибочно датирован 1915 г.

[1] Стихотворение армянского поэта Аветика Исаакяна (1875—1957) в переводе Блока «Словно молньи луч, словно громиз туч...» (III, 396) было представлено в «Сборник армянской литературы» под ред. М. Горького (Пг., «Парус», ⟨1916⟩); впервые опубликовано в журнале «Летопись» (1916, № 1) наряду с другими четырьмя переводами Блока из Исаакяна.

[2] Имеется в виду «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» под ред., со вступ. очерком и прим. В. Брюсова (М., изд. Московского армянского комитета, 1916).

[3] Переводы были распределены так, как и предлагал Тихонов: брюсовский («Как с громом тучи выплыли в простор...») был помещен (под псевдонимом «В. Спасский») в «Сборнике армянской литературы» (с. 201—202), блоковский — в «Поэзии Армении». Блок, однако, об этой комбинации не был вовремя поставлен в известность и оказался обескураженным, увидев в «Сборнике армянской литературы» вместо своего перевода другой; 17 мая 1916 г. он записал: «Сегодня — маленький запашок хамства с горьковской стороны (получил армянский сборник). Запрашиваю Тихонова заказным письмом» (ЗК, 300; текст письма к Тихонову неизвестен). На следующий день, согласно записи Блока, недоразумение разрешилось: «Тихонов, очень любезно извиняясь, объяснил, что он отослал мой перевод Исаакиана в московский сборник и думал, что сообщил мне об этом» (ЗК, 300). Стихотворение Исаакяна в переводе Блока «Словно молньи луч, словно гром из туч...» рассматривалось в сопоставлении с переводом Брюсова (Левон Мкртчян. «Этот прекрасный поэт невероятно труден для передачи ...».— В кн.: «Вершины. Александр Блок — переводчик Аветика Исаакяна». Ереван, 1980, с. 137—139) и с оригинальной блоковской поэтической системой (Сурен Золян. Парадоксы творчества.— Там же, с. 160). См. также: К. Н. Григорьян. Переводы Блока из лирики Исаакяна.—«Русская литература», 1981, № 1, с. 189—196.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петроград, 6 февраля 1916 г.

⟨...⟩ В последнем стихотворении, т. е. в последнем № «Русской мысли» Сашино очень хорошее и очень страшное новое стихотворение [1].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 543, л. 17.

[1] «Перед судом» («Русская мысль», 1916, № 1).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

⟨Петроград⟩, 26 февраля 1916 г.

⟨...⟩ По случаю моей болезни проявляется любовь ко мне сына и ...и... хорошее чувство невестки. Больше не прибавлю ни слова, чтобы не расточить привалившего богатства.

Сашеньку зовут в Москву. Художественный театр хочет ставить на будущий год «Розу и Крест». Зовут обсуждать. Он ждет, когда я буду вне опасности заболеть еще хуже. Надеюсь скоро поправиться.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 543, л. 23 об.— 24 об.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

⟨Петроград⟩, 13 марта 1916 г.

⟨...⟩ Сашенька давно уже выходит [1], бывает у меня каждый день. Люба заходит. Но человека, который бы подле меня любящий был близко, нет. ⟨...⟩ Россия совсем никем не управляется, Маня. Вы ведь не знаете всей подноготной, а я знаю. А знаете, что бывает на пустом месте? Кто там возникает, знаете? Вот он и управляет [2].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 543, л. 31—31 об.

[1] 1 марта 1916 г. А. А. Кублицкая-Пиоттух писала М. П. Ивановой о том, что Блок простудился.

[2] Ср. запись Блока от 6 марта 1916 г.: «Сегодня я понял наконец ясно, что отличительное свойство этой войны — *невеликость* (невысокое) ⟨...⟩ Это оттого, что миром окончательно завладел так называемый антихрист» (ЗК, 283).

К. Ю. ЛЯНДАУ — В. Я. БРЮСОВУ

Петроград, 29 марта 1916 г.

⟨...⟩ Примите искреннюю благодарность редакции «Альманаха муз» за присылку стихотворений, видеть которые в альманахе — будет для нас особенной радостью [1]. Считаю своим долгом сообщить вам те, на мой взгляд, не существенные (для характера издания) изменения, которые произошли в составе сотрудников [2]. Александр Блок выразил свое согласие участвовать в альманахах, но не в первом, мотивируя это — отсутствием у него новых ненапечатанных стихотворений. По той же причине сомнительно участие в первом сборнике Зинаиды Гиппиус (но это еще не выяснено). Кроме того, редакцией получено посмертное стихотв⟨орение⟩ Иннокентия Анненского [3].

ГБЛ, ф. 386, к. 74, ед. хр. 25, л. 3—4.

Константин Юлианович *Ляндау* (1890—1969) и Евгений Григорьевич *Лисенков* были инициаторами издания «Альманаха муз», который предполагался как периодическое издание. Вышел только один выпуск в издательстве «Фелана» в 1916 г.

[1] «На закатном поле», «Город сестер любви».

[2] В письме к Брюсову от 12 марта 1916 г. К. Ю. Ляндау писал: «Приглашены, но еще не прислали стихов: Ал. Блок, Зинаида Гиппиус, Пяст, Кузмин, Ф. Сологуб, Ходасевич» (ГБЛ, ф. 386, к. 74, ед. хр. 25, л. 2). З. Гиппиус, Ф. Сологуб и В.Ф. Ходасевич в сборнике не участвовали. В него вошли стихи Б. Анрепа, А. Ахматовой, А. Герцык, Н. Гумилева, Вяч. Иванова, Георгия Иванова, Р. Ивнева, А. Кондратьева, О. Мандельштама, Н. Недоброво, В. Нелединского (Владимира Гиппиуса), Б. Садовского, А. Д. Скалдина, М. Цветаевой, В. Чернявского, Т. Чурилина и других.

[3] «Если любишь — гори!..»

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ — Г. И. ЧУЛКОВУ

Москва, 30 марта 1916 г.

⟨...⟩ Не ездите никуда, сидите в Царском. Куда рвется Блок? Там поэты не нужны, неуместны, едва ли не смешны. Пушкин был другого склада *человек* — война была не такая,— и я убежден, что под Эрзерумом он гарцевал прекурьезно. Поезжайте, если хотите, *смотреть*: но *воевать* Вас не позовут, как и Блока [1].

ГБЛ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 12, л. 39.

[1] В том же письме В. Ф. Ходасевич пишет: «У «вербовщиков» наших *нюх* совсем не плохой. Они очень видят, что для командования мы жидки, а для строя — просто смешны».

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

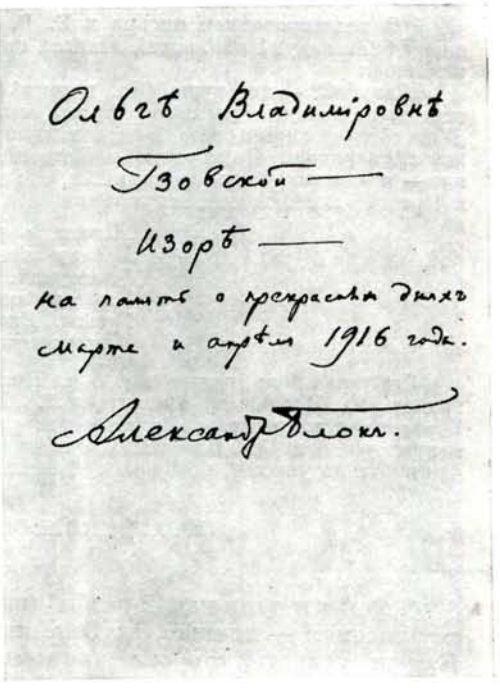
⟨Петроград⟩, 23 апреля 1916 г.

⟨...⟩ Что делать, нам, старым, приходится приспособляться, и когда это поймешь не одним умом, в этом находишь если не успокоение, то хоть мудрость что ли какую-то руководящую.

Что делать? Что делать! У меня вот и один сын, да зато такой, что троих стоит. И чего, чего тут только не было! И уж вовсе никто мне с ним не помогал.

Франц Феликсович только и умел, что не любить его. А трудный был он с самого маленького детства. Я решительно никого не сужу и не осуждаю, а только знаю, что одно средство это приспособиться и как-нибудь это все принять. Когда любишь своего ребенка, все примешь. ⟨...⟩

А я уж ведь и старая, и совсем становлюсь больная. Сегодня вот вышла я погулять, на ногах шатаюсь, голова кружится, а помочь некому. Спасибо, Люб⟨овь⟩ Алекс⟨андровну⟩ Дельмас встретила. Она меня и подвела.

БЛОК. ТЕАТР. М., «МУСАГЕТ», 1916
Форзац с дарственной надписью Блока О. В. Гзовской
Театральный музей, Ленинград

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 543, л. 43—45 об.

А. М. РЕМИЗОВ—АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Петроград, 6 мая 1916 г.

⟨...⟩ Сейчас говорил с Александром Александровичем. Он говорит, чтобы я попросил у вас отрывки какие из романа вашего [1]. Ну отрывков присылайте!

ГБЛ, ф. 25, к. 22, ед. хр. 5, л. 35.

Выше в этом письме А. М. Ремизов писал: «Давно хотел вас попросить о стихах. Пришлите мне, сколько можете, благотворительных сборников у нас тут много выходит, и всякий раз просят чего-нибудь».

[1] По-видимому, из «Котика Летаева».

Ю. А. НИКОЛЬСКИЙ — Б. М. ЭЙХЕНБАУМУ

23 мая 1916

⟨...⟩ Читал «Незнакомку» и поражался. Уступить это Жирмунскому невозможно. Это великая вещь, а не «жизнестроение» [1]. Там есть такая ремарка жуткая. «Как будто все внезапно вспомнили, что где-то произносились те же слова и в том же порядке» [2].

ЦГАЛИ, ф. 1527, оп. 1, ед. хр. 522, л. 15.

[1] Имеется в виду тезис В. М. Жирмунского (изложенный пространно в его книге 1914 г. «Немецкий романтизм и современная мистика») о неизбежном преобладании «жизненной задачи, жизненного призыва» над поэтическим творчеством у романтиков и символистов. В. М. Жирмунский в это время работал над статьей о Блоке для журнала «Русская мысль».

[2] В недатированном письме к Е. Р. Малкиной (впоследствии — известному советскому блоковеду) Никольский излагал подробнее свою концепцию Блока в связи с этой ремаркой:

«„Голубой" — это душа (Ка, ноумен) звездочета. Оттого голубой мундир и „твоей одежды не коснусь" (ты очень хорошо заметила и это мне много дало). Я испытал то же: „Уже сбегали с крыш снега", это почти пушкинские строки, от которых может быть восторг, как от снарядов... Повторяемость („анамнезис" Платона), эта ремарка 3-го видения (виде́ние — я заметил) после „дожида...", это я кладу в основу „Незнакомки". А для „Розы и Креста" самое-самое волнующее:

„Цвети, о роза
В саду заветном,
Благоухай, пока над миром
Плывет священная весна!
Храни, Изора,
Душу младую..."

Это такая боль, какую нельзя вынести. А разрешение — молитва (с. 284) о „тишине громовой"... Вот почему Блок писал Л. Я. ⟨Гуревич⟩, что он для себя написал биографию Бертрана, как проверку. Вот еще: в журн⟨але⟩ „Вопросы жизни" 1905 г. я нашел массу мелких рецензий Ал. Бл. и А. Блока, и в одной, об Андрееве, есть что-то очень важное, что я только унюхал, но не расчувствовал» (ГПБ, ф. 1160).

Ю. А. НИКОЛЬСКИЙ — Л. Я. ГУРЕВИЧ

Петербург, 30 мая 1916 г.

⟨...⟩ А все-таки какой разбойник Блок! Для меня моя о нем заметка была ему письмом — личным, глубоко интимным. Я послал ему оттиск заказным. Как не увидать, что оно написано кровью сердца, что я его «взлелеял» в своей мечте! [1]. Детские сны мои витают над «Розой и Крестом» и «Незнакомкой». У меня глубокая уверенность (и оттого, что он не хочет — тем больше), что мы когда-нибудь встретимся с ним в настоящем свете. Ведь должен же он уметь различать людей от литераторов и то, что «сердце сердцу говорит в немом привете» [2].

ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 161, л. 168 об.

[1] Юрий Никольский. Александр Блок о России.— «Русская мысль», 1915, № 11, 3 отд., с. 16—19. Рецензируя сборник «Стихи о России» (Пг., 1915), Ю. А. Никольский писал: «Что касается стихов о России, то я не ошибусь, должно быть, если скажу: среди них есть такие, что они — лучшее из всего, что было создано в этой области со времени Тютчева. Не все стихи одинаково ценны, но после некоторых долго остается жуткое волнение. Хотя большинство из них известны давно, но собранные вместе, они действуют особенно неслучайностью своих мотивов. О России раскрывается новая истина». Для заметки Никольского характерно применение приемов так называемого «морфологического анализа», предшествовавшего первым работам представителей формальной школы и предвосхитившего методику позднейших литературоведческих направлений («морфологический анализ» представлен в работах В. А. Чудовского, Н. В. Недоброво, В. М. Жирмунского). В заметке специально рассмотрена ритмика («постепенное укорачивание строчек — оно вполне оправдано внутренне») и «фонетическая структура» стихотворения «Река раскинулась...» (III, 249). Вывод Ю. А. Никольского: «В Блоке то и замечательно, что для него нет ни «формы», ни «содержания»,— в слове для него заключена истина в целом, и вот почему связь рифмой — для него всегда является связью «формы внутренней» ⟨...⟩ Хочется думать, что не случайно связана «наша русская дорога» с той, «кого любил ты много». Тут путь, «шоссе», по которому все время тосковал Блок в стихах о России, приведет его опять к его Прекрасной Даме. ...теперь уже совершенно ясно: ведь все стихи Блока о России. О России он говорит Вяч. Иванову: «в ту ночь нам судьбы диктовала восстанья страшная душа», но даже когда он влюбляется в «хладные меха», пролетая Елагиным мостом, и это — о России».

[2] Неточная цитата из стихотворения Владимира Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892). Блок, как явствует из письма Ю. Никольского, не откликнулся на присылку оттиска. В 1921 г., просматривая комплект «Русской мысли», предназначенный для продажи, Блок отметил эту рецензию Ю. А. Никольского, равно как и его статью «История одной дружбы (Фет и Полонский)» в № 5-6 «Русской мысли» за 1917 г. (VII, 414).

А. А. АХМАТОВА

Фотография, 1916, Царское Село
С дарственной надписью: «Георгию Чулкову в знак дружбы, Анна А х м а т о в а, 1916, 8 мая, Царское Село»
Литературный музей, Москва

И. Р. МАЛКИНА—Ю. А. НИКОЛЬСКОМУ

Antrea, ‹Финляндия›, 5 июня 1916 г.

‹...› Утешаюсь Блоком. Впрочем, «утешение» иной раз плохое. Что за радость, когда читаешь, читаешь — ничего понять не можешь («Балаганчик» да и вообще эти лирические драмы!). Из всей книги мне больше всего нравятся «Незнакомка» и «Роза и Крест», хотя из перв‹ой› я еще не понимаю оч‹ень› многого, а из второй — и вовсе почти ничего. Но, по-моему, это — и особенно «Незнакомка» — необычайно красивые вещи. «Незнакомка» действует на меня прямо гипнотически,— как и некоторые стихи Блока, напр‹имер›, «О доблестях, о подвигах, о славе я забывал на горестной земле...» В «Незнакомке» пока что мне ясны две идеи — вечной повторяемо-

сти и «Вечной сказки», мечты, к которой стремится поэт. И «Звездочет» тоже мечтает и стремится. Не олицетворяет ли собою «Голубой» этого идеального стремления, общего им, да и в той или иной мере — и всем людям. Он говорит, что он поэт, что много столетий он поет все о ней. Он — то начало, кот⟨орое⟩ увлекает человека от земли и материального. «Только о тайнах знаю слова», «кровь молчалива моя», «звездный напиток — слаще вина». И потому все тише звучит его голос с тех пор, как в ней «просыпается земная страсть». Пока, наконец, «Голубого больше нет». А появляющийся затем господин в котелке, конечно, олицетворение земной пошлости, с этим его мгновенным переходом от «вы» к «ты» и со всеми своими пошлыми, пошлыми речами.

Да, «Вечная сказка» и «Вечное возвращение» — вот две основные нити. Но все-таки слишком многое непонятно. Уж причем тут хотя бы Верлэн и Гауптман, один с глубокомысленно-бессвязным «каждому свое» и «все проходит», другой с бессмысленно грубой руготней? А что значит то, что в голосе Незнакомки «просыпается земная страсть», то, что ее уводит светский пошляк, то, что вместе с нею исчезает в конце звездочет?

А «Действо о Теофиле» на меня не произвело никакого впечатления.

Ну вот, я и написала целое огромное письмо, почти в 4 страницы!

ГПБ, ф. 1160.

Инна Романовна *Малкина* — сестра Екатерины Романовны Малкиной, ставшей впоследствии одним из первых профессиональных советских блоковедов. Вместе со своей сестрой входила в «блоковский кружок» (к этому кружку был близок В. А. Рождественский). По поводу этого кружка Ю. А. Никольский писал матери обеих сестер А. Я. Малкиной-Острогорской 13 октября 1916 г.:

«Мне рассказала К⟨атя⟩, что Вы разговаривали о Блоковском кружке и о том, что эти там младенцы не могут понять Блока. Возможно, что Вы правы. Но, по-моему, глубоко радостен самый факт этого кружка! Люди старые склонны думать, что вот так же был золотой век, а в наше время одни могилы. Я не говорю про людей, которые, по-моему, теперь прекраснее, чем когда бы ни было были раньше (я очень верю в рост культуры души), но ведь вот теперь у нас есть живопись, а Врубель с Серовым — наши современники, и вот Яковлев в Мире Искусства (гораздо меньше). Только недавно умер *гениальный* Скрябин, которого, может быть, оценят через триста лет. И есть еще Блок.

Я торжествую и рад Блоковскому кружку, потому что он говорит: рай на земле еще не умер и искусство не осиротело! Такая идея сама по себе настолько прекрасна, что — пусть немного будет непонятен Блок. Очень ли он понятен уж так большим?

Зато они полюбят жизнь в ее настоящем. Я думаю, что и покойники всегда живы, но до этой мысли еще им надо прожить, чтобы дойти, а сейчас пусть знают, что на Офицерской улице в Петербурге есть вот тот, который среди семиэтажных домов и храмов, среди «скуки загородных дач» — увидел Незнакомку:

«И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу...»

Разве это не чудесно, Анна Яковлевна?» (ГПБ, ф. 1160).

В. Н. КНЯЖНИН — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Лето от сотворения мира 7424-е, м⟨еся⟩ца иуния в 9-ый день, во Петрограде ⟨9 июня 1916 г.⟩

⟨...⟩ Вячеслава «Межи» [1] обрел, но лисицы простой не сто́ит: словес истечение и томление членов, как у Валтасара — царя неправедна по исходе триклиния, зело блудна, яственна, пышна [2].

Немчин же родом, Блок — во Петрограде, тростию вельми пишет и до тысящи с полтысящью стихов песни, поемой зовомой у еллинов, в столбцах есть [3].

Ремизов Алексий, составя имение свое у ляшска князя Пяста, отбыл в страны Беловежские за петушиным словом.

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1723, л. 11.

[1] Сборник статей Вячеслава Иванова «Борозды и межи» (М., 1916).
[2] См.: Книга пророка Даниила, гл. 5.

[3] 27 мая — 4 июня 1916 г. Блок интенсивно работал над «Возмездием» (ЗК, 303—304, 573). По подсчету Блока, пролог и первая глава поэмы содержали 1019 стихов (ЗК, 304). С Княжниным Блок встречался 6 и 8 июня (ЗК, 305).

К. А. БОЛЬШАКОВ — А. И. ХОДАСЕВИЧ

Москва, 9 июня 1916 г.

〈...〉 Вчера я получил очень любезное письмо от Блока [1].

ГБЛ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 57.

Константин Аристархович *Большаков* (1895—1940) — поэт, прозаик, в 1910-е годы — участник футуристических объединений «Мезонин поэзии», «Гилея», «Центрифуга».

Анна Ивановна *Ходасевич* (1886—1964) — сестра Г. И. Чулкова, в 1910-е годы — жена поэта В. Ф. Ходасевича.

[1] Блок писал К. А. Большакову по поводу его антивоенной «Поэмы событий» (М., 1916): «Получил я „Поэму событий". Спасибо Вам за милую подпись» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 33). Книжка Большакова была снабжена инскриптом: «Поэту, столько радостей давшему в прошлом, неизменно волнующему и любимому, с извинением за типографские запоздалость и погрешности. Конст. Большаков. Май 916. Москва» (ИРЛИ). К. А. Большаков особо отмечает тон письма Блока, по-видимому, в связи с событием, происшедшим незадолго до того: соратник Большакова по футуристической группе «Центрифуга» Н. Н. Асеев отправил Блоку свой (вместе с Г. Н. Петниковым) сборник стихов «Леторей» и письмо, в котором предлагал Блоку участвовать в последующих выпусках этого сборника, составив таким образом «союз сильнейших». Блок в письме от 20 мая 1916 г. ответил Асееву, что «Леторей» оставил его равнодушным и что «торжественно называть» себя «сильнейшим» в письме, а не в полемической брошюре — «это не по-русски». В свою очередь, Асеев в письме, полученном Блоком 4 июня 1916 г., объявил Блоку о «разрыве отношений» с ним (Письмо Александра Блока Николаю Асееву. Публикация В. Н. Орлова.— Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 176—177).

А. Н. ТИХОНОВ — В. Я. БРЮСОВУ

9 июля 1916 г.

〈...〉 Что касается финских стихов, то с ними вышло небольшое недоразумение: некоторые из них оказались у меня в двух переводах — Вашем и Блока. Таковы «Наш край» Рунеберга, «Не боюсь» Онервы (пер. Спасского) и «Марш мертвых» Рунеберга. Все эти три стих〈отворения〉, вместе с четвертым — «Рабочая песнь» Рунеберга — были Вам отправлены на просмотр в переводе Блока еще в декабре месяце, и насколько я помню (проверить сейчас не могу — оригиналы в типографии) удостоились даже Вашего одобрения [1]. Во всяком случае, посланы они Вам были. И я не знаю, как мне понимать присылку Ваших переводов, считаете ли Вы переводы Блока — неудачными, или это просто недоразумение. Кроме названных стих〈отворений〉, у Вас имеются еще, по моим сведениям, следующие переводы А. Блока: 1) Рунеберг «Лебедь» [2], 2) И. Рунеберг «Тщетное желание» [3], 3) Тегенгрен «Земля я есть» [4], 4) Топпелиус «Млечный путь» [5].

Будьте добры проверить, так ли это и все 〈ли〉 эти переводы до Вас действительно дошли.

ГБЛ, ф. 386, к. 105, ед. хр. 2, л. 17 об.

[1] Все перечисленные стихотворения опубликованы в «Сборнике финляндской литературы» в переводе Блока. См. примечания к отрывку из письма Тихонова к Брюсову от 19 декабря 1915 г. В. Спасский — псевдоним Брюсова; переводов за этой подписью в сборнике напечатано не было.

[2] Это стихотворение Йохана-Людвига Рунеберга было опубликовано в переводе Блока, «Сборник финляндской литературы», с. 98). См. III, 405—406.

[3] Перевод этого стихотворения в «Сборнике финляндской литературы» помещен не был.

[4] Стихотворение финско-шведского поэта Якоба-Августа Тегенгрена (1875—1956) «Земля есмь» в переводе Блока («Сборник финляндской литературы», с. 448). См. III, 411.

[5] Это стихотворение Цакариаса Топелиуса было опубликовано в переводе Блока («Сборник финляндской литературы», с. 103—104). См. III, 408—409.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Л.А. ДЕЛЬМАС

<Шахматово>, 23 июля 1916 г.

Милая Любовь Александровна, вот теперь будем ждать, будем думать [1]. А Вы напишите мне, как он уезжал, какой был последние дни. Крепко Вас целую. Надеюсь быть в Петербурге 21-го августа.

Любящая Вас Александра Андреевна

Собрание И. А. Фащевской, Ленинград.

[1] Речь идет об отъезде Блока в инженерно-строительную дружину в районе Пинских болот 26 июля 1916 г.

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — М. К. ЛЕМКЕ

26.VII.<1916>. Ст. Сольцы, дер. Песочки.

<...> Посоветуйте вот что: осенью или к зиме Моск<овский> Худ<ожественный> театр ставит пьесу Блока «Роза и Крест» [1]. У меня есть статья (по-моему, одна из лучших моих) под заглавием «Роза и Крест» — о Блоке и этой его пьесе. Статья моя была напечатана («Зав<еты>») в 1913 году [2], и, конечно, ее никто не знает. Размер 1 печ. лист. Стоит ли, в видах финансовых, издать ее этой осенью отдельной брошюрой? Много ли это может дать? и к кому обратиться? [3] <...>

P. P. S. Наконец — последнее дело: не позднее 8 августа надо перевести 300 рублей *Литературному Фонду*, в погашение ссуды Андрея Белого (Б. Н. Бугаева); очень просим об этом Вас А. А. Блок (взятый на войну) и я. Бугаев скоро приедет в Россию, и тогда я передам ему все дело по «Петербургу» [4].

ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473. Михаил Константинович *Лемке* (1872—1923) — историк русской общественной мысли, журналистики, цензуры; в 1910-е годы заведовал типографией М. М. Стасюлевича.

[1] Подготовка постановки «Розы и Креста» в Московском Художественном театре велась в 1916—1918 гг., однако эта работа так и не была доведена до конца. См.: Ю. К. Герасимов. «Роза и Крест» в Московском Художественном театре.— В кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 522—527.

[2] См.: Иванов-Разумник. «Роза и Крест» (Поэзия Александра Блока).— «Заветы», 1913, № 10, отд. II, с. 114—125.

[3] Это намерение не было реализовано.

[4] Дела, направленные к оказанию Андрею Белому материальной помощи (получение ссуды в «Литературном фонде», возвращение которой связывалось с получением гонорара за отдельное издание «Петербурга» в 1916 г.), затрагиваются в переписке Блока и Иванова-Разумника (см. наст. т., кн. 2, с. 392—403).

А. Н. ТИХОНОВ — В. Я. БРЮСОВУ

13 августа 1916

<...> У Вас же находятся уже готовые переводы И. Рунеберга «Тщетное желание», перевод А. Блока [1], З. Топпелиус «Млечный путь», перевод А. Блока [2]. Хотелось, что<бы> Вы их просмотрели и прислали сюда, ибо копий этих переводов у нас нет, а между тем стих<отворения> эти помещаются в самом начале сборника.

ГБЛ, ф. 386, карт. 105, ед. хр. 2, л. 18 об.

[1] См. прим. 3 к отрывку из письма Тихонова к Брюсову от 9 июля 1916 г.

[2] См. прим. 5 там же.

С. А. ЕСЕНИН

Фотография с дарственной надписью К. К. Владимирову: «Дорогому Константину Константиновичу Владимирову. За встречи наши приятные. Сергей Есенин, 1916 г. 29 июль, пт., 1916»

Музей истории Ленинграда

Ю. А. НИКОЛЬСКИЙ — Л. Я. ГУРЕВИЧ

20 августа 1916 г.

〈...〉 А я написал о Кузмине, что он не мастер и не стилизатор, что он искренен и наивно поэтичен [1]. Не знаю, будет ли сам-то он доволен: ведь заражен комедиантством, а нет-нет запоет по-живому. Его «Александрийские песни» не от стилизма. Он сам такой, и это ему взаправду привиделось, и Маркизы не совсем подделка. Он улетает «от северных безумств на родину Гольдони» [2], потому что это и его родина (он так любит солнце!). Пусть мы знаем, что «есть сильней очарованье»: [3] «мир туманный, мир дождливый» [4] Гаэтана — Блока.

ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 161, л. 182.

[1] Ср. в письме от 10 августа 1916 г. (там же, л. 179): «Я хочу написать библиогр〈афическую〉 заметку о Кузмине — его «Александрийские песни» — настоящие». Заметка не опубликована.

[2] Из стихотворения М. Кузмина «Отрадно улетать в стремительном вагоне...» (М. Кузмин. Сети. М., 1908, с. 88).

[3] Цитата из стихотворения Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...»

[4] Цитата из драмы «Роза и Крест» (IV, 203).

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Песочки <Солоци Псковской губ.>, 21 авг<уста> 1916 г.

<...> Лето я провел в деревне; Ваши все письма получал с большим опозданием (письмо А. А. Блоку — переслал немедленно) [1], а телеграмму с опозданием громадным. Аванс за новый роман — устроить не мог до возвращения в город, но немедленно написал Стасюлевичу, чтобы он выслал Вам деньги за границу. Получил от него сведение, что он перевел Вам за границу в начале августа — 300 р<ублей> («на имя жены, по телеграфу»), и 8-го августа переведено Литературному фонду тоже 300 р<ублей>, в погашение февральской ссуды. Теперь Вам надо «вступить во владение» своим романом; А. А. Блок и я передаем В..м его «из полы в полу». Склад писал мне, что роман идет прекрасно, разошлось до 2000 экземпляров [2]. <...> Только что прочел «Товарищу» (думаю — А. А. Блоку?) в Бирж<евых> Вед<омостях> [3]. Прекрасно. А<лександр> А<лександрович> с 26 июля — на службе.

ГБЛ, ф. 25, к. 16, ед. хр. 6, л. 2—2 об.

[1] Блок получил это письмо 16 июля 1916 г. Текст его см.: «Ал. Блок и А. Белый. Переписка», с. 329—331.

[2] Ср. наст. т, кн. 2, с. 402.

[3] Стихотворение А. Белого «Товарищу» («Я слышал те медлительные зовы...») («Биржевые ведомости», 1916, 14 августа. утр. вып.). 20 августа 1916 г. А. А. Кублицкая-Пиоттух писала Л. А. Дельмас (по-видимому, в ответ на ее вопрос об этом стихотворении): «Да, я думаю, что стихи Андрея Белого относятся к Блоку. Они отчасти в духе его последнего письма». Стихотворение «Товарищу», однако, было обращено к А. М. Поццо; впоследствии имя адресата было введено в заглавие:

А. М. Поццо

Я слышал те медлительные зовы...
И — Ты...
И вот зовут... Ждет Кто-то Бирюзовый
У роковой черты.

И там — в окне — прорезались Вогезы.
И там — в окне —
Отчетливо грохочут митральезы...
Пора — тебе и мне!

И я стою, шепча слова молитвы...
Судьба — веди!
Ты — в грохоты неумолимой битвы
О, господи, сойди!

Свод неба тот же — бледно-бирюзовый.
И там — набат!
Идет — туда: в молитвы, в зори, в зовы,
В грома, в рои гранат.

1916 г. Июль. Дорнах.

(Андрей Белый. Стихотворения. Б.— Пб.—М., 1923, с. 422). А. А. Кублицкая-Пиоттух сближала это стихотворение, по-видимому, со следующим местом письма Белого Блоку из Дорнаха: «И вот хочется мне одного из *первых* обнять Тебя и сказать Тебе: мы *«под громом событий»* те же братья, как и встарь, и события мира нас по-прежнему спаивают...» («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 331).

Р. И. КОТОВИЧ-БОРИСЯК — Ю. Л. ОБОЛЕНСКОЙ

Грозный, 8 сентября <1916 г.?>

<...> «Ночные часы» почти отравляют меня — я их знаю хорошо и давно, люблю многое в них, но многое из «Нечаянной радости» и из «Земля в снегу» мне дорого не меньше и даже часто ближе. Я часто чувствую «И сидим мы, дурачки, Нежить, немочь вод — зеленеют колпачки задом наперед...» и дальше: «Мы забытые следы чьей-то глубины» [1]. Это не та сила, которая в «Мэри» — я не сравниваю. Но я привожу потому, что я чувствую у Блока тот же пантеизм, немножко снисходительный для кого-то большого — который разъяснился для меня в это лето окончательно.

ЦГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 38, л. 14.

Раиса Ивановна *Котович-Борисяк* (1890—1923) — художница, входила в объединение «Мир искусства». Юлия Леонидовна *Оболенская* (1889—1945) — художница, входившая в то же объединение. В цитируемом письме Р. И. Котович-Борисяк говорит о чувстве,

РЕСТОРАН «ВЕНА» В ПЕТЕРБУРГЕ
Фотооткрытка, 1900-е гг.
Музей истории Ленинграда

разделяемым обеими художницами — «зависти живописца к доступности радостей поэта (в лучшем смысле)» происходящей от «слишком сильного желания выразить». О Ю. Л. Оболенской см.: Ан. Цветаева. Воспоминания.— «Москва», 1981, № 3, с. 128.

[1] «Болотные чертенятки» (II, 10).

А. Н. ТИХОНОВ — В. Я. БРЮСОВУ

18 октября 1916 г.

〈...〉 Что касается «Паруса» — то пропажа стихов не суть большое несчастье, я очень боялся за Блока, но, по счастью, он в Петрограде и обещал прислать подлинники своих стихов [1].

ГБЛ, ф. 386, к. 105, ед. хр. 2, л. 23 об.

[1] См. отрывок письма Тихонова к Брюсову от 13 августа 1916 г. Видимо, Брюсов затерял высланные ему переводы Блока. Об утере некоторых рукописей из портфеля «Паруса» Брюсов писал Тихонову 1 октября 1916 г. (ГБЛ, ф. 386, к. 72, ед. хр. 44, л. 11).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Л. А. ДЕЛЬМАС

〈Петроград, ноябрь 1916 г.〉

Моя дорогая, вчера я прочла поэму вслух Любови Яковлевне Гуревич [1]. Она пришла в такой восторг, что я даже не ожидала и повезет завтра Струве [2] поэму сама. Она все это сделает хорошо, лучше меня. Она Струве знает давно. А я сегодня вечером должна ей послать переписанное. Как Вы скажете? Когда можно будет послать к ней — сегодня вечером или завтра утром?

Ответьте мне по телефону, если встали, часов в 11, сейчас же, а письма в ответ не пишите. Это только время берет.

Целую Вас крепко. М а м а.

Собрание И. А. Фащевской, Ленинград.

[1] Пролог и I глава поэмы «Возмездие» были через Л. Я. Гуревич предложены редакции «Русской мысли», где и были опубликованы (1917, № 1). 2 декабря 1916 г. Блок получил письмо матери, в котором сообщалось, по-видимому, о благоприятном решении редакции, и в тот же день ответил: «Сейчас мало думаю о таких вещах, но вероятно, буду рад, если это случится (т. е. с «Рус‹ской› Мыслью»» (Письма к родным, II, с. 319—320). 5 декабря 1916 г. Л. Я. Гуревич писала Блоку: «Александра Андреевна уже написала Вам, что она прочла мне Вашу поэму, которую я отвезла затем в «Русскую Мысль».

Не знаю, дойдет ли до Вас это мое письмо, но мне хотелось бы, чтобы оно дошло и сказало Вам, чем была для меня Ваша вещь в то время, когда я ее слушала, и чем она вообще является в моей жизни. То время, которое Вы изображаете, я помню так ясно: мне было 12 лет в 1878 году, а я помню себя с 3-х лет, так что это был возраст уже сознательный. И я не нахожу слов, чтобы передать свое впечатление, одновременно волнующее и проливающее в душу какой-то нежный покой или, мож‹ет› быть, чувство освобождения. Время, и мною пережитое и мне памятное, такое еще близкое — ибо жизнь проносилась так скоро и несмотря на все, на все, что в ней было, легко, как сон,— это время вдруг отлилось на моих глазах в прекрасное, прозрачное произведение искусства... Мне вспомнились тогда же, при чтении, строки Толстого в одном из писем его к А. А. Толстой: «Странно и приятно думать, что то время, которое я помню...,— уже история. Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается и все устанавливается в торжественном покое истины и красоты». Толстой писал это потому, что эпоха 30-х годов, после изучения ее по документам, уже отливалась в его собственное художественное произведение, освобождающее прошедшую историческую эпоху от плена и тления, устанавливающее ее фигуры в «торжественном покое истины и красоты».

Но еще другое, более личное, хочется мне Вам сказать относительно этой вещи. Но Вы поймете, почему мне захотелось это Вам сказать. Моя первая связь с литературой, с искусством, первый восторг — еще детский, но положивший какой-то свет на всю мою внутреннюю жизнь, относятся к тому моменту, когда, научившись читать с значительным опозданием, я приникла, тайно от взрослых, к Пушкину. Вероятно, многие могут сказать о себе именно это,— про свою любовь к Пушкину,— но тогда, в 70-е годы, о нем очень мало говорили, и мне казалось, что Пушкин — это что-то мое, самостоятельно мною найденное тайно от всех. И в самые ранние годы я уже чувствовала, что принадлежу к какому-то другому миру, какому-то новому поколению, а когда я выросла, я поняла, что мне не может быть места среди той литературы, которой жило окружающее меня общество, не исключая и огромного большинства моих сверстников. Отсюда вышел «Северный Вестник», которому я отдала 9 лет своей жизни,— всего только,— но на который ушло — ввиду разных обстоятельств — столько моих сил, что, когда он кончился, сил осталось на всю остальную жизнь уж совсем не много и не хватало их никогда больше на то, что бы сделать что-нибудь настоящее, вынуть из души, выразить все то, что творилось и творится в ней. О том, что я отдала «Сев‹ерному› В‹естнику›» столько сил — до полного изувечения себя — я все-таки никогда, ни на минуту не жалела: слишком ясно мне, что это было *необходимо*, что иначе и быть не могло. Но была постоянно боль великая, неутишимая от того, что даже наиболее яркие таланты, вышедшие из этой струи, которой я отдала свою жизнь, даже в самых значительных своих произведениях часто все же были немного чужие мне по духу: «декадентство» — и понимала, и не принимала моя душа. Не было оно мне просто чужим, но никогда не было родным. Бесконечно родным, радостью живою и утоляющею всякую тоску оставался Пушкин. И временами так ясно, так непоколебимо было сознание, что настоящее искусство, какой бы эпохе оно ни принадлежало,— ясно, прозрачно, просто, как Пушкин, и что если нет этой кристаллической ясности, значит, нет у данной эпохи вполне настоящего искусства. Временами же находили мучительные сомнения: или я чего-то не понимаю? или все, что я думаю, и, главное, ощущаю в этих вопросах всем своим существом,— есть только приверженность к прекрасному прошлому при неспособности до конца оценить свое собственное время? А мечта дожить до того времени, когда литература выйдет из туманов, все не умирала в душе.

И вот туман совсем рассеивается в Вашей новой вещи. Я слышу в ней веяние нашего времени, теперешнего,— не вечное только, но и современное: 70-е годы, о которых здесь говорится, не могли посмотреть на себя такими глазами; все пережитое за последние 25 лет кажется необходимым для того, чтобы родилась эта вещь. А прозрачность — та самая, о которой можно было только мечтать за все эти годы. И такая радость, такой восторг был в моей душе, когда я слушала,— тот восторг, который дает во все годы только настоящее искусство, и в то же время еще что-то личное: в этот момент точно замкнулся какой-то круг моей жизни, разрешилась большая, долгая боль, исчезли последние сомнения, родившиеся от неуверенности в *своих* суждениях при оторванности от моих современников, и стало вдруг так головокружительно легко, что слезы подступили к глазам.

Нет, я не могу рассказать Вам в словах все, что я испытала и продолжаю испытывать. В словах моих есть, вероятно, известная напряженность: мне слишком хочется, чтобы Вы поняли, как все это было и почему, и какую радость Вы мне дали, а между тем так трудно мне передать самое главное или самое личное: как я любила все живое в литературе моего времени и как я хотела еще больше любить — и не могла; и как это страшно было: отдать этой литературе — журналу, существовавшему для нее,— все, до отказа от

собственного литературного развития и оформления, и остаться зачем-то жить уже без сил, без способности и возможности выполнить задуманное и творящееся,— и жить и чувствовать, глядя на современность: это не то... не то...

И как одиноко, как страшно одиноко было долгие годы, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ те, которые не принимали этой современной литературы, были ведь еще гораздо более чужими мне, чем она; они просто не любили ее, а я любила мучительно и как-то безнадежно, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ хотела любить еще больше и не могла.

Может быть, Вам странно будет читать это письмо в той обстановке, в которой Вы теперь находитесь. Мне самой так неожиданно было пережить что-то, столь далекое, будто бы от войны. Если бы я была капельку здоровее, сильнее, я бы ушла куда-нибудь поглубже в жизнь на это время, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ самое настоящее теперь в жизни — не петроградской, конечно. Но то, что я пережила за эти дни благодаря Вам,— такое же настоящее. А все настоящее как-то соединяется между собою в душе, откуда бы оно ни шло» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 236, л. 35—38 об). Подробнее о своей личной драме (о чем Гуревич рассказывает Блоку в опущенной части письма) в связи с изданием в 1890-х годах журнала «Северный вестник» она говорит в особой статье — см.: («Русская литература XX века. 1890—1910», под ред. С. А. Венгерова, т. I. М., 1914, с. 235,264).

[2] Редактор «Русской мысли» П. Б. Струве в своих воспоминаниях сообщал о письме Блока к нему, относящемся к этому эпизоду: «Я знаю из слов и намеков общих знакомых, из формы писем, что я как-то и в чем-то был мил Блоку, что я для него не был просто «общественный деятель», «профессор» и «редактор» такой-то. И я чувствовал в свою очередь, что Блок мил мне, мил лично и как человек, и как поэт (хотя с его общественно-философскими взглядами я вовсе не был согласен, и не все его произведения мне нравились). Но мы этого друг другу так никогда и не сказали. Что-то в этом роде мелькнуло, помнится, в том письме его ко мне, далеком по форме от всякой интимности и нежности, с которым он посылал в «Русскую мысль» «Возмездие», и в моем ответе ему» (Петр Струве. In memoriam. «Русская мысль», 1921, № 10—12, с. 88; письмо Блока не обнаружено).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Л. А. ДЕЛЬМАС

⟨Петроград, январь 1917 г.⟩

⟨...⟩ Сейчас получила важное и тревожное известие от Саши. Мне необходимо как можно скорее Вас увидеть. Придется навести справки. Жду Вас.

Собрание И. А. Фащевской Ленинград.

В. М. ГЕЙШТОР — ВЛ. ПЯСТУ

17 февраля 1917 г.

⟨...⟩ Только что здесь [1] в зале депеш (библиотеке) просмотрел «Русскую мысль» и прочел «Возмездие» (автобиографию или точнее patrографию) Ал. Блока. И странно сквозит в блоковских музыкальных строках подлинный лик Пушкина. Впрочем, это тема не скоропалительного письма [2].

ГПБ, ф. 248, ед. хр. 709, л. 1 об.

О Владимире Михайловиче Гейшторе см. письма Пяста к Блоку от 3 февраля и 11 мая 1917 г. в кн. 2 наст. тома, с. 225—226. 21 января 1917 г. В. М. Гейштор написал акростих, который В. Пяст послал Блоку:

Ангел нежный, белоснежный опустил крыло,
Лик печален, безначален... Сердце ожило...
Если верить, вновь измерить творчеством любовь,
Как тогда, когда бурлила в сердце юном кровь,
Смело ввысь опять направить дерзостный полет,
Ангел нежный, белоснежный радостно зовет.
Ночь волшебная, туманясь, звездная взошла,
Диво космоса — Венера — ближе подошла.
Русло неба — путь планетный — Млечный, вечный путь,
Угасает Запад дряхлый и склоняет грудь.
Бог могущий, вездесущий поднял грозный меч,
Лик суров и скорбно дышит гневом Бога речь.
О, рази врагов Ты ради жизненной любви,
Ключ заветный, ключ победный искупи в крови,
Умертви раздор и козни дьявольской Змеи!

(ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 505)

[1] В редакции газеты «Русская воля».

[2] О пушкинской традиции в «Возмездии» первым подробно писал Д. И. Выгодский в статье «У новой грани» («Новая жизнь», 1917, 28 апреля).

ИЗ ДНЕВНИКА З. Н. ГИППИУС

22 марта 1917 г.

〈...〉 Сегодня был А. Блок. С фронта приехал (он там в Земсоюзе что ли). Говорит, там тускло. Радости революционной не ощущается. Будни войны невыносимы. (В начале-то на войну как на «праздник» смотрел, прямо ужасал меня: «Весело!». Абсолютно ни в чем он никогда не отдает себе отчета, не может. Хочет ли?). Сейчас растерян. Спрашивает беспомощно: «что же мне теперь делать, чтобы послужить демократии?» [1]

ГПБ, ф. 481, ед. хр. 1, л. 164—164 об.

[1] В эти же дни Блок навестил Ремизова, который вспоминал: «Блок, для меня необычно, в защитном френче, отяжелелый, рассказывал о войне —

«Какая это бестолочь идиотская — война!»

И за несколько месяцев — служил он в каком-то земском отряде — навидался, знать, и дослышался вдосталь. И была в нем такая устремленность ко всему и на все готового человека, и что бы, казалось, ни случилось, не удивишь, и не потужит, что вот еще и еще придет что-то» (А. Ремизов. Взвихренная Русь. Париж, 1927 с. 74—75).

В. А. ЗОРГЕНФРЕЙ — В. В. РОЗАНОВУ

31 марта — 6 апреля 1917 г.

〈...〉 И весна опять и наше «блоковское» не ушло, да и уйти некуда. Сам же Блок здесь, в тяжелом восторге от всего, говорит, что непередаваемо все прекрасно [1]. А Блоку приходится верить, он лучше нас видит начала и концы [2] 〈...〉 Нет, Блок злоупотребляет рецептом Пушкина: «Всякая поэзия, прости Господи, должна быть глуповата» [3].

ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 462, л. 9—9 об. Частично опубл.: «Русская литература», 1979, № 4, с. 139.

Вильгельм Александрович *Зоргенфрей* (1882—1938) — поэт, переводчик. См.: С. С. Гречишкин, А. В. Лавров. А. А. Блок. Письма к В. А. Зоргенфрею.— «Русская литература», 1979, № 4, с. 128—139; Л. Чертков. В. А. Зоргенфрей — спутник Блока.— «Русская филология. Сборник студенческих научных работ», 2. Тарту, 1967, с. 113—139.

[1] Речь, возможно, идет о телефонном разговоре — см. в письме Блока к матери от 2 апреля: «Еще звонили мне Зоргенфрей и Ан. Н. Чеботаревская 〈...〉» (VIII, 482). Личная встреча Блока и Зоргенфрея состоялась насколько позже, 9 апреля 1917 г. Зоргенфрей писал Блоку: «Дорогой Александр Александрович, очень надеюсь, что Вы пришлете, если можете, 3-ю книгу стихов. Очень хотелось бы с Вами увидеться. Будьте здоровы. Любящий Вас В. Зоргенфрей». Блок, по-видимому, по телефону сговорился о встрече — на этом письме — его помета: «67—30. Иду к нему 19 апреля» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 257, л. 15). Впечатления от этих бесед с Блоком суммированы в воспоминаниях Зоргенфрея: «В то время, весною 1917 года, Блок всецело отдался новому потоку» («Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 140—141).

[2] Зоргенфрей намекает на строки «Возмездия»:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами сумрак неминучий
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы.

Отношение Зоргенфрея к «Возмездию» было неоднозначным. Ср. характеристику «Возмездия» в письме Г. П. Блока к Б. А. Садовскому от 14 августа 1922 г.: «Удивительная вещь. Соединение трех элементов: подлинной гениальности (Пушкинского размаха), подлинного (в медицинском смысле) сумасшествия и подлинной глупости. Последнее объяснил мне и так именно определил Зоргенфрей, большой друг покойного, благоговеющий перед ним. Вы напрасно, по-моему, Зоргенфрея осудили — это настоящий поэт, только с очень малым диапазоном голоса. Сходство с Блоком есть, но не всюду» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 55, л. 75 об.).

[3] Упрек Зоргенфрея вызван тем, что они по-разному оценивали тогдашнюю политическую ситуацию. «Не легок для меня пьяный воздух нашей свободы»,— писал Зоргенфрей в этом же письме. И год спустя, после появления статьи «Интеллигенция и революция»: он также не был солидарен с Блоком (ЗК, 389).

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Царское Село, 29 апреля 1917 г.

<...> Статьи Ваши о Блоке — до меня не дошли, ничего о них не знаю, узнал впервые из Вашего письма [1]. Очень буду рад их получить — немедленно же напечатаю их. Ускорьте высылку! <...>

На арену мира впервые выходит народ,— руки завалены у него черной и спешной работой («ликвидация войны», «социализация земли» и т<ому> п<одобное>); он смывает с лица страны искусство, науку, все. Ему не до того. Но разве искусство перестает жить? Разве я не верю, что теперь, сию минуту, «Котик» [2] нужнее тысячи томов революционных рассказов? А с другой стороны — где же поэты, где художники? Как резко откликались на войну Брюсов, Бальмонт и им подобные,— а кто же поверит их революционному энтузиазму? А молчавшие тогда (Блок, Белый и еще немногие) — где же их революционный энтузиазм? Вчера получил я от Блока письмо с жалобами на «ужасную душевную слабость» [3]. А сегодня — Ваше письмо... Разве же это не характерно?

Я знаю — сердце былых «декадентов», былых «символистов» не лежит к революции.

ГБЛ, ф. 25, к. 16, ед. хр. 6[а], л. 10 об.—11 об.

[1] См. в наст. кн. публикацию «Андрей Белый. Дневниковые записи».
[2] «Котик Летаев», роман А. Белого.
[3] См. наст. т., кн. 2, с. 404.

Ю. А. НИКОЛЬСКИЙ — Л. Я. ГУРЕВИЧ

Петроград, 17 мая 1917 г.

Умные люди со всех сторон судачат, что пришел конец России, где-то демонстрации за Михаила [1], все эти темные злые слухи, как змеи, ночами выползают из логовищ, из под каждой деревяшки мостовой или камня, и ползут, свиваясь кольцами, и готовы задушить свободу. А главное — армия, армия. Пойдет ли она? Или Керенский будет, обессиленный, падать на стул, а за ним большевик будет сеять смуту в темных, не привыкших к воле головах?!

И мир — он страшен для меня...
И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой.

Я, и все мы, но в раннем детстве, когда все впечатления, может быть, ярче и глубже освещены, пережил гибель революции — той. Это так было ужасно, что нельзя вспоминать. Но какая то была детская игрушка по сравнению с сейчасным. Что это за несчастный народ такой природно коммунистский, что у него в крови нет чувства собственности, и прежде всего собственности на отечество, вечно витающий в какой-то мечте?! И опять, как аккомпанемент, из Блока:

«Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом
И пахнет гарью...» [2]

ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 163, л. 22 об.—23.

[1] *Михаил Александрович* (1878—1918) — великий князь, брат Николая II, отрекшийся от престолонаследования в марте 1917 г.
[2] Из «Пролога» к «Возмездию».

Г. ДЬЯКОНОВА — Э. К. МЕТНЕРУ

5 июня 1917 г. Париж.

Многоуважаемый господин редактор,

решаюсь обратиться к Вам со следующей просьбой — я приготовила перевод на французский театр Ал. Блока. Почти наверное смогу поместить его в один из влиятельных журналов, как например — Mercure de France. Недостает еще лишь разрешения автора. Обращаюсь к Вам за неимением адреса Блока и за полной невозможностью вести сложную переписку, имея в виду время.

Если Вы, многоуважаемый господин Метнер, согласились бы взять на себя вполне возможную для Вас миссию: переговорить с Блоком (лично или в письме) и дать мне, возможно скорее, удовлетворительный ответ. ⟨...⟩

P. S. Перевод бесплатный.

ГБЛ, ф. 190, к. 57, ед. хр. 6. Автограф. Письмо послано по адресу издательства «Мусагет»; московский почт. шт.—19.7.⟨19⟩17. Дошел ли запрос Дьяконовой до Блока — неизвестно.

Елена Дмитриевна (Галя) *Дьяконова* — с 1917 по 1929 г. жена французского поэта Поля Элюара, позже — художника Сальвадора Дали. Перевод из Блока был выполнен ею совместно с Элюаром, но текст его не сохранился (см.: С. В е л и к о в с к и й. ... К горизонту всех людей. Путь Поля Элюара. М., 1968, с. 23).

Н. ЯСТРЕБОВ — З. Н. ГИППИУС

28 августа 1917 г. Тифлис

⟨...⟩ Тяжело идти на войну, умирать неизвестно за что, по манию тех, кто губит русскую жизнь. Порой мною овладевает бешенство. Вообще я ненавижу погоны, а тут приходится подчиняться всяким глубокомысленным замечаниям этих погон. Я помню, Вы говорили, что Блок собирается в школу прапорщиков. Посоветуйте ему лучше у себя в кабинете пустить пулю в лоб. В этом и то будет больше смысла, чем во всей военной службе.

ГПБ, ф. 481, ед. хр. 102, л. 3 об.—4.

Николай Ястребов был одним из частых посетителей вечеров литературной молодежи, которые устраивала у себя З. Гиппиус в 1914—1916 гг. Впоследствии поступил в 3-ю школу прапорщиков. Печатался в журнале «Голос жизни» (1915). Три его стихотворения опубликованы в сборнике «88 современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус» (Пг., 1917, с. 35, 50, 88). 21 мая 1915 г. он послал Блоку несколько стихотворений и напоминал: «Вам как-то говорила обо мне по телефону Зинаида Николаевна Гиппиус, когда Вы спрашивали у нее про Наталью Антоновну (Минич)» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 72, л. 1). Речь идет о разговоре 26 апреля 1915 г., когда молодая поэтесса Н. А. Минич, которая писала Блоку и посылала ему стихи с осени 1913 г., по настоянию Блока впервые пришла на собрание молодых поэтов у Мережковских (ср.: «26 апреля. Н. Минич у З. Н. Гиппиус». — ЗК, 261; о телефонном звонке Блока к Гиппиус в этот вечер Н. Минич писала Блоку 27 апреля 1915 г.— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 334, л. 10). На первом письме Ястребова Блок пометил: «свежести нет, вот что страшно», а 22 мая написал ему письмо, в котором, судя по ответу Ястребова, указал на «вторичность» стилистики молодого поэта. Ответ Ястребова Блоку интересен как характеристика ситуации в молодой поэзии середины 1910-х годов (перенасыщенная цитатность и попытки преодоления ее, ожидание «свободного стиха» и т. д.): «Стихи, которые я Вам посылал, действительно оказались полны всяких влияний и всяких наслоений. В них как будто проглядывает и Брюсов, и Сергей Городецкий, есть даже заимствования и из Вашей поэзии. ⟨...⟩ Жизнь идет вперед, и вся «старая» поэзия, включая сюда поэзию и настоящего периода, на мой взгляд, есть только та канва, на которой раскинется узор новой поэзии, которую еще нельзя уяснить, а можно только почувствовать и то на одно мгновенье. Человеческая душа сейчас придавлена всевозможными наслоениями, иногда ей совершенно чуждыми. Кажется, нет ни одной мысли более или менее оригинальной — все заплевано, зашаркано. Дым какой-то стоит над миром и выедает глаза человеку. Пусть ругают футуризм на каждом перекрестке, пусть называют футуристов «людьми в желтых кофтах», но, мне кажется, что в футуризме есть что-то такое, что в будущем создаст эпоху. Уже один протест против застоя мысли что-нибудь да значит. Отбросьте в сторону все кривлянье футуристов, и Вы увидите людей, ищущих новый путь, новое русло для загрязненной реки. ⟨...⟩ Многие склонны думать, что наше будущее в музыке и архитектуре, так как в этих двух искусствах менее всего человеческого. Мне кажется, что в будущем поэзия сольется с музыкой и архитектурой. Дело, конечно, вовсе не в «заумном» языке, проповедуемом футуристами. Почему-то мне также кажется, что ассонанс, вытеснив совершенно рифму, в конце концов и сам утратит свое значение, и в стихах будет только внутренний ритм. ⟨...⟩ Нын-

че осенью я познакомился с З. Н. Гиппиус и ее кружком, но скажу entre nous, все это меня не удовлетворило, хотя я вовсе не «футурист» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 72, л. 2—5). В конце 1915—начале 1916 г. планировалось издание «номера молодых» в «Новом журнале для всех», составлять который должен был Блок — туда наряду со стихами Н. А. Минич, М. Б. Вериго, А. Толмачева он намечал и Ястребова (ЗК, 274).

Ф. Д. БАТЮШКОВ — А. Г. ГОРНФЕЛЬДУ

30 августа 1917 г.

Позвольте просить Вас разрешить мне назвать Вас кандидатом в члены Литерат⟨урной⟩ Комиссии (б. Театр⟨ально⟩-Лит⟨ературного⟩ комитета) [1] при Худ⟨ожественно⟩-Реперт⟨уарном⟩ Комитете Александринского театра. Выбирают артисты, я сохранил за собой лишь право предлагать кандидатов к избиранию. Времени это дело отнимет у Вас немного: раз в неделю собираться для составления заключения о пьесах, которые могут быть прочитаны на дому. По очереди составляются о них отчеты и по очереди члены Комиссии, коих три, являются докладчиками в Худ⟨ожественно⟩-Реперт⟨уарном⟩ Комитете. Члены Комиссии имеют право посещать все заседания Х⟨удожественно-⟩Р⟨епертуарного⟩ Комитета, но собственно о новых пьесах едва ли придется докладывать чаще, чем раз в месяц. Если член Комиссии не может быть на заседании, его замещает кандидат, также избираемый Комитетом.

Таким образом, при обязательном присутствии трех членов на заседаниях Комиссии, всегда есть возможность, если есть на то причины, передать свои полномочия кандидату.

Гонорар причитается членам по 900 р. в год, или по 30 р. за заседание, причем вместо манкирующего члена Комиссии этот «разовый» гонорар передается его заместителю.

Весной в члены Комиссии избраны были: П. О. Морозов, А. А. Блок [2], и П. Н. Сакулин [3]. В виду перевода в Москву Сакулина, он отказался. Просим Вас. Четвертым лицом в кандидаты баллотируется Е. П. Султанова, с которой Вы всегда можете уговориться, когда Вы пожелаете, чтобы она Вас замещала.

ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 219, л. 20—21.

[1] О Театрально-литературном комитете см. наст. кн., с. 421. Сообщение о решении образовать при государственных театрах художественно-репертуарные комитеты и вероятном упразднении театрально-литературного комитета см.: «Речь», 1917, № 95, 25 апреля.

[2] 3 мая 1917 г. в «Речи» (№ 103) было опубликовано хроникальное сообщение: «Театрально-литературный комитет преобразован в литературную комиссию, которая будет состоять при художественно-репертуарном комитете Александринского театра. Лит. комиссия будет рассматривать новые пьесы и докладывать об их достоинствах и недостатках репертуарному комитету. Вопрос о постановке той или иной пьесы будет зависеть от решения комитета. В состав литературной комиссии входят три литератора из числа шести кандидатов, рекомендуемых уполномоченными Гос. театров и избираемых труппой Александринского театра. На ближайшее время членами литературной комиссии избраны П. Н. Сакулин, П. О. Морозов и Александр Блок». Эта же заметка появилась в «Биржевых ведомостях» (1917, № 16219, 5 мая) и в других газетах. 7 мая 1917 г. Блок писал матери о том, что видел эти сообщения, и добавлял: «Будет ли все это, я еще не уверен, да до этого еще далеко» (VIII, 490). Ср. в записной книжке 4 мая 1917 г.: «В «Речи» я прочитал, что меня выбрали (кто?) в литературную комиссию при казенных театрах...» (ЗК, 320). 7 сентября 1917 г. Ф. Д. Батюшков официально известил Блока о его избрании (VII, 309), и 9 сентября Блок участвовал в первом заседании комиссии (VII, 309), а 16 сентября он прочел свой первый доклад в комиссии (VII, 310). До нас дошла только часть рецензий Блока для комиссии (V, 658—669). Сохранился список пьес (неполный), рассмотренных комиссией за время с сентября 1917 г. по 1 января 1918 г. (опубликован в кн.: «Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр 1917—1921». Л., 1968, с. 223). По этому списку восстанавливается резюме двух несохранившихся блоковских отзывов: о трагикомедии Ф. ван Эйдена «Человек» (VII, 310) — «неприемлема», о пьесе Анны Мар «Когда тонут корабли» (VII, 310) — «приемлема условно». Из 37 пьес, фигурирующих в этом списке, комиссия признала одну «допустимой» («Пикет» Н. Вильде) и две «возможными» («Волк» Льва Урванцова и «Кукушкины слезы» А. Н. Толстого). Среди отвергнутых имелись и пьесы известных драматургов — Е. Чирикова, С. Ауслендера

[3] Павел Никитич *Сакулин* (1868—1930) — литературовед.

А. Н. ТИХОНОВ — В. Я. БРЮСОВУ

13 декабря 1917 г.

〈...〉 Первый альманах «Паруса» почти готов. Об нем я писал Вам давно, но Вашей телеграммы о согласии принять в нем участие опять-таки не получил. В альманахе имеется: пьеса Горького, стих. Блока, рассказы: Пришвина, Замятина, Тренева, на днях ждем: стих. и рассказ Бунина и неопубликованные материалы Некрасова.

Будут и еще кой-какие рассказы молодых авторов [1].

ГБЛ, ф. 386, к. 105, ед. хр. 3, л. 23 об.

[1] Литературный альманах издательства «Парус» в свет не вышел. См. об этом: О. Д. Голубева. Книгоиздательство «Парус» (1915—1918) — «Книга. Исследования и материалы». Сб. XII. М., 1966, с. 163—164; ЛН, т. 70, с. 445.

А. Д. РАДЛОВА — С. Э. РАДЛОВУ

Ялта, 3 января 1918 г.

〈...〉 После завтрака сидела у двух барышень бессловесных, которые у нас живут, и поучала их, что Блок — хороший поэт, а Анухтин и Игорь Северянин — плохие.

ГПБ, ф. 652, ед. хр. 478, л. 17.

Об А. Д. и С. Э. Радловых см. в наст. т., кн. 2, с. 125. Как поэт Анна Радлова испытала несомненное влияние Блока — см., например, эпиграф «Свирель запела на мосту...» к стихотворению 1918 г. «Глаза устали вдаль смотреть...» (Анна Радлова. Корабли. Пб., «Алконост», 1920, с. 43). О стилевом генезисе Радловой писал В. А. Чудовский: «... примитивизму Анны Радловой было чему поучиться и на глубокой, страстной искренности Блока, коя часто стоит простоты, и на стилистическом «прерафаэлитстве» М. Кузмина, часто на простоту похожем» (Валериан Чудовский. По поводу одного сборника стихов.— «Начала», 1921, № 1, с. 210). Поэзию Радловой с творчеством Блока сопоставлял М. Кузмин: «Книгой «Корабли» А. Радлова вступила полноправно и законно в семью больших современных лириков как Ахматова, Блок, Вяч. Иванов, Мандельштам и Сологуб. Но при этом у Радловой, независимо от ее индивидуальности, есть еще черта, которой нет ни у кого из нас. Это — поэтическое отражение современности, «вселенской весны». Я нисколько не забыл «Двенадцать», удивительное и одно из лучших достижений А. Блока, но это совсем другое, чем песни А. Радловой. Блок революцию подчиняет своей стихии: снежной метели, анархизму, какому-то духовному нигилизму с налетом смутного и не очень обязательного христианства. Это — «блоказированная» революция, один из обликов Блока. Притом это произведение — полуэмпирическое, полудраматическое и лирическое лишь постольку, поскольку лиричны «Балаганчик» и «Незнакомка». У Радловой же наши грозные дни нашли поэтический отзвук, неожиданное преображение в душе поэта» (М. Кузмин. Условности. Пг., 1923, с. 170—171). Радлова познакомилась с Блоком, по-видимому, 6 ноября 1918 г. (ЗК, 434) В июне 1920 г. Блок записал в ее альбоме шуточное стихотворение (III, 428). В период работы Л. Д. Блок в Театре народной комедии произошло сближение А. Д. Радловой с нею (см. стихотворение, посвященное Л. Д. Блок — Анна Радлова. Крылатый гость. Пб., 1922, с. 18). Свою оценку Блока Радлова высказала в заметке «Вечер Александра Блока»:

«Не олимпийски прекрасная ясность Пушкина, а мучительная, объемлющая огромный очерк мира мысль Баратынского таинственно и пышно расцвела через сто лет в Блоке, ибо Баратынский был одним из тех мучеников искусства, которым дано *все видеть* и *все знать*, а Блоку дано не только знание тайного, но и власть претворять тайное в явное. И этим поэзия Блока всегда откровение для тех, кто имеет уши, чтобы слышать.

На вечере, устроенном «Алконост〈ом〉», Блок читал фрагменты поэмы «Возмездие». 〈...〉 Со времени «Евгения Онегина» в русской поэзии не было такого мастерского изображения *эпохи*, изображения времени и места действия, которое неразрывно связано и определяет самое действие. 〈...〉 Вся поэма напоена тяжелой и душной предгрозовой тишиной, пророческим предчувствием революции. И если бы знали мы «Возмездие», то поняли бы, что «Двенадцать» лишь разрешение аккорда, ужас и радость наконец грянувшей бури. И так же, как блестяще и победно успокоенные 20-ые годы прошлого столетия мы называем Пушкинским временем, так наши потомки с правом, ибо они будут знать «Возмездие», «Скифы» и «Двенадцать», назовут наши будущие годы временем Блоковским». («Жизнь искусства», 1920, № 520, 3 августа).

М. П. КУДАШЕВА — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Митрофановка, 26 марта 1918 г.

<...> Если Вы приедете, Белый, будете другом мне. Нехорошо Вам быть таким глухим и немым,— диким волком,— разве Вы не имеете богатый клад,— чтобы раздавать встречным на своем пути? — Или, как Блок, Вы говорите: «Что могу я дать ей? (он про меня сказал, мне повторили) — она думает, что я царь, а я — нищий» [1].— Ведь есть «царственные нищие и нищенствующие цари»,— и такие, что в лохмотьях и босы,— но невидимо венчаны,— и сами не знают этого. И разве такие, как я, не узнают их,— и верят суме и посоху?

Да, суме и посоху верю, но знаю твое имя,— скрытое и умалчиваемое.

ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 7, л. 96.

Мария (Майя) Павловна *Кудашева* (урожденная Кювилье) (р. 1895) — поэтесса, переводчица, впоследствии жена Р. Роллана. Стихи ее (французские) печатались во «Втором сборнике «Центрифуги» (М.. 1916), 3 русских стихотворения — в сб. «Ковчег» (Феодосия, 1920)

[1] М. П. Кювилье впервые обратилась к Блоку в письме 22 августа 1914 г.: «Я хочу прислать Вам свои стихи,— весной, после войны они будут напечатаны, но я хочу, чтобы Вы их знали раньше, меня раньше знали.— Несколько дней тому назад Ал. Толстой, говоря о Вас, сказал мне: «Мы Вам несколько предисловий закатим.— Ну, я смогу написать, Макс <Волошин>,— Бальмонт». И я ответила: «Я больше всех люблю Блока».— Но он сказал: «Блок французских стихов не любит».— И я с того дня еще сильнее захотела, чтобы Вы узнали меня» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 302, л. 1 об.—2).

17 декабря 1914 г. Блок отмечает в записной книжке: «От Майи Кювилье — объяснение в любви» (ЗК, 250). 23 декабря 1914 г. она писала Блоку: «Я помню, мне было 8 лет, я только что приехала из Франции, жила в Крыму. в Ялте, с матерью в одной очень богатой и англизированной семье, где меня бранили за сказки и шалости, капризы и фантазию,— и раз, за обедом, мать семейства завела речь о новых поэтах.— Год после этого был убит мой отец на войне, я видела его портрет в газете,— и имя его я не запомнила! — А Ваше имя, которое в тот день, за обедом, сказали, я запомнила, и когда, по выходе из католического пансиона, в 16 лет, вновь услыхала его,— я вспомнила» (там же, л. 3 об.—4).

Ср. в воспоминаниях Е. К. Герцык: «У нее были какие-то основания думать, что отец ее мичманом погиб в Цусиме, но мать — с юности гувернантка в разных русских семьях — почему-то не соглашалась назвать ей его имя. В те годы желание раскрыть эту тайну преследовало Майю» (частное собрание).

6 апреля 1915 г. М. Кювилье писала Блоку: «...сегодня я думаю о Вас — и знаю, что Вы брат, и мне кажется, что Вы сидите тут <...> Вы молчите, и это хорошо. А я говорю очень тихо и совсем легкие слова. Тенями слов говорю — и это хорошо» (там же, л. 7). Облик Майи Кювилье в молодости описан в стихотворении М. А. Волошина 1913 г.: «Твой детский взгляд улыбкой сужен, // Недетской грустью тронут рот...» (Максимилиан Волошин. Иверни. М., 1918, с. 71). К 1913 г. относится и стихотворение М. Волошина «Майе»: «...И Ваших писем лепестки // Так нежны, тонки и легки, // Так чем-то вещим сердцу жалки...» («День поэзии в Крыму». Симферополь, 1965, с. 117).

С. А. АСКОЛЬДОВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

<Казань>, 16/24 апреля 1918

<...> Еще в Москве я мельком услыхал, а здесь получил еще сообщение от одного приятеля, о том, что поэт Блок неожиданно стал в позу большевизма или что-то близко этому. К Блоку, как и Белому, у меня есть специфический интерес, и их духовная судьба представляется мне очень поучительной и знаменательной. Поэтому мне интересно было бы узнать, где и в какой форме состоялось инкриминируемое выступление Блока. Здесь мне негде узнать и тем паче достать. Если это было в газете и у Вас этот документ сохранился, то я был бы Вам очень благодарен, если бы мне прислали.

ГБЛ, ф. 109.

Сергей Алексеевич *Аскольдов* (Алексеев) (1871—1945) — философ, автор работ «Сознание и дело», «А. А. Козлов», «О связи добра и зла». В 1920-е годы написал статьи «Творчество А. Белого» («Лит. мысль», Пг., 1922, № 1), «Форма и содержание в искусстве слова» («Лит. мысль», Л. 1925, № 3) и др. В апреле 1918 г. он работал над статьей «Религиозный

смысл русской революции» (вошла в сб. «Из глубины», М. П., 1918), в которой рассматривал проблему «срастания греха с благочестием» в народной душе, отправляясь от стихотворения Блока «Грешить бесстыдно, непробудно...» (с. 18). С Блоком несколько раз встречался, например, у Ал. Н. Чеботаревской 26 декабря 1915 г. (ЗК, 281). Впоследствии он писал в письме А. А. Золотареву от 14 апреля 1941 г.: «Еще на днях ко мне пожаловал случайно Блок (однотомник посмертный). Я еще раз проверил свое отношение к нему. Я и лично с ним встречался, но мы чуждались друг друга. Как поэта я его очень высоко ставлю, но его прозаические вещания меня всегда раздражали. Едва ли был человек столь беспомощный и бестолковый в области мысли и в то же время столь уверенно и горделиво творивший суд и расправу в области общественных и идеологических течений. В жизни он держался очень скромно и говорил тихим скромным голосом, что дало повод А. Белому в его памфлетических характеристиках написать: «пришел Блок и скромным голосом рассказывал, как он горел на ледяном костре и не сгорел» («Кубок метелей»). Впрочем этим же отличался и А. Белый, только он говорил не скромным голосом, а иногда иступленно визжал и метал молнии» (ЦГАЛИ, ф. 218, оп. 3, ед. хр. 41, л. 48—48 об.). С. А. Аскольдов отсылает здесь к тому пассажу «четвертой симфонии» Белого, в котором «великий Блок <...> предложил сложить из ледяных сосулек снежный костер» (Андрей Белый. Кубок метелей. М., 1908, с. 24).

С. П. КАБЛУКОВ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

Святая и великая Неделя Пасхи <22 апреля/6 мая> 1918 г.
В Санктпетербурге.

<...> А что думаете Вы о поэме «Двенадцать» Алек<сандра> Блока, где автор говорит: «пальнем-ка пулей в святую Русь», и об Андрее Белом, связавшимися с пресловутым «Разумником» и предателями из «Знамени Труда», оно же ныне зовется «Знамя Борьбы»? [1] Страшно это «духовное» предательство и еще страшнее, что граничит оно с хулою на Духа Святого...

Вот и В. В. Розанов, в Сергиевом посаде уединившийся, опять противоборствует Св. Церкви и Христу [2]. А в первопрестольной Москве кто-то легально издал «Гавриилиаду» для всеобщего чтения [3]. Уже воцарилась «мерзость запустения на месте святе».

ГБЛ, ф. 109. Автограф.

[1] См. наст. т., кн. 2, с. 377—378.

[2] Речь идет об «Апокалипсисе нашего времени», который В. В. Розанов начал издавать отдельными выпусками в Сергиеве Посаде с конца ноября 1917 г. В статье «Последние времена» во втором выпуске он говорил о бессилии христианства устроить «земную жизнь» человека, о том, что оно не предупредило «ни войны, ни бесхлебицы».

[3] А. С. Пушкин. Гавриилиада. М., «Альциона», 1918 (вступительная статья В. Я. Брюсова). Ср.: Б. В. Томашевский. Первые плоды свободы печати. — «Почтово-телеграфный журнал», 1918, № 5-8, с. 250—254.

И. А. БЕЛОУСОВ — Л. Н. АНДРЕЕВУ

Москва, 2(15) мая 1918 г.

<...> Читал на днях фельетон Иван<ова>-Разумника о какой-то новой поэме Блока [1]. Этот Разумник говорит, что никто не видит, что творится очень хорошее, что за всеми безобразиями видно, как сказано в поэме Блока, впереди идет «В белом венчике Христос». А вот и я, и многие миллионы людей сейчас видят что-то другое, совсем не то, чему учил Христос. Так с какой же стати ему вести эту банду? Увидишь Блока, спроси его об этом.

У нас опять была пальба: вышибали анархистов. Сейчас по вечерам на улицах патрули,— обыскивают,— ищут оружие. В приказе сказано, что если у кого найдут оружие и будут его отбирать, а тот будет сопротивляться — расстреливать на месте. Где же отмена смертной казни? Прежде цареубийц судом судили, а потом вешали, а теперь «на месте». Всех сделали палачами! И неужели тут Христос?

Прочитал, что разграблены и сожжены Михайловское и Тригорское! — не будем говорить, где тут Христос? — а спросим,— где тут Блок и Разумник?

ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 3, ед. хр. 13, л. 3—3 об. В оригинале описка: «2 (15) апреля».

Иван Алексеевич *Белоусов* (1863—1930) — поэт, мемуарист.

[1] Р. В. Иванов-Разумник. «Двенадцать».— «Знамя труда», 1918, № 180, 14 апреля.

Ю. А. НИКОЛЬСКИЙ — Л. Я. ГУРЕВИЧ

Симферополь, 7 мая 1918 г.

〈...〉 Я наладился совсем на ориентацию Струве [1], но вот прочел «Двенадцать» Блока и многое так забурлило, так забурлило, что стены не выдерживают, и этого «швабской крови» не понять. Неправда ли, прекрасная вещь? Но «прекрасное трудно» [2] и немногие поймут, как голосят разные духи в снежной метели. Старушка и «товарищ поп», все эти Петрухи и главное, главное несравненный язык, в двух или трех местах только срывающийся (например, в стихах о буржуе-псе), все это ужели — «идеализация революции»? А если Христос идет, то ведь он *всегда идет* «поступью надвьюжной...» А откуда-то от совдепов: «Революцьонный держите шаг, неугомонный не дремлет враг». Это — «революцьонный», это «держите шаг» — какой языковой штрих русской революции, поганящий его одессизмами 〈...〉 Я внимательно прочел несчастную статью Блока. То, что он *уклонился от военной службы* и увидел в ней только бессмыслицу («но ты художник твердо веруй в начала и концы, ты знай... тебе дано бесстрастной мерой измерить все...») [3] — это погубило его, погубило окончательно, т. к. в новую Россию придут только крещеные великой войной. Оттого он не видит и немцев и России, которую лучшие из нас все-таки защищали.

ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр 162, л. 44—45 об.

Некоторые мысли этого письма Ю. А. Никольский впоследствии развил в некрологе Блока: «Как должно быть сейчас стыдно тем, кто по поводу «Двенадцати» вопили, что Блок «продался большевикам» 〈...〉 гениальное частушечное мастерство резало зализанно-паркетный вкус тех, кто видел в поэзии, по выражению Маяковского, «из любвей и соловьев какое-то варево». Прекрасное трудно, и в отношении к нему людская толпа проявляет особенно много стадности: ей нужна, как на швейцарских высотах, надпись «Schöne Aussicht» — выставленная большей частью авторитетом из парикмахеров» (Ю. Никольский. Пророк.— «Общее дело», Париж, 1921, № 429, 19 сентября).

[1] Петр Бернгардович *Струве* (1870—1944) — экономист, политик, публицист, член центрального комитета кадетской партии. В этот период в своих публичных выступлениях он называл русскую революцию национальным банкротством. Тем не менее, «Двенадцать» он называл «величайшим достижением Блока»: «В нем он мощно преодолел романтизм и лиризм, в совершенно новой, *своей* форме сравнялся с Бальзаком и Достоевским» («Русская мысль», 1921, № 10—12, с. 90).

[2] Цитируется статья Блока «Интеллигенция и революция» (о которой идет речь далее): «„Прекрасное трудно“, как учил Платон» (VI, 13).

[3] Цитата из Пролога к «Возмездию» (III, 301).

В. М. ЖИРМУНСКИЙ — А. Л. ВОЛЫНСКОМУ

Саратов, 1(14) июня 1918 г.

Представит ли интерес для Вас и можете ли Вы по обстоятельствам текущего момента напечатать статью (конечно, не политическую, а философско-историческую) о т. н. «большевистской» поэме Блока «Двенадцать», которая, по-моему мнению, одно из самых значительных по художественной мысли произведений наших лет? 〈...〉 я имею предположение написать строк 300—400 (в виде фельетона) в связи с прежними стихами Блока о России.

ЦГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 489, л. 12 об.

Статья В. М. Жирмунского написана не была. В этот же период работы в Саратовском университете Жирмунский занимался поэтикой Блока. Результаты его наблюдений были обнародованы в позднейших статьях. 18 сентября 1918 г. он писал Б. М. Эйхенбауму: «У меня об Ахматовой и Блоке были любопытные идеи, но некогда работать и записывать их» (ЦГАЛИ, ф. 1527, оп. 1, ед. хр. 432, л. 15).

С. М. АЛЯНСКИЙ — ВЯЧ. ИВАНОВУ

Петербург, 24 августа 1918 г.

〈...〉 Финансовый кризис разрешается постепенно и благоприятно, так что мысль о дневнике, о котором говорил Вам, близка к осуществлению. А посему очень просил бы Вас приготовить для первого номера «дневника» небольшую статью, или стихи, или что найдете нужным и интересным. Редактировать журнал берет на себя Александр Александрович Блок. Кстати, предложите название для этого дневника-журнальчика.

ГБЛ, ф. 109 Автограф. На почтовой бумаге издательства «Алконост».

В публикуемом фрагменте речь идет о журнале «Записки мечтателей», который по типу восходил к мусагетовским «Трудам и дням» (см. наст. кн., с. 391 и 394), возник в какой-то мере под влиянием Андрея Белого. 15 декабря 1918 г., когда организационные трудности во многом были уже позади и первый номер готовился к сдаче в типографию, Алянский писал Белому: «Кроме того хотел бы напомнить Вам о Вашей же мысли: создание небольшого журнальчика, который явился бы как бы дневником писателей. При одном из наших свиданий Вы довольно подробно развили Вашу мысль и теперь настал момент, когда хотелось бы видеть ее воплощенною в действительность. Так как материя имеется, остается дохнуть живым духом и мысль обратится в живое существо. Полагаю, что дохнуть на это лучше всего Вам, а дальнейшее явится само собою. Если Вам почему либо трудно редактировать такой журнальчик, я буду об этом просить Александра Александровича Блока. С Вашей же стороны кроме того материала, который Вам хотелось бы дать в такой журнальчик, «Алконосту» с своей стороны хотелось бы иметь Вашу вступительную статью руководящего, програмного содержания; поставить журнальчик на рельсы и указать ему путь. С своей же стороны, смею уверить, что «Алконост» отнесется к этому делу со всею любовью и бережностью, которыми он располагает. 〈...〉 P. S. Хотелось бы материал для журнальчика получить в самый короткий срок, дабы я мог сдать его в набор до моего отъезда в Москву. 〈...〉 Предложите название для журнальчика» (ГБЛ, ф. 25, к. 8, ед. хр. 9, л. 6 и об.).

Как видно из этого письма, решение Блока редактировать «Записки мечтателей», о котором Алянский сообщал Иванову, было далеко не окончательным. Не было еще выбрано и название журнала (в заметке от 25 декабря Блок называет его «Дневниками писателей», а 28 декабря — «журналом „Алконоста“» — ЗК, 442). Окончательное название принадлежит, по свидетельству Алянского, Блоку (С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1969, с. 66). Но еще к февралю 1919 г. не вполне определился профиль журнала, и издатель писал Блоку 19 февраля: «Первоначальная мысль: интимный круг лиц, интимная тема, останется, вероятно мыслью, так как журнал не будет жизненным, не будет материала. 〈...〉 Мне кажется, что физиономия журнала должна складываться самой жизнью 〈...〉 Мне хочется только сказать, что «Записки мечтателей» потому и называются «Дневниками писателей», что писатель на этих страницах записывает то, что привлекло его внимание. Почему впечатление от театра или от книги менее ценно, чем впечатление от боя или бури? Почему впечатление уличной встречи менее ценно впечатлений растительной природы» (цит. по кн.: С. В. Б е л о в. Мастер книги. Л., 1979, с. 43—44; очевидно сходство предлагаемого Алянским с тем, какой представлял в свое время «физиономию „Трудов и дней“» Белый. В конце концов журнал (первый номер появился весной 1919 г.) стал выходить без указания имени редактора. В первом номере приняли участие Блок, Белый, Вяч. Иванов, Ремизов и др. Обращение к читателям под заглавием «Записки мечтателей» было написано, как и просил Алянский, Белым.

З. Н. ГИППИУС — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Петроград, 1 сентября 1918 г.

Боря!

Вы не видали мою новую книжку «Последние Стихи» [1]. Вы не читали того, что я писала о «теперешних» людях, вплоть до Разумника, Блока и вас [2]. Вы не читали и стихов «Идущий», посвященных вам [3]. Иначе вы не написали бы мне, не просили бы моего участия в Альманахе. Я вас люблю, Боря, и считаю вас невинным, но поскольку вы все-таки человек, а, главное, человек — я, не могу не взорвать мостов между «нами» и «ними», участниками «Скифов» и «Знамен Труда».

Я считаю вас невинным (и Блока) потому, что вы не сознаете, куда идете, чему сопричастились. Но ваша невинность личная, как моя к вам личная любовь дела не меняют, а лишь дают мне боль, которую принимаю, вам на нее не жалуясь.

З и н а

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 6, л. 83.

О разрыве Блока с З. Гиппиус в 1918—1919 гг. см. в статье З. Г. Минц «Блок и русский символизм» (наст. т., кн. 1).

З. Н. Гиппиус отвечает на письмо А. Белого, о содержании которого дает представление аналогичное письмо А. Белого Вяч. Иванову, относящееся к концу августа 1918 г.: «Мне поручили составить стихотворный отдел альманаха, посвященного темам революции, который выпускает книгоиздательство „Змий". Пишу Блоку, Бальмонту, Брюсову, Мережковскому, Брюсов уже обещал; обращаюсь с покорной просьбой к Тебе; книгоиздательство хочет объединить стихи, выросшие у поэтов „из революции" и дать разнообразную гамму; *предприятие глубоко беспартийное*; в Альманахе слово будет принадлежать только „Аполлону"» (ГБЛ, ф. 109). 31 августа 1918 г. А. Белый сделал сходное предложение Блоку: «Надеюсь, что Ты ради *меня тоже* дашь, если у Тебя найдутся стихи, связанные с революцией: совершенно не важна *тенденция*; важна органическая (пусть внутренняя) связь с переживаемым (револ〈юционным〉) моментом времени» («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 337). 5 сентября 1918 г. Блок записал: «*А. Белому* для Альманаха, посвященного революции: I. *На рубеже двух миров*: 1) „Жизнь — как море она...", 2) „Над старым мраком мировым...", 3) „Когда же смерть...", 4) „Поэт в изгнаньи...", 5) „Смеялись бедные невежды...", 6) „Мы — чернецы...", 7) „Сфинкс" („Шевельнулась безмолвная..."; П. Зинаиде Гиппиус (ответ на „Последние стихи")» (ЗК, 425). Таким образом, Блок, во-первых, осмыслял как предвосхищение революционных переживаний свои ранние стихи («внутреннюю связь, конечно, можно найти»,— писал он 6 сентября 1918 г., посылая эти стихи А. Белому,— «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 337), а во-вторых, предполагая, по-видимому, что стихи З. Гиппиус 1917—1918 гг. будут представлены в планируемом альманахе, рассчитывал вступить в стихотворный диалог с ними на страницах этого альманаха.

[1] В сборнике «Последние стихи» (Пг., 1918) ряд стихотворений прямо направлен против власти большевистских Советов: «Веселье» (29 октября 1917), «Сейчас» (9 ноября 1917), «14 декабря 〈19〉17 года», «Так есть» (февраль 1918 г.). Экземпляр, подаренный Блоку, не сохранился. На книге З. Гиппиус надписала стихотворение «А. Блоку», завершающееся строками: «Я не прощу. Душа твоя невинна. Я не прощу ей никогда» и написанное в апреле 1918 г. (З. Н. Гиппиус. Стихи. Дневник 1911—1921. Берлин, 1922, с. 96). 5 мая 1918 г. З. Гиппиус писала С. П. Ремизовой-Довгелло: «Что касается посылки моей книги, то это верно, я могла этого не делать. Стихи я написала раньше, чем книга была, а когда мне купили новые экземпляры 〈...〉 то я как-то довольно легкомысленно и вздумала: вот, написать это на книге и послать. Жалею об этом, но сознаюсь искренно, что трагического и серьезного значения не придаю, и вот почему (браните меня, я не обижусь!): потому что я *не серьезно* отношусь к Блоку, не серьезно на него *сержусь*... Разница в том будет, что я с ним уже не стану лично общаться даже так, как прежде, но ненавидеть его до кровомщенья никак не могу» (Horst L a m p e l. Zinaida Hippius an S. Remizova-Dovgello.— «Wiener Slavistischer Almanach», Bd. I, 1978, S. 168). Некоторая разница в отношении З. Гиппиус к Белому и к Блоку видна из позднейшего (30 сентября 1922 г.) письма к той же корреспондентке: «Я слышала, что А. Белый издал воспоминания о Блоке. Не видала книги, но и не видав, могу сказать, что наверно там половина вранья. А Блок был очень правдив» (там же, с. 175). Ответ (непосланный) Блоку на книгу З. Гиппиус и надписанное на ней стихотворение сохранился в его дневнике (VII, 335—336). Здесь дана обобщенная характеристика глубоких идейных разногласий, которые всегда существовали в сложных многолетних отношениях Блока с Гиппиус. 31 (18) мая 1918 г. Блок писал, обращаясь к Гиппиус: «Нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й, когда я еще мало видел и мало сознавал в жизни. Мы встречались лучше всего во времена самой глухой реакции, когда дремало главное и просыпалось второстепенное. Во мне не изменилось ничего (это моя трагедия, *как и Ваша*), но только рядом с второстепенным проснулось главное. 〈. . .〉 В наших отношениях всегда было замалчиванье чего-то; узел этого замалчиванья завязывался все туже, но это было естественно и трудно, как все кругом было трудно, потому что все узлы были затянуты туго — оставалось только разрубить.

Великий Октябрь их разрубил».

[2] Имеется в виду фельетон «Люди и нелюди» («Новые ведомости», 1918, № 43, 10 апреля).

[3] «Новые ведомости, 1918, № 82, 10 июня. Стихотворение посвящено «А. Белому и А. Блоку». Блок предполагал в № 2 «Записок мечтателей» опубликовать это стихотворение рядом со своим, обращенным к З. Гиппиус: «Женщина, безумная гордячка...» (сохранились гранки — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 5). Подробнее о конфликте Блока с З. Гиппиус см.: Л. М. Ф а р б е р. Переписка из двух миров.— «Нева», 1971, № 8, с. 184—186.

М. П. КУДАШЕВА — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Кантемировка, 4〈17〉 сентября 1918 г.

〈...〉 А если Блок в Москве и Вы видите его,— попросите его мне подарить свою большевистскую поэму,— (он меня немножко знает, а я его очень люблю, и так сильно тосковала над его стихами,— и посвящу ему

часть своей будущей книги,— что он может это сделать, правда?). Мне так хочется, Белый.

ГБЛ, ф. 25, к. 18, ед. хр. 7, л. 103—103 об.

В. Н. КНЯЖНИН — Г. И. ЧУЛКОВУ

Петроград, 10 октября 1918 г.

〈...〉 Уважаю я в Вас и человека, невзирая на многие Ваши «падения» (ведь бывало?!). Несмотря на них, больше — презирая их, я люблю видеть в Вас эту стойкую честность, без переверток, подобно глупому Александру Александровичу [1], и просто мазурничеству других.

ГБЛ, ф. 371, оп. 3, ед. хр. 73, л. 3.

[1] В. Н. Княжнин, сохранивший с Блоком приятельские отношения, по-видимому, не разделял позиций, занятых Блоком в 1918 г. Сохранилась помета В. Княжнина на оттиске публикации «Из дневника А. Блока 〈1918 г.〉» («Звезда», 1924, № 2): «Осенью 1920 г.

Я.— Так, значит, все по-старому, А. А.

А. А. Б.— По-старому, Вл〈адимир〉 Н〈иколаевич〉 (усмехаясь)» (ГПБ, ф. 353, ед. хр. 84, л. 12 об.).

А. И. ИМИНАЙШВИЛИ — Г. И. ЧУЛКОВУ

Петроград, 〈9 декабря 1918 г.〉

〈...〉 Здесь со мной всяческие несчастия. Конфисковали в типографии все мои издания. Печатать не дают ничего [1]. Даже Блока и то задержали два тома [2]. Не знаю, что делать? Все это Петроградский Совет. Я рассорился с заведующим издательства [3], и он такие пакости делает. При этих условиях мне пришлось, дорогой Георгий Иванович, отклонить издание Ваших переводов. И Вы на меня, ради Бога, не сердитесь. По Вашей рекомендации я приобрел один томик стихов у Пяста с условием, что печатать буду, когда представится возможность [4]. У меня оригиналов накоплена масса [5], а печатать сейчас ничего не могу.

ГБЛ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 64, л. 1. Датируется по почтовому штемпелю.

Алексей (Эраст) Иванович *Иминайшвили* (Имнайшвили) — владелец издательства «Земля». О нем см. воспоминания В. Н. Княжнина: «А. И. Имнайшвили взлетел подобно ракете в памятные 1916—1919 гг. и, подобно же ракете, рассыпался в прах... Родом крестьянин-грузин 〈...〉, он в ранней молодости работал на чайных плантациях на Кавказе, на тяжелой «огненной» заводской работе 〈...〉. Блок, по-видимому, относился к А〈лексею〉 И〈вановичу〉 с большой симпатией. Сложному до болезненности Блоку нравился этот простой человек, весь находившийся под властью своих инстинктов. Еще летом 1924 г. мы вспоминали с ним о Блоке, и А. И. Имнайшвили отзывался о покойном с сердечной любовью» («Письма Александра Блока», с. 219).

[1] Ср. запись Блока 26 августа 1918 г.: «Издательство в Смольном 〈...〉 запретило печатать И. Северянина, отобрало у „Земли“ часть экземпляров Ромэна Роллана и др., чтобы продавать под своей фирмой дешевле» (ЗК, 423).

[2] В издательстве «Земля» должны были выйти 4 тома сочинений Блока. В августе 1918 г. был выпущен «Театр», а в сентябре — первый том «Стихотворений». Третий том (2-й том «Стихотворений») вышел в апреле 1919 г. 4 том (3-й том стихотворений) был полностью набран, но в издательстве «Земля» не вышел. См. письмо Блока А. В. Луначарскому от 18 октября 1918 г., в котором поэт обращался к наркому просвещения с просьбой помочь изданию уже готовых к печати своих книг: «я продал свой „Театр“ и три книги стихов издательству „Земля“, все они печатаются в 1-й государственной типографии, которая теперь переходит к издательству Смольного. 〈. . .〉 Работа над моими книгами приходит к концу, осталось допечатать 17 листов. Я очень пострадал бы, если бы две последних книги выбросили из машины, не дав их закончить, тогда как две первых уже вышли и продаются. 〈. . .〉 Я был бы очень обязан Вам, если бы Вы помогли нам с тов. Алянским довести до конца эти работы, которые замедлились не по нашей вине» (VIII, 516). См. также И. А. Чернов, А. Блок и книгоиздательство «Алконост». — «Блоковский сб.», 1, с. 534—535.

[3] Видимо, речь идет об Илье Ионовиче Ионове-Бернштейне (1887—1947), заведующем Петроградским отделением Госиздата.

[4] Издание не состоялось.

[5] По-видимому, в «Земле» планировалось и издание стихов В. Н. Княжнина, к которым Блок намеревался писать предисловие — см. письмо Блока В. Н. Княжнину от 26 августа 1918 г. («Письма Александра Блока», с. 209).

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — КОНСТ. ЭРБЕРГУ (К. А. СЮННЕРБЕРГУ)

11 февраля 1919. Ц〈арское〉 С〈ело〉.

〈...〉 Что слышно о В〈ольной〉 Ф〈илософской〉 А〈кадемии〉? Телеграмма Лундберга (последняя) была от 1/II, и я тогда же сообщил ее Вам по телефону [1]. Луначарский не только приехал, но, вероятно, уже и уехать собирается; неужто же наш воз и ныне там? Письмо Андрея Белого вполне можно было передать [2], ибо к Лун〈ачарскому〉 могли бы заехать — Вы, А. А. Блок, А. З. Штейнберг [3], В. В. Бакрылов [4], полный кворум. За чем же дело стало?..

ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 145.

[1] Е. Г. Лундберг находился в Москве, где хлопотал об учреждении Вольной философской академии. Ср. запись Блока от 26 января 1919 г.: «Телефон от Бакрылова: в Москве нашли «несвоевременной» Вольную философскую академию и предложили учредить Вольное философское общество (с субсидией)» (ЗК, 447).— «Вольная философская академия» была задумана осенью 1918 г. Инициаторами этого начинания были Иванов-Разумник, Блок, Андрей Белый, Эрберг, Лундберг и др. Конст. Эрберг вспоминал: «Вольная философская ассоциация предполагалась первоначально, по предложению А. В. Луначарского, в форме В〈ольной〉 Ф〈илософской〉 академии. Предположение это было сделано на одном из первых собраний в квартире Вс. Н. Всеволодского, где одновременно рассматривался и проект положения о Театр〈альном〉 отделе Наркомпроса. Потом, однако, все же вернулись к «Ассоциации», как к понятию более широкому» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 53, л. 56).

[2] Имеется в виду официальное ходатайство об учреждении Вольной философской академии за подписью Андрея Белого (которому предстояло стать председателем будущего общества), обращенное к А. В. Луначарскому, приехавшему в начале февраля 1919 г. из Москвы в Петроград.

[3] См. наст. кн., с. 819.

[4] Владимир Васильевич *Бакрылов* (1893 — 1922)—журналист, революционный деятель, после Октябрьской революции примкнул к левым эсерам; в 1918 г. был назначен правительственным комиссаром государственных театров, был секретарем Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса; секретарь Вольной философской ассоциации с момента ее утверждения. См. биографические сведения о нем в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 35; оп. 4, ед. хр. 6).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

7 марта 1919 г.

Милая моя сестрица, 〈...〉 Софа [1] скончалась 5го марта. Вчера вечером [2] я получила от Адама [3] телеграмму: *Софа скончалась вчера Москве воспаления легких Адам*. Сообщаю тебе эту весть и прошу тебя вынести эту горесть твердо. Мы с тобой теперь две сестры остались. Пусть Бог поможет нам теперь ближе скрепиться, не вредить друг другу. Мне очень хочется к тебе. И как только у тебя наладится, и станет теплее, я бы хотела к тебе приехать. 〈...〉 На днях Иванов-Разумник [4] привез мне из Москвы письмо от О. Д. Форш [5], которая написала мне, что она живет, нанимает две комнаты, в квартире наших кузин Бекетовых [6], Варвара Сергеевна [7] скончалась 17 февраля от воспаления легких. Ну, эта ведь очень стара была. А Софа-то наша. 〈...〉 Душенька вышел из председателей Отдела [8], но остался в Бюро. Он перешел в Мировую Литературу[9]. Был уже в заседании на Невском [10].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 1—2 об.

[1] С. А. Кублицкая-Пиоттух.

[2] Ср. запись Блока от 6 марта 1919 г.: «Известие о смерти тети Софы» (ЗК, 451).

[3] А. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

[4] Р. В. Иванов-Разумник.

[5] С Ольгой Дмитриевной Форш Александра Андреевна познакомилась и сблизилась зимой 1911—1912 г. у П. С. Соловьевой на «средах» сотрудников детского журнала «Тропинка». См.: М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л.—М., 1925, с. 155—156.

[6] Екатерина Алексеевна и Наталья Алексеевна Бекетовы — дочери Алексея Николаевича Бекетова, двоюродного деда Блока.

[7] Варвара Сергеевна Бекетова — мать Е. А. и Н. А. Бекетовых. Ср. запись Блока от 6 марта 1919 г.: «Известие о смерти В. С. Бекетовой (мать Кати и Наташи)» (ЗК, 451).

[8] Театральный отдел Наркомпроса, членом которого Блок был с конца марта 1918 г. (ТЕО был учрежден 29 июня 1918 г. До этого при Наркомпросе существовал Театральный совет, в историко-театральную секцию которого входил Блок) по июнь 1919 г., выполняя разнообразные функции: члена бюро, редактора альманаха «Репертуар», а главное — председателя Репертуарной секции, каковым он номинально являлся с 3 июля 1918 г. (О назначении Блока см. его записи в Записной книжке № 56 от 3 и 4 июля 1918 г.— ПД, ф. 654, оп. 1, № 364, л. 110 об.— 111).

Фактически председательские обязанности Блок стал выполнять с октября 1918 г. (См.: Ю. К. Герасимов. Александр Блок и Советский театр первых лет революции (Блок в Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса).— «Блоковский сб.», 1, с. 329, а также наст. т., кн. 4. Блок вел огромную работу по разработке репертуара народных театров, практически выполняя обязанности даже секретаря секции. Непомерность нагрузки и отсутствие ощутимых результатов привели к тому, что уже в конце 1918 г. Блок начал тяготиться ролью председателя и неоднократно просил В. Э. Мейерхольда об отставке. (См. записи Блока от 17 и 18 ноября 1918 г.— ЗК, 436). Просьба его была удовлетворена только 1 марта 1919 г. после очередного прошения, поданного 28 февраля (ЗК, 451). О своей отставке Блок сообщил членами секции на заседании 3 марта 1919 г. Секция в ответ выразила «глубокое сожаление по поводу ухода А. А. Блока и горячую благодарность за понесенные им труды» (Копия «Дневника № 32 Репертуарной секции» от 3 марта 1919 г. — ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 5, л. 155). После отказа от председательствования Блок продолжал в марте-июне месяце работать в Театральном отделе, присутствуя иногда на заседаниях секции и редактируя сборник «Репертуар». В архиве Блока (ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 3, л. 3) хранятся его наброски неосуществленного 2-го выпуска альманаха Репертуарной секции, датированные 8 апреля 1919 г. От редактирования сборника «Репертуар» Блок отказался 13 июня 1919 г. (см. его запись от этого числа — ЗК, 463), вероятно, после распоряжения заведующей ТЕО О. Д. Каменевой изъять из подготавливаемого к печати сборника «Репертуар» статьи Блока и А. М. Ремизова (ср. запись Блока от 11 июня 1919 г.— ЗК, 463).

[9] О Петроградском издательстве «Всемирная литература» (1918—1924), организованном при Наркомпросе по инициативе М. Горького в апреле 1918 г. и деятельности в нем Блока см. в наст. т., кн. 4.

[10] Издательство «Всемирная литература» размещалось в «обширном помещении» на Невском, 64. «Заседания литературной коллегии «Вс. Лит.» происходили в помещении редакции два раза в неделю. На них решались вопросы общего и частного характера, читались доклады и происходили прения» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 267).

Н. Г. ПОЛЕТАЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Петроград, 9 марта 1919 г.

Как беспомощна в сравнении с Вашей поэмой [1] блоковская «Двенадцать»; как она реалистически протокольна и идейно беспомощна.

Почему так много говорят о ней и молчат, говорят, может быть, но мало, почти молчат о Вашей поэме?

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 247.

Николай Гаврилович *Полетаев* (1889—1935) — поэт-пролеткультовец, слушатель студии А. Белого в ЛИТО Пролеткульта. Отзыв А. Белого о литературной технике Н. Г. Полетаева, высказанный на заседании студии в день написания цитируемого письма см.: «Гудки», 1919, № 2, с. 30. О беседах с А. Белым см.: Николай Полетаев. О трудовой стихии в поэзии.— «Кузница», 1920, № 1, стр. 20.

[1] Имеется в виду поэма «Христос воскрес».

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

18 марта 1919 г.

Милая, моя тетя, ты не получаешь писем? Да ведь подумай, как теперь все заняты! Ни у кого минутки нет свободной. Я и то бегаю за кониной и картофелем, стою в кухне, штопаю и кладу заплаты и держу корректуры [1]. На днях я отправлялась к Чуковскому [2], но видно — не судьба, потому что встали трамваи, и я к нему не попала. «Пустынный дом» [3] взят. Это решено. Все дорожает. Пропитание все затруднительнее. Ленин, в одной из своих официальных речей [4], объявил, что теперь наступает самое тяжелое из всех полугодий, но это — *последнее* [5]. Таким образом, мы должны быть готовы к труднейшему. 〈...〉 Душенька мой устал и в дурном настроении. У них очень холодно и, хотя он почти расстался с Отделом [6], все-таки он не может делать *своего дела*, и это видимо его угнетает [7]. Тем более, что Андрей Белый, восхищенный Катилиной [8], написал ему из Москвы [9], чтобы он писал и бросил все [10]. А деньги добывать надо. И все это его гнетет. Ты пишешь, что я лучше, чем я о себе думаю. Меня — 5 человек, а может и больше. Я не только раздвоилась, а упятерилась. И уж, кажется, даже один за другого не отвечает, до того они разные во мне. Потому и мнения обо мне *нельзя* иметь. Таков результат культуры: хаос...

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 3—4 об.

[1] Подразумеваются, в частности, корректуры сборника «Репертуар», редактором которого был Блок. Ср. запись Блока от 16 марта 1919 г.: «До глубокой ночи — мука над корректурами «Репертуара», над которыми сидела и мама» (ЗК, 452, 453).

[2] К. И. Чуковский с 1918 г. возглавлял англо-американский отдел издательства «Всемирная литература».

[3] «Пустынный дом» (или «Холодный дом») — роман Ч. Диккенса (1812—1870) в переводе Е. Г. Бекетовой. Блок, видимо, рекомендовал этот перевод издательству «Всемирная литература» (через посредничество К. И. Чуковского — ср. запись Блока от 5 марта 1919 г.: «Заседание у К. Чуковского. С Чуковским о «Холодном доме» — ЗК, 451), в научных планах которого значился упомянутый роман Диккенса (см.: «Каталог издательства „Всемирная литература“». Пб., 1919, с. 64).

[4] Речь В. И. Ленина 13 марта 1919 г. на митинге в Народном Доме в Петрограде. Ленин познакомил слушателей с внутренним и международным положением Советской республики.

[5] Отчет о митинге публиковался в газете «Северная коммуна», № 58, от 14 марта 1919 г. Там были приведены следующие слова Ленина: «Мы вступили в тяжелое, голодное полугодие, когда все наши внешние и внутренние враги 〈...〉 пытаются свергнуть власть Советов 〈...〉 нам придется пережить полугодие еще более тяжелое, чем только что истекшее. 〈...〉 Указав 〈...〉 на ту продовольственную помощь, которую 〈...〉 окажут Дон и Украина, тов. Ленин восклицает: «Это полугодие — последнее тяжелое полугодие!» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 31, 36).

[6] См. прим. 8 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 7 марта 1919 г.

[7] Ср. оценку А. А. Кублицкой-Пиоттух состояния Блока в марте 1919 г. с его записью от 21 ноября 1918 г. по поводу перечня дел по Театральному отделу: «Ужас! Неужели я не имею простого права писательского?» (ЗК, 436) и признанием Блока в письме М. Ф. Андреевой от 27 апреля 1919 г.: «Уходя из Театрального отдела, я уходил, собственно от специфически театрального, от «театральщины» в литературное, как в стихию более родную, где, мне кажется, я больше могу сделать» (VIII, 523).

[8] Статья Блока «Катилина» была написана 22 апреля — 17 мая 1918 г. Впервые опубликована отдельной брошюрой в начале 1919 г.: А. Блок. Катилина. Страница истории мировой революции. П., «Алконост», 1919.

[9] Письмо А. Белого к Блоку от 12 марта 1919 г.

[10] А. Белый приветствовал освобождение Блока от «председательствования в „Т〈еатральном〉 О〈тделе〉“» и призывал его писать: «„Катилина“ дает о Тебе знать, что Ты в Духе; а писать сейчас, это — больше, чем учреждать 10 университетов. Каждая книга — осуществленная Академия 〈...〉». В «Катилине» А. Белый видел «то, что именно нужно сейчас: монументальность, полет, и всемирно-исторический взгляд, соединенный с топчайшими индивидуальными переживаниями» («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 340—341).

ИЗ ДНЕВНИКА И. В. ЕВДОКИМОВА

Вологда, 6 апреля 1919 г.

〈...〉 Целый день просидел сегодня за столом и написал большую статью «Поэма «Двенадцать» Александра Блока» [1].

ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 124, л. 203 об.

[1] Статья (подписанная псевдонимом «А. Георгиев») напечатана в вологодских «Известиях» 16 и 17 апреля 1919 г. (№ 84, 85). В заключение статьи И. В. Евдокимов писал: «Поэма «Двенадцать» в шуме и суете стремительно несущихся событий даже мало кому известна, но ее огонь, ее отраженное сияние рано или поздно получит всеобщее любовное признание, ибо это гениальная летопись Октября, его создание, наиболее яркое достижение русской литературы в 1918 году. Будущий историк-художник, Ключевский нового строя сделает ее настольной, чтобы яснее и зорче перед ним встало наше бурное, небывалое в истории время, его трепет таинственный и многогранный».

Е. Г. ЛУНДБЕРГ — КОНСТ. ЭРБЕРГУ (К. А. СЮННЕРБЕРГУ)

15 апр〈еля 1919. Москва〉

〈...〉 В Москве возникла возможность осуществить задуманную Вами Скифскую Академию. Уже есть помещение и расходный minimum в 50 тыс. руб. в месяц. Вы, Блок и Иванов-Разумн〈ик〉 могли бы наметить, как, когда и на каких условиях Вы могли бы бывать в Москве с отд〈ельными〉 или систематическими лекциями [1].

ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 183.

Евгений Германович *Лундберг* (1883—1965) — писатель, критик.

[1] «*Скифская Академия*» — «Вольная философская академия» (см. наст. том, кн. 2, с. 380—381). Предложение Лундберга не было принято. «Скифская Академия» — Вольная философская ассоциация — начала свою деятельность в ноябре 1919 г. в Петрограде.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

3 мая 1919 г. 8 часов вечера

〈...〉 Сейчас пришел Душенька и сказал, что объявлено в Петербурге и губернии осадное положение [1]. Вышел приказ: все печатание приостановить ввиду отсутствия бумаги, рабочих (всеобщая мобилизация) [2]. Поэтому и с твоими вещами нечего торопиться. Как только у меня будет получше — сильнейший бронхит, я пойду в «Северное сияние» с твоей рукописью и скажу там, все что тебе надо.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17.

[1] Вследствие угрозы Петрограду со стороны белофиннов постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны республики от 3 мая 1919 г. Петроград, с примыкающими к нему Петроградской, Олонецкой и Череповецкой губерниями, был объявлен на осадном положении.

[2] См. «Обязательное постановление» Отдела печати, агитации и пропаганды Петросовета за подписью зав. отделом М. Лисовского, по которому «ввиду переживаемого острого бумажного кризиса» временно ограничивалось «печатание книг, брошюр и плакатов, не вызываемых непосредственной необходимостью данного момента». Выпуск в свет новых изданий допускался только с особого разрешения отдела печати Петроградского совета.— «Северная коммуна», 1919, № 96 (289), 3 мая, с. 1. См. также «Обязательное постановление» Комиссариата по военным делам г. Петрограда и Петроградской губернии № 84581 «О призыве лиц, не эксплуатирующих чужого труда, проживающих в гор. Петрограде, родившихся в 1879—1901 гг., прошедших и проходящих курс всеобщего военного обучения».— «Северная коммуна», 1919, № 96, (289), 3 мая, с. 1, ср. с записью Блока от 3 мая 1919 г.: «Объявление о каком-то призыве. По этому поводу — во „Всемирную литературу“» (ЗК, 458). Об отношении Блока к воинской повинности см. пометы о постановке на учет и снятии с него в его личной военноучетной карточке (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 394, л. 10). Блок был принят на учет 7 февраля 1919 г. В мае 1919 г. ему была предоставлена отсрочка впредь до особого распоряжения согласно удостоверению губвоенкомиссии от 21 мая 1919 г. № 123. 28 февраля 1921 г. Блок был снят с учета в связи с достижением предельного возраста.

[3] «Северное сияние» (1919—1920) — ежемесячный журнал для детей, был основан при участии Горького в 1919 г. Совместное издание литературно-издательского отдела Наркомпроса и Комиссариата по социальному обеспечению. Председателем редакционной коллегии был Горький. (См.: И. Р. Белопольский. М. Горький и «Северное Сияние». Воспоминания.— ИМЛИ, архив А. М. Горького; М. И. Алексеева. Журнал для детей «Северное Сияние».— «Вестник Моск. ун-та», серия XI, № 4, 1966, с. 75—77). М. А. Бекетова была одним из авторов журнала.

А. БЕЛЫЙ И С. М. АЛЯНСКИЙ
Фотография, 1918
Музей истории Ленинграда

С. М. АЛЯНСКИЙ — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Петроград, 23 мая 1919 г.

〈...〉 Головин сделал обложку к «Песне судьбы», обложка очень хорша [1].

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 928, л. 1 об.

[1] К изданию: А. Блок. Песня Судьбы. Драматическая поэма. П., «Алконост», 1919. Переработкой пьесы Блок занимался 6—8 января 1919 г. (ЗК, 444—445), 5 февраля он сдал ее Алянскому (ЗК, 448). 10 июня 1919 г. он получил первый экземпляр этого издания (ЗК, 463). Отрицательную оценку обложки А. Я. Головина («очень неприятная») см в заметке Е. Ф. Книпович «Издательство „Алконост"» («Дом искусств», 1921, № 2, с. 105).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

25 мая 1919 г.

〈...〉 Я сегодня говорила по телефону с Томилиной [1]. Она принимает теперь только два раза в неделю: в пятницу и вторник: «Зимой, действительно, Лилиной [2] хотелось пьесу. Она спрашивала, но теперь не такой момент. все приюты эвакуированы на юг, и о пьесах не думают. Но вы все-таки принесите мне рукопись [3]. Нам с вами надо увидеться и переговорить»; тон любезный, но кисловатый. Я во вторник (27го мая) пойду в редакцию [4] с рукописью, если ничего не помешает. 〈...〉. Ходит ко мне довольно часто Евг〈ения〉 Федоровна Книпович [5]. С ней иногда хорошо говорим. Она страшно похожа и не похожа на меня [6], и мы понимаем друг друга полунамеками. Такого понимания я еще не встречала, т. е. понимания меня. А Билибина [7] сидела у меня на днях долго. Тут зато непонимание, дальше которого идти нельзя, все больше убеждаюсь, что либерализм — это крест могильный. Сколько тоски и какой страшной смертной тоски в его атмосфере: большего тупика, кажется, нет [8]. Зато иногда вечером приходят пить чай Саша и Люба. Это мне уж прямо пир и веселье. Зато и после всю ночь не сплю от возбуждения.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 23 об.— 24 об.

[1] Вера Валерьевна *Томилина* — литератор; в 1919 г.— один из членов редакции журнала «Северное сияние». В 1925 г.— заместитель редактора издания «Рабочий суд». В № 7-12 журнала «Северное сияние» за 1920 г. был опубликован рассказ В. Томилиной «Кисет».

[2] Злата Иоповна *Лилина* — заведующая сектором социального воспитания при Педагогическо-просветительском отделе Петроградского губернского отдела народного

образования, член редколлегии журнала «Северное сияние», член КУБУ (Комиссии по улучшению быта ученых).

[3] Речь идет, видимо, о пьесе для детей М. А. Бекетовой, которую она предлагала в «Северное сияние».

[4] Ср. письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 27 мая 1919 г.: «Ну вот, миленький друг, я была сегодня у Томилиной ⟨...⟩ Томилина непременно пожелала дать мне расписку в том, что твои рукописи «Золото» и «Шарады» будут возвращены ею на днях. Она мне передала «Асканью» с заметками Горького. Асканья не принята, потому что ее нет больше. «Золото» Томилина считает годным с поправками. Но отдает, потому что еще ни один № не вышел; матерьял есть. И денег все равно долго не получишь. Пьесу твою я носила и о ней с Томилиной говорила. Социальное обеспечение просило пьес в январе. Теперь момент не соответствует. Я унесла пьесу к себе. Она у меня» — ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 25—25об.

[5] Е. Ф. Книпович познакомилась с Блоками в начале 1918 г. На письме Е. Ф. Книпович Блоку от 28 декабря 1917 г. Блок пометил: «2 II прошу зайти, если хочет поговорить» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 272, л. 2 об.). Судя по записям в дневнике и записной книжке, личное знакомство произошло раньше, 31 января 1918 г. (VII, 324; ЗК, 387).

[6] Ср. первое впечатление Блока от Е. Ф. Книпович: двойственность и напряженность ее внутреннего облика («Есть и то, что в современной молодежи, но пострадала, от того и — борьба»); черты духовного родства — в перечислении имен Стриндберга, Ибсена, А. Григорьева; мысль о том, что «женщина, может быть, тоже может пройти Фаустовский путь» (VII, 324).

[7] Варвара Александровна *Билибина* (ум. 1920) — жена отставного тайного советника Якова Ивановича Билибина, мать художника Ивана Яковлевича Билибина и профессора Петроградских женских политехнических курсов Александра Яковлевича Билибина; давняя приятельница М. А. Бекетовой и А. А. Кублицкой-Пиоттух.

[8] Ср. прим. 1 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. П. Ивановой от 16 февраля 1921 г.

И. Я. РАБИНОВИЧ — А. Г. ГОРНФЕЛЬДУ

Харьков, 1 июня 1919 г.

⟨...⟩ «Творчество» закрыто «начальством» из-за отсутствия бумаги [1]. 5-ый номер выйдет и там будет помещено все вами присланное (Блок[2], Кузмин, Измайлов, Горнфельд, Гумилев) [3]. А затем — затем перенесем журнал в Петербург. Я это серьезно говорю [4].

ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 442, л. 1.

Иосиф Яковлевич *Рабинович* (псевдоним «О. Ларин») — журналист, сотрудник «Речи», «Русской молвы» и других петербургских газет, в начале 1910-х годов — секретарь С. А. Венгерова.

[1] «Журнал художественного цеха» «Творчество» выходил в Харькове в 1919 г. (5 выпусков) под редакцией И. Я. Рабиновича. Первый номер открывался статьей И. Я. Рабиновича «Пушки и музы», в которой формулировалась задача журнала: «Посильное служение искусству вечному, бережное отношение к его прошлому, отметание всего случайного и временного, борьба со всем застывшим, косным, шаблонным, как бы ценно ни было в свое время то, что легло в основу трафарета» (с. 3). В журнале печатались авторы, жившие тогда в Харькове (А. И. Белецкий, А. А. Смирнов, О. Э. Мандельштам, Г. А. Шенгели, И. Г. Эренбург и др.), а также петербургские и московские писатели (Ахматова, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, А. Ремизов, М. Гершензон, А. Радлова и др.).

[2] 20 апреля 1919 г. Блок писал А. Г. Горнфельду: «Пользуясь праздником, я наскреб для харьковского журнала стихов — сорок строчек. Стихи давнишние, но напечатаны не были, и потому я чувствую себя вправе ждать продовольствие от Ларина» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 230). В «Творчестве» (№ 5-6) опубликованы 4 стихотворения Блока («сорок строчек»: «Сфинкс», (I, 362), «Смеялись бедные невежды...» (I, 346), «Жизнь — как море она — всегда исполнена бури...» (I, 386), «Мы были вместе, помню я...» (I, 404) — эти публикации не учтены в примечаниях к собранию стихотворений Блока в 8 томах. Сообщая А. Г. Горнфельду, что стихотворения «напечатаны не были», Блок не точен: первые дважды публиковались в газетах (I, 646), а второе — в журнале «Вершины» в 1915 г. (I, 641). Первые три стихотворения Блок в 1920 г. передал для публикации и в другие журналы и сборники (I, 646, 650, 654). Ранее они же были предназначены для несостоявшегося альманаха, посвященного революции (ЗК, 425).

[3] В № 5-6 «Творчества» были помещены: рассказ М. А. Кузмина «Два чуда», стихотворение Н. Гумилева «Дагомея», статья А. А. Измайлова «„Закат ересиарха“ (В. В. Розанов)».

[4] Издание журнала в Петрограде не состоялось. Еще 24 августа 1919 г. в телеграмме из Харькова И. Я. Рабинович просил А. Г. Горнфельда содействовать в получении произведений Ремизова, Сологуба, Кузмина, Блока, С. Радлова (ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 442, л. 2).

Но на № 5-6 издание журнала остановилось. Следует отметить и другие случаи, когда А. Г. Горнфельд пытался оказать помощь Блоку и его семье,— см., например, письмо Горнфельда к Л. Я. Круковской о желательности приобретения издательством готового перевода романа Ж. Рони-старшего «Красный вал», выполненного А. А. Кублицкой-Пиоттух (ЦГАЛИ, ф. 255, оп. 1, ед. хр. 4, л. 2).

А. Н. ТИХОНОВ — В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ

Петроград, 4 июня 1919 г.

〈...〉 В Петербурге затевается ежемесячный журнал «Завтра». Редакция: М. Горький, Замятин, Блок, Чуковский и я. Издатель — З. Гржебин. Журнал посвящен вопросам культуры и искусства. Политики вовсе нет. 〈...〉 Рассчитываем на прозу Белого, Зайцева, Шмелева, Тренева, Брюсова. Поэтов Вы выберете сами, вплоть до футуристов.

ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 80.

В записных книжках Блока первый разговор о будущем журнале на квартире у Горького отмечен 9 апреля 1919 г. (ЗК, 455). Разговор продолжался 12 и 14 мая (ЗК, 460). 11 июня записано: «С Чуковским в Смольном — по поводу „Завтра“» (ЗК, 463). Издание не состоялось. В Архиве А. М. Горького сохранилась программа ежемесячного внепартийного журнала «Завтра»: «борьба за культуру, защита культурных завоеваний и ценностей, объединение всех интеллектуальных сил страны, восстановление духовных связей с Западом, прерванных всемирной войной, приобщение России к великому Интернационалу Духа, который будет неминуемо создан — и уже создается — в завтрашней преображенной Европе» (Пл.-Г-1-66-1). В этой программе Блок значится сотрудником отделов «Поэзия и проза» и «Библиография».

О программе журнала «Завтра» см. также письмо Горького В. В. Воровскому от июня 1919 г. («Архив А. М. Горького», т. XI. М., 1966, с. 12).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

14 июня 1919 г.

〈...〉 Франц [1] заболел. У него воспаление в левом легком. 〈...〉 Вчера был Инге [2]. 〈...〉 Леля [3] была у меня уже два раза. 〈...〉 Митя [4] не болен — он арестован по недоразумению, и его скоро выпустят [5]. Хлопочет о нем Блок, Лурье [6], М. Ф. Андреева.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 27—28. Автограф.

[1] Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

[2] Джон Францевич *Инге* — домашний врач А. А. и Ф. А. Кублицких-Пиоттух, терапевт, лечивший также и Блока.

[3] Ольга Алексеевна *Мазурова* (урожд. Желябужская), давняя знакомая семьи Бекетовых, подруга по гимназии М. А. Бекетовой, приятельница А. А. Кублицкой-Пиоттух.

[4] Дмитрий Николаевич Мазуров, сын О. А. Мазуровой.

[5] Д. Н. Мазуров был, действительно, вскоре освобожден. См. упоминание о нем в письме А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 14 февраля 1920 г.

[6] Артур Сергеевич *Лурье* (1893—1966) — композитор; заведующий музыкальным отделом Наркомпроса. В 1920-е годы написал симфоническую кантату на слова А. Блока (см. прим. к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 19 мая 1920 г.), музыку к сопровождению (хор женских голосов) для чтения трех стихов Ахматовой, романсы на стихи Верлена и Блока, музыку к «Левому маршу» Маяковского. Позднее уехал за границу, жил в Нью-Йорке. Ему принадлежат воспоминания о Маяковском, Хлебникове, Крученых, Кульбине, Татлине, Митуриче, Бруни, Якулове, Пунине, Бурлюках. В первые годы после Октябрьской революции Блок поддерживал знакомство с А. С. Лурье, встречаясь с ним в артистическом клубе «Привал комедиантов» (см.: М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 276). (Ср.— в письме А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 5 апреля 1919 г.: «Лурье уехал в Москву и передал Саше свой билет в Мариинском театре. Саша почти каждый день в опере»: см. о Лурье также в ее письмах М. А. Бекетовой от 19 мая и 20 декабря 1920 г.).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

5 июля 1919 г.

〈...〉 Дорогая моя тетя, дай Бог только, чтобы эта благословенная пенсия [1] получилась правильно. Ты верно уж теперь прочла в моем заказном письме все подробности [2]. Адреса Евг〈ении〉 Егор〈овны〉 [3] не знаю. Она меня научила подать прошение, по моей горячей просьбе, посоветовать, как вывести тебя из твоего тяжкого положения. Она мне сказала тогда, чтобы я не откладывала, и я в тот же день составила прошение [4], а Душенька на другой день послал его заказным в Москву. 〈...〉. Ал. Вас. Гиппиус приехал из Вятской губ〈ернии〉 [5] ненадолго, за матерью. Он учительствует в коммунальной школе, доволен, поправился. Мы с ним хорошо говорили, и он очень дружески ко мне относится. 〈...〉 О Люб〈ови〉 Алекс〈андровне〉 [6] мало знаю. Она почти не заходит, много поет красноармейцам и матросам, сильно занята. О лекциях 〈в〉 Мировой Литературе [7] говорится, но они едва ли состоятся. Душенька занят Гейне [8], переделывает старые переводы; представь, лучшие оказались Коломийцова! [9] И все-таки он их сильно переделывает. Вчера мне читал. Очень хорошо — новый Гейне!

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 33—34.

[1] Речь идет о пенсии для М. А. Бекетовой.

[2] См. письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 25 июня 1919 г.: «Сегодня получила от Фероля радостное известие, что тебе назначена пенсия (1590 р.) в месяц. Я нарочно тебе не писала о том, что хлопочу, потому что мало надеялась на успех. 〈...〉 Это я подавала прошение в Москву (заказным) в Комиссариат Народного Просвещения, как мне посоветовала Евг〈ения〉 Егор〈овна〉 Соловьева. Она говорила с Луначарским, и он сказал, чтобы я подала прошение. Я расписала там про твои литературные, а отцовские — научные заслуги».— ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 29—29 об.

[3] Евгения Егоровна *Соловьева* — педагог, литератор; в 1919 г. заведовала одним из детских домов Петрограда. А. А. Кублицкая-Пиоттух познакомилась с ней у П. С. Соловьевой на «средах» сотрудников детского журнала «Тропинка» зимой 1911 г. (см.: М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л.—М., 1925, с. 155—156).

[4] См. прим. 2.

[5] А. В. Гиппиус жил в это время в г. Мураши Вятской губернии. О его деятельности в Мурашах см. в письме А. В. Гиппиуса Блоку от 3 мая 1919 г. (в кн. 1 наст. тома). Кстати, Блок, видимо, предполагал отправить к А. В. Гиппиусу в Вятку тяжело болевшего Е. П. Иванова (см. запись Блока от 10 марта 1919 г.— ЗК, 452).

[6] Л. А. Дельмас. Она выступала в 1919 г. в Театре музыкальной драмы, позднее влившемся в организованную в 1920 г. труппу Большого оперного театра Народного дома.

[7] Вероятно, имеются в виду доклады и чтения в «Студии художественного перевода», открывшейся при издательстве «Всемирная литература» в феврале 1919 г. и по сути ставшей школой для начинающих поэтов и писателей. При студии существовал и просветительский отдел, который устраивал циклы публичных лекций «Всемирная литература» XIX—XX вв. «Среди руководителей и лекторов студии были: Ф. А. Браун, А. Л. Волынский, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин. М. Л. Лозинский, К. И. Чуковский и др.» (См.: «Жизнь искусства», 1919, № 72, 6 февраля, с. 2). Блок принимал участие в культурно-просветительской деятельности издательства. 12 июля 1919 г. им была прочитана в Студии «Всемирной литературы» глава из поэмы «Возмездие» и только что написанное им предисловие к поэме (см. ЗК, 466 — запись от 12 июля 1919 г.). См.: И. А. Шомракова. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918—1924).— В сб.: «Книга. Исследования и материалы», сб. XIV. М., 1967, с. 190.

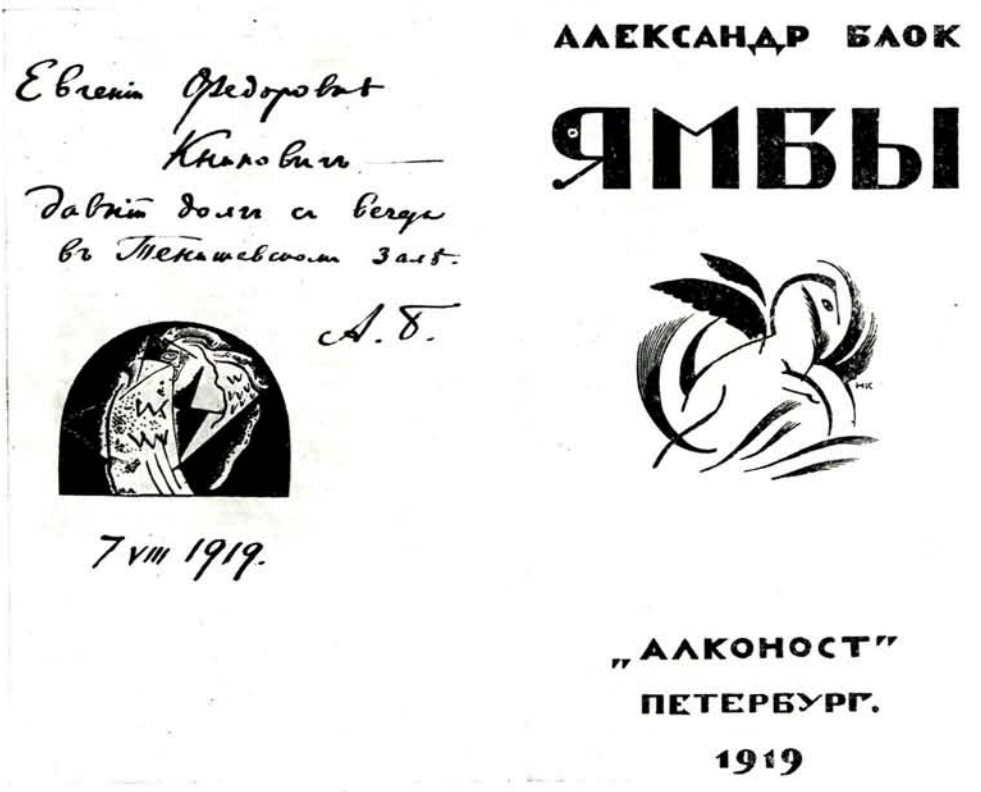
[8] С ноября 1918 г. Блок работал над изданием собрания сочинений Г. Гейне для издательства «Всемирная литература» (ЗК, 437—440).

[9] Виктор Павлович *Коломийцов* (1868—1930) — переводчик, музыкальный критик. Его переводы Гейне Блок начал редактировать 29 июня 1919 г. (ЗК, 465).

Ю. А. НИКОЛЬСКИЙ — Л. Я. ГУРЕВИЧ

Нижний-Новгород, 8 июля 1919 г.

〈...〉 Вообще идет новое американское что-то и Блок может порадоваться, что он первый увидел, кажется, над русской равниной «Америки новой звезду». [1]

БЛОК. ЯМБЫ. Пб., «АЛКОНОСТ», 1919
Обложка и авантитул с дарственной надписью Блока Е. Ф. Книпович
Собрание Е. Ф. Книпович, Москва

ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 162, л. 47, об.

[1] В предшествующей части письма Ю. Никольский описывает своего коллегу по Нижегородскому университету с чертами «американизма». Позднее, в некрологе Блока, он писал: «Поэту кажется, что новым к нам ликом обратится необычайная наша загадка Русь: над нами загорится «Америки новой звезда». Что это? Наше будущее?» (Ю. Никольский. Пророк.— «Общее дело», 1921, № 429, 19 сентября). Цитируется стихотворение Блока «Новая Америка» (III, 268).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

10 октября 1919 г.

〈...〉 Вскоре после твоего отхода пришли Люба и Саша, Люба с булками, Саша с хорошими вестями для тебя. Оказывается «Ньюкомы» [1] приняты и дадут тысяч 20. Кроме того, и многое из Брет-Гарта [2]. Кроме того, тебе еще отложено денег — остатки за «Пустынный Дом» [3]. Так что на эту зиму ты, кажется, во всяком случае, обеспечена. Кроме всего этого, Саша видел Томилину [4] («Северное Сияние» [5] с Галерной [6] перешло во «Всемирную Литературу», на Моховую)[7], и Томилина ему сказала, что «Дрозд» [8] напечатан, а если желательно — твоя «Сказка» [9] 〈?〉 к Рождеству, но Томилина предупреждает, что редакция будет строгая: Горький [10] и Лилина [11].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 7.

[1] «Ньюкомы. История одной весьма достопочтенной фамилии» — роман английского писателя В. М. Теккерея (1811—1863); в русском переводе — Сб., 1855. Здесь и далее в письме речь идет о переводах Е. Г. Бекетовой, бабушки Блока. М. А. Бекетова получала

свою долю от продажи этих переводов издательству «Всемирная литература» (см.: М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 269), в научные планы которого входило издание упомянутого романа Теккерея. См.: «Каталог издательства „Всемирная литература"». Пб., 1919, с. 64. Из-за отсутствия бумаги большинство книг, подготовленных издательством к печати в 1919 г., так и не увидело света. В архиве Блока сохранились его записи о расчетах с издательством «Всемирная литература» за переводы Е. Г. Бекетовой, в них указано: «Доплаты получено 1945 р. 55 к.— Ньюкомы пойдут (ред.— Чудовский). 〈...〉 За «Ньюкомы», ч. II,— 7200 рублей» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 375, л. 4—5).

[2] Френсис Брет Гарт (1836—1902) — американский писатель. Е. Г. Бекетовой принадлежали переводы некоторых его рассказов (см.: Брет Гарт. Собр. соч., т. 4, СПб., 1899). В основной серии издательства «Всемирная литература» предполагался выпуск трехтомного собрания его сочинений. См.: «Каталог издательства „Всемирная литература"», с. 76. По поводу своей договоренности с издательством «Всемирная литература» об издании этих переводов Е. Г. Бекетовой Блок записал: «*Взяты*: Брет—Гарт, *перев〈оды〉 бабушки*» и далее перечислил 14 принятых рассказов, среди них — «Влюбленный Энрикес», «За чертой прилива», «Роман Джефферсона Бриггса», «О том, как Санта-Клаус пришел в Симпси-бар», «В снегах на Орлином Дворе» и др. (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 375, л. 2).

[3] См. прим. 3 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 18 марта 1919 г.

[4] См. прим. 1 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 25 мая 1919 г.

[5] См. прим. 3 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 3 мая 1919 г.

[6] Первоначальный адрес журнала: Красная ул. (б. Галерная), д. 14, кв. 8.

[7] О переезде редакции «Северного сияния» по адресу издательства «Всемирная литература» (Моховая ул., д. 36) сообщалось в № 5-6 (май — июнь) за 1919 г.

[8] «Дрозд» — стихотворение М. А. Бекетовой; было напечатано в «Северном сиянии», № 3-4, 1919, с. 61. Вследствие типографских затруднений номер вышел со значительным опозданием (см. отзыв об этом выпуске журнала: «Вестник литературы», 1919, № 9).

[9] «Сказка» М. А. Бекетовой в «Северном сиянии» не публиковалась.

[10] Горький возглавлял редакционную коллегию «Северного сияния».

[11] См. прим. 2 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 25 мая 1919 г.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

27 ноября 1919 г.

〈...〉 Живем по-прежнему. Ноги Франца [1] слабеют. Мало дров. Все дорожает. *Твои деньги* [2] *у меня и у Саши.* 〈...〉 Боюсь, что не переживем этой зимы.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 49.

[1] Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

[2] В основном — гонорары за переводы Е. Г. Бекетовой и Е. А. Красновой, рекомендованные Блоком издательству «Всемирная литература», а также за литературные работы, выполненные самой М. А. Бекетовой (ср. письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 10 октября 1919 г.). См. в кн. М. А. Бекетовой: «Когда я уехала в Лугу, Блок вел подробнейшие расчеты и записи моих получений из «Всем. Лит.», продавал мои вещи, книги и ноты и составлял карточный каталог оставшихся у меня книг. Деньги он посылал мне с оказией, прилагая подробные счета. По временам присоединял к этому какие-то лишние деньги, конечно, свои. Посылал он мне также разные вещи для обмена на продукты: спички, табак и т. п. Раз даже сам купил для меня на базаре партию черных и белых катушек для той же цели» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 286; см. также: М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л.—М., 1925, с. 160).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

17 декабря 1919 г.

〈...〉 Люба мне помогает, Душенька тоже. Но они оба сильно заняты. Иногда меня позовут наверх [1]. Там тепло в столовой. И я отдыхаю и отхожу часа два, а когда вернусь, Франц говорит, что и его надо было позвать, и почему его забросили и прочее.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 48.

[1] Т. е. в квартиру Блоков (№ 21), которая находилась по той же лестнице этажом выше (на четвертом этаже).

А. Г. ГОРНФЕЛЬД — Ф. И. ВИТЯЗЕВУ

Петроград, 9 января 1920 г.

〈...〉 Ко мне обратились наследники Е. Г. Бекетовой, в переводе которой вышла «Повесть о двух городах» Диккенса в издании «Колоса», с вопросом о гонораре. Я направил их представителя, внука переводчицы А. А. Блока к Вам, уверив его, что, конечно, издательство уплатит тем, кому следует, столько, сколько следует. Предупреждаю Вас об этом для того, чтобы А. А. Блок при обращении к Вам застал Вас подготовленным.

ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 41.

Ферапонт Иванович *Витязев* (Седенко) (1886—1938) — руководитель издательства «Колос».

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

2 февраля 〈1920 г.〉

〈...〉 Франц умер от простуды [1] и моего дурного ухода. *Моей вины нет границ.* 〈...〉 Живу у детей, потому что сильный бронхит [2]. 〈...〉 Саша заботится обо мне очень. И Люба хороша. Они меня кормят и деньгами собираются кормить.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 2—3.

[1] Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух скончался 23 января 1920 г. от последствий воспаления легких.

[2] После смерти мужа А. А. Кублицкая-Пиоттух переселилась на время в квартиру Блоков. Ср. запись Блока от 27 января 1920 г.: «Мама осталась пока жить у нас» (ЗК, 486).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

5 февраля 1920 г.

〈...〉 Как только я заболела, Люба стала ухаживать, *выносить за мной*, кормить меня яйцами, белым хлебом, и все это с милой, доброй улыбкой. Позвала доктора ко мне. И вот уже три дня — ни тени раздражения. А ведь Душенька тоже болен и лежит неделю, и поднималась у него температура. И теперь еще не вполне нормально. Инге [1] сказал — инфлуэнца. Вчера утром приезжает вдруг неожиданно Муся [2] — гостить на неделю.

Люба страшно обрадовалась близкому человеку, ночует она в кухне, где ночевала Аннушка [3], и на этой же кровати. Привезла кое-что из Лугосни. Она — учительницей в агрономической школе, возле станции Завидово [4]. 〈...〉 Боблово сгорело.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 17, л. 5—5 об.

[1] См. прим. 2 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 14 июня 1919 г.

[2] Мария Дмитриевна *Менделеева* (1886—1952) — сестра Л. Д. Блок.

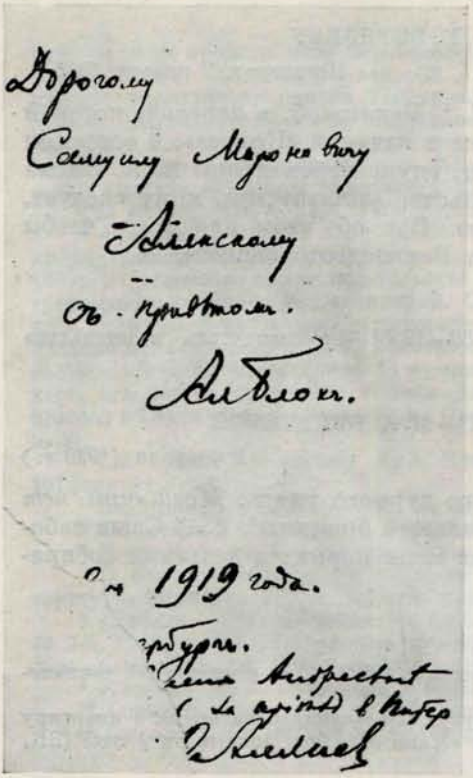
[3] А. И. Шелгунова.

[4] Завидово — подмосковная железнодорожная станция, расположенная недалеко от бывшего имения Менделеевых Боблово.

Ф. Д. БАТЮШКОВ — Н. С. ТАГАНЦЕВУ

Петроград, 5 февраля 1920 г.

〈...〉 Про поэму Блока говорят, что она «на грани сатиры»: не все в ней выражение личных мнений автора, а передается настроение толпы [1]. Во всяком случае, судить о настоящем образе мыслей автора надо, приняв в расчет его прежнее прекрасное стихотворение «Родина» [2] и статьи «Интеллигенция и народ» [3].

БЛОК. ТЕАТР, М., «МУСАГЕТ», 1916
Форзац с дарственной надписью Блока С. М. Алянскому
Собрание Н. С. Алянской, Москва

ГПБ, ф. 760, ед. хр. 55, л. 5 об.

Федор Дмитриевич *Батюшков* (1857—1920) — историк литературы. Николай Степанович *Таганцев* (1843—1923) — сенатор, юрист. В это время он пристально заинтересовался новой литературой, о которой делал доклад в Доме ученых 5 мая 1920 г. (ЗК, с. 492).

[1] Ср.: «Одни принимали «Двенадцать» за большевистское credo, другие видели в них сатиру на большевизм...» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Л., 1930, с. 257). Интересно свидетельство К. И. Чуковского: «Однажды Горький сказал ему ⟨Блоку⟩, что считает его поэму сатирой.— «Это самая злая сатира на все, что происходило в те дни».— «Сатира? Едва ли. Я думаю, что нет. Я не знаю» («Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 160).

[2] Видимо, стихотворение «Грешить бесстыдно, непробудно...», опубликованное впервые под заглавием «Россия» («Русское слово», 1914, 21 сентября).

[3] «Народ и интеллигенция» (1908). Впервые напечатано под заглавием «Россия и интеллигенция» («Золотое руно», 1909, № 1).

Ю. Л. ОБОЛЕНСКАЯ — М. М. НАХМАН

Москва, 9 февраля 1920 г.

⟨...⟩ Стихи Аполлона Григорьева — настоящие строгие стихи. А не слышатся тебе какие-то отголоски Блока:

...Мы разойдемся. Путь печальный
Передо мной.
Прости,— привет тебе прощальный
На путь иной.

И обо мне забудь иль помни,—
Мне все равно —
Забвенье полное давно мне
Обречено. [1]

Писано это в 1843 году ⟨...⟩
У Апол. Григорьева есть замечательное стихотворенье о гитаре:

Поговори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная.
Душа моя полна тоской,
А ночь такая лунная... [2]

И дальше такой «темный морок цыганских песен» [3] —

...Басан, басан, басана
Басаната, басаната...
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата... [4]

Меня с ума свела гитарность, сурдинка этих слов, тоже в своем роде Блоковский дар.

ЦГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 7, л. 51 об.— 52.

Юлия Леонидовна *Оболенская* (1889—1945) — художница. Магда Максимилиановна Нахман — художница.

[1] Из стихотворения Ап. Григорьева «Нет, никогда печальной тайны...»
[2] Стихотворение Ап. Григорьева «О, говори хоть ты со мной...» (1857). Цитируется неточно. Это четверостишие А. Григорьева взято эпиграфом к сборнику «Земля в снегу».

[3] Из стихотворения Блока «Черный ворон в сумраке снежном...» (III, 163).

[4] Из стихотворения Ап. Григорьева «Цыганская венгерка» (1857). Блок говорил Е. Ф. Книпович: «Цыганская венгерка мне так близка, будто я ее сам написал» (Д. Благой, Александр Блок и Аполлон Григорьев.— Сб. «О Блоке». М., 1929, с. 143).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

14 февраля 1920 г.

〈...〉 Ты знаешь от Мазурова[1], что у меня сестра милосердия, потому что иначе было бы невозможно. Люба нас кормит хорошо. Не стану про все это распространяться, уж очень не хочется. А вот что: опасность вселения опять [2]. И решено соединиться в одну квартиру, в мою [3]. И стало быть придется много вещей продать. *И твои вещи и книги тоже.* 〈...〉 Саша просил меня тебе написать об этом. 〈...〉 Саша даже собирается продать часть своих книг [4] и почти всю мебель [5]. И я тоже. Жить стало быть будем вместе: Саша Люба и я. 〈...〉 В голове все обрывки, хаос. Что *было*, кажется сном.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 9.

[1] Д. Н. Мазуров. Ср.: М. А. Бекетова. Александр Блок, Пб., 1922, с. 279.

[2] Имеются в виду хлопоты Блока при попытке уплотнения его квартиры в июне—сентябре 1919 г. Тогда он получил в Смольном (при участии Горького, М. Ф. Андреевой, Чуковского и Ионова) «бумагу № 7», закрепляющую его право на дополнительную комнату. См. его записи с 22 июня по 18 сентября 1919 г.— ЗК, 468—475. В феврале 1920 г., после смерти отчима, вновь остро встала квартирная проблема. 10 февраля 1920 г. Блок пишет письмо Председателю петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов с просьбой продлить броню на квартиру (см.: ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 11, л. 2), но несмотря на положительную резолюцию Петроградского исполкома (полученную при поддержке Горького, см. письмо Горького — Блоку от 12 февраля 1920 г.: Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та, 1956, XVIII, вып. 5, с. 246), Блок все же принимает решение переселиться в квартиру матери (№ 23). Освободившуюся квартиру № 21 вскоре заняли Довгали — «матрос» Григорий и его жена, Анна Гансевна, с которыми у Блоков установились добрососедские отношения (ср. записи Блока от 16 сентября 1919 г., 8 августа и 9 октября 1920 г.— ЗК, 475, 504).

[3] Ср. запись Блока от 9 февраля 1920 г.: «Обсуждаем с Любой, как переселимся к маме» — ЗК, 487. Решение Блока переехать в квартиру А. А. Кублицкой-Пиоттух было, видимо, вызвано желанием, во-первых, помочь матери, во-вторых, избавиться от необходимости постоянно отстаивать свои права на занимаемую площадь. М. А. Бекетова так объясняет переселение Блоков: «Таким образом, вся семья избавилась от опасности вселения и приобрела кое-какие преимущества: во-первых, меньше шло дров, а во-вторых, их легче было носить во второй этаж».— М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 279.

[4] О продаже книг Блок думал уже 12 февраля 1920 г. См. его запись от этого числа — ЗК, 487. Часть книг была продана Л. А. Трейдену (см. ЗК, 488 — запись от 26 февраля), что-то Блок предполагал продать в Москве через Н. А. Нолле (см. ЗК, 490 — запись от 8 апреля 1920 г.), возможно, некоторые книги были проданы Василевскому (ЗК, 509 — запись от 8 декабря 1920 г.): значительная часть библиотеки Блока была продана через книжный пункт Дома искусств (на Морской ул.) с помощью С. М. Алянского (см. ЗК, 501 — запись от 12 сентября 1920 г.; а также: С. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 127); Н. А. Павлович сообщает о продаже блоковских книг для семинария русской литературы при Пермском университете (см.: Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке.— «Блоковский сб.», 1, с. 475). Блоком были составлены каталоги проданных книг. См.: ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 389.

[5] О продаже мебели, которую было невозможно разместить в более тесной квартире матери, Блоки начали хлопотать с 10 февраля 1920 г. (см. ЗК, 487 — запись от этого числа). Мебель предлагали купить, в частности, знакомым Л. Д. Блок, Трейденам, и администратору БДТ, Т. И. Бережному (см. ЗК, 488 — записи от 29 февраля и 2 марта 1920 г.)

АЛ. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ — АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

20 марта 1920 г. 〈Москва〉.

〈...〉 Московский Союз [1] перерегистрировался и переименовался во Всероссийский. Из петербургских писателей в первую очередь выбраны и в число членов временного правления включены Сологуб, Блок, М. Горький, о чем на днях вы получите уведомление, которое привезет вам с собой делегация от В〈сероссийского〉 Союза Писателей.

ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, ед. хр. 310.

[1] Московский союз писателей возник в 1918 г. (см.: Вл. Л и д и н. Друзья мои книги. М., 1962, с. 103).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

Петроград, 26 марта 1920 г.

〈...〉 Душенька дает мне кое-какую работку: переписку, сверять кое-что. Все это я делаю быстро, залпом. Надо хлопотать о пенсии. На днях начну... 〈...〉 Мне пришлось взять в руки Лермонтова (для помощи Душеньке) [1], и я была поражена глубиной, гениальностью этого обреченного и знающего свою обреченность. Но *полюбить* его — все-таки не могу.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр., 18, л. 19—19 об.

[1] Блок в это время редактировал «Избранные сочинения» Лермонтова для издательства З. И. Гржебина и готовил вступительную статью. Ср., его записи от 25 июля, 6 ноября, 4 декабря 1919; от 31 января, 1, 2, 4, 7, 14, 28 февраля; 3, 6, 15, 21, 29 марта; 1, 3 апреля 1920 — ЗК, 486, 479, 486—490.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Л. А. ДЕЛЬМАС

〈Петроград〉, 12 апреля 1920 г.

〈...〉 А по-моему — 30-е марта.

Моя дорогая, несравненная Душенька, вчера, когда Вы ушли, Саша и Люба еще не спали. Я передала Саше все, что Вы просили ему сказать. Он слушал очень внимательно и ответил: — Как жаль, что я ее не видел...— Я говорю: — Но ты бы не согласился видеть ее. Ты лежал в постели.— Да, не согласился бы, но жаль, что я ее не видел...

Передаю Вам эту фразу... Меня она обрадовала.

Ф. И. КОГАН

ЗАПИСИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В. И. ИВАНОВА НА ЗАНЯТИЯХ КРУЖКА ПОЭЗИИ

Москва, 16 мая 1920 г.

〈...〉 Вячеслав Иванов делится с нами своими впечатлениями от вечера Александра Блока во Дворце Искусств [1]. Он советует всем пойти послушать Блока: «Ведь это большое явление в нашей литературной жизни». Прочитанная Блоком поэма «Возмездие» кажется Вячеславу Иванову «неубедительной,— самая фабула неясна, хотя некоторые страницы и блистательны, но пушкинская форма не подходит к современной сложности, она кажется золотой ризой на мертвеце... Лирические же стихи Блока великолепны, закончены, поэтичны». Большое значение придает В. Иванов «Скифам» Блока. Еще о Блоке: «Я его считаю первым лириком нашего времени. Но он минор, и как минор ниже мажора. А мажора у нас теперь нет. Блок,— это принц Гамлет и, как всякий принц, это — много благородства, это большая поэтическая красота; но это — не царь, царь это — мажор, это яркость, это радость. В Блоке нет ничего царственного; он как принцем рожден, так принцем и должен жить... В своем стихотворении «Был скрипок вой в разгаре бала», посвященном мне, он пишет:

И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный — ты.

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.

В. Е. АРЕНС
Фотография. (1910-е?)
Собрание И. Н. Пуниной, Ленинград

«Я сам знаю, Вячеслав Иванович,— сказал он мне (мы остались еще после вечера, когда публика ушла. Это — единственный из символистов, с которым мы на вы, есть у него такая почтительность ко мне, может быть потому, что я старше, хотя вот с Белым не так),— все, что я написал до сих пор, это все только бред и невроз революции». И он прав».

ЦГАЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 33, л. 25.

Фейга Израилевна *Коган* (1891—1974) — поэтесса, переводчица, теоретик художественного чтения. Как поэтесса находилась под сильным влиянием Блока. Ср. рецензию С. Кречетова (С. А. Соколова) на ее сборник «Моя душа»: «Его влияние на стихи г-жи Коган доходит иногда до полного ее порабощения. Ей надо бороться с этим. Блок, слава богу, жив, а копия всегда бледнее оригинала» («Утро России», 1912, № 93). «Кружок поэзии» под руководством Вяч. Иванова работал в Москве в феврале—августе 1920 г. В работе кружка участвовали поэтесса О. А. Мочалова, будущие литературоведы А. И. Кондратьев и Т. М. Левит, будущий переводчик И. А. Кашкин и др. Всего было 17 заседаний. Записи отредактированы Ф. И. Коган в 1953 г.

[1] 14 мая 1920 г. Блок читал отрывки из поэмы «Возмездие». Об этом вечере вспоминала поэтесса О. А. Мочалова: «...он протискивался сквозь жадную толпу слушательниц и слушателей во Дворце Искусства. Была весна и я стояла с букетом сирени, сорванном для него в нашем уходящем саду. Когда Блок проходил мимо, я протянула ему

букет и пробормотала: возьмите... Он ответил: не надо. И опять — улыбка. Нет, обязательно, обязательно,— запротестовала я. Он взял, внимательно посмотрел на лиловые ветки и сказал: «Это дворянская сирень». Читал он в этот день главы из «Возмездия» и статью о ритме событий. Были и стихи, где резнули строки —

...осталось только
в ненасытном женском теле
будить звериную страсть...»

(ИМЛИ, ф. 392, оп. 1, ед. хр. 4, л. 40).

Статья о ритме событий — по-видимому, предисловие к «Возмездию». Мемуаристка по памяти пересказывает 8 строфу стихотворения «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...», тогда еще не напечатанного.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

19 мая 1920 г.

Милая тетя, сегодня Душенька вернулся из Москвы. Я чувствую себя счастливой матерью. Он пробыл в Москве 11 дней [1], читал на трех вечерах [2]. Энтузиазм повальный. В конце концов на площади, около здания Политехникума, где происходили вечера, сделали ему овацию. Стол, перед которым он читал, был всякий раз покрыт цветами, ландышами, сиренью. Тут же, в зале, ему посылали записки и стихи, посвященные ему. И все это вовсе не одни барышни — были и мужчины, которые со слезами жали ему руки. Здание Политехникума, то есть зал этот, считается лучшим по акустике. Потому и был выбран. Жил Деточка все время у Надежды Александровны Коган [3]. Кормили его прекрасно, он даже поправился на вид. Ездил он вдвоем с Алянским, который буквально всю несносную часть хлопот взял на себя и проехали в отдельном купе международного поезда и туда, и назад.

Был он и у Станиславского [4], который все тот же и твердо надеется ставить «Розу и Крест» осенью [5], хотя половина труппы на Кавказе. Дали ему денег в счет будущих благ, и за вечера он заработал порядочно. Был он и у Кублицких [6], провел даже вечер. Говорит, что более чужих людей нет, т. е. что они самые чужие люди. Андрюши [7] нет. Он в Сафонове [8] <...> Феролъ [9] поразил его тем, что правовед. Оба они с отцом деловые, прекрасно устроились, получают большие деньги. Хлеб, масло у них сафоновские. Впечатление довольства. Квартира прекрасная, ужасно сытые и бесконечно далекие. Приняли его любезно. Душенька вернулся в мягком настроении. Поражает меня больше всего своей скромностью, тем, как рассказывает о своих успехах. <...> Кстати, сообщу тебе еще, что на днях [10] Любу позвали в Дворянское Собрание [11], где Кусевицкий [12] дирижировал кантатой Лурье [13] на слова Блока: 1-ая часть: «Ты в поля отошла» [14]. 2-ая часть: «О жизни, догоревшей в хоре» [15]. 3-ья часть: «Из царства сна» [16]. Люба шла нехотя. Концерт был назначен в 2 часа дня. Люба говорила, что музыки слышать не может, устала, некстати, что Лурье — модернист. Ушла и вернулась в 11 часов вечера. Плакала от умиления, в восхищении от кантаты. Особенно поразила ее первая часть и «О, извергни ржавую душу» [17]. Тут она прямо плакала. Женя Книпович [18] тоже была и ругается. Люб<овь> Алекс<андровна> [19] тоже была и тоже ругается. Не знаю, кому верить. Люба говорит, что музыкантам это должно казаться дерзостью, наглостью: например: половина хора поет с закрытым ртом, тянет одно и то же [20]. Может быть, и мне удастся послушать. Кусевицкий тоже страшно хвалил. Исполнение, как хора (Архангельского) [21], так и оркестра (государственного) было, по свидетельству всех,— верх совершенства [22]. Кусевицкий предлагает для Блока и его друзей повторить концерт. Тогда и я пойду. После концерта Люба обедала у Лурье. <...> Приходила почти каждый день Мазурова [23] под разными предлогами и тотчас же садилась есть и пить. <...> Сашенька давно ее не выносит.

ПРАЗДНОВАНИЕ 50-ЛЕТИЯ А. М. ГОРЬКОГО И 30-ЛЕТИЯ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Фотография, 1919

Музей истории Ленинграда

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 21—22 об.

[1] Неточность: Блок пробыл в Москве не 11, а 10 дней: 7 мая он выехал с С. М Алянским в Москву, а 19 мая вернулся в Петроград; в Москве находился с 8 по 18 мая.

[2] 9 мая 1920 г. состоялся вечер Блока в зале Политехнического музея: 14 мая — во Дворце искусств; 16 мая — в зале Политехнического музея (см.: ЗК, 492—493 — записи от этих чисел).

[3] Н. А. Нолле-Коган проживала по адресу: Арбат, 51, кв. 89.

[4] Блок был на обеде у К. С. Станиславского 11 мая 1920 г. (см. ЗК, 492 — запись от этого числа).

[5] Постановка драмы Блока «Роза и Крест» на сцене Художественного театра не состоялась. См.: Ю. К. Герасимов. «Роза и Крест» в Московском Художественном театре.— «Блоковский сб.», 1, с. 522—527, а также сообщение в наст. томе, кн. 4.

[6] У А. Ф. и Ф. А. Кублицких-Пиоттух Блок был 15 мая (см. ЗК, 451 — запись от 15 мая 1920 г.).

[7] Андрей Адамович *Кублицкий-Пиоттух* — двоюродный брат Блока.

[8] Сафоново — бывшая усадьба семьи С. А. Кублицкой-Пиоттух, неподалеку от Шахматова.

[9] Феликс Адамович *Кублицкий-Пиоттух* — двоюродный брат Блока, юрист.

[10] В воскресенье, 16 мая 1920 г.

[11] Концерт состоялся в помещении Народного собрания (Михайловская пл., 2; б. Дворянское собрание; ныне — Большой зал Ленинградской Государственной филармонии).

[12] Сергей Александрович *Кусевицкий* (1874—1951) — дирижер, контрабасист; основатель «Российского Музыкального издательства в Москве»; организатор симфонических концертов. В 1917—1920 гг. возглавлял Государственный симфонический оркестр. Позднее жил за границей. С 1924 г. возглавлял Бостонский симфонический оркестр.

[13] А. С. Лурье; см. о нем прим. 6 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 14 июня 1919 г. В концерте 16 мая 1920 г. была исполнена симфоническая кантата А. С. Лурье для смешанного хора a capella на стихи Ал. Блока под названием «В кумирне золотого сна».

[14] Стихотворение Блока: «Ты в поля отошла без возврата...» (1905).

[15] Стихотворение Блока (1906).

[16] Стихотворение Блока: «Из царства сна выходит безнадежность...».

[17] У Блока: «О, исторгни ржавую душу!» — начальная строка последней строфы стихотворения «Ты в поля отошла без возврата...»

[18] Е. Ф. Книпович.
[19] Л. А. Дельмас.
[20] Судя по рецензии Н. Стрельникова об этом концерте, С. А. Лурье проделал опыт «сближения оркестровой фактуры с приемами специального хорового письма. Попеременное пользование отдельными голосовыми группами вместе и порознь, выдержанный «органный пункт» в басах, квинтовые сочетания, пение с закрытым ртом различной звуковой окраски» и др.— «внешние средства ⟨...⟩ симфонизации хора» («Жизнь искусства», 1920, № 454, 18 мая, с. 1—2).
[21] Александр Андреевич *Архангельский* (1846—1924) — хоровой дирижер, композитор. Хор Архангельского совместно с бывшей Придворной капеллой образовал объединенный Государственный хор, вошедший с 1921 г. в Петроградскую государственную Филармонию.
[22] Ср. в рецензии Н. Стрельникова: «Кантата нашла себе превосходное истолкование в исполнении С. Кусевицкого.
⟨...⟩ Он сумел придать хору ряд оттенков, отчетливо подчеркнувших колорит и инструментальный характер целого. Всяческой похвалы заслуживает хор Государственного хорового коллектива: передача кантаты, исключительно трудная в интонационном и ритмическом отношений, настоящий tour de force хоровой дисциплины, требующей, без обиняков, истинной виртуозности и идеально точного исполнения» («Жизнь искусства», 1920, № 454, 18 мая, с. 2).
[23] О. А. Мазурова. См. о ней прим. 3 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 14 июня 1919 г.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

⟨Петроград⟩, 18 мая — 31 мая 1920 г.

⟨...⟩ Проявилась Ольга Недзвецкая [1]. Она написала Саше, что была на кладбище, видела могилу Франца и ужаснулась «оторванности» от родных. Саша тотчас по телефону (она у себя на Шпалерной) попросил ее придти, когда она захочет. Пришла, провела вечер [2]. В конце концов, на меня произвела тяжкое впечатление. Она очень цветущая, даже слишком, какая-то тяжеловесная и румяная, говорила, не переставая. Из ее разговоров выясняется, что она образована, умна, учена и добра. Энергия какая-то нечеловеческая. И чего-то нет самого нужного, несмотря на то, что из всего видно, что она вправду умна, добра, учена. Саша и Люба отнеслись к ней хорошо, но забыли о ней начисто, как только она ушла. И не поминают, как оба сказали, что она понравилась. А мне было тяжело, смутно и на другой день. Что это? Я думаю — это какой-то особый вид бездушия — что ли. Или особый уж очень пресный вид позитивизма? Или теплота? Безнадежное отсутствие горячности в каком бы то ни было виде... Теплоты я *органически* не выношу — мне нужна высокая температура во всех случаях жизни. Но меня этот случай специально заинтересовал. Как при такой редкой добродетели в *подлинном* значении этого слова, можно производить такое тоскливое впечатление. Скорее всего: *это интерес ко всему без любви к чему или кому бы то ни было.* Вот! Это так...

Могилу Франца обложили дерном. Она очень красива теперь. Рядом много свободного места, где меня можно будет похоронить, если я не вынесу этой зимы.

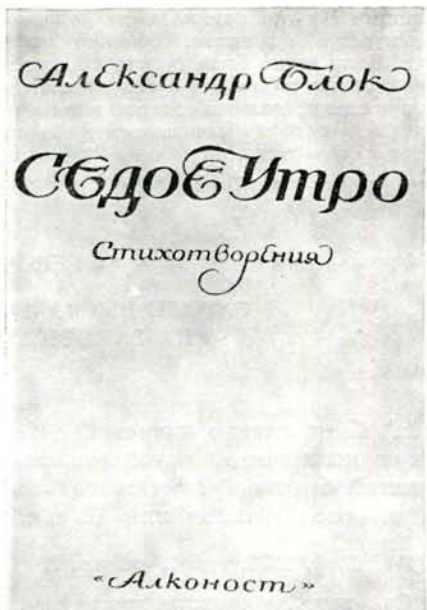
Вчера я была на лекции Андрея Белого: Ветхий и Новый Завет [3]. Излагает штейнеровское, вопит, стучит евангелием по столу. В общем хаос, но для меня дорого, близко, понятно. Публика паршивая, интеллигенция сплошь. Поэтому недоброжелательная и бессознательно судействующая, как было всегда с русской интеллигенцией. Ни уха, ни рыла не понимают, придираются к мелочам, возражают не по существу. Боря совершенно исхудавший и бледный, лысый, с горящими сапфирно-синими глазами — хриплый, начал с того, что долой логику, доказательства...

Ты видишь, какая у меня потребность с тобой поговорить, пишу длинно...

Я теперь каждый день мою всю посуду, убираю, сколь возможно, кухню, комнаты. Вот, помогаю все-таки Любе. Это меня несколько утешает.

Душенька перенес письменный стол в ту комнату, где ты ночевала, чтобы заниматься одному. Добрые впечатления от московской поездки несколько

БЛОК. СЕДОЕ УТРО. Пб., «АЛКОНОСТ», 1920
Обложка и авантитул с дарственной надписью Блока Е. Ф. Книпович
Собрание Е. Ф. Книпович, Москва

испарились, часто тоскует от трудности и бессмыслия, и безвкусия, и наглости, и нечестности и проч⟨ее⟩ и проч⟨ее⟩. ⟨...⟩

Да, хотела тебе сказать: на старости, перед смертью я поняла: *я не люблю культуры*[4]. Это объясняет тысячу вещей. Я органически влекусь к *цивилизованному обиходу* и по-настоящему плохо чувствую себя от отсутствия цивилизованности, но культуру я не люблю. Она мне часто претит. Искусства не люблю, ни в чем не ценю его. И это все глубоко в моей скифской натуре.

А природу все страшнее люблю. Боже мой! Как я ее люблю! Постоять бы среди цветущего луга, среди шумящего леса, среди деревенского сада.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 23—26 об.

[1] Ольга Конрадовна *Недзвецкая* (в замуж. Самарина, 1887—1972) — троюродная сестра Блока (по линии Бекетовых). Окончила Бестужевские курсы на романо-германском отделении; заведывала кафедрой истории XVIII в. в Петроградском ун-те. См. о ней: М. А. Бекетова. Шахматово и его обитатели.— ИРЛИ, ф. 462, № 4, л. 128 об.— 129. О. К. Недзвецкая сообщила Блоку 6 мая 1920 г., что разыскивая на Смоленском кладбище могилу своей матери, она узнала о смерти «дяди Франца» (Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух) (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 347).

[2] О. К. Недзвецкая была у Блоков 25 мая (ЗК, 493).

[3] Лекция А. Белого из цикла «Антропософия как путь познания» была прочитана 30 мая 1920 г. на заседании «Вольфилы». Ранее, в письме от 27 апреля — 10 мая 1920 г., А. А. Кублицкая-Пиоттух сообщала М. А. Бекетовой о докладе А. Белого на заседании Вольфилы 2 мая 1920 г. по случаю 300-летия книги Т. Кампанеллы «Город солнца» (ср. запись Блока от 2 мая: «В Вольфиле — «Солнечный град» А. Белого (в Зимнем дворце). Мама пошла» — ЗК, 492): «Это была не «лекция» Андрея Белого, а целое собрание Вольн⟨ой⟩ Филос⟨офской⟩ Акад⟨емии⟩ на тему. Но толку вышло мало. Когда-нибудь расскажу, когда увидимся. Боря был у нас, провел вечер, говорил значительное о штейнер⟨ь⟩янстве». (ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 21 об. — 22 об.). А. Белый был у Блоков 6 мая 1920 г. (ЗК, 492).

[4] М. А. Бекетова, приводя эту цитату из письма к ней А. А. Кублицкой-Пиоттух в книге «Александр Блок и его мать», комментирует ее: «Отрывок о культуре требует

пояснения. Нужно понимать его условно. Александра Андреевна не любила искусства для искусства и в книге, особенно прозаической, непременно требовала содержания и идеи. Если книга была просто хорошо написана, но лишена содержания, хотя бы лирического, она ее не ценила и способна была предпочесть ей плохо написанную, корявую по форме книгу, если она содержательна и идейна. В стихах же требовала прежде всего музыки в не совсем обычном смысле этого слова, и лиризма, уносящего за пределы сказуемого и осязаемого, но к форме стихов она была довольно строга» (М. А. Бекетова. Блок и его мать. Л.— М., 1925, с. 162).

Ф. И. КОГАН

ЗАПИСИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ВЯЧ. ИВАНОВА НА ЗАНЯТИЯХ КРУЖКА ПОЭЗИИ

Москва, 4 июня 1920 г.

〈...〉 Свои газели читает Ф. И. Коган. Вячеслав Иванов отмечает «не нужную пышность», «вячеславизм», не идущий сюда. Например, почему «сладимой белизной»? [1] Отчего это выходит плохо, когда в стихотворение вкрадываются Иванов или Бальмонт? Вот Блок ничего.

ЦГАЛИ, ф. 2272, оп. 1, ед. хр. 33.

[1] Ср., напр., в стихотворении Вяч. Иванова «Взыскующие града»: «Не звезда ль Полынь упала На истоки вод сладимых?»

Другое высказывание Вяч. Иванова о Блоке на занятиях Кружка поэзии см. в тех же записях (13 июня 1920 г): «...Владимир Соловьев с его некрепостью формы, в которой угадывается большая жертва другому делу,— замечательно благоуханный поэт, с основным признаком — неисчезающим детством, он — старший брат символистов. Блок, Белый и я поэтически высказывали эту преемственность...» (л. 43).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

14 июня 1920 г.

〈...〉 Переписываю Душеньке все. Вот только что переписала целую кучу стихов Бальмонта. Издается сборник его избранных стихов [1]. Все по новому правописанию. Кажется справилась. Но зато окончательно невзлюбила Бальмонта. И говорить не хочется, так он мне претит. 〈...〉 Сегодня иду слушать, как Венгерова [2] будет читать лекцию о Западе [3], о современном его положении, о быте, о политике Запада. И Люба пойдет [4]. В будущий понедельник, 21-го, предполагается вечер Блока [5]. Хочет заработать Деточка. Чуковский посоветовал ему устроить вечер в Доме Искусства на Мойке [6]. Это исключительно для денег. Люба прочтет «Двенадцать». Венгерова достала Саше французскую газету, где «Двенадцать» переведены [7]. Конечно, плохо, но можно себе составить понятие. Я была у Венгеровой, благо близко [8]. Она очень ласковая, только болтает много. 〈...〉 Меня балует и любит Женя Книпович. Она приходит чуть не каждый день и все с цветами: то мне принесет ирисы, то шиповник, то незабудки, то любки. У меня не переводятся цветы. Она говорит, что я ей самый близкий человек. Мне, тетя, теперь цветы — дороже всего.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 31—33.

[1] Государственное издательство З. И. Гржебина издавало в 1920 г. «Избранные стихотворения» К. Д. Бальмонта. В мае 1920 г. Горький предложил Блоку взять на себя редактирование сборника (см. ЗК, 492). Блок начал работу (ЗК, 493 — записи от 4, 20, 30 и 31 мая), пересматривал состав сборника, думал о вступительной статье (см. его запись от 7 июня 1920 г.— ЗК, 494). Однако в 1921 г. (после перехода Бальмонта на положение эмигранта) книгоиздательство З. И. Гржебина расторгло договор. В архиве Блока сохранились его материалы по редактированию «изборника» (см.: ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 308—310). См. также «Примечания» В. Н. Орлова к кн.: К. Д. Бальмонт. Стихотворения. (Библиотека поэта. Большая серия). Изд. 2. Л., 1969, с. 607—

608; и сообщение Р. Б. Донгарова «Блок — редактор Бальмонта» в кн.: «Блоковский сб.», 2, 1972, с. 418—423.

[2] Зинаида Афанасьевна *Венгерова* (1867—1941) — литературовед, переводчица; сестра известного пушкиниста С. А. Венгерова, вторая жена Н. М. Минского. Занималась преимущественно западной литературой XIX—XX вв., с 1922 г. жила за границей, поддерживала связь с советскими филологами.

[3] Лекция З. А. Венгеровой «Жизнь на Западе» была прочитана 14 июня 1920 г. в Доме искусств (Мойка, 59). Отклик на ее выступление см.: «Жизнь искусства», № 486, 24 июня 1920 г.

[4] Ср. с записью Блока от 14 июня: «Вечером на лекции Венгеровой в Доме искусств («Жизнь на Западе»): мама, Люба, Е. Ф. Книпович и я» (ЗК, 494).

[5] Вечер Блока состоялся 21 июня в Доме искусств (Мойка, 59). См.: «Жизнь искусства», № 486, 24 июня 1920 г.: «Программа вечера составилась из трех 〈...〉 частей. Л. Д. Басаргина читала отрывок из неизданной книги Блока «Молнии искусства» (Итальянские впечатления) 〈...〉. Много стихов читал автор 〈...〉. В третьей части 〈...〉 читалась поэма «Двенадцать» в исполнении Л. Д. Басаргиной».

[6] См. наст. т., кн. 2.

[7] Вероятно, речь идет о французской газете «Рабочая жизнь» («Vie ouvrière») от 2 апреля 1920 г., в которой был помещен перевод Л. В. Висковатого и П. Жува поэмы Блока «Двенадцать». В архиве Блока сохранилась вырезка из этой газеты с его пометой. См.: ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, № 84. Ср. также с письмом к нему организатора берлинского книгоиздательства «Скифы», Е. Г. Лундберга: «〈...〉 Вас мы выпускаем по-немецки и по-французски первым. ...Лирику, «Двенадцать» и «Скифы» перевел Рейнгольд ф. Вальтер. Вы его знаете. «Розу и Крест» переводит Грегер. 〈...〉 На французский Вас перевел Жув. По-моему, нехорошо. Немецкие же переводы превосходны» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 15, л. 1). В ответном письме Е. Г. Лундбергу от 16 ноября 1920 г. Блок дал оценку упомянутых переводов: «В перевод Р. Ф. Вальтера верю, перевод Жува («в «La Vie Ouvrière») мне, как и Вам, не нравится за исключением нескольких строк» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 175).

[8] З. А. Венгерова жила по адресу: Английский пр. (пр. Маклина), д. 20.

Е. Ф. КНИПОВИЧ
Фотография, 1920-е гг.
Собрание Е. Ф. Книпович, Москва

Н. А. ПАВЛОВИЧ — В. Я. БРЮСОВУ

〈Петроград, 25 июня 1920 г.〉

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

в Петрограде налаживается отделение нашего Союза поэтов. В инициативную группу вошли Блок, Гумилев, Белый (с желанием работать). Завтра я буду говорить с Кузминым, Эрбергом и с неск〈олькими〉 молодыми поэтами, к которым направили меня Гумилев и Блок. Особенно последний очень помогает мне.

ГБЛ, ф. 386, к. 97, ед. хр. 24, л. 3 об. Датируется по почт. шт.

История организации петроградского отделения Союза поэтов подробно изложена в кн.: Н. А. Павлович. Воспоминания об Ал. Блоке.— «Блоковский сб.» 1, с. 457, 467—470; Всеволод Рождественский. Как это начиналось. Листки воспоминаний.— «День поэзии 1966», Л., с. 87—90. Брюсов, возглавлявший Союз поэтов в Москве, в конце мая 1920 г. поднял вопрос об основании петроградского филиала этой организации во главе с Блоком. Н. А. Павлович была командирована для переговоров. 19 июня

она говорила на эту тему с Блоком, а 22 июня Блок обсудил вопрос с Гумилевым (ЗК, 495). Вс. Рождественский писал 24 июня Кузмину: «По поручению Ал⟨ександра⟩ Ал⟨ександровича⟩ Блока передаю Вам приглашение на организационное собрание Петербургского отделения «Всероссийского союза поэтов» в воскресенье, 4 июля в 8 ч⟨асов⟩ веч⟨ера⟩ в помещении «Вольной философской Ассоциации» (Чернышева пл⟨ощадь⟩, под⟨ъезд⟩ № 1). Вас очень нужно» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 352, л. 4). Судя по протоколу общего собрания 4 июля 1920 г., Кузмин не присутствовал. Явились: Блок, Н. А. Оцуп, К. А. Сюннерберг (Эрберг), Вс. А. Рождественский, Г. В. Иванов, С. Е. Нельдихен-Ауслендер, Н. А. Павлович (Н. А. П а в л о в и ч. Воспоминания об Ал. Блоке, с. 467). «Учредители хотели, помимо защиты профессиональных интересов, найти в стенах Союза возможность говорить о стихах и читать стихи, чувствуя себя при этом свободными от требований литературной улицы» («Союз поэтов».— «Дом искусств», 1921, № 1, с. 74). Помимо вышеназванных в Союз были приглашены А. Ахматова, В. Аренс, Л. Берман, Вл. Гиппиус, Н. Грушко, С. Городецкий, Б. Евгеньев, В. Зоргенфрей, В. Княжнин, В. Кривич, Д. Крючков, И. Одоевцева, В. Пяст, А. Радлова, Л. Рейснер, М. Тумповская, А. Тамамшев, Д. Цензор.

В день первой встречи с Н. А. Павлович Блок записал: «Вечером — Над. Ал. Павлович, Е. Ф. Книпович, Виктор Третьяков» (ЗК, 495). Последний из упомянутых — поэт В. В. Третьяков — вспоминал об обстоятельствах этого вечера: «В столовой за чаем сидели, кроме поэта и его семьи, еще приехавшая из Москвы барышня, занимавшая у большевиков какой-то видный пост, кажется, по комиссариату просвещения. Барышня рассказывала московские литературные новости. Блок, как всегда, внимательно слушал, изредка вставляя какое-нибудь слово. Жаловались на трудную петроградскую жизнь, причем пишущий эти строки посоветовал поэту перебраться в Москву, где сравнительно легче жилось. Тут барышня заявила, что может предоставить для переезда целый вагон. Но поэт окинул детским каким-то любящим взглядом полки с книгами, загромождавшими комнату, и ответил, что переезд слишком тяжел, книги могут затеряться и попортиться. В этом ответе ясно сказался его сосредоточенный характер уединенного мыслителя, любящего каждый угол своего жилища, где он столько передумал и создал, поэта, хранящего в себе богатый духовный источник, в то время, как другие писатели должны искать содержания и тем в путешествиях и общении с людьми.

Зашел разговор о пролетарских поэтах, причем Блок отозвался одобрительно о Герасимове и Казине. На мой вопрос, пишет ли он что-нибудь сейчас, он ответил, что уже два года ничего не пишет. 1919 и 20 годы явились для него совсем непроизводительными, что для него как для лирика было необычным. В его творчестве, как и у других русских поэтов во время революции, произошел перелом в виде перехода от лирики к молчанию или к большому эпосу» («Сегодня», Рига, 1921, № 198, 1 сентяб[illegible]

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

8 июля 1920 г.

⟨...⟩ Вчера я таки была на вечере Андрея Белого [1]. И обошлось — припадка не было. Душенька тоже был [2]. Боря читал прекрасно из «Котика Летаева» [3], из «Записок мечтателей» [4], потом свои стихи [5]. Он уезжает в Москву, потом надеется получить пропуск за границу. Дай ему бог. Но Россия останется без Андрея Белого [6]. Видимся мы с ним редко, но хорошо. Он видит мою искреннюю преданность и понимание, и это на него хорошо действует. А когда я попадаю в атмосферу писателей (там был и Ремизов с женой, и Сюннерберг, и Разумник Иванов), я чувствую себя опять человеком. ⟨...⟩ Ведь молчу я днями напролет. Если б не Женя Книпович, а она зато теперь почти каждый день и по временам слишком долго. ⟨...⟩ Теперь мой Душенька почти каждый день ездит в Стрельну и купается там в море. Уходит рано, возвращается поздно, берет с собой хлеба. Они оба с Любой считают это очень полезным и нужным. Но спит он мало и ест беспорядочно и не вовремя.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 37—38 об.

[1] Творческий вечер А. Белого, устроенный издательством «Алконост», состоялся 7 июля 1920 г. в помещении Вольфилы. Р. В. Иванов-Разумник открыл вечер вступительным словом «Россия и Запад». (О программе вечера см.: «Жизнь искусства», 1920, № 502, 13 июля).

[2] Ср. с записью Блока от 7 июля 1920 г.: «Вечер А. Белого — устроил «Алконост» в Вольфиле. Мы с мамой». — ЗК, 496.

[3] Части романа А. Белого печатались: 1) под заглавием «Котик Летаев» (первая часть романа «Моя жизнь») — в альманахе «Скифы», сб. 1. Пб., 1917, и сб. 2. Пб., 1918;

2) в альманахе «Записки мечтателей» (№ 4, Пб., 1921) под заглавием «Преступление Николая Летаева».

[4] На вечере А. Белым были прочитаны отрывки о Лондоне из «Записок чудака», напечатанных в «Записках мечтателей» (№ 1 — Пб., 1919).

[5] А. Белый читал цикл стихов о России.

[6] А. Белый в октябре 1921 г. выехал за границу. В 1923 г. вернулся в Россию.

В. И. ИВАНОВ
Рисунок С. М. Городецкого (тушь), 1920
Частное собрание, Москва

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

10 июля 1920 г.

〈...〉 Это стихотворение [1] Андрей Белый прочел на своем вечере [2], и мне захотелось тебе его напомнить 〈...〉. Оно было напечатано в «Скифах» [3]. Ты, может быть, его помнишь? Он прочел его хорошо, особенно: «Не плачьте, склоните колени» [4]...

Я до сих пор, четвертый день, под обаянием Андрея Белого, его сущности. Хочется экстаза. Он его дает. Говорить об этом не надо.

Я там, на вечере, попала в свою сферу бездействующих мечтателей, не умеющих в жизни шагу ступить... И хорошо мне там было. 〈...〉 Шахматово — вот точка моих здешних мечтаний.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 40—40 об. Автограф.

[1] В письме полностью цитируется стихотворение А. Белого «Родине».

[2] См. прим. 1 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 8 июля 1920 г.

[3] Стихотворение А. Белого «Родине» было напечатано: «Скифы», сб. 2. Пб., 1918, с. 36.

[4] Начальная строка третьей строфы стихотворения А. Белого «Родине».

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

22 июля 1920 г.

Миленькая моя тетя, по-видимому, приехать к тебе мне не удается. 〈...〉 Придется дождаться лучших времен, чтобы нам с тобой свидеться. 〈...〉 Теперь уехать главное хотелось мне для того, чтобы уехать, т. е. дать детям пожить без меня. Если б можно было вообще устроиться мне помимо их, вот было бы настоящее хорошее дело. Да как? Был у нас разговор с Душенькой. И выяснилось, что никак не устроиться нам в ладу. 〈...〉 Про Андрея Белого: да, Россия без него [1]. Его присутствие в России важнее всех его слов, которые, как они ни хороши, а все слова, и кроме экстаза, ничего не порождают. Самая же его личность, душа, дух — развивают атмосферу святой тревоги... Потому важно особенно присутствие. Приехал Городецкий [2]. Был у нас. Он все такой же веселый и славный. Записался в партию коммунистов [3]... Бальмонт [4], Брюсов [5] тоже ведь. Об этом могла бы тебе рассказать много интересного.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 43 об.

[1] См. прим. 6 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 8 июля 1920 г.

[2] С. М. Городецкий был у Блоков вечером 20 июля. См. ЗК, 497 — запись от 20 июля 1920 г.

[3] С. М. Городецкий не состоял в Коммунистической партии; однако в первые же послереволюционные годы проявил себя как поэт, безоговорочно вставший на сторону Октября. Приехав из Баку летом 1920 г., С. М. Городецкий работал начальником литературной части Политуправления Балтфлота. Примечательно, что в своих выступлениях он оценивал поэму Блока «Двенадцать» поистине «как подвиг». См.: С. М. Городецкий. Мой путь.— В кн.: «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. 1. М., 1959, с. 328. Изменение политической ориентации Городецкого произвело сенсацию в литературных кругах Петрограда. Лариса Рейснер во вступительном слове на вечере Городецкого резко осудила его былые шатания: «Это был такой разгром, как будто его пригвоздили к позорному столбу <. . .> Но никаких протестов не было, Городецкий сидел, слушал ... Потом он начал читать стихи. Но стихи читал революционные» (Н. Тихонов. Устная книга. — «Вопросы литературы», 1980, № 6, с. 117).

[4] К. Д. Бальмонт не был членом РКП(б); 25 июня 1920 г. он выехал за границу в командировку для выполнения литературных работ, заказанных ему Госиздатом, а в марте 1921 г. перешел на положение эмигранта.

[5] В. Я. Брюсов вступил в Коммунистическую партию в 1920 г.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

1 августа 1920 г.

У нас новая знакомая из Москвы, молодая поэтесса Павлович [1]. Поэтесса, она, по-моему, неважная, хотя ее страшно расхваливают Вячеслав [2], Андрей Белый [3]. Подбавил и Блок [4]. Но человек ценнейший: пробуждает угасающую веру в человечность, добрая, горячая, доверчивая. Она секретарь Союза поэтов [5], возникающего под предс<едательством> Блока [6]. Кроме всего, человек опытный, бывалый. Ко мне очень нежный. Она служит в комис<сии> иностр<анных> дел. И через нее, может быть, получу пропуск [7]. Женя Книпович зовет меня с собой на Ладожское озеро в избу. Туда и пропуска не надо. Но это мне не улыбается по многим причинам. Павлович любимый поэт — Блок. Мое дитя... Я была на вечере, где он читал стихи свои [8]. Не выразить словами, как это было хорошо. <...> Новое открытие: дело не в том, чтобы он меня любил, а чтобы я — мама — его любила!

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 45.

[1] Н. А. Павлович приехала в Петроград 19 июня 1920 г.; к этой дате относится и первое упоминание о ней в записной книжке Блока (ЗК, 495). Обстоятельства ее знакомства с Блоком описаны в ее «Воспоминаниях об Ал. Блоке» («Блоковский сб.», 1, с. 456—460). Судя по этим воспоминаниям, в ряде дат неточным, первая встреча с Блоком произошла во время его поездки в Москву в мае 1920 г. после второго вечера Блока в зале Политехнического музея, то есть 16 мая.

[2] Как вспоминает Н. А. Павлович, в 1918 г. она «часто бывала у Вячеслава Иванова, который отличал <её> среди молодежи» и «строго разбирал» каждое написанное ею стихотворение (см.: «Блоковский сб.», 1, с. 451).

[3] В 1918 г. Н. А. Павлович часто виделась с Белым в московской Студии стиховедения (на Молчановке; была организована Павлович и Вейцманом в начале 1918 г.), увлекалась его лекциями. Он был, по ее словам, «вроде «великого посвященного» от антропософии», она же — «скромной ученицей, которую он считал способной и заслуживающей доверия» («Блоковский сб.», 1, с. 451).

[4] Косвенным свидетельством внимания Блока к стихам Н. А. Павлович может служить цитирование ее стихов в письме А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 24 марта 1920 г. (см. наст. кн.).

[5] См. прим. к письму Н. А. Павлович В. Я. Брюсову от 25 июня 1920 г.

[6] На первом организационном собрании петроградских поэтов, состоявшемся в помещении Вольной философской ассоциации 27 июня 1920 г., был избран президиум Союза: председатель — А. Блок, товарищи председателя — К. Эрберг и Н. Оцуп, секретари — Н. Павлович и Вс. Рождественский; и приемная комиссия: А. Блок, М. Кузмин, М. Лозинский, Н. Гумилев (см. ЗК, 495; Вс. Рождественский. Как это начиналось.— «День поэзии». Л., 1966, с. 87—90; «Блоковский сб.», 1, с. 467).

[7] Имеется в виду пропуск в Лугу к М. А. Бекетовой — выезд из Петрограда осенью 1920 г. был затруднен.

[8] Вероятно, речь идет о вечере Блока в помещении Вольной философской ассоциации 29 июля (см. его запись от 29 июля 1920 г.: «Мой вечер в Вольфиле (вступительное слово Иванова-Разумника). Были мама и Люба. Хорошо».— ЗК, 497). Ср. также афишу этого выступления: «В помещении Вольфилы (Чернышева пр., д. 2, подъезд 1) в четверг 29-го июля 1920 г. состоится вечер Александра Блока по следующей программе: Р. В. Иванов-Разумник скажет вступительное слово. Александр Блок прочтет 1) поэму «Возмездие», 2) Стихи. Начало в 7 1/2 часов вечера» (ф. 79, оп. 5, № 1, л. 20).

Ф. И. КОГАН

ЗАПИСИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В. И. ИВАНОВА НА ЗАНЯТИЯХ КРУЖКА ПОЭЗИИ

Москва, 1 августа 1920 г.

〈...〉 О. А. Мочалова [1] читает стихотворение, начинающееся словами «Дракону ужаса». В. Иванов: «Если бы вы показали свои стихи Блоку, то он их не оценит, потому что в них нет такой струны, на которую Блок отзывается. А вот мой милый Гумилев, он, конечно, мог бы вас оценить, но он станет докучать своими ритмами и метрами, вообще техническим построением: акмеисты вас вообще потянут в свой лагерь, и вы на самом деле больше акмеистка, чем Гумилев. Самый беспристрастный — это Брюсов, он может очень чутко оценить самые различные дарования...» 〈...〉 Разговор переходит на судьбы кружка. В. Иванов: «Но кто же будет теперь у вас? Очень полезно было бы вам после моего мягкого расслабляющего климата пойти на северный полюс — к Брюсову. А так кто же? Блок не умеет, Гумилев, конечно, мог бы, но он техничен. Владислав Ходасевич болен, да его, кажется, и нет в Москве. Еще вот хорошо бы Юргис Балтрушайтис и Михаил Кузмин. Но лучше всего это — к Брюсову, попытайтесь его в кружок пригласить». В. И. любовно оглядывает всех, со всеми трогательно прощается [2].

ЦГАЛИ, ф. 2272, оп. 1, ед. хр. 33, л. 65—67.

[1] Ольга Алексеевна *Мочалова* (1898—1978) — поэтесса.
[2] Вяч. Иванов готовился к отъезду из Москвы на юг.

В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — М. А. КУЗМИНУ

Петроград, 5 августа 1920 г.

〈...〉 я принес Вам стихи М. Шкапской [1], которые только что рассмотрел Блок и написал свою резолюцию [2]. То же надо сделать и Вам [3].

ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 352, л. 1.

Стихи М. Шкапской, поданные в Союз 20 июля 1920 г., были, по-видимому, первыми из рассматривавшихся комиссией Союза поэтов.

[1] Мария Михайловна Шкапская печаталась с начала 1910-х годов. Стихи, переданные ею комиссии, вошли в состав сборника «Mater Dolorosa» (Пг., 1921). Вскоре после вступления в Союз поэтов она была избрана в члены президиума. Ей принадлежит шуточное стихотворение «Блок Александр (Опера)», описывающее эпизод ухода Блока с поста председателя Союза поэтов в результате конфликта с группой членов Союза, возглавлявшейся Гумилевым:

Эпиграфы

«Ба, знакомые все лица»
«Не верь, не верь себе, мечтатель молодой»
«Измены нет, любовь одна»
«Остерегайтесь грушкообразных»

I

Хор поэтов
(на мотив «Дети, в школу собирайтесь»)

Жили-были мы с папашей,
И не ведали мы бед.
Был папашей милым нашим
Александр Блок, поэт.
Встанет утром спозаранку,
Приготовить надо бланку
Да бумажки подписать.
Вместо чаю пьет чернила,
На Союз все отдал силы,
Перестал стихи писать.
Но Союз неблагодарный
Вел себя пред ним бездарно,
Неприятности чинил.
И папаша оскорбленный
Об отставке непреклонной
На собраньи заявил.

II

Ария Блока

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
И завтра рано чуть светочек
Союзная взревет семья.
Заплачут Берман и Евгеньев,
Ауслендер, Аренс и Крючков,
Грушко завоет в исступленьи,
О, что за музыка без слов!
Автомобили подкатили,
Лариса мне в окно стучит.
И вот я в новый путь готовый,
Союз весь замертво лежит.

III

Хор поэтов (*жалобно, Блоку*)

(на мотив «Горел, горел пожар московский»)

О, на кого нас покидаешь
Ты на заре прекрасных дней
И Гумилеву обрека-а-ешь
Своих беспомощных детей.
Он нас сурово обуча-а-ет,
За нами зорко он следит,
Примерной жизни науча-а-ет,
Стихи писать весь день велит.

IV

Серенада Оцупа под окном на Пряжке

(на мотив «Канарейка желтый хвост на ветке сидела»)

У Старкова был в шкафу
Соусник прекрасный,
Но матрос его украл,
О, Старков несчастный!
Но немедля мы с Грушко
Суд свой учинили,
И Старкову сей сосуд
Сразу возвратили.
О, поверьте, папа, нам,
Мы не готтентоты!
Не допустим мы до Вас
Никакой заботы.

V

Ария Гумилева

(на мотив «Выше качайтесь, качели»)

Об отставке, глупец, не мечтай,
Мое общество счастьем считай
(В сторону Блока, грозно)

Ставьте строчки стройно в ряд, стройно в ряд, стройно в ряд,
Мой не дремлет зоркий взгляд, зоркий взгляд, зоркий взгляд.

VI

Хор поэтов, переодетых пилигримами на лестнице на Пряжке. В открытую дверь виднеется грот Венеры

(на мотив из «Тангейзера»)

Моя вечерняя звезда,
Ты закатилась навсегда...
(*дальше им мешают продолжать рыдания*)

Занавес

Эпилог

Дуэт Блока и Павлович

(на мотив из «Пиковой Дамы» «Мой миленький дружок»)

Она (*тревожно-вопросительно*)
Мой миленький дружок,
Смотри, сдержи зарок,
Их не поддайся реву,
Не сдайся Гумилеву.

Он (*угрюмо-сконфуженно*)
Мой миленький дружок,
Я не сдержал зарок.
Поддался я их реву
И сдался Гумилеву.

(ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 466, л. 3—3 об.). В «опере» упоминаются члены Союза поэтов Л. Берман, Б. Евгеньев, С. Нельдихен-Ауслендер, В. Аренс, Д. Крючков, Н. Грушко, Н. Оцуп, а также Л. М. Рейснер и ее автомобильные прогулки с Блоком (ср. ЗК, 499, 500).

[2] Текст резолюции Блока приведен в воспоминаниях Н. А. Павлович: «Стихи живые и своеобразные. Нахожу, что автора можно принять в действительные члены С〈оюза〉 П〈оэтов〉» («Блоковский сб.», 1, с. 469).

[3] Текст резолюции Кузмина см. там же (с. 469).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

21〈?〉 августа 1920 г.

〈...〉 А пропуск [1] получить оказалось почти невозможно. Легче вызвать тебя сюда. Так надумали Саша с Надей [2]. Надя Павлович — его секретарь по Союзу поэтов (новое учреждение, он — председатель) [3]. Надя ко мне очень хороша, и я ее полюбила. Она талантливая поэтесса. 〈...〉 Мне к тебе по-прежнему хочется, но это невозможно. Слишком далеко ты заехала. Вот, кабы вы с Аннушкой [4] в Царском жили. Тогда легко было бы сообщаться. И я к тебе, и ты ко мне. Подумать о том, как туда переехать... Буду спрашивать Разумника Васильевича [5]. Плохо то, что мое нездоровье стало повторяться, сил все меньше. Помогать Любе почти ни в чем не могу. 〈...〉 Вчера Надя Павлович говорит: «Уж лучше мы вашу сестру сюда вызовем».

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 46 об. Автограф.

[1] См. прим. 7 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 1 августа 1920 г.
[2] Н. А. Павлович вспоминает по этому поводу: «Нужно было устроить Марии Андреевне командировку в Петроград. 25 августа 1920 г. мы с Блоком сочиняли ей вызов от Союза поэтов и много при этом смеялись» («Блоковский сб.», 1, с. 462).
[3] См. прим. 4—5 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 1 августа 1920 г.
[4] А. И. Шелгунова.
[5] Р. В. Иванов-Разумник.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

3 сентября 1920 г.

〈...〉 Про Союз поэтов: он еще только налаживается [1]. Энергичный секретарь — молодая поэтесса Павлович трудится над этим много [2]. Это удивительная девушка. Теперь их у меня две: Женя [3] и она (Надя). Обе ко мне вежны. И хорошо то, что Душенька к обеим очень хорошо расположен. Они совсем разные.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 52 об.

[1] Ср. в воспоминаниях Н. А. Павлович: «Работа Союза поэтов налаживалась очень медленно. Мы плохо умели общаться друг с другом: состав Союза был разнороден и по литературным вкусам и по политическим тенденциям» («Блоковский сб.», 1, с. 470).
[2] См. прим. 4—5 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 1 августа 1920 г.
[3] Е. Ф. Книпович.

В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — М. А. КУЗМИНУ

Петроград, 10 сентября 1920 г.

〈...〉 Бумагу в Петрокоммуне, конечно, потеряли. 〈...〉 Во вторник Блок ее подпишет на заседании президиума [1]. Заседание это будет в клубе (Литейный 30, кв. 7, т. 3-95) в 6 ч〈асов〉 вечера. Приходите непременно, т. к. будут вопросы, связанные с приемной комиссией [2].

ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. **352**, л. 2.

[1] Речь, видимо, идет о хлопотах по поводу обеспечения Кузмина пайком. Ср.: Н. А. Павлович. Воспоминания об Ал. Блоке.— «Блоковский сб.», 1, с. 470.
[2] Ср.: «14 сентября 〈...〉 Президиум Союза поэтов» (ЗК, 501).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

18 сентября 1920 г.

〈...〉 Я очень поправилась за лето, стала крепче и спокойнее. Суровый режим, в котором меня воспитывают, несомненно, соответствует моей истеричной, деспотической и изнеженной персоне. 〈...〉 Кроме сурового режима,

БОЛЬШОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР (БДТ) В ПЕТРОГРАДЕ
Фотография. 1918
Музей истории Ленинграда

мои фонды поднялись несомненно, благодаря прекрасному отношению ко мне Жени[1], Алянского[2], Нади Павлович. Я служу чем-то связующим между Надей и Женей и моим Душенькой. Женя-то уже совсем своя. Люба ее наконец полюбила и оценила, найдя в ней — понимание живописи, старинного и специально — фарфора. Пока, летом, Сашенька ездил на весь день купаться в море, в Стрельне, а Люба в Штиглицевский музей — изучать кружева, мы плохо кормились, я слабела, и были частые припадки, Душенька был подавлен, раздражен и молчалив, а Люба худела и меня ненавидела. ⟨...⟩ Теперь Сашенька дал мне редактировать для Всемирн⟨ой⟩ Лит⟨ературы⟩ «Тристана»[3]. А по утрам Люба поручает торговать на Покровке. Продаю и получаю иногда похвалы за то, что хорошо продала. Кормимся мы сейчас хорошо по-нынешнему. ⟨...⟩ «Союз поэтов» еще только возникает, ничего не оформилось, и не знаю, будет ли в нем толк[4]. Некому руководить. Деточку чуть не силком принудили быть председателем, и Надя Павлович — секретарь, растеряха, больная, беспорядочная и проч⟨ее⟩[5]. Ее сила вся в мистической ее сущности, которая из ряда вон[6]. ⟨...⟩ Умер Семен Афанасьевич Венгеров[7].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 54—55 об.

[1] Е. Ф. Книпович.

[2] Об отношении С. М. Алянского к матери Блока см.: С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 113—118.

[3] Сказание о Тристане и Изольде — эпизод цикла Артуровских легенд (8 или 9 в.); существует множество интерпретаций этой легенды. Среди них: несохранившийся роман француза Кретьена де Труа (XII в.); немецкий роман эльзасца Готфрида Страсбургского (нач. XIII в.); обыгрывание этого сюжета во французских стихотворных и прозаических повестях XIII в.; многочисленные его обработки в литературе нового времени. А. А. Кублицкая-Пиоттух, возможно, имеет в виду стилизованный пересказ — «Роман о Тристане и Изольде» француза Жозефа Бедье (1900 г.; русск. перевод — 1903 г.). Издание романа могло планироваться для так называемой «народной серии», поскольку не было учтено в «Каталоге издательства „Всемирная литература“» (Пб., 1919; произведения, подготавливаемые для «народной серии» в каталог не включались). Однако, говоря о «Тристане», А. А. Кублицкая-Пиоттух могла также подразумевать драму Р. Вагнера «Тристан и

Изольда» (в русск. переводе В. Чешихина; Лейпциг, Рига, 1889). Обе книги (т. е.— пересказ Бедье и драма Вагнера) были в библиотеке Блока (см.: ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 388) и использовались им осенью 1919 г. в работе над сюжетом «Тристана и Изольды» для «Исторических картин» (цикл «инсценировок истории культуры», задуманный Горьким при издательстве «Всемирная литература»); замысел Блока, связанный с «Тристаном», осуществлен не был. Ср. ЗК, 472, 477 — записи от 26 августа, 29 сентября и 3 октября 1919 г.

[4] Ср. колебания самого Блока, высказанные им в первом же разговоре с Павлович: «Не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь. Мы все тут разные, может быть, и общего языка не будет. Но материальная помощь нужна многим, нужны пайки, нужна книжная лавка писателей. Союз может это организовать. А потом, может быть, придут и новые люди, как и Брюсов надеется. Мы сами не знаем, кого можно ждать. Начнем с материальной заботы о наших поэтах, а, может быть, выйдет и что-нибудь большее» («Блоковский сб.», 1, с. 457).

[5] Ср. в воспоминаниях Н. А. Павлович: «Меня ⟨Блок⟩ бранил за небрежность и рассеянность, за то, что я вечно что-нибудь теряла» («Блоковский сб.», 1, с. 462); а также — с записью Блока от 16 сентября: «„Интимное“ открытие клуба Союза поэтов. Тошно, скучно. Злюсь на Павлович за курсятничество и беспомощность» (ЗК, с. 502). Для самого поэта порядок, особенно в эти напряженные годы, «необходим, как сопротивление хаосу» (эти слова поэта, произнесенные в беседе с М. М. Шкапской, приводит Н. А. Павлович; см. ее «Воспоминания об Александре Блоке» — с. 462; ср. также аналогичное признание Блока в его письме секретарю Репертуарной секции А. Г. Ларош от 31 января 1919 г. См.: ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 5, л. 122).

[6] Возможно, слова А. А. Кублицкой-Пиоттух о «мистической сущности» Н. А. Павлович были, в какой-то мере, навеяны ее стихами, посвященными А. Блоку. Ср. эпизод 25 августа 1920 г., когда Павлович прочитала Блоку и его матери свое стихотворение «Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою...» (см. Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке.— «Блоковский сб.», 1, с. 483 и наст. кн., с. 111—112).

[7] Семен Афанасьевич *Венгеров* (1855—1920) — известный историк литературы, пушкинист, библиограф; умер 14 сентября 1920 г. в Москве.

Деловые отношения связывали Блока с Венгеровым с осени 1905 г., когда Блок обратился к нему в поисках литературного заработка (см. публикацию Н. Т. Панченко «Из неопубликованных писем А. Блока к С. А. Венгерову».— «Блоковский сб.», 1, с. 333). В послереволюционные годы Блок обращался к С. А. Венгерову с просьбой выдать пособие Литературного фонда и предоставить комнату в Доме литераторов для М. А. Бекетовой (см. его запись от 30 сентября 1918 г.— ЗК, 429).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

⟨2 октября 1920 г.⟩ [1]

⟨...⟩ В Любины именины [2]: Алянский преподнес прекрасную белую хризантему, я — тоже, заняв у Душеньки денег. Она была довольна. Женя [3] принесла яблоков. Была у нее в гостях также м-ме Браз [4], ее подруга по Шаффе [5]. ⟨...⟩ Сегодня суббота, и Шурка [6] — сосед орет и бесчинствует. Он в бурном восторге, как, вероятно, теперь и многие...

Душенька — в театре [7]. Любочка у себя. Молись о ее здоровье и успехах. Еще раз целую. Милая сестрица моя! [8]

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 56—56 об. Автограф.

[1] Датируется предположительно по сопоставлению даты именин Л. Д. Блок (30 сентября) с датой следующей за ней субботы (2 октября) и информацией, содержащейся в самом письме (см. прим. 8 к наст. письму).

[2] Именины Л. Д. Блок были 30 сентября. Ср. описание этого дня у Блока — ЗК, 503.

[3] Е. Ф. Книпович.

[4] *Л. Э. Браз* (Ланцгоф) — приятельница Л. Д. Блок по гимназии.

[5] Эмилия Павловна *Шаффе* — начальница частной женской гимназии в Петербурге, в которой училась Л. Д. Блок (ср. VII, 340, 342).

[6] Шурка — сосед Блоков (фамилию его установить не удалось).

О взаимоотношениях с ним А. А. Кублицкой-Пиоттух см., в частности, в воспоминаниях Н. А. Павлович: «За стеной Александры Андреевны, в соседней комнате, жил непутевый, удалой матрос Шурка, с которым у нее сложились своеобразные отношения: когда Шурка напивался или приводил своих подружек и шумел по ночам, Александра Андреевна тонким своим пальчиком стучала в стену и говорила: «Шура, я все слышу. Потише!» — и Шурка покорно отвечал: «Ладно, бабуся!». И затихало.

Этот Шурка чудесно пел, и Александр Александрович любил слушать его песни.

Вообще, я никогда не слышала сетований или брюзжания Блока или его матери на этого синеглазого соседа из другого мира» (Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке.— «Блоковский сб.», 1, с. 491).

[7] Ср. с записью Блока от 2 октября 1920 г.: «В театре («Отелло») был Уэллс с сыном» (ЗК, 503).

[8] Вероятно, данное письмо (без даты и обращения) было добавлением к несохранившемуся основному тексту.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петроград, 14 октября 1920 г.

Милый друг, Вы не поняли о смирении. Это смирение не для улучшения отношений, а только во избежание вечного крика и ссор в доме, ради покоя тех, кого мы с Вами любим! Вы напрасно думаете, что мое «смирение» помогает. Люба ненавидит и презирает меня яро, но я молчу и не подаю ей повода к сценам. Саша тоже много молчит. Иначе будут крики, вопли, слезы. Она нормальная, но неистовая, и когда она, без Саши, все-таки меня разносит, она, главное, берет ехидством: «Вы отравляете жизнь вашему сыну вашей бестактностью, вы насыщаете атмосферу вашим беспокойством. Я должна жить с Вами, потому что Саша так хочет», и т. д.

И все-таки мое положение лучше вашего, милая, бедная моя Маня, потому что Любу нельзя не любить. Несмотря на все это, я ее люблю самой настоящей любовью — уж очень много в ней милого, симпатичного и, главное, детского. <...> Я думаю и чувствую, что мне это все — наказание за все обиды, которые терпели от меня близкие... Маня, давно Вы читали «Братьев Карамазовых»? Я только что перечла чуть не в пятый раз. И как поразительно!

Перечтите.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 544, л. 8—9 об.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

22 октября 1920 г.

<...> «Квентин Дорвард» [1] в русском переводе лежит у меня на столе, Душенька его достал из кипы сложенного на продажу. <...> Люба справляется по-прежнему с делами. <...> Утром, в 10 часов, она уходит каждый день на репетицию в Народный дом [2] или на квартиру Радлова-режиссера [3], на Вас<ильевском> острове. Возвращается в 3 часа. Стряпает. На днях стирала. Ходит и за пайками. Я помогаю, сколько могу и сколько допускают. Люба теперь часто спит по вечерам, если Саша уйдет надолго вечером на заседание или в театр. Потом к его приходу встает. Она, в общем, довольна, несмотря на то, что этот театр — черт знает что. В «Виндзорских кумушках» [4] будут участвовать клоуны, человек-змея и т. д. [5] Сокращено сильно [6]. Репетиции несерьезные [7], костюмы — карикатурные [8]. Режиссерские замыслы таковы [9]. Но Люба все-таки довольна [10] в общем и поэтому мало устает. С Надей Павлович дело наладилось. Мы с Сашей высказали ей много горьких истин [11], которые она выслушала прекрасно, доказав еще раз свою крупную натуру, отсутствие суетной мелочности. С глазу на глаз я люблю с ней, и Саша любит. И Женя [12], но на людях она не та. Союз поэтов ее выкурил вместе с Марусей Шкапской [13]. Саша был вчера на Литейной в их клубе [14]. Остался доволен. К нему не пристают ни с чем. Делают все Кузмин и Гумилев. А он, по-видимому, только ради имени.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 57—58 об.

[1] «Квентин Дорвард» (1823) — роман В. Скотта. Вероятно, речь идет о редакторской подготовке его М. А. Бекетовой для издания во «Всемирной литературе» («Квентин Дорвард» значился в планах издательства, см. «Каталог издательства „Всемирная литература"», Пб., 1919, с. 62).

[2] Народный дом — просветительское учреждение клубного типа в дореволюционной России. После революции коммунальные театры петроградских Народных домов входили в ведение органов народного образования Союза коммун Северной области, в частности — Отдела театров и зрелищ, которым заведовала М. Ф. Андреева. В одном из помещений Народного дома на Петроградской стороне (Кронверкский пр.) — так называемом Железном зале — 15 ноября 1919 г. стал работать Театр художественного дивертисмента С. Э. Радлова, 8 января 1920 г. переименованный в Театр народной комедии. В октябре 1920 г. в труппу С. Э. Радлова вступила Л. Д. Блок.

[3] Квартира С. Э. Радлова находилась по адресу: Васильевский остров, 1-я линия, д. 40, кв. 4.

[4] Премьерой комедии Шекспира «Виндзорские кумушки», состоявшейся 12 ноября 1920 г., было ознаменовано открытие второго сезона Театра народной комедии — 1920/1921 г. Примечательно, что Блок тоже хотел ввести «Виндзорских кумушек» в репертуар БДТ (см. его письмо к М. Ф. Андреевой от 27 апреля 1919 г.— VIII, 521, 523). Причем, как известно, его подход к Шекспиру открыто противостоял исканиям экспериментальных театров (см. VI, 348, 399—400).

[5] В Театре народной комедии С.Э. Радлов объединил актеров драматического театра с актерами цирка.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
Шарж П. Радимова (тушь)
Литературный музей, Москва

[6] Работая над комедией Шекспира, С. Э. Радлов сократил текст, сделав из 5 действий 2 и переведя некоторые эпизоды в план интермедий.

[7] Основой режиссерских исканий С. Радлова той поры был поиск «живой связи» с народной аудиторией, которую режиссер пытался закрепить, применяя метод «словесной импровизации» и используя эстрадную сцену, лишенную кулис и напоминающую «по своей структуре народную сцену времени Шекспира» (см.: Доклад С. Э. Радлова «Производственная программа Театра народной комедии» на заседании союза Рабис 18 октября 1920 г.— В кн.: «Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр 1917—1921». Л., 1968, с. 398).

[8] Декорации, костюмы и бутафория к спектаклю были выполнены по эскизам Валентины Ходасевич (см. подробнее: С. Мокульский. О театре. М., 1963, с. 412). С. Э. Радлов подчеркивал, что «линия» его работы «совпадала с линией художника» («Жизнь искусства», 1920, № 607, 12 ноября, с. 1). «Веселую и умную игру костюмов худ. Ходасевич» отметил в рецензии на спектакль В. Шкловский («Жизнь искусства», 1920, № 610—612, 19—21 ноября, с. 1).

[9] В интервью перед премьерой Радлов заявил: «В постановке «Виндзорских проказниц» 〈...〉 меня главным образом привлекала задача — найти сценическое воплощение Шекспира, единственно соответствующее основным принципам его драматургии» («Жизнь искусства», 1920, № 607, 12 ноября, с. 1). Тогда же в статье «Театры Возрождения и возрождение театра» Радлов объявил «стремительность 〈...〉, типы, запечатленные в их гротескном преувеличении; эксцентризм» принципами «нарождающейся народной комедии 20 века», которая должна была стать созвучной «нашей эпохе по ритму, силе и простоте элементов» («Жизнь искусства», 1920, № 607, 12 ноября, с. 1).

[10] Л. Д. Блок играла в спектакле «Виндзорские проказницы» роль мистрис Форд. В своей рецензии на спектакль В. Шкловский признал ее работу удачной (см.: «Жизнь искусства», 1920, № 607, 12 ноября, с. 1).

[11] См. прим. 5 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 18 сентября 1920 г.

[12] Е. Ф. Книпович.

[13] При перевыборах Президиума на общем собрании Союза поэтов 5 октября 1920 г. были забаллотированы Н. А. Павлович и М. М. Шкапская. Ср. запись Блока от 28 сентября 1920 г.: «Гумилев и другие фрондируют против Павлович и Шкапской» — ЗК, 503. По сути, этот конфликт был выражением серьезных разногласий Блока и Гумилева по вопросам литературной политики Союза поэтов (ср.: «Гумилевский «клан» все громче

высказывал свое неудовольствие действиями нашего Президиума и характером наших публичных выступлений».— Н. А. П а в л о в и ч. Воспоминания об Александре Блоке.— «Блоковский сб.», 1, с. 476). В результате смены Президиума 5 октября 1920 г. Блок отказался от председательствования, но делегация поэтов, пришедшая к нему 13 октября, уговорила его остаться. См.: ЗК, 504 — записи от 5 и 13 октября 1920 г. См. также: «Блоковский сб.», 1, с. 476—477.

[14] Клуб Союза поэтов размещался по адресу: Литейный пр., д. 24 (б. дом Мурузи).

[15] Ср. запись в дневнике Блока: «Вечер в клубе поэтов на Литейной, 21 октября,— первый после того, как выперли Павлович, Шкапскую, Одуна, Сюннерберга и Рождественского и просили меня остаться. Мое самочувствие совершенно иное. Никто не пристает с бумагами и властью. Верховодит Гумилев — довольно интересно и искусно. Акмеисты, чувствуется, в некотором заговоре, у них особое друг с другом обращение. Все под Гумилевым» (VII, 371).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

2 ноября 1920 г.

〈...〉 В твоем письме мне странно, как ты нас хвалишь троих. Любить — это я понимаю — можно всяких. Но хвалить-то нас не за что. Тяжелые мы все трое и все обидчики. Да и мало ли, чего еще дурного и темного в нас троих. Ты издали идеализируешь нас, а вот пожила бы с нами — не поздоровилось бы. Теперь расстроились нервы у Саши. Да и у меня, по правде. Люба сегодня задала нам скандал. 〈...〉 Потом ушла на репетицию [1]. 〈...〉 Теперь она мне этого никогда не простит и будет попрекать меня в том, что из-за меня он ее выругал. Твой буколический тон очень не соответствует такому «ритму». Хорошо, что любят меня Женя [2], Надя [3], часа три сидел у меня в комнате на днях Разумник Иванов [4], и так много и хорошо мы с ним говорили. Чрезвычайно дружествен Алянский. Сер〈афима〉 Павл〈овна〉 Ремизова ласкает и льнет. Это все меня спасает в Сашиных глазах, а то ведь Люба меня нестерпимо презирает и на Сашу действует. Одно мое длинное письмо к тебе, очевидно, пропало. Там были, между прочим, частушки псковские, привезенные Марусей Шкапской. Тебе было бы интересно.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 59—60.

[1] См. прим. 2 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 22 октября 1920 г.

[2] Е. Ф. Книпович.

[3] Н. А. Павлович.

[4] По-видимому, 30 октября. Ср. с записью Блока от 30 октября 1920 г.: «Днем у меня 〈...〉 Иванов-Разумник» (ЗК, 506).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петроград, 21 ноября 1920 г.

〈...〉 Люба уже месяц, как поступила на службу, играет в театре Народной комедии, в Железном зале Народного дома, поблизости от вас [1]. Играют «Виндзорских кумушек» Шекспира [2]. Она очень довольна, и ей обещают хорошее жалованье и паек. Это хорошо действует на ее расположение духа. Она тосковала по игре. Саша по-прежнему занят редакцией Гейне в переводах и Большим Драматическим театром, где ставили «Короля Лира», а теперь ставят «Шейлока». Это все происходит в Малом театре, бывшем суворинском. И мне туда не дойти. Поэтому не бываю. А соскучилась о музыке. Трудно попасть в оперу теперь. Читаете ли Вы? Я совсем позабыла, что Вы не любите Достоевского. И поразилась очень. Но вспомнила, что Вы любите Тургенева и поняла: ведь этих двух вместе нельзя любить: или одного, или другого. Но в Вас, Маня, мне не мешает такое отношение к Достоевскому, а в другом человеке мешало бы. 〈...〉

Ко мне часто, почти каждый день приходит одна бырышня, Евгения Федоровна Книпович. Она меня очень любит, ласкова ко мне. Она очень

умна, образована. Мы с ней сходимся во вкусах. Все это хорошо. Все-таки дорого, что любит тебя человек, нуждается в тебе. 〈...〉

Хотелось бы мне новую Сашину книжечку стихов «Седое утро» Вам дать. Там есть очень хорошее.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 544, л. 11—12 об.

[1] Сценическая площадка Театра народной комедии (см. прим. к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 22 октября 1920 г.) находилась на месте нынешнего Ленинградского планетария — ср. запись в дневнике Блока от 25 мая 1921 г.: «Любин театр (иногда по два раза в день на Кронверкский и обратно)» (VII, 420).

[2] Ср. запись Блока от 12 ноября 1919 г.: «У Любы открытие театра. Я иду. Много знакомых. «Виндзорские проказницы» мне — не очень» (ЗК, 507).

В пьесе Шекспира Радлов, поставивший этот спектакль, хотел выявить «очаровательную непрерывность действия, беспрестанную его текучесть», и поэтому некоторые эпизоды были переведены в план интермедии. Действие происходило на двухъярусной сцене с просцениумом. Л. Д. Блок играла мистрис Форд, В. С. Чернявский — Форда, К. Э. Гибшман — Фальстафа. Как вспоминал В. С. Чернявский в письме к Н. А. Нолле-Коган от 15 января 1927 г., Блок часто бывал в Театре народной комедии (ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 268, л. 3 об.).

Н. А. ПАВЛОВИЧ — В. Н. ПЕРЕЛЬМАНУ

Петроград, 1 декабря 1920 г.

〈...〉 Напишу о важном, мною пережитом: тебе, моему учителю, я хочу сказать 1-ое — я в прошлом году работала на тифу, видела чужую смерть, заразилась сама, думала, что умираю. Я не боялась, с чужою же смертью, которую я видела почти глазом между койками, я боролась. После было приятие жизни, я точно в 1-й раз увидела весну, каждый лист, небо, Москву, звон, людей. Был огромный творческий подъем, осознание художественное, и тогда, в мае, совершилось самое чудесное, что переломило мою жизнь. Я увидела человека, фамилию его я не стану называть. Зовут его Александр. Это один из крупнейших русских людей. 1-ое ощущение — невыразимая боль. Ты знаешь, что иногда у меня бывало нечто вроде ясновидения — белый луч от меня на человека. Здесь не луч, сноп лучей, который, пройдя через него, как бы упал обратно, и я увидела и себя. В его душе была боль, холод, мрак и страстная память — тоска об ином мире; и мир этот был тот же, что виделся, звучал мне. Я в одну секунду (не секунду — вне времени) приняла в себя всю эту сумму боли — невольно, помимо своей воли, и я знала его до конца. Что я не ошиблась, подтверждает мое знание, почти страшное, до сих пор (меня) никогда не покидающее, им самим (Алекс〈андром〉) подтвержденное. 2-ой момент через 3 дня — такое же ясновиденье, но в плоскости творческой. Поняла, как, почему все было им создано, каким дух〈овным〉 процессом, как надо понимать то или другое, тоже безошибочно.

И та же боль. Но ни тени влюбленности. Ночью — виденье; сказать — что, как — не могу — человеческих адэкватных слов нет. Есть об этом косноязычие моих стихов. Результат: все прошлое сгорело, обиды, самолюбие, разврат. Ощущение было огненного, блаженно сжигающего дождя и необычайной силы и веры — и я пошла. Я бросила все. Петроград.

Мы стали близки, но только духовно, мы не поцеловались ни разу, а близость такая, что звук, определяющий ритм стиха, звук нечеловеческий, мы слышим один. Мне для себя ничего не надо. В минуты слабости тоскую о ребенке — но и это стараюсь побороть. Одно — выкупить из мрака его душу. «Какой выкуп даст человек за душу свою?» Помнишь? Верую — душой душу выкупают.

Хранится в собрании Б. В. Плюханова (Рига), куда было передано в 1962 г. Приносим благодарность Б. В. Плюханову за предоставление текста.

Виктор Николаевич *Перельман* (1892—1967) — художник, один из основателей Ассоциации художников революционной России. О встречах Н. А. Павлович с Блоком в 1920 г. см. выше.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

Петроград, 17 декабря 1920 г.

〈...〉 Люба по утрам репетирует новую пьесу [1], а по вечерам играет. Уж я сегодня и стряпала, и все. Получено письмо от Али Мазуровой [2], из Флориды. Письмо длинное, к Саше. Пишет, что она бедствует. Она служит в парикмахерской маникюршей, он что-то переписывает. Жили в Нью-Йорке. Там тоже небогато, но подробностей не сообщает. Переехали во Флориду ради тепла. Пишет, что надоела Америка, хочется в Россию. 〈...〉 Аля Мазурова пишет о переводе на английский язык «Двенадцати». Какой-то русский господин хочет переводить [3]. 〈...〉 Люба увлекается своим театром донельзя. Считает, что вот наконец «несчастные интеллигенты, не умеющие жить», нашли, открыли секрет настоящего театра. Это, по ее мнению, клоуны. У них ведь клоуны исполняют роли, говорят на сцене. По-моему, у Любы это всегда так: что-нибудь, что ее касается, где она участвует, всегда хорошо. И увлечение уж без меры, как было с Мейерхольдом. Думаю, что потом она все это разлюбит. Вся наша жизнь перевернулась. Любы почти не видим. Душенька не хочет мешать, но не рад этому.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 18, л. 68 об.—70.

[1] «Проделки Смеральдины» В. Н. Соловьева.

[2] Александра Николаевна *Мазурова* (Джордж; род. 1891) — дочь О. А. Мазуровой, друга семьи Бекетовых. Летом 1918 г. с мужем уехала в Америку (ЗК, 415). В эмиграции выпустила роман «Земля» (Рига, 1929). Ей принадлежит статья о Блоке — «Оставшийся там» («Новоселье», Нью-Йорк, 1946, № 29-30).

[3] Письмо А. Н. Мазуровой нам неизвестно. По-видимому, это письмо повлияло на отрицательное отношение Блока к проблеме эмиграции.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

20 декабря 1920 г.[1]

〈...〉 Душенька очень сердится на Любу за то, что она так пропадает [2]. Она, в самом деле, уж слишком, ходит в гости к клоунам [3], у них кофей пьет. С другими товарищами хороша, но не дружит, а с клоунами дружит. Помнишь, как Люба учила меня уничтожиться ради Саши и ставила себя в пример? Да вот и уничтожилась. Сегодня говорила мне, что мы с Сашей прозябаем, не живем. Мне надо в гости ходить, ему — влюбиться, поехать куда-нибудь и т. д. Скоро устраивается вечер — Лурье [4] — Блока. Произведения Лурье на слова Блока — оркестр, пение. И Блок будет читать свои стихи. Все это в Малом театре поручено устраивать Самуилу Мироновичу Алянскому [5]. Боюсь, что мне не дотащиться в темноте. Посмотрим.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 70 об.—71.

[1] Продолжение письма от 16 декабря 1920 г.

[2] Ср. записи Блока от 4, 10, 12, 19 ноября — ЗК, 506—507.

[3] См. письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 17 декабря 1920 г.

[4] А. С. Лурье. См. о нем прим. 6 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 14 июня 1919 г.

[5] Задуманные А. С. Лурье вечера не состоялись. Ср. запись Блока от 23 декабря 1920 г.: «Лурье — вечера здесь и в Ревеле» — ЗК, 510; и его дневниковую запись от 4 января 1921 г.: «О Лурье ни слуху ни духу, вечер останавливается из-за него» (VII, 390).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

24 декабря 1920 г.[1]

〈...〉 А у моих соседей матросов [2] немного полегче стало. Меньше ругани, и ребенка не только шлепают, но и ласкают. Да и шленки в сущности ничего, пускай. Я привыкла. Люба все меньше бывает дома, все страстнее относится к своему театру [3], все презрительнее к нашему «прозябанию».

Я стряпаю, мою посуду, убираю. Приехала О. Д. Форш [4] из Киева. Ты знаешь, как я ее ценю. Я рада. Вот, в воскресенье, кажется, Люба сама будет стряпать. Тогда я пойду в Вольфилу слушать ее доклад [5].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 71—71 об.

[1] Продолжение письма от 16 и 20 декабря 1920 г.

[2] См. прим. 6 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 2 октября 1920 г.

[3] См. прим. 2 к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух М. А. Бекетовой от 22 октября 1920 г. и прим. к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 17 декабря 1920 г.

[4] О. Д. Форш была у А. А. Кублицкой-Пиоттух 20 декабря 1920 г. См. запись Блока от этого числа — ЗК, 510.

[5] В воскресенье, 26 декабря 1920 г., должно было состояться открытое заседание Вольной философской ассоциации, в программе которого значился доклад О. Д. Форш «Творчество слова». Начало заседания было назначено на 12 часов дня, по адресу: Демидов пер., д. 8а, Зал Географического общества (см. афишу заседания — ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, № 8, л. 13).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петроград, 25 декабря 1920 г.

〈...〉 Люба поступила на сцену, увлекается игрой, у нее нашли талант. Она репетировала это все время, целый месяц, новую пьесу [1], а по вечерам играла «Виндзорских кумушек» Шекспира. Ей нравится театр Народной комедии под управлением и режиссерством Радлова, ученика Мейерхольда. Пьесы все веселые, смешные. Костюмы карикатурны. Участвуют клоуны [2]. Люба дружит с товарищами, особенно с клоунами, у которых даже в гостях бывает. Ей ничего, что клоун главный, Дельвари [3], бьет при всех свою жену. Она говорит, что нашла свое настоящее назначение. В театре ее уважают, спрашивают советы, и т. д. Все это подействовало на нее так, что вся наша жизнь перевернулась. Мы почти не видим Любу. Ведь театр-то ее в Народном доме. Сашенька, по секрету Вам скажу, очень этому всему не рад, потому что ведь на Любе держался дом, дела бездна. Я убирала комнаты, мыла посуду, а теперь и стряпаю, как умею. Примитивно я стряпаю. Пирогов делать не умею.— Пока сил у меня хватает, но дальше не знаю, как будет. 〈...〉 Люба очень сердится на Сашу, на меня за то, что мы с ним оба никогда не находили ее талантливой актрисой. А она уверилась твердо в том, что талантлива. По всему похоже, что тут она сделает карьеру актрисы. И хорошо. Но время-то уж очень тяжкое и без прислуги справлюсь ли?

Теперь напишите о себе, все. У нас с Вами одно горе. Если бы ласково и гуманно, то и сил бы хватило. А ведь все с обидой, и уж не только ни слова поощрения, а все разносы. У нас с Вами это одинаково. 〈...〉

Женя, когда был у нас в последний раз, говорил, что собирается с женой посмотреть Любу.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 544, л. 14—15 об.

[1] Ср. запись Блока 25 декабря 1920 г.: «Любин спектакль. Люба играла хорошо («Проделки Смеральдины» Соловьева и Дельвари») (ЗК, 510). В этом спектакле постановщик и автор текста В. Н. Соловьев реконструировал итальянскую импровизированную комедию. Полный титул пьесы: «Проделки Смеральдины (Маркиз Гасконец Величавый), италианская комедия в 9 картинах. Маркиза играл В. С. Чернявский, Смеральдину — Л. Д. Блок-Басаргина, Арлекина — Дельвари. Ср. оценку этого спектакля А. В. Рыковым: «Драматургическое стремление Соловьева — создание условного театра, лежащего вне психологической мотивации — приводит к тому, что на первый взгляд пьеса кажется лишенной всякого стержня, сменой сцен вне причинной связи друг с другом. Ряд театральных эпизодов как бы набегает друг на друга вплоть до известного момента, когда волей автора случайность дает развязку комедии. 〈...〉 Слишком трудно зрителю, да вдобавок еще неискушенному, следить за будто бы ничем не связанными перипетиями комедии, растянутой на три часа» (А. Рыков. Народная комедия.— «Зеленая птичка», № 1, Пг., 1922, с. 172).

[2] Стремясь возродить на современной сцене черты площадного театра, С. Э. Радлов пригласил в драматическую труппу профессиональных циркачей: наездника и воз-

душного гимнаста А. С. Сержа (Александрова), японского жонглера Т. Такошимо, клоуна-эксцентрика Дельвари, акробата Таурека, человека-каучук Карлони и других.

[3] Георгий Ильич (Жорж) *Дельвари* (Кучинский) (1882—1942) — клоун и партерный акробат. Ср. запись в дневнике Блока от 7 января 1921 г.: «Люба веселится в гостях у Дельвари» (VII, 392). См. также: Р. Славский. Жорж Дельвари.— «Советская эстрада и цирк», 1968, № 12.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — Н. А. НОЛЛЕ

8 января 1921 г./26 декабря 1920 г.

〈..〉 О Саше могу сказать Вам, что он тяжело себя чувствует, особенно днями. Много надо преодолевать. Хорошо еще, что дрова у нас есть и мы не голодаем. Ваши посылки он всегда встречает с радостью. И очень оценил оба тома «Былин» [1]. Как Вы живете? Отчего не напишите мне подробнее о себе? Мне было бы это дорого.

Саша все еще любит свой театр, несмотря на все нападки газет и лиц на его будто бы мертвенную пышность. «Певцам, высокое нам мило» [2]. Это сказал Фет, и это относится всецело к Блоку: Шекспир, Шиллер. Недавно пришлось ему редактировать новый перевод Гетевского «Торкватто Тассо» [3].

Как он ушел с головой в это прекрасное и величавое творение. Отрываясь от него, как будто пробуждался от глубокого сна: бледный, скованный. Дал мне прочесть этот новый перевод, сделанный рукой Зоргенфрея, и я нашла его прекрасным. Там образ поэта полный, со всем величием, со всей его житейской слабостью. Читая, я думала о своем сыне.

Так живет Блок — работает, в этом находит удовлетворение. Почти нигде не бывает. Только в театре своем, во Всемирной литературе.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 545, л. 3—4 об.

[1] См. наст. том, кн. 2, с. 348—349.
[2] Из стихотворения Фета «Великому князю Константину Константиновичу» (1886).
[3] См. наст. том, кн. 2, с. 349.

С. М. АЛЯНСКИЙ — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

〈Петроград, начало января 1921 г.〉

〈...〉 Из пьес, переданных Вами мне, А. А. Блок рекомендует печатать одну — «Захарова смерть».

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1057, л. 6 об.

Речь идет о пьесах, получивших премии на конкурсе революционных пьес. Результаты конкурса были обнародованы 7 ноября 1920 г. (см. «Советский театр. Документы и материалы. 1917—1921». Л., «Искусство», 1968, с. 363). Пьеса А. С. Неверова «Захарова смерть» получила на конкурсе вторую премию. Первая премия была присуждена пьесе П. М. Родионова «В дни революции», третью и четвертую разделили поровну «Город» Никиты Тверского (Н. Л. Юрьевой) и «Мастера грядущего» Н. И. Фалеева. Отзыв Блока о пьесах см. VI, 328—331 и VII, 388.

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ — Г. И. ЧУЛКОВУ

Петроград, 20 января 1921 г.

〈...〉 Жаль мне Вас очень; уверен, что Вам не хорошо в Москве, но переезжать сюда решительно не советую и вот почему:

1. Единственный способ устроиться здесь сытно: это — читать лекции матросам, кр〈асноармейца〉м и милиционерам, обязательно местах в 5—6 одновременно. Но это — ужасающая трепка с Охты на Галерную, оттуда к Финляндскому вокзалу и проч. Этого Вам не выдержать, как и мне.

2. Акад〈емический〉 паек Вам не переведут сюда меньше, чем в 3—4—5 месяцев. Я еще не добился — и сижу без него. Кроме того, он гораздо меньше московского: 45 ф〈унтов〉 хлеба вместо 35 ф〈унтов〉 муки, ф〈унта〉 4 масла вместо 6 ф〈унтов〉, 15 селедок вместо 20 ф〈унтов〉 мяса, почти нет папирос, 1 ф〈унт〉 сахару и т. д.; крупы также вдвое меньше.

3. В «Д⟨оме⟩ И⟨скусств⟩» все комнаты заняты ⟨...⟩

4. — и м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ самое важное: повальный эстетизм и декадентство. Здесь говорят только об эротических картинках, ходят только на маскарады, все влюблены, пьянствуют и «шалят». Ни о каких высоких материях и говорить не хотят: это провинциально. И волна эта захлестнула, кажется, даже Блока. Об его синем домино рассказывают, к⟨а⟩к о событии дня [1].

ГБЛ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 12, л. 46. В датировке письма — описка — «1920».

[1] Речь идет о появлении Блока на маскараде в Школе ритма Ауэр 11 января 1921 г. Костюмы были предоставлены петроградским писателям Театром оперы и балета. Блок выбрал для себя темно-синий плащ с капюшоном (домино). См. подробней: Н. А. Павлович. Воспоминания о Ал. Блоке.— «Блоковский сб.», 1, с. 493.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

16 февраля 1921 г.

⟨...⟩ Как мне было приятно Ваше письмо! И, знаете, Вы писали его в день смерти Пушкина — 29 января по ст⟨арому⟩ стилю! В этот день за Сашей прислали санки и лошадь из Дома литераторов, где с нынешнего года положено справлять ежегодные поминки в этот день, и Саша поехал прочесть там свою речь о Пушкине. А в понедельник было повторение для публики, и Саша взял меня с собой опять-таки на санях, конечно. Не скажу, чтобы хорошее было торжество ⟨...⟩ но Сашина речь хороша ⟨...⟩ [1].

Саша написал и стихи о Пушкине для Альбома Пушкинского Дома в Академии наук. Стихи мне нравятся [2].

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 544, л. 17—18 об.

В этом же письме содержатся жалобы на трудности взаимоотношений с Л. Д. Блок («А, главное, ее влияние в этом отношении на Сашу»).

[1] Ср. письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух к М. А. Бекетовой от 3 февраля 1921 г., в котором содержится положительная оценка речей Блока («хороша»), В. Ф. Ходасевича («недурная»), и отрицательная — доклада Б. М. Эйхенбаума, а также осуждение «густой атмосферы кадетства» (М. А. Бекетова. Ал. Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л. — М., 1925, с. 161). Б. И. Харитон вспоминал: «Когда в комитете Дома литераторов в декабре 1920 г. ⟨. . .⟩ академик Н. А. Котляревский ⟨председатель⟩ обратился к Блоку с вопросом, согласен ли он произнести речь на предстоящем заседании, Блок, не поднимая головы, стал думать. «После Достоевского. . . — медленно и тихо произнес Блок,— я не могу сейчас решить... Я дам ответ через несколько дней» («Сегодня», Рига, 1926, № 173, 7 августа).

[2] Стихотворение «Пушкинскому Дому» (III, 376). Писалось 5—11 февраля. Далее в этом письме А. А. Кублицкая-Пиоттух пишет: «Как я понимаю, что Вы читаете Пушкина и воспринимаете его музыкально! А это стихотворение?

Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит...

И дальше:

На свете счастья нет, а есть покой и воля...

Каждое слово в пушкинских стихах дорого. А «Когда для смертного умолкнет шумный день»? Вот что я люблю бесконечно. Музыка его стихов — единственная. Это какое-то диво — это сочетание звуков со словами и ритмом. ⟨...⟩»

С. М. АЛЯНСКИЙ — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

⟨Петроград, февраль 1921 г.⟩

⟨...⟩ Здесь посылаю Вам пьесы с отзывом А. А. Блока, который, кстати, шлет Вам привет и пожелания. Что же касается «Захаровой смерти», передал ее Ионову [1], который ⟨...⟩ обещал мне сообщать все сведения касательно этой пьесы, и я надеюсь корректуру выслать Вам не задержав ⟨...⟩ Еще не откажите прислать официальную бумажку о том, что пьеса «Захарова смерть» премирована. Этого требует Ионов [2].

ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1057, л. 8.

[1] Илья Ионович *Ионов* (1887—1942) — заведующий Петроградским отделением Госиздата, позднее — председатель правления издательства «ЗИФ».

[2] Первое издание пьесы «Захарова смерть» было осуществлено в Самаре в 1922 г. В Ленинграде в издательстве «ЗИФ» пьеса была издана только в 1926 г.

Г. П. БЛОК — Б. А. САДОВСКОМУ

Петроград, 9 апреля 1921 г.

〈...〉 Теперь Ал〈ексанр〉 Ал〈ександрович〉. Его я бесконечно люблю. И так спокойно люблю, зная, что от него ничего наглого, ничего глупого и ничего лживого не изойдет. Но он упорно молчит после «Двенадцати» и хандрит. Подбор старого в этой книжечке вышел какой-то бледный [1].

Кстати об Ал〈ександре〉 Ал〈ександровиче〉. История наших с ним отношений очень странная и бедная. Мы — двоюродные братья. Я довольно близко знал и очень любил его покойного отца. Когда он весной каждого года приезжал навещать своих детей, мы подолгу и задушевно с ним говорили. С Ал〈ександром〉 Ал〈ександровичем〉 я познакомился, когда он был студентом 1 курса, а я 12—13-летним мальчиком «без права голоса». Это знакомство продержалось около года. Потом он исчез. Лет через 8, я, уже лицеистом, бегло встретился с ним в театре на спектакле Дузэ [2]. Потом опять не виделись лет 12, до нынешней зимы. Свел нас С. Ф. Ольденбург, с которым мы оба близки — он по «Всемирной литературе», я по Академии и по издательству Гржебина. Свидание наше произошло на квартире у Ал〈ександра〉 Ал〈ександровича〉, главным образом на почве Фета [3]. У меня об этом вечере осталось много чудесных воспоминаний, но расставаясь, дружественно и ласково, мы чувствовали (и высказали это друг другу), что мы очень разные. Разница, главным образом, в отношении к современности. Он думает, что надо во что бы то ни стало в нее войти и жить ею, иначе умрешь. Он хотел бы этого и больше не может, отсюда и хандра. А я думаю, что хотеть этого не нужно, что где бы и какой бы я ни был — я в ней живу, я современник, и ей меня не выкинуть и не лишить права жизни [4]. Разница еще и в том, что он этой современности однажды хлебнул, именно так, как ему этого хочется, как он считает нужным [5], а я нет. После этого вечера мы обменялись письмами, длинными, откровенными и дружественными [6], а на днях я снова бегло его встретил... в очереди [7]. Вот и все.

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 55, л. 6 об.—7 об.

Георгий Петрович *Блок* (1888—1962) — писатель, литературовед, автор биографических работ о Фете, Пушкине, романа «Одиночество» (1929). Работал он и над биографией Блока, и над творческой историей блоковского текста. История рода Блоков описана им в статье «Герои „Возмездия“» («Русский современник», 1924, № 3).

[1] «Седое утро».

[2] Впечатления от гастрольного спектакля Элеоноры Дузэ («Дама с камелиями» — 14 января 1908 г.) отражены в статье Блока «О театре» (V, 266, 268, 271). Подробнее об этой встрече Г. П. Блок написал в «Героях „Возмездия“» («Русский современник», 1924, № 3, с. 180—181).

[3] 2 мая 1921 г. Г. П. Блок писал Б. А. Садовскому (переписка с которым тоже началась «на почве Фета»): «Не кажется ли Вам, что в поэзии Фета, Соловьева и Блока один и тот же луч, постепенно, с течением времени не то догорающий, не то углубляющийся в какую-то все более непроницаемую толщу?» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 55, л. 10 об.).

[4] Ср. в письме Блока к Г. П. Блоку: «И Вы великолепно говорите, что все-таки живете,— сторонитесь или нет, выкидывают Вас или нет» (VIII, 531).

[5] Г. П. Блок имеет в виду (со слов А. А. Блока) время, когда писалась поэма «Двенадцать».

[6] Встреча произошла 4 декабря 1920 г. Письмо Г. П. Блока от 5 декабря 1920 г.— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 168, л. 8—9. Ответное письмо Блока от 10 декабря 1920 г.— VIII, 530—531.

[7] В Доме ученых.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

〈Петроград,〉 12 апреля 1921 г.

Милая, родная моя, спасибо за то, что зовешь меня. 〈...〉 Но ведь приехать так невозможно. Надо тащить одеяло, белье, платье. Багаж провезти нельзя 〈...〉 И денег с собой надо привезти. А их у меня нет, и у Саши тоже нет. Ты ведь вовсе не знаешь, как мы живем. У Саши и у Любы карточки «горячие» — такое название. Поэтому бывает и мясо, и сахар, и масло. Денег же у них мало. Недавно, чтобы купить картофеля, я 2 дня кряду ходила на Покровку с портфелем Франца и продала его. Тогда купили. Если б ты видела, как Саша похудел и как он нервен, ты бы поняла, что все делается, чтобы ему достать масла и сахару — 2 главные вещи. Книги продаются туго. Скоро Саша с Чуковским едут в Москву [1], Чуковский с лекцией о Блоке [2], Саша стихи читать [3]. Все это исключительно для денег [4]. У меня сейчас денег не может быть. По-видимому, мы с тобой получим за Бальзака.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18.

[1] Блок выехал в Москву 1 мая 1921 г., вернулся в Петроград 11 мая.

[2] Вместе с Блоком в Москву был приглашен К. И. Чуковский, который должен был выступать на вечерах Блока с докладом о его творчестве; к ним присоединился С. М. Алянский.

[3] Блок выступал в Москве в зале Политехнического музея (3, 5, 7 мая), в Доме печати и в Итальянском обществе (7 мая), в Союзе писателей (9 мая).

[4] Ср. в воспоминаниях С. М. Алянского: «Неожиданным было для меня сообщение Александра Александровича, что материальный результат этой тяжелой поездки оказался ничтожным и, если бы не друзья, которые добились в театре аванса за пьесу «Роза и Крест», было бы совсем плохо».— С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 138. О денежных переговорах в Москве см. также запись Блока в дневнике от 11 мая 1921 г.—VII, 418—419.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

Петроград, 17 апреля 1921 г.

Тетя, скорее присылай «Ветрову хозяюшку» [1]. В Москве — детский театр. *Саша подал эту мысль.* Он проредактирует. Под его редакцией. К нам приезжала директорша театра просить Сашу написать пьесу [2]. Не знаю, будет ли он писать. Но ты не медли и присылай. Она будет препровождена в Москву. Душенька сам собирается в Москву скоро, с Чуковским. 〈...〉 Если б ты видела, с каким милым видом он мне сказал о «Ветровой хозяюшке»? Но теперь он больше мрачный и страшно худеет. Это хуже всего, больнее всего, разумеется. 〈...〉 Писать стало не в мочь. Уж очень тяжело живется. Вижу иногда Толмачеву [3] и Ольгу Дмитриевну Форш. Они со мной хороши. Хороша и Женя.[4] Но все бы отдала, только бы он был здоров и так не мучился.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 99—100.

[1] Пьеса М. А. Бекетовой. 13 мая 1921 г. М. А. Бекетова писала Блоку из Луги: «Твое мнение о «Ветровой хозяюшке», конечно, справедливо. Странно было бы, если бы я под 60 лет, внезапно занявшись драматургией, написала бы не дилетантскую пьесу» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 145, л. 29).

[2] Генриетта Мироновна Паскар, директор Первого государственного театра для детей в Москве, писала Блоку в недатированной записке (начала 1921 г.?): «Необходимо с Вами переговорить по поводу пьес для Моск〈овского〉 госуд〈арственного〉 театра (для детей). Пробуду всего два дня. Мой телефон 141 02. Жду Вашего звонка. Режиссер ГДТ Г. Паскар» («Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2. М., 1979, с. 365—366). 9 марта 1921 г. она в письме из Москвы просила Блока написать либретто оперы для детей по мотивам сказок Пушкина («Сказка о мертвой царевне») и Жуковского («Сказка об Иване царевиче и сером волке». В случае неприемлемости работы над либретто, Блоку предлагалось написать пьесы для театра. Композитором должен был быть А. Т. Гречанинов (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2). Программа театра была изложена в статье Г. М. Паскар «О детском театре»: «Отвлекая ребенка от тяжелой для него действительности на несколько часов в созданный для него праздничный уголок уюта и красоты, в мир ярких красок и радостных звуков, в мир сказочных героев, мы внесем

светлый луч в душу современного ребенка» («Вестник театра», 1920, № 52, с. 3). О визите Г. М. Паскар к нему в начале 1921 г. Блок упомянул в дневнике (VII, 420). Возможно, что в связи с этим предложением стоят «пробы детского театра», о которых Блок упоминает в числе своих работ (ЛН, т. 27—28, с. 565).

[3] Мария Львовна *Толмачева* (урожд. Погодина; 1867—1942) — детская писательница, с которой А. А. Кублицкая-Пиоттух сблизилась в редакции журнала «Тропинка» в начале 1910-х годов (М. А. Бекетова. Ал. Блок и его мать, с. 156—180).

[4] Е. Ф. Книпович.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

20 апреля 1921 г.

〈...〉 Теперь отношение ко мне моей невестки дошло до того, что решила, я сама решила отделиться от них, жить как-нибудь отдельно [1].

Они все собираются перебраться на другую квартиру, чтобы поближе к театру Люб〈ови〉 Дмитр〈иевне〉. И я сказала — пусть ищут, не включая меня. М.б. оставят меня здесь и поселят еще кого-нибудь, м. б., переселят меня, но тогда Саше придется меня содержать отдельно 〈...〉

Собираюсь теперь же к сестре Мане в Лугу. 〈...〉 Дам Саше передышку.

Саша ненадолго тоже собирается в Москву, м. б. к Пасхе — читать стихи, добывать деньги. Поедет вместе с Чуковским, который прочтет доклад о Блоке. Этот доклад, говорят, очень интересен.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 544, л. 22—23 об.

[1] Ср. в дневнике Блока: «18 апреля 〈1921〉. Опять разговоры о том, что нужно жить врозь, т. е. маме отдельно,— неотступные, смутные, незабываемые для меня, навсегда оставляющие преступление, от сознания которого никогда не освободиться, т. е. никогда не помолодеть» (VII, 415). В этом же письме А. А. Кублицкая-Пиоттух пишет: «его терзает эта ее ненависть, которую она ко мне скрыть не может».

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. А. БЕКЕТОВОЙ

〈Петроград, конец апреля 1921 г.〉

〈...〉 Приехал Андрей Белый [1]. Я была у него в гостинице, по Сашиному поручению. Он был очень со мной хорош, и вообще хорош. Теперь можно попасть на лекцию Чуковского о Блоке [2]. Он уже ее 2 раза читал. Когда будет читать поближе к Офицерской, пойду. Женя [3] слышала, нравится ей. А она-то уж по Блоку такая специалистка! Лучше ее никто его не понимает. Чуковский все время спрашивает ее совета, скоро он выпустит целую книгу о Блоке [4]. И биографию будет писать Женя [5].

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 101—102 об.

[1] А. Белый приехал в Петроград в апреле 1921 г. (остановился в гостинице «Спартак»).

[2] Ср. в предисловии К. И. Чуковского к его «Книге об Александре Блоке» (Пб., 1922): «Отрывки из этой книги я прочитал в виде лекций в Доме литераторов и в Большом Драматическом театре весной 1921 г.» (с. 7). Вечер Блока в БДТ 25 апреля 1921 г. предварялся лекцией К. Чуковского о творчестве Блока. См. об этом вечере: К. Чуковский. Последние годы Блока.— «Записки мечтателей», № 6, Пб., 1922, с. 170.

[3] Е. Ф. Книпович.

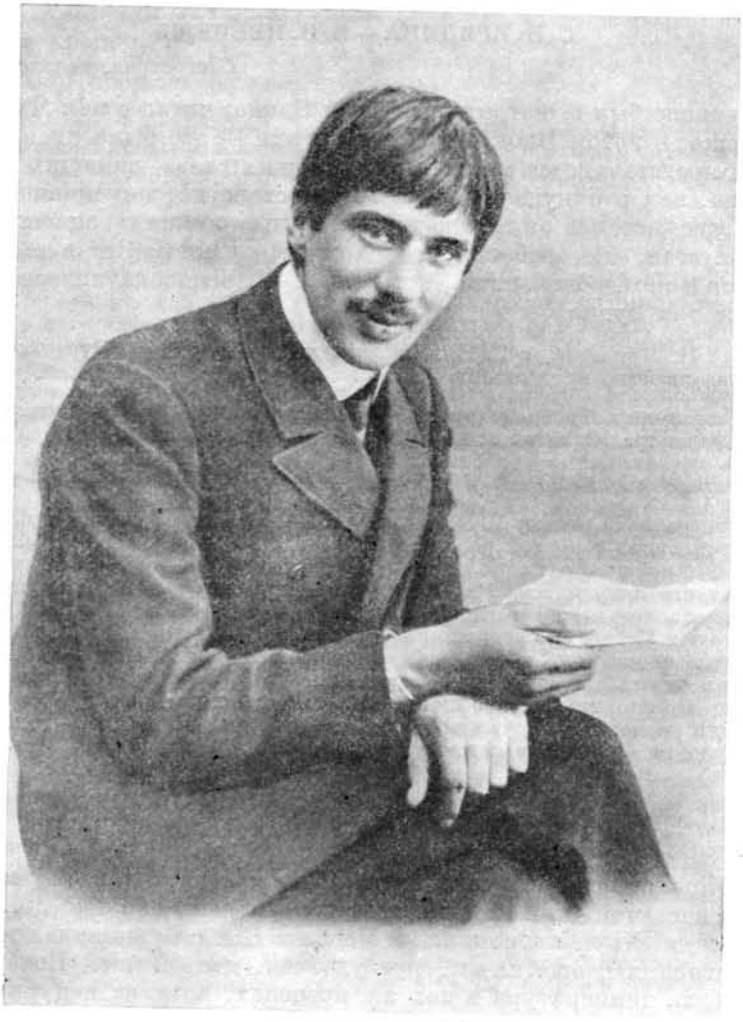
[4] К. Чуковский. Книга об Александре Блоке с приложением хронологического списка стихотворений А. Блока, составленного Е. Ф. Книпович. Пб., 1922. Ср. запись Блока от 25 мая 1921 г.: «Чуковский написал обо мне книгу и читал ряд лекций. Отсюда — наше сближение». —VII, 421.

[5] Для книги К. Чуковского Е. Ф. Книпович была подготовлена не биография, а хронологический список стихотворений А. Блока. См. предыдущее примечание.

Г. П. БЛОК — Б. А. САДОВСКОМУ

2—4 мая 1921 г.

〈...〉 В понедельник на Страстной был вечер Ал〈ександра〉 Ал〈ександровича〉 Блока [1]. Чуковский читал о нем, а затем выступал он сам. Мне не пришлось быть — уезжал из Петрограда, были мои домашние и подробно мне рассказывали. Чуковский читал благоговейно, равнял с Фетом и Тютчевым

К. И. ЧУКОВСКИЙ
Фотография, 1900-е годы
Собрание Е. Ц. Чуковской, Москва

и напирал на национальное его значение, отвергая ходячее мнение об интернационализме «Двенадцати» — хорошо, мол, именно как русское. Ему похлопали. Затем вышел Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩, и тут уж было не до хлопков. Тишина водворилась молитвенная. Он читал все больше из «Седого утра». Публика просила прочесть то то, то другое. Он покорялся, вытаскивал из кармана бумажку, справлялся по ней, иногда с застенчивой улыбкой отказывался, говорил, что позабыл. Держали его без конца. Могу себе представить, как зеленели от зависти разные Пясты, Оцупы, Нельдихены [2] и прочие гении.

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 55, л. 8—8 об.

[1] Вечер Блока состоялся 25 апреля 1921 г. в Большом драматическом театре. К. И. Чуковский считал свое вступительное слово неудавшимся. Блок, по его свидетельству, сказал после вечера: «В вашей лекции много неверного» (К. Чуковский. Последние годы Блока.— «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 170). По свидетельству В. А. Зоргенфрея, Блок на этом вечере читал «немного и недолго; на требование новых стихов отвечал, выходя из боковой кулисы, короткими поклонами и неохотно читал вновь» (там же, с. 152).

[2] Сергей Евгеньевич *Нельдихен-Ауслендер* (1891—1942) участник III цеха поэтов.

С. Н. ИРИДИНА — В. Н. НЕБИЕРИ

⟨Петроград, начало мая 1921 г.⟩

⟨...⟩ Недавно был в театре у нас вечер Блока; читал о нем Чуковский — очень хорошо, и потом Блок читал свои стихи — это было прекрасно [1], вообще Блок представляется мне как два больших глаза, видящих прошедшее так же ясно, как и будущее. Для него нет столетий, нет времени и пространства и здесь, сейчас он порою жуток, а его скромность, знаешь, чудовищна, он волнуется, как ребенок, перед своим вечером. Вот в театре иногда встретишься с ним, поговоришь, есть еще 1—2 человека интересных, а остальное все так нудно.

Письма С. Н. Иридиной к В. Н. Небиери хранятся у Е. Ф. Буренковой (Ленинград), которая любезно предоставила выписки для настоящего издания.

Софья Николаевна *Иридина* (урожд. Васильева) (1883—1963) — актриса Большого драматического театра. Одна из встреч Блока с ней произошла 19 декабря 1920 г. (ЗК, 510).

Вера Николаевна *Небиери* (Васильева) — сестра С. Н. Иридиной, журналистка.

[1] См. примечания к письму Г. П. Блока к Б. А. Садовскому от 2—4 мая 1921 г. Об этом вечере вспоминал и другой работник БДТ, А. И. Гришин: «Театр был переполнен. И громадное большинство публики составляли все те, кто еще остался от старого Петербурга. Но вот что получилось. На сцене, задрапированной сукном, Чуковский читал о Блоке, и всем залом овладело такое состояние, что Блока нет в живых и Чуковский читает об умершем Блоке. Это впечатление было настолько сильно, что вышедший на сцену Блок вначале не рассеял, я бы сказал — похоронного настроения зала, и только когда Блок начал читать, зал задрожал от оваций. Это был какой-то особый восторг,— радость видеть его живым. Я давно не запомню такого приема, а за кулисами, прощаясь с нами, уходил домой Блок, чуждый этим овациям, какой-то посторонний,— уходил из театра, и уже не вернулся в него» («Сегодня», Рига, 1926, № 269, 28 ноября).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

⟨Петроград, 12—14 июня 1921 г.⟩

⟨...⟩ Собиралась сегодня сама писать Вам как раз. Как я Вам и говорила — время идет так быстро, что и не сообразишь, сколько дней прошло. О консилиуме и Вы мне говорили, и Пекелис [1], и он уже начал переговоры с этими докторами [2], еще не выберут удобный день и час. Вообще сердце лучше немного, температура в тех же пределах, аппетит недурной,— и несмотря на это я Вас определенно и решительно прошу не приезжать [3]. Если бы Вы не высказали через Аннушку [4] намерения приехать, я не писала бы Вам, что в день Вашего отъезда [5] Саша спал плохо, на другой день утром было 37,6, а к вечеру 38,5, он боялся припадка. На другой день все опять вернулось к норме (теперешней, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ темп⟨ера⟩тура 37,3—37,8) [6] благодаря большим усилиям. Я пишу это не для того, чтобы Вас огорчить, а думаю, что Вы же упрекнули бы меня если бы я не предупредила Вас и следующий Ваш приезд отозвался бы так же [7]. Если Вы цените хоть сколько-нибудь мои заботы и мой уход за Сашей [8], которых ему нужно еще очень много и очень надолго — не ослабляйте меня — а помогите.

Вам трудно бороться со своими нервами — будьте по-настоящему мужественной, нет — женщиной — только мы это умеем — в ответ на их волнения — пейте прозаично бром — этим Вы очень, очень много сделаете для Саши, уж поверьте мне. Вы слышите сквозь письмо, что я к Вам так же, как в минуту Вашего отъезда. Я пишу Вам все — веря в то, что Вы найдете силы понять это по-моему. Вы же видите, что мне пришлось опять собой, своими интересами (очень дорогими) поступиться [9], но и я имею право просить того же у Вас. А польза Сашина, чтобы Вы не приезжали, уже то ему тяжело, что он не в силах принять Вас, как прежде; это по его отрывочным словам было видно — то, что нет у него сейчас никаких душевных сил ни на что — это то, что его мучает — эта его опустошенность [10]. И писем от него не требуйте, ему трудно очень, очень.

Целую Вас крепко. Л ю б а

Писать я Вам обещаю часто.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 25, л. 1—1 об.; датируется по содержанию в соответствии с температурной кривой Блока в июне 1921 г. и по сравнению с предположительной датой приезда А. А. Кублицкой-Пиоттух в Петроград в начале июня и датой созыва консилиума. См. об этом прим. 5 и 6 к наст. письму.

[1] Александр Георгиевич *Пекелис* (ум. 1922 г.) — доктор медицины, специалист по внутренним болезням, лечивший Блока в 1920—1921 гг. В составленной им «Краткой заметке о ходе болезни поэта А. А. Блока» А. Г. Пекелис писал об этом периоде болезни Блока: «Впервые я был приглашен к А. А. весной 1920 г. по поводу лихорадочного недомогания. Нашел я у него инфлуэнцу с легкими катаральными явлениями, причем тогда же отметил невроз сердца в средней степени (легкая аритмия, незначительное увеличение поперечника). Процесс закончился, но еще некоторое время продолжались немотивированные колебания температуры по вечерам (так называемый послегриппозный «хвост»). Это было в апреле 1920 года. В мае текущего года я снова увидел А. А. Он рассказал о своей поездке в Москву и о недомогании там, которое, по его словам, выражалось слабостью, болями в ногах, головной болью и, вообще, лихорадочным состоянием. Пришлось даже обращаться к местному врачу. При исследовании я обнаружил следующее: темп. 39, жалуется только на общую слабость и тяжесть головы; со стороны сердца увеличение поперечника влево на палец, и вправо на $1^1/_2$, шум не резкий у верхушки и во 2 межреберном промежутке справа,— аритмии не было, отеков тоже. Со стороны органов дыхания и кровообращения ничего существенного не обнаружено. Тогда же у меня явилась мысль об остром эндокардите как вероятном источнике паталогического процесса, быть может, стоящего в непосредственной связи с наблюдавшимся у больного в Москве заболеванием, по-видимому, гриппозного характера. Принятые меры не дали, однако, улучшения, процесс заметно прогрессировал; помимо этого, стали обнаруживаться еще и тягостные симптомы значительного угнетения нервно-психической сферы. По моей инициативе была созвана консультация при участии проф. П. В. Троицкого и д-ра Э. А. Гизе <...>» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 11, л. 1).

[2] На консультацию предполагалось пригласить П. В. Троицкого и Э. А. Гизе (см. пред. прим.). Петр Васильевич *Троицкий* — доктор медицины, профессор, специалист по внутренним болезням. До революции заведовал терапевтическим отделением Петропавловской больницы. Эрнест Августович *Гизе* — доктор медицины, специалист по нервным болезням.

[3] Ср. в очерке М. А. Бекетовой: «Во все время болезни Ал. Ал. за ним ухаживала только жена. Узнав о болезни сына, мать <...> захотела сократить свой отдых в Луге и вернуться в Петербург, но Люб. Дм. и доктор Пекелис уговаривали ее в письмах повременить с приездом, боясь, что свидание с нею вызовет волнение и ухудшит положение больного. <...> ее нервная болезнь, которая с годами <...> все усиливалась, могла <...> опасно повлиять на такого больного, как Ал. Ал.» (М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Пб., 1922, с. 299—300).

[4] А. И. Шелгунова.

[5] А. А. Кублицкая-Пиоттух приезжала в Петербург в первой половине июня. Ср.: «Только раз рискнула она (А. А. Кублицкая-Пиоттух.— *Н. Л.*) приехать в Петербург. Это было еще в июне до созыва консилиума. Уже тогда мать была поражена страшной переменой, происшедшей в сыне. Она уехала с тяжелым сердцем, умоляя извещать ее как можно чаще о ходе болезни сына» (М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Пб., 1922, с. 300). Можно предположительно датировать приезд А. А. Кублицкой-Пиоттух 9 июня, поскольку температурный скачок, о котором упоминает далее в письме Л. Д. Блок приходился на 10 июня. См. прим. 6.

[6] Ср. листок с температурной кривой во время болезни Блока летом 1921 г. (ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 10): первый температурный скачок в июне месяце был 10-го числа: утром — 37,6; вечером — 38,5. Затем температура несколько дней стабилизировалась в пределах, указанных в письме (11 июня: утром — 37,5; вечером — 37,6. 12 июня: утром — 37,3; вечером — 37,8. 13 июня: утром — 37,8; вечером — 37,9). 14—15 июня снова наблюдалось повышение температуры выше 38° (14 июня: утром — 37,7; вечером — 38,1. 15 июня: утром — 38,1; вечером — 37,4). Для сравнения приведем данные еще за несколько дней: 16 июня: утром — 37,4; вечером — 37,4. 17 июня (предположительно дата консилиума): утром — 37,3; вечером — 37,6. 18 июня: — утром — 37,3; вечером — 38,1.

[7] В. П. Веригина вспоминает со слов Л. Д. Блок, что «во время болезни, несмотря на сильную привязанность к матери, Блок не выражал желания видеть ее близ себя. Он хотел присутствия одной Любы. По ее словам, ей самой было очень тяжело отговаривать Александру Андреевну от свидания с сыном <...>» (В. П. В е р и г и н а. Воспоминания. Л., 1974, с. 219).

[8] По свидетельству С. М. Алянского, во время болезни Блока Любовь Дмитриевна «совсем сбилась с ног: ей самой приходилось раздобывать нужные продукты, приготовлять питание для больного, следить за тем, чтобы не упустить время приема лекарства <...>.

К этому надо добавить, что Александр Александрович никого не желал видеть и, кроме Любови Дмитриевны, никого к себе не допускал». — С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 147. Ср. с репликами в письмах Блока — Н. А. Нолле-Коган (от 20 мая 1921 г.): «Любовь Дмитриевна очень заботится обо мне» (VIII, 535) и матери (от 4 июня 1921 г.): «Люба почти всегда дома» (VIII, 539).

[9] В связи с болезнью Блока Л. Д. Блок пришлось отказаться от игры в театре Народной комедии под управлением С. Э. Радлова, режиссерские искания которого очень увлекли ее.

[10] Ср. с репликами Блока в его письмах М. С. Шагинян (от 22 мая 1921 г.): «Я сейчас очень слаб физически, но зато и туп душевно тоже достаточно» (VIII, 536) и К. И. Чуковскому (от 26 мая 1921 г.): «〈...〉 сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще 〈...〉» (VIII, 537); а также в последнем письме матери (от 4 июня 1921 г.): «О болезнях писать нестерпимо скучно, но больше не о чем писать. Делать я ничего не могу 〈...〉» (VIII, 539).

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Луга, 27 июня 1921 г.

〈...〉 Только сейчас одна у меня дума о моем горе. Съездила в Петербург. Люба не хотела меня пускать в квартиру, стала кричать, вертеться по лестнице, хвататься за голову. Я стала уходить. Она не пустила, узнав, что иду ночевать к Толмачевым [1]. (У них сын женат на актрисе их театра).

Саша был как будто доволен моим появлением. Сходила я к доктору, который его лечит [2]. Доктор сказал: «Положение серьезное». Стала просить Любу: «Позволь мне остаться». Ни за что. На другой день уехала. Говорит, что я Сашу восстановила против нее: «И Женя Иванов сказал мне на днях: «Значит, она мутит тот источник, из которого Саша пьет».— Вот, что Ваши друзья говорят о Вас». А я, Маня, и вправду думала, что Женя мне друг.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 544, л. 25—26.

[1] Семья Марии Львовны Толмачевой.
[2] Александр Георгиевич Пекелис.

М. В. ДОБУЖИНСКИЙ — Е. О. ДОБУЖИНСКОЙ

Москва, 2 июля 1921 г.

〈...〉 Я страшно рад, что разделываюсь с Москвой. Очень уж мучительно. Незлобинский театр «Розы и Кр〈еста〉» не ставит, хотя и заплатил Блоку... Опять облегчение, но и опять «облегчение» карману.

Гос. республиканская библиотека Литовской ССР, ф. 30.

О переговорах Блока со 2-м театром МОНО (бывшим театром Незлобина — см. подробней: Г. Г. С у п е р ф и н, Р. Д. Т и м е н ч и к. К истории неосуществленной постановки драмы А. Блока «Роза и крест».— «Блоковский сб.» 2, с. 411—415. 4 июня Блок писал матери: «Незлобин будет платить за пьесу в разные сроки» («Письма к родным, II, с. 409). Ср. также письмо М. Суткевич к Л. Д. Блок от 17 сентября 1921 г.: «Евдокия Петровна 〈Струкова〉 просила меня навести справку в Незлобинском театре относительно причитающихся Вам денег за постановку «Розы и Креста» 〈...〉 Дело в том, что в мае, когда был заключен договор, там было оговорено, что: «Если бы Художественный театр вновь затребовал пьесу — театр Незлобина обязан ее вернуть», что и случилось. Я позвонила к Немировичу, он говорит, что передал это дело Станиславскому — тот будто хочет опять отдать ее Шлуглейту к Коршу и т. д.» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 68).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

〈Петроград, начало июля 1921 г.〉

〈...〉 Очень трудно сказать что-нибудь определенное о состоянии здоровья Саши. Бывают дни, как сегодня и вчера, когда он чувствует себя отвратительно, усиливаются отеки, рвота, боль под ложечкой (все, как у Вас, но гораздо сильней) [1], самочувствие ужасное. Но третьего дня, напр〈имер〉, он провел день совершенно бодро, без большой боли, отеки уменьшились, он

работал, приготовил статью для печати («Последние дни старого режима»: отдельно, у Алянского) [2]. И такие смены происходили несколько раз — вдруг лучше, вдруг хуже [3].

Потому ⟨одно слово зачеркнуто — *нрзб.*⟩ о том, что он поправляется, говорить еще рано — бывают дни, когда это вполне кажется — надо, чтобы они твердо установились.

То же, конечно, и с аппетитом, и с температурой и пр. — разно. Иногда он ест с удовольствием и много, очень разбирает еду, иногда один бульон, яйца, кисель. Готовится ему все только «по-прежнему», по «старому режиму» ⟨...⟩ [4] Булки тоже «настоящие» из кофейни.— Все говорят о том, что его отпускают за границу [5], но Горький еще не вернулся [6], и пока у меня нет бумаги в руках, остерегаюсь верить этому. Все же для отъезда надо будет дождаться прочного улучшения; деньги уже есть в Ревеле, из Берлина 5 т⟨ысяч⟩ марок [7] — это приблизительно на месяц санатории. Будут, надо надеяться, еще. Здесь денежные дела неважны — много разочарований: Незлобинский театр [8] не уплатил уже 2 мил⟨лиона⟩ за июнь, и июль, благодаря перемене правления и режиссера пьесу ставить не будут [9] — только уплатят по договору [10] — но с задержкой. Мне тоже не отдают из Изо [11] $2^1/_2$ мил⟨лиона⟩, кот⟨орые⟩ должны за проданные туда мои модные картинки — у них нет денег. Платит Алянский [12], продаем опять книги и хлам, пока хватает совершенно, но нет того избытка, кот⟨орого⟩ ожидали для переезда на друг⟨ую⟩ квартиру, устройства там более или менее комфортабельно и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩. А переезд необходим не только для меня, особенно для Саши: и ближе ко всему, и удобнее дома [13]. Дров везде масса — только бы деньги и можно широко запастись на зиму. Но все эти долги мы ведь получим, так же из-за границы. Надеюсь еще на время, чтобы до зимы все это произвести. Время еще много; из-за денег я и не начинаю уже сейчас поисков квартиры, в которых поможет и Алянский, и другие. Вообще друзья у нас поразительные — настоящие — помогают со всех сторон всячески [14].

Хотел Саша написать Вам письмо, но сегодня так ему нехорошо, слаб он, самочувствие отвратительное — напишет в другой раз. Очень ему утяжеляет болезнь — неврастения, дошедшая до предела — все представляется только мрачно, беспросветно, все боли, все плохое раздувается до мучительных размеров [15] и он часто очень страдает; а максимум хорошего — это занимается делом. Хорошего же настроения никогда не бывает. Очень он мучается сверх болезни; как-то зря — но что поделаешь, не в его власти.

Целую Вас и тетю.

Л ю б а.

Деньги часть Ваши и тетины [16], остальное посылаю совершенно свободно, не вздумайте беспокоиться! Цепочку Вашу дала на продажу.

Да, Саша ненавидит сейчас оптимизм; когда в Вашем письме, написанном после действительно некоторого улучшения, но которое пришло в дни ухудшения, конечно, он прочел слова надежды и радости о том, что лучше,— ему ужасно было неприятно. Ему сейчас же представилось, что от Вас скрывают, что он еще не поправился, что никто его не жалеет и т⟨ому⟩ п⟨одобное⟩. Мне с ним говорить в тон почти невозможно — я всегда ловлю все лучшее, всегда надеюсь и жду хорошего. М⟨ожет⟩б⟨ыть⟩, сможете Вы; во всяком случае лучше Вам это знать, когда пишете.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 25, л. 7—10.

[1] Ср. в книге М. А. Бекетовой: «По словам Пекелиса, который не раз говорил с Ал. Андр., давая ей советы по случаю ее сердечных припадков, ее нервная болезнь такого же типа, как болезнь Ал. Ал.; он был поражен сходством того, что говорили ему сын и мать во время его докторских посещений» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 300).

[2] Очерк Блока «Последние дни старого режима» был написан в результате его работы в Чрезвычайной следственной комиссии. Впервые напечатан: «Былое», 1919, № 15. В 1921 г. был издан отдельной брошюрой под названием «Последние дни императорской власти» в издательстве «Алконост», возглавляемом С. М. Алянским. В конце июня — начале июля (незадолго перед разборкой «Записных книжек», датированной в дневнике Блока 3 июля — см. VII, 424) Блок правил корректуру этой книги. См. об этом: С. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 149.

[3] См. о ходе болезни Блока в заметке Пекелиса: «〈...〉 процесс роковым образом шел к концу. Отеки медленно, но стойко росли, увеличивалась общая слабость, все заметнее и резче проявлялась ненормальность в сфере психики, главным образом, в смысле угнетения; иногда, правда, бывали редкие светлые промежутки, когда больному становилось лучше, он мог даже работать, но они длились очень короткое время (несколько дней). Все чаще овладевала больным апатия, равнодушие к окружающему».— ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 11, л. 1 об. См. также о чередовании крайне тяжелых состояний и наступавших после приступов периодов относительного затишья в воспоминаниях С. Алянского «Встречи с Александром Блоком» (М., 1972, с. 149).

[4] С начала болезни Блок не мог есть ту скудную пищу, которую в течение последних лет получал по карточкам (т. е. продуктов, выдаваемых в качестве государственного пайка), и Л. Д. Блок старалась доставать для него полноценные «прежние» продукты. Как пишет М. А. Бекетова: «По части еды она доставала все, что можно было достать и что нравилось Ал. Ал. В доме была расторопная и ловкая прислуга, которая оказывала существенную помощь. Ал. Ал. кушал ветчину, жареных цыплят, свежую рыбу, икру и уху, бифштексы, яйца, разные пирожки, молоко, ягоды, любимые им кисели из свежей малины и огурцы. Булки, сахар, варенье, шоколад, сливочное масло не сходили с его стола. 〈...〉 Но кушал он, к сожалению, мало» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 297). Ср. также в письме Блока матери от 4 июня 1921 г.: «Ем я хорошо, чтобы мне нравилась еда и что-нибудь вообще, не могу сказать. 〈...〉 Спасибо за хлеб и яйца. Хлеб настоящий, русский, почти без примеси, я очень давно не ел такого».— VIII, 539).

[5] См. ЛН, т. 80, с. 292—294.

[6] Горький выехал в Москву не позднее 23 июня 1921 г. См.: «Летопись жизни и творчества А. М. Горького». Вып. 3. 1917—1929. М., 1959, с. 231. В Петроград Горький вернулся 25 июля. См. там же, с. 239. 27 июля 1921 г.

Горький телеграфировал А. В. Луначарскому о крайне тяжелом состоянии здоровья Блока, которому необходим немедленный выезд в Финляндию для лечения. См. там же, с. 241.

[7] Часть гонораров за печатание в изд. «Скифы» (Берлин, 1920—1922) произведений Блока на французском, немецком языках. В письме Лундбергу от 15 апреля 1921 г. Блок просил «выслать телеграфом 15 000 (пятнадцать тысяч) марок в счет моего гонорара по след. адресу: „Ревель, Нарвская 70, Конст. Владимир. Барону — для Альберта Георгиевича Орга, Пред. Эст. опт. миссии в Пбге“» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, № 16). В письме Лундбергу от 1 июня 1921 г. Блок также настаивал на срочной передаче ему причитающихся денег (см.: ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, № 16). В письме, датированном 26 июля 1921 г., Лундберг сообщал Блоку в ответ на его недоумения: «Только в начале июля мы получили письмо с точным адресом для пересылки денег и немедленно переслали для Вас на имя Орга 5.000 марок. Мы не посылаем сейчас больше, пока не получим подтверждения от Вас, что деньги получены. 〈...〉 «Скифы» очень небогаты и посылать в пространство крупные суммы мы не решались. Попробуйте установить с нами постоянные связи и, быть может, тогда нам надежней удастся обеспечить Вас» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, № 15, л. 3).

[8] Театр Незлобина был создан в Москве в 1909 г. антрепренером, режиссером и актером К. Н. Незлобиным. В 1917 г. был преобразован в товарищество актеров. В 1922 г. соединился с театром РСФСР 1-м и стал называться «Театр актера».

[9] Поскольку постановка драмы Блока «Роза и Крест» в МХАТе не состоялась, Блок во время последней поездки в Москву в мае 1921 г. передал пьесу (при содействии П. С. Когана) в театр Незлобина. В результате конфликтной ситуации, возникшей в театре в конце мая, оттуда ушли управляющий делами театра С. О. Браиловский, подписавший договор с Блоком, и режиссер О. В. Блюм, который должен был ставить «Розу и Крест».

[10] По договору с правлением театра предполагалось уплатить Блоку «по пятисот тысяч рублей за каждый акт». При подписании договора был выдан аванс в размере одного миллиона рублей. См.: «Блоковский сб.», 2, с. 411; а также — дневниковую запись Блока от 11 мая 1921 г.—VII, 419.

[11] ИЗО — Отдел изобразительных искусств Наркомпроса.

[12] Видимо, деньги, вырученные при продаже блоковских книг через книжный пункт «Дома искусств» (см. прим. к письму А. А. Кублицкой-Пиоттух — М. А. Бекетовой от 6 марта 1921 г.) и гонорары за печатание произведений Блока в издательстве «Алконост».

[13] М. А. Бекетова пишет об этом «〈Блок〉 рассчитывал, что поехав в санаторию в сопровождении жены, он пробудет там месяца два, поправится и вернется домой, а Люб. Дм. уедет в Россию еще раньше его, как только лечение пойдет на лад, и приищет более

просторную и удобную квартиру с ванной, на которую и переедет до его возвращения».— М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 298.

[14] См. в кн. М. А. Бекетовой: «Друзей этих оказалось великое множество. Между прочим, выказали самое теплое участие все служащие Б. Др. театра, особенно Гришин, Лаврентьев и Бережной. Со всех сторон предлагали денег, доставляли лекарства, посылали шоколад и другие сласти. Люб. Дм. отказывалась от денег, т. к. их было достаточно, но приношения и услуги всегда принимала с благодарностью».— М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 296—297.

[15] Ср. в воспоминаниях Л. Д. Блок «Были и небылицы о Блоке и о себе»: «Вообще состояние его «психики» — мне показалось сразу ненормальным ⟨...⟩ Мрачность, пессимизм, нежелание, глубокое — улучшения,— и страшная раздражительность, отвращение ко всему, к стенам, картинам, вещам, ко мне» (ЦГАЛИ, ф. 55).

[16] М. А. Бекетовой. Речь, вероятно, идет о деньгах, вырученных от продажи книг и вещей А. А. Кублицкой-Пиоттух и М. А. Бекетовой.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

⟨Луга⟩, 7 июля, 1921 г.

⟨...⟩ Вчера мне написали, что Саша решительно поправляется. Порадуйтесь за меня. У него аппетит, и сон лучше, и настроение, и температура. Надо только бога благодарить и молиться еще, чтобы скорее поправлялся. Тогда в санаторию. ⟨...⟩ Я рада, что Женя сам предложил, чтобы я жила у вас. Тут у меня тысячи сомнений. И самое важное: очень далеко от Саши.

⟨...⟩ Люба во всяком случае будет менять квартиру, чтобы быть ближе к театру. И тогда предполагалось оставить меня на месте, а в их комнаты переселились бы знакомый нам хороший матрос с женой [1]. Они бы мне и помогли кое в чем. Но очень возможно, что Люба не найдет квартиры, они останутся здесь. Тогда вот и буду решать иначе. ⟨...⟩

На душе очень смутно, несмотря на радостную весть, ведь это еще только начинается выздоровление.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 544, л. 28—29 об.

[1] О матросе («Шурке»), соседе А. А. Кублицкой-Пиоттух см. выше в наст. кн.

Г. П. БЛОК — Б. А. САДОВСКОМУ

7/23 июля 1921 г.

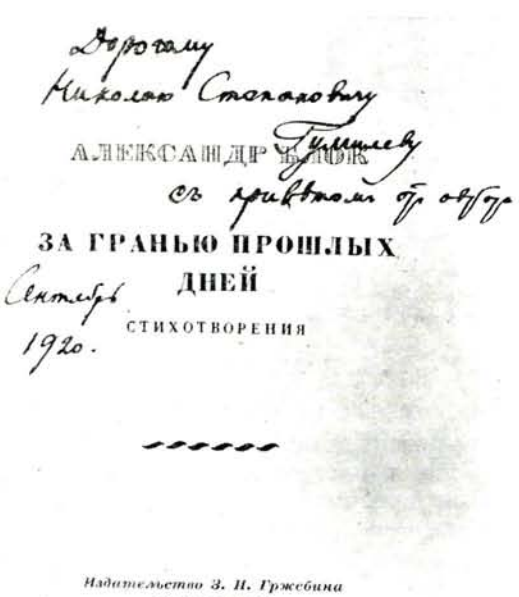
⟨...⟩ С Ал⟨е⟩кс⟨андром⟩ Алекс⟨андровичем⟩ нехорошо. У него воспаление сердечных клапанов и неврастения, очень жестокая и очень страшная. Видеться с ним нельзя.

Это, действительно, величайшее несчастье. Я бы сказал так: Пушкин, Фет, он, Лермонтов, Тютчев. Страшно за него. Наша матушка любит этак развалиться и придавить жирным боком — вот, мол, у меня какой сынок народился, а я его взяла да и заспала [1]. А задавленный, умирая, все-таки любит ее без памяти, и я люблю. Надо бы вопить о помощи ему, да только как помочь! Дело не в шпике и не в какао. ⟨...⟩

12 июля ⟨...⟩ А сегодня познакомился я с Гумилевым и хочется с Вами поговорить о нем. ⟨...⟩ Понравилось мне в нем, что об Алекс⟨андре⟩ Алекс⟨андровиче⟩ он говорил хорошо. «Я не потому его люблю, что это лучший наш поэт в нынешнее время, а потому что человек он удивительный. Это прекраснейший образчик человека. Если бы прилетели к нам марсиане и нужно было бы показать им человека, я бы только его и показал — вот, мол, что такое человек» [2].

А вот другое. Вышел сборник новых поэтов «Дракон» (у меня еще нет). Самое удивительное, что там поэты расположены *по алфавиту*: *А*дамович, *Б*лок, и т. д. Этого еще не приходилось видеть — до чего переругались значит [3]. ⟨...⟩

Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩ тоже такой [4] — слышит все время то, чего мы, слава богу, не слышим, привыкли не слышать. Стоит у какой-то —

Дорогому
Николаю Степановичу
Гумилеву
АЛЕКСАНДР БЛОК
с дружеским приветом
ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ
ДНЕЙ
Сентябрь
1920.
СТИХОТВОРЕНИЯ
Издательство З. И. Гржебина
ПЕТЕРБУРГ
1920

БЛОК. ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ. ПБ., ИЗД-ВО З. И. ГРЖЕБИНА, 1920
Титульный лист с дарственной надписью Блока Н. С. Гумилеву
Литературный музей, Москва

щели, а из нее хлопьями мрак валит. Он задыхается, отворачивается и видит нас: жалко ему, потому что любит нас и понимает наши радости, и досадно, что мы радуемся, когда мрак на нас летит. И выходит досада в жестких жгучих рифмах. Помог бы ему господь захлопнуть ногой щель и взглянуть наверх. 〈...〉

23 июля 〈...〉 Ал〈ександу〉 Ал〈ександрови〉чу еще плохо.

ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 55, л. 21—23 об.

[1] Сходная символика и в письме Блока к К. Чуковскому от 26 мая 1921 г.: (VIII, 537).

[2] Ср. «Из воспоминаний о Н. С. Гумилеве» Э. Ф. Голлербаха: «Вспоминаю, Гумилев говорил мне о Блоке: «Он лучший из людей. Не только лучший русский поэт, но и лучший из всех, кого я встречал в жизни. Джентльмен с головы до ног. Чистая, благородная душа. Но — он ничего не понимает в стихах, поверьте мне» («Новая русская книга», Берлин, 1922, № 7, стр. 39). Ср.: «Один умерший теперь поэт, к которому Блок относился без сочувствия и всегда утверждал, что он, Блок, его не понимает, — этот поэт, несмотря на это, всегда отмечал у Блока как наиболее характерный его человеческий признак,— благородство; говорил, что Блок — воплощение джентльмена и, может быть, лучший человек на земле» (В. Пяст. Встречи. М., 1929, стр. 17).

[3] Альманах «Дракон» (Пг., 1921) был издан «Цехом поэтов», но включал, кроме стихов активных участников I, II и III Цехов поэтов, также и стихи Блока, Кузмина, Сологуба и статью А. Белого. Сборник начал комплектоваться до окончательного оформления III Цеха поэтов — Блок передал Гумилеву стихи для него еще 26 марта 1920 г. (ЗК, 489).

[4] Перед этим Г. П. Блок описывает историю некой ясновидящей девушки.

В. Я. ИРЕЦКИЙ — Л. М. БРОДСКОЙ (СЕГАЛЬ)

〈Петроград〉, 31 июля 1921 г.

〈...〉 Очень серьезно болен Блок. У него цынга, астма и нервное расстройство. За последнее время, узнав его поближе, я его искренно полюбил. Но так как я не умею любить пассивно, мне хотелось сделать ему что-нибудь приятное. Словом, я устроил ему продовольственную мелочь. И тут я вспомнил о Вас, почитательнице Блока [1]. Устройте и Вы ему что-нибудь от московских почитателей. Его адрес: Офицерская 57, кв. 23.

Гос. музей истории Ленинграда, собрание Н. П. Ильина. Автограф.

Виктор Яковлевич *Ирецкий* (Гликман) (1882—1936) — журналист, беллетрист, в 1920—1921 гг. один из руководителей Дома литераторов.

Лидия Максимовна *Сегаль* (в замужестве Бродская) (1892—1977) — художница, переводчица.

[1] 9 января 1908 г. Л. Сегаль в письме к Блоку предложила: «Если Вы хотите, то я буду Вам посылать нечто вроде дневника, т. е. все, что совершается в моей внутренней жизни, и все, что затрагивает меня в моей внешней жизни. Обязательств это ни на Вас, ни на меня никаких наложить не может 〈...〉 Вы никогда меня не увидите, а если и увидите,

то не будете знать, что я та, которая Вам так много сказала». В позднейшем письме от 14 мая 1913 г. Л. М. Сегаль упоминает содержательное письмо Блока к ней от 1 мая 1908 г. и цитирует его. Судя по письму Л. М. Сегаль к Блоку от 24 декабря 1908 г., 2 января 1909 г., Блок ответил на одно из писем Л. М. Сегаль холодно («...вместо того, кто пережил разговор Голубого и Незнакомки, я встречу того, кто написал письмо с фразою «тороплюсь кончить» 〈...〉 Сколько недоверия к человеческой искренности в Вас, сколько узкого эгоизма!»). Однако в 1913 г. Л. М. Сегаль снова стала писать Блоку, получая от него иногда ответы, в том числе, по-видимому, и пространные. Письма Блока к Л. М. Сегаль не сохранились.

Л. М. Сегаль рассказывала в 1946 г. литературоведу Э. Г. Герштейн о своих взаимоотношениях с Блоком: «Она не смела быть с ним знакомой, боялась знаменитостей. 〈...〉 Как-то встретила Блока в трамвае, посмотрела, сказала удивленно: «Вы как будто раньше были выше?» А он ответил: «А Вы разве не знаете, что каждый человек бывает каждый день другого роста?» Тогда она сняла с пальца серебряное кольцо с большой платиновой печаткой и дала ему со словами: «Это Вам за «Утреет, с Богом!»... Он посмотрел, повертел кольцо, спросил: «А ничего не будет от этого плохого?». Она уверила, что ничего, ничего не будет, и он принял подарок» (запись Э. Г. Герштейн от 17 августа 1946 г.).

Л. Д. БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

Петроград, 2 авг〈уста〉 〈1921 г.〉

〈...〉 Молитесь еще, еще и еще. Вчера Саше было очень плохо [1], сегодня легче — что же как не все наши молитвы? Пекелис твердо надеется [2], я тоже вымаливаю себе надежду. Бог даст уедем [3], доживем до лучших дней.

Сейчас не надо еще говорить о Вашем приезде [4] — именно п〈отому〉 ч〈то〉 положение тяжелое и нельзя ничего «пробовать». А потом все будет хорошо; неужели я могу остаться той же, что и до его болезни? Если Бог спасет его — ему будет хорошо со мной. Вам тоже. А он ведь теперь все время не в здоровом сознании [5]. Меня воспринимает по-другому, как чужую, хотя и называет правильно; как же он может хотеть видеть? Или думать что-нибудь реальное.

Вас обеих [6] поручу друзьям устраивать в Д〈ом〉 у〈ченых〉.

Пока только молитесь за него, просите о его спасении [7].

Л ю б а.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7. ед. хр. 25, л. 11—12.

[1] Ср. с рассказом С. М. Алянского о последней встрече с Блоком 1 августа 1921 г. См.: С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 153—154.

[2] Описывая последние недели болезни Блока Пекелис отмечал: «у меня оставалась слабая надежда на возможность встряски нервно-психической сферы, так сказать сдвига с «мертвой точки», на которой остановилась мыслительная деятельность больного, что могло бы произойти в случае перемещения его в совершенно новые условия существования, резко отличные от обычных. Такой «встряской» могла быть только заграничная поездка в санаторию...» (А. Г. П е к е л и с. Краткая заметка о ходе болезни поэта А. А. Блока.— ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 11, л. 2).

[3] Речь идет о предполагавшейся поездке в санаторий, в Финляндию. См. также письмо Е. Ф. Книпович Чуковскому (напечатано в его статье «Последние годы Блока».— «Записки мечтателей», Пб., 1922, № 6, с. 180), в которой она пишет о попытках увезти Блока в Финляндию: «Числа с двадцать пятого наступило резкое ухудшение, думали его увезти за город, но доктор сказал, что он слишком слаб и переезда не выдержит. К началу августа он уже почти все время был в забытье, ночью бредил и кричал страшным криком, которого во всю жизнь не забуду. Ему впрыскивали морфий, но это мало помогало. Все-таки мы думали, что надо сделать последнюю попытку и увезти его в Финляндию. Отпуск был подписан, но 5-го августа выяснилось, что какой-то Московский отдел потерял анкеты и поэтому нельзя было выписать паспортов... 7 августа я с доверенностями должна была ехать в Москву».

[4] А. А. Кублицкая-Пиоттух была вызвана доктором Пекелисом в Петербург, по свидетельству М. А. Бекетовой, «за четыре дня до смерти сына» (см.: М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Сб., 1922, с. 302).

[5] Ср. в очерке М. А. Бекетовой: «За месяц до смерти рассудок больного начал омрачаться. Это выражалось в крайней раздражительности, удрученно-апатичном состоянии и неполном сознании действительности. 〈...〉 Доктор Пекелис приписывал эти явления между прочим отеку мозга, связанному с болезнью сердца. Психостения усилилась и наконец приняла резкие формы. Последние две недели были самые острые» (М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок. Пб., 1922, с. 302).

[6] А. А. Кублицкая-Пиоттух и М. А. Бекетова.

ВАСИЛИЙ КНЯЗЕВ.

Товарищу Блоку, гениальному автору единственного во всю революционную эпоху, пока, истинно красного произведения — «Двенадцати»

Я имею 1½ миллиона пословиц и частушек и я могу сказать, насколько гениальна эта вещь и по своей народности, по своему удивительному языку. Виршесочинитель В. Князев

15/XI 20 г. СПб.

О ЧЕМ ПЕЛ КОЛОКОЛ.

СТИХИ.

Издание первое.

ПРОЛЕТКУЛЬТ.
ПЕТРОГРАД.
1920.

В. КНЯЗЕВ. О ЧЕМ ПЕЛ КОЛОКОЛ. ПЕТРОГРАД, «ПРОЛЕТКУЛЬТ», 1920

Титульный лист с дарственной надписью В. Князева Блоку: «Товарищу Блоку, гениальному автору единственного во всю революционную эпоху, пока, истинно красного произведения — «Двенадцати» Я имею 1 1/2 миллиона пословиц и частушек и я могу сказать, насколько гениальна эта вещь и по своей народности, по своему удивительному языку. Виршесочинитель В. Князев, 15/XI 20 г, СПб.»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

[7] А. Г. Пекелис писал о последнем периоде болезни Блока: «Все предпринимавшиеся меры лечебного характера не достигали цели, а в последнее время больной стал отказываться от приема лекарств, терял аппетит, быстро худел, заметно таял и угасал, и, при все нарастающих явлениях сердечной слабости, тихо скончался (А. Г. Пекелис. Краткая заметка о ходе болезни поэта А. А. Блока.— ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, № 11, л. 2).

М. О. ГЕРШЕНЗОН — С. М. АЛЯНСКОМУ

Москва, 3 августа 1921 г.

〈...〉 Если будете писать мне, напишите про здоровье А. А. Блока.

ЦГАЛИ. ф. 20, оп. 1, ед. хр. 5, л. 4.

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Псков, 4 августа 1921 г.

Дорогой Борис Николаевич, пишу с дороги [1]. Бога ради, сообщите о Блоке. Перед отъездом мне сказали, что он безнадежен [2].

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 287, л. 2.

[1] В. Ф. Ходасевич направлялся в Холомки (Псковской области), где находилась колония Дома искусств.

[2] О тяжелом состоянии Блока сообщила Ходасевичу 2 августа 1921 г. Н. А. Павлович. Текст ответного письма А. Белого от 9 августа опубликован Ходасевичем в 1934 г.: «Дорогой Владислав Фелицианович, приехал лишь 8 августа из Царского: застал Ваше письмо. Отвечаю: Блока не стало. Он скончался 7 августа в 11 часов утра после сильных мучений: ему особенно плохо стало с понедельника. Умер он в полном сознании. Сегодня и завтра панихиды. Вынос тела в среду 11-го в 10 часов утра. Похороны на Смоленском кладбище.

Да!..

Эта смерть для меня — роковой часов бой: чувствую, что часть меня самого ушла с ним. Ведь вот: не видались, почти не говорили, а просто «бытие» Блока на физическом плане было для меня, как орган зрения или слуха; это чувствую теперь. Можно и слепым прожить. Слепые или *умирают* или *просветляются* внутренно: вот и стукнуло мне его смертью: *пробудись*, или *умри*: *начнись* или *кончись*.

И встает: «*быть или не быть*».

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть, иль любить...
Дельвиг

И душа просит: любви или гибели; настоящей человеческой, *гуманной* жизни, иль смерти. Орангутангом душа жить не может. И смерть Блока для меня это зов «*погибнуть иль любить*».

Он был поэтом, т. е. *человеком вполне*; стало быть: поэтом любви (не в пошлом смысле)...

Эта смерть — первый удар колокола: «*поминального*», или «*благовестящего*». Мы все, как *люди вполне*, «на роковой стоим очереди»: «*погибнуть, иль... любить*». Душой с Вами. Б. Бугаев.» («Современные записки», 1934, № 55, с. 257—258).

Ф. Ф. НОТГАФТ — М. В. ДОБУЖИНСКОМУ

Петроград, 5 августа 1921 г.

〈...〉 Все очень удручены почти безнадежным состоянием здоровья Блока.

Гос. республиканская библиотека Литовской ССР, ф. 30.

Федор Федорович *Нотгафт* (1886 — 1942) — художник, искусствовед. Навещал Блока весной 1921 г. (VII, 420). См. о нем: «Выставка картин и рисунков русских художников начала XX века из собрания Ф. Ф. Нотгафта. Каталог». Вступительная статья В. Ф. Левинсон-Лессинга. Изд. Государственного Эрмитажа. Л., 1962.

Ф. Ф. НОТГАФТ — М. В. ДОБУЖИНСКОМУ

Петроград, 8 августа 1921 г.

〈...〉 Вчера утром умер бедный Алекс〈андр〉 Алекс〈андрович〉. Господи, какая это ужасная потеря. Он очень мучился. Я был вчера вечером на панихиде, был и сегодня. Какое несчастье. Хоронить его будут в среду утром.

Гос. республиканская библиотека Литовской ССР, ф. 30. Приписка к письму от 5 августа 1921 г. (см. выше).

ИЗ ДНЕВНИКА И. В. ЕВДОКИМОВА

9 августа 1921 г.

Умер Александр Блок. Какая непоправимая утрата для нашей поэзии. Какое поэтическое вино розлито! Единственный раз в жизни видел его лицо в Академ〈ической〉 библ〈иотеке〉 и ясно запомнил [1]. Больше у нас не будет изумительных «ступенчатых» блоковских стихов. Отчего? Ему только 37 лет [2].

Как бесценный ларец перевязана
Лентой алой, как кровь. [3]

В эти годы столько ушло навсегда талантливых людей из России, а новых все нет и не слыхать, замен нет — остаются пустыми кафедры поэзии и литературы. Прочитал давеча это известие в городе [4] и стало так жалко и Блока, и себя, и свою страну. Печальный конец неизбежен, но когда он внезапен и молод, особенно тягостно. Какие он умел удивительные находить слова, напр〈имер〉, в «Розе и Кресте», какие удивительные соединения слов в «Итальянских стихах», певучесть, ласковость, стройность, звукопись, живопись. Редчайший дар! Как странно — Блок больше не напишет ни одного слова и через несколько дней будет уже пахнуть. Возмутительно! Вот ушел гениальный поэт, а Россия так нища, что о нем никто не скажет путного слова, потому что сказать негде. А человек ушел огромный, какие в истории каждого народа бывают очень редко.

ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 127, л. 87 об.— 88.

[1] См. выше запись И. В. Евдокимова от 15 октября 1914 г.
[2] Характерная ошибка современника: И. В. Евдокимов называет вместо возраста Блока возраст Пушкина в момент его гибели.
[3] Неточная цитата из стихотворения «Все, что память сберечь мне старается...» (III, 186).
[4] И. В. Евдокимов жил в это время в деревне под Вологдой.

С. Н. ИРИДИНА — В. Н. НЕБИЕРИ

〈Петроград,〉 11 августа 1921 г.

〈...〉 7-го утром узнали горькую весть — умер Ал〈ександр〉 Ал〈ександрович〉 Блок! Это так тяжело... Вчера хоронили, сегодня гражд〈анская〉 панихида. Каждый из нас винит себя в его смерти.

Собрание Е. Ф. Буренковой (Ленинград).

М. В. САБАШНИКОВА — Е. П. ЛЕТКОВОЙ-СУЛТАНОВОЙ

〈Петроград,〉 11 августа 1921 г.

〈...〉 Во-первых, хотелось бы поделиться с Вами нашим общим горем, которое так тяжело лежит на душе, смерть Александра Александровича Блока.

Его хоронили вчера в день Смоленской божией матери на Смоленском; это Одигитрия, путеводительница, она увела его. Его лицо после смерти было неузнаваемо. Он очень походил на Данте.

Помните, в этом году, благодаря Вам, я видела и слышала его на Пушкинском вечере, и так за это благодарна судьбе [1].

Много горечи и негодования у людей в связи с его кончиной. Но ведь на земле бог распят.

ЦГАЛИ, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 256, л. 1.

[1] См. наст. кн., с. 519.

В. С. ЛЮБЛИНСКАЯ — Т. С. ЛЮБЛИНСКОЙ

Петроград, 15 августа 1921 г.

〈...〉 я еще не могла писать оттого, что было совсем неподходящее настроение: в прошлую среду я была на похоронах А. Блока... Опомниться я с тех пор и до сих пор еще не могу, хаос мыслей, и злоба, «глухая злоба кипит в груди, черная злоба, святая злоба» (это из «Двенадцати»). Он умер — почти единственный гениальный человек современности — от сердечной астмы, тихого помешательства и цынги (страшная болезнь) на почве недоедания. 〈...〉. На его похоронах была большущая толпа народа. Гроб Его несли с Офицерской улицы до Смоленского кладбища на руках всякие знаменитости — А. Белый, Влад〈имир〉 Вас〈ильевич〉 Гиппиус, ученые, теат-

ралы и т. д. ⟨...⟩ Чудная служба в церкви, при которой мне чуть не стало худо, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ почти три часа стояла усталая, с натертыми ногами, в страшной толкотне и духоте. Жена его и мать в глубоком трауре, молились, страшно плакали. Цветов была бездна. Он лежал изменившийся, страшно худой, со словно выточенными из кости руками, весь в цветах.

Вдали от себя, в толпе, я вдруг увидала горько плачущую и молящуюся молодую женщину. Лицо ее было так необыкновенно и притягивающе, что я не могла оторвать взгляда от нее. Лицо прекрасное, очень красиво — но совсем необыкновенной, не светской красотой, и я почувствовала, кто это, узнала ее — которую никогда не видала. Это была Анна Ахматова.

Потом, после отпевания, с покойным прощались.

А. Белый подошел, долго и пристально смотрел в лицо Его и поцеловал лоб, причем еле удержался — едва не свалился и сделался мертвенно бледен. Влад⟨имир⟩ Вас⟨ильевич⟩ держался стойко, хотя его горе было м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ сильнее чем у всех остальных.

Когда Ахматова подошла, поклонилась над Ним и крестилась, слезы текли у нее без удержу, хотя она закрылась вуалью. Потом она поцеловала, как и все делали, его руки. В простом и глухом сером платье, немодной большой шляпе с вуалью — я ее узнала среди тысячной толпы, никогда раньше не видав, и она оставила по себе такое прекрасное впечатление!.. Ты его, родная, и не поймешь. Мне казалось, что я в первый раз в жизни увидала истинную красоту, и что такая красота поистине «может спасти мир».

Текст письма любезно сообщен Т. И. Гликиной, дочерью В. С. Люблинской.

Вера Сергеевна *Люблинская* (в замужестве — Гликина; 1905—1977) — впоследствии переводчица, преподавательница венгерского языка. Она училась в Тенишевском училище, поэтому в письме уделено особое внимание Вл. В. Гиппиусу, преподавателю этого училища. Татьяна Сергеевна *Люблинская* (1907—1930) — ее сестра.

Б. А. ПИЛЬНЯК — Е. И. ЗАМЯТИНУ

Коломна, 21 августа 1921 г.

⟨...⟩ Уже осень. Дожди идут. И — надо за стол, писать. Сейчас буду писать про Петербург, «Санкт-Питер-бурх» — и это будет памяти Блока [1]. Напишите мне названия книг, что можно прочитать о Петербурге.

ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. 156, л. 4.

Борис Андреевич *Пильняк* (Вогау) (1894—1937) — советский писатель.

[1] Вышло под названием «Повесть петербургская или Свят-Камень» (Берлин, 1922). Впоследствии повесть печаталась под названием «Санкт-Питер-Бурх». Позднее Борис Пильняк вспоминал: «...в раскаленный зноем августовский день черным пришло письмо и алой кровью выпали из него лепестки роз — еще свежие — с гроба Александра Блока: Эту Блокову кровь прислала мне Марья Михайловна ⟨Шкапская⟩ — кто забудет Блокову кровь?» («Новая русская книга», Берлин, 1922, № 3, с. 8). 7—11 сентября 1921 г. Б. А. Пильняк писал М. М. Шкапской: «Напишите мне, как умер, хоронили и все — о Блоке. «Санкт-Питер-бурх» — я ему посвящаю, его памяти,— ведь никто не замечал, как многому я учился у Блока» (ЦГАЛИ, ф. 2182, оп. 2, ед. хр. 4, л. 3).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — С. М. СОЛОВЬЕВУ

Пет⟨роград,⟩ 22 авг⟨уста 19⟩21 года

⟨...⟩ Пишу наскоро: умер Блок. Комитетом памяти Блока решен в первую голову сборник, посвященный воспоминанию о нем (встречи, впечатления, биографич⟨еские⟩ черты и т. д.). Не желательны статьи оценочного характера. Ты близко знал покойного, часто одно время встречался с ним. Кому же, как

не Тебе, откликнуться. Напиши скорее, как бы ни вышло, и скорее присылай. Срок назначен до 20 сентября (несколько дней опоздания не в счет). Пишу без надежды, что письмо настигнет Тебя. Адрес отсылки: 1) Офицерская 57, кв. 23. Л. Д. Блок. 2) Детское село. Колпинская 20, кв. 2. Разумнику Васильевичу Иванову. 3) «Дом Искусства» (Мойка, номера не помню) М. С. Шагинян.

ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 19, л. 3—4. Автограф.

О деятельности Комитета памяти Блока см. публикацию дневниковых записей Андрея Белого, а также публичное извещение о деятельности комитета и замысле создания музея поэта: «Увековечение памяти А. А. Блока» — «Вестник литературы», 1921, № 9 (33), с. 13.

Соловьев отвечал Белому пространным письмом, воспроизводимым в наст. томе (кн. 1, с. 319); его «Воспоминания об Александре Блоке» датированы декабрем 1921 г. (Письма Александра Блока, 1925, с. 4).

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ — А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

Баку, 23 августа 1921 г.

Дорогая, дорогая Александра Андреевна,

не могу прикоснуться мыслью к Вашей печали. Но Ваша скорбь — скорбь всей России и всей поэзии. Нельзя привыкнуть, что нет Саши, нет живого Блока, нашего первого уже давно, нашего любимого. Если Вы верите в рай, он там. Если Вы видите святых, они встретили его лилиями.

Я был на даче у моря, пришел с моря, бежит дочка: «Папа, Блок приехал в Баку и умер, просят приехать скорей». Я бегу за лошадьми, в слезах и ужасе. По дороге узнаю, что первую весть мне передали неверно. Просили приехать товарищи для устройства вечера. Ушел на море, смотрел со скал в синеву и вспоминал все с самых первых ранних дней. Мучительно не знать, как все было, отчего нельзя было спасти. Не верю, что Саша умер извнутри. Верю в недопетые песни. Все эти дни я с ним. Сегодня докончил стихи ему, которые посылаю [1]. Хоронил и провожал его я мыслью от комнаты до могилы и плакал вместе с Вами отсюда. Я скоро еду в Россию и к сороковому дню надеюсь поклониться мученическому его кресту.

Он в мой приезд показался мне сильным и прочным, новым [2]. И несчастье мне неожиданно и нестерпимо. Мы с Нимфой [3] сели в день вести в саду, и она читала его стихи на память, со всеми, кто может, говорю о нем, и много нужно сказать, но нет здесь людей.

Сегодня убежал с лекции Вячеслава о нем в университете [4], хорошей, но сухо-академической и панихидной. Устраиваю его вечер (сбор голодающим) от имени посольства Р.С.Ф.С.Р., там скажу. Из портретов с собой только тот, что в чтеце-декламаторе [5]. Оторваться не могу от его божественного лица. Сняли ли маску и слепок руки?

Целую Ваши, счастливые им руки, многострадальные теперь.

Ваш С. Городецкий

Это третья рана от смерти близких: этой весной я похоронил здесь мать и старшую сестру. [6]

ИРЛИ, ф. 462, ед. хр. 166, л. 4—5.

[1] К письму приложен цикл стихов с посвящением «Вашему сыну»: 1. «Каждый вечер ткани ткать...», 2. «Темной ночью в лес вошла...», 3. «Высокую башню построил...», 4. «Приполз к белой башне...», 5. «Трубу к устам твоим...» (см. наст. кн., с. 548, а также кн. 2, с. 24.

[2] Встречи с Городецким во время его приезда в Петроград из Закавказья отмечены в записной книжке Блока 20 июля 1920 г. и 4 августа 1920 г. (на вечере, где выступали С. Городецкий и Л. Рейснер) (ЗК, 497, 498). В своих воспоминаниях С. Городецкий подробнее описывал впечатления от Блока летом 1920 г.: «И за месяц своего пребывания в Петербурге я скоро убедился, что первое впечатление о сохранности его первоприродных сил было у меня преувеличено» («Печать и революция», 1922, № 1, с. 88).

[3] Анна Алексеевна Городецкая.

[4] Ср. газетный отчет: «〈...〉 с грустной задушевностью тов. Иванов рассказал о творческом естестве Блока 〈...〉 особенно подчеркнул в творчестве почившего поэта свойственное только определенным избранникам поэзии таинство словорождения, тесно сплетенное с осознанием его и претворением в образ» (М. Д〈анилов〉. «Бакинский рабочий», 1921, № 194 (326), 25 августа; Н. В. К о т р е л е в. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета.— «Труды по русской и славянской филологии», т. XI, Литературоведение. Тарту, 1968, с. 334, 337). Ранее Вяч. Иванов участвовал в литературно-музыкальном вечере, посвященном Блоку («Коммунист», Баку, 1921, № 22, 30 января). Впоследствии Вяч. Иванов о Блоке отказывался «и говорить, и писать: им завладела большая публика» (письмо Вяч. Иванова к С. М. Алянскому от 14 марта 1923 г.— ЦГАЛИ, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 7, л. 4 об.). Характеристика Блока содержится в статье Вяч. Иванова «Валерий Брюсов»: «искатель, исстрадавшийся от безвыходности всех прежних путей, исступленно звавший Россию «какому хочет чародею отдать разбойную красу»,— и как ясновидящий, прозревавший в снежной вьюге и в мелькавших красных лоскутах революционных знамен какого-то Христа «в белом венчике из роз» со струящимся позади ручейком красной крови,— одним словом, как человек, к действительной революции непричастный» («Бакинский рабочий», 1923, № 292, 25 декабря).

[5] Портрет работы К. А. Сомова (1907). См.: «Антология современной поэзии». Изд. 2 («Чтец-декламатор», т. 4), Киев, 1912, с. 601.

[6] Ср. стихотворения Городецкого «Матери» и «Сестре» («Искусство», Баку, 1921, № 1, с. 12).

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ — А. А. АЛЬВИНГУ

Баку, 3 сентября 1921 г

〈...〉 Очень тяжело переношу потерю Блока, тягчайшую из возможных. Его путь был далеко впереди и уходить так рано ужасно, особенно теперь. Его нечеловеческое одиночество ускорило катастрофу. Писал ему недавно, и не знаю, успел ли он прочесть мой последний на земле привет.

ЦГАЛИ, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 20, л. 29 об.

Об Арсении Алексеевиче Альвинге (Смирнове) см. «А. А. Блок в поэзии его современников» в наст. кн.

[1] Это письмо Городецкого не обнаружено.

А. С. ПЕТРОВСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва, 7 сентября 1921 г.

Милый Боря, получил оба твои письма. Письма Сереже [1] и Бердяеву передал. Относительно переписки Блока: вынуть ее из музея [2] никак нельзя. Музей не посылает своих рукописей в настоящее время даже в Академию. 〈...〉 Мне показалось самым лучшим и скорым сделать так: я испросил себе от твоего имени (обошлось без иррационального письма от тебя) разрешения заняться твоей перепиской с Блоком, немножко разобрал ее и затем посадил Кл〈авдию〉 Ник〈олаевну〉 [3] переписывать, что она делает очень охотно, в служебные часы, в помещении отделения рукописей. Когда копия будет готова, вышлем ее тебе. 〈...〉

Смерть Блока чрезвычайно поразила меня. Почувствовалось, что смерть вообще ближе к нам, чем думалось, коснулась и нашего ряда, которого до тех пор как-то не трогала. Потом Блок был единственным, который был дорог не только как художник, но и как носитель пророческой русской темы, наследник Лермонтова, отчасти Гоголя, Толстого, у которого правда жизни была высшим критерием надо всем. У остальных ведь этого нет. 〈...〉 Кого же из писателей можно назвать родными нам по духу?

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 242.

[1] С. М. Соловьеву.

[2] Румянцевский музей (ныне — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина). На заседании Кружка им. Блока в Петрограде 1 сентября 1921 г. А. Белый сообщил, что им написано письмо А. С. Петровскому, сотруднику Румянцевского музея, с просьбой снять копии с хранившихся в музее писем Блока к А. Белому (см. протокол заседания — ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 34).

[3] К. Н. Васильева (1886—1970), впоследствии жена А. Белого.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ — М. П. ИВАНОВОЙ

Петроград, 24 октября 1921 г.

<...> Да, теперь не могу так часто бывать на кладбище. Погода мешает. Кроме того, после двух выступлений Андрея Бе́лого, когда он так несравненно хорошо говорил о Саше, я от волнения расклеилась <...>. Маня, как Борис Николаевич говорил о Саше! Все время казалось мне, что и присутствует здесь он, мое дитя, вдохновляет своего брата по духу.

Милый, добрый, простой был Борис Николаич! А что Женя? пишет?[1] Тут дело вовсе не в том, чтобы обрисовать, как Вы говорите, а воспоминаниями оживить хоть бы на мгновенье. И это он сделал. Люба плакала горько и совсем помирилась с Борей, а как она его ненавидела! И ее тронуть вообще трудно. Вот, будет напечатано. Тогда Вы прочтете, это не совсем то, но все-таки.

Маня, мучит меня то, что Вы меня не знаете, и я, стало быть, обманываю Вас. Вы мой единственный друг. И Вы не знаете всей глубины моего греха. Вы считаете меня лучше, чем я есть, потому что не знаете, как я прожила жизнь. Ведь я и молиться совсем не могу. И во сне Сашу не вижу. В церковь совсем не хожу, а если войду,— камень и холод. Знаете ли Вы, что в моей жизни были мужчины? И это наложило печать на всю жизнь мою и ребенка... <...>

Я переписываю часами Сашины статьи, переводы, редакции. А сегодня снег занес могилу, и я не могу пойти туда из-за этой невралгии проклятой! <...>

Недавно, неделю назад, я была совсем близко от Вас, у Щеголева, на Б. Дворянской. Он хотел меня видеть, чтоб писать биографию Саши. <...>

Я безмерно и непоправимо виновата перед Сашей. Если б я могла Вас увидеть, я бы верно рассказала Вам себя. Тут дело не в фактах — фактов нет, кроме выхода замуж за Кублицкого.

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 544, л. 37—39.

[1] По-видимому, речь идет о «Воспоминаниях о Блоке», которые Е. П. Иванов начал писать в конце 1921 г.

ЗАПИСКИ АНДРЕЮ БЕЛОМУ ОТ СЛУШАТЕЛЕЙ ЛЕКЦИЙ О БЛОКЕ

Есть ли у Вас хороший портрет Ал. Ал. и можно ли сделать с него фотографический пореснимок.

ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 324, л. 39

Уже половина двенадцатого, быть может, Шахматовский период завтра?

Там же, л. 40

Скажите о России Блока.

Там же, л. 41

Считаете ли Вы, что Блок был крупным литературным (от самого дурного до самого хорошего смысла) явлением, что Блок был хорошим мастером, литератором, поэтом?

Там же, л. 42

Лекция не отвечает теме. Надо было озаглавить: «Мои воспоминания о Блоке». Где же обещанная Россия в освещении Блока?

Здесь только то, что Вам «помнится» о поэте!..

Там же, л. 43

Можем ли мы надеяться увидеть переписку Вашу с А. А. изданной?

Там же, л. 44

Будут ли изданы письма Блока и др. материалы, характеризующие мировоззрение поэта?

Там же, л. 45

<...> А. Блок и т. Бугаев живут во время Мировой Революции, и мы с т. Бугаевым двигаемся к тому времени, когда двенадцать красногвардейцев пройдут с окраин европейских городов по их площадям, и вместо прекрасного далека вся земля станет мировой близью.

Там же, л. 62

Не заметили ли Вы, что после смерти Блока никто еще не сказал о нем ничего дельного, большого — так ошеломила смерть его и сковала уста. Ничего не говорится о нем, ответьте откровенно, не испытываете ли и Вы то же? В чем здесь загадка?

Там же, л. 47

Выражаем глубокую признательность за большую помощь в работе А. Б. Арсеньеву, Н. А. Богомолову, Е. Ф. Буренковой, Ю. М. Гельперину, Э. Г. Герштейн, Т. И. Гликиной, А. Б. Гулисашвили, Б. А. Кацу, К. А. Кумпан, В. П. Купченко, Л. С. Мяснову, Б. В. Плюханову, А. Г. Найману, К. Н. Суворовой, Н. А. Фрумкиной, М. О. Чудаковой.